

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

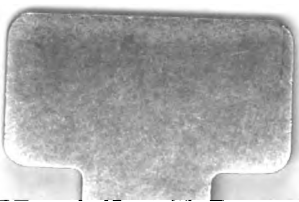
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

p 51a v 236.4

**HARVARD
COLLEGE
LIBRARY**

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ПЯТНАДЦАТЫЙ.

№ 1.

СПИСКЪ ПИШЕВЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. А. ВЛАГОВЪТЛОВОЙ, НА КЕЖДНЕСКАЯ, Д. № 39.

1881.

Δ
P Slav 236.4 (1881, no. 1)
✓

ОТЪ КОНТОРЫ РЕДАКЦИИ.

Гг. подписчики, внесшіе неполную годовую плату, благоволятъ поспѣшить высылкою дополнительныхъ денегъ, чтобы не испытать задержки въ полученіи журнала.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные годовые экземпляры „ДБЛА“ за послѣдніе три года можно приобрѣсти въ конторѣ редакціи по слѣдующей цѣнѣ:

За 1876 годъ съ пересылкою	7 р.
За 1877 годъ	10 р.
За 1878 годъ	12 р.

Отдѣльныя книги журнала каждая съ пересыл. по 2 р.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 15 января 1881 года.

ГОРЕ ПОБѢЖДЕННЫМЪ.

РОМАНЪ

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА I.

Тайный совѣтникъ, кавалеръ многихъ орденовъ, украшенный двумя звѣздами, гласный города Хорзая, предсѣдатель многихъ комиссій въ душѣ, основатель такого городского банка, о которомъ говорятъ: „городъ погибнетъ, а банкъ останется и будетъ производить операціи“; предсѣдатель многихъ ученыхъ обществъ, директоръ, по настоятельнымъ просьбамъ акціонеровъ, могущественнѣйшаго комерческаго банка, на который всѣ прочіе директора смотрять съ умиленіемъ, а кассеры съ дерзновеніемъ въ душѣ; почетный мировой судья, почетный попечитель нѣсколькихъ приютовъ, высоко-образованный, непоколебимо-честный, какъ выражаются многіе, — Федоръ Барловичъ Мандень даетъ сегодня обѣдъ по случаю дня своего рожденія.

Такое лицо, заслуги котораго едва можно перечислить на цѣлой страницѣ, конечно, не нуждается во внѣшнемъ проявленіи своего величія, и, дѣйствительно, домъ его, хотя и находится въ лучшей части города, но имѣетъ на улицу всего семь оконъ. Это старинное одноэтажное зданіе, въ которому въ позднѣйшее уже время пристроили подъездъ и большое крыло во внутрь двора.

На улицѣ, въ шести простѣнкахъ между семью окнами, возвышаются, подобно гигантскимъ часовымъ, шесть дубовъ, посажен-

ныхъ отцомъ Федора Карловича въ честь рожденія шести братьевъ его, рано сошедшихъ въ могилу. Федоръ Карловичъ не имѣлъ своего дерева. Онъ родился восьмымъ по счету, вскорѣ послѣ смерти отца своего, и остался жить вмѣстѣ съ сестрой, которая тоже не имѣла дерева, хотя и явилась на свѣтъ раньше всѣхъ своихъ братьевъ.

Эти шесть дубовъ давали много тѣни, что дѣлало одноэтажный низкій домъ еще мрачнѣе. Когда они гнулись и стонали подъ напоромъ сильнаго вѣтра и тяжелыя вѣтви хлестали въ окна, казалось, будто души усопшихъ приходили стучаться и жаловаться подъ окна своего младшаго брата. Федоръ Карловичъ любилъ и холилъ эти живыя намятники умершихъ братьевъ, которыхъ онъ никогда не зналъ.

Часть дома, обращенная во дворъ, была веселѣй и нѣсколько изящнѣе фасада. Здѣсь совсѣмъ не было большихъ деревьевъ, и солнце по утрамъ могло свободно заглядывать въ окна. Большой мощный дворъ примыкалъ къ густо-заросшему саду. Вездѣ необыкновенный порядокъ и чистота. Хозяйкой въ этомъ домѣ была Гермина Карловна, сестра Федора Карловича, который не былъ женатъ.

Братъ и сестра были чрезвычайно схожи между собой: то-же безцвѣтное лицо, тѣ-же небольшіе свѣтло-каріе глаза съ нѣсколько нависшими густыми бровями и тонкій, слегка заостренный носъ.

Оба они представляли вытянутыя, сѣренькія, ничѣмъ не выдающіяся, будничныя фигуры. У нея было болѣе мягкости, у него — больше сосредоточенности въ выраженіи лица.

Убранство гостиной и всего дома носило тотъ-же характеръ, что и внѣшній видъ его. Все казалось мрачнымъ, однообразнымъ; но, если присмотрѣться ближе, на всемъ отражалась внутренняя жизнь самихъ хозяевъ; и съ этимъ видимымъ однообразіемъ обстановки связывалось много родныхъ и теплыхъ воспоминаній: тамъ, на томъ вышитомъ прабабушкой креслѣ сидѣли ихъ дѣдъ, а позднѣе отецъ; на этой старинной качалкѣ изъ темнаго орѣха, съ мягкими подушками, сама Гермина Карловна, тогда еще молодая, цвѣтущая дѣвушка, любила качивать своего малютку-брата. Братъ этотъ остался двухъ лѣтъ на ея попеченіи. Она замѣнила ему умершую мать, она посвятила ему всю жизнь и не вышла замужъ.

Итакъ, Федоръ Карловичъ празднуетъ сегодня день своего рожденія. Гостиная стала понемногу наполняться посѣтителями; официантъ отчетливо докладывалъ о каждомъ вновь прибывшемъ гостѣ.

— Однако, говорилъ молодой еще человѣкъ, обращаясь къ другому, — вы, Валеріанъ Петровичъ, сыграли со мной плохую шутку!

— Какъ-такъ?

— Зачѣмъ вы не сказали, что сегодня у васъ званый обѣдъ: мнѣ-бы слѣдовало иначе одѣться.

— О, пустяки, не всѣ будутъ во фракахъ, это, во-первыхъ; а, во-вторыхъ, на званый обѣдъ вы-бы навѣрное не пришли. Я васъ знаю! добавилъ Валеріанъ Петровичъ, улыбаясь и фамильярно дотрогиваясь до обшлага сюртука своего собесѣдника съ такимъ жестомъ, какъ-будто хотѣлъ снять пылинку.

Въ эту минуту слуга торжественно доложилъ:

— Гг. Крагинъ и Герке!

Валеріанъ Петровичъ поспѣшилъ навстрѣчу вошедшимъ мужчинамъ. Онъ жилъ у Федора Карловича и исполнялъ роль молодого хозяина, перехватывалъ гостей у самаго порога и потомъ, надѣливъ ихъ цѣлымъ грузомъ любезностей, сдавалъ хозяину.

Крагинъ былъ тонкій, небольшого роста человѣкъ, съ пронзительными черными глазами и матово-блѣднымъ лицомъ. Герке, напротивъ, широкоплечій, высокій, осанистый, съ нѣсколько откинутой назадъ головой. Небольшіе глаза его шурились, все лицо доснилось, точно напомаженное.

— Вотъ, Иванъ Семеновичъ, сказалъ Валеріанъ Петровичъ, возвращаясь къ своему собесѣднику у окна, — и „сюртукъ“ пришелъ.

Иванъ Семеновичъ улыбнулся: Крагинъ дѣйствительно былъ въ сюртукѣ.

— Сегодня, продолжалъ Валеріанъ Петровичъ, — вы увидите у насъ, если не кровную аристократію, то аристократію ума.

— А эти господа, кто они? спросилъ Иванъ Семеновичъ, приготовляясь услышать имена, если не извѣстныхъ ученыхъ, то по крайней мѣрѣ имена профессоровъ.

— Одинъ изъ нихъ, тоненькій, — предсѣдатель палаты и старшій членъ управы, а другой, что потолще, — директоръ банка. У насъ вѣдь теперь введено новое городское управленіе, всесловная дума...

Но Иванъ Семеновичъ не обратилъ на эти слова ровно никакого вниманія: его занималъ только-что вошедшій господинъ, съ лицомъ будто изваяннымъ изъ мрамора искуснымъ художникомъ.

— Кто это? спросилъ онъ у Валеріана Петровича.

— Профессоръ зоологіи и европейская знаменитость. Хотите я васъ познакомлю?

— Пожалуйста.

Они подошли къ зоологу.

— Доцентъ Покатиловъ, началъ Валеріанъ Петровичъ.

— Габерландъ, скороговоркой отрекомендовался зоологъ и крѣпко пожалъ руку Покатилова. — Давно пріѣхали? спросилъ онъ.

— Всего два дня.

— И въ первый разъ въ Хорзаѣ?

— Въ первый.

— Какъ вамъ понравился нашъ городъ?

— Городъ не дуренъ, но...

— Не спѣшите говорить *но!* Я ото всѣхъ его слышалъ, а потому многіе оставались довольны нашимъ Хорзаемъ. У васъ вѣрно еще нѣтъ никого знакомыхъ?

Онъ говорилъ все это чрезвычайно быстро, чистымъ русскимъ языкомъ, несмотря на свою нѣмецкую фамилію. Покатиловъ едва успѣвалъ отвѣчать ему.

Они сѣли.

— Дѣйствительно, началъ Покатиловъ, — я здѣсь совершенно чужой, даже Валеріана Петровича знаю слишкомъ мало, чтобы быть приглашеннымъ на званый обѣдъ.

— Этимъ преимуществомъ пользуются всѣ, даже мало знакомые Валеріану Петровичу, отвѣчалъ Габерландъ. — Вы здѣсь увидите тузовъ, изъ различныхъ сферъ.

„Вотъ какъ! подумалъ Покатиловъ. Одинъ сказалъ: „умственную аристократію, а другой: „тузовъ изъ различныхъ сферъ“.

Раздался голосъ слуги:

— Профессоръ Сивой!

Всѣ переглянулись, Габерландъ улыбнулся.

Въ гостиную вошелъ человекъ маленькаго роста, коренастый, широкоплечій. Его несоразмѣрно большое лицо было совсѣмъ сѣро, глаза жестко смотрѣли изъ-подъ припухшихъ вѣкъ. Онъ

какъ-то неслышно, точно крадучись, ступалъ по паркету своими плоскими ногами.

— Вотъ и милліонеръ нашъ, сказалъ Габерландъ:—докторъ Сиве.

Покатиловъ съ любопытствомъ смотрѣлъ на приближающагося къ нимъ доктора.

— Вашъ коллега: доцентъ Покатиловъ, поспѣшилъ его представить Габерландъ.

— Очень пріятно, очень пріятно, проговорилъ Сиве, вскользь, изъ подлѣбья разглядывая Покатилова и протягивая ему руку.

„Кого онъ мнѣ напоминаетъ?“ думалъ между тѣмъ Покатиловъ, глядя на удаляющуюся фигуру Сиве. Не то картину какую-то, видѣнную имъ въ дѣтствѣ... не то... Вдругъ ему пришелъ на память эпизодъ изъ его путешествія по Швейцаріи. Но онъ напрасно сидѣлъ уловить въ этихъ нахлынувшихъ на него воспоминаніяхъ опредѣленіе фигуры этого доктора.

— Что-жъ вы такъ нелюбезно обошлись съ Сиве? вывелъ его голосъ Габерланда изъ задумчивости.—Вѣдь онъ воротило медицинскаго факультета!

— Какъ! Съ такой фізіономіей! невольно воселикнулъ Покатиловъ и сконфузился. Онъ совсѣмъ не зналъ Габерланда и его отношеній къ Сиве.

Чуть замѣтная усмѣшка скользнула по лицу зоолога.

— Какой націи Сиве? спросилъ Покатиловъ.

— Право, не знаю. Кажется, баварецъ или изъ нѣмецкой Швейцаріи. Тамъ гдѣ-то около Линдау его родина, о которой онъ очень не любитъ распространяться.

И Покатиловъ тотчасъ вспомнилъ толпу швейцарскихъ погонщиковъ муловъ, которую онъ встрѣтилъ около Боденскаго озера. Сиве былъ похожъ на этихъ погонщиковъ, но только тѣ звонко стучали по камнямъ своими подкованными башмаками, а у этого была походка хищника, крадущагося къ добычѣ.

Нѣсколько господъ, о чемъ-то горячо спорящихъ, увели Габерланда въ другую комнату. Покатиловъ остался одинъ.

„Какъ странно, думалъ онъ,—что здѣсь нѣтъ обмѣновенія представлять гостей другъ другу“. Его по крайней мѣрѣ ни съ кѣмъ не познакомили. Отъ скуки онъ занялся разглядываніемъ всѣхъ присутствующихъ. Въ залѣ, противъ дверей гостиной, Фе-

доть Карловичъ, разговаривая, ходилъ взадъ и впередъ съ Брагиннымъ; послѣдній имѣлъ такой видъ, точно собирався пролѣзть сквозь игольное ушко. Герке и еще нѣсколько мужчинъ о чемъ-то шептались и хихикали. Все здѣсь казалось Покатилову необыкновенно чинно и ужасно скучно. Онъ начиналъ чувствовать себя несовсѣмъ ловко въ этомъ незнакомомъ ему обществѣ. Онъ прошелся раза два по гостиной и сѣлъ у дверей, ведущихъ въ залъ. Въ зеркалѣ, на противоположной стѣнѣ, отражалась плоская, широкая спина Сиве. Къ нему подошелъ толстый господинъ въ широкихъ панталонахъ, которыя болтались, точно юбки, около его ногъ.

— А что, коллега, спросилъ онъ, положивъ руку на плечо Сиве, — видали заморскаго ученаго? Убьетъ васъ, убьетъ, хе-хе-хе! Онъ грубо засмѣялся.

— Ми должни уступать дорогу молодежи, смиренно отвѣчалъ Сиве.

Покатиловъ догадался, что рѣчь идетъ о немъ; онъ быстро всталъ и показался въ дверяхъ.

Господинъ въ широкихъ панталонахъ, съ улыбающимся лицомъ, беззащитно, почти дерзко смотрѣлъ ему въ лицо; Покатиловъ отвѣтилъ ему прѣзрительнымъ взглядомъ. Сѣрые глаза толстяка заморгали. Онъ фамиллярно подхватилъ подъ руку перваго попавшагося ему знакомаго и ушелъ въ другую комнату.

Если Покатиловъ чувствовалъ неловкость, соединенную съ нѣкоторой внѣшней робостью, то въ настоящую минуту все это исчезло; онъ выпрямился, заложилъ руки на спину и сталъ ходить по залу.

„Какая грубость! думалъ онъ. — Этотъ господинъ сейчасъ-же хочетъ показать, что ему не нравится мое появленіе... И какъ грубо!“

— Кто это? спросилъ Брагинъ у Федора Карловича, показывая глазами на Покатилова.

— Это молодой доцентъ, медикъ Покатиловъ. Онъ пріятель Валеріана Петровича.

Федоръ Карловичъ, какъ любезный хозяинъ, считалъ всѣхъ его знакомыхъ пріятелями. Они оба, Мандень и Крагинъ, направились къ Покатилову, но въ ту-же минуту дверь въ столовую отворилась и доложили, что кушать подано.

ГЛАВА II.

Обѣдъ шелъ довольно оживленно. Подъ жѣрный стукъ ножей и вилокъ велись полу-интимныя бесѣды. Никто еще не начиналъ говорить на весь столъ. Крагинъ, сидѣвшій около Федора Карловича, рассказывалъ ему что-то о городскомъ головѣ; Федоръ Карловичъ спросилъ его потомъ, скоро-ли онъ намѣренъ прочесть свою публичную лекцію о новомъ городскомъ управленіи.

Покатиловъ помѣстился между Валеріаномъ Петровичемъ и еще какимъ-то незнакомымъ ему господиномъ. Противъ него сидѣли Габерландъ, Герке и еще молодой человекъ, котораго онъ прежде не замѣтилъ, — съ чрезвычайно красивымъ смуглымъ лицомъ.

По справкамъ, молодой человекъ оказался Билибинымъ, подающимъ большія надежды, — не было объяснено на что... Онъ оживленно о чемъ-то говорилъ съ своимъ сосѣдомъ и, черезъ нѣсколько минутъ, уже громко, на весь столъ передавалъ свои воспоминанія о Парижѣ, откуда недавно вернулся. Его замѣчанія о версальскомъ правительствѣ были не лишены мѣткихъ и подчасъ остроумныхъ замѣчаній. Трудно, конечно, было сказать, насколько они принадлежали ему и насколько французскимъ газетамъ.

— Мнѣ очень жаль, обратился къ нему въ заключеніе какой-то почтенный на видъ господинъ, — что намъ не позволили напечатать во всей полнотѣ вашу парижскую корреспонденцію.

Покатиловъ, слушая блестящую рѣчь Билибина, невольно думалъ, насколько различны впечатлѣнія вынесли они изъ Парижа... Онъ пробылъ тамъ полгода, но врядъ-ли могъ рассказать что-нибудь такое, что заняло-бы всѣхъ здѣсь присутствующихъ, да и не счумѣлъ-бы даже.

Обѣды Федора Карловича славились обиліемъ дорогихъ винъ, что немало способствовало общему оживленію. Къ концу стола всѣ чувствовали себя въ наилучшемъ настроеніи, въ томъ пріятномъ возбужденіи, когда рѣчи, сокрытыя въ умѣ, просятся наружу. Какъ только появились официанты съ бутылками, завернутыми въ бѣлыя салфетки, и шипучая пѣнистая влага полилась въ широкіе бокалы на тоненькихъ ножкахъ, Крагинъ первый поднялся съ мѣста и произнесъ:

— За здоровье моего многоуважаемаго, дорогого учителя и

товарища!.. Господа! Сколько лѣтъ проводимъ мы этотъ день вмѣстѣ съ нашимъ любезнымъ хозяиномъ! Но что значать годы для такого человѣка, какъ Федоръ Карловичъ? Годы, это — прибавленіе новыхъ заслугъ къ многочисленнымъ старымъ! Годы, это — продолженіе триумфальнаго шествія! Господа! — тутъ Крагинъ выпрямился и голосъ его сдѣлался глубже и звучнѣе: — Кто изъ насъ забылъ то время, когда, послѣ вѣшняго пораженія и застоя, явился Федоръ Карловичъ? Я былъ тогда студентомъ, я помню ту апатію, которая царила вездѣ, и вдругъ точно новая волна хлынула въ наши молодыя души: мы полюбили науку, мы стали съ надеждой смотрѣть впередъ, мы, однимъ словомъ, изъ простыхъ обывателей стали гражданами. Какъ профессоръ, нашъ учитель поднялъ духъ университета; какъ общественный дѣятель, онъ поставилъ промышленность края на твердую почву. Что былъ прежде Хорзай и что онъ сталъ теперь?! Господа, и ничего нашъ учитель для себя не требуетъ, ничего онъ не желаетъ; его лучшая награда: — да послѣджемъ мы его примѣру и да послужимъ обществу такъ-же честно и безкорыстно, какъ онъ. За здоровье нашего хозяина!

Впродолженіи этой рѣчи Покатиловъ случайно взглянулъ на Билибина, глаза ихъ встрѣтились, чуть замѣтная усмѣшка освѣтила ихъ лица.

Стулья съ шумомъ задвигались. Гости встали и начали чокаться съ Федоромъ Карловичемъ.

Когда волненіе нѣсколько утихло и официантъ вторично наполнилъ бокалы, съ мѣста поднялся пожилой господинъ съ длинными, рѣдкими, взерошенными волосами.

— Кто это? спросилъ Покатиловъ у своего сосѣда.

— Это редакторъ мѣстной газеты Картавецъ.

— Господа! началъ редакторъ глубокимъ басомъ. — Послѣ того, что сказалъ Андрей Марковичъ, казалось-бы, и прибавить нечего, но это вѣрно въ примѣненіи къ другому лицу; если-же приходится говорить о нашемъ многоуважаемомъ хозяинѣ, то сколько-бы ни сказалъ одинъ изъ насъ, другой всегда найдетъ, что прибавить. Безспорно дѣроги намъ его научныя и общественныя заслуги, но что всего дороже, это — постоянное непрекращающееся общеніе его со своими учениками. Около Федора Карловича группируется лучшая часть нашей молодежи. Онъ умѣетъ отличать плевелы отъ настоящихъ ростковъ пшеницы! Онъ душа ихъ;

онъ тотъ оплотъ, который желательно было-бы, чтобъ представлялъ изъ себя всякій, кому дорога наша молодежь, кто не желаетъ видѣть ее заблуждающейся и гибнущей.

Покатиловъ обвелъ всѣхъ глазами: рука у Валеріана Петровича дрожала; на Билибина онъ старался не смотрѣть совсѣмъ; Герке все порывался встать; лицо его было красно, на лбу напрыгались жилы.

Волненіе послѣ второй рѣчи было еще сильнѣе, и, когда вторично всѣ усѣлись, поднялся Герке.

— Хотя мы каждый годъ собираемся здѣсь, началъ онъ,—хотя мы всегда видимъ нашего дорогого учителя, но развѣ кто устаетъ хвалить солнце, которое каждый день вос... вос... вв... оо... сс...

Тутъ лицо его побагровѣло. Отъ сильнаго волненія онъ иногда заикался. И нужно-же было, чтобы это „иногда“ случилось съ нимъ теперь.

— Вос... вввос... мучительно силился онъ выговорить, причемъ лицо его исказилось отъ напряженія.

Покатилову, сидѣвшему противъ него, стало жутко; онъ боялся, что съ Герке сдѣлается ударъ. Габерландъ какъ-то весь ушелъ въ плечи, лобъ его покраснѣлъ, а Билибинъ злобно улыбался.

— Господа! раздался тонкій, нѣсколько надтреснутый голосъ Федора Карловича.

Герке въ изнеможеніи опустился на свое мѣсто.

— Господа, я далеко не заслуживаю тѣхъ похвалъ, которыми вы такъ снисходительно меня почтили. Если я дѣйствительно что-нибудь сдѣлалъ, то считалъ себя обязаннымъ, по мѣрѣ силъ моихъ, принести лепту своему дорогому отечеству и молодежи... Я только исполнилъ долгъ свой! Но если мои скромныя стремленія имѣли успѣхъ, то это только благодаря вашему, господа, просвѣщенному участію, благодаря вашему горячему желанію помогать мнѣ. Вы знаете: одинъ въ полѣ не воинъ. Намъ въ настоящее время дана возможность стать стражами общественныхъ интересовъ, и да поможетъ Богъ каждому изъ насъ и всѣмъ вмѣстѣ свято исполнить эту задачу. За ваше здоровье, господа!

У Сиве навернулись слезы на глазахъ отъ умиленія, когда онъ жалъ руку Федору Карловичу.

Общество перешло въ гостиную пить кофе. Всѣ казались рас-

троганными; одни молчали, другіе почтительно шептались, какъ-бы не желая нарушить умиленное настроеніе, овладѣвшее всѣми послѣ произнесенныхъ рѣчей.

Въ дверяхъ появился слуга и торжественно произнесъ:

— Отъ губернатора прислали... Просяť доктора Сивого пріѣхать.

Слово: „сивый“ среди общаго молчанія непріятно рѣзнуло всѣмъ уши. Федоръ Карловичъ смѣшался; у Сиве дрогнула верхняя губа. Онъ взялъ шляпу, сдѣлалъ общій поклонъ и подошелъ къ Мандену.

— Я очень, очень радъ, сконфуженно говорилъ Федоръ Карловичъ, слѣдуя за нимъ,—радъ, что вы были такъ добры и поспѣтили меня.

— О, не безпокойтесь, пожалуйте не безпокойтесь, отвѣчалъ Сиве, повернувшись къ Федору Карловичу,—не лишайте гостей вашего пріятнаго общества... Но лицо его было хмуро и неподвижно.

Это русское мужичье постоянно коверкало его фамилію.

Онъ зналъ, сколько прилагательныхъ прибавляется къ слову „сивый“ и не могъ равнодушно относиться къ этому. Федоръ Карловичъ проводилъ его въ переднюю; здѣсь онъ взялъ пальто изъ рукъ слуги и самъ надѣлъ на Сиве.

— Не безпокойтесь, любезный Федоръ Карловичъ, не безпокойтесь! говорилъ онъ ломаннымъ русскимъ языкомъ, и тутъ только лицо бѣднаго Сиве совершенно прояснилось.

Они вѣжливо пожали другъ другу руки, и Федоръ Карловичъ вернулся въ гостиную.

ГЛАВА III.

Гости стали понемногу расходиться.

— А мы къ вамъ, Адольфъ Христіановичъ, говорилъ Билибинъ, застегивая свое свѣтленькое пальто.

— Ко мнѣ? Милости просимъ, процѣдилъ Герзе.

— Видите, какъ онъ насъ приглашаетъ? обратился Билибинъ къ другому господину, по имени Мюке.

— Да, да, заговорилъ Мюке.—Мы хотимъ посмотрѣть, какъ

вы устроили свое гнѣздышко. Вѣдь это очень интересно, — я женихомъ никогда не былъ.

— Такое счастье не всякому дается, замѣтилъ Вилибинъ и прибавилъ тихо, но такъ однако, что Герке разслышалъ: — не всякому дается такая богатая невѣста.

— Вы шепчетесь, господа, сказалъ Герке; — я могу принять это на свой счетъ.

— Ничуть. Я сказалъ Мюке, что этотъ нѣмецъ Сиве ужасно какъ чувствительно относится къ коверканью своей фамиліи. Я-бы тоже не желалъ носить фамилію Сиве и слыть Сивымъ.

— Но не отказались-бы, конечно, имѣть его состояніе.

— Разумѣется, отвѣчалъ Вилибинъ; — кто-же откажется отъ этого? Не вы-ли, Адольфъ Христіановичъ!

Вилибинъ расхохотался, Герке закусилъ губу.

— Такъ что-же, господа, ко мнѣ? спросилъ онъ, желая пережвѣнить разговоръ и стараясь придать голосу своему отгѣнокъ игривости.

— Къ вамъ, Адольфъ Христіановичъ, непременно къ вамъ! отвѣчалъ невозмутимо Вилибинъ. — Кстати, когда вы устроите мальчишникъ?

— Мальчишникъ! Я слыхалъ, что бывають дѣвичники, а объ мальчишникахъ никогда не слыхалъ.

— А между тѣмъ, Адольфъ Христіановичъ, для васъ мальчишникъ долженъ имѣть особое значеніе. Для васъ начинается нѣкоторымъ образомъ новая фаза жизни; интересно послушать, какую рѣчь вы произнесете на порогѣ ея. Вѣдь вы, конечно, созовете всѣхъ вашихъ старыхъ и новыхъ друзей?

Герке передернуло. Онъ сжалъ правую руку въ кулакъ.

— Полноте, Викторъ Александровичъ, развѣ вы не видите, что Адольфъ Христіановичъ нынче не въ духѣ? примиряющимъ голосомъ замѣтилъ Мюке. — Не забывайте, онъ женихъ!

— И князь, по русскому обычаю! добавилъ Вилибинъ.

Герке вспыхнулъ. Путешествуя за-границею, онъ выдавалъ себя за князя и хотя никому не признавался въ этомъ, но теперь принялъ эти слова за намекъ. Они глубоко уязвили его. Онъ напрасно силился казаться покойнымъ.

Воспоминаніе о неудачно начатой и такъ глупо оконченной рѣчи раздражало его. Онъ снялъ шляпу и прошелъ нѣсколько

шаговъ впередъ, думая, что это освѣжитъ его. Вдругъ онъ круто повернулся къ Билибину.

— Чего вы отъ меня хотите? спросилъ онъ, тяжело опуская свою толстую руку на его плечо.

— Примите вашу руку, скорѣй! крикнулъ Билибинъ. — Неприлично на улицѣ брать кого-нибудь за плечо!

Блѣдное лицо его исказилось такой злобой, что Герке моментально отдернулъ руку, а старательно выбритый, расфранченный Мюке началъ со страхомъ оглядываться по сторонамъ.

— Господа, господа! залепеталъ онъ. — Нехорошо послѣ обѣда ссориться!

— Я хочу знать, продолжалъ Герке, — чего вы хотите отъ меня! Вы давно приняли со мной неприличный тонъ. Я требую объясненія!

— И я могу удовлетворить васъ, уже совершенно покойно отвѣчалъ Билибинъ; — но для этого выберемъ нейтральную почву. Зайдемте въ ресторанъ.

— Господа, господа! снова замѣтилъ Мюке. — Зачѣмъ хотите вы объясняться послѣ обѣда, подъ вліяніемъ, можетъ быть, лишневыпитаго вина.

— На званныхъ обѣдахъ у Мандена лишняго не пьютъ, замѣтилъ Билибинъ, чувствуя, что вино стучитъ ему въ голову. — Извините, пожалуйста, обратился онъ къ Мюке, что я разстроилъ вашу бесѣду съ Адольфомъ Христіановичемъ.

— Пожалуйста, любезный г. Мюке, извинялся, въ свою очередь, Герке, — не сердитесь! Вы видите, мы зашли далеко, намъ нужно объясниться.

— Я боюсь... началъ Мюке.

Онъ боялся больше всего, чтобъ его не пригласили быть свидѣтелемъ.

— О, пожалуйста, ничего не бойтесь, до пистолетовъ мы не дойдемъ, — успокивалъ его Билибинъ.

Мюке радъ былъ отдѣлаться отъ нихъ. Вообще онъ ненавидѣлъ всевозможныя объясненія.

Герке и Билибинъ вошли въ ресторанъ. Они потребовали отдѣльный номеръ и бутылку вина.

— Я знаю, началъ Герке безъ всякаго предисловія, — за что вы на меня сердитесь: я отбилъ у васъ повѣсту, но я не виноватъ.

Билибинъ вздернулъ плечомъ и презрительно улыбулся. М-ле Юрина, обладательница нѣсколькихъ домовъ, любила его, и было время, когда онъ едва не сдѣлался ея женихомъ. Герке подо-спѣлъ какъ-разъ во-время, „чтобъ спасти его“, какъ онъ ду-малъ.

— Оставьте это, прошу васъ, отвѣчалъ Билибинъ. — Вы такъ рады, что женитесь на этомъ мѣшкѣ съ золотомъ, что всякаго готовы заподозрить. Я ѣздилъ туда по средамъ, какъ сотни дру-гихъ молодыхъ людей; да притомъ, она вѣдь совсѣмъ уро...

— Замолчите, Билибинъ; она—моя невѣста!

— Ну такъ чортъ съ ней! У меня есть съ вами другіе счеты.

— Я не стану продолжать разговоръ, если вы будете употреб-лять подобныя выраженія.

— Дѣло не въ выраженіяхъ... Билибинъ всталъ и близко по-дошелъ къ Герке. — Что-бы вы сказали, началъ онъ, — о человѣкѣ, который-бы отправился къ вашей невѣстѣ съ тѣмъ, чтобы пере-дать ей вашу студенческую исторію въ томъ видѣ, какъ о ней говорили нѣкоторые.

— Я-бы назвалъ такого человѣка подлецомъ! вскричалъ Герке.

— Я тоже такъ думаю, отвѣтилъ Билибинъ. — А между тѣмъ вы рассказали Софѣю мою исторію съ Прасковьей.

Герке вскочилъ съ мѣста.

— Я ничего не говорилъ вашей сестрѣ, клянусь, ничего, оправдывался онъ.

— Она упомянула вашу фамилію.

— Не знаю, зачѣмъ она это сдѣлала; она не имѣла на это никакого права, горячился Герке.

— А между тѣмъ, продолжалъ настаивать на своемъ Били-бинъ, — вы одни это знаете и вы одни могли это сдѣлать. Нѣтъ, я даже скажу больше: вамъ, какъ моему бывшему репетитору и пріятелю, она повѣритъ скорѣй, чѣмъ всякому другому. Это ужас-но передавать мою исторію такой женщинѣ, какъ Софья, которая, если что забьетъ себѣ въ голову, то ужъ конецъ... Передъ ней не оправдаешься.

— Я не говорилъ ей, клянусь, не говорилъ, настаивалъ Герке.

— Но кто-же сказалъ? Кто?

— Ужъ потому я не могъ сдѣлать этого, опять началъ Гер-ке, — что говоря сестрѣ о братѣ, да еще такой сестрѣ, какъ ваша,

нужно привести много данныхъ въ подтвержденіе, а вы знаете, какимъ образомъ я попалъ на слѣдъ вашей...

— Не кончайте, ради-Бога, не кончайте! вскричалъ Билибинъ.—Я не могу слышать объ этомъ! И онъ заткнулъ уши.—Но все-таки, я спрашиваю васъ, кто рассказалъ сестрѣ?

— Меня это не касается, отвѣчалъ Герке и взялся за шляпу.

— Останься, Адольфъ, прошу тебя, останься, заговорилъ Билибинъ совершенно измѣнившимся голосомъ.

Эти быстрые переходы отъ необузданнаго гнѣва къ кротости были хорошо знакомы Герке, всегда производили на него сильное впечатлѣніе, а потому онъ положилъ шляпу и сѣлъ. Билибинъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ и опять остановился противъ него.

— Ты согласишься, Адольфъ, что мнѣ чертовски не везетъ. Ну, скажи, съ кѣмъ не случалось подобныхъ исторій? Имъ числа нѣтъ! А мнѣ не сошло!

— Да, исторія непріятная, отвѣчалъ Герке, желая казаться равнодушнымъ, между тѣмъ какъ ему было душевно жаль своего бывшаго ученика.

— Я убѣжденъ, продолжалъ Билибинъ,—что она была сума-шедшая, что она отравилась подъ влияніемъ аффекта.

Онъ провелъ рукой по лбу.

— Какъ это ужасно! Одно воспоминаніе объ этой исторіи поднимаетъ цѣлую бурю въ душѣ моей. Я никогда не могъ ни съ кѣмъ говорить объ этомъ, а тебѣ скажу. Я не хочу, чтобъ меня обвиняли слишкомъ много. Знаешь, я спрашивалъ одного извѣстнаго акушера въ Парижѣ; онъ говорилъ мнѣ, что женщины въ первыя недѣли беременности иногда убиваютъ себя даже совершенно, повидимому, счастливыя... Вѣдь она меня ни въ чемъ не упрекала. Мы сошлись совершенно свободно... Она давно любила меня... Она сдѣлала первый шагъ къ сближенію... Мнѣ кажется, съ ней было что-то неладное.

— Можетъ быть, согласился Герке.

— И нужно-же было узнать сестрѣ! Она всегда сдѣлаетъ изъ мухи слона. Ну, вотъ хоть-бы, напримѣръ, это наслѣдство, за которымъ я ѣздилъ въ Малороссію. Я ничего не зналъ о желаніи тетки. Я поступилъ по закону. Кто-же изъ братьевъ не пользуется правомъ взять себѣ львиную долю? Вѣдь всѣ такъ поступаютъ, а изъ меня сдѣлали чуть-ли не подлеца!

— Я объ этомъ ничего не слыхалъ.

— Какъ, мои родичи ничего объ этомъ не говорили?

— Рѣшительно ничего! Я думаю, ты вѣдь, какъ всегда, преувеличиваешь ихъ отношеніе къ этому дѣлу. Ты вѣчная горячка.

Билибинъ кусалъ губы. Онъ пожалѣлъ, что сказалъ объ этомъ.

„Глупая болтливость!“ думалъ онъ.

— Вотъ вамъ преимущество имѣть черезчуръ честныхъ родственниковъ, продолжалъ онъ.— Отвратительно, когда люди такъ много начинаютъ о себѣ думать, что чуть-ли не съ грязью готовы смѣшать всякаго, кто осмѣлится не такъ поступать, какъ они того желаютъ.

— Ты несправедливъ къ нимъ.

— Я несправедливъ? А справедливы-ли они ко мнѣ, вотъ вопросъ! Ты знаешь, что сдѣлалъ со мной мой любезный зять?

— Нѣтъ, не знаю.

— Онъ желаетъ лишить меня возможности получить мѣсто, сдѣлать карьеру, ничего больше.

— Какимъ это образомъ?

— А вотъ: я обратился къ прокурору и просилъ его представить меня; онъ сказалъ, что нужно достать рекомендацію кого-нибудь изъ служащихъ, такъ-какъ самъ онъ меня не знаетъ; оно и понятно. Я и брякни, что могу достать рекомендацію отъ Лебеды; а тотъ не даетъ. „Сиди, учись, говорить: все равно и тамъ изъ тебя ничего не выйдетъ“.

— Но зачѣмъ-же ты обѣщалъ рекомендацію именно отъ Лебеды? Развѣ нельзя достать помимо его?

— Господи! Да я-бы получилъ тысячу болѣе лестныхъ рекомендацій! Я слыхалъ, что они на обѣдѣ, данномъ бывшими студентами Хорзая, очень любезничали другъ съ другомъ... прокуроръ — либералъ. Теперь-же оказывается, что они еще родичи по Оксанѣ... Ну, конечно, нужно проучить меня. Скажи, пожалуйста, бывалъ-ли кто въ болѣе глупомъ положеніи?

— Чѣмъ-же онъ мотивируетъ свой отказъ?

— Чѣмъ мотивируетъ! А чортъ его знаетъ! Билибинъ даже замахалъ руками.— Говорить о его мотивахъ, все равно, что приводить примѣры изъ прописей на тему добродѣтели и порока; а сестрица, чего онъ не доскажетъ, то она договоритъ. И знаешь,

Герке, почему я очутился въ такомъ глупомъ положеніи? Потому что я Билибинъ, а не Герке, не Мюке, не Сивѣ, вообще по тому, что я русскій... Въ насъ, образованныхъ людяхъ, есть что-то фатальное. Вотъ мы съ тобой составляли одно цѣлое съ Лебедами и tutti quanti; мы сидѣли каждый подъ своей смоковницей, блюли завѣты, написанные въ разныхъ хорошихъ книгахъ; зорко слѣдили за соблюденіемъ этихъ завѣтовъ другими; воспѣвали честь и добродѣтель, держали кукишъ въ карманѣ про сильныхъ міра сего и все шло благополучно, по крайней мѣрѣ, для меня. Мы были безъ почвы, это правда, потому что, скажите на милость, какая почва у теперешнихъ либераловъ? Что имъ дѣлать? Рѣшительно нечего! Вотъ ты захотѣлъ вылѣзть изъ-подъ этой смоковницы.

— То-есть, какъ такъ вылѣзть? Я и до сихъ поръ считаю ихъ своими товарищами!

— Да, считай себя, чѣмъ хочешь, а конный пѣшему не товарищъ. И то сказать: неужели, женись на Коринной, ты думаешь, что не отрѣзываешь себя отъ своихъ прежнихъ друзей? Ну, къ кому ты повезешь ее? Къ моей сестрицѣ? Она съ двухъ словъ обзоветъ ее дурой. Къ Радецкой? Та фыркнетъ ей въ физиономію. Къ Волошиновой? Ну, это женщина съ тактомъ: она проводитъ ее до дверей, даже похвалитъ лошадей ея и карету, но за то наклеитъ ей такой ярлыкъ на лобъ, что ей не поздоровится. А за ней цѣлый сонмъ!

— Ты думаешь, она такой и останется, какъ теперь?

— Она, голубчикъ, сдѣлается хуже, потому, что приобрететъ въ тебѣ покорнаго слугу. Тебя-ль я не знаю, дружище! Вѣрь мнѣ...

Онъ подошелъ къ нему еще ближе и понизилъ голосъ.

— Было время передъ твоимъ сватовствомъ, когда я самъ подумывалъ на ней жениться: это такая норовистая лошадь, на которую цлеть нужна. вотъ что, а не твое мягкосердіе!

Герке откинулся на спинку кресла. Ему досадно и жутко стало отъ этой циничной откровенности.

— Такъ вотъ что я хотѣлъ сказать, продолжалъ Билибинъ, стараясь высказать то, что его занимало въ настоящую минуту:— ты вылѣзъ изъ-подъ смоковницы, и ничего, пойдешь себя мѣрными шагомъ, осторожно, вѣрно, а главное съ непоколебимой увѣ-

ренностью, что такъ-то именно и подобаесть... что иначе и нельзя... что вы призваны упрочить русскіе финансы и брать съ нихъ себѣ львиную долю... А мы, русскіе—нѣтъ, потому что вы, Герке разные, примащивались къ Лебедамъ отъ нечего дѣлать, ради моды, а мы, мы душу свою во все вляли, мы искренно вѣрили, мы сердечно трепетали отъ разныхъ надеждъ и ожиданій. У васъ, Герке, есть только нѣмецкая традиція, а у насъ, русскихъ, корни, наши голые, вопіющіе корни... Мы приросли къ нимъ, мы отъ нихъ не отгребстимся, да и смѣемъ-ли!

Герке пожималъ только плечами; онъ зналъ, что стоитъ ему начать возражать Билибину, этотъ послѣдній затянетъ разговоръ на цѣлый вечеръ, и потому ужъ лучше молчать.

Въ этотъ вечеръ Мюке увидалъ Билибина и Герке дружно разговаривающими на общественномъ гуляньи. Онъ улыбнулся и направился къ нимъ.

— Ради-Бога, уйдемте отъ этого дурня, сказалъ Билибинъ, вида, что Мюке замѣтилъ ихъ.—Федоръ Карловичъ рѣшительно ограбилъ мозги всѣхъ своихъ родичей; хорошо еще, что онъ можетъ давать имъ за это теплыя мѣста.

ГЛАВА IV.

— Пойдите ко мнѣ, приглашалъ Валеріанъ Петровичъ Покатилова, —пойдите!

Покатиловъ согласился, хотя не совѣмъ охотно.

— Вотъ теперь мы положимъ и потолкуемъ, сказалъ Валеріанъ Петровичъ, когда они вошли въ маленькій флигель, принадлежащій Федору Карловичу и занимаемый Лепехинымъ, такъ звали Валеріана Петровича.

— Какъ! Вы лежать намѣрены? спросилъ Покатиловъ.

— Лежать. А чѣмъ-же это дурно? Особенно послѣ сытнаго обѣда, когда въ желудкѣ чувствуется тяжесть?

— Но зачѣмъ-же ее чувствовать... Зачѣмъ ѣсть настолько, чтобы чувствовать тяжесть? Я подобнаго ощущенія совѣмъ не понимаю.

— О, Боже, что за ненужный стоицизмъ!

Покатилова удивляла подобная фамильярность; онъ считалъ себя слишкомъ мало знакомымъ съ Лепехинымъ.

— Совсѣмъ другой вопросъ, нуженъ или не нуженъ подобный стоицизмъ, замѣтилъ онъ сухо и черезъ минуту прибавилъ: покойнаго сна!

— Куда вы? спохватился Валеріанъ Петровичъ. — Поидемте въ садъ. У насъ садъ прекрасный! Мы-бы поболтали. Вѣдь вы любитель природы.

— Не удерживайте меня, прошу васъ, отказывался Покатиловъ. — Я и то цѣлый день сидѣлъ. Мнѣ пройтись хочется!

Валеріанъ Петровичъ суетливо проводилъ его до самыхъ воротъ.

„Господи! думалъ Покатиловъ, быстро шагая по улицѣ, точно за нимъ кто гнался. — Выпилъ два бокала шампанскаго и совсѣмъ осовѣлъ. Спать хочется, ерунду несетъ. И что за человѣкъ! За-границей онъ былъ гораздо подвижнѣе, а въ этотъ годъ, и даже не въ годъ, а всего въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы не видѣлись, у него чуть-ли не брюшко выросло. Послѣ сытнаго обѣда—на боковую, языкъ точно въ шерсти, еле ворочается, а моложе меня“.

Вдали, на горѣ, видѣлась рѣшетка городского сада. Покатиловъ направился въ него. Его крайне удивило совершенное отсутствіе гуляющихъ. Онъ прошелъ главную алею, не встрѣтивъ ни души, потомъ направился по другой, ведущей въ гору. Шелъ онъ задумавшись, и когда поднялъ голову, то едва не вскрикнулъ отъ восторга. Онъ стоялъ на краю почти вертикальнаго обрыва; внизу простиралась широкая терраса, испещренная узкими тропинками. Терраса врывалась въ небольшіе холмы, въ ущельяхъ которыхъ гнѣздились группы деревьевъ, казавшихся сверху кустами. А тамъ, далеко, какъ змѣйка, извивалась Хозара, за ней необозримая песчаная равнина. И на всей этой картинѣ лежалъ розовый отблескъ заходящаго солнца, пробивающійся сквозь легкую дымку облаковъ. Покатиловъ сложилъ руки. „Что за диво!“ безъ словъ, многократно повторялъ онъ, весь отдаваясь созерцанію этой картины. Онъ сѣлъ на краю обрыва и все смотрѣлъ, смотрѣлъ... Вотъ розовый отблескъ сталъ постепенно блѣднѣть. Онъ видѣлъ потомъ, какъ тѣни выползали изъ ущелій и старались захватить все въ свои мрачныя объятія. Хозара потемнѣла и съежилась, точно собираясь уйти подъ свой песчаный пологъ. А тамъ, на далекомъ

горизонтъ, бѣлая облака, на которыхъ дрожали еще послѣдніе лучи ушедшаго солнца, казались какими-то отдаленными снѣжными вершинами.

Поватиловъ вышелъ было на главную алею, но черезъ минуту опять вернулся и опять сталъ смотрѣть. Здѣсь онъ не чувствовалъ себя одинокимъ и чужимъ; это была вѣчно повторяющаяся русская картина; все пережитое, все выстраданное имъ всегда было связано съ воспоминаніями о такой точно дали. Эти картины, всегда новыя и дорогія, составляли какъ-бы часть его самого. Не видѣть ихъ—значить лишиться одной стороны своего существа. Когда онъ усѣлся подъ развѣсистымъ дубомъ на главной алее, онъ чувствовалъ себя нѣсколько примиреннымъ съ Хорзаемъ. Мысли его, вернувшись къ пережитому дню, потеряли прежній оттѣнокъ ѣдкости. „Манденъ, думалъ онъ,—любить, чтобъ ему говорили рѣчи... Ну, что жъ, добавилъ онъ мысленно въ примирительномъ духѣ,—если онъ много сдѣлалъ, почему и не позволить похвалить себя. Я-бы никогда этого не позволилъ, никогда“. Потомъ вспомнилъ онъ, какъ Лепехинъ однажды говорилъ о Манденѣ, какъ о человѣкѣ неуязвимомъ въ научномъ отношеніи. Это очень, очень важно быть неуязвимымъ, это самое главное на томъ поприщѣ, на которомъ былъ Манденъ и которое предстоитъ теперь и ему.

Университетъ не департаментъ, гдѣ играютъ важную роль лоббисты и протекція; здѣсь нужны знанія не кажущіяся, но дѣйствительныя, неотразимыя.

Вотъ уже сколько лѣтъ сряду какъ онъ, можно сказать, былъ поглощенъ медициной; онъ такъ много работалъ въ этомъ направленіи, что у него въ послѣднее время стала являться потребность отдохнуть, заняться чѣмъ-нибудь другимъ. Отъ всего онъ отсталъ, особенно отъ жизни; потому что, развѣ это жизнь—провести въ Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, девять лѣтъ; изъ нихъ пять студентомъ и четыре ординаторомъ въ госпиталѣ, гдѣ у него на рукахъ было постоянно не менѣе пятидесяти больныхъ? Потомъ годъ за-границей, куда онъ ѣздилъ на свои собственныя средства и гдѣ старался извлечь все, что можно было, работая то въ клиникѣ, то въ лабораторіяхъ. Теперь ему самому предстояло вести клинику, слѣдовательно—работать самостоятельно и заставлять работать другихъ. „Могу-ли я это?“ за-

давалъ онъ себѣ часто вопросъ, прежде чѣмъ принялъ предложеніе прійхать въ Хорзаѣ, и всегда находилъ въ себѣ достаточно силъ, чтобы стремиться выполнить подобную задачу. Но и еще задавалъ онъ себѣ не разъ вопросъ: „любятъ-ли онъ медицину?“ и отвѣтъ былъ слѣдующій: „любятъ или не любятъ св специальность, это личное дѣло каждаго; главное—добиться того, чтобы быть господиномъ дѣла, за которое берешься“.

Мысль его опять вернулась къ Мандену, который на всѣ рѣчи, обращенныя къ нему, сказалъ: „я только исполнялъ долгъ свой“. Да, есть величайшее наслажденіе въ сознаниі исполненнаго долга. Твердо стоять на томъ посту, на который я призванъ — вотъ моя ближайшая задача. А всѣ эти „люблю“, „не люблю“, „не удовлетворяюсь своими занятіями“, — пусть утѣшаются ими неудачники и нервныя дамы. Далѣе, онъ вспомнилъ, кто-то сказалъ, что Федоръ Карловичъ умѣетъ отдѣлять плевелы отъ истинныхъ ростковъ пшеницы; но неужели Валеріанъ Петровичъ—колосъ пшеничный? Покатиловъ сознавалъ, что слишкомъ мало зналъ Лепехина и ту специальность, которую тотъ изучалъ; но здѣсь, въ Хорзаѣ, онъ окончательно убѣдился, что Валеріанъ Петровичъ по меньшей мѣрѣ бездаренъ и что въ немъ проглядывало даже что-то молчалинское. На чемъ-же основывается покровительство Мандена такому чловѣку? Неужели на томъ, что, какъ сегодня выразился Лепехинъ, онъ считаетъ еѣ чуть-ли не своимъ благодѣтелемъ?

Нѣтъ, тутъ слышится какой-то непонятный ему диссонансъ. Вообще, весь этотъ обѣдъ и все происшедшее до обѣда было не совсѣмъ понятно. Зачѣмъ онъ попалъ туда? Этотъ воротило Сиве съ походкой волка; этотъ грубый толстякъ, даже имя котораго онъ не хотѣлъ узнать. Только двое людей выдѣлялись въ его воображеніи изъ общей массы: Габерландъ съ своимъ лицомъ интеллигентнаго нѣмца да Билибинъ. „Я его совсѣмъ не знаю, подумалъ онъ, но не желаю попасться ему на языкъ“. А Герке... но при воспоминаніи о Герке, онъ разразился неудержимымъ смѣхомъ. Если-бъ не было темно, онъ пошелъ-бы опять любоваться видомъ съ обрыва. Пока это было единственное родное для него въ Хорзаѣ.

ГЛАВА V.

Когда дверь за послѣднимъ посѣтителемъ заперлась, Федоръ Карловичъ позвонилъ.

— Вы получили вчера записку съ фамиліями гостей? спросилъ онъ вошедшаго слугу.

— Получилъ-съ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ.

— Гдѣ она, покажите ее!

Слуга засуетился, пошарилъ обѣими руками въ нѣсколькихъ карманахъ и, наконецъ, вытащилъ измятый синій лоскутокъ.

— Прочтите, сказалъ Федоръ Карловичъ, указывая на фамилію Сиве.

— Сивыи! съ увѣренностью прочелъ слуга.

— Прочтите внимательно, уже болѣе строго повторилъ Федоръ Карловичъ.

— Сивой, ваше превосходительство.—Онъ сильно покраснѣлъ отъ напряженія понять для него непонятное.

— Это докторъ Сиве, понимаете? Докторъ Сиве. А чтобы въ другой разъ вы лучше помнили фамиліи гостей моихъ, ищите себѣ другое мѣсто. Вы больше не слуга мнѣ.

— Помилуйте, ваше превосходительство!..

— Не разсуждать.

Федоръ Карловичъ отвернулся. Ему жаль стало этого почтеннаго слугу, который въ самое короткое время успѣлъ такъ хорошо привыкнуть ко всемъ порядкамъ въ домѣ, а главное къ его кабинету; но дѣлать нечего, приходилось его расчитывать.

— Велите мнѣ закладывать лошадей. Я ѣду въ думу, отдалъ Федоръ Карловичъ свое послѣднее приказаніе.—Вы получите жалованье впередъ за мѣсяцъ и останетесь у меня, пока прищете другое мѣсто, скороговоркой добавилъ онъ и послѣшно ушелъ въ кабинетъ.

Лицо слуги нѣсколько просіяло.

Сиве, сидя сгорбившись въ своемъ маленькомъ фэтончикѣ, на парѣ измученныхъ старухъ клячъ, ѣхалъ къ губернатору. Все, что онъ оставилъ позади себя въ настоящую минуту, ни мало его не интересовало; онъ весь предался мысли, въ какомъ положеніи застанетъ графа, да и застанетъ-ли онъ его? Былъ при-

сланъ вѣстовой безъ записки, — значить, случилось что-то не совсемъ обыкновенное.

Проѣзжая мимо какого-то дома, онъ принялся машинально считать окна: „четъ или нечетъ“ и потомъ уже сообразилъ, что, по строительнымъ правиламъ прежняго времени, на улицу долженъ былъ быть всегда нечетъ, а Березки все почти состояли изъ старыхъ домовъ. Наконецъ, онъ подъѣхалъ къ губернаторскому дому.

— Ну, что? спросилъ онъ швейцара, который бросился снимать съ него пальто.

— Плохо, ваше превосходительство.

Сиве началъ подниматься по широкой лѣстницѣ. Шаговъ его не было слышно до самыхъ дверей гостиной: вездѣ лежалъ двойной слой ковровъ. Въ дверяхъ гостиной онъ почтительно остановился. На диванѣ сидѣла барыня въ темномъ платьѣ и плакала, закрывъ лицо руками.

Сиве тихонько подошелъ къ ней.

— Графиня, едва слышно произнесъ онъ. Голосъ его дрожалъ отъ внутренняго волненія.

Графиня отняла отъ лица руки.

— О, докторъ, торопливо заговорила она, конечно, по-французски, всхлипывая и сжимая его руку, — я знаю, онъ не вынести! Я это знаю! Вы не хотите сказать мнѣ только! Сейчасъ съ нимъ былъ обморокъ, его едва можно было привести въ чувство. Если обморокъ повторится, что тогда будетъ!

Она припала лицомъ къ дивану.

— Успокойтесь, успокойтесь, графиня! Зачѣмъ себя напрасно тревожить.

Онъ взялъ со стола ставанъ воды и поднесъ ей. Она помочила кончикъ платка и стала прикладывать его къ своимъ покраснѣвшимъ вѣкамъ.

— У васъ вѣки отекли, сказалъ Сиве. — Молитесь, это васъ успокоитъ немножко. Дастъ Богъ, все пойдетъ хорошо.

— О, спасите его, докторъ! Спасите, ради меня! заговорила графиня, прижимая руки къ груди. — Я не перенесу его смерти.

Въ гостиную вошла сидѣлка въ бѣломъ чепцѣ.

— Графъ проситъ васъ къ себѣ, графиня, сказала она.

Графиня встала.

Сиве посмотрѣлъ на часы, — оставалось еще полчаса до пріѣзда другого доктора, лечившаго вмѣстѣ съ нимъ.

— Пойдите къ нему, сказала она.

Они прошли нѣсколько гостинныхъ и вошли въ большой темный кабинетъ. Графъ лежалъ, отвернувшись къ стѣнѣ; глаза его были полуоткрыты, правая рука бессильно свѣсилась съ постели.

Молодой человѣкъ, сидѣвшій на низенькомъ табуретѣ, при входѣ ихъ всталъ и подалъ Сиве исписанный листъ бумаги. Они оба приблизились къ окну, и Сиве сосредоточенно занялся чтеніемъ того, что происходило съ больнымъ въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ его отсутствія. Графиня обошла кровать и опустилась на колѣни у изголовья больного. Тотъ молча поднялъ на нее глаза; хотя за минуту передъ тѣмъ онъ произнесъ ея имя, но теперь находился въ полузабытѣ.

Сиве подошелъ вслѣдъ за графиней. Онъ нагнулся и взялъ свѣсившуюся руку: пульсъ былъ слабъ и рука холодна; онъ поднялъ ее, опустилъ, и она, какъ плеть, бессильно упала на подушку. Графиня напряженно слѣдила за лицомъ доктора, но лицо его выражало только печаль и готовность покориться. Вдругъ больной подвинулъ къ себѣ руку, закрылъ глаза и сталъ ровнѣе дышать.

— Засыпаетъ, чуть слышно проговорилъ Сиве.

Онъ укрылъ графа одѣяломъ и вмѣстѣ съ графиней, едва касаясь пола, подошелъ къ столу. Здѣсь, среди разныхъ стеклянокъ, въ граненый пустой стаканъ была опущена колба съ желтой жидкостью. Сиве зажегъ спиртную лампу и сталъ подогревать жидкость.

— Ну, что, докторъ, прошептала графиня, — что?

— Лучше, неопредѣленно отвѣчалъ онъ и опустилъ колбу въ стаканъ.

— Бѣлка меньше, сказалъ, подойдя къ нимъ, молодой человѣкъ, — я хорошо кипятилъ при графинѣ.

— Да, хорошо, подтвердила она и подумала:

„Милый, милый Сиве, онъ никому недовѣряетъ, никому, милый, недовѣряетъ!“

Наконецъ, появился другой профессоръ, докторъ, на порогѣ кабинета.

— Спать, сказалъ Сиве, сопровождая свои слова взмахомъ правой руки.

Докторъ не вошелъ въ кабинетъ и остался въ гостиной; къ нему тотчасъ вышли графиня и Сиве.

— Прекрасно, что онъ спитъ, ему только этого не доставало, пусть спитъ, я не стану его тревожить, говорилъ вновь пришедшій.

Онъ бывалъ здѣсь по три раза въ день въ продолженіи цѣлаго мѣсяца и начиналъ скучать такимъ несноснымъ больнымъ, у котораго, вслѣдствіи природной дряблости, одинъ недугъ смѣнялся другимъ.

— Посмотрите, сказалъ молодой человѣкъ, поднося колбу къ вновь пришедшему.

— Теперь смотрѣть нечего. Я вѣдь знаю, что ничего особеннаго быть не можетъ.

Добрыйнѣ, такъ звали прибывшаго доктора, сѣлъ, заложивъ ногу за ногу и казался очень утомленнымъ; его присутствіе видимо тяготило всѣхъ. Онъ перекинулся нѣсколькими фразами съ Сиве касательно больного и сталъ прощаться.

— Опасности нѣтъ никакой, обратился онъ къ графинѣ, — вамъ слѣдуетъ побережечь себя, а то вы имѣете очень дурной видъ. Побольше сна и легкая питательная пища, вотъ все, что нужно для больного. Черезъ день я заѣду. Мнѣ съ вами на консилиумъ, обратился онъ къ Сиве.

По лицу его скользнула едва замѣтная усмѣшка.

— Извините, пожалуйста, если я опоздаю, отвѣчалъ Сиве, — мнѣ нужно остаться здѣсь еще нѣсколько минутъ.

Добрыйнѣ сдѣлалъ общій поклонъ и вышелъ.

— Какой несимпатичный человѣкъ! *Il manque de coeur, n'est ce pas, Густавъ Ивановичъ?* сказала графиня.

— Маловоспитанный человѣкъ, отвѣчалъ Сиве.

— Скажите, отчего о немъ такъ много кричатъ въ обществѣ? Вѣдь онъ и десяти минутъ не посидитъ у больного. Неужели у него такъ много практики?

— Этотъ человѣкъ болѣе всего желаетъ имѣть свободнаго времени.

— *Mais que fait il donc?*

— Молодой самодуръ! Теперь онъ строить домъ, а потомъ займется передвиганьемъ стульевъ съ мѣста на мѣсто.

— Mais c'est si commun! Онъ не можетъ внушить довѣрія своимъ пациентамъ.

— На что ему довѣріе? Были-бы деньги, а въ нашемъ обществѣ онъ ихъ всегда получитъ, всегда.

Глаза Сиве выражали грустное сожалѣніе.

— Вы жалѣете о такихъ людяхъ, Густавъ Ивановичъ? Неправда-ли, вы о нихъ жалѣете? Votre coeur est si loin de tout cela! Ахъ, Густавъ Ивановичъ, мало быть докторомъ; нужно быть еще хорошимъ человѣкомъ.

— Хорошимъ христіаниномъ, многозначительно замѣтилъ Сиве, — любить Бога и ближняго.

— Да, да, повторила графиня сквозь слезы, — любить Бога и ближняго. Я увѣрена, Густавъ Ивановичъ, что Добрынинъ — атеистъ, я въ этомъ увѣрена. Il est entendu, что всѣ петербургскіе доктора атеисты. Эта холодность, ce manque de respect pour les souffrances d'autrui!

— Графъ проснулся, объявила вошедшая сидѣлка.

— Нужно графу дать чаю, сказалъ Сиве.

— Чаю, чаю скорѣе! заторопилась графиня.

Сидѣлка побѣжала въ буфетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, Сиве, стоя на колѣняхъ передъ кроватью, поилъ изъ ложечки чаемъ ихъ свѣтлость. Графъ, не поднимая вѣкъ, глоталъ теплую влагу; глотаніе было совершенно свободно. Сиве провелъ рукой по его лбу.

— Спасень, произнесъ онъ почти беззвучно. — Показался потъ. Спасень.

Лицо его сіяло.

Графиня, припавъ головой къ изголовью больного, плакала отъ радости.

— C'est vous docteur, c'est vous qui me l'avez rendu, говорила она, провожая Сиве черезъ залъ. — Вы мнѣ его возвратили!

— Нѣтъ, графиня, не я, а Богъ! Мы, смертные, только орудія его здѣсь на землѣ. Все Богъ!

— Нѣтъ, вы, вы! Vous êtes un si bon chretien, que vous ne l'avouerez-pas. Но это вы, вы возвратили его мнѣ!

Волненіе ея все усиливалось. На лѣстницѣ она схватила руку Сиве и прильнула къ ней губами, и прежде чѣмъ Сиве успѣлъ опомниться, ея уже не было.

Она ушла къ себѣ въ спальню и плакала отъ избытка внезапно охватившаго ея чувства безпредѣльной радости. Сиве сказалъ: „онъ спасенъ“! А съ нимъ и она! О, какой ужасъ остаться вдовой губернатора! Что такое вдова губернатора? Это разбитый кумиръ; это величіе, повергнутое въ прахъ; это развѣчанная царица города. Новая губернаторша займетъ всѣ ея мѣста, а ей останется жалкая участь вродѣ м-ше Разумцевой, которая живетъ на улицѣ съ неприличнымъ названіемъ, и всѣ забыли о ней, а прежде какая была!.. Нѣтъ, нѣтъ! Съ нею этого не будетъ: онъ спасенъ, спасенъ! Этотъ милый Сиве! Такъ просто, такъ уменъ, а главное, такой добрый христіанинъ, un si bon chretien. Докторъ... вѣдь докторъ все равно, что духовникъ, и совѣтъ не стыдно поцѣловать ему руку. Тѣмъ не менѣе, она покраснѣла при воспоминаніи объ этомъ никогда небываломъ съ нею пассажѣ. Но никто вѣдь не знаетъ.

„Il n'en parlerai à personne. Il se moquerait de moi!“ мысленно добавила она, подразумѣвая подъ „il“ графа.

Никогда еще неиспытанная любовь и нѣжность къ мужу заговорила въ ея сердцѣ.

Она отправилась въ кабинетъ, съ твердымъ намѣреніемъ провести всю ночь у постели больного. Но когда вечеромъ дѣти захотѣли передъ сномъ проститься съ шашал, имъ доложили, что графу лучше и онъ спитъ, а графиня, бѣдняжка, такъ утомилась, что, не раздѣваясь, заснула на кушеткѣ.

„Oh qu'elle dort, qu'elle dort, la pauvre chère comtesse!“ патетически взвизгнула француженка-гувернатка, возводя глаза къ небу, и поспѣшила увести дѣтей спать.

ГЛАВА VI.

Хорзай раскинулся по высокому берегу Подхозарицы, недалеко отъ ея впаденія въ Хозару. Городъ дѣлится на пять частей: Высокій или Старый городъ, вокругъ котораго кое-гдѣ сохранились остатки древнихъ стѣнъ; вторая часть, Березки, получила названіе отъ большой березовой роши, остатковъ прежняго дремуча-

го лѣса; въ ней живутъ преимущественно люди богатые, здѣсь нѣтъ ни одного магазина, мало кабаковъ и только въ недавнее время завелись мелочныя лавки. Третья часть, Кабаны, получила названіе отъ озера Кабанъ, которое давно уже высохло и теперь превратилось въ базарную площадь. Четвертую часть—Кочевки, можно назвать грязной частью, новоселками или деревянной, такъ-какъ вся она состоитъ изъ небольшихъ деревянныхъ домовъ; двѣ церкви, находящіяся въ этой части, вполне гармонируютъ съ окружающими постройками: онѣ малы, грязны и носятъ несомнѣнные слѣды постоянного посѣщенія ихъ недостаточными прихожанами. Наконецъ, Побережье, это—самая растянутая, самая богатая и самая бѣднѣйшая часть города. Населеніе въ ней густое; весь контингентъ поденныхъ рабочихъ гнѣздится здѣсь въ крошечныхъ хатенкахъ, которыя ежегодно заливаются Подхорзарицей и даже часто совершенно разрушаются, но ежегодно, съ упорствомъ, на которое способны только бѣдняки, опять чинятся и подмазываются своими обывателями. Здѣсь гнѣздится все бѣдное купечество и начинаютъ свою карьеру всѣ тузы торговаго міра; только разбогатѣвшіе переселяются на горы, и тамъ, за широкими зеркальными окнами, эффектно раскидываютъ свои товары. Начинать торговую карьеру на Московской улицѣ, Кузнечномъ мосту Хорзая, дерзали только иностранцы. На Побережьѣ, служащемъ передаточнымъ мѣстомъ всѣхъ товаровъ, кромѣ чая и китайскихъ шелковыхъ тканей, можно достать рѣшительно все. Въ маленькихъ, невзрачныхъ, иногда досчатыхъ лавченкахъ продаются товары изъ первыхъ рукъ оптомъ и вроздробъ. И на всемъ, на домахъ, на безконечномъ множествѣ разныхъ рядовъ,—рыбныхъ и суконныхъ, бумажныхъ и фруктовыхъ, оптовыхъ и вроздробъ,—лежитъ печать лихорадочной, торговой горячки.

Нѣтъ времени принарядить себя и товаръ свой; да оно и не нужно: покупатели здѣсь—все народъ, гонимый не легкомысленнымъ желаніемъ разсѣять нѣсколько сотъ или десятковъ рублей, а дѣйствительной потребностью купить дешево.

Сюда спускаются бары сверху во время ярмарки; ихъ тотчасъ узнаютъ, надуваютъ, и они даютъ себѣ слово никогда ничего не покупать на этомъ гниломъ, вонючемъ Побережьѣ... до слѣдующей ярмарки, конечно.

Вотъ въ этой-то части города, среди зажиточнаго купе-

чества царилъ прежній городской голова Никита Максимовичъ Гавриловъ. Его такъ неукоснительно выбирали въ продолженіи нѣсколькихъ трехлѣтій, что онъ совсѣмъ забылъ о томъ, что такое выборная горячка и баллотировочная лихорадка. Когда вошло въ силу новое городское положеніе, Гавриловъ задумался: онъ родился и выросъ на Побережьѣ, онъ зналъ каждый домъ, всякаго въ лицо; всѣ ему здѣсь кланялись; онъ часто забывалъ, что существуютъ другія части города, хотя и бывалъ избираемъ всѣмъ купечествомъ. При прежнемъ городскомъ управленіи верхній городъ былъ ему почти чуждъ; онъ населялся чиновниками, помѣщиками, людьми либеральныхъ профессій. Какое отношеніе имѣлъ прежній городской голова къ этимъ людямъ? Ровно никакого. Но и къ торговымъ людямъ тамъ, наверху, отношенія его зачастую бывали чисто-официальныя; всѣ его душевныя симпатіи лежали къ его родному Побережью: это былъ его міръ, его маленькое царство. Конечно, прежніе выборы не производили и сотой доли той агитаціи, какая произошла передъ выборомъ всесословной думы. Ему никогда и въ голову не приходило, что въ газетахъ могутъ писать о немъ. И вотъ, когда онъ впервые услышалъ, что газеты его ругаютъ, онъ надѣлъ свои большія очки, взялъ „Охранителя“ и сталъ читать.

Въ статьѣ говорилось о томъ, какъ небрежно Гавриловъ относится къ своимъ обязанностямъ. Мостовыя такъ дурны, что по нимъ можно ѣздить только рискуя сломать себѣ шею; площади вотъ ужъ сколько лѣтъ существуютъ, и ни на одной изъ нихъ не сдѣлано даже каменныхъ дорожекъ. Ужъ хоть-бы за своимъ роднымъ Побережьемъ смотрѣлъ; тамъ такая грязь и мерзость, что превосходить всякое описаніе. Совершенно неизвѣстно, говорилось въ заключеніе, куда дѣваются городскія средства.

Странное впечатлѣніе произвела эта статья на Гаврилова. Въ жизнь свою не встрѣчалъ онъ человѣка, который-бы поинтересовался узнать что-нибудь о томъ, какъ ведутся у нихъ дѣла. Отъ званія городского головы всякій отказывался; его заранѣе всѣ упрашивали оставаться на своемъ посту; онъ часто думалъ, что заслужилъ великую благодарность, и вдругъ его ругаютъ писатели. Онъ имѣлъ самыя невыгодныя понятія о писателяхъ. Они представлялись ему въ видѣ какихъ-то праздношатающихся прохвостовъ, ничего незнающихъ, но все-таки берущихся су-

дѣть и рѣдить обо всемъ: вотъ, хоть-бы, куда дѣваются городскія средства. Губернское управленіе, куда, обыкновенно, сдавались отчеты о городскомъ хозяйствѣ, конечно, никогда не позволитъ заглянуть въ свои книги этимъ прохвостамъ. Въ думѣ они не смѣли присутствовать. Откуда-же знать имъ? Ясно, что это одно недоброжелательство и ничего больше. И онъ, огорченный газетными статьями и ошеломленный нѣсколько широтой новаго городского положенія, бездѣйствовалъ все время, пока происходили выборы сначала въ гласные, а потомъ въ городскіе головы.

Засѣданія новой думы происходили въ большомъ, неприглядномъ зданіи, обнесенномъ нѣсколько уже развалившейся каменной оградой. Въ оградѣ живописно раскинулись маленькія лужайки, окоймленныя съ одной или съ двухъ сторонъ группами молодыхъ деревьевъ, насаженныхъ безо всякой системы, но чрезвычайно густыхъ и зеленыхъ. Вымощенная камнемъ дорога вела отъ воротъ къ зданію, которое было низко, длинно, съ широкимъ тяжелымъ порталомъ. Это былъ домъ временъ Аракчеева; въ немъ содержались кантонисты, и въ одномъ изъ подваловъ до сихъ поръ еще сохранилась каменная скамейка, на которой сѣкли несчастныхъ мальчиковъ. Это зданіе было потомъ приобрѣтено частнымъ лицомъ для увеселенія публики, но публика неохотно посѣщала это мѣсто, несмотря на самыя современныя названія. Называлось оно и освобожденной Италіей, и садомъ Линкольна, и Капрерой, и Седаномъ, пока, наконецъ, обанкротившійся предприниматель счелъ за лучшее уступить это зданіе новому городскому управленію.

Итакъ, Федоръ Карловичъ послѣ обѣда отправился въ думское засѣданіе. Когда онъ вошелъ въ залъ, Крагинъ уже находился здѣсь; онъ улыбнулся на встрѣчу своему товарищу, и лицо его ясно говорило: „вы видите, ничто не можетъ заставить меня манкировать своими обязанностями“. Федоръ Карловичъ, напряженно нагнувшись, чтобы удержать скрипъ сапоговъ и раскланиваясь во всѣ стороны, прошелъ на свое обычное мѣсто возлѣ Картавцева. Столъ, за которымъ сѣдѣли гласные, представлялъ расширенную и короткую букву П. По срединѣ возсѣдалъ городской голова, красивый мужчина лѣтъ 30—32. По правую его сторону помѣщался Крагинъ, по лѣвую Картавцевъ и Мандонъ. Остальные сами группировались, согласно своему общественному положенію: желкіе мѣщане и небогатые купцы жались къ

краямъ стола, а чѣмъ ближе къ городскому головѣ, тѣмъ выше были гласные или по своему богатству, или по личнымъ заслугамъ и вліянію, вѣнецъ котораго представляли Манденъ, Крагинъ, Картавецъ и другіе. Гавриловъ помѣщался съ лѣвой стороны; онъ, какъ всякое свергнутое правительство, конечно, представлялъ оппозицію.

Дѣло шло о продажѣ громадной площади Буйрантъ, служившей когда-то для маршировки солдатъ. Всѣ военные генералы были возмущены желаніемъ города уменьшить эту площадь. Одинъ изъ нихъ, старикъ громаднаго роста, пронзительнымъ голосомъ уворялъ гласныхъ Крагина и Леденева въ томъ, что они употребили непочтительныя выраженія, говоря о площади, учрежденной по повеленію свыше.

— Какія-же это выраженія? спросилъ его Крагинъ.

— А вотъ какія, отвѣчалъ онъ торжественно: — Гласный Леденевъ заявилъ: „близъ крѣпостныхъ воротъ существуетъ ни на что непригодное пустое мѣсто, которое нужно застроить“. Развѣ можетъ быть площадь, разрѣшенная свыше, негоднымъ мѣстомъ? уже взвизгнулъ Воробьевъ, такъ звали опонента.

Раздался взрывъ смѣха. Леденевъ хотѣлъ что-то отвѣчать, но Воробьевъ перебилъ его.

— Насъ, гласныхъ, началъ онъ, подымая свой голосъ до ди-сканта, — собираютъ подъ праздники. Когда православные христіане должны стоять въ церквахъ и творить молитву, мы засѣдаемъ въ думѣ. Повторяю: великое отъ того можетъ послѣдовать безобразіе!

Тутъ послышался взрывъ такого неудержимаго смѣха, что Воробьевъ нервно вздернулъ плечами и порывисто сѣлъ на свое мѣсто. Крагинъ, торжественный, серьезный, не улыбувшійся даже, когда вся дума хохотала, всталъ и прочелъ свои возраженія, сдѣланныя имъ еще въ прошлое засѣданіе Воробьеву.

— „Г. Воробьевъ, говорилось въ этомъ возраженіи, — принимаетъ на себя роль наставника и литературнаго редактора предложеній членовъ управы. Сегодня-же онъ является обвинителемъ въ неисполненіи думою уставовъ православной церкви. Не касаясь нравственной стороны подобныхъ обвиненій, мы отказываемся отъ тягостной роли представить свои возраженія по поводу ихъ“.

Едва Крагинъ кончилъ, какъ опять раздался пронзительный голосъ Воробьева.

— Все, что говорилъ гласный Крагинъ, будетъ напечатано въ протоколѣ?

— Будетъ напечатано, отвѣчалъ Крагинъ.

— И я буду названъ литературнымъ редакторомъ, наставникомъ и обвинителемъ? спросилъ онъ.

— Мое заявленіе будетъ написано совершенно въ томъ духѣ, какъ я его имѣлъ честь докладывать.

— Въ такомъ случаѣ, обратился онъ къ городскому головѣ,— я буду просить васъ уволить меня совсѣмъ отъ званія члена думы.

Онъ торжественно всталъ и направился къ двери.

— Я полагаю, раздался голосъ Гаврилова,— намъ нужно просить гласнаго Воробьева остаться.

Но никто не поддержалъ это заявленіе. Генераль Воробьевъ шель медленной, твердой походкой и уже въ передней слышалъ, какъ Парфеновъ, городской голова, произнесъ: „перейдемте къ слѣдующему вопросу“.

Когда Воробьевъ направлялся къ каретѣ, походка его не была уже такъ тверда. „Нигилисты, либералы, безбожники, мальчишки, шипѣлъ онъ, садясь въ карету.— Ишь власть какая дана! Я имъ! Я имъ!— потрясалъ онъ кулакомъ въ воздухъ.— Ученые поганцы!“

Слѣдующій вопросъ былъ вопросъ: „О капиталѣ бѣдныхъ“. Докладъ о немъ долженъ былъ читать Крагинъ. При первыхъ звукахъ его голоса, сердце Гаврилова екнуло и онъ инстинктивно сложилъ три пальца для совершенія крестнаго знаменія, но вовремя воздержался. Крагинъ читалъ:

— „Капиталъ бѣдныхъ, въ размѣрѣ сорока-пяти тысячъ, существовалъ съ 1833 года. Цѣль его—помогать строиться бѣднѣйшимъ жителямъ города. Онъ раздается займообразно на долгіе сроки отъ 4 до 27 лѣтъ, съ возвратомъ и безъ возврата, подъ залогъ и безъ залога, за поручительствомъ другихъ лицъ. Мы-бы хотѣли, продолжалъ Крагинъ,—исчислить всѣ подробности по этому капиталу, представить думѣ отчетъ за всѣ 37 лѣтъ, но, къ сожалѣнію, не могли сдѣлать этого, за недостаткомъ свѣденій. Потому мы рѣшили представить отчетъ только за послѣднее десятилѣтіе, когда капиталъ находился въ вѣденіи старой думы. Прослѣдивъ

движеніе капитала по имѣющимся документамъ, мы нашли его на 360 руб. менѣе, нежели поступило изъ губернской строительной комисіи“.

— На 360 р. менѣе, пронеслось глухимъ, сдержаннымъ ропотомъ среди гласныхъ и публики, и всѣ взоры обратились на Гаврилова.

Онъ всталъ блѣдный, съ сжатыми кулаками.

— Я прошу слова, обратился онъ къ Парфенову. Голосъ его дрожалъ.

— По окончаніи доклада вы можете представить ваши возраженія, отвѣчалъ Парфеновъ мягко и, обратясь къ Крагину, тихонько прибавилъ:— зачѣмъ такія подробности?

Крагинъ снисходительно улыбнулся и продолжалъ:

— „Разница объясняется отсутствіемъ всякой системы въ счетоводствѣ, особенно при разсрочкахъ. Вообще, состояніе счетовъ — въ самомъ плачевномъ положеніи; веденіе книгъ ниже всякой критики; нарушались самыя основныя правила постановленій объ этомъ капиталѣ; и потому, принимая во вниманіе, что многіе залоги далеко не обезпечиваютъ данную подъ нихъ сумму денегъ и что отъ противозаконныхъ распоряженій прежней думы могутъ послѣдовать значительныя потери, комисія рѣшила отдать это дѣло на судъ губернскому правленію. Что-же касается самаго капитала, то не найдеть-ли дума полезнымъ ходатайствовать объ отчаѣ его заимообразно во вновь учреждающееся въ Хорзаѣ кредитное общество, такъ-какъ назначеніе этихъ денегъ не соотвѣтствуетъ требованіямъ времени“.

Слѣдовало поименованіе лицъ комисіи, предсѣдателемъ которой былъ самъ Крагинъ.

— Я желаю сдѣлать возраженія, обратился Гавриловъ къ городскому головѣ. Лицо его было покрыто красными пятнами, глаза налились кровью.

— Вы можете приготовить ваши возраженія къ будущему засѣданію, отвѣчалъ ему Крагинъ кротко.

— Я не къ вамъ обращаюсь, перебилъ его рѣзко Гавриловъ. — Господинъ городской голова, обратился онъ къ Парфенову, — позвольте мнѣ говорить!

— Сдѣлайте одолженіе, любезно отвѣчалъ Парфеновъ, — мы васъ слушаемъ.

— Я желаю возразить, главнымъ образомъ, противъ внутреннихъ побуждений комиссіи. Членъ комиссіи Заворыгинъ самъ признался мнѣ, что подписалъ докладъ, не читая, по просьбѣ гласнаго Розова.

— Я попрошу господина Гаврилова воздержаться отъ голословнаго обвиненія меня, раздался голосъ Розова.

— Я могу представить пять свидѣтелей этому, отвѣчалъ Гавриловъ,—какъ равно и тому, что гласный Розовъ во всеуслышаніе говорилъ въ управѣ, что не достаетъ пятнадцати тысячъ изъ этого капитала.

Брагинъ что-то шепталъ городскому головѣ; гласные находились въ видимомъ замѣшательствѣ и напряженно ждали, чѣмъ все это кончится. Наконецъ, городской голова въ очень изысканныхъ выраженіяхъ попросилъ Гаврилова воздержаться отъ голословныхъ обвиненій.

— Вы человѣкъ богатый и независимый, отвѣчалъ ему Гавриловъ,—вы не можете понять, что значить слышать такіа обвиненія... Если дума находить, что подобныя распусканія слуховъ не унижаютъ дѣятельности бывшей городской управы и не кидаютъ на меня тѣни недобросовѣстности, какъ на бывшего городского голову, я не стану о нихъ распространяться, но тѣмъ не менѣе я все-таки скажу, что комиссіа занялась не приведеніемъ дѣлъ въ порядокъ, а критическимъ разборомъ дѣятельности бывшего городского управленія. Комиссіа говоритъ: „счета ниже всякой критики, книги въ плачевномъ состояніи“. Но вѣдь счета и книги велись по формамъ отъ губернскаго начальства и ревизовались и контролировались въ свое время этимъ самымъ начальствомъ. Что-же касается отдачи капитала въ кредитное учрежденіе, то я позволю себѣ замѣтить, что капиталъ этотъ назначенъ для бѣднѣйшихъ членовъ города, за самыя маленькіе проценты, между тѣмъ ни одно кредитное учрежденіе не можетъ брать незначительныхъ процентовъ. Я полагаю, что надобности бѣднѣйшаго населенія не только не уменьшились, но скорѣе увеличились. Было-бы несправедливо лишить его даже этой послѣдней помощи!

Онъ сѣлъ и чувствовалъ, что конецъ рѣчи нѣсколько примирилъ его съ гласными и публикой.

— Теперь я тоже попрошу позволенія сказать нѣсколько

словъ въ отвѣтъ гласному Гаврилову, началъ Крагинъ. — Гласный Гавриловъ ссылается на несовершенство формъ, выданныхъ губернскими правленіемъ: формы здѣсь не причемъ, онѣ хороши, но счета по нимъ велись дурно. Если-бы гласный Гавриловъ, во время своей долголѣтней общественной дѣятельности, подписывая годовые отчеты для представленія на ревизію губернскому начальству, хотя-бы одинъ разъ сличилъ ихъ съ указываемыми имъ книгами, то увидалъ-бы, что книги эти неполны, съ пропусками. Гласный Гавриловъ является здѣсь защитникомъ бѣднаго населенія Хорзая, но по дѣламъ видно, что онъ сузилъ деньгами лицъ состоятельныхъ и самъ взялъ двѣ ссуды самаго высокаго размѣра.

Въ публикѣ и среди гласныхъ послышался опять ропотъ негодованія.

— Между тѣмъ, гласный Гавриловъ самъ заявилъ въ думѣ, продолжалъ Крагинъ, — что имѣеть 8 домовъ, а бѣдные, за которыхъ онъ заступается, являясь въ кассу, не могли получить денегъ. Не думаемъ, чтобы господину Гаврилову удалось опровергнуть тѣ данныя, на основаніи которыхъ комиссія нашла его дѣйствія незаконными; они основаны на фактахъ неопровержимыхъ!

Послѣдовало минутное гробовое молчаніе, всѣ взоры были обращены на Гаврилова.

— Я полагаю, началъ торжественно Федоръ Карловичъ, — что такъ-какъ комиссія нашла большія упущенія, недостаточное количество залоговъ и проч., и такъ-какъ это можетъ грозить цѣльности капитала, то передать дѣло объ этомъ губернскому правленію. Я предлагаю подвергнуть этотъ вопросъ баллотировкѣ.

— Но раньше, чѣмъ подвергнуть вопросъ баллотировкѣ, позвольте сказать мнѣ нѣсколько словъ, произнесъ господинъ съ красивой окладистой бородой; это былъ купецъ Хомутовъ. — Мнѣ кажется, что передача дѣла въ губернское правленіе несвоевременна. Комиссія сама говоритъ, что „можетъ“ встрѣтиться недочетъ. Его пока еще нѣтъ, его можетъ совсѣмъ не быть. Притомъ-же дума имѣеть право обязать бывшихъ членовъ управы покрыть этотъ недочетъ своимъ имуществомъ, не жалуясь и не компрометируя бывшаго городского голову.

Въ голосѣ говорившаго слышались неподдѣльный страхъ и желаніе защитить своего товарища.

— Вы ошибаетесь, отвѣчалъ ему Федоръ Карловичъ,—насчетъ значенія нынѣшняго городского управленія. Ни карать, ни миловать оно не имѣетъ права. Все, что мы можемъ сдѣлать, принявъ этотъ капиталъ въ наше вѣденіе и найдя въ немъ незаконныя дѣйствія, это—сообщить тому вѣдомству, которому оно подлежитъ на основаніи статьи 255.

Кто смѣлъ возразить противъ статьи 255? Конечно, никто. Приступлено было къ баллотировкѣ, и большинствомъ 24 противъ 13 Гавриловъ былъ отданъ на судъ губернскому правленію.

А что думалъ Гавриловъ, когда его судили и рядили, точно его здѣсь совсѣмъ не было? Онъ грузно сидѣлъ въ своемъ креслѣ, упершись растопыренными пальцами въ колѣни и чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Его неопровержимое правило: „огрызнись сильнѣе, чтобъ огорошить врага своего, занеси первый руку, чтобы рука, занесенная надъ тобой, въ безсиліи опустилась“,—это правило, проведенное его сквозь всю его трудовую, небезынтересную, долгую жизнь, вдругъ разбилось объ эту общественную стѣну. Это было ужасно! Первый разъ почувствовалъ Гавриловъ, что врагъ его силенъ, силенъ умомъ, образованіемъ, законностью, а главное, той общественной силой, которая его поддерживаетъ. Тутъ ужъ ничего не подѣлаешь; не только сѣренькія, но и радужныя не помогутъ, ничѣмъ не подкупишь!

Когда онъ, красный, вспотѣвшій, выйдя изъ залы засѣданія, натягивалъ свое пальто и тщетно искалъ палки, которая стояла тутъ-же и онъ ее не видѣлъ, до слуха его долетѣло: „Молодецъ Брагинъ! Ему-бы засѣдать въ парламентъ! Какъ ловко отдѣлалъ этого гуся; поди укуси! Подѣломъ старой шестигласной думъ!“

Голоса удалились. Гавриловъ, направляясь въ темнотѣ къ своей бричкѣ, думалъ: „Да, укуси его, не укусишь! Силы у нихъ много, силы! А у меня была-ли такая сила? Не только къ губернатору забѣгай да кланяйся, но еще чиновниковъ его ублажи, вездѣ сунь, вездѣ дай! А эти—вонъ какіе тузы-вершители“.

Вѣтеръ дулъ ему прямо въ лицо. Совсѣмъ стемнѣло. Онъ снялъ шапку и поставилъ свою обнаженную голову вѣтру, который развѣвалъ его сѣдые волосы. И трясясь въ своей бричкѣ, онъ мысленно перебиралъ всю многолѣтнюю общественную свою дѣятельность. Радѣлъ-ли онъ объ интересахъ общества? Радѣлъ, но о своихъ еще больше. Да и гдѣ тѣ святые, что о себѣ не ра-

дѣють? Радѣль-ли онъ о бѣдникъ, что вдругъ въ думѣ заступился за нихъ? Но на этотъ вопросъ онъ не могъ вызвать изъ души своей никакого успокоительнаго отвѣта: тамъ все было смутно и перепутано.

Когда онъ пріѣхалъ домой, то направился прямо въ свои покои. Жена его сказала дочери, хотѣвшей просить отца чай пить: „Не тронь! Смутный пріѣхалъ и необдуманый, пусть обдумается“.

Но старый Гавриловъ безсонно ворочался въ эту ночь на своей мягкой постелѣ и всталъ на другой день такой-же смутный и необдуманый, какимъ легъ.

ГЛАВА VII.

— Домой! крикнулъ Сиве кучеру, садясь въ свой фаэтончикъ у подъѣзда губернаторскаго дома.

Лицо его было мрачно. Сегодня ихъ свѣтлость обкушались персиковъ и съ ними сдѣлался такой острый припадокъ височнаго разстройства, что хотя Сиве вторично явился спасителемъ, но общее состояніе здоровья графа грозило серьезными опасностями.

Графиня въ это утро опять предалась мрачнымъ мыслямъ, опять вспоминала Разумцеву, „живущую Богъ знаетъ гдѣ“, а что самое главное и что болѣе всего повергло Сиве въ мрачное душевное настроеніе—это то, что графиня какъ-будто усомнилась въ чудодѣйственной силѣ его и даже съ раздраженіемъ спросила: „Почему Добрынинъ пересталъ навѣщать ея мужа“.

Итакъ, Сиве чувствовалъ себя несчастнымъ. Лицо его не яснилось даже тогда, когда онъ подъѣхалъ къ своему дому.

— Гдѣ барыня? спросилъ онъ у швейцара и, не дождавшисъ отвѣта, поднялся наверхъ.

Жена его, пухленькая блондинка съ кокетливымъ чепцомъ на головѣ, сложивъ руки, какъ складываютъ ихъ институтки, ждала своего супруга въ залѣ.

Сиве, не взглянувъ на нее, прошелъ прямо въ кабинетъ. Тамъ, остановившисъ около письменнаго стола, онъ началъ вынимать деньги изъ праваго кармана. Она тихонько подошла къ двери кабинета и стала смотрѣть въ замочную скважину. Сиве два раза

опустилъ руку въ карманъ и, вытащивъ все, что въ немъ было, заперъ столъ.

„Немного сердить!“ подумала Инна Николаевна.

Она поспѣшно отошла отъ дверей, сложила опять руки и стала ждать съ покорнымъ выраженіемъ на хорошенькомъ лицѣ.

Сиве, наконецъ, вышелъ и мановеніемъ руки велѣлъ ей слѣдовать за собой. Онъ вошелъ въ спальню и снялъ сюртукъ; жена подала ему хорошенькій домашній пиджакъ.

— Будешь обѣдать? спросила она.

— Нѣтъ. Я хочу полежать, а ты читай мнѣ. Не нужно! отстранилъ онъ пиджакъ.

Сегодня онъ всю почти ночь просидѣлъ у изголовья графа, и его клонило ко сну. Онъ легъ, повернувшись лицомъ къ стѣнкѣ. Жена его взяла газету.

„Намъ пишутъ изъ Самары, стала она читать, между тѣмъ какъ мысль ея вполнѣ отсутствовала, — что въ послѣднее очередное земское собраніе было внесено предложеніе“...

Она остановилась и взглянула на широкую спину Сиве и его короткія, неграціозныя ноги. Въ умѣ ея, помимо ея воли, въ который уже разъ повторилось неодобреніе этой фигуры. Оно выразилось даже теперь въ легкомъ подергиваніи угловъ рта.

Вѣдь онъ такой уродъ и не удостоилъ ее даже взглядомъ сегодня!

— Ты слушаешь? спросила она своего мужа съ гримасой.

— Продолжай, отвѣчалъ онъ грубо и зѣвнуль.

Она продолжала:

„Внесено предложеніе обсудить вопросъ объ ирригаціи“.

Послышался легкій свистъ. Инна Николаевна прекратила чтеніе и съ удивленіемъ обвела глазами комнату. Свистъ повторился и на этотъ разъ уже въ сопровожденіи легкаго храпа. Лицо Инны Николаевны мгновенно приняло другое выраженіе, выраженіе почти дѣтской радости: „онъ засыпаетъ!“ Она бросила газету и только-что хотѣла бѣжать изъ комнаты, какъ дверь въ спальню отворилась и дѣвочка лѣтъ 14—15 на видъ, влетѣла въ комнату, за ней — четверо мальчишекъ. Сиве, тревожно засыпавшій, вскочилъ на ноги.

— Что это! закричалъ онъ.

Мальчики опѣшили и готовы были тотчасъ повернуть оглобли, но дѣвочка выпрямилась и гордо подняла голову.

— Они меня бить хотѣли, я должна была куда-нибудь спрятаться, сказала она.

— Татьяна даетъ намъ постоянно названія, затараторили всѣ вмѣстѣ.

— Она меня называетъ баронъ Монъ-Дузу-Зузу, говорилъ первый.

— А меня—Гайдамака Курочкинъ, кричалъ другой.

— А меня—Муха Дудочкинъ, визжалъ третій.

— Фифтикъ, стифтикъ, фифтикъ, стифтикъ, пицаль четвертый, топоча ноженками и обиженно корча свою маленькую рожицу.

— Что-же тутъ дурного, что я называю его барономъ? Я была-бы очень довольна, если-бы кто назвалъ меня баронессой Монъ-Дузу-Зузу-Понто-Монто-Волерьянто-Дондо-де-Буталло.

Все это она говорила не спѣша, закинувъ голову назадъ, не покидая воинственной позы, готовая тотчасъ отразить нападеніе, если оно воспослѣдуетъ.

Инна Николаевна чуть не прыскала отъ смѣха, глядя на свою дочь. Это была очаровательная дѣвочка, тоненькая, стройная, съ прекрасными темно-сѣрыми глазами. Она, какъ говорили, была похожа на свою бабу съ материнской стороны; ни одной чертой не напоминала она своихъ родителей. Мать ея считалась хорошенькой, но это была милость горничной,—круглое лицо съ круглыми добрыми глазами, лишенное всякаго выраженія.

— Татьяна, внушительно заговорилъ Сиве,—ты мнѣ не даешь покоя, ты...

Но Татьяна подпрыгнула, растолкала братьевъ и выбѣжала изъ комнаты; за ней, конечно, послѣдовала и остальная компанія.

Сиве, ошеломленный, нѣкоторое время молчалъ, потомъ круто повернулъ къ женѣ свое озлобленное лицо.

— Это ты, началъ онъ, давая волю своему раздраженію,—распустила дѣтей моихъ, ты не умѣешь заставить ихъ слушать свои приказанія! Мнѣ стыдно бываетъ за нихъ при постороннихъ. Я тружусь, плачу гувернантамъ. Какая чужая станетъ добросовѣстно исполнять свои обязанности, когда мать трутень въ домѣ, мать ничего не хочетъ дѣлать, ни на что негодная женщина. Уйди, я не могу тебя видѣть! Уйди! крикнулъ онъ.

Лицо его сдѣлалось такъ свирѣпо, что Инна Николаевна выбѣжала изъ комнаты.

Въ гостиной она наткнулась на гувернантку.

— Вы гдѣ были? взвизгнула она, чувствуя потребность сорвать на комъ-нибудь злобу отъ того униженія, которому она сейчасъ подверглась.

— Я была наверху, madame, поправляла тетрадки.

— Развѣ не ваше дѣло смотрѣть за дѣтьми? Что, вы у меня даромъ деньги получаете, что-ли? Густавъ Ивановичъ пріѣхалъ измученный, усталый, легъ отдохнуть, дѣти вбѣжали, разбудили его. Вамъ все это ничего! Вамъ все равно!

Инна Николаевна стучала ногами.

— Вы, madame, такъ забываетесь, отвѣчала гувернантка, — что я васъ попрошу сначала опомниться, а потомъ говорить со мной.

Она повернулась, чтобы уйти.

— Ахъ, вы дряннѣйшая! крикнула ей вслѣдъ Инна Николаевна и вдругъ спохватилась.

„Что Густа скажетъ?“ подумала она, и на нее напалъ почти ребяческій страхъ. Она опустилась на ближайшее кресло и задумалась:

„Боже мой, что я за несчастная женщина! Если-бы кто зналъ изъ моихъ знакомыхъ, сколько мнѣ униженій приходится терпѣть отъ него! А всѣ думаютъ, всѣ думаютъ, что я счастлива! Она закрыла лицо руками.—Зачѣмъ онъ меня такъ унижаетъ, зачѣмъ? Даже дѣти на его сторонѣ! Его всѣ любятъ—меня никто. И за что это? За что? задавала она себѣ ужъ столько лѣтъ этотъ роковой вопросъ и не находила на него отвѣта.—Я была доброю, продолжала она думать, — всѣ меня любили, а теперь я сдѣлалась злой, злой, потому что меня оскорбляютъ, меня унижаютъ.“

Она вспомнила, что еще за нѣсколько минутъ до пріѣзда мужа, чувствовала себя счастливой, и вотъ теперь, сидя въ полутемной гостиной, она старалась припомнить, что именно ее такъ радовало? Да! припомнила она... Черезъ нѣсколько дней ей именины, и Густавъ Ивановичъ долженъ подарить ей что-нибудь. Ахъ, если-бы онъ подарилъ ей не платье, а сто рублей, какъ въ позапрошломъ году! Грустныя мысли ея мгновенно разсѣялись; она остановилась на ста рублѣхъ..

„Какое-бы это было счастье!“ думала она съ незасохшими еще слезинками на рѣсницахъ.—Сто рублей! Когда у нея не бываетъ и пятнадцати копеекъ купить катушку нитокъ. А тутъ цѣлыхъ сто рублей! Чего только на нихъ не купишь? Всю недѣлю можно ѣздить по магазинамъ и покупать, покупать, покупать!

Ея воображенію живо представился этотъ счастливый день. Всѣ пріѣдутъ поздравлять ее. Сколько любезностей будетъ наговорено ей, женѣ Сиве. Какимъ уваженіемъ пользуется она, жена Сиве. И думая въ настоящую минуту о своихъ знакомыхъ, она не восклицала мысленно:—„ахъ, если-бы они знали, сколько униженій я должна терпѣть отъ него!“—она всецѣло предалась мыслямъ о томъ сладкомъ днѣ, въ который она будетъ царицей торжества. Только дни ея именинъ и рожденія торжественно праздновались въ ихъ домѣ, это была дань вѣшняго уваженія къ ней.

„О, если-бъ Густа подарилъ сто рублей!“ съ трепетомъ думала она, забывъ всѣ свои несчастья.

Вошла горничная Маша спросить что-то у барни.

— Маша, обратилась къ ней Инна Николаевна (она всегда фамильярничала съ горничными),—моли Бога, чтобъ Густавъ Ивановичъ подарилъ мнѣ сто рублей на именины.

— Хорошо, сударня, буду молиться, отвѣчала горничная, улыбаясь.

А мальчики между тѣмъ, убѣжавъ изъ спальни, задумали во что-бы то ни стало отколотить Татьяну. Они уткнулись носами другъ въ друга и начали шептаться, постоянно поглядывая на нее.

Татьяна отлично понимала въ чемъ дѣло, но дѣлала видъ, что даже не догадывается объ ихъ козняхъ. Она начала ходить изъ угла въ уголъ по большой классной комнатѣ, останавливаясь по временамъ около чего-нибудь.

— Вадимъ, приглашала она старшаго брата,—иди, смотри, твои краски разсыпались.

Но Вадимъ не шелъ смотрѣть на свои краски и продолжалъ шептаться. Наконецъ, всѣ мальчики вышли въ коридоръ. Татьяна видѣла, какъ они поставили скамейку противъ двери и накрыли ее платкомъ.

— Зачѣмъ это? спросила она, но никто ей ничего не отвѣтилъ.

Она продолжала наблюдать. Наконецъ, дверь въ классную совсѣмъ затворили и, черезъ нѣсколько минутъ, самый маленькій братишка, распахнувъ запертыя двери, исчезъ куда-то. Татьяна соображала, что ей не было другого выхода изъ классной комнаты, какъ черезъ эту дверь. Платокъ, которымъ была накрыта скамейка, вдругъ зашевелился и оттуда показались пальцы чьей-то руки.

„Ага! подумала она, — одинъ подъ скамьей, другіе два за дверьми“; значить, ей устроили засаду.

Она начала быстро ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, постоянно поддерживая возбужденіе у осаждающихъ. Наконецъ, усѣвшись такъ, чтобы братья ее не видѣли, она заплѣла что-то вполголоса.

Осаждающіе выходили изъ терпѣнія. Изъ-подъ скамьи высунулось красное, потное лицо Фрица, ея второго брата.

— Болванъ! прошипѣлъ Вадимъ, замахавъ на него изъ-за дверей руками.

Тутъ Татьяна вскочила, съ быстротой кошки перепрыгнула черезъ скамейку и прежде чѣмъ мальчики успѣли опомниться, она взбѣжала на лѣстницу и кричала оттуда:

— Монъ-Дузу-Зузу! Гайдамака Курочкинъ, Муха Дудочкинъ Фифтикъ-Штифтикъ!

Мальчики бросились за ней, но она вскочила въ комнату гувернантки и заперла за собою дверь.

Гувернантка, довольно красивая молодая особа, сидѣла у стола и что-то писала.

— Зачѣмъ вы здѣсь? спросила она Татьяну строго. — Вы знаете, это мой часъ и я не люблю, чтобы меня беспокоили.

Въ голосѣ ея слышались слезы, которыя она напрасно старалась удержать.

Выраженіе лица Татьяны тотчасъ измѣнилось: изъ побѣдоноснаго и торжествующаго оно превратилось въ сконфуженно-мягкое.

— Вы плачете, m-lle Eugenie, спросила она, становясь передъ ней на колѣни и стараясь просунуть ей подъ плечо свою маленькую головку. — Вы плачете; кто васъ обидѣлъ? Отчего вы плачете?..

— Ты меня обидѣла, заговорила Eugenie рѣзко, отталкивая

голову своей любимицы, — ты подралась съ братьями, разбудила папу и надѣлала мнѣ много неприятностей.

Она быстро встала и ушла къ себѣ за перегородку.

Татьяна осталась колѣнопреклоненной на полу; она не двигалась, мигала глазами, точно что-то соображая. Черезъ минуту она вскочила и бросилась внизъ къ матери.

— Мама, спросила она, ставъ передъ ней и складывая руки, — кто изъ насъ обидѣлъ m-lle Eugenie, ты или я?

Вопросъ былъ такъ неожиданъ, что Инна Николаевна смѣшалась.

— Конечно, ты, сказала она, оправившись, — ты вѣжала въ спальню и разбудила папу.

— Но это были часы Eugenie, въ которые она не обязана смотрѣть за нами. Почему она плачетъ? Ее кто-нибудь обидѣлъ? Вѣрно ты?

— Я ее совсѣмъ не обижала, оправдывалась Инна Николаевна, не глядя на дочь и стараясь смотрѣть въ сторону.

Татьяна зорко взглянула на мать.

— Мама, ты говоришь неправду, сказала она рѣзко. — Папа разсердился на тебя, а ты выбрала Женю, ты всегда такъ дѣлаешь!

Инна Николаевна вздрогнула и повернулась къ ней спиной. Татьяна сконфузилась. Она упорно смотрѣла на голубыя ленты, украшавшія чепецъ ея матери, точно желая почерпнуть въ этихъ замысловатыхъ бантахъ развязку тѣхъ мыслей, которыя волновали ее въ эту минуту.

— Мама, позвала она мать робко, едва слышнымъ голосомъ.

Инна Николаевна не поворачивала головы.

— Мама, опять повторила она, уже болѣе смѣло.

Инна Николаевна повернула къ ней свое доброе лицо.

Татьяна бросилась къ ней на шею.

— Пойдемъ, говорила она, цѣлуя ее и увлекая къ дверямъ, — пойдемъ, попросимъ Eugenie, чтобъ она не плакала и не сердилась на насъ. Пойдемъ, голубчикъ, миленькая.

Татьяна тянула Инну Николаевну, цѣловала и тянула.

— Мнѣ не идетъ, говорила Инна Николаевна, стараясь высвободиться изъ рукъ Татьяны, — мнѣ не идетъ извиняться передъ гувернанткой.

Но она упиралась такъ слабо, что Татьяна дотащила ее до лѣстницы. Тутъ Инна Николаевна вырвалась и убѣжала къ себѣ. Татьяна за ней; но замокъ щелкнулъ въ дверяхъ.

— Отвори, отвори, злая! кричала Татьяна и стучала кулаками въ дверь. Потому она усѣлась на полъ и заплакала, громко всхлипывая. Ей было и больно, и досадно, и страшно, что вотъ придутъ братья и поднимутъ ее на смѣхъ.

Въ этотъ-же вечеръ Инна Николаевна, приготовляясь спать, сказала своему мужу голосомъ полнымъ мольбы о примиреніи, — она не могла выносить, когда мужъ сердился на нее:

— Знаешь, Манденъ отказалъ своему лакею за то, что тотъ не такъ произнесъ твою фамилію.

— Глупости, отрѣзалъ Сиве грубо и опять повернулся къ ней спиной.

„Уродъ!“ обозвала его Инна Николаевна мысленно, со слезами на глазахъ. О, какъ-бы охотно легла она въ другой комнатѣ, хотя-бы даже на полу, только не боѣ о боѣ съ нимъ.

ГЛАВА VIII.

На другой день гувернантка не пришла къ утреннему чаю. Татьяна была блѣдна, вяла и молчалива. Она всегда себя дурно чувствовала послѣ слезъ. Инна Николаевна старалась казаться веселой. Густавъ Ивановичъ зорко слѣдилъ за женой и дочерью. Онъ догадывался, что произошло нѣчто и ждалъ. Когда чай былъ отнятъ и мальчики отправились учиться, Татьяна продолжала сидѣть.

— Татьяна, спросилъ отецъ, что ты должна теперь дѣлать?

— Не знаю, машинально отвѣтила дѣвочка.

Мать наострила уши.

— Ты должна идти къ Евгеніи Петровнѣ учиться.

— Евгенія Петровна не пускаетъ меня къ себѣ.

— Ты, значитъ, капризничала?

Татьяна пожала плечами.

— Что съ тобой? Ты больна? Отчего ты не отвѣчаешь?

Татьяна встала и быстро вышла изъ комнаты. Сиве изъ подлѣбья посмотрѣлъ на жену, Лицо послѣдней покрылось красными пятнами.

— Что все это значитъ? спросилъ онъ.

Инна Николаевна нагнулась надъ чашкой и ничего не отвѣчала. Въ эту минуту вошла Евгенія Петровна; глаза ея были красны отъ слезъ.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами, обратилась она къ Густаву Ивановичу, не глядя на Инну Николаевну и не кланаясь ей.

Густавъ Ивановичъ всталъ и пригласилъ ее слѣдовать за собой въ кабинетъ. Здѣсь они сѣли.

— Я должна сказать, начала m-me Eugénie послѣ нѣкотораго молчанія, дрожащимъ прерывающимся голосомъ, — что я не могу оставаться у васъ въ домѣ. Сегодня я переѣзжаю къ своимъ знакомымъ.

— Почему? спросилъ Сиве. Ему становилось неловко, онъ предчувствовалъ, что сейчасъ услышитъ имя жены своей и какъ-бы наперекоръ себѣ, спросилъ:

— Татьяна васъ раздражаетъ?

— О, нѣтъ, торопливо заговорила гувернантка. — Татьяна меня никогда не сердитъ, но... и она умолкла.

Сиве упорно смотрѣлъ на полъ; вопросъ не сходилъ съ его языка. „Неужели, думалъ онъ, — мнѣ самому нужно спросить?“ Самолюбіе его было уязвлено.

Гувернантка чувствовала, что ей слѣдуетъ начать, но, при воспоминаніи о вчерашней сценѣ, слезы подступили ей къ горлу и она не находила въ себѣ достаточно силъ проговорить слова, сказанныя Инной Николаевной.

— Я лучше напишу вамъ, сказала она и встала, нахѣрваваясь уйти.

— Нѣтъ, милая Евгенія Петровна, нѣтъ. Вы должны сказать мнѣ, что случилось. Можетъ быть, еще можно какъ-нибудь уладить дѣло. Садитесь, пожалуйста садитесь, упрасивалъ онъ ее.

— Ваша жена, сказала Евгенія Петровна, садясь бокомъ на кончикъ дивана и не глядя на Сиве, — ваша жена назвала меня вчера дрянью.

Краска разлилась по ея лицу, и слезы опять подступили къ горлу. Сиве откинулся на спинку кресла. Прошла минута тяжелаго молчанія. Евгенія Петровна встала.

— Оставайтесь, Евгенія Петровна, заговорилъ Сиве глухо. — Я

хотѣлъ сказать вамъ, что если... жена моя... извинится... Онъ какъ-бы съ трудомъ выговаривалъ каждое слово.

— О, зачѣмъ, Густавъ Ивановичъ, торопливо проговорила Евгенія Петровна;—развѣ она ребенокъ, развѣ извиняются въ такихъ случаяхъ!

— То-есть, я хотѣлъ сказать, спохватился Сиве,—если жена моя попроситъ васъ остаться и сознаетъ, что была неправа. Видите, я долженъ признаться, что вы больше насъ умѣете ладить съ Татьяной. Вы, можно даже сказать, единственный человѣкъ, котораго она слушается. Я вѣчно занятъ. Притомъ-же, продолжалъ онъ вкрадчиво,—я намѣренъ отвезти Татьяну въ Петербургъ къ ея крестной матери; останьтесь, пока я отвезу ее. Послѣ того, что случилось, я не имѣю права настаивать слишкомъ на моей просьбѣ, но, можетъ быть, мнѣ придется прибѣгнуть къ вашей добротѣ и попросить васъ отвезти дѣвочку въ институтъ.

Онъ умолялъ. Ему не нужно было прибѣгать еще къ какимъ-нибудь аргументамъ. Онъ понималъ, что для зависимой особы везти дочь Сиве въ Петербургъ должно быть и лестно, и приятно. Лицо гувернантки дѣйствительно прояснилось, она обѣщала подумать и дать ему окончательный отвѣтъ не позже завтрашняго утра.

Сиве не сомнѣвался, что отвѣтъ будетъ удовлетворительный, но мысль о безтактности жены возбуждала въ немъ злобу. Онъ сжималъ кулаки и готовъ былъ тотчасъ бѣжать объясняться съ ней. Бой часовъ напомнилъ ему, однако, что нужно спѣшить на консилиумъ. Проходя залъ, онъ яростно метнулъ глазами по направленію комнаты своей супруги.

Инна Николаевна сидѣла у себя на маленькомъ диванчикѣ и дрожала отъ страха. По мѣрѣ того, какъ шло время, страхъ ея такъ усилился, что она готова была совсѣмъ бѣжать изъ дому. Но куда идти? Изъ всѣхъ ея многочисленныхъ знакомыхъ не было ни одного дома, куда она могла отправиться за-просто, ни одного человѣка, которому она могла-бы сказать, какъ ей тяжело. Все это друзья Сиве. Всѣ они или завидуютъ ей, или презираютъ ее. Последнее она какъ-то смутно чувствовала, но первое сознавала вполне. Завидующихъ было больше, и съ ними она была высокомерна, съ ними любила она разыгрывать изъ

себя большую барыню, въ видѣ шутки жалуясь на деспотизмъ своего мужа.

Вошла горничная Маша и подала ей письмо.

— Гдѣ баринъ? спросила Инна Николаевна, и когда узнала, что Сиве уѣхалъ, то едва не вскрикнула отъ радости. Можетъ быть, сцены совсѣмъ не будутъ.

Письмо было отъ отца.

„Симъ увѣдомляю, писалъ онъ дрожащей старческой рукой,— что здоровье мое день ото дня слабѣетъ. Я ужъ и съ постели встать не могу. Обѣ мои ноги отянулись и лѣвая рука тоже. Никого нѣтъ возлѣ меня изъ близкихъ моихъ. Попроси мужа, чтобъ онъ отпустилъ тебя къ старику. Напомни ему: что онъ обѣщалъ мнѣ, когда бралъ тебя, мое единственное дѣтище! Вотъ ужъ два года, какъ я тебя не вижу и внуковъ моихъ. Что моя красавица Татьяна? Цѣлую и благословляю тебя, твой отецъ.

Н. Чубъ“.

Все, что было хорошаго и добраго, зашевелилось въ ней подъ наплывомъ воспоминаній объ отцѣ, о домѣ. Отецъ и мать ея были малороссы, переселившіеся на сѣверъ. Какъ любилъ онъ ее, какъ жалѣлъ! Вспомнились ей ея комнатка, скромная, вся розовая, и ея любимая горничная Марфуша, которую Сиве не позволилъ взять съ собой въ городъ. Вспомнилось ей, какъ она пріѣхала домой, послѣ шестилѣтняго заключенія въ институтъ. То-то была радость! Вся деревня сбѣжалась смотрѣть на нее, на единственную Чубову дочку. „Наша Чубариха“, говорили бабы, добродушно дотрогиваясь до ея плеча и улыбаясь ей. Какъ весело было ей чувствовать себя на свободѣ; но свобода эта не долго продолжалась! Дѣвичество, со всѣми прелестями независимой, безопасной жизни, у нея совсѣмъ не было, если не считать тѣхъ двухъ мѣсяцевъ, впродолженіи которыхъ она бѣгала безъ усталы, ѣла до тошноты и валялась по диванамъ. На третій мѣсяцъ ее пріѣхалъ сватать Сиве. Какъ теперь помнить она этотъ сентябрьскій день. На дворѣ было непривѣтливо, сухо и вѣтрено; она не выходила цѣлый день изъ дому. Вдругъ, подъ вечеръ послышался колокольчигъ. Къ нимъ такъ рѣдко кто заглядывалъ, что пріѣздъ гостя составлялъ цѣлую эпоху. Она убѣжала переодѣваться, а черезъ минуту вошла Марфуша и объявила, что пріѣхалъ сосѣдъ,

Судовщиковъ, а съ нимъ еще какой-то господинъ, и что этотъ прѣзжій похожъ лицомъ на ихнюю прачку Феклу. У барышни отъ смѣха полопались шурки въ корсетъ. Она нашла, что Сиве дѣйствительно похожъ на Феклу, и за ужиномъ, глядя на него, кусала губы, чтобъ не разсмѣяться. За то сколько было смѣху вечеромъ, когда она ложилась спать. На другой день отецъ объявилъ ей, что Сиве прѣзжалъ ее сватать. Инна Николаевна расплакалась, а старикъ сказалъ, что принуждать ее не станеть.

Сиве прѣхалъ во второй разъ, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ полиціймейстера, у котораго Чубъ служилъ когда-то подъ начальствомъ и даже раза два былъ, за разгульный нравъ, посаженъ на гауптвахту. Въ этотъ разъ никто уже не смѣлъ сказать, что онъ похожъ на Феклу. А послѣ его отъѣзда поваѣхали тетуски и добрые знакомые и стали уговаривать Инну выходить замужъ за Сиве.

Малорусскіе паны, чуждые своему народу, удивительно падки до иностранцевъ. Въ нихъ такъ укоренилась привычка видѣть пановъ не изъ своихъ, а пришедшихъ откуда-нибудь, что можно безъ натяжки сказать,—будь въ положеніи Сиве, какой-нибудь Голопуценко, Солонина или Давиденко,—сѣдовласый помѣщикъ Чубъ, владѣтель пятидесяти ревизскихъ душъ, врядъ-ли-бъ отдалъ свою единственную дочку за какого то неизвѣстнаго доктора, за какого-то профессора. Всегда за всѣми этими пришельцами-иностранцами упрочиваются всѣ блага міра. Смотришь на нихъ и думаешь: голъ ты и бѣденъ, но не долго будешь бѣдствовать, наживешься на нашей глупости. „Воны и нѣ пьюци, и нѣ кутяци, нѣ мотыги, тилько грдши наживають“. Такими точно словами расписывалъ старикъ отецъ дочери своей „нѣмца жѣннха“. „А що винъ швецъ *) байдуже, була-бъ кишена повна“! прибавилъ онъ. Гордости родомъ дворянскимъ у малорусскихъ пановъ никогда не было, потому что они ни отъ кого не происходили, а больше черезъ ябеду да холопство возвышались.

Сиве не былъ первой мечтой Инны, ея первой любовью; это былъ только ея мужъ. Ахъ, какъ все было скверно тогда: и его широкая спина, точно у кучера, и большое бабье лицо, безусое и безбородое, и короткія кривыя ноги... Какъ трудно было привыкать къ этому

*) Швець—нѣмецъ по-малорусски.

мужу... Съ первыхъ дней замужества началась для нея какая-то путаница, какой-то хаосъ отношеній, гдѣ столько было лжи, гдѣ она постоянно дѣлала тысячи маленькихъ промаховъ и получала тысячи выговоровъ, грубыхъ, жестокихъ, за эти пустяки, пока, наконецъ, главное до такой степени смѣшалось съ мелочами, что она даже утратила всякую способность различать ихъ. Это была руготня мелочная, непрерывная, всегда неожиданная: изъ-за десяти копеекъ, переданныхъ кухаркѣ, изъ-за пуда сѣна, украденнаго кучеромъ, изъ-за оторванной пуговицы на панталонахъ мужа, изъ-за неосторожно-сказаннаго слова. Это были непрерывные уколы, мелкіе, неотразимые, способные болѣе страстную натуру довести до безумія, до самоубійства, а натуру мелкую—до потери всѣхъ свойствъ, возвышающихъ человѣка. Сначала она пробовала было искать поддержки извнѣ, но всѣ, кого она знала, дѣлились на два разряда: или мужъ ея нуждался въ нихъ, или они въ немъ. Никто никогда не хотѣлъ снизойти къ ней. Самыя дѣти не приносили ей большой радости: и здѣсь она получала столько возмездій за разныя маленькія ошибки и недосмотры, что перестала искать въ дѣтахъ душевнаго успокоенія. Это тоже было что-то трудное и неотразимое. Одно понимала она совершенно ясно: они быстро богатыли, и чѣмъ богаче становились, тѣмъ больше являлось у нихъ друзей, знакомыхъ и льстецовъ, и тѣмъ слабѣе чувствовала она страданія, утѣшаясь пустяками и втягиваясь въ жизнь, полную мелочей.

Сиве возвратился домой пасмурный: ему предстояло заставить жену помириться съ гувернанткой, но онъ засталъ ее рыдающей въ объятіяхъ Евгеніи Петровны. Получена была телеграмма, что отецъ ея, старшій Чубъ, умеръ.

ГЛАВА IX.

Было начало сентября, погода стояла дивная. Послѣ проливныхъ, теплыхъ дождей въ концѣ августа, наступили свѣтлые, сухіе, совершенно весенніе дни. Хотя листья уже и пожелтѣли на деревьяхъ, за то лужайки покрылись прелестной зеленью, и видъ садовъ представлялъ самую затѣливую смѣсь различныхъ переливовъ цвѣтовъ, начиная съ краснаго до нѣжныхъ зеленыхъ оттѣнковъ.

Покатиловъ задумчиво шелъ вдоль сосновой аллеи, ведущей изъ городской больницы въ городъ. Свои клиническія лекціи онъ долженъ былъ читать въ больницѣ, находившейся въ верстѣ отъ Хорзая. Въ хорошую погоду онъ съ удовольствіемъ совершалъ эту ежедневную прогулку. Его всегда обгоняли студенты небольшими толпами въ пять-семь человѣкъ. Онъ всегда со всѣми вѣжливо раскланивался, но никогда никто не шелъ съ нимъ рядомъ и не рѣшался вступать въ разговоръ. Слушатели его дѣлились на довольныхъ и недовольныхъ. Сначала недовольныхъ было больше. Находили, что онъ чересчуръ рано является на лекціи, долго читаетъ и утомляетъ своихъ слушателей, а главное, — конечно, студенты не признавались въ этомъ, — онъ не искалъ популярности, былъ требователенъ, сухъ и сдержанъ съ ними. „Дерево“, говорили одни изъ нихъ. „Кремень“, утверждали другіе. „Сила“, доказывали третьи, и это, конечно, были тѣ, которые никогда не забѣгали впередъ, чтобы обратить на себя вниманіе профессоровъ, и не спустились-бы до сниманія галошъ кому-нибудь изъ нихъ.

Вошедши въ городъ, Покатиловъ остановился на первомъ углу, возлѣ квадратнаго деревяннаго столба, служащаго для наклейки афишъ и сталъ читать:

„1872 года, 3 сентября, въ залѣ дворянскаго собранія, въ пользу дѣтскихъ пріютовъ, прочтена будетъ публичная лекція о новомъ городскомъ положеніи, докторомъ правъ Андреемъ Марковичемъ Крагинымъ. Начало въ шесть часовъ вечера. Билеты можно получать въ книжномъ магазинѣ Опарина и при входѣ“.

Покатиловъ охотнѣе пошелъ-бы въ театръ, но сегодня ничего не было. Онъ посмотрѣлъ на часы, было три четверти пятаго, времени достаточно, чтобы успѣть пообѣдать. Онъ вошелъ въ ближайшій ресторанъ, все еще не рѣшивъ, пойдетъ-ли на лекцію. До сихъ поръ всякое правительственное учрежденіе, начиная съ казначейства, куда онъ хаживалъ за полученіемъ пенсіи своему отцу, и кончая университетской канцеляріей, всегда обдавало его запахомъ вѣкового пота и какой-то гнили. Если-бы кто вздумалъ прочесть лекцію объ этихъ учрежденіяхъ, Покатиловъ навѣрное не пошелъ-бы: ему все казалось-бы, что лекція эта должна быть пропитана этимъ специфическимъ запахомъ; но это была лекція о новомъ городскомъ управленіи. Онъ рѣшился идти, и ровно въ шесть часовъ былъ уже въ залѣ дворянскаго собранія.

Слушателей было множество. Покатиловъ получилъ билетъ третьяго ряда, тутъ-же, у входа, проданный ему какимъ-то господиномъ, который не могъ почему-то быть на лекціи. Покатиловъ съ трудомъ пробрался на свое мѣсто. Обернувшись къ нему лицомъ, во второмъ ряду, стоя однимъ колѣномъ на креслѣ и опершись локтями на спинку, какой-то господинъ разговаривалъ въ полголоса съ его ближайшимъ сосѣдомъ. Лицо говорившаго, выразительное, подвижное, съ длинными черными усами, очень заинтересовало Покатилова. Онъ сталъ всматриваться, и ему показалось, что онъ его гдѣ-то видѣлъ. Въ эту минуту раздался залпъ рукоплесканій, и Крагинъ взошелъ на кафедру. Господинъ съ черными усами сѣлъ на мѣсто и, улыбаясь, шепнулъ что-то на ухо своей сосѣдкѣ, баринѣ въ черной круглой шляпѣ, изъ подъ которой спускалась на спину толстая, пушистая, темная коса. Улыбка этого господина еще болѣе увѣрила Покатилова, что онъ гдѣ-то видѣлъ его. Онъ до такой степени углубился въ свои воспоминанія, что совсѣмъ не слушалъ лекцію, и когда поймалъ себя на невниманіи къ лектору, этотъ послѣдній успѣлъ уже нарисовать краткую картину возникновенія городовъ русскихъ, и неудачныхъ попытокъ Петра I и Екатерины II ввести въ нихъ корпоративныя учрежденія.

Потомъ онъ указалъ на причины этихъ неудачъ, которыя, по его мнѣнію, заключались, главнымъ образомъ, въ искусственномъ возникновеніи городовъ, въ насильственномъ введеніи корпорацій и въ полномъ ихъ подчиненіи административной власти.

Покатиловъ вполне овладѣлъ своимъ вниманіемъ и сталъ слушать лектора, который продолжалъ:

— „Въ чемъ-же заключается основная идея новаго городского положенія?.. Главнымъ образомъ, въ отсутствіи той розни, какая существовала между прежними городскими классами. Теперь всѣ обыватели соединены въ одно цѣлое; они выбираютъ изъ своей среды представителей, которые совершенно самостоятельно управляютъ городскими дѣлами, безъ административнаго вѣдѣтельства. Каждый горожанинъ, русскій подданный, достигшій двадцати-пятилѣтняго возраста и платящій налогъ въ пользу города, можетъ быть избранъ не только въ гласные, но даже въ городскіе головы. Въ сожалѣнію, продолжалъ онъ, — женщины лишены этихъ правъ. Но если онѣ фактически не могутъ быть избраны, имъ

все-же остается широкое право дѣйствовать на гласныхъ посредствомъ газетъ и журналовъ. Нужно только, чтобъ онѣ прониклись желаніемъ служить интересамъ города. Пусть онѣ не отказываются посѣщать думскія засѣданія, пусть слѣдятъ за дѣятельностью управы, повѣряютъ счета, разъясняютъ вопросы... Нѣтъ предѣла вліянію образованной женщины и нѣтъ большей несправедливости, какъ лишить ихъ возможности быть полезными“.

Онъ на мгновеніе приостановился; въ публикѣ слышались сдержанныя одобренія.

„Либераль“, подумалъ Покатиловъ.

Барыня съ темной косой, сидѣвшая впереди, обернулась къ нему; лицо ея горѣло и улыбалось, но она видимо не его искала глазами, и потому Покатиловъ сдержалъ свою улыбку. Ему пріятно было-бы посмотреть теперь съ кафедры на эту массу сіяющихъ женскихъ лицъ. Онъ не сомнѣвался, что всѣ слушательницы трепетали отъ восторга. Лекторъ продолжалъ:

— „Ограниченіе правъ женщинъ есть одинъ изъ существенныхъ недостатковъ новаго городского управленія, но есть и другіе, не менѣе важныя, напримѣръ: 1) городскому головѣ дано право устранять предложенія управы по личному своему усмотрѣнію ихъ незаконности; 2) городской голова одинъ предсѣдательствуетъ въ губернскомъ присутствіи и, наконецъ, онъ имѣетъ право удалять постороннихъ лицъ изъ залы засѣданія, даже безъ объясненія имъ причинъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что дума вѣдаетъ интересы общественныя, въ которыхъ такъ необходимо участіе и вниманіе всего общества. Но мы надѣемся, что ни одинъ образованный городской голова не воспользуется этимъ правомъ, потому что гласность, — самая широкая гласность, — есть лучшій рычагъ всякаго самоуправленія. Нельзя не пожалѣть еще, что полиція, на которую города обязаны отпускать немалыя суммы, совершенно изъята изъ городского вѣденія. Но всѣ эти недостатки ничуть не уничтожаютъ того животворящаго дѣйствія, которое должно оказать на общество новое городское положеніе. Оно призываетъ города къ выполненію высокой задачи слиться по возможности съ мѣстнымъ земствомъ по всѣмъ вопросамъ общаго управленія. Города должны служить для деревень проводниками высшихъ цѣлей и интересовъ, проводниками болѣе широкой общественной жизни, такъ-какъ города

всегда представляютъ средоточіе интеллигентныхъ силъ страны, средоточіе всего, чѣмъ въ правѣ гордиться цивилизація.

„Самостоятельность и самоуправленіе общественныхъ союзовъ есть главная гарантія для прочнаго развитія государства. Они будятъ уснувшія силы общества.

„Я позволю себѣ привести слова одного англійскаго писателя: „Централизація и опека, говоритъ онъ, — убиваютъ сознаніе и силу мѣстныхъ потребностей и ослабляютъ духъ гражданскій. Онѣ могутъ соединить въ данную минуту всѣ силы страны, но не служатъ къ воспроизведенію этихъ силъ; онѣ могутъ дать побѣду въ день борьбы, но не въ силахъ хранить могущество націи въ теченіи долгихъ годовъ“. Никогда самостоятельность мѣстной жизни не ослабитъ единства государственнаго.

„Не думайте, господа, продолжалъ онъ, причежь голосъ его пріобрѣталъ все болѣе и болѣе звучности, — что городское управленіе есть какая-то заведенная машина, что стоитъ только избрать гласныхъ и дѣло пойдетъ само собой. Законъ, неокрыленный человѣческой мыслью, есть мертвая буква. Общество, выбирая гласныхъ, начинаетъ только дѣло, для успѣшнаго выполненія котораго оно должно неуклонно слѣдить и контролировать дѣйствія своихъ выборныхъ.

„Пусть помнятъ гласные, уже гремѣлъ онъ, — что городское хозяйство есть достояніе поволеній не только настоящихъ, но и грядущихъ, и что городъ есть лицо собирательное, въ которомъ бѣдняковъ гораздо больше, чѣмъ людей достаточныхъ. Пусть остерегаются представители города употреблять общественныя средства на предметы роскоши, украшенія и улучшенія городской жизни, которыми не могутъ пользоваться бѣднѣйшіе классы. Копейки, собранныя пѣтомъ и кровью бѣдняковъ, должны идти на удовлетвореніе ихъ собственныхъ нуждъ. Пусть процвѣтаютъ парки, театры, пусть воздвигаются громадныя зданія, но пусть оплачиваютъ ихъ тѣ, которые ими, главнымъ образомъ, пользуются“.

— Bravo, bravo! раздалися восторженные, едва сдерживаемыя восклицанія.

Покатиловъ откинулся на спинку кресла, охваченный давно неиспытаннымъ чувствомъ бессознательнаго возбужденія. Настроеніе массы подѣйствовало и на него. Онъ начиналъ на себя сердиться.

— „Еще одно, продолжалъ лекторъ, когда волненіе нѣсколько утихло. — Мѣстныя общества, ограниченныя узкимъ пространствомъ, однообразнымъ составомъ, легко могутъ поддаться мысли, что заключаютъ въ себѣ всю полноту задачъ и средствъ; отсюда является узкость интересовъ, тиранія отдѣльныхъ кружковъ, которые, къ сожалѣнію, могутъ часто преслѣдовать самыя недостойныя цѣли. Опасность такого рода тѣмъ сильнѣе, чѣмъ менѣе образовано общество, чѣмъ менѣе въ немъ задатковъ для борьбы и опыта въ дѣлѣ самоуправленія. Но смѣемъ надѣяться, что вы, господа горожане, призванные къ самостоятельной жизни, сумѣете удержаться на высотѣ вашего призванія и преодолѣете всѣ препятствія“.

Онъ поклонился и быстро сошелъ съ кафедры.

Оглушительный, нескончаемый залпъ рукоплесканій былъ отвѣтомъ на эту лекцію, пронизанную, казалось, такимъ глубокимъ, такимъ серьезнымъ пониманіемъ отвѣтственности, налагаемой на представителей новаго городского самоуправленія. У всѣхъ невольно родился въ эту минуту одинъ и тотъ-же неотразимый вопросъ: какъ выполнить свою задачу гласные и такъ-ли они ее глубоко понимаютъ, какъ самъ лекторъ.

— Молодецъ, сказалъ господинъ съ черными усами, обернувшись къ сосѣду Покатилова и сопровождая свои слова нервнымъ движеніемъ головы въ сторону.

И по тому, какъ онъ сказалъ слово „молодецъ“ и по этому характерному движенію головы, Покатиловъ тотчасъ вспомнилъ этого человѣка.

Волнующаяся, возбужденная публика, подобно прибою волнъ, наполняла залъ гуломъ смѣшанныхъ голосовъ. Покатиловъ уже больше не сердился на себя; онъ, со свѣтящимися глазами, сильно возбужденный, подошелъ къ интересовавшему его господину.

— Вы Михаилъ Ивановичъ Лебеда? спросилъ онъ.

— Я Лебеда, отвѣчалъ тотъ.

— А меня вы вѣрно не узнаете? спросилъ Покатиловъ.

— Рѣшительно не узнаю, отвѣчалъ Лебеда.

— Я Покатиловъ.

— Покатиловъ! вскричалъ Лебеда.—Я никогда не узналъ-бы васъ. Я не узналъ-бы васъ, даже проговоривши съ вами нѣсколько часовъ. Какъ вы измѣнились! А между тѣмъ я такъ хорошо

помню вашу нравственную физиономію. Покатиловъ... да какъ-же, продолжалъ Лебеда, всматриваясь въ него, — вѣдь мы съ вами давнишніе, еще гимназическіе пріатели.

— Я, какъ только взглянулъ на васъ, тотчасъ сталъ припоминать, гдѣ я васъ видѣлъ, говорилъ Покатиловъ.

— По старой дружбѣ, я скажу вамъ, началъ Лебеда, — что вы удивительно какъ измѣнились: вы, если можно такъ выразиться, приобрѣли физиономію.

Покатиловъ разсмѣялся.

— А вы, отвѣчалъ онъ, — сохранили свою прежнюю. Вы даже не утратили вашей способности говорить отрывисто и нервно подергивать голову. По этому движенію я тотчасъ узналъ васъ.

— Въ васъ сказывается прежній художникъ. — Это вы призваны на мѣсто стараго Рупенета?

— Я именно.

— Вотъ никакъ не ожидалъ, что изъ васъ выйдетъ медикъ да еще специалистъ. Ну, а живопись ваша что?

— Какъ вы, однако, объ этомъ помните. Я не придавалъ этому ровно никакого значенія. Я очень, очень радъ, что встрѣтилъ васъ здѣсь, поспѣшно проговорилъ онъ.

— И я тоже. Надѣюсь, мы будемъ продолжать съ вами знакомство?

— О, конечно, если вы позволите, отвѣчалъ Покатиловъ.

— Соня, позвалъ Лебеда госпожу съ темной косой, которая во время лекціи сидѣла впереди Покатилова, а теперь о чемъ-то съ жаромъ говорила съ какимъ-то господиномъ.

— Сейчасъ, отвѣчала она и, пожавъ руку своему собесѣднику, быстро подошла къ нимъ.

— Вотъ, жена, обратился къ ней Лебеда, — мой гимназическій товарищъ; прошу любить и жаловать.

Софья Александровна, — такъ звали ее, — любезно протянула ему руку. „Ихъ ея лицо мнѣ удивительно какъ знакомо“, подумалъ Покатиловъ, но промолчалъ.

Софья Александровна была брюнетка, съ правильнымъ, но нѣсколько холоднымъ лицомъ. Издали она казалась выше мужа, вблизи — одного роста съ нимъ, но нѣсколько массивнѣе его.

Они всѣ втроемъ вышли на улицу. Софья Александровна шла впереди ихъ; походка ея была легкая, почти дѣвичья.

— Однако, обратилась она къ мужчинамъ,—вы вѣрно предадитесь воспоминаніямъ и пойдете медленно. Мнѣ нужно домой, прибавила она, уже глядя на одного своего мужа,—моя дѣвочка вѣрно кричитъ. М-еиц Покатиловъ, приходите къ намъ чай пить, пригласила она его, сопровождая эти слова улыбкой. Лебеда посадилъ ее на перваго появившагося извозчика, и она уѣхала.

Покатиловъ замѣтилъ, что когда она говорила и улыбалась, то дѣлалась необыкновенно мила; холодное выраженіе лица совершенно таяло подъ ея прелестной улыбкой.

— Вы женаты? спросилъ его Лебеда.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Покатиловъ.

— А я уже пять лѣтъ какъ женатъ.

Покатиловъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Они прошли нѣсколько шаговъ молча, какъ люди, которымъ обо многомъ хотѣлось-бы переговорить, но они не знаютъ, съ чего начать.

— Вашъ батюшка живъ еще? спросилъ Покатиловъ.

— Онъ недавно умеръ, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, отвѣчалъ Лебеда, и они опять замолчали.

— Вы гдѣ живете? спросилъ Покатиловъ.

— Въ Кочевкахъ.

— Какое странное названіе, замѣтилъ Покатиловъ;—оно, вѣроятно, относится къ тѣмъ далекимъ временамъ, когда на Хорзай нападали дикія племена.

— Нѣтъ, съ этой стороны Хорзай не подвергался нападенію. Названіе это произошло слѣдующимъ образомъ... Вы видите вонъ эту гору, налѣво?

— Какже, по ней я хожу каждый день въ городскую больницу.

— Такъ вотъ, продолжалъ Лебеда,—склонъ этой горы былъ когда-то заселенъ и, какъ говорятъ, даже порядочно застроенъ. Послѣ нѣсколькихъ пожаровъ, начальство велѣло жителямъ оставить гору и поселиться по берегу въ то время уже усыхавшей маленькой рѣченки. Но пока судъ да дѣло, жители бездомно кочевали на отведенныхъ мѣстахъ; отсюда и названіе Кочевки.

— Вы, я думаю, хорошо знаете Хорзай: вѣдь вы въ здѣшнемъ университетѣ воспитывались?

— Въ здѣшнемъ, отвѣчалъ Лебеда.—Когда-нибудь на досугѣ мы примемся осматривать съ вами городъ. Здѣсь есть что по-

смотрятъ. А вотъ и моя улица: Большая Полицейская. Въ Кочевкахъ три Полицейскихъ улицы.

Они подошли къ маленькому одноэтажному домику, всего въ три окна на улицу. Когда открылась входная дверь, ихъ обдало запахомъ сухой травы. Покатилову вспомнилось дѣтство, какой-то монастырь, куда они ѣздили всей семьей, келія монаха Исидора, пропитанная точь въ точь такимъ-же запахомъ, и ему стало весело. Горничная, отворявшая двери, куда-то убѣжала. Лебеда самъ помогъ снять пальто Покатилову. Въ залѣ горѣла лампа, около оконъ на простыхъ деревянныхъ скамьяхъ было множество цвѣтовъ, мебели мало, стѣны голыя, только надъ диваномъ висѣла большая картина. Покатиловъ тотчасъ подошелъ къ ней. Это былъ портретъ отца Лебеды. Сходство большое, но видно не слишкомъ искусная рука клала тѣни. Покатиловъ тотчасъ замѣтилъ всѣ эти недостатки. Вошла Софья Александровна. Безъ шляпы она казалась гораздо миловиднѣе. Особенно хороши и мягки были очертанія ея головы.

— Чей это этюдъ? спросилъ ее Покатиловъ.

— Это рисовала сестра моего мужа. Вы почему назвали этотъ портретъ этюдомъ?

— Потому что онъ не больше какъ этюдъ, хотя мастерски написанный.

— А я знаю срисованнаго и рисовавшую, и потому портретъ этотъ мнѣ кажется совершенствомъ.

— Вотъ у васъ какая оцѣнка живописи! замѣтилъ Покатиловъ.

— Я ничего не понимаю въ ней, быстро заговорила Софья Александровна, — я никогда не видала въ юности хорошихъ картинъ, и когда мнѣ случилось ходить по заламъ эрмитажа, мнѣ нравились только картины тѣхъ художниковъ, о которыхъ я читала или что-нибудь слышала. Для меня всѣ картины требуютъ большихъ и очень большихъ комментариевъ.

— Вы давно были въ Петербургѣ? спросилъ Покатиловъ, — онъ смотрялъ на нее и думалъ: „положительно я ее гдѣ-то видѣлъ“.

— Въ прошломъ году, отвѣчала Софья Александровна и пригласила Покатилова чай пить.

Они вошли въ столовую. Маленькій мальчикъ лѣтъ 4 постоянно держался около матери. Онъ не предлагалъ никакихъ вопросовъ,

но, опершись рученками на столъ, пытливо смотрѣлъ на незнакомаго гостя.

— Скажите пожалуйста, обратился Лебеда къ Покатилову, — вы доцентъ?

— Доцентъ.

— И много читаете лекцій.

— Восемь разъ въ недѣлю.

— Сколько-же это выходитъ часовъ?

— Право не считаль, потому что на клиническую лекцію никакъ нельзя опредѣлить времени: это зависитъ отъ количества больныхъ и свойствъ болѣзни.

— А я такъ очень даже считаю свои часы. Этакъ начнешь въ одномъ классѣ о Карлѣ Великомъ, въ другомъ о французской революціи, въ третьемъ о византійской имперіи, такъ-что одурь на тебя подъ конецъ нападетъ.

— Вы, значить, учитель? спросилъ Покатиловъ.

— Учитель. Вотъ видишь, обратился Лебеда къ женѣ, — ты увѣряешь, что у меня становится педагогическая физіономія.

Иванъ Семеновичъ, несмотря на свою тонкую наблюдательность художника, не нашелъ этого.

Покатиловъ засмѣялся.

— Но, можетъ быть, сказалъ онъ, — я не знаю еще отличительныхъ свойствъ педагогическихъ лицъ; и помолчавъ немного, спросилъ:

— Этотъ Крагинъ, дѣйствительно-ли онъ человѣкъ убѣжденій или только фразеръ?

— Право, я ничего не могу сказать вамъ о немъ опредѣленнаго, отвѣчалъ Лебеда, — я его лично мало знаю. Когда онъ былъ доцентомъ, а я студентомъ, то онъ слылъ за большого либерала и, говорить, носилъ подъ полой Искандера на лекціи. Въ думѣ онъ держитъ себя безузориженно и ужъ намѣченъ вожакомъ либеральной партіи.

— Вожакомъ партіи, какъ громко сказано! — замѣтила Софья Александровна.

— Вы вотъ сказали, былъ доцентомъ, почему-же его не сдѣлали профессоромъ? спросилъ Покатиловъ.

— Потому что предпочли ему болѣе ученаго. То было время

высокаго поднятія духа университетскаго; даже такихъ людей, какъ Крагинъ и Картавецъ, забалотировывали.

— А Мандена вы знаете? спросилъ опять Покатиловъ.

— Этого финансоваго бога? Какъ же. Когда меня пускали въ хорошіе дома, я встрѣчался съ нимъ.

Покатиловъ разсмѣялся выраженію „въ хорошіе дома“.

— Какъ это понять нужно? спросилъ онъ.

— А такъ, что прежде дома Мандена, Картавцева и другихъ профессоровъ были открыты для молодежи. Тамъ можно было встрѣтить студентовъ, молодыхъ учителей. Теперь замѣчается какая-то разрозненность въ обществѣ. Одни заперлись и начали сторониться ото всѣхъ, другіе лѣзутъ куда-то вверхъ. Общество начинаетъ видимо обособляться, и я боюсь, что не по внутреннимъ свойствамъ, а по внѣшнему виду одежды. Я, конечно, беру такъ-называемое наше среднее общество.

Покатиловъ чувствовалъ, что передъ нимъ сидитъ все тотъ-же Лебеда, какимъ онъ зналъ его прежде, и ему становилось очень весело, точно еще вчера они разстались.

— А я обѣдалъ у Мандена, сказалъ Покатиловъ подзадоривающимъ тономъ, какимъ онъ часто любилъ говорить съ Лебедой.

— Экій счастливецъ!.. поздравляю васъ съ профессурою. Манденъ, это теперь та бабушка, которая, если кому поворожить—быть тому атаманомъ.

— Къ сожалѣнію, отвѣчалъ Покатиловъ,—я попалъ туда случайно, вслѣдствіе своего знакомства съ Лепехиннымъ.

— Лепехинъ, знаю! Это мой ученикъ, я засталъ его въ послѣднихъ классахъ.

— Неужели онъ еще такъ молодъ? Какъ-же вы его находите? спросилъ Покатиловъ.

— Никакъ, онъ не имѣетъ ровно никакой фізіономіи, хотя получалъ всегда хорошія отмітки и держалъ чистенько свои тетрадки. Но ему бабушка ворожить.

— А вы видѣли тамъ моего брата, Библина? спросила Софья Александровна.

— Видѣлъ, видѣлъ! вскричалъ Покатиловъ.—Такъ вотъ почему, глядя на васъ, я все задавалъ себѣ вопросъ, гдѣ я васъ видѣлъ. Вы очень похожи другъ на друга, поразительно...

— Если ихъ видишь порознь, замѣтилъ Лебеда.

Разговоръ сошелъ на городское управленіе. Оказалось, что Покатиловъ не зналъ даже, кто городской голова.

— Да вы съ неба свалились что-ли? смѣялся Лебеда.

Покатиловъ заявилъ, что вообще онъ рѣдко читаетъ газеты, а въ хорзайскаго „Охранителя“ даже не заглядывалъ.

Прощаясь съ хозяевами, Покатиловъ объявилъ, что будетъ заходить къ нимъ узнавать объ общественныхъ новостяхъ.

— Я предпочитаю лучше слышать о нихъ, нежели читать.

— Заходите, заходите, приглашала его Софья Александровна;— если мужа не будетъ дома, я могу сообщать вамъ, потому что я вѣдь тоже всѣмъ интересуюсь.

— А Крагинъ скоро выхлопочетъ женщинамъ право быть гласными, не утерпѣлъ Покатиловъ, чтобъ не сказать этого Софьѣ Александровнѣ.

— И вы не откажетесь помогать ему? смѣясь отвѣчала она.

— Нѣтъ, я женщину дальше гостиной никуда не пущу, никуда!.. Онъ говорилъ это, повидимому, совершенно серьезно, но тонъ его заставилъ разсмѣяться Софью Александровну.

Выйдя въ сѣня, Покатиловъ просунулъ носъ въ двери и спросилъ.

— Чѣмъ это у васъ такъ хорошо пахнетъ?

— Разной душистой травой, отвѣчала Софья Александровна.— Это сестра моего мужа присылаетъ намъ вѣнки изъ деревни, да и мужъ мой большой любитель всякаго сѣна, цвѣтущаго и нецвѣтущаго.

— А вы, Софья Александровна, сѣно любите? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Терпѣть не могу, отвѣчала она презрительно.

Покатиловъ спряталъ свой носъ.

— Зачѣмъ ты солгала? съ удивленіемъ спросилъ ее мужъ.

— Такъ нужно, непременно такъ нужно: къ чему человѣка разочаровывать. Женщина любитъ общественныя дѣла, значить, цвѣты ненавидитъ. Если-бъ ты видѣлъ эту мину, съ какой онъ спросилъ, „а вы сѣно любите, Софья Александровна?“ прогнусила она, поднимая носъ кверху и дѣлая фізіономію до такой степени похожую на Покатилова, что Лебеда расхохотался.

— Онъ очень интересный человѣкъ, очень интересный, сказалъ онъ.

— Да, мнѣ кажется, такихъ я еще не видывала, добавила Софья Александровна.

ГЛАВА X.

Покатиловъ весело возвращался къ себѣ въ свой номеръ. Это былъ первый вечеръ, пріятно проведенный имъ въ Хорзаѣ, и что всего болѣе ему понравилось, это то, что никто ничего не спрашивалъ ни о его практикѣ, ни о томъ, почему онъ до сихъ поръ не устроился, почему не нанялъ квартиры и не прибѣлъ къ дверямъ своимъ досчечки съ надписью: „докторъ такой-то принимаетъ больныхъ отъ такого-то и до такого-то часу“. Лебеда не выразилъ даже ни малѣйшаго удивленія, узнавъ о томъ, что онъ до сихъ поръ живетъ въ гостинницѣ. Потомъ никакихъ претензій зондировать его убѣжденія, а равно и желанія щегольнуть своими. Лебеда, по его мнѣнію, остался все тѣмъ-же искреннимъ, добрымъ, чуткимъ человекомъ, какимъ онъ знавалъ его въ гимназіи, безъ всякаго желанія стать на ходули, безъ стремленія къ отличію, безъ малѣйшей, повидному, жажды нажитья или сдѣлать карьеру. Вспомнилъ онъ теперь, какъ этотъ мальчикъ, сынъ изгнанника въ Архангельскѣ, поступилъ во второй классъ гимназіи. Онъ былъ отлично приготовленъ и шутя сталъ первымъ ученикомъ. Однажды директоръ сказалъ ему:

— Ты, Лебеда, primaus, садись на первое мѣсто.

— Зачѣмъ-же я сяду, наивно отвѣчалъ ребенокъ, — вѣдь я все знаю, чему тутъ учать, и только повторяю.

Вѣднаго мальчика едва не выгнали изъ гимназіи за этотъ правдивый отвѣтъ. Въ слѣдующихъ классахъ онъ иногда бывалъ первымъ, но какъ только замѣчалъ, что кто-нибудь силится занять это мѣсто, охотно уступалъ его. У нихъ не было дружбы въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Такіе мальчики, каковъ былъ Лебеда, отзывчивые, великодушные, вѣчно занятые борьбой съ чѣмъ-нибудь или сами съ собой, рѣдко останавливаютъ свои симпатіи на комъ-либо одномъ. Имъ нѣкогда тратить время на переливаніе изъ пустого въ порожнее, что составляетъ главное основаніе дружбы въ учебныхъ заведеніяхъ. Покатиловъ хорошо помнилъ, кого не любилъ Лебеда и даже преслѣ-

доваль, но кого онъ любилъ особенно, этого Покатиловъ не могъ сказать.

Часто взаимная борьба противъ чего-нибудь или совмѣстное чтеніе сближало ихъ на время, но потомъ Лебеда, живой и подвижный, какъ ртуть, ускользалъ, приставая къ какой-либо другой компаніи. И тѣ, кого ненавидѣлъ Лебеда, были дѣйствительно мальчишки съ подлыми наклонностями; за то и они всячески старались вредить ему, но лучшая часть класса всегда была на его сторонѣ. Почти всѣ, въ комъ были умъ и сердце, отсутствіе лести и трусости, любили Лебеду больше всѣхъ своихъ товарищей. Покатиловъ былъ изъ числа такихъ мальчиковъ.

Конечно, не безъ вліянія на молодые умы было и то, что отецъ Лебеды былъ изгнанныкомъ, что онъ едва не умеръ отъ тоски по своей родинѣ, что какая-то свѣтловолосая красавица-барышня, несмотря на запрещеніе родителей, сдѣлалась его второй женой и въ свое короткое замужество была такъ счастлива, такъ счастлива, что жизнь ихъ чуть-ли не вошла въ пословицу. Всѣ въ городѣ уважали стараго Лебеду. Отецъ Покатилова, по своему іерархическому положенію принадлежавшій какъ-бы къ аристократіи, конечно, не бывалъ самъ у старика, но позволялъ своему сыну ходить къ товарищу, и Покатиловъ любилъ посѣщать этотъ маленькій домикъ, гдѣ всегда такъ вкусно пахло съѣстнымъ и старая няня угощала ихъ пампушками и варениками своего приготовления.

Сестра Лебеды отъ второй матери жила по смерти ея у своей бабушки, такъ какъ старикъ цѣлый день былъ занятъ уроками. Въ ту пору общество не было еще деморализовано, какъ теперь, и могло уважать человѣка, не раздѣляя или не понимая его убѣжденій, за его страданія.

Вспомнилось еще Покатилову, что онъ такъ много слышалъ отъ старика-Лебеды разсказовъ о его родинѣ, что однажды, взявъ листъ бумаги, въ три ряда нарисовалъ: избу и около избы тополь, избу и тополь. Онъ много работалъ надъ своимъ произведеніемъ и, окончивши его, съ восторгомъ поднесъ старику.

— Хатки-то хороши, сказалъ старикъ, — но зачѣмъ около каждой по солдату стоятъ?

Покатиловъ такъ обидѣлся этимъ замѣчаніемъ, что разорвалъ листъ и потомъ ни за что не соглашался нарисовать другую кар-

тинку. Онъ разсмѣялся теперь, вспоминая этотъ эпизодъ. Его собственная семья, скованная до педантичности строгимъ отцомъ, иногда казалась ему тѣсной клѣткой, откуда онъ бѣжалъ къ Лебедѣ слушать задушевные бесѣды и упиваться гармоническими звуками южныхъ пѣсень. Отецъ и сынъ представляли поэтическую полосу въ его гимназической жизни, скудной внѣшними впечатлѣніями. За годъ до окончанія гимназическаго курса, старикъ получилъ позволеніе возвратиться на родину. Лебеда-сынъ находился постоянно въ возбужденномъ состояніи, писалъ много стиховъ и еле-еле кончилъ гимназію, не получивъ никакой награды. Еще шли послѣдніе экзамены, а у старика все было уложено и приготовлено къ отъѣзду. Поватиловъ присутствовалъ въ числѣ многихъ товарищей, провожавшихъ Лебеду. Онъ помнилъ, что старикъ сказалъ какую-то рѣчь, отъ которой многіе заплакали, что молодой Лебеда тоже сказалъ рѣчь своимъ товарищамъ, что многіе отвѣчали ему рѣчами, въ чемъ-то клялись и что-то обѣщали, но что онъ ни въ чемъ не клялся и ничего не обѣщавъ, отчего чувствовалъ себя совсѣмъ не хорошо и точно чужимъ среди всѣхъ. И тутъ-же онъ увидѣлъ сестру Лебеды, бѣлокурую дѣвочку. Она плакала, топала ногами, рвалась и кричала, что не хочетъ оставлять своей бабушки.

Поватиловъ ничуть не былъ удивленъ, найдя своего товарища въ скромной роли учителя. Лебеда никогда не желалъ отличиться; онъ считался у нихъ первымъ поэтомъ, часто поражалъ своихъ товарищей силой воображенія и смѣтливостью, но никогда не старался поразить свое начальство чѣмъ-нибудь. Были такіе, которые любили поэксплуатировать его въ свою пользу, и Лебеда съ невозмутимымъ незлобіемъ говорилъ въ такихъ случаяхъ: „а ты, кажется, съ моего голоса спишь“; всего-же чаще онъ даже не замѣчалъ этого. Учился онъ не энергично, но за то съ неутомимой энергіей преслѣдовалъ все, что не подходило подъ тотъ нравственный идеалъ, къ которому онъ стремился самъ и увлекалъ за собой другихъ. Такъ-же энергично работалъ онъ надъ уясненіемъ себѣ того, безъ чего, по его мнѣнію, нельзя было защитить своихъ убѣжденій и постоять за нихъ. Поватиловъ любилъ его, но считалъ въ одно и то-же время и сильнымъ, и слабымъ. Слабымъ въ томъ отношеніи, что его легко можно было эксплуатировать и что онъ охотно бросалъ ученіе для разныхъ

треволненіи жизни, а сильнымъ—его неподеушностью, его энергіей въ преслѣдованіи своихъ цѣлей и способностью увлекать за собой другихъ. Покатиловъ вспомнилъ, что однажды передъ выпускнымъ экзаменомъ у нихъ былъ разговоръ, въ которомъ онъ ему высказалъ что-то подобное.

— Я знаю, отвѣчалъ Лебеда, — что изъ меня никогда не выйдетъ хорошаго специалиста. Ученымъ я не буду, но за то я приобрѣту хорошую привычку возмущаться всякой несправедливостью и стоять за правду.

ГЛАВА XI.

Федоръ Карловичъ провелъ сегодня очень дурную ночь. Онъ легъ довольно поздно и въ этотъ короткій промежутокъ между тремя и семью часами безпрестанно просыпался, тревожимый безсвязными, причудливыми сновидѣніями. Когда онъ началъ одѣваться, ему сдѣлалось дурно. Растерявшійся слуга побѣждалъ сказать экономкѣ. Экономка разбудила Гермину Карловну. Въ домѣ поднялась суета, послали за докторомъ Сиве.

— Не говорите сестрѣ моей, было первое слово, когда Федоръ Карловичъ пришелъ въ себя.

— Федосья Викентьевна изволили сказать, отвѣчалъ слуга.

— Зачѣмъ-же вы это сдѣлали? укоризненно замѣтилъ Федоръ Карловичъ.— Дайте мнѣ поскорѣй сюртукъ.

Надѣвая сюртукъ, онъ опять почувствовалъ головокруженіе.

— Стаканъ воды! Пожалуйста, скорѣй! проговорилъ онъ, силясь удержаться на ногахъ.

Вода нѣсколько освѣжила его. Онъ хотѣлъ идти успокоить сестру, но на порогѣ встрѣтилъ ее, испуганную, блѣдную.

— Зачѣмъ тебя побезпокоили? поспѣшно проговорилъ онъ, цѣлуя ея руку и усаживая ее въ кресло.

— Но ты здоровъ, голубчикъ мой? Съ тобой ничего не случилось? О, Боже сохрани, мнѣ-бы не сказали о твоей болѣзни!

Она взяла обѣими руками голову своего возлюбленнаго брата-сына и стала покрывать поцѣлуями.

— Что было съ тобой, скажи мнѣ...

— У меня закружилась голова. Я вспомнилъ, что вчера ничего не ѣлъ, — мнѣ нездоровилось. Вечеромъ тоже забылъ

поѣсть и много работаль; вотъ отчего произошло мое головокруженіе. Теперь я чувствую себя совсѣмъ бодрымъ и свѣжимъ. Иди, дорогая моя, отдохни, у тебя руки дрожать; ты очень встревожилась.

Гермина Карловна, почувствовавшая послѣ возбужденія сильную слабость, оперлась на руку своего брата и побрела на свою половину, гдѣ, сіяющая и счастливая, что съ нимъ ничего особеннаго не случилось, легла на диванъ.

Ноги ея еще дрожали отъ пережитаго волненія.

Федоръ Карловичъ несъ дѣйствительно непосильные труды.

Въ необходимости присутствовать нѣсколько часовъ въ банкѣ, къ работамъ хотя и необременительнымъ, но все-же неизбѣжнымъ, какъ предсѣдателя разныхъ комисій въ думѣ, онъ, кромѣ того, писалъ статью, въ которой разбиралъ книжку одного экономиста-профессора. Потребность умственного труда не оставляла его, хотя, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ добровольно оставилъ университетъ, гдѣ прослужилъ не мало и гдѣ его постоянно выбирали ректоромъ въ перемежку съ профессоромъ Калугинимъ. Профессора хорзайскаго университета не знали середины между акуратнымъ до щепетильности, точнымъ до мелочности и требовательнымъ до педантизма Федоромъ Карловичемъ и разнузданнымъ, вѣчно жившимъ въ желудокъ, съ отсутствіемъ всякихъ психическихъ задатковъ, Калугинимъ. Когда они уставали отъ педантизма, требовательности и акуратности Мандена, они выбирали Калугина. Начиналась руготня и помыканье ректоромъ, который спалъ, а просыпаясь, пыхтѣлъ только; секретари воображали себя ректорами и начинали забываться. Всѣ студенческія исторіи, которыя, обыкновенно, при Манденѣ не выходили изъ стѣнъ университета, принимали острый характеръ. Общая неурядица достигала такихъ размѣровъ, что чувствовалась потребность въ уздѣ. „Узду! узду!“ кричали многіе и выбирали Мандена. Порядокъ и гармонія тотчасъ водворялись, секретари принимали почтительный видъ и занимались больше дѣломъ, чѣмъ внутренней политикой университета. Когда избирался Калугинъ, въ залъ правленія появлялась статуя Сусанны во всей своей божественной наготѣ, „чтобъ старца вдохновлять“. Избирался Манденъ, — статуя уносилась. И ничего никогда не говорилъ Федоръ Карловичъ. Можетъ быть, онъ удовольствовался бы покрываломъ

или даже винограднымъ листомъ; но статуя уносилась, чувствовалось: *dasz etwas anderes muss ihm begeistern*. Выбирали Калугина,—онъ устраивалъ избирателямъ обѣды и говорилъ рѣчи; выбирали Мандена,—ему давали обѣды и произносили хвалебныя рѣчи.

Федоръ Карловичъ сидѣлъ за утреннимъ чаемъ, когда вошелъ Сиве. Онъ былъ въ глубокомъ траурѣ, выраженіе его лица было грустное и сосредоточенное.

— Я слышалъ, съ участіемъ заговорилъ Федоръ Карловичъ,— что васъ постигло семейное несчастье. Какъ ваша супруга? Я звѣждалъ навѣстить ее, но никого не засталъ дома.

— Она, бѣдняжка, очень огорчена.

— Да, это должно-быть ужасно, сказалъ Манденъ, думая: неужели и ему предстоитъ испытать потерю сестры? И какъ-бы отвѣчая на свой внутренній вопросъ, онъ прибавилъ: — у нея есть мужъ и дѣти, ей есть чѣмъ утѣшиться.

— Да, да, она имѣетъ въ насъ нѣкоторое утѣшеніе, все съ той-же казенно-грустной миной отвѣчалъ Сиве.

Мудрено было понять, что происходило въ настоящую минуту въ душѣ Федора Карловича.

— Ваше здоровье, любезный Федоръ Карловичъ, ваше здоровье, вы его совсѣмъ не бережете! сказалъ Сиве.

— О, это пустяки, отвѣчалъ Манденъ;—я, какъ оказывается, вчера цѣлый день не собрался поѣсть: вотъ и причина моего нездоровья. Странно, Густавъ Ивановичъ: съ нѣкоторыхъ поръ я никогда не чувствую осязательнаго аппетита. Головная боль или дурнота заставляютъ меня вспомнить о томъ, что я голоденъ; вотъ почему мнѣ такъ легко забыть поѣсть во-время.

— Это есть признакъ чрезмѣрнаго напряженія нервной системы. Противъ васъ нужно составить заговоръ, чтобы отрѣшить васъ отъ нѣкоторыхъ должностей.

Густавъ Ивановичъ не хотѣлъ употребить слово „отрѣшить“, но онъ очень дурно выражался по-русски.

— Отрѣшить меня, Густавъ Ивановичъ, никто не можетъ, отвѣчалъ, улыбаясь, Федоръ Карловичъ,—потому что я никогда ничего не ищу, но принимаю по настоятельнымъ просьбамъ.

— Я не такъ выразился, не такъ выразился, оправдывался

Густавъ Ивановичъ, нѣсколько конфузясь. — Я знаю, чѣмъ всѣ мы вамъ обязаны.

Онъ ненавидѣлъ привычку Мандена говорить непремѣнно, со всѣми по-русски. Онъ вѣчно попадалъ съ нимъ въ просакъ, потому что всегда старался показать ему, что русская рѣчь его ничуть не затрудняетъ.

— Не пройдетъ-ли вы къ сестрѣ моей? пригласилъ его Федоръ Карловичъ.

При постороннихъ онъ никогда не называлъ ее матерью.

— Я вамъ совѣтую, говорилъ Густавъ Ивановичъ, возвращаясь изъ внутреннихъ покоевъ и ища свою шляпу, — сегодня не приниматься ни за какое серьезное дѣло. Поработайте въ саду, это возбудитъ вашъ аппетитъ, погуляйте... Если захотите почитать, читайте книжку легкую.

— Мнѣ можно будетъ пройтись сегодня на публичную лекцію Крагина?

— О, ни въ какомъ случаѣ не совѣтую! Будетъ много народа, жара, и обморокъ вашъ можетъ повториться.

— А вѣдь Парфеновъ-то нашъ не на шутку желаетъ отказаться быть городскимъ головой, сказалъ Федоръ Карловичъ.

— Можетъ быть, онъ хочетъ, чтобъ его усерднѣе попросили?

— Не думаю; онъ слишкомъ богатъ, и его тяготитъ всякое стѣсненіе, хоть-бы, напримѣръ, необходимость жить постоянно въ Хорсаѣ. Вы не слышали, Густавъ Ивановичъ, кого прочать въ городскіе головы?

— Къ сожалѣнію, мнѣ кажется, больше всѣхъ шансовъ имѣетъ Леденевъ. Городъ смотритъ на Парфенова, какъ на чужого и расточителя и желаетъ имѣть своего бережливаго городского голову.

— То-есть такого, продолжалъ Федоръ Карловичъ, — который будетъ прятать городскія деньги подъ замокъ или отдавать ихъ въ ростъ для того, чтобъ, сдавая управленіе другому, имѣть возможность сказать, что онъ сберегъ и преумножилъ капиталъ, а городъ можетъ придти въ запустѣніе.

— Я, какъ докторъ, могу только сказать, что вы сдѣлали совершенно правильный діагнозъ болѣзни г. Леденева, отвѣчалъ Сиве, совершенно довольный, что ему удалось произнести такую, по его мнѣнію, пышную фразу.

— Намъ нуженъ, горячо заговорилъ Федоръ Карловичъ, — городской голова не лѣнливый богачъ, который, принимая эту должность, думаетъ, что дѣлаетъ городу большое одолженіе, и не кропотливый сберегатель грошей. Такіе люди селонны дрожать надъ сотнями и никогда не бываютъ настолько дальновидны, чтобы предвидѣть тысячи въ будущемъ. Для города нуженъ человѣкъ образованный, энергичный и дальнзоркій.

— Мнѣ кажется, сказалъ Сиве, пытливо вглядываясь въ лицо Федора Карловича, — такой человѣкъ есть Брагинъ.

Федоръ Карловичъ ничего не отвѣтилъ, и лицо его осталось непроницаемо.

„Политикъ, думалъ Сиве, садясь въ свой экипажъ, — тонкій политикъ“. Пфу, *ferfluchte Geschichte*, какъ онъ всегда уставалъ отъ визита къ Мандену! И, переводя этотъ вопросъ на практическую почву, Сиве рѣшилъ, что такой визитъ стоитъ 100 р., „*nicht weniger, nicht weniger*“, мысленно добавилъ онъ.

А Федоръ Карловичъ послѣ отъѣзда Сиве не пошелъ работать въ садъ для возбужденія аппетита, но, пододвинувъ кресло къ письменному столу, принялся перебирать рукописи. У него такъ много было спѣшной обязательной работы.

Богачъ Парфеновъ пожертвовалъ городу сто тысячъ, для устройства ночлежныхъ пріютовъ или дома бѣдныхъ, или же даровыхъ квартиръ для студентовъ. Манденъ подалъ особое мнѣніе, въ которомъ представлялъ неудобства устроить то и другое, и предлагалъ обратить эти средства на реальное или коммерческое училище. Къ нему присоединились Брагинъ и Картавцевъ. Лебеда подалъ, съ своей стороны, особое мнѣніе, совѣтуя не отступать отъ первоначальной мысли жертвователя. Онъ представлялъ бѣдственное положеніе классовъ нищихъ, дурное состояніе ночлежныхъ домовъ, въ которыхъ, вмѣстѣ съ поддонками общества, помѣщается весь контингентъ городскихъ и пришлыхъ поденныхъ рабочихъ. Была избрана комиссія, подъ предсѣдательствомъ Федора Карловича, которой и было поручено представить къ слѣдующему очередному собранію думы докладную записку объ этомъ капиталѣ. Отложить это дѣло было невозможно. Крошѣ того, Манденъ обѣщалъ къ слѣдующему номеру одного изъ петербургскихъ журналовъ приготовить свою статью.

Иногда онъ останавливался и клалъ перо.

„Неужели это старость, думалъ онъ,—и моя голова начинаетъ терять способность выдерживать долгое напряженіе?“ Дожить до глубокой старости онъ, Манденъ, не желалъ. Какъ человѣкъ въ высокой степени воздержный и работающій, онъ не могъ безъ внутренней гадливости смотрѣть на людей, которые, нося всѣ признаки умственного и нравственного одряхленія, все-таки силятся занимать общественныя должности. Свинные глаза, растопыренныя дрожащія ноги, слюнявыя отвисшія губы, это все то, что, по его мнѣнію, нужно было прятать, а не выставлять на показъ. Сестра его, шестидесяти-пяти-лѣтняя старуха, ходила прямо и носила корсетъ; самому ему никто не давалъ его лѣтъ, такъ онъ сохранился. Онъ любилъ окружать себя своими учениками, онъ жилъ ихъ жизнью. Брагинъ, Герке, Лепехинъ, Билибинъ—это были люди, которымъ онъ вѣрилъ, которыхъ онъ желалъ видѣть окруженными почетомъ и уваженіемъ.

Какъ человѣкъ науки, Федоръ Карловичъ въ своихъ бывшихъ лекціяхъ студентамъ не могъ пройти молчаніемъ борьбы на западѣ труда и капитала. Онъ никогда не позволилъ бы себѣ сказать, что борьба эта есть замкнутый кругъ, изъ котораго никому не выйти. Но какъ человѣкъ признающій теперешнее положеніе вещей вполне естественнымъ и законнымъ, онъ не смотрѣлъ на эту борьбу съ трагической точки зрѣнія; онъ признавалъ фактъ, констатировалъ его съ формальной стороны и, съ послѣднимъ словомъ его лекціи, вся эта борьба укладывалась въ книжку, прикрывалась коричневымъ каленкоровымъ переплетомъ и ничуть не смущала Мандена. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неуязвимъ. Онъ болѣе всего вѣрилъ тому, что становилось достояніемъ исторіи. Для того, чтобы уяснить себѣ прошлое, достаточно одного ума или даже одной учености, но чтобы понять настоящее и дѣйствовать въ немъ, нужно что-то болѣе сложное, чѣмъ умъ, нужно умѣть много возлюбить и многое, многое простить.

Федоръ Карловичъ совершенно искренно не могъ прислушаться къ голосу толпы; онъ не понималъ ея требованій и противорѣчій, онъ презиралъ всякое непризнанное подпольное сопротивленіе. Но еслибъ кто сталъ увѣрять его, что онъ вѣритъ только въ побѣду, Федоръ Карловичъ съ негодованіемъ отвѣчалъ-бы: „вѣрить только въ побѣду есть признакъ дюжинныхъ натур“.

Одаренный хорошими способностями, усидчивостью, любовью къ труду, воспитанный въ духѣ строгаго нѣмецкаго консерватизма, — *langsam, nur langsam*, то дурно, что само собой падаетъ, — онъ прямо шелъ по пути жизни, беря то, что по праву принадлежало ему, безъ лести, безъ униженія, и русская жизнь поднесла ему все, что онъ могъ получить по своимъ способностямъ, и даже больше. И выступилъ онъ на общественную арену въ хорошее время, когда былъ сильный спросъ на людей образованныхъ, когда ихъ искали и умѣли цѣнить. То было время широкихъ надеждъ и горячихъ упованій.

ГЛАВА XII.

За обѣдомъ Федоръ Карловичъ не чувствовалъ ровно никакого аппетита. Онъ ѣлъ, чтобы не обезпokoить сестру свою, зорко слѣдившую сегодня за каждымъ его движеніемъ. День былъ чудесный; онъ взялъ шляпу и хотѣлъ идти совершать свою обычную прогулку по саду, но, на порогѣ кабинета, вдругъ что-то вспомнилъ, подошелъ къ письменному столу и отперъ одинъ изъ ящичковъ. Здѣсь, въ пакетѣ, перевязанномъ розовой ленточкой съ надписью: *Moget, confiseur suisse*, лежали конфеты. Манденъ досталъ нѣсколько, въ красивыхъ разноцвѣтныхъ бумажкахъ, и, спрятавъ ихъ въ карманъ, вышелъ.

Проходя по двору, онъ зашелъ въ сторожку, находившуюся около калитки, гдѣ хранились обыкновенно садовые инструменты и гдѣ на стѣнѣ висѣлъ его складной ковровый стулъ. Повѣсивъ себѣ стулъ на руку, онъ вошелъ въ садъ, безпрестанно оглядываясь, точно поджидая кого-то. Онъ даже не притворилъ калитку и нѣсколько минутъ стоялъ за ней въ нерѣшимости, потомъ медленно пошелъ вдоль широкой липовой аллеи. Черезъ нѣсколько минутъ въ садъ проскользнула дѣвочка лѣтъ пяти или шести, она не слышно побѣжала за Федоромъ Карловичемъ.

— Баринъ, а, баринъ! позвала она его.

Манденъ быстро повернулся къ ней. Лицо его, за минуту блѣдное, пасмурное, освѣтилось теперь привѣтливой улыбкой. Дѣвочка оглянулась по сторонамъ, приложила палецъ ко рту и таинственно прошептала:

— А сегодня мама пьяная...

Она такъ озабочена была этимъ обстоятельствомъ, имѣла такой важно-комическій видъ, что какъ ни привыкъ Федоръ Карловичъ къ разнымъ выходкамъ этого занимательнаго ребенка, онъ громко разсмѣялся.

— Иди за мной, сказалъ онъ, направляясь къ бесѣдкѣ и маня ее.

— Руки помою, отвѣчала она съ важностью.

Манденъ раскинулъ свой складной стулъ при входѣ въ бесѣдку и могъ оттуда видѣть, какъ дѣвочка, перегнувшись черезъ край бассейна, поболталась рученками въ водѣ, мазнула одной изъ нихъ себя по лицу, обтерлась подоломъ юбки и, легко попрыгивая и похлопывая красными рученками, подбѣжала къ нему.

— Такъ мама пьяная была? спросилъ онъ.

— Пьяная, покачивая головой, серьезно отвѣчала дѣвочка, а татъка пришелъ и сталъ маму бить. Шимля *) летить, сапоги летять! Я испугалась, да сама подъ скамейку, дрожу, дрожу!

При этомъ она съежилась, подняла плечи, сдвинула локти, представляя такимъ образомъ олицетвореніе страха.

Федоръ Карловичъ восхищался выразительнымъ личикомъ, онъ поднялъ ее и въ первый разъ посадилъ къ себѣ на колѣни. Дѣвочка вспыхнула отъ удовольствія. Манденъ смутился. „Неужели она меня конфузится?“ мелькнуло въ его умѣ... Но она вдругъ повернула къ нему сіяющее личико, обхватила его шею рученками и прошептала: „я тебя, дядя, люблю“.

На него пахнуло свѣжимъ дѣтскимъ дыханіемъ и еще чѣмъ-то, чего онъ не могъ опредѣлить, точно запахомъ молодой, свѣжей травы. Онъ понялъ, что происходило теперь въ этой маленькой душонкѣ, которая такъ любовно, сердечно жалась къ нему, и за что? Онъ никогда ничего не давалъ ей; онъ замѣтилъ, съ какимъ любопытствомъ она заглядывала въ садъ и позволилъ ей гулять съ собой. Имъ овладѣла въ настоящую минуту еще никогда не испытанная нѣжность къ этому маленькому безпомощному созданію, которое нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ поселилось въ его кухнѣ вмѣстѣ съ своей матерью-прачкой. Онъ вспомнилъ о конфетахъ; онъ нарочно заѣхалъ вчера купить ихъ

*) Ширма.

для нея, но сегодня не могъ рѣшиться отдать ихъ. Онъ боялся оскорбить безкорыстное чувство ребенка.

— Такъ ты меня любишь? спросилъ онъ ее съ сердечнымъ трепетомъ.

— Да, люблю, отвѣчала дѣвочка.

Она выпрямилась на его колѣняхъ, закинула голову и начала болтать ногами, забавляясь тѣмъ, что пятками ударяла о дерево его складного стула. Мандень одной рукой поддерживалъ ее, другой гладилъ ея выпцвѣтшіе отъ солнца волосы, а внутренній голосъ шепталъ ему: „возьми эту дѣвочку, воспитай; вытянутая изъ грязи, обязанная тебѣ всѣмъ, она станетъ любить тебя, какъ отца, ты не будешь одинокъ въ старости“.

Онъ поднялъ со лба ея волосы. „Какое прекрасное можетъ быть у нея лицо, думалъ онъ,—если придать ему выраженіе и освѣтить сознаниемъ. „Возьми ее“. Но что скажутъ, говорилъ другой голосъ,—что подумаютъ всѣ его знакомые и незнакомые? Какой просторъ для злыхъ языковъ! Мандень взялъ дѣвочку на воспитаніе... Какую дѣвочку? Зачѣмъ именно дѣвочку, а не мальчика? Тутъ что-то не чисто! И пойдутъ, и пойдутъ!.. Сострадательныя улыбки, снисходительныя покачиванія головы... Все это пятномъ ляжетъ на будущность дѣвушки. Нѣтъ, этого никакъ нельзя. Ни одна женщина не царилъ въ его домѣ, кромѣ сестры, и ни одна не можетъ теперь вступить въ него.

Дѣвочка, точно почувствовавъ, что она лишняя, сползла съ колѣнъ его и начала бѣгать по саду, а Мандень остался сидѣть возлѣ бесѣдки, и мысли тѣснились въ его возбужденномъ умѣ. Вспомнилъ онъ молодую, красивую дѣвушку, дочь его друга и любимаго учителя. Она сбѣла тогда съ толку всѣ его обычныя мысли. Онъ дрожалъ при встрѣчѣ съ нею, онъ боялся поднять вѣки, чтобы взглянуть на нее. Но она вышла замужъ за какого-то мальчишку Лебеду... Вспомнилъ онъ, какъ трудно было ему войти въ колею своей сухой труженической жизни, какъ хватался онъ за всякій призракъ любви къ кому-нибудь, чтобы наполнить ту бездну, которая вдругъ образовалась въ душѣ его.

Онъ привязался къ пухлому, краснощекому вношѣ Лепехину и поселилъ его у себя; но въ этомъ чувствѣ никогда не было той нѣжной нотки, которая звучала въ душѣ его, когда онъ держалъ на колѣняхъ эту маленькую дѣвочку. Никогда женская головка

не покоилась съ довѣріемъ на груди его, никогда рука его съ любовью не скользила вдоль нѣжныхъ женскихъ плечъ и сладкій голосъ не нашептывалъ ему слова любви. Сколько людей выросло и женилось на его памяти; сколько дѣтей родилось и превратилось въ юношей... Одинъ онъ стоитъ, какъ столпъ несокрушимый, не поддаваясь никакимъ переменамъ; только вліяніе его растетъ и растетъ со дня на день. Онъ знаетъ, что онъ сдѣлалъ; онъ не даромъ окруженъ почетомъ и уваженіемъ. Не даромъ говорятся ему рѣчи! И развѣ это все, на что онъ способенъ? Онъ чувствуетъ въ себѣ много силы на новыя труды.

Кто можетъ сказать, что роль его въ обществѣ сыграна и кругъ дѣятельности завершился? Жизнь человѣка дѣятельнаго не есть что-нибудь неподвижное, замкнутое въ извѣстныя рамки; она колеблется и движется. И какъ знать, что онъ не выступитъ неожиданно и смѣло на помощь обществу, когда оно того потребуетъ?.. Вспомнились ему безконечныя студенческія исторіи, которыя ему удавалось улаживать; вспомнилъ онъ, какъ однажды грозило банкротство частному банку, какъ произошла въ публикѣ паника, — онъ поѣхалъ въ Петербургъ, хлопоталъ, и своимъ вліяніемъ и поддержкой спасъ банкъ, установилъ колеблющійся кредитъ. Кризисъ миновалъ... Какъ не благодарить Мандена, этого честнаго, безкорыстнаго, вѣчно-юнаго старика?

Такое молодое государство, какъ Россія, продолжаетъ думать Манденъ, — всегда подвержено скачкамъ въ своемъ историческомъ ростѣ, но оно вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ большой просторъ для широкихъ государственныхъ реформъ и учрежденій, оно представляетъ возможность плодотворной дѣятельности для сильной личности. И чувствуется ему, что Россія требуетъ многихъ преобразованій, что многое старое давно отжило. Нужно, чтобъ наука пришла на помощь практикѣ, нуженъ человѣкъ, который поставилъ бы дѣло государства выше всѣхъ личныхъ расчетовъ, выше собственной жизни. Конечно, трудно сказать теперь, какая комбинація потребуется для разрѣшенія этой задачи, потребность родитъ комбинацію. Нужно быть только научно, а еще болѣе нравственно подготовленнымъ къ этому.

И я готовъ, думаетъ онъ, чувствуя, что вечерѣть и его пробираетъ холодъ. Когда онъ проходилъ дворомъ, за нимъ послышался пискливый голосъ дѣвочки.

— Дядя, а, дада! звала она его.

Ей хотѣлось пожаловаться ему на садовника, но Федоръ Карловичъ даже не обернулся. До нея-ль ему: онъ шелъ съ портфелью министра...

Придя къ себѣ въ кабинетъ, онъ черезъ нѣкоторое время спросилъ вошедшаго слугу.

— Отчего плакала дѣвочка?

— Садовникъ обижается, сударь: ужь очень шкродливая стала.

— Отдайте ей эти конфеты, что-бъ она не плакала; зачѣмъ обижать ребенка.

Слуга отдалъ конфеты сосѣдней горничной, которая каждый вечеръ выбѣгала за ворота посмотреть, не вышелъ-ли генеральскій лакей, а дѣвочкѣ достался одинъ обѣдочекъ въ золотой бумажкѣ, и тому она была несказанно рада.

Федоръ Карловичъ только-что собирался прилечь, какъ кто-то постучался къ нему.

— Войдите, сказалъ онъ и сѣлъ. Вошелъ Лепехинъ.

— Это вы, Валеріанъ Петровичъ, такъ я прилягу. Гдѣ вы были? Цѣлый день я васъ не видѣлъ.

— Я обѣдалъ у Барышевыхъ. Я слышала, вы были нездоровы.

— Сущіе пустяки, отвѣчалъ Мандень:— маленькая слабость и только. Значить, вы не были на лекціи?

— Напротивъ, я пропустилъ только начало.

— Ну какъ-же она вамъ понравилась?

— Лекція была, если можно такъ выразиться, черезъ-чуръ популярна. Но вы сами нѣсколько разъ говорили, что очень популярно, то никогда не можетъ быть очень хорошо.

Федоръ Карловичъ улыбнулся.

— Вы остаетесь вѣрны себѣ, любезный Валеріанъ Петровичъ. Лекція, читанная о новомъ городскомъ управленіи, касающемся всѣхъ горожанъ, какъ-бы ни былъ низокъ уровень ихъ умственного развитія, не можетъ не быть популярной, иначе пришлось-бы совсѣмъ отказаться отъ чтенія подобныхъ лекцій.

— Значить, я не такъ выразился, отвѣчалъ Лепехинъ:— самымъ подходящимъ выраженіемъ для этой лекціи будутъ слова: черезъ-чуръ либеральна.

Федоръ Карловичъ опять улыбнулся.

— И здѣсь, я нахожу, очень важно, кто и какъ читаетъ. Если человекъ, стоящій на чисто-научной почвѣ, станетъ поддерживать свободу и самоуправленіе, то это можетъ укрѣпить духъ слушателей; ну, а если неучи начнутъ проповѣдывать что-нибудь подобное на подкладѣ невѣжества и неуваженія къ законности, эффектъ получится совсѣмъ обратный.

— А гдѣ-же то обуздывающее начало, которое должно воздерживать неучей отъ извращенія научныхъ идей?

— Въ насъ самихъ, другъ мой, непремѣнно въ насъ самихъ...

Мандень умоляетъ. Ему хотѣлось и многое сказать, и опять что-то удерживало его, точно это многое не должно было вылиться передъ Валеріаномъ Петровичемъ. Въ первый разъ замѣтилъ сегодня Мандень, что Лепехинъ очень растолстѣлъ. Вообще онъ чувствовалъ себя какъ-то странно настроеннымъ; онъ способенъ былъ наговорить много лишняго.

Валеріанъ Петровичъ между тѣмъ спокойно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ. Онъ возражалъ Мандену безо всякаго внутренняго побужденія, такъ себѣ, чтобъ только говорить что-нибудь.

— Я хотѣлъ сказать вамъ, Федоръ Карловичъ, началъ онъ и запнулся, — я собираюсь жениться...

— И вы тоже жениться! воскликнулъ Федоръ Карловичъ и быстро приподнялся на диванѣ. Онъ сконфузился, поймавъ себя на продолженіи мыслей, которыя такъ недавно волновали его.

Валеріанъ Петровичъ отнесъ это восклицаніе къ недавней женитьбѣ Герье.

— И я тоже, отвѣчалъ онъ.

— На комъ-же это?

— На сестрѣ Барышева.

— Ну, съ Богомъ! Она, должно-быть, хорошая дѣвушка, если выходитъ за васъ замужъ.

— Благодарю васъ, Федоръ Карловичъ, вы всегда были очень добры ко мнѣ.

Федоръ Карловичъ съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на него.

Онъ разумѣлъ: хорошая дѣвушка, потому что она изъ богатаго дома и выходитъ замужъ за Лепехина, ничего не имѣющаго, а тотъ принялъ этотъ комплиментъ на свой счетъ. Нечего дѣлать, пусть будетъ такъ! Федоръ Карловичъ промолчалъ и только подумалъ: „Охъ, эти женихи, какъ они всегда самонадѣянны“.

— Желаю вамъ счастья, проговорилъ онъ.— Это очень, очень серьезный шагъ. Вы счастливы? вдругъ спросилъ онъ его.

Валеріанъ Петровичъ смѣшался. Вопросъ былъ и страненъ, и неожиданъ отъ такого человѣка, какъ Федоръ Карловичъ.

— Я счастливъ... съ запинкой отвѣчалъ Лепехинъ.

Но Манденъ не видѣлъ на немъ отраженія того счастья, которое, по его мнѣнію, онъ долженъ былъ испытывать; и когда Валеріанъ Петровичъ удалился, Манденъ невольно сталъ думать, что это теперь за молодежь, какъ она покойна и уравновѣшена. И опять его мысль вернулась къ прошлому. Вспомнилъ онъ, какъ, подъ влияніемъ любви къ Билибиной, онъ чувствовалъ себя и моложе, и сильнѣе, дѣйствительно точно крылья у него тогда выросли. Что, если-бъ онъ былъ ея женихомъ? Даже теперь, черезъ столько лѣтъ, онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ при одной этой мысли и на мгновенье почувствовалъ себя необъятно счастливымъ. Только тупая боль въ сердцѣ осталась черезъ минуту отъ этого ощущенія. „Что дѣлать! жаловался ему старикъ Билибинъ.— Этимъ дѣвочкамъ всегда мальчишки нравятся“.

Да, эти мальчишки, Герке, Лепехинъ, Лебеда, они и не чувствуютъ, какъ много получаютъ. Можетъ быть, дѣйствительно эти молокососы много даютъ, отдаваясь сами своимъ возлюбленнымъ? Онъ никогда такъ не думалъ, даже въ самую цвѣтущую пору своей юности. И чувство зависти шевельнулось въ немъ теперь ко всѣмъ этимъ молокососамъ. Особенно Лебеда злилъ его. Этотъ, какъ видно, не только не испытывалъ никакого блаженства, но даже не старался обставить жену свою комфортомъ. Какъ часто встрѣчалъ онъ ее потомъ утромъ на базарѣ, въ какомъ-то поношенномъ бурнусикѣ. Любимая женщина среди торговоекъ! Было что-то ужасное въ этомъ для Федора Карловича. Когда въ первый разъ онъ увидѣлъ ее на базарѣ, ему показалось, что любовь его къ ней умерла, и каждый разъ, когда нераздѣленное чувство возвращалось къ нему, онъ вспоминалъ ее среди торговоекъ и на время успокоивался. Но сегодня онъ упорно думалъ о ней, ничто не могло отогнать этого дорогаго назойливаго образа. „Она пожалѣветъ когда-нибудь, что не вышла за меня замужъ“, рѣшилъ мысленно Федоръ Карловичъ: „Но вѣдь она даже не знаетъ, что я любилъ ее“, вдругъ опомнился онъ, поймавъ себя на преступныхъ мысляхъ. Въ комнатѣ совсѣмъ стемнѣло, онъ оцупью проб-

рался къ столу, зажегъ лампу и проработалъ до 3-хъ часовъ ночи.

Валеріанъ Петровичъ ушелъ къ себѣ. Онъ не чувствовалъ ровно никакого прилива радости и счастья. Онъ даже не слишкомъ хлопоталъ о пріобрѣтеніи руки своей невѣсты. Эта престарѣлая дѣвица сама далась ему. Валеріанъ Петровичъ привыкъ жить хорошо, спать мягко, кушать сладко. Красота невѣсты была прошедшая, все въ ней ужъ было прошлымъ, только состояніе ея было неотразимо настоящимъ, а этого только и нужно было Лепехину. Одно чувство преобладало въ немъ, это любовь къ Федору Карловичу. Любилъ онъ его не разсуждая, не разбирая, можно даже сказать, не понимая вполнѣ предмета своей любви. Онъ какъ-то просто, смиренно, по-женски почиталъ Федора Карловича.

ГЛАВА XIII.

Крагинъ, Билибинъ и Герке вмѣстѣ вышли изъ зала дворянскаго собранія. Крагинъ сіялъ.

— Ваша лекція удалась какъ нельзя лучше, говорилъ Билибинъ.

— Зайдемте къ Кюлогу, приглашалъ Крагинъ, — посидимъ, потолкуемъ.

Онъ рѣдко кого звалъ къ себѣ на домъ, его супруга была очень негостеприимна. Она до такой степени вся ушла въ свое многочисленное семейство, что дальше дѣтской ничего не знала и ничего знать не хотѣла. Къ мужу своему она относилась съ слѣпымъ довѣріемъ и любовью и очень мало интересовалась его общественнымъ положеніемъ. Скажи ей кто: „мужъ вашъ сдѣланъ министромъ“, она-бы покойно отвѣчала: „онъ заслужилъ“. Но заслужилъ онъ прежде всего потому, что былъ ея мужемъ. Дѣти ея также представляли совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, потому что происходили отъ нихъ обоихъ.

Крагинъ давалъ ей полную свободу въ этомъ отношеніи; ея свойства гармонировали даже съ его чрезмѣрной разсчетливостью въ денежныхъ дѣлахъ; онъ всегда могъ пожать плечами и сказать: „жену изъ дѣтской не вытащишь“. Не собирать-же, въ самомъ дѣлѣ, ему, женатому человѣку, холостую компанію.

Въ дѣтской жена его была дѣятельна до неутомности, находчива до остроумія; въ обществѣ-же—молчалива, застѣнчива и совѣтъ не занимательна. Несмотря на ея привлекательную наружность, ее никто не замѣчалъ, о ней никто не говорилъ. Она была только жена большого Крага, мать маленькихъ Краговъ, а сама по себѣ ни для кого не существовала да и не желала этого.

Войдя въ ресторанъ, они спросили чаю и вина.

— Быть вамъ городскимъ головой, сказалъ Билибинъ.

— Боже сохрани! Я всего менѣе этого желаю. Цѣль моей лекціи—возбудить вниманіе публики и гласныхъ къ городскому управленію, заставить обдуманнѣе относиться какъ къ выбору городского головы, такъ равно и членовъ управы.

— Да какихъ-же вамъ еще членовъ управы нужно? замѣтилъ Герке.—Вы, Картавцевъ, Леденевъ, Влинышъ...

— Крошъ меня, конечно, всѣ очень хороши. Но, извините, управиться съ безголовымъ городскимъ головой, я вамъ скажу... тутъ и десять членовъ управы ничего не подѣлаютъ. Вчера, напримѣръ, попросилъ къ себѣ нѣкоторыхъ гласныхъ, а самъ уѣхалъ. Ждемъ, ждемъ, нѣтъ его. Наконецъ, я кое-какъ уладилъ дѣло, говорю: заболѣлъ, нужно отложить до завтра; извинялся, извинялся, просилъ разойтись. Только-что мы начали расходиться, смотрю, идетъ... Вотъ одолжилъ! Нѣкоторые такъ даже напустились на меня: „вы, говорятъ, насъ мистифируете“. Я прошу тѣхъ, кто не успѣлъ уйти, остаться, а онъ черезъ балконъ да въ садъ. Ну вотъ, извольте!

— И все это изъ за ста тысячъ, обѣщанныхъ городу, сказалъ Вилибинъ.—Не обѣщай онъ ихъ, никто-бъ не сталъ предлагать его въ кандидаты. Человекъ онъ намъ совершенно чужой, баричъ, вѣчно живетъ въ Петербургѣ. Мы имъ обязаны редактору „Вѣстника“. Чего онъ только не сулилъ избирателямъ...

— Бѣда, началъ Крагинъ,—если въ такомъ провинціальномъ городишкѣ, да двѣ газеты: редакторъ одной изъ нихъ непремѣнно будетъ болванъ, и нѣтъ возможности провести какое-нибудь порядочное дѣло. Послушайте, Викторъ Александровичъ, продолжалъ онъ, глядя на Билибина съ отеческой нѣжностью, —купите эту газетку.

— И сдѣлайтесь болваномъ, улыбаясь тоже нѣжно, отвѣчалъ Билибинъ.

Всѣ разсмѣялись.

— Нѣтъ, зачѣмъ-же вамъ быть такимъ!

— Такъ нужно Картавцева сдѣлать болваномъ. Нѣтъ, Андрей Марковичъ, двѣ газеты одного направленія существовать не могутъ; редакторъ одной изъ нихъ непремѣнно будетъ болванъ, въ совершенно вѣрно замѣтили. Съ „Охранителемъ“ конкурировать трудно. Хотя онъ, не въ обиду будь ему сказано, иногда изъ петербургскихъ только газетъ узнаетъ, что Хозара разлилась и затопила Побережье, но ему что,—онъ редакторъ привилегированный. Ему можно имѣть только хорошія ножицы. Если даже ни одинъ номеръ его газеты не окупится, привилегія его выручить. Положимъ, я стану обличать Картавцева въ невниманіи къ читателямъ и все такое, но всего этого ненадолго хватить, а дальше что? Нѣтъ, другая газета должна черпать матеріалъ тамъ, куда Картавцевъ, какъ привилегированный редакторъ, не заглядываетъ. А мыслима-ли такая газета въ провинціи, гдѣ цензоръ имѣетъ право поставить вамъ красный крестъ на все, чего онъ не пойметъ? Нашъ теперешній цензоръ, говорятъ, въ Пруссіи бомбардиромъ служилъ. Ну, вотъ и судите, выгодно-ли быть редакторомъ непривилегированной газеты.

— Правда-то правда, сказалъ Крагинъ,—а я все-таки вамъ вотъ что скажу, Викторъ Александровичъ: тисните вы статейку въ „Охранитель“, что носятся дескать слухи, будто Парфеновъ отказывается отъ должности городского головы, что нужно подумать объ избраніи другого...

— ...Что глупо городу, продолжалъ уже Билибинъ,—какъ попросайкѣ, смотрѣть въ руки богатымъ людямъ, что пора, наконецъ, увѣровать въ самихъ себя, въ свою собственную коллективную производительность и способность на жертвы.

Крагинъ слушалъ, а Билибинъ полу-шутя, полу-серьезно продолжалъ:

— „Въ настоящее время нѣтъ никакого смысла выбирать людей богатыхъ въ городскіе головы. Прежде, когда городской голова избирался изъ мѣщанъ и купцовъ, очень важно было выбрать человѣка богатаго: это служило нѣкоторымъ образомъ гарантіей противъ захвата общественныхъ средствъ. Но какой смыслъ имѣетъ это положеніе теперь, когда городскимъ головой можетъ быть человѣкъ развитый и образованный? Развѣ образованіе и общественное положеніе не есть лучшая и надежнѣйшая гарантія противъ

захвата? О, гораздо болѣе надежная, чѣмъ всякое самое большое состояніе. Городу нуженъ человѣкъ, продолжалъ ораторствовать Билибинъ, — энергичный, образованный "... однимъ словомъ, такой человѣкъ, какъ Андрей Марковичъ Крагинъ, закончилъ онъ, уже обращаясь къ этому послѣднему.

— Вотъ никакъ не ожидалъ, что вы такъ нелѣпо закончите вашу прекрасную импровизацію, сказалъ Крагинъ, улыбаясь. — Нѣтъ, Викторъ Александровичъ, это бремя тяжкое. Если меня и выберутъ, я едва-ли рѣшусь взять на себя такую серьезную отвѣтственность. Городомъ управлять — не заборъ городить; здѣсь сталкиваются интересы всего общества, нужно имѣть змѣнную мудрость. Съ насъ, образованныхъ тружениковъ, довольно и того, что мы во второстепенныхъ роляхъ можемъ слѣдить за правильнымъ ходомъ городского управленія. Такъ вы напишете? спросилъ онъ.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Билибинъ.

— Какой-бы изъ васъ хорошій адвокатъ былъ, сказалъ Крагинъ.

— И редакторъ тоже, вы говорили.

— И редакторъ.

— Однимъ словомъ, на всѣ руки; только ни тѣмъ, ни другимъ я не желаю быть.

— А чего-же вы желаете? спросилъ Крагинъ.

— Я-бы желалъ составить судебную карьеру, отвѣчалъ Билибинъ. — Это самое независимое положеніе.

— Господи твоя воля! Вѣдь это Вочаровъ всѣхъ васъ съума свелъ. Вотъ что значить женщинамъ понравиться, и Крагинъ, сложивъ руки, сталъ отечески смотрѣть на Билибина. — Юны вы, юны, какъ посмотрю я на васъ. Впрочемъ, заходите когда-нибудь, Вочаровъ у меня бываетъ. Теперь мнѣ пора...

Онъ посмотрѣлъ на часы.

— Дѣла много, Господи, какъ много дѣла! До свиданія, господа.

Когда Крагинъ удалился, Билибинъ посмотрѣлъ на Герке и расхохотался,

— Вѣдь вотъ, спать и видеть, какъ-бы попасть ему въ городскіе головы, а все еще брыкается. Что-жь, тотъ плохой солдатъ, который не мечтаетъ быть генераломъ... Знатный былъ-бы

изъ него городской голова! Энергіи пропасть, человекъ съ выдержкой, умень, образованъ. Я люблю честолюбивыхъ людей. Я ихъ понимаю. Въ нихъ сила есть! Крагину не везеть. Въ профессора его забаллотировали. Онъ высохъ, бѣдный, отъ неудовлетвореннаго честолюбія... Ничего, мы тиснемъ статейку.

— Отъ бездѣля, дидактически замѣтилъ Герке.

— А можетъ быть отъ сочувствія. Вѣдь я тоже алчущій и жаждущій человекъ.

Билибинъ всталъ и прошелся по комнатѣ.

— Ужасная тоска болтаться безъ дѣла, началъ опъ, останавливаясь передъ Герке. — Я, знаешь, даже закинулъ удочку насчетъ возврата въ науку, нѣтъ, не довѣряютъ больше.

Онъ махнулъ рукой и опять прошелся по комнатѣ.

— Я хотѣлъ сообщить тебѣ, началъ Герке, — что слѣдуетъ продать рязанскія акціи, онѣ начинаютъ падать.

— Я ихъ съ недѣлю какъ продалъ.

Герке расширилъ глаза.

— Что ты думаешь, я не съумѣлъ-бы банкомъ управлять? продолжалъ Билибинъ. — Такихъ-бы дѣловъ надѣлали, не хуже васъ!

— Сколько ты заработалъ? спросилъ опять Герке.

— Это называется „заработать“, произнесъ Билибинъ, — а мнѣ иногда кажется, что лучше сказать „запустить руку“...

Герке безнадежно махнулъ рукой.

— Такимъ, какъ ты, банками не управлять, изрекъ онъ и зѣвнулъ.

— Да нѣтъ, ты только сообрази, продолжалъ Билибинъ: — когда я сажусь играть въ штосъ или другую какую азартную игру, то противникъ мой на лицо, мы одушевлены одинаковымъ желаніемъ пощипать другъ друга; а тутъ противникъ ничего непонимающая...

— Понесъ, понесъ! замахалъ руками Герке. — Ты скажи мнѣ прямо, радъ, что выигралъ на акціяхъ? Ну, говори, радъ? при- ставалъ онъ.

— Конечно, радъ, отвѣчалъ Билибинъ.

— Такъ и молчи. Пора домой.

— Вотъ вы, женатые люди, какъ смерлось, такъ и по хатамъ. А я на цѣлую ночь закачу въ St. Marie. Какая тамъ Дезиреша завелась, прелесть!

— Ну, и есть куда, значить, пристроить выигрышь, добродушно улыбаясь, замѣтилъ Герке.— Эхъ, резонеръ ты!

Пріятели разстались.

Труля-ля-ля, la belle Désire,
Труля-ля-ля, je te désire...

напѣвалъ Билибинъ. Какія-то невнясенныя мечты наполняли его душу въ этотъ вечеръ и заставляли высоко поднимать голову и бѣшено аплодировать Дезирешъ.

„Qu'il est beau cet homme là“, говорила въ эту ночь французенка, хлопая его перчаткой по носу.

ГЛАВА XIV.

Слухи о томъ, что Парфеновъ ссорится съ членами управы и желаетъ отказаться отъ занимаемаго имъ поста городского головы, все упорнѣе и упорнѣе стали ходить по городу. Въ „Охранителѣ“ появились двѣ статьи; въ нихъ гласные приглашались по-серьезнѣе отнестись къ предстоящимъ выборамъ, а дума была сравнена съ бѣдной вдовой, которая дѣлаетъ книксены и ждетъ по-дачекъ. „Вѣстникъ“ возмутился такой черной неблагодарностью и посовѣтовалъ „Охранителю“

Чѣмъ кумушекъ считать трудиться,
Не лучше-ль на себя кума оборотиться,—

за что и былъ обозванъ безграмотнымъ проходимцемъ. „Вѣстникъ“ не остался въ долгу и, въ свою очередь, назвалъ редактора „Охранителя“ Калхасомъ боящимся конкуренціи. И пошли писать, и пошли! Богачъ Парфеновъ, конечно, не читалъ ни той-ни другой газеты; онъ, не стѣсняясь, говорилъ въ близкомъ ему обществѣ, что ему ужасно надоѣла эта ученая опека надъ собой.— „Я точно мальчишъ, въ которому приставлено три няньки“! И онъ очень забавно вытягивалъ шею, передразнивая Крагина, прищуривалъ глаза и, улыбаясь, произносилъ: „Безкорыстное служеніе обществу, Петръ Петровичъ“! — Потомъ втягивалъ грудь, вынычивалъ нижнюю губу и, картава, надтреснутымъ голосомъ говорилъ: „Не касаясь нравственной стороны, я защищаю только законныя основанія, Петръ Петровичъ“!—И всѣ тотчасъ узнавали Мандена. Наконецъ, груднымъ сдержаннымъ басомъ речалъ: „На-

„Дѣло“, № 1, 1881 г. I.

рушеніе общественнаго спокойствія“! и кто-бы не узналъ въ этомъ возгласѣ Бартавцева?

— Бѣгу, бѣгу отъ нихъ, говорилъ онъ въ заключеніе, —
dahin, dahin, wo die citronen blühen!

— Сегодня будутъ очень бурныя пренія, говорила Софья Александровна Лебеда, входя, въ сопровожденіи Покатилова, въ залъ, гдѣ происходило думское засѣданіе.

Мужъ ея былъ уже здѣсь.

— Видите, обратилась она къ Покатилову, — мы пришли какъ разъ во-время.

— Но намъ придется стоять, такъ-какъ нѣтъ ни одного свободнаго мѣста, отвѣчалъ Покатиловъ.

— Здравствуйте, Софья Александровна, привѣтствовалъ ее какой-то господинъ, — у меня для васъ припасено мѣстечко.

— Вотъ любезность! Даже никакъ не ожидала ее отъ васъ, отвѣчала Софья Александровна.

— И хорошо сдѣлали, потому что вашъ мужъ просилъ меня позаботиться объ этомъ.

Онъ провелъ Софью Александровну впередъ, за ними послѣдовалъ Покатиловъ.

— Вамъ кланялся сейчасъ какой то господинъ, сказалъ Покатиловъ, — вонъ, на противоположной сторонѣ; онъ сидитъ около толстой дамы.

— Ахъ, это Герке со своей супругой! А вонъ и вашъ пріятель, Лепехинъ, тоже съ супругой.

— Какъ, развѣ Лепехинъ женился? поспѣшно спросилъ Покатиловъ.

— Женился, отвѣчала Софья Александровна, — на старой богачкѣ Барышевой. А васъ и на свадьбу даже не позвали, бѣдненькій! продолжала она. — Теперь за вами очередь сдѣлать выгодную партію. Но надѣюсь, съ живостью добавила она, — вы не будете имѣть такой кислой мины, какъ эти несчастные новобрачные. Точно они клюквой подавились!

— Ну, у васъ язычекъ, Софья Александровна! проговорилъ Покатиловъ, покачивая головой и смѣясь своими нервными, едва слышными смѣхомъ.

Софья Александровна тоже разсмѣялась.

— Идетъ городской голова, сказала она. — Правда, красивъ? Только нѣсколько тучень.

Покатиловъ сдѣлалъ гримасу.

— Онъ мнѣ не нравится. Мужчина долженъ быть на длинныхъ ногахъ и имѣть одни нервы и мускулы, а у него жиру много.

— А золота и брилліантовъ еще больше, продолжала Софья Александровна. — Видите, даже браслеты на рукахъ; еще серьги надѣты — и совершенная одалиска!

Парфеновъ между тѣмъ порывисто подошелъ къ лѣвой сторонѣ стола и сѣлъ въ кресло, обязательно уступленное ему кѣмъ-то изъ гласныхъ. На лицахъ большинства выразилось недоумѣніе, соединенное съ пріятнымъ ожиданіемъ чего-то интереснаго.

— Петръ Петровичъ, обратился къ нему Крагинъ, — потрудитесь занять ваше мѣсто и открыть засѣданіе.

— Я отказываюсь быть городскимъ головой, отвѣчалъ Парфеновъ. — Предоставляю вамъ право открыть сегодня засѣданіе.

— По смыслу статьи такой-то, отвѣчалъ Крагинъ, — старшій членъ управы предсѣдательствуетъ за отсутствіемъ городского головы или послѣ официальнаго его отказа. Крагинъ говорилъ все это почти нѣжнымъ тономъ.

— Такъ вотъ и предсѣдательствуйте, капризно, точно маленькій ребенокъ, отвѣчалъ Парфеновъ.

— Но вы не отсутствуете, Петръ Петровичъ!

— Можете меня считать отсутствующимъ.

Раздался смѣхъ въ публикѣ.

— Я попрошу, обратился Крагинъ къ публикѣ — вести себя сдержаннѣе.

И онъ, покоряясь необходимости, слегка пожалъ плечами, пересѣлъ на предсѣдательское мѣсто и открылъ засѣданіе.

Послѣ прочтенія протокола, докторъ Фадеевъ, бѣдный, какъ лунь, старикъ, въ самыхъ трогательныхъ выраженіяхъ исчислилъ всѣ благодѣянія, сдѣланныя Парфеновымъ для города.

— Богатѣйшій человекъ, заключилъ онъ, — который привыкъ постоянно жить въ Петербургѣ, вдругъ пріѣзжаетъ въ нашъ провинціальный городъ и принимаетъ такой скромный постъ. Что заставляетъ его дѣлать это, если не любовь къ Россіи и русскому обществу? Неужели мы останемся равнодушны къ тому, что Петръ

Петровичъ оставляетъ насъ, уходитъ, не дождавшись даже увидѣть результатовъ своихъ щедрыхъ пожертвованій? Вѣдь если Петръ Петровичъ оставить должность, онъ совсѣмъ уйдетъ изъ Хорзая. Неужели мы допустимъ это? жалобно, почти со слезами воскликнулъ Фадеевъ.

Въ публикѣ послышался сдержанный смѣхъ. „P'm'embete“ буркнулъ себѣ подъ носъ Парфеновъ и надулся: онъ видимо былъ недоволенъ тономъ этой рѣчи. Но Фадеевъ не унимался.

— Будемъ просить, господа, обратился онъ къ гласнымъ все тѣмъ-же жалобнымъ тономъ, — будемъ просить Петра Петровича не оставлять насъ!

— Просимъ, просимъ! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Нужно просить, шепнулъ Картавецъ на ухо Крагину, — чтобъ жена Парфенова почаще производила на свѣтъ младенцевъ и приглашала Фадеева.

Крагинъ закусилъ губу, чтобъ не разсѣяться.

„И это старый человѣкъ, заслуженный докторъ, думалъ Федоръ Карловичъ, — унижается до того, чтобы просить этого взбалмошнаго мальчишку осчастливить думу, потому что ему хорошо платять, и всѣ объ этомъ знаютъ“. Ротъ его искривился въ презрительной гримасѣ. И когда волненіе нѣсколько утихло, Федоръ Карловичъ всталъ и произнесъ рѣзко, отчетливо:

— Сколько мнѣ извѣстно, разногласіе между г. Парфеновымъ и думою произошло вслѣдствіе нежеланія думы отпустить сумму на содержаніе городской почты. Думаетъ-ли г. Парфеновъ, что вопросъ этотъ разрѣшится согласно его желанію, если онъ останется городскимъ головой?

— О, милостивый государь, патетически воскликнулъ Парфеновъ, вскакивая съ мѣста, — это послѣдняя капля въ переполненной чашѣ моего терпѣнія! Я дамъ свои собственныя деньги на устройство городской почты; но прошу уволить меня, потому что въ думѣ я встрѣчаю такую обстановку, при которой не могу оставаться и быть полезнымъ.

— Подъ обстановкой въ думѣ нужно разумѣть гласныхъ, заревѣлъ Картавецъ. — Слѣдовательно, вопросъ сводится на предложеніе выбирать между городскимъ головой и настоящимъ составомъ гласныхъ.

Нѣсколько голосовъ что-то заговорили противъ подобной по-

становки вопроса; Парфеновъ тоже что-то возражалъ; кто-то издавъ звукъ, похожій на рычаніе, за этимъ послѣдовалъ смѣхъ, и, наконецъ, энергичный предсѣдательскій звонокъ водворилъ тишину и спокойствіе.

— Господинъ Картавцевъ, обратился къ нему сѣдовласый старецъ Фадеевъ, — зачѣмъ вы обостряете вопросъ? Нужно прямо предложить гг. гласнымъ, желаютъ-ли они просить нашего дорогого голову остаться или нѣтъ.

— Просимъ, просимъ! раздались со всѣхъ сторонъ энергичные возгласы.

— Я рѣшительно отказываюсь, сказалъ Парфеновъ, сіяя чувствомъ полного удовлетворенія.

Крагинъ предложилъ гласнымъ перейти къ очереднымъ дѣламъ.

Федоръ Карловичъ началъ читать свой докладъ:

— „Петръ Петровичъ Парфеновъ обѣщаль пожертвовать городу сто тысячъ. Я говорю: обѣщаль, потому что ихъ до сихъ поръ еще нѣтъ въ городской кассѣ“...

Парфеновъ вскочилъ какъ ужаленный.

— Если я обѣщаль, это все равно, что я ихъ далъ!

— Петръ Петровичъ, обратился къ нему Крагинъ своимъ иѣрнымъ, звучнымъ голосомъ, — вы можете возразить, когда Федоръ Карловичъ кончить.

— Но я не желаю, чтобъ обо мнѣ говорили въ подобномъ тонѣ!

— Федоръ Карловичъ, потрудитесь продолжать, невозмутимо отчеканилъ Крагинъ.

— Молодецъ Крагинъ! сказалъ кто-то за Софьей Александровной.

Парфеновъ сѣлъ и началъ барабанить пальцами по столу; а Федоръ Карловичъ продолжалъ:

— „Общая сто тысячъ городу, г. Парфеновъ прибавилъ, что желалъ-бы устроить на эти деньги домъ для бѣдныхъ или даровое помѣщеніе для студентовъ. Но г. Парфеновъ далъ намъ право обсуждать этотъ вопросъ согласно потребностямъ города...“

— Далъ право и теперь жалѣю! поднялся съ мѣста Парфеновъ. — Я предлагалъ устроить и домъ для бѣдныхъ, и ночлежники, но, несмотря на это, во мнѣ каждый день являлись все съ

новыми и новыми проектами. До сихъ поръ ничего изъ этого не вышло, выпалилъ онъ.

— Это только доказываетъ, началъ Картавцевъ,— что въ городѣ есть много неудовлетворенныхъ нуждъ.

— Довольно! махнулъ рукой Парфеновъ. — Господинъ Мандень, продолжайте!

— Это мое дѣло руководить преніями, прозвучалъ иѣрный металлическій голосъ Крагина.— Федоръ Карловичъ, потрудитесь продолжать.

— Устройство пріютовъ для бѣдныхъ, продолжалъ Мандень,— какъ ни кажется это на первый взглядъ гуманно и необходимо, но на практикѣ далеко не удовлетворяетъ тѣмъ требованіямъ, какія мы кладемъ въ основу подобныхъ учрежденій. Дать пріютъ бѣднымъ, это, конечно, дѣло хорошее; но, собравъ людей, имъ нужно дать работу. Кто можетъ самостоятельно получить ее, тотъ, конечно, не пойдетъ въ домъ для бѣдныхъ; вотъ тутъ-то представляется неразрѣшимая задача. По крайней мѣрѣ въ Европѣ дома для бѣдныхъ не удовлетворяютъ своему назначенію. Какъ пріюты, они всегда эксплоатировались людьми наименѣе нуждающимися въ нихъ; какъ рабочіе дома, они превращаются, при самомъ тщательномъ веденіи дѣла, въ какую-то каторгу, а при небрежномъ— въ мѣсто лѣни и разврата. Устроить помѣщенія для студентовъ—эта мысль такъ непрактична, что врядъ-ли подлежитъ серьезному обсужденію. Правительство уничтожило студенческія квартиры въ самомъ зданіи университета; студентамъ запрещены сходки вообще, всѣ ихъ сборища; ясно, что никакихъ совмѣстныхъ жилищъ для нихъ устроить нельзя. Между тѣмъ со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на переполненіе классическихъ гимназій учащимися, на невозможность нѣкоторымъ несостоятельнымъ родителямъ давать своимъ дѣтямъ столь дорогое образованіе, какъ классическое. Рядомъ съ этимъ на нашихъ глазахъ совершается быстрое развитіе промышленной и торговой дѣятельности, является сильный запросъ въ реально образованныхъ людяхъ и на желѣзнодорожную, и на акціонерную компанейскую, и на банковую, и на заводскую службы, а потому намъ кажется, что употребленіе общаныхъ денегъ на реальное училище или коммерческую школу удовлетворило-бы самымъ насущнымъ потребностямъ населенія“.

Онъ сѣлъ.

Съ мѣста поднялся Лебеда.

— Мнѣ кажется, началъ онъ,—гласный Манденъ далеко не исчерпалъ въ своемъ докладѣ всѣхъ тѣхъ возраженій, которыя были сдѣланы городскимъ головой и мною въ прошлое засѣданіе противъ обращенія средствъ на реальное или коммерческое училища. При томъ-же не домъ для студентовъ предлагался, какъ выразился гласный Манденъ, а даровыя квартиры для нихъ.

— Мнѣ кажется, перебилъ его Картавецъ,—въ прошломъ засѣданіи достаточно было говорено по этому поводу, и потому этотъ вопросъ можно считать исчерпаннымъ и подвергнуть баллотировкѣ.

— Вопросъ этотъ, опять началъ Лебеда,—не можетъ быть баллотированъ въ той формѣ, въ какой изложилъ его гласный Манденъ. Мысль жертвователя была—помочь людямъ наиболѣе нуждающимся въ городѣ, не такъ-ли, господинъ городской голова?

— Такъ, такъ; я именно хотѣлъ помочь наиболѣе нуждающимся, а не торгашамъ, проговорилъ Парфеновъ.—Я представлялъ множество проектовъ, и ничего изъ этого не выходило.

— Слѣдовательно, продолжалъ Лебеда,—я опять повторяю, мы можемъ спорить о способахъ, какими можно помочь наиболѣе нуждающимся, а не объ измѣненіи назначенія самой помощи. Гласный Манденъ сдѣлалъ совершенно вѣрную оцѣнку рабочимъ домамъ; но развѣ это есть единственный способъ, которымъ можно помочь имъ? Отчего не устроить мастерскихъ на эти средства или нѣсколько школъ? Когда и гдѣ общественная благотворительность приходила на помощь банкамъ, акціонернымъ, желѣзнодорожнымъ обществамъ, заводчикамъ?.. Основой всякой благотворительности служила идея, какое-нибудь нравственное, душевное удовлетвореніе дающаго: одни жертвовали на церкви, другіе на бѣдныхъ и такъ далѣе. Какое намъ дѣло, что банки, желѣзныя дороги и акціонерныя общества нуждаются въ хорошихъ чиновникахъ? Ихъ собственная выгода должна побуждать основывать подобныя заведенія. Что-же касается вопроса о помощи студентамъ, то, признаюсь, мнѣ какъ-то странно слышать отъ бывшаго профессора, что если запрещены сходки и совмѣстныя жительства въ стѣнахъ университета, то значить нельзя и помогать.

— Потрудитесь указать мнѣ, гдѣ я говорилъ о томъ, что студентамъ помогать не слѣдуетъ, спросилъ Манденъ.

— А какъ прикажете понимать слѣдующія слова доклада: „мысль объ устройствѣ даровыхъ помѣщеній для студентовъ такъ непрактична, что врядъ-ли подлежить серьезному обсужденію; правительствомъ запрещено“ и проч. Гласный Манденъ не предложилъ ничего болѣе практическаго, а прямо перешелъ къ коммерческому училищу.

— Изъ этого слѣдуетъ, невозмутимо замѣтилъ Федоръ Барловичъ,— что, хотя студентамъ помогать и нужно, но подобное училище для города еще необходимѣе.

— Позвольте, господа, опять поднялся съ мѣста маститый старецъ Фадеевъ,— я полагаю, что, для избѣжанія всякихъ лишннихъ разсужденій и неизбѣжныхъ по этому поводу пререканій, самое лучшее спросить жертвователя. Онъ вѣдь даетъ деньги; ему должна принадлежать и честь рѣшить, на что употребить ихъ. Хочетъ Петръ Петровичъ выстроить домъ для бѣдныхъ, пусть строитъ; отдать студентамъ — прекрасно; коммерческое училище — и за-то спасибо! Неправда-ли, господа гласные?

— Правда, правда! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— И такъ, Петръ Петровичъ, обратился Крагинъ къ Парфенову,— гласные находятъ, что вамъ должно принадлежать послѣднее слово о томъ, что дѣлать съ вашимъ пожертвованіемъ.

— Я его уже отдалъ министерству народнаго просвѣщенія, отпортовалъ Парфеновъ.

Это было до такой степени неожиданно, что всѣ разинули рты и точно окаменѣли на нѣсколько мгновеній. Даже Крагинъ почувствовалъ себя выбитымъ изъ колен; онъ не догадался сѣсть и, стоя, молчалъ, представляя собой удивленіе во весь ростъ.

Парфеновъ, улыбаясь, обводилъ всѣхъ торжествующимъ взглядомъ, какъ дитя, которому удалось провести всѣхъ своихъ нянекъ.

Наконецъ, Крагинъ пришелъ въ себя.

— Вы не имѣли права, обратился онъ къ Парфенову,— распоряжаться деньгами, которыя были обѣщаны городу.

Въ голосѣ его первый разъ во весь вечеръ слышалось легкое раздраженіе.

— Я распорядился ими согласно вашему желанію. Вы желали реальное или коммерческое училище: я считаю министерство компетентнѣе васъ въ этомъ дѣлѣ.

Все это онъ говорилъ небрежно, хлопая перчаткой по столу.

— Я былъ правъ, когда сказалъ, что деньги, обѣщанныя городу, не есть уже отданныя, проговорилъ Федоръ Карловичъ.

— Конечно, вы не были правы! Я отдалъ деньги городу, только не черезъ ваши руки; я былъ увѣренъ, что вы не придете относительно этихъ денегъ ни къ какому соглашенію.

— Если мы до сихъ поръ не пришли ни къ какому соглашенію, то это только потому, что желали обсудить вопросъ этотъ съ наилучшей его стороны, раздался голосъ Картавцева.

— Довольно, садитесь! сказалъ Парфеновъ. Онъ терѣтъ не могъ Картавцева.

— Я васъ призываю къ порядку, гласный Парфеновъ, сказалъ Брагинъ громко, но сдержанно. Онъ опять совершенно овладѣлъ собой.

Съ мѣста поднялся какой-то господинъ.

— Я нахожу, что съ Петромъ Петровичемъ, нашимъ многоуважаемымъ головой, здѣсь очень непочтительно обращаются, сказалъ онъ.

— Здѣсь нѣтъ различія ни въ званіи, ни въ состояніи, съ достоинствомъ отвѣчалъ Брагинъ.— Мы здѣсь выборные отъ города и всѣ равны между собой.

— Равны, да не равны, сказалъ господинъ.

Послышался смѣхъ въ публикѣ.

— Я васъ попрошу, гласный Петровъ, не отнимать у насъ времени на пустые разговоры.

— А я васъ попрошу, гласный Брагинъ, не превышать вашей власти; вы еще не городской голова.

Послышался смѣхъ.

— На основаніи параграфа 6-го правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ засѣданіяхъ думы, я васъ лишаю права голоса, объявилъ ему Брагинъ.

Петровъ всталъ и гордо вышелъ изъ зала засѣданія, какъ человекъ пострадавшій за правое дѣло.

Публика подвинулась совсѣмъ близко къ столу. Парфеновъ, сидя въ полуоборотъ, перешептывался съ кѣмъ-то.

— Я попрошу публику вести себя сдержаннѣе, произнесъ Брагинъ свое второе предостереженіе.

Въ рядахъ послышалось шиканье.

— На основаніи параграфа 10-го правилъ о порядкѣ производства дѣлъ въ думѣ, я именемъ закона удаляю публику изъ зала засѣданія, раздался торжественный голосъ Брагина.

— Уйдите, пожалуйста уйдите, говорилъ Покатиловъ Софьѣ Александровнѣ.

Публика медленно, съ ропотомъ удалялась. Въ большихъ, холодныхъ, полусвѣщенныхъ сѣняхъ произошла такая толкотня, что тѣмъ, которые хотѣли взять свое платье, невозможно было протолкнуться къ вѣшалкамъ. Была совершенная давка.

ГЛАВА XV.

— Побудьте здѣсь, говорилъ Покатиловъ, подводя Софьѣ Александровну къ окну,—а я достану ваше платье и провожу васъ домой.

— Я не пойду домой, отвѣчала Софья Александровна.

— Какъ! протянулъ Покатиловъ.—Вы станете ждать, пока вамъ опять позволятъ войти въ залъ?

— Непремѣнно!

Какъ ни старался Покатиловъ придать своему лицу другое выраженіе, но Софья Александровна прочла въ его глазахъ презрительное сожалѣніе къ себѣ: она разсмѣялась.

— Вы, конечно, не останетесь? Вы никогда не смѣшиваетесь съ толпой!

— Потому что толпа бессмысленна.

— А я люблю толпу: она всегда имѣетъ вѣрные инстинкты.

— Кто-же въ настоящее время живетъ инстинктами? Толпа, живущая инстинктами,—это стадо барановъ!

— А та толпа, которая защищается противъ чужеземнаго вторженія, оборванная, иногда голодная, почти всегда неорганизованная? Развѣ въ такой толпѣ идея не обращается въ инстинктъ или инстинктъ не возвышается до идеи?

„Какъ высокопарно!“ подумалъ Покатиловъ и сказалъ:

— Это совсѣмъ что-то другое! Но и здѣсь я-бы не желалъ быть въ толпѣ.

— Значить, вы рождены быть генераломъ!

— А неужели-жъ вы думаете, что человекъ, у котораго пред-

ки въ нѣсколькихъ поколѣнiяхъ были культурными людьми, — пустой звукъ?

— О, нѣтъ! отвѣтила Софья Александровна. — Это — бѣлая ко-
сточка.

Покатиловъ улыбнулся.

— Безъ шутокъ, вы, значить, чувствуете въ себѣ способность
быть вожакомъ толпы? сказала Софья Александровна, желая его
поддразнить.

— Господи, какъ вы любите громко выражаться! восклик-
нулъ Покатиловъ. — Вожакомъ толпы! Никакимъ вожакомъ я быть
не желаю, потому что никакой требующей чего-нибудь толпы я
не признаю. Одинъ долженъ разумно повелѣвать, а всѣ осталь-
ные повиноваться.

— Чего-жь вы послѣ этого обидѣлись, что Крагинъ разумно
повелѣлъ убираться вонъ изъ залы? Вотъ я покорилась и сми-
ренно жду, пока меня опять впустятъ.

— Крагинъ! Что такое Крагинъ? Болтунъ. Недавно читалъ,
что не слѣдуетъ удалять публику, а самъ ее удаляетъ, да еще
и въ холодныя сѣни.

— Онъ разумный толкователь 10-го параграфа правилъ о
порядкѣ производства дѣлъ въ думѣ.

— Глупо пускать публику, когда въ залѣ нѣтъ рѣшетки, за
которой она могла-бы сидѣть.

— Но можно и за рѣшеткой шумѣть!

— Ну, такъ такого народа, который не умѣетъ прилично дер-
жать себя, дѣйствительно, пускать не слѣдуетъ.

— А вы знавали какую-нибудь другую публику?

— Публика вообще, въ большинствѣ своихъ проявленiй, бы-
ваетъ бессмысленна.

— Нѣтъ, быть вамъ генераломъ! сказала Софья Александров-
на. — Слышите, что говорятъ за нами?

Она пригнула голову нѣсколько впередъ, не желая проронить
ни одного слова, и слушала.

— Конечно, говорилъ мужской голосъ, — Крагинъ имѣлъ пол-
ное право удалить публику. А какой тонъ! Какая выдержка! По-
добная безпристрастность отношенiя можетъ быть только у истин-
но-образованнаго человѣка. Небось, его не выберутъ въ головы,
онъ многимъ не по шерсти придется. А между тѣмъ, пока это

единственный человекъ, который сумѣлъ-бы удержаться на той высотѣ, которую создаетъ общественное довѣріе своему представителю. Онъ точно вырастаетъ, когда начинаетъ защищать права думы.

У противоположнаго окна нѣсколько мужчинъ о чемъ-то горячо спорили.

— Пойдемте, послушаемъ, приглашала Софья Александровна Покатилова.

Она любила прислушиваться къ разнорѣчивымъ толкамъ возбужденной публики.

— Нужно составить протоколъ, горячился одинъ господинъ. — Какъ смѣлъ старшій членъ управы ни въ чемъ неповинную публику выгнать въ холодныя сѣни! Скажите, ради-Бога, возможно-ли просидѣть здѣсь минутъ десять и не получить катарра легкихъ, насморка и тому подобное. Можетъ быть, здѣсь есть дамы, продолжалъ онъ, глядя на подошедшую Софью Александровну, — которыя пришли съ гласными мужьями и поневолѣ должны будутъ ждать ихъ.

— Вы знаете, отчего Крагинъ удалилъ публику? подошелъ къ горячившемуся другой, довольно тучный господинъ. — Потому, что въ залѣ была жена Парфенова.

— Наталья Кириловна! вскрикнулъ тотъ. — Быть не можетъ! Онъ даже поблѣднѣлъ отъ негодованія.

— Вы намѣрены ждать вашего мужа? спросилъ Покатиловъ Софью Александровну.

Его ничуть не интересовало все это, да притомъ-же здѣсь было очень холодно и онъ начиналъ зябнуть.

— Непремѣнно, отвѣчала Софья Александровна. — Насъ вѣрно скоро пригласятъ войти.

Она угадала. Дверь въ залъ быстро открыли, и публика была приглашена возвратиться.

— Не угодно-ли вамъ войти, Иванъ Семеновичъ? любезно приглашала Покатилова Софья Александровна.

— Нѣтъ, я не пойду.

— Вы подпишетесь подъ протоколомъ? Вы оскорблены!

— Нѣтъ, не подпишусь, отвѣчалъ онъ сухо.

— Прощайте!

Она протянула ему руку; но, взглянувъ въ залъ, обернулась и позвала его:

— Покатиловъ!

„Ахъ! подумалъ онъ.—Такъ-таки по фамиліи безъ имени, безъ отчества и зоветь“.

Онъ подошелъ къ ней и ииѣлъ видъ жертвы.

— Смотрите, быстро говорила Софья Александровна.— Парфенова, урожденная графиня, оскорблена, но первая вошла въ залъ: ея мужъ здѣсь. Вонъ тотъ старшій господинъ, какое у него грозное лицо! Но его снѣтъ среди гласныхъ. И вотъ дѣти этой старой баронессы тоже здѣсь въ толпѣ. Надъ этимъ стоитъ задуматься.

„Либералка! подумалъ Покатиловъ, выходя изъ сѣней.— И какая неженственная!“

Всѣ пренія были благополучно окончены. Гласные приготовились выбирать городского голову. Парфеновъ, сильно взволнованный, не сидѣлъ ни минуты на мѣстѣ; онъ безпрестанно подходилъ то къ одному, то къ другому изъ гласныхъ. Крагинъ, тоже сильно возбужденный, стоя, принималъ записочки съ фамиліями.

Когда всѣ записки были собраны, секретарь приступилъ къ счету голосовъ: больше всѣхъ получилъ опять-таки Парфеновъ, вторымъ послѣ него былъ богачъ Леденевъ. Крагинъ, Манденъ и Картавцевъ въ этотъ разъ получили гораздо меньше избирательныхъ голосовъ, чѣмъ при первыхъ выборахъ. Начали баллотировать шарами, и гласные выразили свое полное неодобреніе Мандену, Крагину и Картавцеву за ихъ неуваженіе къ богачу Парфенову.

Парфеновъ торжествовалъ; самолюбіе его было удовлетворено; няньки наказаны.

— Я прошу гласныхъ извинить меня, заключилъ онъ свою отвѣтную рѣчь на неотступныя просьбы быть городскимъ головой,—если въ моемъ управленіи были какія-нибудь ошибки. Я желалъ быть полезнымъ городу, я стремился къ этому, но если не всегда достигалъ, то причины лежали не во мнѣ одномъ.

На это заявленіе, докторъ Фадеевъ со слезами на глазахъ воззвалъ къ гласнымъ, приглашая ихъ опять просить Петра Петровича принять на себя эту многотрудную обязанность.

И опять раздалось: „Просимъ, просимъ, просимъ!“ „Осчастливьте, осчастливьте“, умолялъ его кто-то изъ гласныхъ.

Но Парфеновъ остался непоколебимъ.

Крагинъ пригласилъ гласныхъ просить другого кандидата, господина Леденева, принять на себя званіе городского головы.

Михаилъ Львовичъ Леденевъ поднялся съ мѣста при оглушительныхъ крикахъ: „Просимъ, просимъ, просимъ!“

Это былъ маленькій, нервный человѣкъ, съ длиннымъ носомъ и задумчивымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ. Онъ нѣсколько разъ порывался говорить, но голосъ его терялся въ хаосѣ беспорядочныхъ возгласовъ. Крагину стоило немалого труда успокоить расходившихся гласныхъ.

— Я принимаю предлагаемую мнѣ обязанность, раздался слабый, тонкій голосъ Леденева,—но заранѣе прошу извинить меня, если мои стремленія не всегда будутъ въ соотвѣтствіи съ исполненіемъ вслѣдствіе моего слабого здоровья.

— Мы, члены управы, любезно обратился къ нему Крагинъ,—постараемся сгладить всѣ трудности, какія могутъ встрѣтиться на вашемъ пути; не откажитесь только быть нашимъ представителемъ.

— Ну, теперь спрячьте всѣ ваши проекты въ карманъ, шепнулъ Лебеда своему сосѣду-гласному.

Многіе окружили Леденева. Крагинъ любезно пожималъ ему руку. Когда онъ нѣсколько отдѣлился отъ шумящей, поздравляющей толпы, къ нему приблизился Билибинъ въ сопровожденіи Герке и Мюке.

ГЛАВА XVI.

Билибинъ негодовалъ на гласныхъ, которые во что-бы то ни стало хотятъ идти за богачемъ. Крагинъ, по его мнѣнію, держалъ себя съ большимъ достоинствомъ и всей своей дѣятельностью въ думѣ заслуживалъ того, чтобы быть избраннымъ въ городскіе головы, а если нѣтъ, то все-же получить выраженіе большаго вниманія отъ представителей городскихъ интересовъ.

— Ну, публика наша! произнесъ онъ съ участіемъ, подавая Крагину руку.

— Что-о-о-о! протянул Крагинъ, не отвѣчая на его прѣтвѣтвіе и поворачиваясь къ нему спиной.

Этотъ тонъ и выраженіе лица его ясно сказали: „Какъ смѣешь ты еще лѣзть ко мнѣ со своимъ участіемъ“. Вилибинъ поблѣднѣлъ и быстро отдернулъ протянутую руку. Мысль, что Крагинъ срываетъ на немъ злобу за свои неудачи, глубоко взорвала его. Онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ, поднялъ голову, прищурился и сталъ ходить взадъ и впередъ на небольшомъ пространствѣ между столомъ и окнами. Никогда никто не смѣлъ выразить ему и тѣни пренебреженія. Онъ никогда не позволялъ себѣ фамиллярничать съ Крагинымъ. Онъ совершенно искренно хлопоталъ объ его избраніи. Онъ ничего не могъ получить отъ него. И вдругъ такая наглость! Какъ могъ онъ не понять съ самаго начала, что за мелкая душенка у этого Крагина! Въ порывъ негодованія, Вилибинъ не вѣрилъ въ его благородныя стремленія. Публичная лекція казалась ему ключемъ къ городской кладовой, откуда онъ могъ получать нѣсколько тысячъ, а безпристрастное отношеніе къ Парфенову средствомъ выказаться. И онъ унижился до того, что писалъ статьи и пропагандировалъ его избраніе... Зачѣмъ онъ это дѣлалъ, на что надѣялся? Это все его бездѣлье, его русская распущенность. Это вѣчное стояніе на распутьѣ и желаніе уцѣпиться за что-нибудь. Крагинъ понялъ это и сорвалъ при всѣхъ на немъ свою злобу. „Пожалуй, этотъ дурень Мишке подумаетъ, что я получалъ за все это деньги, что мной помыкать можно. Какая гадость!“ Краска стыда прилила къ его лицу; онъ подошелъ къ окну, — ему хотѣлось высадить это окно отъ злости, — и сталъ всматриваться въ темное пространство, гдѣ вдали мерцало желтоватое пламя одинокаго фонаря, бросая свѣтъ на темную рѣшетку, изъ-за которой долеталъ до слуха его глухой стукъ колесъ, катившихся по мерзлой мостовой. Но видъ ночи не успокаивалъ его: въ немъ кипѣла злоба на себя, на свою неустойчивость, на Крагина.

— Викторъ Александровичъ, раздался за нимъ голосъ этого послѣдняго.

Вилибинъ внутренно вздрогнулъ и повернулъ свое блѣдное, гордое лицо.

— Извините, пожалуйста. Я былъ очень занятъ. Вы мнѣ

хотѣли что-то сказать? любезно говорилъ Крагинъ, протягивая ему руку.

— Я ничего не имѣю сказать вамъ, отвѣчалъ Билибинъ холодно, не вынимая руки изъ кармана и не отвѣчая, какими образомъ, на его привѣтствіе.

Они молча нѣсколько минутъ простояли другъ противъ друга, какъ-бы ибрыясь силами.

„Вотъ и врага себѣ нажилъ!“ подумалъ Крагинъ и улыбнулся.

У дверей передней Билибинъ былъ остановленъ Манденомъ.

— А я васъ ищу, обратился къ нему Федоръ Карловичъ;— у меня есть хорошія для васъ вѣсти. Поляковъ увѣжаетъ въ Петербургъ. Заходите ко мнѣ завтра.

— Когда прикажете прійти? спросилъ Билибинъ, ничуть не скрывая своей радости.

— Между 4—5 часами я всегда дома. Будьте здоровы.

Они со сдержанной улыбкой пожали другъ другу руки. Когда Билибинъ поднялъ голову, взглядъ его, оживленный внутреннимъ удовольствіемъ, встрѣтился со взглядомъ Крагина, устремленнымъ на него. „Что за глаза“, подумалъ онъ, „точно у голоднаго волка!“ И онъ поспѣшно отвернулся, радуясь, что конецъ его интарствамъ приближается, что онъ станетъ на твердую почву. Все лучше того положенія, въ которомъ онъ находился это время.

Въ передней Билибинъ увидалъ сестру свою; онъ всегда любилъ ее, и въ немъ шевельнулось раскаяніе за разрывъ и желаніе помириться съ ней. Онъ даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ ея сторону, но въ это мгновеніе Лебеда, нагнувшійся, чтобы надѣть галоши, сталъ рядомъ съ ней, и Билибинъ остался на мѣстѣ.

— Это прекрасно, говорилъ, между тѣмъ, Крагинъ Федору Карловичу,— что выбрали Леденева.

— Ничего здѣсь нѣтъ прекраснаго. Между нимъ и Парфеновымъ только та разница, что у Парфенова дѣла стояли вслѣдствіе того, что онъ занятъ былъ кутежами и бездѣльничаньемъ, а у Леденева дѣла станутъ вслѣдствіе его кропотливой осторожности и желанія копить городскія средства и приращать проценты на проценты.

— Но за то его честность всѣмъ хорошо извѣстна.

— Мнѣ кажется, между образованными людьми не можетъ быть и рѣчи о честности и нечестности. Нечестенъ изъ насъ никто быть не можетъ: мы для этого слишкомъ хорошо воспитаны. Леденевъ — человекъ безспорно хорошій, но очень нерѣшительный и вялый; я узналъ его по банковскимъ дѣламъ; кромѣ того, онъ подозрителенъ и мелочно придирчивъ.

— Я знаю его меньше вашего, отвѣчалъ Крагинъ, — но если все то правда, что вы о немъ говорите, я себя не поздравляю, какъ старшаго члена управы; мнѣ ужъ видно на роду написано тянуть ляжку за другихъ.

— И не получать за это ровно никакой благодарности, добавилъ Манденъ. — Что-жь! Это всегдашній удѣлъ людей серьезно работающихъ въ нашемъ обществѣ. Мало того, насъ-же съ вами и ругать будутъ. Сказалъ-же Парфеновъ, что хотѣлъ быть полезнымъ и что если ему это не всегда удавалось, такъ потому, что обстановка думы мѣшала его благимъ начинаніямъ.

— Намекъ этотъ относится къ намъ, членамъ управы, смиренно замѣтилъ Крагинъ.

— А между тѣмъ, онъ пришелся по душѣ гласнымъ, отвѣтилъ Федоръ Карловичъ, — и мы съ вами получили въ этотъ разъ гораздо меньше избирательныхъ шаровъ, чѣмъ въ прошлый. Мы вѣдь еще дикари; насъ занимаютъ если не побрякушки, такъ громкія фразы.

Манденъ напряженно засмѣялся. Они шли вдоль рѣшетки городскаго сада; деревья качали своими заиндевѣлыми верхушками и по-временамъ обдавали ихъ сухими хлопьями снѣга. Федору Карловичу было не по себѣ, онъ кутался въ свой мѣховой воротникъ и жалѣлъ, что не привазалъ вучеру за собой прѣвхать.

— Перейдемте на другую сторону, пригласилъ онъ Крагина.

— Вы какъ думаете о Билибинѣ? спросилъ этотъ послѣдній рѣзко, какимъ-то металлическимъ голосомъ.

Федора Карловича покорило отъ этого вопроса, тѣмъ болѣе, что онъ не видѣлъ лица говорившаго, а слышалъ только этотъ голосъ, полный сдержаннаго внутренняго раздраженія.

— Билибинъ, началъ онъ нехотя, — чрезвычайно способный человекъ. Я глубоко сожалѣю, уже горячо заговорилъ онъ, вдругъ почувствовавъ потребность защищать своего любимца, — что горячій

правъ мѣшаетъ ему предаться научной карьерѣ. Какую прекрасную онъ началъ писать диссертацию! Но я убѣжденъ, продолжалъ уже болѣе покойно Федоръ Карловичъ, — что изъ него выйдетъ хорошій практическій дѣятель. Я рекомендовалъ его на мѣсто Полякова.

Онъ умоляетъ, и они прошли нѣсколько шаговъ молча, при чемъ Манденъ испытывалъ какое-то душевное напряженіе.

— Вы, Федоръ Карловичъ, предпочитаете вашихъ новыхъ учениковъ старымъ, вдругъ опять проговорилъ Крагинъ уже жалобнымъ голосомъ.

Федоръ Карловичъ окончательно смутился; упрекъ былъ справедливымъ: онъ чувствовалъ больше влеченія къ своимъ двумъ молодымъ любимцамъ, Билибину и Лепехину. Нѣсколько минутъ онъ молчалъ, точно подбирая въ умѣ своемъ подходящія выраженія.

— Напрасно вы такъ думаете, заговорилъ онъ, наконецъ. — Мои чувства къ вамъ — чувства товарища. Меня трогаетъ, что вы считаете меня до сихъ поръ своимъ учителемъ.

Онъ зналъ, что Билибинъ хлопоталъ объ избраніи Крагина, и не сомнѣвался теперь, что между ними произошло что-то. Чувство невольнаго безпокойства вслѣдствіе всего этого разговора нѣсколько смягчилось; онъ думалъ, что горечь упрека Крагина вызвана его пристрастнымъ отношеніемъ къ Билибину. Неужели онъ въ самомъ дѣлѣ пристрастенъ къ нему? Мысль отъ Билибина перешла къ Лебедѣ и вернула его къ только-что происшедшему въ думѣ.

ГЛАВА XVII.

Билибинъ медленно возвращался къ себѣ домой.

Видъ сестры далъ новый толчекъ его мыслямъ. До сихъ поръ она почти всегда бывала главнымъ источникомъ его душевныхъ тревоженій; если онъ когда испытывалъ угрызения совѣсти или мучительное недовольство собой, она всегда была косвенной причиною этого.

Почему не могъ онъ, какъ жаловался Герке, прижнуть къ своему зятю? Потому что сестра и онъ были слишкомъ требовательны. Почему не могъ онъ, подобно Герке, идти мѣрно по пути

завоеванія себѣ всѣхъ благъ міра? Потому что въ жилахъ его текла горячая кровь Билибинныхъ; онъ былъ братъ сестры своей. Какъ ни увлекался онъ въ противоположную сторону, а его нѣтъ-нѣтъ да и потянетъ въ маленькій домикъ, гдѣ онъ когда-то былъ такъ счастливъ. Когда Лебеда женился на Софѣ Александровнѣ, Билибинъ былъ увлеченъ имъ, а потомъ его сестрой Оксаною. Что за хорошее время было! Вѣрилось тогда во что-то! А развѣ теперь пересталъ онъ вѣрить въ это что-то? Нѣтъ! Что развѣ поймешь, во что хоть минуту искренно увѣруешь, того не забыть! Но не въ его характеръ было ждать, на что-то надѣяться; онъ хотѣлъ жить настоящимъ, имѣть сейчасъ, сію минуту дѣло, которому-бъ онъ могъ отдаться всѣмъ своимъ страстнымъ существомъ. „Садись за работу“, говорилъ ему Лебеда, и онъ принялся работать! Два года трудился онъ при университетѣ; Федоръ Карловичъ былъ въ восторгѣ, глядя на своего любимца. Но вдругъ онъ оборвался, влюбился въ сестру Лебеды и бросилъ университетъ, не дописавъ магистерской диссертациі. Обружающая жизнь напентывала ему что-то другое; не въ силахъ былъ онъ, во имя какихъ-то отдаленныхъ цѣлей, отвернуться отъ жизни со всѣми ея прелестями. „Еслибъ я былъ поэтъ“, думалъ онъ часто, „я-бы писалъ гудовскіе стихи и упивался-бъ жизнью. Если-бъ возможна была у насъ какая-нибудь широкая общественная дѣятельность, я-бы отдалъ ей голову, а сердце разметалъ въ наслажденіяхъ!“ Онъ хотѣлъ жить настоящимъ, онъ жаждалъ силы и быстрога успѣха. Перспектива будущаго всегда казалась ему туманной и гадательной.

Въ Хорзай прислали новаго прокурора судебной палаты; онъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ смѣло вымелъ изъ нея всю старую грязь, и общество Хорзая окружило его ореоломъ восторженнаго удивленія и поклоненія. Ему дѣлались обѣды, говорились рѣчи; дамы находили его божественнымъ, писали ему стихи и бѣгали смотрѣть на него въ залъ суда, гдѣ онъ предѣдательствовалъ. У Билибина закружилась голова; онъ сталъ мечтать о томъ, чтобы добиться подобныхъ-же почестей посредствомъ судебной карьеры и для скорѣйшаго достиженія этой цѣли едва не женился на богачкѣ Коринной. Лебеда, сердитый на него за то, что онъ бросилъ университетъ, и надѣявшійся вернуть его обратно, не далъ ему рекомендаціи. Временное сближеніе съ Крагиннымъ

дало опять новый толчекъ его стремленіямъ. Играя на биржѣ и толкаясь между биржевиками, онъ почувствовалъ всю прелесть независимаго общественнаго положенія богатаго человѣка. Мѣсто, предложенное Федоромъ Карловичемъ, въ другое время показалось бы ему не особенно почетнымъ, но теперь онъ радъ былъ всякой пристани: все лучше безцѣльнаго шатанья. Выходка Брагина открыла ему глаза. Кромѣ того, въ послѣднее время онъ не на шутку сталъ думать, что въ настоящемъ можно достигнуть всего только посредствомъ богатства. Это, казалось ему часто, единственное, чего добиваться можно, что позволительно и что безусловно уважается въ нашемъ теперешнемъ обществѣ.

Сегодня его никуда не тянуло; чуть-ли не за цѣлый годъ это былъ первый вечеръ, который онъ проводилъ у себя дома. „Вотъ, думалъ онъ, мнѣ уже 27 лѣтъ, а въ сущности я ничто, до такой степени ничто, что едва-ли не на побѣгушкахъ состоялъ послѣднее время у Брагина!“ „Да, на побѣгушкахъ“, продолжалъ онъ думать, находя какое-то странное наслажденіе въ томъ, что бередилъ свою свѣжую рану. „Что сказалось въ этомъ жестѣ Брагина? Мало старался! Потому вѣдь всегда, во всѣхъ неудачахъ подобныхъ господъ самые ретивые остаются виновными!“

И онъ стиснулъ зубы, и кровь опять прилила къ его лицу. „Какое униженіе! Но теперь онъ мнѣ вѣрно позавидуетъ“.

Билибинъ нашелъ нѣкоторое успокоеніе въ этой мысли.

Семь тысячъ жалованья и къ этому его пониманіе банковскихъ дѣлъ. Вѣдь не даромъ-же писалъ онъ диссертацию о банкахъ, и Федоръ Карловичъ не даромъ рекомендовалъ его на мѣсто Полякова. „Я въ нѣсколько лѣтъ могу удвоить, утроить, удесатерить свой капиталъ... Да неужели-же мнѣ, Билибину, не все равно приобрести 500 тысячъ или миліонъ, восемьсотъ тысячъ или два миліона? Вѣдь только тупоуміе наживается для наживы, дрожитъ надъ приращеніемъ ради самого приращенія; для меня, думалъ онъ, капиталъ будетъ моя сила, мое значеніе; это будетъ мое безсмертіе, моя слава!“

Онъ выпрямился, поднялъ голову и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Да, путь этотъ былъ для него совершенно ясенъ; онъ не на-ходилъ въ противорѣчьи съ его подвижной, страстной натурой.

Онъ стоитъ уже на первой ступени той лѣстницы, взойдя на которую, думалъ получить всё блага и полное душевное удовлетвореніе, и уже съ презрѣніемъ оглядывается на Крагина. Онъ, по свойственной ему горячности, уже ничего хорошаго не предполагаетъ въ немъ. „Этотъ несчастный Крагинъ, думаетъ онъ, этотъ бѣдный неудачникъ, который вѣчно чего-нибудь алчетъ и ничего не получаетъ, — это непризнанный гений съ копейкой виѣсто души“.

Мысленно забѣгая впередъ, онъ видитъ уже себя благодѣтелемъ своего родного Хорзая.

Да, онъ богатъ; онъ посвящаетъ все свое вліяніе и всю свою энергію на борьбу съ людьми, которые хотятъ задушить народную жизнь, проявленіе народныхъ правъ. Конечно, онъ учится между банковскими операціями; умственная работа у него ни на минуту не прекращается, и вотъ онъ пишетъ замѣчательную книгу о капиталѣ, которая производитъ цѣлую революцію между учеными. Федоръ Карловичъ беретъ опровергнуть ея основныя положенія; залъ дрожитъ отъ рукоплесканій; женщины... „ну, да Богъ съ ними“! Онъ и безъ того... Онъ махнулъ рукой. Лебеда и компанія вполне съ нимъ примираются, несмотря на то, что онъ игралъ на биржѣ. „Да, рѣшаетъ онъ,—въ Россіи многое можно сдѣлать; нужно быть только человѣкомъ не маленькимъ: маленькій человѣкъ безсиленъ со всѣмъ своимъ самоотверженіемъ; его затрутъ, забудутъ, на него донесутъ; нужно сдѣлаться большимъ человѣкомъ. Никакая ученость не даетъ у насъ положенія. Федоръ Карловичъ ученъ, но развѣ онъ этикъ силенъ? Силенъ онъ своимъ директорствомъ, своими финансовыми затѣями. Я вызубрилъ множество книжекъ по политической экономіи, а состоялъ-же на побѣгушкахъ у Крагина. Радецкій, говорятъ, первый криминалистъ въ Россіи, исписываетъ цѣлыя стопы бумагъ, а что онъ значитъ въ университетѣ и городѣ? Нуль! А Сиве—невѣжда, всё его называютъ гениальнымъ барышникомъ-булакомъ, всё втихомолку подсмѣиваются надъ нимъ, а онъ заправляетъ всѣмъ университетомъ, деморализуетъ медицинскій факультетъ и безспорно вліяетъ на общество!“

Мысли его опять вернулись къ сестрѣ. „Зачѣмъ намъ ссориться?“ думалъ онъ. „Эта противная Паранька даже послѣ своей смерти умѣла стать между мной и ею“.

А исторія съ Паранькой была слѣдующая: одновременно съ роженіемъ Софьи Александровны, у любимой горничной ея матери родилась тоже дочь, которую назвали Прасковьей.

Дѣвочка съ двухлѣтняго возраста безотлучно находилась при маленькой барышнѣ. Шести лѣтъ Прасковья лишилась матери и была взята Билибинными въ подруги Софьѣ Александровнѣ. Дѣвочки вмѣстѣ росли, вмѣстѣ защищались отъ двухъ старшихъ братьевъ, Алексѣя и Виктора.

Первый умеръ, и, послѣ его смерти, которая едва не стоила жизни матери, вся ея любовь и нѣжность сосредоточилась на младшемъ сынѣ: онъ сдѣлался царькомъ въ домѣ, такъ что дѣвочки сплотились еще сильнѣе, для защиты своихъ правъ отъ постоянного попиранія ихъ взбалмошнымъ и самовластнымъ мальчикомъ.

Особенно доставалось Прасковьѣ, любившей задѣвать Виктора. Вообще это была умная, неврасивая дѣвочка съ настойчивымъ характеромъ; она невольнымъ образомъ содѣйствовала воспитанію характера своей подруги, потому, что этой послѣдней приходилось защищать ее не только отъ брата, но и отъ всѣхъ домашнихъ. Прасковья платила ей за это горячей любовью. Онѣ никогда не ссорились. Викторъ ненавидѣлъ ее, а она, по странному противорѣчію своей натуры, любила его. Эта любовь началась такъ рано, что она даже не помнила времени ея начала. Викторъ-же продолжалъ ее ненавидѣть; у него съ сестрой происходили вѣчныя ссоры изъ-за Прасковьи. Учились дѣвочки въ гимназіи и обѣ получили первыя награды.

Прасковьѣ зашло въ голову побѣдить Виктора. Она вся была поглощена съ дѣтства борьбой съ нимъ; всѣ силы души ея потомъ направились на то, чтобы преодолѣть его ненависть къ себѣ. Вскорѣ послѣ выхода замужъ Софьи Александровны, со старикомъ Билибиннымъ сдѣлался параличъ; онъ такъ расхворался, что не покидалъ постели въ продолженіи цѣлаго года. Прасковья сдѣлалась чѣмъ-то вродѣ сидѣлки у изголовья больного. Старикъ искренно любилъ эту молодую дѣвушку, которая просиживала около него и дни, и ночи. Вдругъ единственный сынъ его, краса и гордость, портретъ жены, которую онъ обожалъ и имѣлъ несчастье схоронить нѣсколько лѣтъ тому назадъ, этотъ единственный сынъ заболѣлъ тифомъ. Старикъ былъ потрясенъ. „Иди,

сказалъ онъ Прасковья, — спаси мнѣ сына; ты одна можешь это сдѣлать. Я тебѣ поручаю его!“ добавилъ онъ со слезами на глазахъ. И Прасковья пошла.

Она въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль не отходила отъ больного, валялась измученная у его кровати на полу и вырвала его изъ рукъ смерти.

Старикъ, глядя часто на своего выздоровѣвшаго, возмужалаго красавца сына, переводилъ свой взглядъ на Прасковью; но онъ ничего не могъ прочесть на этомъ некрасивомъ, но выразительномъ лицѣ.

Когда Билибинъ сталъ выздоравливать, его тронули ея заботы и самоотверженная любовь; онъ пересталъ ее ненавидѣть, и она отдалась ему безъ особенной съ его стороны настойчивости. Вначалѣ онъ совершенно искренно былъ съ нею нѣженъ, и она отъ него ничего не требовала; потомъ, когда онъ совершенно искренно охладѣлъ къ ней, она не сдѣлала ему ни одного упрека. Вообще у нихъ были какія-то странныя отношенія: онъ чувствовалъ, что она безгранично его любитъ, но она никогда не говорила ему объ этомъ и, когда онъ начиналъ увѣрять ее въ своей любви, она недовѣрчиво улыбалась, и ему казалось въ такія минуты, что она наканунѣ чего-то ужаснаго, и съ каждымъ такимъ ощущеніемъ холодъ закрадывался въ его душу, такъ-что подъ конецъ онъ просто боялся ее. Онъ сознавалъ, что она могла-бы женить его на себѣ, и былъ совершенно увѣренъ въ томъ, что она никогда этого не сдѣлаетъ. Она и привлекала, и отталкивала его.

Черезъ полгода старикъ умеръ, завѣщавъ Прасковья три тысячи. Она не согласилась жить у Лебеды, поселилась отдѣльно; потомъ совершенно неожиданно собралась въ Петербургъ. Герке, тоже ѣздившій туда, привезъ извѣстіе, что она отравилась.

„Извольте, продолжалъ думать Билибинъ, — заставить мою любезную сестрицу понять эту исторію. Нѣтъ, въ жизнь свою не видывалъ болѣе простой натурн; это вода какая-то прозрачная; ничего въ ней нѣтъ сложнаго, никакихъ противорѣчій. Меня она такъ просто бѣситъ этой своей дурацкой простотой! Вбила себѣ въ голову, что Прасковья совершенство, ссорилась со мной изъ-за нея цѣлую жизнь... Я не долженъ былъ ее трогать! Только женщина можетъ сказать такую нелѣпость мужчинѣ. Да если-бы она захотѣла, я бы на ней женился, и она-бы изъ меня веревки

вила; не я убилъ ее, она погибла вслѣдствіе противорѣчій своей собственной натурѣ. Развѣ виноватъ я, что не могъ любить ее такъ, какъ она того хотѣла? Гдѣ Софѣя понять мою сложную натуру. Она, какъ чего захочетъ, — для нея нѣтъ препятствій, нѣтъ колебаній. Вотъ хоть-бы ея любовь къ Лебедѣ: захотѣлось именно его, и она даже и не подозрѣвала, что переполошила чуть-ли не весь городъ!“

Билибина всего болѣе бѣсило то, что сестра никогда не хотѣла понять его и что никогда никакія объясненія имъ не удавались. Какъ только они начинали объясняться, онъ бѣсился, она огорчалась и выходила чепуха: они ссорились. Вотъ хоть-бы съ этими деньгами... Не было никакого завѣщанія. Положимъ, тетка выражала желаніе раздѣлить ихъ по-ровну, но онъ даже не слышалъ объ этомъ ничего; зналъ онъ, что сестрѣ въ сущности все равно — сколько ни получить, — она въ этомъ отношеніи чловѣкъ удивительный, — а ему деньги нужны были въ то время до зарѣзу. Она-же постаралась обострить этотъ вопросъ. „Я готовъ всегда отдать ихъ, думалъ онъ, — и отдамъ, непременно отдамъ! Собственно говоря, и причины-то намъ нѣтъ настоящей ссориться. Лебеда не хочетъ наживаться, а я хочу; да вѣдь не разбойничать-же я буду изъ-за этого. И наживаться я хочу не изъ-за денегъ, а изъ-за вліянія, потому что ничѣмъ другимъ его не приобрьтешь въ нашемъ обществѣ“.

ГЛАВА XVIII.

Федоръ Карловичъ былъ очень недоволенъ собой. Какъ могъ онъ такъ односторонне составить докладъ въ думу, что возбудилъ опять безконечныя пренія? Какъ могъ онъ допустить, что каковой-то Лебеда сталъ укорять его въ пристрастномъ отношеніи къ дѣлу и нежеланіи помочь студентамъ?.. Онъ, заслуженный профессоръ, вліяніе котораго на университетъ до сихъ поръ неотразимо, онъ, учредитель попечительнаго комитета для нуждающихся студентовъ, не желаетъ помочь имъ! Нѣтъ, въ такомъ малообразованномъ обществѣ, какова дума, нужно обдумывать каждое слово, чтобы не возбуждать страстей. Развѣ они въ состояніи понять, что нужнѣе всего въ данную минуту для общества? Тутъ людей нѣтъ...

А этотъ Лебеда со своими бѣдными! Какъ можетъ онъ рисоваться своими гуманными цѣлями... И гуманность-то у нихъ какая-то узкая, избитая, прописная. Помогать бѣднымъ! Точно городское управленіе, это—какое-то филантропическое общество или богадѣльня для калѣкъ! Точно, помогая торговлѣ и промышленности, этимъ самымъ не помогаешь бѣднымъ! Никакого пониманія! Нужно спускаться всякій разъ до уровня всѣхъ этихъ маленькихъ самолюбивцевъ, чтобы не уязвить которое-нибудь изъ нихъ. Да при томъ-же все это—фразы, фразы!

Лебеда казался ему въ настоящую минуту назойливымъ, пустымъ фразеромъ. Онъ любилъ, чтобы вокругъ него царилъ тотъ пріятный, сдержанный консерватизмъ, среди котораго онъ могъ казаться и болѣе либеральнымъ, и болѣе гуманнымъ, а тутъ вдругъ... Нѣтъ, дума его не успокаиваетъ, напротивъ сильно раздражаетъ. Въ ней нужно спускаться съ научнаго пьедестала до житейскихъ мелочей, иногда просто до сплетень, вродѣ тѣхъ, что говорилъ Гавриловъ, защищая свои незаконныя дѣйствія.

Дома онъ еще разъ просмотрѣлъ все, что было написано по поводу употребленія этихъ ста тысячъ, и, по мѣрѣ того, какъ онъ читалъ, недовольство собой опять возвращалось къ нему, только еще въ сильнѣйшей степени. Онъ невольно вспомнилъ, при какихъ обстоятельствахъ писался докладъ: онъ былъ боленъ, его одолѣли какія-то навязчивыя, несносныя воспоминанія. Неужели чувство раздраженія противъ Лебеды имѣетъ какой-то другой источникъ, а не обуславливается неуваженіемъ къ его поверхностнымъ занятіямъ, къ его невыдержанности, вообще къ его нравственной фізіономіи? Одна уже эта мысль заставила его вздрогнуть. Онъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

Въ домѣ было тихо, точно всѣ вымерли; дрова въ каминѣ по временамъ трещали, пожираемые пламенемъ. Федоръ Карловичъ остановился противъ огня; лицо его было блѣдно до синевы, глаза то вспыхивали, то совершенно потухали. Какая-то борьба происходила въ немъ. Онъ подался впередъ, прищурился, стиснулъ зубы такъ, что они затрещали и, простоявъ въ такомъ положеніи нѣсколько минутъ, быстро, порывисто обернулся къ письменному столу и отперъ средній ящикъ. Тамъ, глубоко подъ всѣми бумагами, лежало что-то завернутое въ тонкій листъ. Онъ взялъ это что-то и не глядя швырнулъ въ каминъ: бумага вспых-

нула, и на мгновеніе озаренное краснымъ пламенемъ мелькнуло прекрасное, молодое, нѣсколько насмѣшливое лицо женщины. Федоръ Карловичъ стоялъ спиной и, когда обернулся, то увидалъ только черно-сѣрый пепель, который, отдѣлившись отъ огня, разсыпался по рѣшеткѣ камина. Лицо Федора Карловича прояснилось, оживилось и точно даже помолодѣло.

Надъ большимъ письменнымъ столомъ висѣлъ портретъ друга его, старика Билибина. Федору Карловичу часто казалось въ минуты борьбы съ самимъ собою, что лицо это смотрѣло на него съ укоризной; сегодня Мандень не удостоилъ его ни однимъ взглядомъ. Онъ сталъ равнодушенъ ко всемъ Билибинимъ.

На другой день, послѣ многихъ, многихъ лѣтъ, онъ отправился въ театръ. Давали драму Дюма „La dame aux camelias“. Объ артисткѣ, исполнявшей роль Маргариты, очень много говорилось въ мѣстной печати; это была молодая, довольно красивая, но изрядно полная дама. Она ему нравилась, но онъ напрасно силился чувствовать патетичность ея патетическихъ мѣстъ. Она ломалась, говорила на-распѣвъ; наряды ея были прекрасны, но Федору Карловичу почему-то казалось, что именно эти наряды и мѣшаютъ ей быть простой и искренной въ своей роли. Онъ сидѣлъ недалеко отъ литерной ложи; въ антрактѣ передъ послѣднимъ актомъ его кто-то позвалъ. Онъ взглянулъ вверхъ и увидалъ Картавцева, который ему кланялся. Федоръ Карловичъ сдѣлалъ знакъ, что желаетъ идти къ нимъ въ ложу. Картавцевъ встрѣтилъ его въ коридорѣ и пропустилъ впереди себя. Здѣсь, утопая въ волнахъ бѣлаго платья, граціозно склонивъ голову на спинку близъ стоявшаго кресла, сидѣла жена Картавцева. Федору Карловичу она никогда не нравилась, но сегодня даже она показалась ему необыкновенно милой.

— Какъ вамъ нравится игра Федоровой? спросилъ его Картавцевъ.

— Она меня не трогаетъ, отвѣчалъ Мандень. — Неужели продолжалъ онъ, — женщины всегда такъ часто мѣняютъ свои наряды, какъ эта артистка?

— Но вѣдь она является на сцену въ промежуткахъ известнаго времени.

— Я понимаю, отвѣчалъ Мандень; — но у нея какія-то особенныя платья, которыя должны стѣснять ее.

— Это только доказываетъ, Федоръ Карловичъ, что вы отвыкли видѣть женщинъ на балахъ и вообще когда онѣ одѣваются нарядно.

— Можетъ быть, можетъ быть, отвѣчалъ Федоръ Карловичъ и подумалъ: „если женщины бываютъ часто спутаны, неужели это не мѣшаетъ имъ жить?“

Въ ложу вошелъ какой-то франтъ съ рiнсе-пез на носу. Федоръ Карловичъ зналъ, что это вновь пріѣхавшее административное лицо, но не могъ вспомнить кто именно.

— Какъ вамъ нравится нашъ Хорзай? спросилъ его Картавецъ.

— Ничего. Я нахожу, что у васъ очень много хорошенькихъ. Чѣмъ больше всматриваешься, тѣмъ больше находишь ихъ. Посмотрите, во второмъ ярусѣ, какъ-разъ противъ насъ: бывало-ли въ болѣе скромной рамѣ когда-либо такое прелестное лицо? Въ Петербургѣ на нее-бы всѣ заглядывались. Сколько строгости и простоты, прелесть!

Всѣ посмотрѣли вверхъ. Федоръ Карловичъ тотчасъ узналъ Софью Александровну Лебеду. Онъ совершенно покойно смотрѣлъ на нее, точно видѣлъ ее въ первый разъ, и внутренне наслаждался этимъ спокойствіемъ.

— А этотъ господинъ, съ черными усами, кто онъ?

— Это нашъ Гамбетта изъ Кочевокъ.

Франтъ расхохотался.

— Гамбетта изъ Березокъ куда ни шло, а то изъ Кочевокъ! *Quelque chose d'horrible!*

Картавецъ, какъ-бы отвѣчая на мысли франта, добавилъ:

— Гамбетты изъ Кочевокъ отличаются отъ прочихъ Гамбеттъ мужицкой сорочкой и смазными сапогами.

Франтъ еще громче разсмѣялся.

— Но тѣмъ не менѣе m-me Гамбетта прелестна!

Разговоръ принималъ непріятный для Федора Карловича отъѣнокъ; онъ поклонился и вышелъ.

Спускаясь съ лѣстницы, онъ думалъ:

„Можетъ быть, редактору, защищающему извѣстныя политическія убѣжденія такъ и слѣдуетъ говорить. Я никогда не могъ-бы быть редакторомъ; есть интересы выше всякихъ политическихъ партій, это — научные и общественные интересы и если-бы ихъ,

эти научные интересы, приурочить къ государственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ, это было-бы благо!“

Садясь на свое мѣсто, Мандень еще разъ взглянулъ на ложу второго яруса и вполне убѣдился, что онъ побѣдилъ, побѣдилъ навсегда и что никакія воспоминанія не будутъ болѣе тревожить его. Мандень, жаждущій любви, умеръ; остался человекъ всецѣло, безповоротно преданный обществу и общественнымъ интересамъ.

ГЛАВА XIX.

Татьяна сидѣла въ дѣтской на коврѣ, окруженная своими братьями. Передъ ней стоялъ красивый сундучекъ, наполненный различными бездѣлушками. Самый младшій братъ прилежался подъ ея локтемъ и постоянно мѣшалъ ей.

— Не такъ близко, Максъ, говорила Татьяна, отодвигая рученку Макса.—Тебѣ достанется твоя доля; тебя не забуду!

— Я твой? лепеталъ Максъ, заглядывая ей въ глаза.—Я твой?

— Ты мой, ты мой, маленькій, говорила Татьяна, щекоча пальцемъ его подбородокъ.—Я тебѣ подарю вотъ что!

Она вынула одѣтаго въ разноцвѣтные лоскутки паяца, изъ головки котораго можно было доставать когда-то духи, и стала вертѣть имъ около самага носа Макса. Тотъ хохоталъ, заклебывался и напрасно старался поймать игрушку. Наконецъ, онъ поймалъ.

— А мнѣ ты ничего не подарить? спросилъ Вадимъ.

— Тебѣ я отдаю всѣ свои старыя перчатки.

Вадимъ былъ скупъ, и Татьяна не могла воздержаться, чтобъ не подтрунить надъ нимъ. Фрицъ, второй ея братъ, разсмѣялся.

— Удивительно мнѣ нужны твои перчатки, сердито заговорилъ Вадимъ, моргая глазами.—Ты можешь взять ихъ съ собой въ Петербургъ: тамъ тебѣ не будутъ покупать новыхъ.

Татьяна не была расположена издѣваться долѣе надъ слабыми сторонами своихъ братьевъ. Завтра она уѣзжала въ Петербургъ; она чувствовала себя умиленной и растроганной.

— Нѣтъ, нѣтъ, Вадимъ, я пошутила. Возьми мою перламутровую коробку.

— Зачѣмъ ты отдаешь ему? говорилъ Фрицъ,—онъ былъ ея

любимымъ братомъ. — Тебѣ она самой понадобится. Вотъ, Вадимъ, возьми эти куклины башмаки.

— Самъ бери ихъ, дуракъ!

Онъ взялъ башмачки и швырнулъ ими въ лицо Фрицу. Фрицъ вскочилъ на ноги; онъ былъ гораздо сильнѣе своего старшаго брата.

— Ну-ка, трусишка, вставай! Вставай, помѣряемся! говорилъ онъ, засучивая рукава своей куртки.

Вадимъ подвинулся къ Татьянѣ.

— Я не хочу драться, Татьяна. Скажи ему, что ненужно драться наканунѣ твоего отъѣзда.

— Не нужно драться, машинально повторила Татьяна, — наканунѣ моего отъѣзда.

Въ сущности она такъ привыкла къ постояннымъ дракамъ своихъ братьевъ, что ей даже теперь было все равно, дерутся они или нѣтъ.

Фрицъ сѣлъ на коверъ и сталъ помогать ей укладывать въ сундучекъ все, что она хотѣла взять съ собой. Когда сундучекъ былъ уже наполненъ, она принялась перебирать свои вещи въ комодахъ; но вскорѣ это ей наскучило и она стала въ беспорядкѣ кидать одинъ предметъ на другой. У нея начинала болѣть голова; она сѣла и задумалась.

„Вдругъ я заболѣю и не поѣду въ Петербургъ!“ мелькнула въ умѣ ея мысль, и, испуганная ею, смутно чувствуя, что ей слѣдуетъ поѣсть чего-нибудь, она направилась въ столовую.

Здѣсь, на большомъ столѣ, уставленномъ приборами, на маленькомъ блюдѣ, бѣлыми грудками вверху, дымились рябчики, нашпигованные саломъ. Она ужасно любила рябчиковъ, и никогда не казались они ей болѣе привлекательными, какъ въ эту минуту, когда она до головной боли хотѣла ѣсть. Она усѣлась и съ наслажденіемъ стала кушать. Уже одного изъ нихъ не стало, голодъ ея нѣсколько утолился; второго рябчика она не такъ тщательно обглаживала, какъ перваго. На порогѣ появился слуга и торопливо произнесъ:

— Вы, барышня, скушали папенькинъ завтракъ! Они сейчасъ идуть!

Татьяна только теперь сообразила, что она сдѣлала.

— А развѣ нѣтъ другихъ? спросила она. — Минѣ тоже обѣщали изжарить рябчиковъ.

Слуга удалился и черезъ нѣсколько минутъ вернулся и объявилъ, что сегодня телатина, рябчиковъ больше нѣтъ.

Татьяна отошла отъ стола, сѣла на первый попавшійся стулъ скрестила руки и ждала. „Быть грозѣ!“ подумала она.

— Завтракъ! Завтракъ! суетливо вбѣгая въ комнату, кричала Инна Николаевна.

По ея голосу можно уже было догадаться, что сейчасъ выйдетъ Сиве.

— Я сѣла папинъ завтракъ, сказала Татьяна, не трогаясь съ мѣста.

— Какъ! Ты сѣла рябчиковъ? А сегодня телатина! Папа не ѣсть телатины!

На лицѣ Инны Николаевны выразился неподдѣльный ужасъ.

— Что я буду дѣлать? Что я буду дѣлать? заметалась она по комнатѣ, чувствуя всю безвыходность своего положенія. — Рябчиковъ нѣтъ въ домѣ! Послать въ гостинницу и некогда, и не на что!

У нея не было ни копейки денегъ.

— Ты какъ смѣла поѣсть рябчиковъ! вдругъ накинута она на Татьяну.

— Сѣла, потому что ѣсть хотѣлось. Я думала, рябчики для меня. Мнѣ никто не сказалъ, что они для папы.

— Тебѣ никто не сказалъ? Неправда, неправда! Ты это нарочно сдѣлала. Если-бъ даже тебѣ сказали, ты поставила-бы на своемъ! Развѣ я тебя не знаю!

— Не знаешь. Конечно, ты меня не знаешь, говорила Татьяна, съ трудомъ удерживая слезы.

Она чувствовала себя глубоко оскорбленной: завтра она уѣзжаетъ, можетъ быть на долго, и ее бранятъ за какихъ-то рябчиковъ, которыхъ она сѣла не подумавши, потому что у нея голова болѣла отъ голода.

— Господи, говорила Инна Николаевна, — какое мнѣ несчастье!

Она ужъ ничего не предпринимала; она чувствовала неизбежность сценъ, грозы и смиренно сидѣла за столомъ, въ настоящую минуту ни о чемъ даже не думая.

Послышались отдаленные шаги въ залѣ. Лицо Инны Николаевны покрылось пятнами. Она порывисто встала на встрѣчу своему мужу.

— Тебѣ сегодня нѣтъ горячаго завтрака, сказала она.

— Что такое случилось? спросилъ онъ.

— Твой завтракъ дѣти съѣли.

Татьяна подошла къ двери. Когда она услышала, что мать сказала: „дѣти съѣли“, сердце ея забилося, она почувствовала къ ней нѣжную благодарность и никогда не испытанную жалость.

— Какъ дѣти съѣли! вскричалъ Сивѣ.—Я цѣлое утро работаю, и мой завтракъ съѣли дѣти! А ты гдѣ была?

— Я была у себя въ комнатѣ, я не знала.

— Ты не знала! Ты развѣ что знаешь? Ты занимаешься пустяками; у тебя глупости въ головѣ. Я долженъ отсылать дочь въ Петербургъ, потому-что у нея мать—дура, потому-что у нея мать цѣлый день хихикаетъ, ничего не дѣлаетъ, ни за чѣмъ не смотреть!

— Я не была дура, сказала Инна Николаевна.—Ты меня сдѣлалъ такой!

— Ты какъ смѣешь мнѣ говорить это? вскричалъ Густавъ Ивановичъ, задыхаясь отъ злости. Онъ взялъ ее за плечо.

— Меня можно бить теперь: у меня нѣтъ отца, который...

Она не договорила и заплакала. На лицѣ ея, когда она это говорила, были и ужасъ, и дѣтская покорность.

Татьяна, потрясенная до глубины души этой сценой, подбѣжала къ отцу и схватила его за руку.

— Не тронь маму! вскричала она, блѣдная и дрожащая.—Это я съѣла твоихъ рабчиковъ! Я не знала, что твои, и съѣла ихъ! Мама не хотѣла сказать, что это я. Ты знай!

Сивѣ вздрогнулъ и, медленно опустивъ свои, за минуту свирѣпые, глаза, медленно пошелъ къ себѣ въ кабинетъ.

„Зачѣмъ эта дѣвочка была здѣсь? Что она подумаетъ? Я не хотѣлъ бить ее“, думалъ Сивѣ, рассказывая вдоль своего сильно загроможденнаго мебелью кабинета. „О, какое мнѣ несчастье съ этой женщиной! Она меня съ ума сведетъ!“ Вотъ уже шестнадцать лѣтъ, какъ онъ женатъ и никакъ не можетъ добиться отъ нея той благоговѣйной любви и покорности себѣ, какую ему случалось встрѣчать у женщинъ своей родины, любви, которая распространяется на всѣ мелочи, касающіяся мужа, когда женщина ничего не ищетъ, ничего не желаетъ, какъ быть только угодной ему, когда выполняются всѣ его прихоти, даже безъ надежды получить за это благодарность. Въ ней онъ не видѣлъ и тѣмъ ни-

чего подобнаго. Она его боялась, она дѣлала все, что отъ нея требовали, но онъ зналъ: стоитъ ему только отвернуться, и она охотно броситъ дѣло, за которое, казалось, взялась съ удовольствіемъ. Уѣзжая изъ дому, онъ никогда не могъ быть увѣреннымъ, что она не воспользуется этимъ временемъ для выполненія какихъ-нибудь своихъ собственныхъ желаній, а главное, онъ никогда не узнаетъ, что именно она безъ него дѣлала. Мысль, что, уѣзжая изъ дому, онъ нѣкоторымъ образомъ уѣзжалъ изъ ея головы, а можетъ быть даже изъ сердца, до такой степени бѣсила его, что въ первые годы супружества, когда къ болѣе страстному чувству къ ней примѣшивалась значительная доля ревности, онъ, уѣзжая, задавалъ ей вышивать какой-нибудь цвѣтокъ. Но и здѣсь Инна Николаевна умудрялась его обманывать и часто пользовалась его забывчивостью относительно тѣней гаруса, такъ что онъ началъ задавать ей вышивать зеленныя розы и розовыя листья. Конечно, ему никогда и въ голову не приходило подумать, не онъ ли самъ виноватъ въ томъ, что между ними установились отношенія, лишенные всякаго довѣрія съ его стороны, полныя боязни и обмана со стороны женщины, которую онъ взялъ почти ребенкомъ. Нѣтъ, Густавъ Ивановичъ былъ слишкомъ эгоистиченъ и проникнуть самоуваженіемъ. Жизнь на русской почвѣ развернулась передъ нимъ широкой, гладкой скатертью; это была скатерть — самобранка: ему стоило только умѣть во-время улыбнуться, встать промолчать, просидѣть нѣсколько лишнихъ минутъ въ одномъ мѣстѣ, уѣхать поскорѣй изъ другого, а главное заискать въ тѣхъ, въ комъ была сила, хвалить тѣхъ, кого всѣ хвалили, осуждать тѣхъ, кого можно было осудить, и все шло прекрасно, на него сыпались всѣ блага міра. Онъ захватилъ самую денежную, самую крупную практику въ городѣ, и вдругъ-бы кто-нибудь сталъ увѣрять его, что онъ мало присматривается къ своей женѣ, что у нея тоже есть своя душа, своя жизнь, свои потребности... Какая нелѣпость! Послѣ этого найдутся люди, которые станутъ увѣрять его, что онъ долженъ разсматривать больныхъ своихъ въ лупу!

Если Густавъ Ивановичъ иногда и присматривался къ чему-нибудь, то только для того, чтобы извлечь для себя наибольшую выгоду. Жена-же была къ нему такъ или иначе пристегнута, и онъ думалъ, что достаточно держать ее въ страхѣ.

Началъ онъ свою медицинскую карьеру въ скромной роли до-

машнаго врача при одномъ богатомъ русскомъ баринѣ. Въ Хорзаѣ есть много людей, которые помнятъ его пріѣхавшимъ изъ за границы въ зелененькихъ короткихъ штанишкахъ и коричневомъ сюртукѣ; и вотъ съ проницательностью голоднаго нѣмца онъ сталъ присматриваться къ жизни своего новаго отечества, и какъ проста показалась ему эта жизнь! Поменьше идей, какъ только возможно меньше идей! Но кто-же можетъ заподозрить какія-бы то ни было идеи у этихъ милыхъ голенькихъ нѣмцевъ, приходящихъ насъ благодѣтельствовать? „Kein Vaterland“ вотъ ихъ пароль; ихъ лозунгъ: „Побольше наживы!“ И Густавъ Ивановичъ это понялъ; ахъ, какъ онъ хорошо это понялъ! Онъ раздѣлялъ русскихъ баръ на двѣ категоріи: одни, энергичные, жадные до почестей и наживы, бросали свои родовыя помѣстья для полученія разныхъ отличій и административныхъ должностей и привилегій. Они платили докторамъ скупо, требовали отъ нихъ много времени, и Густавъ Ивановичъ сколько угодно могъ лечить ихъ, просиживать у нихъ чуть-ли не цѣлыя дни, получая любезныя улыбки, приобретаемая посредствомъ ихъ вѣсъ и вліяніе. Другая категорія: это „божьи коровки“. Они точно просили каждаго надуть ихъ, обойти со всѣхъ сторонъ. Они вѣчно вздыхали, всегда жаловались, чувствовали себя неудовлетворенными чѣмъ-то или обиженными кѣмъ-нибудь, въ сущности-же мирились со всѣмъ, любили полиберальничать, осудить начальство, не дальше становаго пристава и квартальнаго надзирателя, обличить почтмейстера за то, что тотъ взялъ 5 копеекъ за приложеніе изъ собственнаго сургуча печати на письмѣ. Они ничего не принимали горячо къ сердцу, кромѣ собственнаго желудка, любили пожить хорошо на оставшіяся крохи, платя щедро всѣмъ, кто умѣлъ и зналъ имъ угодить. Густавъ Ивановичъ былъ съ такими разговорчивъ и внимателенъ, въ душѣ-же презиралъ ихъ. Они были только гусыни, несущія ему золотыя яйца.

Попалъ онъ въ университетъ потому, что некому было переступить ему дорогу, и былъ дѣйствительно человѣкомъ знающимъ для своего времени. Но и здѣсь, внимательно присмотрѣвшись, онъ увидалъ, что учиться незачѣмъ въ русскомъ университетѣ, — стоитъ только попасть въ профессора и можно быть совершенно покойнымъ на счетъ всевозможныхъ научныхъ медицинскимъ работъ, — и что ему, Густаву Ивановичу, нужно только зорко слѣдить

за чашками вѣсовъ и если не самому наклонять которую-нибудь изъ нихъ, то умѣть во-время очутиться тамъ, гдѣ она наклоняется силою большинства. И съ этой простой житейской мудростью можно не только пробыть двадцать пять лѣтъ въ университетѣ, но быть избраннымъ на пять пятилѣтій. Густавъ Ивановичъ постигъ все это въ совершенствѣ: нѣкогда онъ не писалъ ни одной строки, не приготовилъ ни одного ученика; что же касается его вліянія въ университетѣ, оно было колоссально. Онъ такъ ловко повелъ свои дѣла, что заставилъ работать другихъ въ свою пользу. Онъ создалъ ораторовъ, бойцовъ и жандармовъ своего направленія; въ душѣ онъ ихъ называлъ своими мягкими подушками, на которыхъ онъ покойно спалъ. Эти мягкія подушки выпускали далеко не мягкіе шипы противъ всего, что могло помѣшать Сивѣ держать въ своихъ рукахъ лучшую городскую практику и умножать свои капиталы, а итъ, мягкимъ подушкамъ, пристраиваться посредствомъ Сивѣ и пристраивать въ свою очередь свои мягкія подушки.

Теперь мысли Сивѣ не переставали вертѣться около того, что невозможно оставлять Татьяну дома, что нужно везти ее въ Петербургъ. Татьяну онъ любилъ, насколько способна была душа его любить безкорыстно живое существо. Онъ гордился ея красотой, онъ ждалъ чего-то отъ нея. Чего онъ ждалъ? Ему трудно было ориентироваться въ тѣхъ смутныхъ и сбивчивыхъ представленіяхъ, какія мерещились ему, когда онъ думалъ о своей дочери. Онъ могъ скорѣе сказать, чего онъ ей желалъ: богатства, больше богатства и почестей.

Стулъ въ двери прервалъ его мысли.

- Кто тамъ? спросилъ Густавъ Ивановичъ, пріотворяя дверь.
- Губернаторша пріѣхала; спрашиваетъ: можно васъ видѣть?
- Проси, проси!

И, быстро, размахивая фалдами своего сюртука, онъ побѣжалъ въ спальню жены своей.

Инна Николаевна сидѣла на кушеткѣ съ какой-то работой; глаза ея были красны отъ слезъ.

— Инночка, сказалъ Сивѣ, подходя и глядя ея волосы, — Инночка, не плачь!

Инна Николаевна припала головой къ его плечу и опять заплакала. „Онъ меня жалѣетъ!“ подумала она.

— Не плачь-же, я тебѣ говорю! Графиня пріѣхала, нужно скорѣй выйти! Вымой лицо, и выходи скорѣй!

Въ голосѣ его уже слышалось приказаніе.

— Нужно Татьяну позвать.

— Она не выйдетъ, сказала Инна Николаевна.

Густавъ Ивановичъ безнадежно махнулъ рукой и поспѣшилъ въ гостиную.

— Все-таки пошли за ней! уже изъ другой комнаты услышала Инна Николаевна.

Увидавъ испуганное, дѣтски-покорное лицо своей матери и услыжавъ ея слова, Татьяна вдругъ поняла, что она была страдающее лицо въ домѣ. Эта мысль была такъ нова и такъ потрясла ее, что она бросилась наверхъ къ своей Жени. Последнее время онѣ такъ сдружились, что Татьяна, въ минуты волненія, называла ее ты.

— Женья, говорила она взволнованнымъ, задыхающимся голосомъ.—Я никогда не должна обижать маму, слышишь—никогда; возьми съ меня слово, заставь поклясться, что я ее не стану обижать. Она несчастная, ее некому защитить.

Евгенія Петровна съ недоумѣніемъ смотрѣла на свою воспитанницу: „что съ ней дѣлается, что произошло тамъ внизу?“

— Милая моя, сказала она,—клянутся тѣ, которыя не увѣрены, что могутъ исполнить то, чего желаютъ. Ты лучше серіознѣе подумай о томъ, что ты говоришь теперь, и тебѣ не нужно будетъ никакихъ клятвъ.

— Нѣтъ, Женья, нѣтъ. Ты меня не знаешь! Я часто даю себѣ слово или клятву въ чемъ-нибудь и всегда исполняю ее. Есть такіе предметы, о которыхъ, сколько-бы я ни думала, я ничего не могу понять. Если я начну думать, отчего моя мама плачетъ и бранится, опять плачетъ и опять бранится, я ничего не пойму. Но теперь я знаю, что она бываетъ несчастна. У нея такое было лицо! воскликнула Татьяна.—Если-бъ ты, Женья, видѣла, какое у нея было лицо, ты-бы заплакала, сказала она съ дрожью въ голосѣ и, повернувшись спиной къ своей гувернанткѣ, устремивъ взглядъ на распятіе, висѣвшее надъ ея изголовьемъ и шептала: „Объщаю тебѣ, Господи, что никогда не стану обижать мою маму, мою бѣдную маму“.

Въ эту минуту кто-то постучалъ въ дверь. Это былъ чело-

вѣкъ, пришедшій сказать барышнѣ, чтобъ они шли внизъ къ губернаторшѣ. Евгенія Петровна заперла дверь и даже не сказала ничего объ этомъ своей воспитанницѣ; она думала: — „какъ хорошо, что ее увозятъ отсюда; быть можетъ, ей тамъ будетъ лучше; здѣсь слишкомъ сложная жизнь для такой прямой и пылкой души. И я рада, что ухожу отсюда: я здѣсь многого не понимаю, такъ ужъ гдѣ ей-то, бѣдняжкѣ, понять? “

ГЛАВА XX.

— Я такъ люблю вашего мужа, милая м-ше Сивѣ, говорила графиня, довольно еще красивая особа, въ томъ неопредѣленномъ возрастѣ, когда женщину не рѣшаются спрашивать, сколько ей лѣтъ. — Такъ люблю вашего мужа!

Она фамильярно положила свою тонкую, обтянутую сѣрой перчаткой руку на рукавъ платья Инны Николаевны.

— Если-бъ онъ мнѣ сказалъ: „отрѣжь кисть руки“ — я-бы это сдѣлала.

Инна Николаевна сквозь слезы любезно улыбалась. Въ торопяхъ она забыла надѣть рукавички, и это обстоятельство ее сильно сдѣсняло; болѣе всего она боялась, чтобъ Густа не замѣтилъ этого.

Густавъ-же Ивановичъ умиленно смотрѣлъ на жену, и графиня, замѣтивъ этотъ взглядъ, подумала: „Какъ онъ любитъ эту маленькую, глупую женщину!“

— Вы очень добры, говорилъ Густавъ Ивановичъ, вы очень добры, графиня.

— Это вы очень добры, отвѣчала она. — Какъ вы должны быть счастливы съ нимъ! вдругъ обратилась она къ Иннѣ Николаевнѣ.

Инна Николаевна хотѣла еще любезнѣе улыбнуться, но улыбка ея вышла совсѣмъ жалкая.

„Mais vraiment elle est bête“ подумала опять графиня.

Въ это время вошелъ Вадимъ.

— Подойди, Вадимъ, позважь его Густавъ Ивановичъ.

— Какое прекрасное имя! замѣтила графиня вслухъ, — „и какъ мало идетъ къ этому уродливому мальчику!“ подумала она про себя; и, какъ-бы желая вознаградить Сивѣ за нанесенную ему мысленно обиду, она прибавила:

— J'ai oui dire, que votre fille est d'une beauté à peindre. Où est elle?

Супруги переглянулись.

— Моя жена и Татьяна, началъ невозмутимо Густавъ Ивановичъ,—сегодня цѣлое утро проплавали; имъ предстоитъ разстаться: завтра дочь моя ѣдетъ въ Петербургъ.

Инна Николаевна покраснѣла до корней волосъ: она никакъ не могла привыкнуть къ подобной беззащитчивой лжи; у нея даже слезы навернулись на глазахъ.

— Я васъ понимаю, говорила графиня сочувственно,—я васъ понимаю. Это такъ ужасно—разставаться съ дочерью! Мнѣ кажется, я ни за что не могла-бы разстаться съ моею Мини, но, конечно, если понадобится, s'il le faut, nous devons nous soumettre! А съ другой стороны, какъ хорошо, Густавъ Ивановичъ, что вы ее отдаете на попеченіе m-me Gervais: это святая женщина и ей можно поручить свое единственное дитя. Я знаю ее, милая Инна Николаевна; когда я была молодой дѣвушкой, она имѣла на меня сильное вліяніе. Воображаю, какой любовью пользуется она въ институтѣ, какъ начальница. Кромѣ прекрасной души у нея недюжинный умъ. М-г Ивановичъ,—vous le connaissez sans doute,—онъ часто говорилъ: Je me sens parfois bête en présence de M-me Gervais; c'est un esprit fort! И вашу Татьяну она будетъ любить, какъ дочь.

— Да, сказалъ Густавъ Ивановичъ, смиренно молчавшій все время и любезно улыбавшійся: онъ понималъ, что когда говорятъ высокопоставленные лица, то обыкновенные смертные обязаны благоговѣнно слушать.—M-me Gervais просила меня отдать ей совсѣмъ Татьяну, но мнѣ стоило большого труда согласиться на два года разлуки съ ней.

— Mais certainement, certainement, cher docteur! говорила графиня.—Вадимъ и Татьяна! Какія прекрасныя, поэтическія имена у вашихъ дѣтей! Et tellement russe, tellement russe! Видно, что вы любите Россію, cher m-г Сивѣ! У васъ русская душа!

— Да, мнѣ дороги русскіе интересы, отвѣчалъ Сивѣ улыаясь.

— Не тотъ русскій, продолжала графиня,—кто носитъ русскую фамилію, но тотъ, кто имѣетъ душу русскую!

— Совершенно справедливо, отвѣчалъ Сивѣ: онъ готовъ быть заплакать отъ умиленія;— тотъ, кто имѣетъ душу русскую.

— А на окраинахъ это такъ необходимо, *cher docteur*, такъ необходимо! Русскій человѣкъ, русская мысль, русское образованіе—и мы спасены, говорила она на-распѣвъ, мы спасены! *Nous sommes sauvés*.

— Любить Россію, любить ее—этимъ все сказано! Для нашихъ окраинъ нужны люди, какъ вы говорите, съ русской душой, вторилъ ей Сивѣ.

— И вы любите Россію, Густавъ Ивановичъ, это видно! Нужно побольше такихъ людей, какъ вы! И, помолчавъ немного, она вдругъ сказала:—Мы уѣзжаемъ отсюда въ Петербургъ, графъ получилъ высшую должность.

Сивѣ почувствовалъ внутреннюю дрожь. Какъ, они уѣзжаютъ, а никакія еще милости не снизошли на него! Неужели всѣ его забѣганья и ухаживанья пропали даромъ! Онъ сжалъ подъ столомъ правую руку въ кулакъ и, замѣтивъ, что Инна Николаевна безъ рукавичковъ, свернулъ на нее глазами. Инна Николаевна похолодѣла.

Графиня замѣтила эту быструю перемену въ супругахъ и написала ее сожалѣнію объ отъѣздѣ ея и графа. Конечно, это казалось ей такъ естественно.

Она встала и начала прощаться, вполне наслаждаясь сознаніемъ, что осчастливила этихъ людей и оставляетъ ихъ повергнутыми въ уныніе.

— *Venez vous voir*, сказала она Густаву Ивановичу съ таинственнымъ видомъ.—*Mon mari a une bonne affaire pour vous!*

— Печально, печально, повторялъ Сивѣ съ грустью, едва будучи въ состояніи скрыть овладѣвшую имъ радость,—что вы оставляете нашъ край!

— Но въ насъ и тамъ нуждаются, говорила графиня тономъ.

О, какъ она этого не желала! Здѣсь она была царицей, а тамъ они совсѣмъ затеряются.

Проводивъ графиню, Сивѣ взглянулъ на часы. Былъ второй часъ. Онъ вспомнилъ, что ровно въ два его ждутъ на консилиумъ. Позавтракавъ на скорую руку, онъ только-что собрался спуститься съ лѣстницы, какъ ему доложили о приходѣ Вилибина.

Билибинъ былъ нужный ему человѣкъ въ настоящее время: онъ торговалъ у него домъ. Что дѣлать? Густавъ Ивановичъ послѣдшилъ ему на встрѣчу.

— Извините, Бога ради, говорилъ онъ, пожимаая ему руку и фамильярно беря его за плечо, — вы опоздали: у меня ровно два часа, я спѣшу на консиліумъ; а вамъ слѣдовало придти, по условію, въ часъ.

— Вы ошибаетесь, Густавъ Ивановичъ, отвѣчалъ Билибинъ. Вы вчера сами написали на своей карточкѣ въ два часа.

И онъ показалъ ему карточку.

— Такъ, значить, я одинъ во всемъ виноватъ, извините; но докторъ не всегда можетъ располагать своимъ временемъ. Поидемте, я васъ представлю женѣ моей.

Билибинъ послѣдовалъ за Сиве. Онъ былъ одѣтъ весьма изящно и послѣднее время такъ похорошѣлъ, что когда Сиве наскоро представилъ его, Инна Николаевна, выдавшая его прежде, смотрѣла теперь на него, какъ на незнакомаго человѣка. На ея привѣтствіе онъ сдѣлалъ такой почтительный глубокій поклонъ, что сердце Инны Николаевны забилося отъ удовольствія: такъ, видѣла она, кланялись молодые люди только графинѣ.

Сиве уѣхалъ. Инна Николаевна осталась одна съ Викторомъ Александровичемъ. Онъ посмотрѣлъ на нее, и ей показалось, что участіе выразилось въ его глазахъ.

— Вы удивляетесь, что видите меня заплаканной? спросила она. — Это со мной часто случается, сорвалось неволью у нея съ языка, и тотчасъ она пожалѣла, что сказала это.

— О чемъ-бы ни плакала женщина, сказалъ Билибинъ, сопровождая свои слова почтительнымъ взглядомъ, — слезы ея священи.

— Вы думаете, всегда есть причина женскимъ слезамъ?

— Я думаю, что причины всегда есть и что въ большинствѣ случаевъ онѣ лежатъ въ насъ, мужчинахъ, хотя рѣдкій изъ насъ въ этомъ сознается.

Билибинъ говорилъ эти слова вслѣдствіе увѣренности своей въ томъ, что большинство свѣтскихъ женщинъ, которымъ перевалило за тридцать, ужасно любятъ разговоры, особенно съ красивыми мужчинами, о неудовлетворительности отношеній между обѣими половинами рода человѣческаго. Нѣкоторые изъ нихъ готовы

даже пожалѣть подѣ-часъ, что имѣють черезчуръ покладливыхъ мужей и не могутъ пожаловаться на нихъ. Онъ никакъ не подозрѣвалъ, что задѣваетъ Инну Николаевну глубже, чѣмъ-бы ему хотѣлось.

„Нѣтъ“, думала она, „онъ, навѣрно, слышалъ что-нибудь о моей жизни!“ и со свойственной ей безтактностью вдругъ спросила:

— Вы, вѣрно, обо мнѣ что-нибудь слышали?

Вилибинъ взглянулъ на нее: она была сильно взволнована; ея кругленькое дѣтское личико могло внушить неподдѣльное участіе. Онъ увидаль, что попалъ въ просакъ со своими заученными фразами и, чтобы съ честью выпутаться, отвѣтилъ:

— Я слышалъ, васъ постигло серьезное несчастье.

— Да, у меня отецъ умеръ.

О, сегодня она такъ много пережила, такъ истерично настроена, а тутъ этотъ молодой красавецъ высказываетъ ей столько участія! Нѣтъ, это выше силъ ея! И она расплакалась.

Если-бъ увидала она, какую мину скорчилъ Викторъ Александровичъ, она-бы тотчасъ перестала плакать; но она этого не видѣла, и когда взглянула на него сквозь смѣхъ и слезы, то прочла на его лицѣ все то-же участіе и почтеніе къ себѣ.

— Не правда-ли, это такъ глупо съ моей стороны? сказала Инна Николаевна, протягивая ему руку.

Вилибинъ принялъ это за знакъ, что ему слѣдуетъ удалиться.

— Это только по-женски, сказалъ онъ и, нагнувшись почти-тельно, едва коснулся губами ея руки, раскланялся и вышелъ.

Инна Николаевна не имѣла духа сказать ему, чтобы онъ остался; но она смотрѣла ему вслѣдъ, не двигаясь съ мѣста, точно очарованная.

Это былъ первый человѣкъ, который заговорилъ съ нею такимъ тономъ. Онъ ушелъ, но онъ точно слѣдъ оставилъ и въ ея душѣ, и даже въ этой комнатѣ.

— Какъ свѣтло! сказала вслухъ Инна Николаевна, оглядываясь кругомъ и удивляясь, что еще за нѣсколько минутъ эта комната казалась ей такой мрачной.

И когда Татьяна сошла внизъ, умиленная, растроганная, только что давшая клятву Богу любить и никогда не обижать свою маму, она думала увидѣть ее все съ тѣмъ-же испугомъ на дѣт-

скомъ лицѣ, приниженную, покорную, она собиралась броситься въ ея объятія и сказать, что она поняла ее, любить и никогда не сдѣлаетъ противъ нея ни одной несправедливости. Она увидала Инну Николаевну и отступила на нѣсколько шаговъ въ недоумѣніи: ни слѣда того, что запечатлѣлось въ ея дѣтской душѣ! Напротивъ, ея мать какъ-то вся сіяла; даже серьги не казались Татьянѣ блестящими, даже красный бантъ померкъ передъ краской, разлившейся на лицѣ ея: ничто въ ея матери не гармонировало съ ея умиленнымъ душевнымъ настроеніемъ.

— Сейчасъ была у меня графиня. Ахъ, какая она любезная, прелесть! зарпортовала Инна Николаевна. — Ты напрасно, Татьяна, не вышла къ ней: она о тебѣ спрашивала.

Инна Николаевна думала совсѣмъ не о графинѣ, и потому рѣчь ея звучала какъ-то неестественно. Ей-бы хотѣлось сказать Татьянѣ о знакомствѣ ея съ Билибиннымъ, о томъ впечатлѣніи, какое онъ произвелъ на нее, но это было невозможно. Никто не можетъ понять этого.

Татьяна сѣла въ первое попавшееся кресло и вся какъ-то съжалась.

Инна Николаевна продолжала:

— Если-бъ ты видѣла, какое на ней прелестное платье! Вотъ, я тебѣ скажу! Нужно, чтобы Густавъ позволилъ мнѣ отдавать шить Бастовой мои наряды; я только взгляну и тотчасъ узнаю ея работу. Каждое ея платье имѣетъ свой собственный характеръ; она знаетъ, что идетъ одному цвѣту матеріи, что другому; ужъ не сдѣлаетъ она, подобно моей модисткѣ, изъ легкой, свѣтлой матеріи большихъ широкихъ волановъ. Мнѣ тотчасъ сказали: „какой чудесный цвѣтъ. Но сюда нужны узенькіе плиссе или легкія оборочки“. У графини ты-бы даже разобрать не могла, что за отдѣлка; какая-то путаница, оборки кончатся бантами, банты оборками, а все вмѣстѣ прелесть, прелесть, прелесть!.. Пусть Густа, какъ себѣ хочетъ, а непременно сдѣлаю себѣ такое платье!

Потокъ словъ ея былъ прерванъ слезами Татьяны. Опершись на спинку кресла, она судорожно рыдала.

— Что съ тобой, моя милочка? заговорила Инна Николаевна, робко подходя къ ней, какъ провинившаяся. — Что съ тобой? Чего ты плачешь, мое золото?

Инна Николаевна цѣловала ея волосы, шею.

— Единственная моя! говорила она.

— Мнѣ тяжело разставаться съ домою, отвѣчала Татьяна и чувствовала въ глубинѣ души, что гнала: не оттого она плакала; но она не могла, если-бъ даже хотѣла, выразить тѣхъ сложныхъ ощущеній, которыя волновали ее во время болтовни Инны Николаевны.

— А мнѣ, ты думаешь, не тяжело? Если я такъ болтаю, то это для того, чтобы заглушить...

Она не договорила, что заглушить...

Мать и дочь повѣрили искренности другъ друга; онѣ сидѣли обнявшись и плакали о разлукѣ, а въ сущности были такъ далеки одна отъ другой, какъ никогда прежде.

Вечеромъ пріѣхалъ Густавъ Ивановичъ. Онъ былъ у графа и получилъ отъ него всѣ бумаги на владѣніе однимъ изъ отмежеванныхъ участковъ земли почтенныхъ размѣровъ. И когда жена спросила его, что сообщилъ ему графъ, онъ наговорилъ цѣлую кучу разныхъ исторій, но не сказалъ самаго главнаго.

Такъ провели послѣдній вечеръ эти трое людей, каждый со своими собственными мыслями и со словами лжи на устахъ. Радость Густава Ивановича была такъ велика, что ему нужно было прикидываться печальнымъ. Татьяна не могла удержать слезъ: онѣ лились; ей было и тяжело, и пріятно думать о своей повѣдѣ; тамъ, казалось ей, съ крестной матерью она найдетъ душевное спокойствіе. Инна Николаевна чувствовала себя такъ, какъ-будто-бы она присутствовала на чьихъ-то похоронахъ, гдѣ нужно было дѣлать печальную мину въ то время, когда хочется чему-то радоваться и смѣяться.

Густавъ Ивановичъ смотрѣлъ на нее за чаемъ и нашелъ ее очень хорошенькою.

— Nun was, mein Puppe! *), сказалъ онъ, подходя къ ней и щипля ее за подбородокъ, хочется въ Петербургъ?

— Нѣтъ, теперь не хочется, отвѣчала она совершенно искренно и сама себя удивилась, потому что еще вчера она оплакивала рѣшеніе Густава Ивановича, чтобы Татьяну везла Евгенія Петровна. А Сивѣ, вдвойнѣ счастливый и тѣмъ, что получалъ имѣніе, и покорностью жены, осыпалъ ее въ этотъ вечеръ грубыми, неуклю-

*) Plattdeutsch, — вуколка.

жили ласками; ей-же все мерещился молодой, стройный красавецъ съ почтительно наклоненной головой, со словами робко нѣжнаго участія. Она трепетала и млѣла, охваченная никогда неиспытанной ею страстью.

На другой день Сивѣ, проводивъ Татьяну, привезъ женѣ на платье. Онъ думалъ, что не только покоришь, но даже умилишь ее въ этотъ разъ. „Ахъ, отчего не пятьдесятъ рублей!“ воскликнула въ тихомолку Инна Николаевна.

ГЛАВА XXI.

Софья Александровна хлопотала въ кухнѣ надъ приготовленіемъ необыкновеннаго пирога, когда ей доложили, „что какой-то господинъ ее спрашиваетъ“. Появленіе такого ранняго гостя крайне удивило ее. Она прошла къ себѣ корридормъ и начала передъ зеркаломъ поправлять прическу. Изъ зала доносился веселый смѣхъ ея мальчика: „покачай еще, покачай!“ захлебывался онъ отъ удовольствія. „Ну, довольно, довольно!“ раздался мужской голосъ. У Софьи Александровны дрогнуло сердце, и она нѣсколько поблѣднѣла; это былъ голосъ ея брата. Оправившись, она поспѣшно вышла. Братъ ея сидѣлъ спиной къ двери; онъ держалъ Виктора на колѣняхъ и старался поцѣловать его въ подбородокъ, а тотъ, упершись руками въ его грудь и закинувъ голову назадъ, смѣялся.

— А вотъ и мама, закричалъ онъ.

Вилибинъ быстро вскочилъ, поставилъ мальчика на ноги и подошелъ къ сестрѣ. Подошелъ онъ довольно развязно, но, протянувъ руку, вдругъ смѣшался, покраснѣлъ, пробормоталъ что-то несвязное и остановился въ недоумѣніи, точно ожидая чего-то.

— Сядемъ, пригласила его Софья Александровна. — Викторъ, обратилась она къ своему мальчику, — иди въ дѣтскую.

Викторъ не двигался.

— Иди, повторила она настойчиво.

— А мнѣ можно будетъ прійти попрощаться съ крестнымъ напои? проговорилъ онъ, насуя брови.

— Можно, я тебя позову.

Мальчикъ, нехотя, спиной къ двери, медленно удалялся.

Болѣе полугода тому назадъ, братъ и сестра поссорились. Они

наговорили другъ другу много неприятныхъ вещей. Софья Александровна была сильно огорчена этой ссорой: она любила брата и чувствовала, подобно ему, что имъ очень трудно примириться и понять другъ друга. До нея доходили слухи, что братъ ея получилъ мѣсто въ банкѣ, что онъ торгуетъ домъ у Сиве, что имѣеть большой успѣхъ въ свѣтѣ.

Эти отрывочныя вѣсти, какъ все вообще слухи, съ недомолвками, полуданеками, вовсе не способствовали установленію болѣе дружескихъ отношеній между ними.

Оставшись одни, они нѣкоторое время молчали. Софья Александровна думала,—какъ онъ возмужалъ и похорошѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ она его въ послѣдній разъ видѣла, а Билибинъ проклиналъ свою глупую, порывистую натуру. Ему казалось, что не такъ-то трудно помириться съ сестрой, а теперь онъ, точно мальчишка, робѣеть... И къ чему, зная себя, онъ не написалъ ей, а явился самъ разыгрывать дурака.

— Ты имѣешь мнѣ что-нибудь сообщить? спросила, наконецъ, Софья Александровна, не терпѣвшая по натурѣ своей ничего неопредѣленнаго.

— Я пришелъ помириться съ тобой, сказала Билибинъ.

— То-есть, какъ помириться? спросила она.

— Я хочу уничтожить тѣ причины, которыя насъ поссорили. Я желаю возвратить то, что принадлежитъ тебѣ по праву.

Софья Александровна вспыхнула.

— Ты теперь настолько богатъ, что тебѣ ничего не стоитъ отдать мнѣ какихъ-нибудь семь тысячъ; но по закону онѣ твои и расположеніемъ своимъ я не торгую!..

— Конечно, вскричалъ Билибинъ, ты жена честнѣйшаго Лебеды! Ты такъ одеревенѣла, что у тебя не хватаетъ деликатности промолчать о томъ, въ чемъ самому себѣ тяжело признаться. Если-бы я сталъ передъ вами на колѣни или написалъ письмо въ трогательныхъ выраженіяхъ, вы-бы меня поняли. Но гдѣ-же вамъ догадаться, что происходитъ теперь въ душѣ моей! Вы... продолжалъ онъ.

— Замолчи, проговорила Софья Александровна и положила ему руку на плечо. Она совершенно овладѣла собой.—Ты пришелъ мириться со мной, а кончишь тѣмъ, что мы еще больше поссоримся. Деньги насъ поссорили? Скажи: деньги?

Викторъ Александровичъ молчалъ; онъ чувствовалъ, что находился въ томъ глупомъ положеніи, когда съ нимъ можно все сдѣлать.

— Не деньги, чуть слышно прошепталъ онъ.

— Такъ чего-же ты выходишь изъ себя?

— Ты повѣришь мнѣ, если я тебѣ расскажу, но прежде ты должна сказать мнѣ, отъ кого ты узнала. Отъ Герко?.. Ты видишь, я не отпираюсь больше... Скажи: Герко?..

— Нѣтъ, отвѣчала Софья Александровна. — Тебѣ извѣстно, что я никогда не любила его и онъ не посмѣлъ-бы мнѣ говорить о моемъ братѣ. Когда я получила вещи Прасковьи... Ахъ, да что объ этомъ толковать! Не все-ли равно, какъ я узнала. Мнѣ такъ тяжело вспоминать обо всемъ этомъ. Иногда достаточно незначительнаго намека, чтобы освѣтить то, что и безъ того насъ мучило. Многое для меня стало понятнымъ. Теперь я убѣдилась...

— Что я убилъ ее?

— Нѣтъ, но что ты...

— Такъ что-же, перебилъ ее Вилибинъ, — развѣ дѣло въ этомъ? Вѣдь и ты, и Лебеда...

— Какъ ты смѣешь трогать наши отношенія! гнѣвно вскричала Софья Александровна сквозь слезы и закрыла лицо руками.

Вилибинъ чувствовалъ себя уничтоженнымъ. Онъ отлично понималъ, въ чемъ заключается разница ихъ отношеній, — и не потому сказалъ, что хотѣлъ огорчить ее.

Прошло нѣсколько минутъ, въ продолженіи которыхъ ему казалось, что любовь его въ сестрѣ доходитъ до боли.

— Сона, заговорилъ онъ, наконецъ, дрогнувшимъ голосомъ, — я не хочу ни въ чемъ оправдываться. Я знаю, ты на столько выше меня, что полного примиренія между нами быть не можетъ. Я скажу тебѣ только, что когда я устаю отъ той жизни, которую веду въ послѣднее время, меня тянетъ къ тебѣ. Я вовсе не такъ испорченъ, чтобъ безповоротно броситься въ омутъ животнаго самоуслажденія. Видишь, я пришелъ сюда и, услыхавъ отъ тебя, сестры моей, слова тяжелаго осужденія, не раскаиваюсь, что послушался внушенія моего сердца. Я честолюбивъ, я не могу отказаться отъ многого, отъ чего болѣе высочія природы охотно откажутся. Но я сынъ отца твоего, во мнѣ живутъ благородныя стремленія, хотя я и не въ силахъ постоянно имъ слѣдовать. Ты

во мнѣ извѣрилась, я это знаю, но я и не стану увѣрять тебя въ противномъ; пусть время покажетъ, чисты-ли мои намѣренія и похожъ ли я на другихъ.

Онъ всталъ и поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Софья Александровна не остановила его; она продолжала сидѣть на диванѣ, и много противоположныхъ чувствъ волновали ее.

— Отчего ты не позвала меня попрощаться съ моимъ крестнымъ папой? раздался около нея голосъ Виктора.

Она протянула руки, чтобъ привлечь его къ себѣ, но мальчикъ вырвался.

— Я хотѣлъ попрощаться съ моимъ крестнымъ, а ты меня не позвала, я тебя кулакомъ тресну! гнѣвно закричалъ онъ.

Софья Александровна вздрогнула: передъ ней стояло маленькое олицетвореніе ея брата, со сверкающими глазами на блѣдномъ, красивомъ лицѣ. Она убѣжала въ дѣтскую. Тамъ на коврѣ сидѣла ея дѣвочка. Она широко улыбнулась на встрѣчу матери, показывая свои четыре зубка. Софья Александровна, взволнованная, со слезами на глазахъ горячо цѣловала ее. Оксана — портретъ ея мужа — смѣялась, прыскала маленькими губками и закидывала голову назадъ. „О, о“, начала она показывать на дверь, выпячивая свой ротикъ. Софья Александровна обернулась: на порогѣ стоялъ Викторъ, смущенный, съ поникшей головой. Она позвала его, и онъ, бросившись къ ней на шею, заплакалъ. Ей казалось, что она обнимаетъ, какъ въ былое время, своего плачущаго, раскаяваго брата. Подъ живымъ впечатлѣніемъ всего пережитаго, она написала ему слѣдующее:

„Пусть все забудется, что произошло между нами. Я помню только, что ты единственный братъ мой, котораго я люблю, которому я хочу вѣрить. Приходи, когда тебѣ только вздумается. Твоя сестра Соня“.

А. Шабельскій.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ВЪ КАБАКЪ.

(Изъ Петёфи).

Нашъ кабакъ одной стѣною
Повосился надъ рѣкою;
Весъ онъ видѣнъ былъ-бы въ ней,
Будь немножко ночь свѣтлѣй.

Ночь-же больше все темнѣеть;
Надъ рѣкой туманъ густѣеть;
Весла убраны съ челна;
По деревнѣ тишина.

Въ кабакѣ лишь крикъ и грохоть,
Бубенъ, скрипка, пляска, хохоть,
Споръ кипитъ, поютъ, шумятъ,
Только окна дребезжать.

„Ну, красавица хозяйка,
Подходи-ка, наливай-ка!
Хорошо твое вино;
Жаль, что есть у чарокъ дно.

„Эй, цыганъ, притихъ ты что-то;
А вотъ мнѣ плясать охота, —
Разутѣшь-ка плясовой!
Деньги есть вѣдь за душой“.

Вдругъ въ окошко постучались.
„Что вы такъ разбушевались!
Баринъ вамъ велѣлъ сказать:
Разошлись-бы, — легъ онъ спать“!

„Взяли-бъ васъ обоихъ черти!
Пить и пѣть хочу до смерти.
Съ плечъ рубашку заложу,
А ужъ вамъ не угожу“!

Но опять стучать въ окошко.
„Пѣли-бъ тише вы немножко...
Очень матушка больна;
Хоть заснула-бы она“.

И цыгану всѣ киваютъ,
Чарки молча допиваютъ,
Всѣ за шапки и домой...
Все притихло надъ рѣкой.

Их. Михайловъ.

РУССКАЯ ОБЩИНА И ЕЯ ВРАГИ *.

I.

Община вовсе не составляет какой-нибудь національной особенности русских или славянъ, она существовала у всѣхъ народовъ на извѣстной ступени ихъ развитія; остатки ея до сихъ поръ существуютъ въ Индіи, на Явѣ, въ Китаѣ, въ Швейцаріи и т. д. Всюду сельская община постепенно разрушалась подъ вліяніемъ того движенія, которое принято называть экономическимъ прогрессомъ, но почти вплоть до послѣдняго времени это разрушеніе общины враги ея не оправдывали ни ложно-научными аргументами, ни лицемѣрною заботливостью о благѣ народа, о спасеніи отечества. Старинные англійскіе лорды, напр., расхищали общинныя земли и обезземеливали народъ единственно по праву сильного и имъ не зачѣмъ было прибѣгать для своего оправданія къ защитѣ науки и литературы. Наши бояре и древне-русскіе міроѣды-кулаки, вродѣ богатыхъ гражданъ новгородской республики, тоже не упускали случая вредить общинѣ; но еще менѣе старинныхъ лордовъ способны были облекать свое хищничество покровомъ какой-нибудь теоріи. Только съ наступленіемъ «философскаго» вѣка Екатерины II является первая попытка разрушить общину, такъ-сказать, не нахрапомъ, а благовиднымъ образомъ, на основаніи «науки» и для блага отечества. Извѣстный Елагинъ, въ составленномъ имъ

* „Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины“. Изданіе вольнаго экономическаго и географическаго общества. Томъ I. Спб. 1880.—„Формы крестьянскаго землевладѣнія московской губерніи“. Составилъ В. Орловъ, М., 1879.—„Земельная община“, Ф. Щербини, „Русская Мысль“, 1880, №№ 4, 5, 6, 7, 9, 10.—Поснивовъ, „Общинное Землевладѣніе“, 1876 — 1878.)

„Дѣло“, № 1, 1881 г. I.

проектъ объ улучшеніи быта дворянскихъ крестьянъ доказывалъ, что для водворенія въ отечествѣ «мирнаго и безмятежнаго житія» необходимо сдѣлать крестьянъ собственниками и поставить надъ ними такихъ начальниковъ, которымъ они повиновались-бы «съ любовью и страхомъ». «Нѣтъ у насъ и не было до сего времени такого въ государствѣ учрежденія, говорить съ сожалѣніемъ Елагинъ,—чтобы каждый домъ крестьянской имѣлъ участокъ земли, точно и неотъемлемо ему принадлежащій; а зависимо было и нынѣ зависить сіе раздѣленіе отъ самопроизволія власти, надъ деревнями опредѣленной. Она даетъ одному, отъ-емлетъ у другого, иногда по усмотрѣнной надобности, а иногда и чаще по пристрастію, желая одного утѣснить, другого ущедрить, а съ обоихъ подъ ложнымъ добраго учрежденія видомъ покорытоваться, ибо сія власть есть наемникъ, нерадѣющій о порученномъ ему стадѣ». Дѣйствительно, дворянскіе управители разоряли и угнетали крестьянъ, и развѣ только одни современные противники общины способны согласиться, что фактъ разорительнаго деспотизма управителей можно ставить въ вину общинѣ, главными врагами которой были эти самые управители. Но если въ этомъ не было смысла, то былъ замыселъ, обнаруженный самимъ Елагинымъ, который предлагалъ послѣ замѣны общины подворнымъ владѣніемъ раздать дворянскія земли съ крестьянами *въ аренду дворянамъ*, и непремѣнно потомственнымъ, а изъ выслужившихся—только достигшимъ штабъ-офицерскаго чина!

Проектъ Елагина не былъ принятъ. Раздавать крестьянъ дворянамъ было невыгодно дворянскому вѣдомству, а вреда отъ общины оно не признало, какъ не признавали его и тогдашніе помѣщики. Община по-необходимости приноровлялась къ рабочей зависимости своихъ членовъ и для самого помѣщика представляла даже нѣкоторыя удобства. Правительство тоже ничего не имѣло противъ общины и даже нерѣдко принимало мѣры къ ея огражденію и развитію, запрещая продажу и залогъ крестьянскихъ участковъ, переходившихъ въ руки кулаковъ и міроѣдовъ. Въ концѣ прошлаго вѣка правительство распорядилось сдѣлать передѣлъ земель въ олонецкой губерніи, а въ 1829 г. та-же мѣра была распространена на архангельскую губернію. Въ этомъ случаѣ правительство только слѣдовало стремленію самого народа и старалось обезпечить его посредствомъ общины, разрушаемой кулаками. Община не возбуждала ни въ комъ ни вражды, ни страха, она даже не обращала на себя вниманія литературы, пока ей не открылъ у насъ нѣмецкій путешественникъ Гакстгаузенъ. Его книга, вышедшая передъ февральской революціей, въ 1847

году возбудила въ Европѣ сильныя споры и толки. Политико-экономы доказывали, что община свидѣтельствуетъ объ экономической отсталости Россіи, а буржуазные алармисты забили тревогу, обвиняя русскій народъ въ коммунизмѣ. Въ то время, какъ на Западѣ русская община служила предметомъ оживленнѣйшихъ преній, наша литература принуждена была молчать о ней цѣлыя десять лѣтъ, вплоть до начатія правительственныхъ работъ по освобожденію крестьянъ. Тутъ-то впервые обнаружилась самая ярая вражда къ общинѣ и закоренѣлыхъ крѣпостниковъ, и либеральныхъ помѣщиковъ, начавшихъ трактовать о выгодности вольнонаемнаго труда, возможнаго только въ томъ случаѣ, если народъ останется безъ земли, отъ чего его въ значительной степени предохраняетъ община.

Такъ-называемые члены «второго приглашенія» крестьянскаго комитета съ истинно-ноздревскою развязностью возглашали, что это—«увлеченіе ученіями Прудона, которыя, какъ негодныя къ дѣлу, отвергнуты всею просвѣщенной Европою»; они «съ трудомъ могли вообразить крѣпостное населеніе Россіи, распределеннымъ на 10,000 *какихъ-то республикъ* съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи». Крестьянское самоуправленіе сильно «тревожило поземельную собственность, которая чувствовала себя беззащитною на случай смятеній и беспорядковъ». Крѣпостники утверждали, что «помѣщикамъ сколько-нибудь значительныхъ имѣній придется держать цѣлую гвардію караульщиковъ добрыхъ и несонливыхъ, притомъ организованныхъ въ артели, т. е., какъ говорятъ французы, амбригадированныхъ и дисциплинированныхъ». (Скребидцкій, «Крестьянское дѣло», I, 670, 876; II, 329, 746; III, 196.) Въ то-же время открылся литературный походъ противъ общины подъ знаменами «Московскихъ Вѣдомостей», «Вѣсти», «Экономическаго Указателя» и «Земледѣльческой Газеты». Въ этомъ походѣ участвовали «ученые» Вернадскій, Безобразовъ, Чичеринъ, публицисты Скарятинъ и Катковъ, и помѣщики, вроде Бланка, вн. Еникѣева и т. д. Цѣлью этого похода было «освобожденіе крестьянъ отъ земли», какъ выражались «Московскія Вѣдомости». Крѣпостники и ихъ либеральные союзники, конечно, сами видѣли, что цѣль ихъ не будетъ вполне достигнута и работниковъ для дешевой обработки помѣщичьихъ земель получится не очень много, но они утѣшали себя надеждою, что «чѣмъ стѣснительнѣе будетъ для помѣщика новое «Положеніе», тѣмъ болѣе оно представитъ ему побужденій, случаевъ и даже поводовъ къ обезземеленію и притѣсненію кре-

стьянъ». «Положеніе» дѣйствительно представило много такихъ случаевъ и поводовъ, но огорченнымъ землевладѣльцамъ этого было мало, и толки о вредѣ общины продолжались, усилившись особенно въ 1870 г., когда ожидалось великое переселеніе крестьянъ, и петербургское земское собраніе постановило ходатайствовать объ уничтоженіи общины. Въ 1873 г. противъ общины высказалась и извѣстная коммиссія для изученія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи. Размноженіе батраковъ и всесословная волость съ просвѣщенными землевладѣльцами во главѣ—вотъ чего желали и о чемъ заявляли почти во всѣхъ земскихъ собраніяхъ разорившіеся помѣщики, встрѣчая полное сочувствіе себѣ въ извѣстнаго сорта ученыхъ и публицистахъ. Даже въ «Вѣстникѣ Европы» появилась статья самаго крупнаго землевладѣльца въ Россіи, гр. Орлова-Давыдова, о прелестяхъ крупнаго землевладѣнія. Тотъ-же графъ назначилъ крупную премію, въ 10,000 р., за лучшее сочиненіе о введеніи фермерства въ Россіи. Между тѣмъ, какъ наши доморожденные противники общины и сторонники освобожденія крестьянъ отъ земли добивались своего всѣми правдами и неправдами, на Западѣ появились серьезные труды Маурера, Нассе, Мэна, Лавель, которые, выясняя смыслъ общины, рѣшительно ставили ее выше частнаго землевладѣнія. Эти труды лишали нашихъ противниковъ общины возможности утверждать, что она «отвергнута всею просвѣщенною Европою», и когда появились новыя серьезныя русскія работы объ общинѣ, особенно прекрасная книга проф. Посникова, враги общины могли противопоставить имъ только брошюрку Герье и Чичерина, да возраженія г. Цитовича. Съ появленіемъ новаго «Сборника изслѣдованій объ общинѣ» разумное изученіе ея дѣлаетъ большой шагъ впередъ, и нужно надѣяться, что враги ея постепенно смолкнутъ, по крайней мѣрѣ, въ литературѣ, и ограничатся закулисными подкопами подъ эту ограду земельного обезпеченія народа. Аргументы и измышленія этихъ господъ уже до такой степени оцѣнены критикой по достоинству, что едва-ли кто рѣшится въ настоящее время пользоваться ими. Теперь, невозможно, напр., повторять чичеринскаго мнѣнія, что крестьяне, жившіе будто-бы сначала на особыхъ подворныхъ участкахъ, вслѣдствіе перенесенія податей съ земли на лица и взысканія ихъ не съ отдѣльныхъ лицъ, а съ общества, «принуждены были изъ разбросанныхъ деревень переселиться въ центральныя села» и ввести общинное пользованіе землей съ передѣломъ ея. Община и ея исторія извѣстны теперь уже до такой степени, что даже нѣтъ надобности опровергать подобный вздоръ, измышляемый защитниками подворнаго

владѣнія. Въ настоящее время, не выходя изъ предѣловъ Россіи, мы можемъ познакомиться со всѣми формами общиннаго быта, начиная съ кочевой звѣроловческой общины и кончая общинами-государствами, развившимися въ свое время на Дону и Яикѣ.

II.

Принципъ сельской общины—польза всѣхъ, доставленіе каждому возможности работать на самого себя. Въ раздѣлѣ земель этотъ принципъ крестьяне соблюдаютъ съ самою мелочною точностью, чтобы уравновѣсить цѣнность всѣхъ участковъ, сообразуясь съ ихъ величиной, почвою, формою, разстояніемъ отъ усадьбы и т. д. Это дѣло чрезвычайно сложное, требующее много сметки и опытности, тѣмъ не менѣе крестьяне выполняютъ его въ совершенствѣ. Для облегченія этого процесса и сокращенія времени, община при раздѣлѣ разбивается на группы (*осмаки, десятки, выти*), и земля дѣлится сначала между этими группами, а потомъ уже между ихъ членами. Посредствомъ тѣхъ-же группъ регулируется возможно правильное распределеніе разныхъ мирскихъ работъ и повинностей, и вообще, по замѣчанію г. Орлова, «группировкою по вытямъ достигается замѣчательно правильная общинная организація, благодаря которой миръ представляетъ собою одно стройное цѣлое, одинъ организмъ, въ которомъ каждый членъ знаетъ свое мѣсто и всѣ общинныя дѣла вершатся быстро и просто». Это дѣлается тоже съ цѣлью возможно полнаго уравненія пользованія землею и отбыванія платежей. Чѣмъ больше семья, чѣмъ больше въ ней мужчинъ, тѣмъ больше ей дается земли и соразмѣрно съ этимъ налагается платежей. Это—разверстка по *душамъ*, невыгодная и несправедливая, если семейство не въ состояніи почему-нибудь извлечь надлежащую пользу изъ земельного участка, соответствующаго его численности, почему въ такихъ случаяхъ переходятъ къ разверсткѣ по тягамъ, по числу мужчинъ-работниковъ, при чемъ принимается въ соображеніе и имущественная состоятельность семей, иногда же исключительно послѣдняя владется въ основаніе разверстки. Чѣмъ зажиточнѣе семейство, тѣмъ болѣе оно платитъ и тѣмъ болѣе получаетъ земли, изъ какаго-бы числа душъ оно ни состояло. Этотъ послѣдній принципъ разверстки явился какъ результатъ нашей системы налоговъ, тяготившей на крестьянскомъ трудѣ. Бѣдное семейство, которому по справедливости слѣдовало-бы получить больше, получаетъ земли меньше, чѣмъ зажиточное, потому что не въ состояніи извлечь изъ нея всѣхъ

средствъ, необходимыхъ для соотвѣтственной уплаты податей. Земля, такимъ образомъ, дѣлится не по наличнымъ, а по фиктивнымъ, платежнымъ душамъ, что нерѣдко служитъ источникомъ недоразумѣній для неопытныхъ изслѣдователей народнаго быта *). При этомъ господствующая система налоговъ производитъ то, что въ работѣ и платежу податей все больше и больше привлекается лицъ, физически слабосильныхъ, недоразвившихся.

Но объ этомъ и всѣхъ другихъ искаженіяхъ общиннаго принципа мы будемъ говорить дальше, здѣсь-же займемся характеромъ общины независимо отъ вліянія на нее системы налоговъ и другихъ постороннихъ давленій. Цѣль общины—обезпеченіе всѣхъ землею, которая и раздѣляется для этого поровну, а чтобы избѣжать частыхъ передѣловъ для подрастающихъ и имѣющихъ родиться работниковъ оставляются запасные душевые надѣлы, которые, пока въ нихъ нѣтъ надобности, сдаются въ аренду или-же находятся въ общемъ пользованіи. Но при существующемъ малоземельѣ такой порядокъ возможенъ только въ очень немногихъ общинахъ и въ раздѣлъ идетъ большею частью вся земля безъ остатка на запасъ. Малочисленность скота тоже имѣетъ свое вліяніе на передѣлъ. Крестьянинъ дорожитъ каждой кучкой навоза, который дорогъ для него, какъ *золото*, и уваженное мѣсто, *навозникъ*, до тѣхъ поръ не поступаетъ въ передѣлъ, пока владѣлецъ продолжаетъ удобрять его. Хотя при

*) Вотъ что объ этомъ рассказываетъ г. Орловъ: „Не освоившись на первыхъ порахъ съ понятіями крестьянъ, спрашиваешь, бывало, домохозяина: „Сколько въ твоёмъ дворѣ душъ?“ Отвѣчаетъ: „Четыре“. „Какъ ихъ зовутъ?“ спрашиваешь далѣе.—„Кого зовутъ?“ удивленный, въ свою очередь, спрашиваетъ крестьянинъ, „Да вѣдь ты говоришь, что у тебя въ семействѣ четверо—это-же, да кто?“ „Въ семействѣ у меня всего трое: самъ я съ хозяйкой, да сынишка, а душъ-то четыре: прежде двѣ были, да нынѣшнимъ лѣтомъ мѣръ навалилъ еще двѣ, потому сынъ пришелъ въ совершеннолѣтіе, а у насъ выходитъ по двѣ души на брата“. Спрашиваешь другого крестьянина: „Сколько у тебя душъ?“—„Да на мнѣ теперь нѣтъ ни одной; было полдущи, да мѣръ нынѣшнимъ лѣтомъ свалилъ, потому я изъ годовъ вышелъ, подростковъ нѣтъ и землю стало мнѣ держать не въ силу“. Крестьянинъ-общинникъ, какъ физическое лицо, вьется отдѣльно отъ земельного надѣла, ничего не платитъ, хотя-бы онъ находился въ рабочемъ возрастѣ и былъ человѣкомъ состоятельнымъ; не платитъ даже и подушныхъ податей въ собственномъ смыслѣ этого слова, хотя-бы и записанъ былъ въ ревизскихъ сказкахъ. „Свалить надѣлъ“—значитъ, освободить крестьянина отъ всякихъ платежей, лежащихъ на обществѣ, а „навалить землю“—значитъ, привлечь къ платежамъ въ соотвѣтственной съ размѣромъ надѣла доль. Сколько-бы названій мѣрскихъ платежей ни существовало, какіе-бы предметы обложенія, помимо земли, не придумывались финансовою администраціею, для крестьянскаго міра единственнымъ предметомъ обложенія будетъ все-таки земля и единственнымъ субъектомъ податнымъ будетъ дворъ, владѣющій долей мѣрской земли.

этомъ вся остальная, неудабриваемая земля передѣляется, да и самые навозники пускаются въ передѣлъ, коль скоро унавоживание прекращается, все-таки въ упомянутомъ обычаѣ видно уже нѣкоторое стремленіе къ образованію частной собственности. Но очевидно, что это стремленіе порождается только вслѣдствіе недостатка удобрения и если-бы навозъ не былъ для крестьянъ золотомъ и они могли-бы одинаково хорошо удобрять землю, то имъ нечего было-бы дорожить навозниками. Наше предположеніе вполнѣ подтверждаетъ слѣдующій фактъ изъ общинной жизни тульской губ. Въ тарховской общинѣ частые передѣлы затрудняются тѣмъ, что не всѣ общинники и не всю землю удобряютъ въ одинаковой степени; тѣ-же изъ домохозяевъ, *которые удобряютъ* свои полосы, *кряпко за нихъ держатся* и только въ крайнемъ случаѣ, по приговору сельскаго схода, рѣшаются ихъ уступать другому домохозяину. Въ тарховской общинѣ мы видимъ коренное различіе отъ порядковъ, существующихъ въ общинѣ хрущевской, *идь жеребьевки бываютъ ежегодно*. Причина этого заключается въ томъ, что въ хрущевской общинѣ, помимо того удобрения, которое каждый членъ ея имѣетъ у себя дома отъ своего скота, онъ можетъ еще легко добывать навозъ и въ городѣ, *такъ-что удобрять землю крестьянамъ хрущевской общины весьма легко*; отсюда-то для членовъ послѣдней общины ежегодные жеребьевки и не представляютъ почти никакихъ затрудненій. Особенно сильнымъ удобрениемъ и уходомъ пользуется приусадебная земля. Несмотря на то, что положеніемъ 19 февраля она изъята изъ общиннаго владѣнія, изъ 5,500 селеній московской губ. только 25 селъ раздѣлили ее въ подворную собственность, всѣ-же остальные владѣютъ ею общинно и въ извѣстные сроки передѣляютъ. Но при этихъ передѣлахъ личный трудъ, потраченный на землю владѣльцемъ, не остается безъ вознагражденія. Въ однихъ общинахъ дворъ, получающій участокъ, занятый садомъ, вознаграждаетъ прежняго владѣльца деньгами; въ другихъ — прежній владѣлецъ имѣетъ право втеченіи извѣстнаго срока пользоваться плодами сада; въ третьихъ—за усадебную землю получившій ее отдаетъ полевою въ двойномъ размѣрѣ; чаще-же всего *коренные* приусадебные участки остаются постоянно при однихъ и тѣхъ-же дворахъ, а во время передѣловъ для уравниванія ихъ дѣлаются къ нимъ *прирѣзки* или *отрѣзки*. Въ тульской губ. только земля, занятая постройками или дворами не передѣляется, огороды-же, вонопляники и гуменники поступаютъ въ передѣлъ. То-же и въ харьковской губ. Въ симбирской и новгородской губерніяхъ усадебныя земли не

передѣляются, но уравниваются посредствомъ прирѣзокъ и отрѣзокъ.

Въ то время, какъ пашенная и усадебная земля передѣляется лишь изрѣдка, покосы дѣлятся ежегодно съ помощью чрезвычайно разнообразныхъ мѣстныхъ приемовъ, гарантирующихъ равенство участковъ. Въ деревнѣ Аксентьевой, напр., близъ Никольска, вологодской губ., сѣнокосныя дѣлянки не равны между собою и разбросаны въ разныхъ мѣстахъ, такъ-что раздѣлить ихъ поровну трудно. Тѣмъ не менѣе, жители, представляя умственно сумму этихъ дѣлянокъ, дѣлятъ ихъ по числу душъ въ деревнѣ. Для большаго удобства населеніе деревни раздѣлено на три девятины, девятины—на половины; каждой девятинѣ назначены извѣстныя дѣлянки; есть такія дѣлянки, что на нихъ помѣщаются цѣлыя половины девятины; другія малы, и ихъ нужно нѣсколько, чтобы составить половину. Есть дѣлянки, на которыя посажено не болѣе 4-хъ душъ. Семьи разсажены по дѣлянкамъ съ давняго времени, но сама дѣлянка дѣлится ежегодно между семьями, на нее опредѣленными. Пришедши на дѣлянку, косцы отыскиваютъ старыя межи, обозначенныя рядомъ камней и отдѣляющія ее отъ смежныхъ дѣлянокъ. Потомъ мечутъ жеребій, въ какомъ порядкѣ размѣститься на дѣлянки: кому выше, кому ниже. Жеребій бросаютъ посредствомъ цвѣтовъ. Установивъ порядокъ, кому за кѣмъ идти, начинаютъ на каждую душу отмѣрять полосу, шириною въ косовище; выкосивъ отмѣренное, переходятъ дальше по дѣлянкѣ, причемъ или снова мечутъ жеребій цвѣтами, или мѣряютъ опять по косовищу, *покомно*, т. е. въ томъ порядкѣ, въ какомъ души слѣдуютъ въ выкошенномъ участкѣ, продолжая такимъ образомъ дѣлить и выкашивать. Доходитъ до того, что, наконецъ, косовище не укладывается больше вдоль дѣлянки нужное число разъ; тогда мѣряютъ косовищемъ вдоль дѣлянки; если и тутъ образуется остатокъ, который нельзя уже болѣе дѣлить, его выкашиваютъ сообща и скошенное сѣно дѣлятъ въ копнѣ. Въ московской губерніи такіе остатки или *уголки* обыкновенно пропиваются миромъ. «Трудъ сѣнокосенія, говоритъ Орловъ,—считается тяжелымъ, и потому мужики, для поддержанія силъ, находятъ не лишнимъ выпить водки послѣ работы; а такъ-какъ въ каждой деревнѣ найдется пемного домохозяевъ, у которыхъ-бы въ это время были въ запасѣ деньги, то и считается позволительнымъ продать уголокъ миромъ, чтобы купить водки. Вотъ почему въ дни сѣнокоса, даже въ очень бѣдныхъ селеніяхъ можно встрѣтить подгулявшихъ крестьянъ. Водка чаще всего выпивается всѣми мужиками по очереди, въ равномъ количествѣ, а иногда и здѣсь соблюдается разверстка

по числу душъ или тяголь, такъ-что домохозяинъ, у котораго, напр., надѣль на двѣ души, приходитъ для выпивки одинъ, а имѣющій надѣль на четыре души приходитъ вдвоемъ, или-же одинъ стаканъ выпиваетъ, а другой отливаетъ въ «посудину», чтобы выпить послѣ дома. Крестьяне, непьющіе водки, получаютъ на свою долю или деньгами, что придется по разверсткѣ, или также отливаютъ мірскую водку, подносимую имъ, «въ посудину». Въ рѣдкихъ случаяхъ вся сумма, получаемая отъ продажи уголковъ, раздѣляется по рукамъ деньгами».

Нигдѣ въ общинной жизни стремленіе къ равенству не достигаетъ такой крайней напряженности, какъ въ пользованіи лѣсомъ. При расчисткѣ земли отъ лѣса его сообща вырубаютъ и счетомъ распредѣляютъ по дворамъ. Въ ундровской общинѣ симбирской губерніи, когда молодой лѣсъ подростетъ, его тоже сообща вырубаютъ и дѣлятъ, кустарникъ-же передѣляется по участкамъ на корню. То-же самое въ тульской губерніи. Въ московской губерніи лѣсъ передѣляется ежегодно, причемъ строевой лѣсъ пересчитывается и при дѣлежѣ его принимаются во вниманіе порода деревьевъ, вышина и толщина ихъ, обиліе вѣтвей и т. д. Въ нѣкоторыхъ общинахъ передѣловъ вовсе не бываетъ, потому что дѣлить нечего или почти нечего. Въ общинахъ государственныхъ крестьянъ, получившихъ, кромѣ продовольственнаго лѣса еще, особые лѣсные участки для росчистокъ ихъ въ случаѣ нужды, эти участки находятся въ общинномъ владѣніи, хотя и выкуплены крестьянами къ частную собственность. По сознанію крестьянъ общинное владѣніе сохраняетъ лѣсъ отъ истребленія и расхищенія, чему не мало помогаетъ обычай заповѣди лѣса на извѣстный срокъ, какъ лучшее средство для возобновленія его послѣ порубокъ.

Разныя общинныя угодыя, покосныя, рыболовныя, каменоломныя и т. д., если почему-либо не поступаютъ въ передѣль, сдаются въ аренду. Однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ общинныхъ доходовъ служитъ всюду кабакъ. Въ пустынской общинѣ, рязанской губ., напр., за право держать кабакъ и трактиръ берется 600 р. въ годъ. Эти деньги назначаются на мірскія издержки, такъ, напр., покупается у сосѣдей отава (десятинъ 20, рублей за 40, примѣрно); затѣмъ на сдачу рекрутъ полагается по 1 р. 50 к. на каждаго, котораго не забрѣютъ, и по 4 р. тѣмъ, которыхъ забрѣютъ. Рекрутовъ везутъ на мірскихъ подводахъ. Все это какъ раньше было, въ силу того, что на міру было заявлено: «мы», говорили тѣ, которые сдавали дѣтей по старымъ порядкамъ, «за вашихъ сыновей платили. Чѣмъ же теперь наши хуже?» Затѣмъ на пожарныя надобности, на наемъ

этапнаго. Кабатчикъ обязанъ къ каждому новому году выставить по ведру воды на выть, т. е. 10 ведеръ. По мѣстамъ общинѣ принадлежатъ мельницы; въ сольвычегодскомъ уѣздѣ, напр., считается 93 мірскія мельницы; онѣ обыкновенно сдаются въ аренду, но иногда самъ міръ завѣдуетъ ими черезъ выборнаго мельника. Большія выгоды и удобства получаетъ община отъ мірскихъ работъ и предприятий по устройству дорогъ и мостовъ, колодцевъ, канавъ, изгородей и т. д. Въ угодичской волости, ярославской губ., напр., во владѣніи государственныхъ крестьянъ с. Якимовскаго съ деревнями находилось обширное покосное болото. Для осушенія его крестьяне прорыли канавы длиною около пяти верстъ. Работа эта была произведена самими крестьянами. Какъ велика ея цѣнность, можно судить потому, что за одну очистку этой канавы они заплатили впоследствии 720 руб. Сборъ сѣна на осушенномъ болотѣ увеличился, по показанію крестьянъ, вдвое. Въ копринской волости, рыбинскаго уѣзда, земля находится во владѣніи 51 селенія (3,000 душъ). Здѣсь постоянно тратятся значительныя суммы на улучшеніе общиннаго хозяйства. Такъ, въ селеніи Копринѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ употреблено 200 руб. на осушеніе 30 десятинъ болота подъ пашню и подъ посѣвъ клевера. Въ послѣднее время тамъ вновь распахано 11 десятинъ, на что израсходовано до 460 рублей! Работы эти были произведены по приговору крестьянъ с. Коприна, въ которомъ считается по 10-й ревизіи 137 душъ. Подобныя осушенія болотъ и распахки есть въ каждомъ селеніи этой волости. Крестьяне хутора Грековки, черниговской губ. и уѣзда, взявши въ 1876 г. въ аренду цѣлымъ обществомъ имѣніе и найдя, что дѣлежъ земли по домохозяйствамъ въ виду разнокачественности почвы и по другимъ причинамъ неудобенъ, ввели общественную запашку, совмѣстный сжонъ и обмодоть, такъ что въ раздѣлъ идутъ уже зерно и солома. Также они поступаютъ и съ сѣнокосомъ (въ имѣніи до 100 дес. пашни и сѣнокоса). До 1877 г. уже прошелъ годъ, какъ крестьяне начали вести хозяйство на такихъ основаніяхъ. Практика нисколько не охладила ихъ, и они находятъ свою систему и справедливой, и удобной. Ни общій трудъ, ни дѣлежъ продуктовъ не подавали повода къ недоразумѣніямъ и нареканіямъ. Во многихъ деревняхъ псковской губ. общиннымъ трудомъ производится удобреніе полей. Въ никольскомъ у. волог. губ. во многихъ общинахъ сѣно косится всѣмъ міромъ. Сѣно складывается въ копны, которыя по качеству сѣна раздѣляются на два сорта: хорошій и плохой. Затѣмъ участники дѣлятся на двѣ половины, выбираютъ двухъ стариковъ и вручаютъ имъ два рода жеребьевъ, одни

вырубленные из черемухи, другіе изъ ивы или ольшины. Старики обязаны вотнуть ихъ въ копны. Цѣль этого приѣма заключается въ томъ, чтобы въ каждую половину попали поровну хорошія и худыя копны. Половина копенъ дѣлится тѣмъ-же способомъ, между своими членами, пока дѣло не дойдетъ до дѣлажа одной копны, которую мѣрятъ горстью по палкѣ. Въ московскій губ. крестьяне ежегодно арендуютъ и большею частью цѣлыми обществами покосы на 600,000 р.; до 80 селеній арендуютъ такимъ-же образомъ пахатную землю. Сельскія общества колокольцевской волости аткарскаго уѣзда ввели у себя общественную запашку для составленія запасовъ хлѣба на случай неурожаевъ, падежа скота и другихъ бѣдствій. По приговору волостного схода положено на каждую ревизскую душу засѣвать по одной сажени озимаго и ярового хлѣба, такъ-что каждыя тридцать душъ обрабатываютъ одну десятину. Среднимъ числомъ, въ хорошіе и дурные годы, волость получаетъ до 325 пудовъ каждаго хлѣба ежегодно. Въ селѣ Чучковѣ крестьяне, по совѣту управляющаго имѣніемъ, еще при крѣпостномъ правѣ отдѣлили отъ надѣльной земли 300 десятинъ для составленія общественнаго капитала. Эти 300 десятинъ убираются всѣмъ обществомъ. Часть хлѣба оставляется на случай неурожая и сдается на руви смотрителю магазина, а остальная—продается, и изъ выручаемой суммы выдаются ссуды нуждающимся, а также ссуды для развитія промысловъ маслобойнаго и пеньковаго, очень выгодныхъ въ той мѣстности. При освобожденіи отъ крѣпостной зависимости крестьяне имѣли до 19,000 четвертей хлѣба, что и дало имъ возможность выкупить свои надѣлы. Кроме того, у нихъ были благоустроенныя хозяйства съ маслобойней почти при каждомъ дворѣ. Въ дѣлѣпровскомъ уѣздѣ есть село Чернелка, принадлежавшее графамъ Мордвиновымъ, наградившимъ своихъ крестьянъ даровымъ гагаринскимъ надѣломъ, вслѣдствіе чего мужики очутились въ кабалѣ у нихъ. Не имѣя средствъ на постройку церкви, они выпросили у помѣщиковъ на три года подъ пашню 50 десятинъ бесплатно, начали всѣмъ міромъ обрабатывать эту землю, продавали хлѣбъ и обращали вырученныя деньги на церковь.

Осуществленіе общиннаго принципа возможно только при подчиненіи авторитету міра всѣхъ составныхъ единицъ общины. Крестьянская семья есть ничто иное, какъ та-же хозяйственная община родственниковъ. Всѣ виды частной крестьянской собственности — строенія, скоть, деньги отъ хозяйственныхъ оборотовъ находятся подобно землѣ, въ общемъ семейномъ пользованіи, основанномъ единственно на трудѣ. Поэтому-то и прие-

мыши въ крестьянской семьѣ стоятъ наравнѣ съ сыновьями. Жена, если долго жила, а слѣдовательно, и работала съ мужемъ, имѣетъ право на извѣстную долю въ наслѣдствѣ; даже любовницы послѣ долговременнаго сожителства наслѣдуютъ имущество своихъ сожителей. Вообще баба, какъ работница, играетъ важную роль и въ семьѣ, и въ общинѣ; въ извѣстныхъ случаяхъ она является главою семьи, *хозяйкою*, участвуетъ на сходахъ; въ одной общинѣ московской губ., въ отсутствіе мужиковъ, бывшихъ на заработкахъ, бабы совершили передѣлъ земель. Вмѣшательство міра въ семейныя дѣла не одинаково въ разныхъ мѣстностяхъ. Въ однихъ общинахъ міръ никакого оформленнаго вліянія на выборъ большака въ домохозяйствѣ не оказываетъ, да и собственно такого *выбора* не бываетъ. При жизни отца въ случаѣ дряхлости его и упадка силъ переходятъ на старшаго изъ невыдѣленныхъ сыновей права домохозяина, но переходъ этотъ совершается безъ всякой формальности. Міру извѣстно, что старикъ перестаетъ работать и что душою хозяйства становится сынъ. Не дошло это до сознанія отца,—міръ на сходахъ два, три раза напомнить о томъ старику словами: «да ты, старикъ, ступай домой, а за себя пришли къ намъ сына». Въ другихъ общинахъ міръ оказываетъ вліяніе на выборъ большака въ семьѣ, какъ послѣ смерти стараго, такъ и при неисправности его; иногда даже ставитъ большакомъ сына надъ отцомъ. Подобное вмѣшательство міра происходитъ, какъ при неисправности большака передъ обществомъ, такъ и по жалобѣ семьянъ на различныя упущенія большака по хозяйству или на дурное обращеніе съ ними (послѣднее очень рѣдко, хотя иногда и можно услышать, напр., «и отцу потакать, да ко времени», т. е. у мѣста). Разобравъ дѣло, «общество унимаетъ» большака, иногда и въ «портки ему поглядятъ», т. е. выпорютъ. Въ одной общинѣ псковской губ. отецъ прогналъ сына, не давъ ему ничего; сынъ пожаловался міру. На сходѣ уговаривали, уговаривали старика поступить съ сыномъ «по-христіански», но тотъ уперся на своемъ и ни за что не хотѣлъ подѣлиться съ сыномъ, какъ слѣдуетъ; тогда сходъ рѣшилъ, что до тѣхъ поръ, пока старикъ не раздѣлится съ сыномъ, старикъ не имѣетъ права поправлять своего строенія. «Пушай ему все развалится, жадному псу, коли онъ не хочетъ по-христіански раздѣлиться съ сыномъ», говорили на сходѣ крестьяне. Семейныя раздѣлы вообще вездѣ легко разрѣшаются міромъ, такъ-какъ крестьяне, хотя и сознаютъ весь вредъ ихъ для хозяйства, но въ то-же время понимаютъ, что не менѣе раздѣловъ вредятъ непрерывныя ссоры людей, не могущихъ ужиться вмѣстѣ въ одной большой семьѣ. Въ послѣд-

нее время, впрочемъ, вредъ отъ раздѣловъ начинаетъ парализоваться образованіемъ артелей, доставляющихъ тѣ-же выгоды, какъ и большія семьи. Въ симбирскомъ уѣздѣ, напр., эти артели въ большомъ распространеніи, таковы, напр., артели плотниковъ, которые собираются послѣ уборки хлѣба на непродолжительное время, а также артели пильщиковъ, каменщиковъ, землекоповъ, молотильщиковъ, восцовъ и извощиковъ. Всѣ члены этихъ артелей пользуются одинаковыми правами, причѣмъ выходъ изъ артели предоставляется каждому желающему и притомъ во всякое время. Не понравились какому-нибудь члену артели порядки въ ней или находятъ онъ, что состоять въ артели для него становится невыгоднымъ, тогда онъ оставляетъ эту артель и переходитъ въ другую.

Вмѣшательство міра въ семейную жизнь происходитъ единственно въ хозяйственныхъ интересахъ общины, но это вмѣшательство вовсе не имѣетъ такого подавляющаго значенія, какое приписываютъ ему противники общины. Владѣлецъ участка можетъ сдѣлать съ нимъ что хочетъ—промѣнять, заложить, отдать въ аренду, продать, только на лицо получившее его переходятъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ обязанности общинника. Но предоставляя домохозяину свободу въ его хозяйствѣ, община контролируетъ его въ интересахъ міра. Во многихъ обществахъ крестьянинъ не можетъ продать безъ согласія міра своей лошади, вужной обществу для отправленія натуральныхъ повинностей. Въ малмыжскомъ уѣздѣ, если кто купитъ у пьяницы лошадь, то община отбираетъ ее и возвращаетъ семьѣ продавца. Надъ пьяницей и расточителемъ община учреждаетъ опеку. Если изъ родственниковъ умершаго никто не живетъ на его дворѣ, то во многихъ мѣстностяхъ его дворъ дѣлается достояніемъ общины. Недавно въ одной деревнѣ кадниковскаго уѣзда умеръ крестьянинъ-собственникъ, оставившій своей женѣ старухѣ нѣсколько десятинъ купленной имъ земли. Община отобрала у старухи эту землю, говоря: «на что ей своя земля, ее міръ прокормитъ и безъ земли». Старуха пожаловалась въ волость, но здѣсь нашли, что міръ поступилъ вполне справедливо. Малолѣтніе сироты поступаютъ подъ опеку общины. Если у нихъ осталось имущество, то къ нимъ назначаютъ опекуна. Г. Златовратскій рассказываетъ о трехъ сиротахъ пустынской общины, у которыхъ есть изба и сарай. «Если хотятъ учиться, пусть ходятъ въ училище. Такихъ-же мірскихъ дѣтей мнѣ удалось встрѣтить въ деревнѣ Михайловѣ, красносельской волости, владимірской губ. Однажды пришлось мнѣ дать пряниковъ ребятишкамъ знакомой крестьянки.—«Ты ужь и этихъ не забудь, и имъ дай», сказала

она мнѣ, подводя мальчика и дѣвочку 5—6 лѣтъ. «Это у васъ чьи-же?»—«Это у насъ сироты, мірскія. Отець-то недавно пропалъ у нихъ, пилъ онъ шибко, ушелъ куда-то, такъ и не приходитъ. Изба у нихъ своя, ну теперъ вотъ ихъ по череду и кормимъ: нынче вотъ у меня живутъ, завтра къ сосѣду поведу. Землю ихнюю въ міръ взяли, подростутъ, опять получать». Въ нѣкоторыхъ общинахъ міръ продаетъ имущество сиротъ, деньги отдаетъ на храненіе въ волость, а самихъ сиротъ оставляетъ на своемъ попеченіи. Это попеченіе міра о сиротахъ заключается въ томъ, что міръ кормитъ, одѣваетъ и приучаетъ ихъ къ сельскимъ работамъ; для этого сироты поочередно переходятъ отъ одного домохозяина къ другому. Каждый домохозяинъ обязанъ заботиться о сиротѣ, кормить и одѣвать его столько недѣль, сколько рабочихъ душъ числится на его дворѣ, послѣ чего сирота переходитъ въ другой дворъ. Вдовы и одинокіе старики пользуются помощью міра. Въ «Нижегородскомъ Сборникѣ» (т. III, стр. 373) я нашелъ слѣдующій оригинальный случай. Въ старину ягодинская волость княгининскаго уѣзда постоянно враждовала изъ-за земли съ сосѣдними крестьянами: драки, побоища. Однажды ягодинцы до того разсвирѣпѣли, что убили взятыхъ ими въ плѣнъ враговъ. За это ихъ наказали кнутомъ десятого, но главный виновникъ, по согласію общества, былъ скрытъ и избѣгъ наказанія, вину же его и наказаніе—270 ударовъ кнута—принялъ на себя другой крестьянинъ, который, въ благодарность за такую услугу, содержался обществомъ вплоть до смерти въ церковной богадѣльнѣ села на мірской счетъ. Дворамъ, пострадавшимъ отъ несчастныхъ случаевъ, пожара, болѣзни, скотскаго падежа, также вдовамъ и сиротамъ міръ помогаетъ общественными работами при постройкѣ, обработкѣ поля и т. д. Въ устьгаревской волости, пермской губ., напр., общества даютъ справиться тѣмъ, которые обѣднѣли или потерпѣли убытки по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ, напр., по случаю пожара, падежа скота, поступленія въ военную службу и т. п., и потому оказались не въ состояніи платить повинностей за землю или просто нуждаются въ общественной помощи; помощь оказываетъ общество такимъ членамъ вообще скидкой части или даже всѣхъ податныхъ душъ на извѣстное время, оставляя за ними въ пользованіи землю въ прежнемъ количествѣ; сложенные души съ такихъ семействъ распределяются между членами всего общества. Въ селѣ Парголово, петербургскаго уѣзда, въ 1878 г. было выдано отъ міра четыре заборныхъ книжки, по которымъ получившіе ихъ могутъ набирать въ лавкѣ ежемѣсячно на 5 рублей. Вдовы и

сироты, кромѣ того, пользуются усадьбой, не платя повинностей. При крестьянской бѣдности нерѣдко случается, что нѣсколько семей разомъ живеть на мірскій счетъ. «Втеченіи трехъ лѣтъ, говоритъ г. Орловъ,—намъ пришлось проводить большую часть времени въ деревняхъ московской губ., и почти никогда мы не встрѣчали случаевъ отказа просящимъ милостыню, особенно если обращается за милостыней кто-либо изъ односельцевъ. «Свой не пойдетъ просить Христа-ради, если у него имѣется хлѣбъ; только нужда заставляетъ идти съ сумой, а потому не подать голодному хлѣба грѣшно; можетъ быть, и на насъ дурной годъ выйдетъ, самому придется идти въ кусочки». Такъ обыкновенно разсуждаютъ крестьяне, какое-бы имущественное положеніе ихъ не было, когда идетъ разговоръ о подаваніи милостыни. Намъ приходилось наблюдать по-истинѣ трогательныя сцены: какая-нибудь крайне бѣдная семья, живущая впроголодь, молчаливо, безъ всякаго неудовольствія дѣлится послѣдними крохами съ просящими милостыню, а черезъ нѣсколько дней члены этой семьи сами идутъ «въ кусочки». Если семья не имѣетъ въ данное время никакихъ средствъ къ пропитанію, то кто-либо изъ членовъ ея—большую частію хозяинка—рано утромъ обходитъ всю или часть своей или сосѣдней деревни, прося милостыню; собравши достаточное для пропитанія семьи количество кусочковъ, она возвращается въ свою избу, топить печь и готовить приварокъ, а затѣмъ уже идетъ на работу; такъ повторяется ежедневно до тѣхъ поръ, пока семья не получитъ возможности обходиться безъ подаванія. Какъ скоро наступитъ эта возможность, уже никто не пойдетъ просить Христа-ради, такъ-какъ просить милостыню, когда есть возможность обойтись безъ нея, считается дѣломъ позорнымъ». Во многихъ общинахъ считается обязательно мірская помощь при похоронахъ: одинъ изъ членовъ общины даетъ доски, другой дѣлаетъ гробъ, третій даетъ чистую одежду для покойника, если это пришлый человѣкъ и не имѣетъ ея и т. д. Но не однимъ только бѣднымъ и несчастнымъ помогаетъ община: ея прямой интересъ, чтобы никто изъ ея членовъ не разстраивалъ своего хозяйства и вслѣдствіе этого всюду существуетъ обычай *помочей* мірскихъ работъ на участкѣ нуждающагося въ нихъ лица, которое платитъ за нихъ только угощеніемъ. Въ шадринскомъ уѣздѣ, напр., почти всѣ работы потяжелѣе дѣлаются помочами, такъ-что рѣдкій день пройдетъ безъ того, чтобы у кого-нибудь не было помочи. На помочи собираются здѣсь человѣкъ до 100, приходятъ даже изъ дальнихъ деревень. Всякій крестьянинъ, пользовавшійся помочами, обязанъ въ случаѣ приглашенія идти помогать есоѣду. Поочередность особенно наблю-

дается въ помочахъ женскихъ (супрядкахъ, копотихахъ и т. п.), устраиваемыхъ для пряденія льна, рубки капусты впрогъ, стрижки шерсти и проч. Въ симбирской губ. помочи примѣняются ко всѣмъ работамъ, которыя хозяинъ хочетъ произвести по возможности скоро. Купилъ, напр., крестьянинъ избу и хочетъ за ведро ее поставить, — онъ проситъ своихъ сосѣдей помочь ему перевезти ее и даже поставить. Случается иногда, что вслѣдствіе продолжительной засухи яровые хлѣба поспѣваютъ вмѣстѣ съ рожью, тогда крестьянинъ, имѣющій небольшую семью, не успѣваетъ сжать въ одно время и тотъ, и другой хлѣбъ, и вотъ онъ, чтобы зерно не осыпалось, созываетъ сосѣдей на помощь.

Всѣ дѣла общины рѣшаетъ мирской сходъ, народное собраніе. Существуетъ мнѣніе, что преобладающимъ вліяніемъ на сходѣ пользуются только старики, но мы уже видѣли выше, что не всегда старикъ бываетъ домохозяиномъ, большакомъ семьи, на сходѣ-же дѣла рѣшаютъ только домохозяйева или ихъ временные замѣстители. Бабы, жены вмѣсто мужей, домохозяйки, вдовы, держащія надѣлъ, тоже участвуютъ въ сходкахъ, какъ равноправные члены: «въ иной бабѣ больше толку, чѣмъ въ мужикѣ», говорятъ крестьяне. Важнѣйшія дѣла сходъ рѣшаетъ единогласно, и въ этомъ единогласіи славянофилы видятъ коренное отличіе нашего самоуправленія отъ западнаго, гдѣ все зависитъ отъ большинства голосовъ. Но новѣйшія наблюденія надъ общиной показываютъ, что это единогласіе только призрачное и состоитъ въ томъ, что меньшинство, наконецъ, умолкаетъ въ виду подавляющаго большинства. «Я, рассказываетъ одинъ изъ изслѣдователей общины, — много разъ присутствовалъ на сельскихъ сходахъ и каждый разъ былъ очевидцемъ единогласнаго рѣшенія схода. Это единогласіе достигалось тѣмъ, что меньшинство, если не убѣдится доводами, добровольно уступаетъ большинству, чтобы быть за-одно со всѣми. Случалось иногда, что, при всѣхъ стараніяхъ схода уломать меньшинство, единогласіе на сходѣ не достигалось, въ такомъ случаѣ миръ откладывалъ дѣло до другого раза, пока всѣ члены общины не придутъ въ единогласному рѣшенію».

III.

Указавъ главныя черты общинной жизни, перейдемъ теперь къ тѣмъ постороннимъ вліяніямъ, подъ напоромъ которыхъ община измѣняетъ свой характеръ. Система налоговъ, лежащая своею массою на крестьянствѣ, сдѣлала то, что хозяйственная

организация общины направлена, главнымъ образомъ, къ бездонной уплатѣ налоговъ, такъ что поверхностному наблюдателю можетъ показаться, что община и существуетъ-то единственно для выполненія этой обязанности. Всѣмъ извѣстно, что крестьянинъ платитъ въ нѣсколько разъ больше, чѣмъ даетъ ему его надѣлъ, далеко не удовлетворяющій его потребностей. Производительныя силы народа болѣе и болѣе напрягаются и община по необходимости прилепаетъ къ работамъ и платежамъ чуть не грудныхъ дѣтей. Въ тульской губ. парень, достигшій 17 лѣтъ, уже получаетъ надѣлъ, а 19 л.—два надѣла. Въ костромской г. доля въ мирской землѣ дается съ 18 лѣтъ. Въ московской губ. на подростковъ 15 лѣтъ уже наваливаютъ 1 душу, а съ 18 л. 2 души; во многихъ волостяхъ даже на мальчиковъ 10 л. накладывается $\frac{1}{2}$ души, съ 12 до 18 л. 1 душа, съ 18 до 65 л. 2 души. Отъ надѣла работникъ освобождается 60—70 лѣтъ. Но несмотря на то, что налоги платятъ и старики и даже дѣти, экономическое истощеніе достигаетъ страшныхъ размѣровъ и недоимки растутъ. Пока дѣла общины еще не сильно расстроены, она относится къ недоимкѣ, какъ къ несчастію и даетъ недоимщику возможность поправиться. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ на вопросъ изслѣдователей, отбираетъ-ли миръ надѣлы у недоимщиковъ, крестьяне отвѣчали: «какъ-же можно землю отбирать, что-жь онъ за крестьянинъ будетъ безъ земли-то?» Но обстоятельства доводятъ общину до того, что она начинаетъ продавать имущество недоимщиковъ, отбирать у нихъ надѣлы, даже съчъ ихъ. Объединившій крестьянинъ лишается послѣдней коровы, послѣдней лошади, онъ бросаетъ даже свой надѣлъ, надѣясь поправиться посторонними заработками. Его надѣлъ никто не беретъ въ аренду, такъ-какъ истощенная земля нуждается въ сильномъ удобреніи. Такимъ образомъ является въ полѣ залужалая полоса. Но вотъ и на слѣдующій годъ крестьянинъ не въ силахъ обработать свою землю, тѣмъ болѣе, что для поднятія ея, когда она *залужала*, требуется уже болѣе противъ прежняго средствъ. Онъ-бы теперь охотно отдалъ ее въ аренду своему сосѣду на 3—4 года, но *неподнятая* земля упала слишкомъ въ цѣнѣ, да и этой-то низкой цѣны сосѣдъ не можетъ выдать ему на руки, а долженъ уплатить старостѣ въ счетъ его податей. «Какая-же мнѣ польза изъ того, что сосѣдъ отдастъ деньги старостѣ? Ужъ лучше пусть трава выростетъ на моей полосѣ: по крайней мѣрѣ продамъ ее и получу деньги въ руки». Такъ разсуждаетъ крестьянинъ, а земля тѣмъ временемъ *деревенѣетъ*, становится все болѣе и болѣе неудобною для обработки и теряетъ почти

всякую цѣну. Крестьянинъ, наконецъ, окончательно бросаетъ свой надѣлъ и превращается въ безземельнаго батрака. Въ нѣкоторыхъ волостяхъ московской губ. число такихъ безпашенныхъ крестьянъ простирается уже до 30%, и они кое-какъ кормятся только посторонними заработками на фабрикахъ и т. д. Но не одни безпашенные и безлошадные, а всѣ крестьяне не могутъ обходиться безъ постороннихъ заработковъ на сплавахъ, на фабрикахъ, на помѣщичьихъ земляхъ, которыя во множествѣ арендуются ими. Но ни эти заработки, ни эти аренды не спасаютъ крестьянъ отъ кабалы. Своего хлѣба не хватаетъ даже въ урожайные годы, и вотъ на подати, на прокормленіе, на обмѣненіе полей послѣ неурожая крестьянинъ по необходимости входитъ въ долги, уплачивая громадные проценты своею работою и попадая въ неоплатную кабалу. Въ московскомъ уѣздѣ, напр., крестьяне ежегодно занимаютъ у однихъ только частныхъ лицъ до 70,000 руб. Заимодавцы-помѣщики заставляютъ должниковъ работать на себя, доводя ихъ убіиственными контрактами, штрафами, неустойками и цѣнами ниже существующихъ процентовъ на 100. «Съ какой-же стати, говоритъ одинъ изъ изслѣдователей общины, крестьяне соглашаются на такія невыгодныя для нихъ условія? — А зима-то съ ея голодовками, податями и т. п.?.. Чуть успѣла стать зима, а ужъ изъ деревень идутъ толпой мужики, стучатся во всѣ помѣщичьи двери: нанимаются въ напашки артелями. Наниматель, разумѣется, не упускаетъ случая цѣну сбить; чего, чего только не выдумаетъ онъ для этого: и «денегъ-то нѣтъ, приходите черезъ недѣлю», и «пьяницы-то вы», и «пашете-то вы скверно», всего, всего понаговорить имъ хозяйственный наниматель; наконецъ, измученные долгимъ хожденіемъ и безконечными просьбами, и поклонами, мужики соглашаются на такія условія, какія угодно будетъ предложить нанимателю». Но кабала у помѣщика ничто сравнительно съ кабалой у міроѣда. Кулакомъ и міроѣдомъ называется обыкновенно богатый мужикъ, держащій въ кабалѣ своихъ односельцевъ, но это только первичная форма міроѣдства, и тотъ-же кулакъ, разбогатѣвъ и сдѣлавшись купцомъ, хлѣботорговцемъ, землевладѣльцемъ, судохозяиномъ, заводчикомъ, не перестаетъ быть міроѣдомъ. Онъ даетъ заработки множеству крестьянъ, отлично знаетъ весь бытъ ихъ, всюду раскидываетъ сѣти кабалы, держитъ въ неоплатномъ долгу множество деревень, нерѣдко ворочаетъ цѣлымъ уѣздомъ. Въ прошломъ году въ псковской губерніи былъ судебный процесъ, въ которомъ фигурировалъ подобный кулакъ-миліонеръ съ своимъ сыномъ. Отецъ дер-

жить въ кабаль цѣлый край; одну общину, какъ паукъ паутиной, онъ окружилъ скупленными имъ землями и дѣлаетъ въ ней, что хочеть, сынъ-же его, теперъ ужъ сосланный въ Сибирь, просто разбойничалъ въ этой общинѣ, насилывалъ невинныхъ дѣвушекъ и т. д. А вотъ другой, болѣе многочисленный сортъ кулаковъ. Въ харьковской г., по сосѣдству съ мораховской общиной, населенной малоросами, живетъ большое семейство русскихъ крестьянъ, владѣющихъ 300 десятинами, прибрѣтенными покупкою у помѣщиковъ. Эти послѣдніе обрабатываютъ покупкою всю свою землю сами, принимая, однако, въ страдную пору рабочихъ-поденщиковъ, и хозяйство у нихъ идетъ блестящимъ образомъ, безъ всякаго сравненія лучше, чѣмъ у общинниковъ и лучше даже чѣмъ у болѣе крупныхъ землевладѣльцевъ, но все ихъ благосостояніе основано на кулачествѣ и сами они—разжившіеся мироѣды. Или вотъ мраморскій заводъ пермской губерніи. Земли у крестьянъ мало, въ домахъ ихъ нѣтъ никакой движимости, мяса никогда не ѣдятъ, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году не ѣдятъ даже печенаго хлѣба, а питаются одною болтушкою изъ муки. Всѣ они, въ числѣ 250 чел., находятся въ кабаль у 11 мироѣдовъ-подрядчиковъ, которые, разѣвзя по разнымъ мѣстамъ, берутъ заказы и сдаютъ ихъ рабочимъ за $\frac{1}{2}$, даже за $\frac{1}{4}$ цѣны. Такими кулаками кишмя кишитъ деревенская Русь и земледѣльцы и кустари болѣе и болѣе запутываются въ сѣтяхъ кабалы, раскидываемой мироѣдами. Кулаки скупаютъ себѣ за безцѣнокъ помѣстья прогорѣлыхъ дворянъ и сдаютъ земли въ аренду крестьянамъ на самыхъ тяжкихъ условіяхъ. Послѣ 1869 г., когда арендованіе казенныхъ земель крестьянами было крайне затруднено, ихъ начали арендовать кулаки по 1 и по $1\frac{1}{2}$ р. за десятину и потомъ сдавать крестьянамъ по 5—8 р. Въмѣстѣ съ тѣмъ веденіе дѣлъ общины болѣе и болѣе переходитъ въ руки мироѣдовъ. Снять для міра отаву у помѣщика, сдать въ аренду принадлежащія міру оброчныя статьи, нанять въ околицу караульщика или пастуха въ общественное стадо—есть дѣло мироѣдовъ, которые при этомъ не упускаютъ случая выговорить съ нанявшагося или арендатора на магарычъ ведро или два водки. Это вино, разумѣется, выпивается одними мироѣдами, какъ людьми, имѣющими силу и значеніе въ общинѣ. Хотя подобное самовольное распоряженіе мироѣдовъ дѣлами общины далеко не нравится бѣднымъ, но они противъ этихъ распоряженій не протестуютъ, изъ боязни вызвать гнѣвъ со стороны мироѣдовъ. Гнѣвъ-же мироѣда для бѣдняка страшенъ, потому что кто-же внесетъ въ срокъ повинности за бѣднаго, или у кого бѣдный будетъ просить взаи-

мы хлѣба или кто поручится за бѣднаго, когда онъ вздумаетъ перехватить на нужду деньги въ ссудной кассѣ—какъ не мироѣдъ. Благодаря мироѣдамъ общинное самоуправленіе превращается въ самую возмутительную олигархію со всевозможными мошенничествами, растратами мірскихъ суммъ, страшнымъ взяточничествомъ. Мироѣдъ высасываетъ изъ крестьянъ послѣдніе соки. «Крестьянинъ, говоритъ г. Гиляранскій,—забавлившись частному собственнику, всегда имѣетъ въ виду, что можетъ обмануть его, дать ему трудъ дрянного свойства, а при случаѣ и вовсе не выполнить обязательства; но съ мироѣдомъ онъ ничего этого сдѣлать не можетъ. Мироѣдъ можетъ высѣчь его розгами, если у него не случится во время денегъ для уплаты податей; мироѣдъ можетъ выслать его изъ общества куда-нибудь на заработки къ подрядчику и притомъ именно тогда, когда ему всего нужнѣе быть дома; мироѣдъ можетъ не выдать ему общественнаго ручательства по исполненію частныхъ договоровъ. Кабала въ рукахъ мироѣда превращается въ настоящее крѣпостное право, потому что надъ вынужденною ростовщицествомъ работою виситъ угрозою тотъ-же крѣпостной вѣнъ». Результатомъ является поражающій контрастъ различныхъ ступеней благосостоянія въ общинахъ: съ одной стороны, два-три кулака, имѣющіе тысячные доходы, съ другой—бѣдняки съ доходомъ въ 20 р. и съ расходомъ въ 50 р. въ годъ, покрывающіе дефицитъ только подаяніемъ, а между этими двумя крайностями масса недостаточнаго крестьянства, погрязшаго въ кабальныхъ долгахъ, не доѣдающаго, не допивающаго.

Мироѣды—самые опасные враги общины; они рѣшительные сторонники частной собственности и противники невыгодныхъ для нихъ передѣловъ. Мироѣды и вообще богатые мужики—если только есть богатые мужики не мироѣды—давно уже покончили бы съ передѣлами, если-бы послѣдніе не были неизбѣжною необходимостью для большинства общинниковъ. Сами крестьяне сознаютъ весь вредъ частыхъ передѣловъ и по возможности избѣгаютъ ихъ, но вымирание или полное разореніе семей, также отказъ нѣкоторыхъ хозяевъ отъ ихъ надѣловъ ведутъ неизбѣжно къ передѣлу части земель. «Въ общинахъ, говоритъ Орловъ земля которыхъ стоитъ платежей, частные передѣлы происходятъ рѣдко; въ такихъ общинахъ всякій дворъ интересуется всею надѣльною землею, полученною по предшествующему общему передѣлу, и удерживаетъ ее въ томъ-же размѣрѣ до новаго передѣла, хотя-бы и произошло въ семьѣ уменьшеніе рабочихъ рукъ; въ такихъ общинахъ часто старики, вышедшіе изъ лѣтъ

(изъ тяглаго возраста), даже вдовы, оставшіяся съ малолѣтними дѣтьми послѣ смерти домохозяевъ, продолжаютъ «тянуть землю» до новаго передѣла; только полное вымирание дома, или полное безсиліе его продолжать хозяйство, или свободный отказъ отъ надѣла являются поводами къ «складкѣ и навалкѣ душъ», сопровождаемыхъ «частнымъ передѣломъ». Размноженіе пустырей, о которыхъ мы говорили выше, черезполосица вслѣдствіе частныхъ передѣловъ и измѣненіе семейно-тигольнаго состава дворовъ ведутъ къ общимъ передѣламъ. Эти общіе передѣлы прежде дѣлались отъ ревизіи до ревизіи, теперь же сроки ихъ чрезвычайно разнообразны, смотря по мѣстнымъ условіямъ, и вообще не опредѣляются заранее. Во многихъ общинахъ передѣловъ не было съ послѣдней ревизіи, болѣе чѣмъ въ продолженіи 20-ти лѣтъ, но въ большинствѣ случаевъ необходимость заставляетъ крестьянъ, несмотря на противодѣйствіе богатыхъ, передѣлять земли черезъ 5, 8, 10, 12 и т. д. лѣтъ. Главная причина учащенія передѣловъ заключается въ недостаточности надѣла и въ чрезвычайномъ обремененіи его платежами. Съ одной стороны, къ работѣ и платежу приходятъ привлекать, какъ мы видѣли, даже десяти-лѣтнихъ мальчиковъ, съ другой — крестьяне болѣе и болѣе стараются избавиться отъ своихъ надѣловъ, доходятъ до того, что даже платятъ общинѣ, лишь-бы только она взяла ихъ участки. У г. Орлова приводится, напр., слѣдующій чрезвычайно характерный документъ: «1874 г. ноября 13. Я нижеподписавшійся, московской губерніи волоколамскаго уѣзда, деревни Курвиной далъ сію росписку своему обществу крестьянъ деревни Курвиной въ томъ, что я, Григорьевъ, отдаю въ общественное пользованіе землею — надѣлъ на три души, за что я, Григорьевъ, обязуюсь уплачивать въ годъ 21 р., начиная плату съ 1-го апрѣля, и означенныя деньги долженъ высылать ежегодно къ первому апрѣля, кромя паспортовъ, на которые я долженъ высылать особо, также и на посылку оныхъ, въ чемъ и подписуюсь»... И чѣмъ значительнѣе разница между производительностью надѣла и платежами, тѣмъ чаще передѣлы земли. Въ лучшемъ положеніи относительно этого пункта находятся полные собственники, затѣмъ слѣдуютъ государственные крестьяне, наконецъ, временно-обязанные; въ московской губерніи мы видимъ, что въ томъ-же порядкѣ идетъ и сокращеніе сроковъ передѣловъ.

	Средній платежъ съ десятины.	Отношеніе платежей къ доходности земли въ %.	Неконтра на десятину надѣла.	Средній промежутокъ между передѣлами.	Общаясь промежутками выше 9 лѣтъ.	Съ промежутками менѣе 9 лѣтъ.
У собственни- никовъ . . .	1 р. 20 к.	65%	— 7 к.	18 л.	94%	6%
У государств. крестьянъ . . .	2 » 18 »	109 »	— 47 »	15 »	88 »	12 »
У врем.-обязанныхъ . . .	4 » 18 »	204 »	2 » 9 »	11 »	56 »	44 »
	3 р. 25 к.	165%	1 р. 34 к.	12 л.	73%	27%

Рядомъ подробныхъ изслѣдованій, мословскіе земскіе статистики пришли къ тому выводу, что общіе передѣлы мірскихъ полей повторяются тѣмъ чаще, чѣмъ выше размѣръ платежей, лежащихъ на мірской землѣ, чѣмъ въ большемъ несоотвѣтствіи находятся они (платежи) съ доходностью земли. Если цѣнность платежей не выше доходности мірскаго надѣла, то передѣлы повторяются чрезъ длинные промежутки времени, простирающіеся до 15—20 и болѣе лѣтъ; если, наоборотъ, размѣръ платежей превышаетъ доходность земли, то промежутки между передѣлами бывають болѣе короткими и притомъ передѣлы повторяются тѣмъ чаще, чѣмъ значительнѣе несоотвѣтствіе между цѣнностью платежей и доходностью земли, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій. Вопросъ, такимъ образомъ, и здѣсь сводится къ четыремъ словамъ, служащимъ девизомъ нашего времени: увеличеніе надѣловъ и реформа налоговъ.

Сознавая вредъ частыхъ передѣловъ и по возможности избѣгая ихъ, крестьяне тѣмъ не менѣе проявляютъ удивительную приверженность къ общинѣ, за исключеніемъ богачей и міродовъ, и крайне немногочисленные попытки ихъ перейти къ подворному владѣнію вполнѣ оправдываютъ ихъ. Эти попытки особенно поучительны въ московскомъ уѣздѣ. Село Богородское, какъ любимое мѣсто московскихъ дачниковъ и удобное для фабричныхъ предпріятій, давало своимъ жителямъ хорошія средства. Но въ 1873 г. крестьяне раздѣлили землю и соблазненные высокими цѣнами, начали продавать ее. Результатъ получился слѣдующій: четвертая часть крестьянъ разорилась; эти крестьяне не имѣють лошадей, коровъ покупають въ долгъ

только на лѣто, а зимой опять продають, за неизмѣнимъ средствъ для покупки корма; хлѣбопашествомъ не занимаются, а «прирабатываютъ лѣтомъ» кое-гдѣ на дачахъ, а зимой — на фабрикахъ. Другая четверть крестьянъ, скупившихъ значительное количество земель у своихъ односельцевъ, богатѣеть: эти крестьяне построили на своихъ земляхъ по нѣскольку дачъ и получаютъ съ нихъ большіе доходы, такъ-что дѣйствительно обратились въ капиталистовъ; наконецъ, оставшая половина крестьянъ остается въ томъ-же положеніи, въ какомъ находилась и до продажи земель. На какія-же потребности истрачены были деньги, полученные крестьянами за свои проданныя земли? «Женъ нарядили, да въ кабагъ пероносили, а нѣкоторые задумали было фабрики устроить, да и разорились». Устрашенные этимъ примѣромъ сосѣдніе алексѣевскіе крестьяне въ своемъ мірскомъ приговорѣ единогласно постановили: *«во вѣки не измѣнять общиннаго владѣнія и не отчуждать ни при какихъ обстоятельствахъ общинныхъ земель»*. Другой примѣръ перехода къ подворному владѣнію представляютъ богатая ямскія слободы. Подѣливъ земли въ 1866 г., они начали быстро распродавать ихъ. И вотъ въ Тверской слободѣ, напр., бывшей прежде самою зажиточною, 10 дворовъ разорились окончательно. Всѣ эти ямщики не имѣютъ въ настоящее время ни кола, ни двора въ буквальномъ смыслѣ этой поговорки. Сами они и семьи ихъ живутъ кое-гдѣ въ людяхъ: мужчины преимущественно въ работахъ у ломовыхъ извозчиковъ, женщины въ кухаркахъ, дѣти у родныхъ и знакомыхъ. А въ свое время всѣ эти дома были не только зажиточными, но нѣкоторые изъ нихъ даже богатыми; за проданную землю получили также много. Куда дѣвались полученные за землю деньги? «Богатство съ землей ушло, отвѣчаютъ на это ямщики, — съ деньгами то трудно нынче обращаться: и банки лопаются, а не то что нашъ братъ; земля-же была вѣчною кормилицею: нынче ослабъ, а завтра она тебя опять поставитъ на ноги». Что-же сталося послѣ 1866 года съ остальными 40 домами Тверской слободы? Только 3 изъ нихъ разбогатѣли и теперь ворочаютъ капиталами, а остальные 37 домовъ, продавшихъ большую часть своей земли, но все пока имѣющихъ осѣдность въ Москвѣ, живутъ хотя и зажиточно, но хуже прежняго: нѣкоторые лавки свои закрыли, извозный промыселъ сократился; число лошадей уменьшилось на цѣлую половину. Не даромъ-же такъ мало случаевъ перехода крестьянъ отъ общиннаго владѣнія къ подворному. Въ ярославской губерніи составлены нѣкоторыми обществами приговоры о замѣнѣ общиннаго владѣнія участковымъ. Но приговоры эти «существуютъ только на бу-

магъ, чтобы избавиться отъ круговой поруки; въ дѣйствительности-же въ этихъ селеніяхъ владѣютъ землею по старому и передѣляютъ свои поля отъ времени до времени. Съ тою-же цѣлью освободиться отъ круговой поруки были составлены подобныя приговоры и въ другихъ мѣстностяхъ. Въ нѣкоторыхъ общинахъ, напр., науголевской и покровской, харьковской губ., бывали даже беспорядки съ вмѣшательствомъ военной силы, влѣдствие недоразумѣній, возникшихъ отъ нежеланія крестьянъ переходить къ подворному владѣнію. Всѣ изслѣдователи и наблюдатели, и казенные, и земскіе, и частные, и враги общины и сторонники ея единогласно свидѣтельствуютъ, что народъ стоитъ за общину. Многіе крестьяне даже и представить себѣ не могутъ существованія подворнаго владѣнія. Большинство крестьянъ подробно разсматриваетъ выгоды и невыгоды обѣихъ формъ владѣнія и отдаетъ предпочтеніе общинѣ. Разсуждая съ Потанинымъ, никольскіе крестьяне сравнивали частное и общинное владѣніе съ дворянской перчаткой и мужицкой рукавицей: «въ дворянской перчаткѣ у каждаго пальца свой чуланчикъ и въ морозъ они зябнуть; въ крестьянской рукавицѣ всѣ они вмѣстѣ и другъ друга грѣютъ». «Мірское лучше, потому кляузъ меньше, говорили Златовратскому рязанскіе крестьяне. Ежели всѣ собственники выйдутъ—неурядицъ не уберешься; ссоры, драки, кляузы пойдутъ, такъ-какъ всякій будетъ свою землю отъ другихъ отгораживать. Свободно проѣхать нельзя будетъ; изъ пустяковъ другъ съ другомъ тягаться будутъ. Главное, мірскаго согласія ужъ не будетъ». Всѣ многочисленныя крестьянскія мнѣнія, собранныя Орловымъ, говорятъ то-же самое: «желаемъ по старому остаться. Намъ говорилъ управляющій изъ нѣмцевъ, что у нихъ прямо отводится земля на каждый дворъ, но у насъ этого нельзя. Тамъ и канаву прокопаютъ, и огородъ сдѣлаютъ, а у насъ лѣсу для изгороди взять негдѣ и каждому надо особаго пастуха держать. И еще: если у кого земли на 5, положимъ душъ, а работникъ онъ одинъ, то куда ему землю дѣвать? Теперь придешь на сходку, поклонись міру и скажешь: снимите съ меня душу или 1½ души, а какъ подворно раздѣлимся—куда пойдешь-то? А подати все-таки отдай» — «обществомъ владѣть лучше; міръ — все равно, что большое семейство, оно до тѣхъ поръ и сильно, пока вмѣстѣ всѣ живутъ хорошо, а какъ раздѣлились — начинаютъ всѣ бѣднѣть. Ссорамъ при подворномъ владѣніи конца не будетъ; одинъ другого будетъ тѣснить». Даже зажиточные крестьяне стоятъ за общину, вооружаясь только противъ частыхъ предѣловъ и круговой поруки. *«Только дайте намъ свободу продавать землю»*, говорятъ крестьяне.

яне, «и тогда большинство из нас станет чуть не даром сбывать ее; а если при участковом владѣніи запрещено будетъ продавать землю, то во всякъ указанныя случая не съ кою будетъ подати собирать». Съ другой стороны, никто такъ не желаетъ уничтоженія общины, какъ міроѣды. Они прямо говорятъ, что община невыгодна, потому что мѣшаетъ имъ «скупать земли малосильныхъ дворовъ и недоимщиковъ». «Для крестьянъ зажиточныхъ, говоритъ одинъ богатый мужикъ, было бы выгодно подворно-наслѣдственное владѣніе. Какъ-бы семья ни разрослась, сильный крестьянинъ всегда можетъ за пустую цѣну снять въ аренду надѣлы своихъ сосѣдей, а то и купить, если земля будетъ стоять того. При подворномъ владѣніи если бы я захотѣлъ, могъ-бы скупить землю у половины своихъ крестьянъ и по самой дешевой цѣнѣ, а теперь приходится владѣть землею наравнѣ съ другими. Какая польза бѣдному человеку въ землѣ?»

Такимъ образомъ наши «ученые» противники общины, играютъ въ руку міроѣдамъ. Эта разуваевская буржуазія представляетъ самую большую опасность для общины. Всевозможные кулаки, волостные писаря, трактирщики, цѣловальники, угрожаютъ заполнить всю страну, разрушить общину, обезземелить народъ. То-то вышло-бы изъ нихъ «третье сословіе»! Трудно судить о силѣ этой опасности, но мнѣ кажется, что разуваевской культурѣ все-таки не удастся развернуться у насъ во всемъ ея блескѣ. Государство по необходимости, по простому расчету должно принять во вниманіе интересы громаднаго крестьянскаго большинства, а само это большинство крѣпко держится за общину. Кризисъ, переживаемый общиной, далеко не первый; можно сказать, что впродолженіи тысячи лѣтъ она только то и дѣлала, что боролась съ такими кризисами, распатывалась, разрушалась, но каждый разъ возникала снова. Ее поддерживали и поддерживаютъ даже самыя враждебныя ей вліянія, и чѣмъ болѣе бѣднѣетъ народъ, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ онъ спасительность общины и тѣмъ крѣпче держится за нее. Но при всемъ томъ общину нельзя считать только соломинкой, за которую хватается утопающій: нѣмецкіе колонисты саратовской губерніи, извѣстные своимъ благосостояніемъ, ввели у себя русское общинное устройство, и ихъ поселенія процвѣтаютъ. Конечно, разрушить общину можно, какъ разрушена она на Западѣ, но для этого у міроѣдовъ нѣтъ ни политической силы, ни умственного развитія, ни корпоративной организаціи, ни сильныхъ союзниковъ, такъ-какъ помѣщики быстро исчезаютъ, поглощаемые тѣми-же міроѣдами,

а голоса ихъ даже не доходятъ до невѣжественныхъ кулаковъ, погрязающихъ и тупѣющихъ въ омутъ своихъ кабачныхъ, ростовщичьихъ и всякихъ другихъ дѣлъ. Поддержка общины такъ-же необходима для самаго государства, какъ было необходимо освобожденіе крестьянъ, и ужели-же послѣ того, какъ дворянство было лишено крѣпостныхъ правъ, не будетъ положенъ закономъ предѣлъ кабальному хищничеству мироѣдовъ?

С. Шашковъ.

ЭНДИМИОНЪ.

РОМАНЪ

Дизраэли (лорда Вивонсфильда).

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

„Я—джентльменъ прессы; на гербѣ моемъ написано—писатель и ничего больше!“

Такъ говоритъ о себѣ одинъ изъ блестящихъ, честолюбивыхъ и самовластныхъ государственныхъ людей Англии въ полномъ разгарѣ своей политической дѣятельности.

Дѣйствительно, ни лихорадочныя волненія парламентской борьбы, ни упоеніе побѣдой и властью, ни войны, ни конгрессы не могутъ заставить Вивонсфильда забыть литературную дѣятельность. На другой день послѣ Берлинскаго конгресса, онъ берется за перо и пишетъ новый романъ. Даровитый романистъ заступаетъ мѣсто государственнаго человѣка.

На писательское поприще авторъ „Эндимиона“ выступилъ давно; первый его романъ „Вивіана Грей“, написанный имъ, когда онъ былъ неизвѣстнымъ молодымъ человѣкомъ, обратилъ на себя вниманіе и имѣлъ большой успѣхъ, выдержавъ въ короткое время восемь изданій. Нѣкоторые изъ его романовъ вызвали даже похвалы Гете и Гейне.

Разумѣется, никакъ нельзя назвать Дизраэли большимъ талантомъ, но романы его, по крайней мѣрѣ тѣ, въ которыхъ онъ

не фантазируетъ, какъ въ „Танкредѣ“ или не задается исключительно художественными цѣлями, — и тѣли успѣхъ и успѣхъ значительный. Въ чемъ-же заключается тайна такого успѣха, который не всегда выпадаетъ на долю произведеній даже большаго достоинства?

Едва-ли мы ошибемся, если объяснимъ успѣхъ его произведеній, помимо даровитости и ума автора, политическимъ ихъ характеромъ. По свойству своего таланта Дизраэли не принадлежитъ къ художникамъ и тѣ изъ его романовъ, содержаніе которыхъ было чуждо „политики“, не обращали на себя большаго вниманія. Напротивъ тенденціозные романы, которые, строго говоря, скорѣй можно назвать политическими памфлетами, — всегда возбуждали въ Англіи сенсацію.

Надо прибавить, что успѣху произведеній Дизраэли способствовало еще то обстоятельство, что въ нихъ почти всегда современники узнавали живыхъ людей, служившихъ автору оригиналами.

Авторъ всегда упорно отказывался отъ обвиненія критики будто онъ рисуетъ портреты извѣстныхъ личностей. Тѣмъ не менѣе сходство было такъ поразительно, что публика не хотѣла вѣрить въ его случайность и продолжала видѣть тѣхъ или другихъ историческихъ личностей подъ вымышленными именами героевъ.

Впрочемъ, въ послѣднемъ своемъ романѣ, Биконсфильдъ, точно наскучивъ этимъ постояннымъ заирательствомъ, кажется махнулъ на все рукой. Онъ до такой степени слабо маскируетъ своихъ героевъ, что не признать въ нихъ историческихъ личностей, служившихъ ему прототипами, невозможно.

Романъ обнимаетъ собою огромный періодъ, почти въ тридцать лѣтъ, начиная отъ смерти Банинга до крымской войны. Длинной вереницей проходятъ передъ нами всѣ историческіе дѣятели Англіи, изъ которыхъ нѣкоторые выведены подъ собственными именами, какъ напр. Велингтонъ, Робертъ Пиль, и нѣкоторые другіе. Но они остаются все время за кулисами, хотя и оказываютъ болѣе или менѣе значительное вліяніе на судьбу героевъ. Тѣ-же, которые выступаютъ на подмостки *in cogro ed ossa*, скрыты авторомъ подъ весьма прозрачными псевдонимами.

Такъ, не подлежитъ сомнѣнію, что въ одномъ изъ главныхъ и наиболѣе удачныхъ лицъ романа авторъ подъ именемъ лорда Рогемптона вывелъ извѣстнаго всей Россіи Пальмерстона. Тотъ-же гордый сильный характеръ, неуклонно стремящійся къ разъ поставленной цѣли; та-же изворотливость, хитрость и неразборчивость въ средствахъ, наконецъ тѣ-же манеры великосвѣтскаго дэнди и поклонника женщинъ. Даже политическая карьера Рогемптона вполне сходна съ карьерой оригинала, такъ какъ Пальмерстонъ дѣйствительно началъ свое политическое поприще тори, потомъ въ 30-мъ году сдѣлался вигомъ и занималъ съ тѣхъ поръ постъ министра иностранныхъ дѣлъ. Однако, ни во времени смерти лорда Рогемптона, ни въ обстоятельствахъ его личной жизни нѣтъ историческаго правдоподія.

Въ другомъ изъ лицъ романа, это отступленіе отъ исторической правды еще значительнѣе, такъ какъ относится не только къ внѣшнимъ событіямъ, но и къ самой характеристикѣ лица. Мы говоримъ о Флорестанѣ, въ которомъ невозможно не узнать Наполеона III.

Какъ Наполеонъ, Флорестанъ является представителемъ революціонной династіи, признанной, впрочемъ, всѣми государствами, кромѣ Англии; въ дѣтствѣ онъ изгоняется вмѣстѣ съ матерью изъ страны, на корону которой имѣлъ притязанія, и долго скитается по бѣлу свѣту; далѣе, онъ дѣлаетъ неудачную попытку къ возвращенію престола, и подъ конецъ овладѣваетъ имъ, благодаря удачной военной экспедиціи. Историческій остовъ — за исключеніемъ окончанія — вѣренъ. Но характеромъ принцъ Флорестанъ часто напоминаетъ перваго Наполеона. Нельзя, впрочемъ, сказать, чтобы онъ вовсе не походилъ и на третьяго: Флорестанъ скривленъ, хитеръ и лицемеренъ, умѣетъ отлично играть на возвышенныхъ чувствахъ людей и пользоваться ими для собственныхъ цѣлей. Сцена въ XVIII главѣ, гдѣ принцъ Флорестанъ оказывается первостепеннымъ фокусникомъ, замѣчательно характерна. Кажется, точно она противъ воли автора сорвалась съ его пера и, несмотря на его желаніе представить своего друга *en beau*, разомъ разрушаетъ очарованіе. Вообще относительно Флорестана можно сказать, что онъ недурень, какъ типъ, но невѣренъ, какъ портретъ.

Еще меньше сходства между королевой Гортензіей и матерью

Флорестана—этой скорбной тѣнью, которая всего на одно мгновение появляется передъ нашими глазами, но оставляетъ сильное впечатлѣніе.

Интереснѣйшее изъ женскихъ лицъ романа — леди Монфоръ, въ которой узнаютъ леди Норманди.

Леди Монфоръ—типъ въ своемъ родѣ единственный. Она—душа и руководительница партіи виговъ. Но она не интриганка и не обольстительная цирцея. Подобныя качества часто даютъ въ руки женщины власть въ странахъ, гдѣ все зависитъ отъ произвола одного или очень немногихъ; въ такихъ же государствахъ какъ Англія, гдѣ рѣшеніе зависитъ если и не отъ народа, то во всякомъ случаѣ отъ большинства „лавочниковъ“, качества эти имѣютъ значеніе второстепенное. И дѣйствительно леди Монфоръ не только не интриганка, но напротивъ, какъ всѣ сильные люди, очень прямодушна и искренна. Все свое значеніе она приобрѣла, благодаря замѣчательному уму, безошибочному такту и энергіи, не знавшей препятствій. Полная несокрушимой вѣры, она бодро шла на встрѣчу опасности, когда всѣ ея друзья-мущины готовы были безъ боя признать себя побѣжденными. Однимъ словомъ, леди Монфоръ—женщина политикъ, типъ, возможный только въ Англіи.

Ближайшимъ другомъ и горячимъ поклонникомъ леди Монфоръ является молодой человекъ, очерченный авторомъ весьма кратко. Это графъ Ферроль, въ которомъ русскіе читатели навѣрное узнаютъ графа Бисмарка, хотя англійская критика, сосредоточившая все свое вниманіе на своихъ людяхъ, и не замѣтила его.

„Графъ Ферроль былъ человекъ еще молодой, но уже начинавшій лысѣть. Красивымъ его нельзя было назвать, но лицо его съ высокимъ развитымъ лбомъ и массивной нижней челюстью, поражало своей энергіей. Ферроль—посланникъ при Сентъ-Джемскомъ дворѣ отъ одного довольно-бѣднаго королевства, очевидно нѣмецкаго, если не созданнаго, то получившаго окончательную форму послѣ вѣнскаго конгресса и управляемаго древней высокоимѣнной, но воинственной аристократіей. Онъ любимецъ своего короля, который черезъ нѣсколько времени вызываетъ его назадъ въ отечество и назначаетъ первымъ министромъ, такъ какъ толь-

ко что далъ своимъ подданнымъ конституцію. Впрочемъ, графъ Ферроль не одобряетъ конституціи вообще и находитъ, что король поступилъ-бы гораздо лучше, если-бы вмѣсто того, чтобъ создавать конституцію, создалъ государство изъ разношерстныхъ клочковъ, составляющихъ его отечество.

— Но какъ-же это сдѣлать? спрашиваетъ Эндимионъ.

— Это можно сдѣлать только однимъ способомъ: *кровью и желѣзомъ*, отвѣчаетъ графъ Ферроль, повторяя такимъ образомъ, любимое выраженіе Бисмарка.

Этотъ-то Ферроль служить менторомъ Эндимиону при его путешествіи по дипломатическимъ центрамъ Европы.

Мы не скоро-бы кончили, если-бы вздумали перечислять всѣхъ историческихъ людей, выведенныхъ Биконсфильдомъ въ его послѣднемъ романѣ.

Упомянемъ только Кобдена, знаменитаго основателя лиги противъ хлѣбныхъ законовъ, введеннаго подъ именемъ Джоба Торнбери, извѣстнаго католическаго прелата и апостола воссоединенія англиканской церкви съ римскою—Манинга, выведеннаго подъ именемъ Нигеля Пенрудова, сына протестантскаго пастора, каковымъ и былъ Манингъ и Ротшильда (Діонеля Натана, второго изъ братьевъ), котораго узнать въ оригинальной фигурѣ банкира Ньючеталя.

Романъ Дизраэли — настоящая портретная галерея. Почти передъ каждымъ изъ этихъ портретовъ хочется остановиться, тѣмъ болѣе, что рисованные подчасъ искусной рукой они очевидно всѣ рисованы съ натуры — неопѣнимое преимущество, которое могутъ имѣть только Биконсфильдъ.

Но кто-же такой самъ Эндимионъ? Кто этотъ загадочный красавецъ съ такимъ загадочнымъ именемъ?

Англійская критика прямо утверждаетъ, что въ лицѣ Эндимиона авторъ рассказываетъ свою автобіографію. Многіе изъ иностранныхъ критиковъ, въ томъ числѣ даже лично знакомые съ Дизраэли, подтверждаютъ это.

Не можемъ не признать свидѣтельства такихъ экспертовъ, хотя, признаемся, дѣлаемъ это не безъ нѣкотораго сомнѣнія. Дѣйствительно, трудно узнать въ добродушномъ и довольно вяломъ Эндимионѣ молодаго Дизраэли, который весь страсть и энергія,

того самаго Дизраэли, который еще безвѣстнымъ молодымъ чело-
вѣкомъ съ дерзкой запальчивостью не задумывается вступить въ
единоборство съ великимъ О'Конелемъ; разбитый, безпрерывно раз-
биваемый вновь, въ теченіе трехъ лѣтъ борется всѣми орудіями,
какія дала ему природа, не знаетъ ни сна, ни покоя, пока не
добивается, наконецъ, мѣста въ парламентъ, и здѣсь, осмистан-
ный при первомъ своемъ ораторскомъ дебютѣ, обращается къ хо-
чущему парламенту съ гордыми словами: „придетъ время, когда
я заставлю васъ слушать меня!“ и по прошествіи многихъ лѣтъ
дѣйствительно заставляетъ себя слушать.

Этой страстной, всеокрушающей энергіи мы не видимъ и слѣда
у Эндиміона. Конечно, и въ Эндиміонѣ можно открыть нѣкото-
рыя черты Дизраэли—напр., его легендарную способность пра-
виться женщинамъ и умѣнье очаровывать людей вообще. Хотя
писатель всегда отражается отчасти во всѣхъ своихъ герояхъ и
подобно Индійскому Брамѣ, творить свой міръ изъ частицъ са-
мого себя,—но, повторяемъ, въ общемъ Эндиміонъ непохожъ
на замѣчательнаго государственнаго фокусника Англіи и если ужъ
искать въ комъ-нибудь характерныя черты личности автора, то
скорѣе въ Рогештонѣ.

Вообще нужно сознаться, что среди рельефныхъ фигуръ
романа, личность Эндиміона блѣдна и безжизненна. Мы склон-
ны думать, что въ немъ авторъ хотѣлъ представить не жи-
вую личность, а идеаль политическаго челоѣка, какъ онъ его
понимаетъ, и потому, какъ всегда бываетъ съ фигурами, выдуман-
ными съ предвзятой цѣлью, Эндиміонъ и вышелъ такъ безцвѣ-
тенъ. Трудно допустить, чтобы, рисуя самого себя, Дизраэли не
нашелъ болѣе яркихъ красокъ на своей палитрѣ.

Въ заключеніе считаемъ нужнымъ замѣтить, что, предлагая
романъ въ сокращеніи, мы удержали все, что могло интересовать
въ немъ русскаго читателя, выбрасывая лишь мелкія сцены и
длинные разсужденія, растягивающія и безъ того плохо свя-
занныя между собою части романа.

ГЛАВА I.

Въ концѣ двадцатыхъ годовъ Зиновія была царицей моды то-рревъ и Лондона. Разумѣется, попасть въ число ея интимныхъ гостей было величайшей честью и тотъ, кто удостоился этой че-сти, могъ смѣло сказать, что попалъ въ святая святыхъ высшаго общества.

Развалившись на диванѣ, окруженная множествомъ подушекъ, сидѣла Зиновія въ своей гостиной. Важный сановникъ, съдой, съ голубой лентой черезъ плечо, помѣщался съ ней рядомъ на этомъ почетномъ мѣстѣ и, притаивъ дыханіе, слушалъ ея оживленную, вдохновенную рѣчь. Какой-то посланникъ, расположившись въ покойномъ креслѣ напротивъ, ловилъ на лету каждое слово ора-кула, вставляя изрѣдка краткія замѣчанія, всегда вѣскія, иногда циничныя. Нѣсколько поодаль, группами сидѣли бле-стящія дамы самыхъ лучшихъ фамилій, окруженные толпой мужчинъ, составлявшихъ сливки фэшионебельнаго общества. Из-рѣдка въ гостиной проносился серебристый смѣхъ или слы-шался подавленный вздохъ. Лакеи неслышными шагами сколь-зили по заламъ съ шерботомъ и мороженымъ въ рукахъ, такъ какъ дѣло было лѣтомъ. Отъ времени до времени въ гостиницу входила какая-нибудь леди и, поздоровавшись съ Зиновіей, то-нула въ общей группѣ. Кавалеры одинъ за другимъ подходили къ хозяйкѣ и, приложившись къ ея рукѣ, исчезали въ толпѣ.

— Что для меня несомнѣнно, говорила Зиновія, такъ это то, что мы наканунѣ самой благодѣтельной реакціи. Со времени смерти лорда Кестлери, у насъ было пять лѣтъ настоящей революціи: перемѣны, вѣчныя перемѣны и при томъ одна гибельнѣе другой. На континентѣ мы поддерживаемъ заговорщиковъ всѣхъ странъ и въ случаѣ войны останемся безъ союзниковъ; дома наша промышленность, говорятъ, совершенно разорена, наши рынки загромождены иностранными товарами, тогда какъ, благодаря мистеру Гечкисону, провинціальныя банки, давшіе Питту воз-можность вести войну съ Наполеономъ и спасти Англію, окончаельно уничтожены. Была до сихъ поръ одна вещь, которой, какъ я думала, мы всегда будемъ гордиться: это наши законы и прав-

леніе. Но теперь священнѣйшія изъ нашихъ хартій перестали быть прочными, ведется агитація въ пользу петиціи объ измѣненіи судопроизводства, всегда составлявшаго гордость Англій! Дѣла такъ не могутъ идти дальше, уже замѣтны многіе признаки всеобщаго недовольства. Народъ готовъ былъ перенести многое отъ бѣднаго лорда Ливерпуля, потому что зналъ, что онъ хорошій старикъ—хоть я всегда считала его безхарактернымъ—но когда оказалось, что этотъ хваленый либерализмъ заключается въ томъ, чтобы проторить дорогу къ власти вигамъ, которые, оставшись только они у дѣлъ, давно сдѣлали-бы насъ рабами Бонапарта—тогда глаза народа открылись. Вѣрите мнѣ, реакція уже началась.

— Церковь недовольна правительствомъ, замѣтилъ вельможа.

— А развѣ можно управлять страной безъ поддержки церкви! воскликнула Зиновія. Если народъ замѣтитъ, что церкви угрожаетъ опасность, дѣло ихъ проиграно. Слѣдовало бы открыть королю глаза на опасность, угрожающую государству.

— Государству пока ничто не угрожаетъ, сказалъ посланникъ, а между тѣмъ всё чего-то боятся.

— Друзья короля должны бы посовѣтовать его величеству никогда не упускать изъ виду интересовъ землевладѣнія, замѣтилъ сановникъ.

— Какъ можетъ держаться министерство, лишенное поддержки церкви и поземельной аристократіи! воскликнула Зиновія. Это противно законамъ природы.

— Тѣмъ не менѣе оно держится, сказалъ посланникъ. Въ этомъ то и загадка!

— Его поддерживаютъ газеты, диссентеры, старающіеся выбраться на видъ и имѣющіе, какъ говорятъ, нѣкоторое вліяніе въ сѣверныхъ графствахъ, а также виги, замѣтилъ сановникъ. Теперь они въ ямѣ и, разумѣется, рады схватиться за фалды министерства, чтобъ выкарабкаться на свѣтъ божій. Кромѣ того всегда есть много людей, поддерживающихъ всякое правительство. Такимъ то образомъ дѣло и идетъ съ грѣхомъ пополамъ.

— Они выдумали особое слово для своего разноголосаго хора, сказалъ посланникъ. Теперь оно называется „общественнымъ мнѣніемъ“.

— Какая нелѣпость! презрительно сказала Зиновія. Обще-

ственное мнѣніе! Какъ будто можетъ существовать какое нибудь мнѣніе, кромѣ мнѣнія государя и обѣихъ палатъ!

— Они пытаются перенести къ намъ континентальный либерализмъ, проговорилъ сановникъ. Но мы знаемъ, что такое континентальный либерализмъ. Это — разрушеніе собственности и религіи. Такія идеи не годятся для Англіи — и мнѣ очень любопытно было-бы посмотрѣть, какъ они ухитрятся пересадить ихъ на нашу почву.

— Я всегда находила, что лордъ Ливерпуль заходитъ черезчуръ далеко, сказала Зиновія, хотя въ его время, конечно, не говорила этого публично, потому что нужно поддерживать своихъ друзей.

— Посмотримъ, посмотримъ, какъ то справится Канингъ съ закономъ о завѣщаніяхъ и корпораціяхъ. Мнѣ кажется, что ему не одобровать.

— Кстати, какъ его дѣла? спросилъ посланникъ. Нѣтъ-ли чего новаго?

— Вотъ джентльменъ, который удовлетворитъ нашему любопытству, отвѣчала Зиновія, замѣтивъ молодого человѣка высокаго роста съ строгимъ правильнымъ лицомъ, входившаго въ ея гостинную какъ разъ въ эту минуту.

Это былъ мистеръ Феррарсъ, восходящая звѣзда ея партіи и украшеніе ея салона.

— Что новаго изъ Чизвика? спросила Зиновія.

— Въ клубѣ говорятъ, что Канингъ будетъ на засѣданіи министровъ въ понедѣльникъ.

— Сомнѣваюсь! отвѣчала молодая женщина съ плохо скрытой досадой.

Она пригласила Феррарса присѣсть возлѣ себя. Важный сановникъ и посланникъ весьма дружески заговорили съ гостемъ, котораго Зиновія удостоила такого отличія. Всѣ говорили въполголоса, какъ и подобаетъ посвященнымъ. Даже Зиновія, казалось, была озабочена и слушала внимательно, хотя послѣднее случалось съ ней очень рѣдко. Феррарсъ былъ ея фаворитомъ: она не могла не благоволить къ молодому человѣку, которому, по ея мнѣнію, предстояло сдѣлаться первымъ министромъ.

Доложили о прибытіи венгерской княгини, нарочно уѣхавшей изъ оперы, не дослушавъ ея до конца, чтобы имѣть удовольствіе

навѣстить Зиновію. Появленіе этой знатной иностранки произвело нѣкоторую сенсацію. Важный сановникъ съ предупредительною любезностію уступилъ ей свое почетное мѣсто на диванѣ и вскорѣ отретировался въ толпу.

— Не забудьте побывать у меня завтра, сказала Зиновія Феррарсу, когда тотъ тоже сталъ прощаться. Мнѣ нужно кое о чемъ переговорить съ вами.

ГЛАВА II.

Зиновія покровительствовала м-ру Вильяму Феррарсу. Въ дѣтствѣ онъ былъ чудомъ Итона, а потомъ надеждой Оксфорда. Его латинскіе стихи заставляли учителей захлебываться отъ восторга, а товарищей единогласно привѣтствовать въ немъ Богомъ помазаннаго будущаго министра. Старый товарищъ и сослуживецъ его отца, лордъ, расположавшій многими „гнилыми деревушками“, предоставилъ въ его услугамъ мѣсто въ парламентѣ, лишь только онъ достигъ совершеннолѣтія, такъ что молодой человѣкъ, можно сказать, прямо пересѣлъ со студенческой скамьи на скамью палаты представителей.

Здѣсь онъ быстро пошелъ въ гору. Первая рѣчь его была удачна, хотя черезчуръ цвѣтиста. Впрочемъ, онъ говорилъ объ иностранной политикѣ, гдѣ допускалась риторика. Да и вообще въ тѣ времена ни одинъ изъ ораторовъ не осмѣлился бы обратиться къ спикеру, не запасшись по крайней мѣрѣ одной латинской цитатой. А этимъ оружіемъ Феррарсъ былъ вооруженъ втройнѣ. Онъ говорилъ довольно часто и черезъ два года лордъ Кестлери, любившій молодежь, назначилъ его однимъ изъ лордовъ казначейства.

Смерть лорда Ливерпула повлекла за собой распаденіе торійскаго министерства. Исключительно по совѣту Зиновіи, Феррарсъ подалъ въ отставку, когда министромъ былъ выбранъ м-ръ Каннингъ, и соединилъ свою судьбу съ судьбою герцога Веллингтона.

Вскорѣ послѣ этого совершилось событіе, имѣвшее большое вліяніе на послѣдующую карьеру молодого человѣка: онъ женился и притомъ по любви, такъ-какъ, несмотря на свою холодность и расчетливость, Феррарсъ, подобно большинству всѣхъ насъ, имѣлъ въ душѣ свою долю романтизма.

Миссъ Кэри принадлежала къ старинному благородному роду, но была бѣдна и не принесла мужу почти никакого приданого. Но она была честолюбива и вполне раздѣляла мечты Зиновія относительно великой будущности своего избранника.

Хотя царица торіевъ и не любила, чтобъ мужчины, пользовавшіеся ея дружбой, женились, однако она вскорѣ очень подружилась съ мистрисъ Феррарсъ, потому что молодая женщина дѣйствительно была очаровательна и обладала однимъ замѣчательнымъ качествомъ: несмотря на свою надменность съ высшими, она умѣла льстить, какъ никто, а Зиновія любила лесть и открыто въ этомъ признавалась.

Молодые супруги купили домъ на Гиль-Стритъ и меблировали его съ подобающей роскошью. Обѣды ихъ пользовались славой; экипажи были безукоризненно изящны, прислуга многочисленна. У нихъ было двое дѣтей—близнецовъ мальчикъ и дѣвочка, которыхъ они воспитывали по-царски. Частью для нихъ, частью потому что каждый министръ долженъ имѣть свой тускулумъ, Феррарсъ нанялъ въ Уимблдонѣ великолѣпную виллу съ роскошными конюшнями, такъ какъ м-риссъ Феррарсъ очень любила лошадей и хотѣла, чтобъ и дѣти имѣли своихъ пони и съ раннихъ лѣтъ пріучались къ верховой ѣздѣ. Все это стоило денегъ, но старикъ отецъ не былъ скупъ; къ тому-же м-ръ Феррарсъ шелъ въ гору и долженъ былъ рано или поздно стать у кормила правленія—такъ по крайней мѣрѣ думала Зиновія и всѣ охотно ей вѣрили.

Послѣ смерти лорда Ливерпула онъ остался не у дѣлъ, но прошло всего девять мѣсяцевъ и предсказанія великой женщины оправдались: мистеръ Канингъ сошелъ со сцены; за нимъ, какъ метеоръ, исчезъ лордъ Гудричъ. Все, казалось, доказывало, что судьбой Англіи можетъ управлять только Веллингтонъ, величайшій человекъ своего вѣка, знаменитѣйшій изъ ея сыновъ. Въ награду за свою вѣрность и преданность мистеръ Феррарсъ получилъ при новомъ министерствѣ почетную правительственную должность.

Для ознаменованія такого важнаго событія м-ръ Феррарсъ устроилъ у себя торжественный обѣдъ въ тотъ самый день, когда онъ вернулся изъ Виндзора съ патентомъ государственнаго совѣтника. Сама Зиновія обѣщала почтить своимъ присутствіемъ этотъ праздникъ и дѣйствительно явилась къ обѣду въ сопровожденіи своего

красавца мужа, кавалера Подвязки, тоже назначеннаго въ этотъ день на одну изъ важныхъ придворныхъ должностей. Приѣхалъ и отецъ старикъ Феррарсъ и лордъ Померо, тотъ самый, который провель Уильяма Феррарса въ парламентъ. Это былъ маленький, тихій, робкій и совсѣмъ не представительный старичекъ, который однако наблюдалъ все и всѣхъ. Онъ отличался замѣчательною честностью и любилъ дѣлать добро въ тиши, незамѣтно. Прославленный, какъ торговецъ „деревушками“, онъ на самомъ дѣлѣ ни разу въ жизни не продалъ мѣста въ парламентъ, а самъ внимательно высматривалъ повсюду даровитыхъ молодыхъ людей, которыхъ отерывалъ дорогу къ общественной дѣятельности.

Обѣдъ вовсе не былъ политическимъ, но обстоятельства сдѣлали его такимъ. Мужчинъ было больше, чѣмъ женщинъ, и всѣ они принадлежали либо къ членамъ, либо къ горячимъ сторонникамъ новаго министерства.

Мистриссъ Феррарсъ нельзя было назвать красавицей въ настоящемъ значеніи этого слова. Но она была въ высшей степени привлекательна. Ротъ ея, правда, былъ немножко великъ, но пышныя губы и зубы ослѣпительной бѣлизны заставляли забыть этотъ недостатокъ. Роскошный бюстъ, прекрасный цвѣтъ лица и синіе, окаймленные длинными рѣсницами, глаза доцолняли ея красоту. Одѣвалась она всегда чрезвычайно богато и нѣсколько причудливо.

Во время десерта, не безъ нѣкоторой торжественности, ввели въ столовую двухъ замѣчательнѣйшихъ гостей этого собранія— близнецовъ, дѣтей поразительной красоты, одѣтыхъ, если это возможно, еще роскошнѣе и фантастичнѣе, чѣмъ мать. Они, какъ двѣ капли воды, походили другъ на друга: тотъ-же прелестный цвѣтъ лица, густые каштановыя кудри волосъ и изысканныя дуги бровей, тѣ-же темно-синіе глаза; хотя имъ было всего восемь лѣтъ, но они держали себя съ совершенно недѣтской сдержанностью. Выраженіе ихъ лицъ было гордое, надменное и презрительное. Они казались совершенно безстрастными и выступали съ такимъ видомъ, будто все должно было разступаться передъ ними. Дѣвочка, длинныя локоны которой были перевиты нитками жемчуга, сѣла рядомъ съ отцомъ и тотчасъ-же принялась небрежно перебирать лакомства, повидимому, совершенно забывъ о всѣхъ присутствующихъ. На всѣ вопросы она отвѣчала надменными односложными словами. Мальчикъ, одѣтый въ черную

бархатную курточку съ серебряными пуговицами подъ чернью, бѣлую атласную жилетку, изъ-подъ которой виднѣлись кружева рубашки, отвѣчалъ холодно, но снисходительнѣе на добродушные и полусуточные вопросы мужа Зиновіи.

— А скоро-ли, милнй мой другъ, вы поступите въ школу? спрашивалъ онъ улыбаясь.

— Черезъ два года я поступлю въ Итонъ, отвѣчалъ ребенокъ безъ малѣйшаго смущенія, не переставая ощипывать виноградную кисть и даже не глядя на говорившаго съ нимъ, — потому я перейду въ Бристчерчъ, а потомъ въ парламентъ.

— Мирра, говорилъ близкій другъ дома, молодой секретарь мистера Феррарса, подавая дѣвочкѣ тарелку съ лакомствами, — надѣюсь, вы не забыли обѣщанія, которое дали мнѣ два года тому назадъ въ Уинбледонѣ?

— Какого обѣщанія? гордо спросила она.

— Выйди за меня замужъ.

— Я выйду замужъ не иначе, какъ за лорда верхней палаты, отвѣчала дѣвочка, бросая на него презрительный взглядъ.

Дамы встали изъ-за стола. Поднимаясь по лѣстницѣ, одна изъ нихъ сказала мистрисъ Феррарсъ:

— У вашего сына прелестное имя, но какое-то странное, не правда-ли?

— Это семейное имя. Первый изъ Керри, носившій его, былъ придворнымъ Карла Перваго, и съ тѣхъ поръ у насъ въ семьѣ всегда кто-нибудь носить это имя. Уильямъ желалъ назвать нашего сына Померо, но я сказала, что если у меня когда нибудь родится сынъ, то я назову его Эндимиономъ.

ГЛАВА III.

Въ то время, когда дамы вставали изъ-за стола въ Гилль-Стритъ, къ воротамъ кларендонскаго отеля быстро подѣхалъ экипажъ, изъ котораго вышелъ человекъ среднихъ лѣтъ и, подойдя къ швейцару, назвалъ какую-то фамилію. Тотчасъ-же раздался звонокъ; черезъ минуту появился слуга-иностранецъ; поклонившись вновь прибывшему, онъ пригласилъ его слѣдовать за собой. Они поднялись по лѣстницѣ и, миновавъ прихожую, гость

очутился въ большой богато убранной залѣ, предназначенной, очевидно, для знатныхъ посѣтителей. На столѣ стоялъ открытый бюварь, окруженный разбросанными въ беспорядкѣ листами бумаги.— По всей вѣроятности, здѣсь только что кто-то писалъ. Въ комнатѣ было нѣсколько музыкальныхъ инструментовъ— открытое фортепьяно, арфа и гитара. Тусклый свѣтъ свѣчей придавалъ бы этой обширной залѣ видъ мрачный и угрюмый, еслибъ не веселое пламя, трещавшее въ каминѣ, предъ которымъ и остановился одинокій гость. Впрочемъ, ему пришлось оставаться одному недолго, потому что вскорѣ отворилась противоположная дверь и оттуда вышла женщина, ведя за руку мальчика лѣтъ двѣнадцати, съ умнымъ и выразительнымъ лицомъ. Дама была очень хороша собой, но чрезвычайно худа. Ея тонкія руки, казалось, были совершенно прозрачны. Щеки ея ввалились, но выраженіе ея большихъ черныхъ глазъ было невыразимо привлекательно; прическа ея была изъ собственныхъ волосъ, нѣкогда самыхъ знаменитыхъ въ Европѣ; правда косы ея теперь не были такъ роскошны, но она по прежнему носила ихъ непокрытыми и съ удивительной граціей.

Малѣйшее ея движеніе, жестъ, самая походка, при всей своей натуральной непринужденности, были такъ граціозны, что ея залюбовался бы художникъ.

— О, вы вѣрны какъ и всегда! воскликнула дама, подавая гостю руку, которую тотъ прижалъ къ своимъ губамъ.

Когда они сѣли, она продолжала:

— Вы не видали моего сына съ тѣхъ поръ, какъ онъ игралъ у васъ на колѣняхъ. Флористанъ, поздоровайся съ мистеромъ Уильтономъ, лучшимъ другомъ твоей матери.

— Какъ неожиданно вы пріѣхали!

— Да, да, насъ все не хотятъ оставить въ покоѣ. Единственнымъ нашимъ убѣжищемъ оставалась Швейцарія. Но мнѣ душно въ горахъ и потому по прошествіи нѣкотораго времени мы тайкомъ переехали на югъ въ укромный уголокъ и нѣсколько времени жили тамъ спокойно. Но вскорѣ началась старая исторія: представленія, внушенія, предупрежденія, угрозы, аппелляціи въ Вѣну и выговоры со стороны князя Меттерниха, нисколько не менѣе неприятныя оттого, что онѣ вѣжливы и даже любезны.

— Но не случилось ли чего, что оправдывало бы въ нѣкоторой степени эти мѣры? Или же это просто преслѣдованія?

— Вотъ видите ли, отвѣчала дама — хотя мы и желаемъ только спокойствія, но гдѣ бы мой сынъ ни находился, его всегда найдутъ. Меня это даже удивляетъ. Мнѣ кажется, что если-бы мы поселились въ центрѣ какого нибудь индійскаго острова, гдѣ у насъ не было-бы никакого другаго общества, кромѣ обезьянъ и слоновъ, то и тамъ черезъ нѣсколько времени появился-бы тайный агентъ — какая нибудь жертва преданности нашему дому — съ намѣреніемъ измѣнить нашу судьбу, и, кстати, поправить свою собственную. Говорю съ вами совершенно откровенно, какъ всегда. Я никогда не одобряла и не поощряла этихъ людей. Но невозможно грубо оттолкнуть отъ себя тѣхъ, которые все-же товарищи ваши по несчастью и изъ которыхъ нѣкоторые доказали вамъ свою несомнѣнную, даже бескорыстную преданность. Что касается меня, то какъ ни безнадежно наше настоящее, но во мнѣ ни на минуту не слабѣла вѣра въ то, что прійдетъ день, когда Флористанъ воссядетъ снова на престолѣ своего отца. Однако я никогда не вѣрила въ возможность достигнуть этого великаго результата, или даже ускорить его, интригами. Все должна свершить судьба, въ которую вѣрилъ его отецъ.

— Ну, а теперь вы думаете оставаться здѣсь? спросилъ Уильсонъ.

— Нѣтъ, отвѣчала дама, это для меня невозможно. Я люблю все въ вашемъ отечествѣ, кромѣ его климата и, пожалуй еще, его отелей. Думаю пробраться на югъ Испаніи и надѣюсь, что одной мнѣ дадутъ жить тамъ спокойно. Повинуть Европу совсѣмъ — я не въ силахъ: я слишкомъ привыкла къ европейской жизни. Но Испанія не такая страна, гдѣ воспитываются короли и государственные люди. Вотъ объ этомъ-то мнѣ и хотѣлось переговорить съ вами. Я желаю, чтобъ Флористанъ воспитывался въ Англіи, и вы, надѣюсь, не откажетесь помочь мнѣ осуществить мое намѣреніе. Мнѣ кажется, что не слѣдуетъ слишкомъ выставять на видъ его происхожденіе и потому лучше сохранить его инкогнито. У него много почтенныхъ именъ, кромѣ того, которое выражаетъ его права на престолъ. Относительно же прочаго я желала бы выслушать вашъ совѣтъ.

Она взглянула на сына, какъ будто ожидая поддержки своимъ словамъ. Мальчикъ поклонился съ легкой улыбкой, но не сказалъ ничего.

— Я не былъ приглашенъ въ правительство, отвѣчалъ м-ръ Уильтонъ, и потому, оставшись частнымъ человѣкомъ, совершенно свободно могу располагать своимъ временемъ и готовъ наблюдать за воспитаніемъ принца Флористана.

— Слышишь, Флористанъ? сказала дама, обращаясь къ сыну. Я говорила тебѣ, что у насъ остался еще другъ. Благодари мистера Уильтона.

Юный принцъ снова поклонился, но уже съ болѣе серьезнымъ выраженіемъ лица. Однако, по прежнему, онъ не проговорилъ ни слова.

Мистеръ Уильтонъ выразилъ глубокое сочувствіе ея намѣреніямъ, обѣщавъ серьезно обсудить этотъ вопросъ, и затѣмъ разговоръ принялъ болѣе общій характеръ.

— Вы, какъ я вижу, не забыли своего очаровательнѣйшаго занятія, сказалъ м-ръ Уильтонъ, обводя глазами музыкальные инструменты.

— Нѣтъ, отвѣчала дама, на тронѣ и въ изгнаніи музыка всегда останется радостью и утѣшеніемъ моей жизни.

— Удовольствія должны слѣдовать за дѣлами, сказалъ м-ръ Уильтонъ. А такъ какъ мы покончили наше, то не будетъ-ли съ моей стороны слишкомъ смѣло, если я попрошу васъ дать мнѣ случай еще разъ услышать тѣ звуки, которые когда то такъ очаровывали меня.

— Голосъ у меня не пропалъ, отвѣчала дама. Никогда, впрочемъ, онъ не былъ первокласснымъ, вы это знаете, но мои слушатели были любезны и всегда находили, что я пою съ нѣкоторымъ чувствомъ. Вѣроятно, оттого, что почти всегда я пѣвала свое. Хотите послушать мое „прощаніе съ Флористаномъ?“

Она взяла гитару, пробѣжала по ней тонкими пальцами и запѣла. Тихіе, меланхолически — нѣжные звуки переходили мало по малу въ дѣлній потокъ скорбныхъ аккордовъ, выражавшихъ все накипѣвшее въ груди матери чувство. М-ръ Уильтонъ былъ взволнованъ. Флористанъ вышелъ изъ комнаты. Повернувъ свое улыбающееся лицо къ гостю, мать сказала:

— Мой бѣдный мальчикъ не можетъ слышать этой пѣсни. Но я нарочно пою ее при немъ, чтобы приготовить его къ неотвратимому.

— Онъ очень чувствителенъ? спросилъ м-ръ Уильтонъ.

— Я не встрѣчала ребенка съ такимъ нѣжнымъ сердцемъ, отвѣчала мать. Онъ чувствителенъ и загадоченъ. Больше я ничего не могу вамъ сказать. Если-бъ вы попросили меня рассказать вамъ, какой у него характеръ, я не сумѣла-бы сдѣлать этого. Не знаю сама. У него отличныя способности. Онъ влучиваетъ все легко и знаетъ много для своихъ лѣтъ. Но онъ никогда не высказываетъ своего мнѣнія. Онъ молчаливъ и нелюдимъ. Бѣдняжка! Это вѣроятно оттого, что у него рѣдко бывали товарищи. Мнѣ кажется, что онъ всегда о чемъ-то думаетъ.

— Ничего, общественная школа вылечитъ его отъ мечтательности, сказалъ м-ръ Уильтонъ.

— Теперь, пока его здѣсь нѣтъ, мнѣ хочется сказать вамъ то, чего я не рѣшилась-бы выговорить въ его присутствіи. Очень можетъ быть, что я никогда больше не увижу Флористана. Тяжело думать о такихъ вещахъ, но не думать нельзя, потому что это правда. Я вѣдь смотрюсь иногда въ зеркало, м-ръ Уильтонъ. Не знаю, какое дѣйствіе окажетъ на меня волшебный сокъ малагскаго винограда, но если онъ спасетъ меня отъ смерти, то, значитъ, дѣйствительно, виноградное леченіе можетъ совершать чудеса.

— Не смотрите на меня такъ печально, дорогой другъ. Кто испыталъ въ жизни настоящія несчастія, тотъ рѣдко бываетъ печаленъ. Десять лѣтъ борюсь я съ горемъ и, благодаря музыкѣ, пѣнію и моему ребенку, вынесла все. Теперь, вотъ въ чемъ дѣло: воспитаніе его будетъ стоить денегъ, а обращаться за ними къ женщинамъ вамъ будетъ неловко. Женщины щедры, но не аккуратны въ денежныхъ дѣлахъ. Впрочемъ, мнѣ это и извинительно. Я никогда не получала аккуратно своей пенсіи, а теперь совсѣмъ перестала получать ее. Вы скажете: Договоры! Но кто на нихъ обращалъ когданибудь вниманіе.

Съ этими словами она достала маленькій ящичекъ и, подавая его Уильтону, прибавила:

— Вотъ вамъ все состояніе Флористана и я желаю, чтобы оно пошло на его образованіе... Это не коронныя брилліанты. Въ одной

брошюрѣ, которую я читала недавно, сказано, что я ихъ увезла съ собой. Это ложь, какъ большая часть всего, что обо мнѣ говорятъ. Тутъ камня Голконды, которые прошу васъ продать и употребить на Флористана. Это былъ даръ любви и я носила ихъ съ любовью.

— Не нужно, не нужно! воскликнулъ Уильтонъ, отстраняя шкатулку.

— Тссъ... сказала дама. Для васъ я по прежнему королева и хочу, чтобъ меня слушались.

Уильтонъ взялъ ящикъ, приложилъ его къ губамъ и спряталъ въ боковой карманъ своего сюртука. Онъ собирался уходить, но дама остановила его.

— Постойте, я хочу подарить вамъ экземпляръ своей пѣсни.

— И вы надпишите на ней мое имя?

— Разумѣется, отвѣчала она и, подойдя къ столу, написала: „М-ру Сидни Уильтону отъ Агриппины“.

ГЛАВА IV.

Счастіе сыпалось на голову мистера Феррарса. Онъ былъ въ полномъ цвѣтѣ силъ, занималъ высокій постъ въ политическомъ мірѣ и имѣлъ всѣ шансы на дальнѣйшее возвышеніе въ будущемъ. Правительство, членомъ котораго онъ былъ, казалось не только прочнымъ, но даже вѣчнымъ. Власть герцога могла прекратиться только съ его смертью и не было ей границъ. Это была настоящая патриотическая диктатура. Страна, привыкшая къ сильной и неизмѣнной администраціи и испуганная катастрофами, послѣдовавшими за удаленіемъ лорда Ливерпуля, казалась, искала успокоенія въ могучей волѣ и блестящей репутаціи героя.

Но необходимому полководцу пришлось имѣть дѣло съ неожиданными событіями, противъ которыхъ воля человѣка бессильна.

Первымъ изъ этихъ событій была перемена царствованія. Смерть короля Георга IV повлекла за собою распушеніе парламента, лишивъ, такимъ образомъ, министерство самой цѣнной вещи, а именно времени, необходимаго для подготовленія новыхъ выборовъ. Тѣмъ не менѣе, весьма вѣроятно, что герцогу удалось-

бы одержать побѣду, если-бы въ самый разгаръ выборной агитаціи не разразилась французская революція 1830 года. Виги тотчасъ-же воспользовались этимъ обстоятельствомъ противъ герцога. Побѣдоносное парижское возмущеніе превратилось въ „три славные дня“, а эти три славные дня повсюду отождествлялись съ торжествомъ гражданской и религіозной свободы. Имена Полиньяка и Веллингтона искусно соединились въ одно, и идея парламентской реформы начала обращаться въ обществѣ.

Подъ влияніемъ такихъ-то условій съ трескомъ рухнуло министерство Веллингтона.

Тори перешли въ оппозицію и, слѣдуетъ признаться, они обнаружили энергію и искусство, достойныя великаго дѣла. Феррарсъ особенно выдвинулся впередъ. Онъ поднялся чрезвычайно высоко во мнѣніи палаты и вскорѣ о немъ заговорили даже въ странѣ. Его статистическіе отчеты относительно „гнилыхъ деревушекъ“ были поразительны и неопровержимы: казалось, онъ одинъ имѣлъ представленіе объ элементахъ будущихъ избирательныхъ округовъ. Онъ былъ краснорѣчивъ точенъ и иногда становился страстенъ, какъ Боркъ.

Но все это было гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Никакое существенное сопротивленіе биллю о парламентской реформѣ не было уже возможно. Тѣмъ не менѣе тори были исполнены самаго дѣтскаго легковѣрія. Салоны Зиновія были переполнены, какъ никогда.

— Но лордъ Уэверли сказалъ мнѣ, говорилъ ей Феррарсъ, что сорокъ лордовъ, вотировавшихъ противъ билля въ прошломъ году, будутъ вотировать за него при вторичномъ чтеніи.

— Не вѣрьте этимъ бреднямъ лорда Уэверли. Не пройдетъ и недѣля, какъ отъ всѣхъ этихъ людей не останется и слѣда.

— Но этого не можетъ быть!

— Вѣрьте мнѣ.

— Я всегда вѣрилъ... и однако...

— Вы никогда не были такъ близки къ тому, чтобъ сдѣлаться министромъ, отвѣчала она съ лучезарной улыбкой.

И Зиновія оказалась права. Хотя министерству при содѣйствіи „шатуновъ“ удалось провести билль при второмъ чтеніи, однако, недѣлю спустя, лордъ Линдгерстъ снова собралъ „шатуновъ“ подъ свое знамя и провелъ свою знаменитую поправку, уничто-

жавшую дѣйствию закона. Лордъ Грей и его товарищи подали въ отставку и король послалъ за лордомъ Линдгерстомъ.

Сильный вождь посовѣтовалъ королю обратиться къ герцогу и самъ отправился къ нему въ качествѣ посла. Узнавъ, что король находится въ „великомъ безпокойствѣ“, герцогъ, не колеблясь, обѣщалъ попробовать составить министерство.

— Ну, кто былъ правъ? говорила Зиновія мистеру Феррарсу. Онъ такъ занятъ, что не могъ написать вамъ, но онъ просилъ меня передать вамъ, что ждетъ васъ завтра въ двѣнадцать часовъ. Вы будете членомъ кабинета.

— Наконецъ-то, думалъ про себя Феррарсъ, идя домой. Да, стоитъ жить и бороться! Трудности велики, но онѣ то и должны дать намъ силу преодолѣть ихъ. Корону нельзя топтать въ грязь и герцогъ рожденъ одерживать побѣды.

Прошелъ день, прошелъ другой, а Феррарсъ все еще не получалъ приглашенія. Казалось, будто дѣло завязло по дорогѣ. Зиновія все еще бодрилась, но Феррарсъ, знавшій ее насквозь, замѣчалъ и въ ней признаки безпокойства. Затѣмъ она сказала ему по секрету, что сэръ Робертъ упрямится, „но это ничего не значить“, прибавила она. „Герцогъ все взвѣсилъ и прочитъ сэра Роберта въ премьеры. Онъ не можетъ отказаться; это было бы почти равносильно измѣнѣ“. Два дня спустя, она послала за мистеромъ Феррарсомъ и приняла его въ своемъ будуарѣ. Она была возбуждена, но серьезна.

— Не пугайтесь, сказала она, министерство во всякомъ случаѣ составитъ, но только сэръ Робертъ измѣнилъ намъ; я никогда не питала къ нему большого довѣрія. Ужасно досадно. Впрочемъ, удаленіе одного человѣка отерываеъ дорогу другому. Намъ нуженъ вождь въ нижней палатѣ. Это долженъ быть хорошій ораторъ, человѣкъ опытный, знакомый съ парламентомъ, его обычаями и всѣмъ прочимъ. Есть только одинъ человѣкъ, удовлетворяющій всѣмъ этимъ условіямъ, вы знаете на кого я намекаю. Я говорила вамъ, что почести посыплются на вашу голову. Вы—нашъ человѣкъ; вамъ дадутъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ въ кабинетѣ и вы будете вождемъ палаты общинъ.

— Пиль отказывается, сказалъ почти шепотомъ Феррарсъ, качая головою. Дѣло очень серьезно.

— Для него, сказала Зиновія, а не для васъ. Это открываетъ вамъ дорогу.

— Трудности, повидимому, такъ велики, что ихъ невозможно преодолѣть.

— О какихъ трудностяхъ вы говорите? На вашей сторонѣ дворецъ и палата лордовъ. Питъ далеко не былъ обставленъ такъ хорошо, какъ вы, когда вступалъ въ должность, потому что не имѣлъ вашей опытности и долженъ былъ бороться съ такими людьми, какъ лордъ Нордъ и этотъ лукавый Фоксъ; тогда какъ вамъ придется имѣть дѣло только съ лордомъ Алторпомъ, который не умѣетъ заказать себѣ обѣда.

— Я ошеломленъ, сказалъ Феррарсъ въ глубокой задумчивости.

— Но вы рѣшились?

— Да, отвѣчалъ онъ глухимъ голосомъ, я рѣшился.

Загнѣвъ быстрымъ и возбужденнымъ тономъ онъ прибавилъ:

— Теперь не время для колебаній. Если мнѣ предложить—я возьмусь.

Въ эту минуту постучали въ дверь и въ комнату вошелъ грумъ съ письмомъ къ мистеру Феррарсу, которое было ему переслано изъ дому: герцогъ звалъ его немедленно къ себѣ. Прочитавъ письмо, онъ передалъ его Зиновіи, которая, видѣвъ себя отъ восторга, вскричала:

— Не теряйте ни минуты! Какъ я рада, что мы избавились отъ сэра Роберта съ его вѣчными сомнѣніями и колебаніями. Намъ нужны люди свѣжіе.

Торжественно и знаменательно было для мистера Феррарса это шествіе отъ Сентъ-джекской площади до Анслейскаго дворца! Онъ ставилъ себя лицомъ къ лицу съ громадными трудностями, съ которыми ему предстояло бороться и чувствовалъ, что у него хватитъ на это мужества и способностей. Но онъ никогда и не мечталъ объ ожидавшемъ его положеніи, потому что былъ скорѣе честолюбивъ, чѣмъ властолюбивъ. Его воображенію рисовалось высокое мѣсто, но всегда подъ эгидой какого-нибудь вождя. И вотъ теперь ему самому придется руководить совѣтами. Онъ возбудилъ себя до послѣдняго градуса. Отчаяніе вдохновляетъ иногда такъ-же, какъ и геній.

Великій человѣкъ былъ одинъ—спокойный, ровный, любезный.

Онъ послалъ за мистеромъ Феррарсомъ, потому что, послѣ прежняго совѣщанія съ нимъ, счелъ своей обязанностью увѣдомить его первымъ о наступившей перемятѣ. Послѣдній вотъ палаты поставилъ неодолимыя преграды къ образованію торійскаго министерства и потому онъ отказался отъ порученія, даннаго ему королемъ.

ГЛАВА V.

М-ръ Феррарсъ вернулся къ себѣ домой нѣгѣмъ незамѣченный. Пройдя прямо въ кабинетъ, онъ заперъ за собою дверь и, сѣвъ къ столу, схватился за голову обѣими руками.

Страшныя мысли безпорядочно тѣснились въ его головѣ. Всѣ мечты его жизни рушились; передъ нимъ сурово и мрачно стояла дѣйствительность, которая выражалась для него однимъ словомъ — раззореніе! У него не было теперь ни будущности, ни состоянія. Долги его были громадны. Отецъ его, недавно умершій, не оставилъ никакого наслѣдства, потому что въ послѣдніе годы онъ помогалъ сыну изъ его собственной доли. Все это обнаружилось послѣ смерти старика, но честолюбіе и возбужденіе борьбой заставляли Феррарса забывать грозившую ему катастрофу. Одно за другимъ погубило все, чѣмъ онъ жилъ: сперва исчезло его состояніе, потомъ рухнула политическая карьера. Онъ лишился должности и вскорѣ долженъ былъ лишиться мѣста въ парламентѣ. Зданіе, возводимое съ такимъ усердіемъ и искусствомъ столько лѣтъ, рухнуло и отъ него остались одни ни къ чему не годныя обломки. Ему предстояло раскрыть всю правду женѣ. Неприготовленная, она должна была узнать ужасную тайну, которая много лѣтъ грызла его сердце въ то время, какъ онъ скрывалъ ее подъ маскою спокойствія и даже веселости.

Мистриссъ Феррарсъ была дома и сидѣла одна въ своемъ роскошномъ будуарѣ; онъ отправился прямо къ ней. Послѣ столькихъ лѣтъ притворства, теперь, когда все было кончено, Феррарсъ не могъ вынести двадцати четырехъ часовъ отсрочки.

Трудно было заставить ее понять даже десятую долю того, что ей слѣдовало узнать, хотя самая мрачная часть истины должна была навѣки остаться для нея тайною. Очень долго она повторяла, что все, что говорилъ ей мужъ — неправда, что это не-

гѣло, невозможно. Потому она заговорила о продажѣ своихъ брилліантовъ и уменьшеніи расходовъ на лошадей и экипажи, не сомнѣваясь, что это совершенно поправитъ дѣло. Когда же, послѣ этого заявленія, лицо мужа сдѣлалось еще серьезнѣе и онъ сказалъ, что имъ придется пожертвовать гораздо большимъ и обречь себя на совершенно иной образъ жизни въ совершенно иной общественной сферѣ, она разсердилась, расплакалась и стала жаловаться на свою судьбу.

Вспомнивъ, какъ долго онъ скрывалъ отъ нея свои тайныя муки и какъ въ теченіи всей ихъ жизни вдвоемъ онъ только о томъ и думалъ, чтобы избавить ее отъ малѣйшаго огорченія, Феррарсъ, несмотря на всю свою сдержанность, почувствовалъ, что слезы выступаютъ и у него на глазахъ. Замѣтивъ это, она вдругъ бросилась ему на шею и, покрывая его лицо поцѣлуями среди слезъ и вздоховъ, воскликнула:

— О, Уильямъ, вѣдь мы любимъ другъ друга, такъ что-же намъ до всего остального.

Дѣйствительно — что имъ до всего остального! Прижимая къ груди свою хорошенькую жену, Феррарсъ думалъ только объ ихъ первой любви, которая, казалось, проснулась съ прежнею силою. Этотъ приливъ нѣжности много облегчилъ его горе.

— Милая моя, сказалъ онъ, — наше несчастіе необыкновенное. Оно произошло не отъ какого-нибудь легкомысленнаго промаха. Мы — жертвы революціи и должны достойно перенести свою долю. Несчастія отдѣльныхъ личностей блѣднѣютъ предъ великой катастрофой, постигшей государство.

— Да, ты правъ, отвѣчала жена. — Въ концѣ концовъ положеніе бѣднаго французскаго короля несравненно хуже нашего. Но только теперь мнѣ нельзя будетъ купить у герцогини Севрской ея кружевъ, какъ я ей обѣщала. Это очень непріятно. Впрочемъ, лучше всего вести дѣло на чистоту: я ей скажу, что у насъ ничего нѣтъ и что мы — жертвы революціи, какъ и она.

Затѣмъ, усѣвшись на диванъ и держа другъ друга за руку, они начали разговаривать о своихъ дѣлахъ. Мистрисъ Феррарсъ не хотѣла и слышать объ отъѣздѣ на континентъ.

— Нѣтъ, вскричала она, снова переходя къ свойственному ей оптимизму, — ты говорилъ, что я всегда приношу съ собой удачу. Ну, такъ послушай-же меня и подожди. Должна наступить реак-

ція, наши друзья снова получают власть, и тогда тебѣ слѣдуетъ быть тутъ-же, подъ рукой. Твоя права огромны. Они должны дать тебѣ управленіе Индіей и дадутъ, если только ты не станешь зѣвать. По мнѣ, дѣло не такъ скверно, какъ кажется. Случается, неудачи только откырываютъ дорогу къ торжеству. Что до меня, то я предпочла-бы генераль-губернаторство въ Индіи посту перваго министра.

На другой день м-ръ и м-рессъ Феррарсъ объявили своимъ друзьямъ, что такъ какъ имъ нечего дѣлать въ Лондонѣ, то они намѣрены поселиться въ деревнѣ. Разумѣется, не было недостатка въ указаніяхъ на прекрасныя во всѣхъ отношеніяхъ загородныя виллы.

— Прелестно, восклицала она, слушая описаніе парковъ, оранжерей и конюшенъ.— Но только ничего этого намъ не нужно, потому что мы намѣрены жить совсѣмъ скромно, пока не подроснетъ моя дочь и не придется вывозить ее въ свѣтъ.

Молодой леди было теперь уже тринадцать лѣтъ, и хотя родители ни однимъ словомъ не проговаривались ни о чемъ въ ея присутствіи, рѣшивъ приготовить ее постепенно къ ея новому положенію, однако обмануть эту дѣвочку было не такъ-то легко. Она ни о чемъ не спрашивала, но ничто, казалось, не ускользало отъ пронизательнаго взгляда этихъ темно-синихъ глазъ. Вскорѣ пріѣхалъ ея братъ изъ Итона, куда ему не суждено было возвращаться болѣе. Матери и отца не было дома. Эдиміонъ вскочилъ изъ экипажа и сильно, какъ школьникъ, возвращающійся домой, постучалъ въ дверь. Онъ уже входилъ въ залу, какъ его назвали по имени; поднявъ голову, онъ увидѣлъ лицо сестры, перегнувшей черезъ перила лѣстницы. Быстро, какъ бѣлка, взбѣжалъ онъ на-верхъ и очутился въ ея объятіяхъ. Она цѣловала его, любовалась имъ, снова цѣловала и, когда онъ собирался заговорить, зажимала ему ротъ поцѣлуями. Наконецъ она шепнула:

— Что-то случилось. Что именно, я сама не знаю, но только у насъ не будетъ больше пони.

Черезъ нѣсколько дней имъ дѣйствительно пришлось ѣхать въ простой почтовой каретѣ въ Герстли, ихъ новое жилище. Это былъ старинный домъ съ огромной рыцарской залой, но расположенный въ такой глуши, что собственникъ уступилъ его Феррарсамъ почти даромъ.

Эндимионъ съ прислугой и багажемъ ѣхалъ сюда; Мирра сидѣла въ одномъ купе съ матерью и отцомъ. Во все время путешествія, продолжавшагося около десяти часовъ, она почти ни слова не сказала, но съ ея лица не сходило выраженіе глубокаго презрѣнія и досады. Родители окружали ее всевозможными знаками вниманія, она принимала ихъ безъ всякаго отвѣта и только время отъ времени замѣчала, что ей хотѣлось-бы ѣхать съ Эндимиономъ.

Было уже темно, когда они подѣхали къ Герстли. Унылый полусумракъ вовсе не былъ способенъ разогнать ихъ печальное настроеніе. Впрочемъ, жена садовника развела къ ихъ пріѣзду огонь въ гостинной и, когда они вошли, бросила корзину еловыхъ шишекъ на полуобгорѣлыя головки, и они весело затрещали въ огненныхъ языкахъ. Даже Мирру заняла незнакомая ей картина горящаго дерева и, усѣвшись у камина, она задумчиво смотрѣла на игривое пламя, тѣмъ временемъ, какъ родители осматривали домъ и отдавали нужныя распоряженія. Вдругъ на дворѣ раздался шумъ. Мирра насторожила уши, какъ дикая лань. Это былъ Эндимионъ съ прислугой. Вскочивъ съ своего мѣста, она сбѣжала внизъ по лѣстницѣ и, пробравшись между слугъ, схватила брата за руку.

— Пойдемъ осматривать вмѣстѣ домъ, шепнула она.

Они пошли бродить по обширнымъ заламъ и заблудились, но къ счастью скоро натолкнулись на родителей. Мать добродушно стала рассказывать имъ про свои планы. Для Эндимиона была особая комната. При дневномъ свѣтѣ она будетъ очень миленькая. Мальчикъ остался очень доволенъ. Затѣмъ они всѣ вмѣстѣ пошли смотрѣть комнату Мирры; Мирра ничего не сказала. Ёдкое замѣчаніе, казалось, готово было сорваться съ ея языка, въ то время какъ мать краснорѣчиво излагала всѣ прелести ея новой комнаты. Затѣмъ ихъ позвали къ чаю. Жена садовника оказалась первокласснымъ дворецкимъ. Стены были опущены и комната ярко освѣщена. На столѣ дымилась ваза съ горячей водой, стояла груда хлѣба, масла и высилась пирамида бутербродовъ. Отъ всего обружающаго вѣяло комфортомъ, который былъ тѣмъ пріятнѣе, что его трудно было ожидать въ этомъ мрачномъ и суровомъ домѣ.

На другой день всѣ проснулись, если не счастливые, то возбужденные: предстояло много хлопотъ. Для дѣтей каждый

предметъ, каждый звукъ былъ новостью. Начиная отъ кролика, выбѣгавшаго изъ сосѣдней рощицы, испуганно водившаго ушами и затѣмъ пропадавшаго снова, до сойки, стрекотавшей въ дальнемъ лѣсу—все было для нихъ диковинкой. Въ первый разъ они увидѣли проворныхъ бѣлокъ и не могли надивиться на маленькаго ежа. Даже Мирра не могла не почувствовать прелести дикаго лѣса и живописной красоты деревушекъ, разбросанныхъ въ расщелинахъ лѣсистыхъ дюнъ. Что же касается до Эндимиона, то онъ былъ въ восторгѣ и инстинктивно чувствовалъ, что непосредственная близость съ природой вознаграждаетъ его за многое, что они потеряли.

Когда дѣти свыклись уже съ деревней и ея окрестностями, имъ позволили гулять вдвоемъ, но не разрѣшили отходить слишкомъ далеко отъ дома. Эти уединенныя прогулки съ братомъ составляли величайшее удовольствіе для Мирры. Она любила слушать рассказы Эндимиона о его жизни въ Итонѣ, и если грустила, то только при мысли о томъ, что его пребываніе тамъ было такъ непродолжительно. Воспоминанія о прошломъ составляли для нихъ источникъ безконечныхъ разговоровъ. Они сомнѣвались, будутъ-ли у нихъ опять пони. „Не думаю, говорила Мирра, — а какъ весело было-бы скакать вдвоемъ по этимъ лѣснымъ прогалинамъ!“

— Но только насъ не пустили-бы вѣдь однихъ безъ грума, замѣчалъ Эндимионъ.

— Безъ грума! восклицала Мирра съ хохотомъ русалки. — Мнѣ кажется, что если-бъ все повести на чистоту, то намъ пришлось-бы самимъ стлать себѣ постели и мыть посуду.

— А что, Мирра, тебѣ грустно, что все это случилось? спрашивалъ Эндимионъ.

— Я не совсѣмъ понимаю, что собственно случилось. Они скрываютъ это отъ насъ. Но мнѣ кажется, точно мы свалились съ облаковъ. Я такъ удивлена, что мнѣ некогда грустить. Къ тому же, что толку распускать нюни!

— А я какъ разъ очень много плакалъ, признался Эндимионъ.

— О, у тебя нѣжное сердце, милый. А я такъ плакала всего разъ въ жизни, да и то со злости.

Воспитаніе этихъ своеобразныхъ дѣтей составляло одно изъ главныхъ занятій въ Герстли. Мистеръ Феррарезъ былъ прекраснымъ учителемъ. Онъ училъ терпѣливо, методически, глубоко

заинтересованный своимъ дѣломъ. Что касается ученика, то на него ему нельзя было пожаловаться. Эндиміонъ былъ послушенъ и прилеженъ, хотя ученіе давалось ему не особенно легко и, въ противность ожиданіямъ отца, онъ былъ совершенно неподготовленъ. Мирра принадлежала къ натурамъ совершенно иного рода. Она усваивала все съ перваго раза и съ замѣчательной твердостью, помнила то, что разъ выучила. Но въ ней не было ни нѣжности, ни почтительности къ родителямъ и, чтобъ заставить ее учиться, нужно было обращаться къ ея уму, а не чувству. Часто она бывала капризна, своенравна и дерзка, и мать ея, не имѣвшая самообладанія мистера Феррарса, часто выходила изъ себя. Тогда происходили бурныя сцены или, лучше, монологи, потому что Мирра всегда сохраняла невозмутимое хладнокровіе, приводившее мать въ бѣшенство. Иногда приходилось апеллировать къ отцу.

Эндиміонъ подвигался впередъ, не быстро, но вѣрно, и мало по малу наверсталъ годы, потерянные въ Итонѣ. Мирра, несмотря на то, что начала учиться гораздо позже брата, подвигалась быстрѣй; она имѣла прекрасную гувернантку, научившую ее многому. Она порядочно знала нѣсколько иностранныхъ языковъ и вскорѣ изучила ихъ весьма основательно. Кромѣ того она принимала живѣйшее участіе въ успѣхахъ брата и учила все, чему учился онъ, и часто помогала ему.

Несмотря на полное однообразіе, въ Герстли не скучали. Мистеръ Феррарсъ былъ всегда занятъ, потому что кромѣ воспитанія дѣтей онъ систематически принялся за работу, когда - то составлявшую одно изъ его развлеченій,—онъ занялся политической литературой. Въ дни своего величія, онъ написалъ не одну статью въ знаменитѣйшемъ изъ торрійскихъ органовъ, обращавшую на себя вниманіе и заставлявшую говорить объ авторѣ. Многие изъ высокопоставленныхъ и извѣстныхъ государственныхъ людей и даже первыхъ министровъ приносили свои вклады на страницы этого прославленнаго органа и притомъ никогда безъ гонорара. Таковъ былъ основной законъ журнала: никакія даровныя статьи въ него не принимались. И въ этомъ правилѣ было столько-же мудрости, сколько гордости. Не мало знаменитыхъ государственныхъ людей съ удовольствіемъ показывали картину или табакерку, пріобрѣтенныя на гонораръ за ихъ литературныя труды, и не одинъ браслетъ на рукѣ мистрисъ Феррарсъ, не одна лошадь въ

ея конюшнѣ были наградою за какую-нибудь глубокомысленную или блестящую статью Уильяма.

Что прежде было развлеченіемъ, то стало теперь источникомъ правильнаго дохода. Несмотря на свое полное уединеніе, Феррарсъ имѣлъ многое, что написать, благодаря своей прошлой политической опытности; правда, его воспитаніе и общій складъ мысли были нѣсколько исключительны для кипучаго времени, наступившаго теперь, неподходящи, — однако его произведенія какъ нельзя лучше подходили къ той именно публикѣ, къ которой онъ обращался. Его цвѣтистый языкъ, насмѣшки надъ невѣжественностью толпы и филиппики противъ всего вульгарнаго; его описанія аристократической деревенской жизни, противопоставляемыя ужасамъ гильотины, его намеки на Горациа и цитаты изъ Виргилія — все это въ совокупности очаровывало и волновало его читателей.

ГЛАВА VI.

Мистеръ Торибери, фермеръ Герстли, принадлежалъ къ типичнымъ представителямъ этого класса людей. Это былъ здоровый краснощекій саксонецъ атлетическаго тѣлосложенія, загрубѣлый отъ работъ на открытомъ воздухѣ во все время года. Онъ арендовалъ нѣсколько сотенъ акровъ земли, и бдительный глазъ его слѣдилъ за малѣйшими подробностями хозяйства, что составляетъ вообще отличительную черту саксонскихъ фермеровъ. Онъ былъ добродушенъ, веселъ, услужливъ и всегда охотно оказывалъ семейству Феррарсовъ множество мелкихъ одолженій, которыя способствовали ихъ комфорту и ничего ему не стоили.

Мистеръ Феррарсъ любилъ поболтать кое когда съ фермеромъ Торибери, обладавшимъ ограниченнымъ, но въ своемъ родѣ замѣчательнымъ знаніемъ людей и жизни. Свѣтскому человѣку, знакомому съ сельскимъ бытомъ только по *partie de plaisir*, были интересны бесѣды съ такимъ человѣкомъ.

Гордостью и мученіемъ фермера Торибери былъ его единственный сынъ Джобъ.

— Я далъ ему самое лучшее воспитаніе, говаривалъ бывало онъ. — Ему повезло въ этомъ отношеніи гораздо больше, чѣмъ мнѣ, потому что я вѣдь учился на мѣдные гроши. А все таки изъ

него не вышла ни Богу свѣчка, ни чорту кочерга. Я былъ-бы вамъ очень благодаренъ, сэръ, еслибъ вы поговорили съ нимъ. Онъ хочетъ бросить землю, а мы изъ рода въ родъ сидимъ на ней и не можемъ на нее пожаловаться. Притомъ мой Джобъ тоже отличный фермеръ, увѣряю васъ; немножко любитъ дѣлать опыты, это правда, но на то онъ и молодежь. Я очень боюсь, чтобы онъ меня не бросилъ. Мнѣ кажется, что его сбили съ толку какіе-то важные лондонскіе господа, потому что онъ все читаетъ ихъ газету.

— Что же это за господа и что за газета? спросилъ мистеръ Феррарсъ.

— Не знаю хорошенько. Они сами зовутъ себя „Обществомъ распространенія знанія“, и во главѣ ихъ лордъ Бруэмъ.

— О, въ такомъ случаѣ вашъ сынъ опасный человѣкъ, воскликнулъ мистеръ Феррарсъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я тоже думаю, отвѣчалъ фермеръ Торнбернъ очень серьезно.—Представьте, онъ утверждаетъ, что „для обработки земли нужно знать“ какую то „химию“.

— Бруэмъ способенъ утверждать все, что угодно, замѣтилъ мистеръ Феррарсъ.—Но можете быть увѣрены въ одномъ, что ни одного предмета лордъ Бруэмъ не знаетъ основательно. Я это доказалъ въ своихъ статьяхъ, и если когданибудь по вечерамъ вамъ придетъ охота чтонибудь почитать, то я могу прислать вамъ одинъ изъ номеровъ „Quarterly Review“, который вамъ навѣрное поправится.

— Ужь пришлите его лучше Джобу.

Оказалось, что Джобъ совсѣмъ не такъ стоворчивъ, какъ его отецъ. Воззрѣнія его были рѣзки и безапелляціонны. Онъ былъ довольно основательно знакомъ съ политической экономіей, наукой, на которую мистеръ Феррарсъ смотрѣлъ весьма подозрительно. Правда, въ послѣдніе годы правленія лорда Ливерпуля, когда лордъ Юласъ и мистеръ Печенсонъ удивляли міръ своими реформами, онъ самъ считался знатокомъ въ политической экономіи, но послѣ раскола въ партіи тори онъ вернулся къ правовѣрью и былъ весьма доволенъ, что идеи экономистовъ были чистыми фантазіями, осуществить которыя можно было только путемъ революціи.

— Но вѣдь фермераѣтъ, кажется, живется хорошо, говорилъ мистеръ Феррарсъ Джобу.

— Да, хорошо, но человѣкъ долженъ желать большаго, отвѣчалъ Джобъ, никогда ничѣмъ недовольный.—Быку, который пашетъ въ полѣ, тоже живется хорошо.

— Такъ! Но отчего бы ему не имѣть и барышей? спросилъ мистеръ Феррарсъ.

— Ну, это довольно мудро, угрюмо возразилъ Джобъ.— Съ земли получишь немного, въ особенности при тѣхъ условіяхъ, на которыхъ мы ее арендуемъ.

— Но, кажется, вы платите мало ренты?

— О, рента пустяки, если-бъ все прочее было какъ слѣдуетъ! Но дѣло именно въ томъ, что все нигуда негодится, отвѣчалъ Джобъ.—Прежде всего фермеръ единственный производитель, капиталъ котораго не гарантированъ.

— А вы желали-бы долгосрочнаго контракта?

— Избави меня Богъ отъ контракта въ родѣ тѣхъ, какіе имѣ случилось видѣть, возразилъ Джобъ.—У насъ въ семьѣ былъ разъ такой контрактъ, и мы хранили его какъ диковинку. Болѣе возмутительной вещи никогда не придумывалъ человѣкъ.

— Но ваша семья уже въ теченіи многихъ поколѣній держитъ свой участокъ и, кажется, не можетъ пожаловаться на свою судьбу?

— Да, не больше, чѣмъ ихъ скотъ. Они кормятся и только.

— Вашъ отецъ, на сколько я замѣтилъ, никогда не терпѣлъ нужды?

— Пока у моего отца есть въ карманѣ деньги, чтобъ заплатить работникамъ и прокормить скотъ, онъ, какъ и всякій британскій фермеръ, доволенъ своей судьбой, хотя на дѣлѣ онъ такой-же рабъ, какъ и его работники, и останется такимъ до тѣхъ поръ, пока мы не отдѣлаемся отъ феодализма.

— У васъ очень крайнія убѣжденія! сказалъ мистеръ Феррарсъ довольно холодно.

— Это правда, но это не помѣшаетъ имъ въ концѣ концовъ восторжествовать, отвѣчалъ Джобъ.—Что касается меня лично, то имѣ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до нашей фермы, такъ какъ я не намеренъ остаться на ней; но для пользы отечества я желаю-бы, чтобы вся эта штука провалилась сквозъ землю.

— Какая штука? спросилъ мистеръ Феррарсъ.

— Феодализмъ, отвѣчалъ Джобъ. — По моему, у васъ все должно переиѣниться, какъ это совершилось въ сѣверной Англіи. Феодализмъ долженъ замѣниться принципомъ свободы. Я желалъ-бы долгосрочныхъ контрактовъ безъ неустоекъ, уничтоженія ненужныхъ гербовыхъ пошлинъ и исключительнаго права охоты.

— Но вѣдь это значитъ въ конецъ разорить деревню!

— Наша цѣль — развитіе большихъ городовъ, отвѣчалъ Джобъ.

— Но въ городахъ народъ умираетъ съ голоду! возразилъ мистеръ Феррарсъ.

— Не больше, чѣмъ въ деревняхъ, сказалъ Джобъ.

— Но если опустѣютъ деревни, то гдѣ будетъ набирать королевскую армію.

— Ну, это меня не слишкомъ-то огорчило-бы, отвѣчалъ Джобъ.

— Какъ! Такъ вы, стало быть, радикаль! вскричалъ мистеръ Феррарсъ.

— Называйте меня, какъ хотите, дѣло не въ этомъ. Впрочемъ, я дѣйствительно скоро поѣду въ Лондонъ и увижу радикаловъ, и тогда узнаю, что они такое.

— Неужели-же у васъ хватить духу покинуть вашего почтеннаго отца? спросилъ мистеръ Феррарсъ торжественнымъ тономъ, помня общаніе, данное имъ фермеру Торнберри поговорить съ его сыномъ серьезно.

— О, мой почтенный батюшка отлично обойдется безъ меня, сэръ. Лишь-бы ему ѣздить въ базарные дни въ Вамфортъ и два или три лавочника ломали-бы передъ нимъ шалку, онъ будетъ совершенно счастливъ и всегда готовъ умереть за нашу славную конституцію.

ГЛАВА VII.

Кромѣ фермера Торнберри, у Феррарсовъ былъ еще одинъ знакомый — мистеръ Пенруддокъ, приходскій пасторъ. Онъ былъ натуралистъ и историкъ, написавшій исторію своего прихода. На другой-же день послѣ водворенія мистера Феррарса въ Герстли, онъ, вмѣстѣ съ женою, сдѣлалъ визитъ новымъ своимъ прихожанамъ, и съ тѣхъ поръ они видались очень часто.

На Рождество въ Герстли появилась новая личность — сынъ пастора Нигель, только что окончившій курсъ въ частномъ училищѣ и поступившій въ Оксфордъ. Это былъ высокій молодой человекъ лѣтъ восемнадцати, съ замѣчательно уминымъ и энергичнымъ лицомъ, сохранившимъ, впрочемъ, всю мягкость и невинность юности. Онъ готовился къ духовному званію. Близнецы часто оставались въ его обществѣ, такъ-какъ мистрисъ Пенрудокъ нерѣдко приводила его съ собою, чтобы имѣть случай лишній разъ навѣстить Феррарсовъ. Подъ защитой Нигеля, Мирра и Эндиміонъ могли уже гулять, гдѣ и сколько угодно.

По окончаніи рождественскихъ каникулъ, Нигель Пенрудокъ уѣхалъ въ Оксфордъ, но къ лѣтнимъ вернулся снова. Каждый его пріѣздъ былъ пріятенъ всѣмъ Феррарсамъ; для нѣкоторыхъ же изъ членовъ семейства онъ былъ источникомъ безчисленныхъ радостей. Нигель, хотя и готовился къ духовной профессіи, страстно любилъ охоту. Онъ былъ силенъ и неутомимъ, и Эндиміонъ, котораго онъ очень полюбилъ, сдѣлался его неразлучнымъ спутникомъ. Все лѣто Нигель былъ свободенъ и могъ вполне отдаться своей страсти. Правда, охота была для нихъ сопряжена съ большими трудностями, потому что доѣзжачихъ у нихъ не было, но Эндиміонъ сильно заинтересовался этимъ новымъ занятіемъ: добыча ихъ бывала невелика, но страсть не знала предѣловъ. Кроме того, Нигель былъ отличнымъ рыболовомъ, и въ этомъ отношеніи усилія ихъ были гораздо плодотворнѣе, потому что мѣстность изобиловала рыбными ручьями, а неподалеку протекала довольно большая рѣка. Мирра тоже принимала участіе въ ихъ рыболовныхъ экскурсіяхъ и по цѣлымъ часамъ просиживала на берегу, гдѣ они забрасывали свои удочки.

Въ каждый пріѣздъ Нигеля въ немъ замѣчалась все большая и большая переиѣна. Наружность его стала мужественнѣе, манеры увѣреннѣе, костюмъ изящнѣе. Нельзя было не признать, что онъ чрезвычайно красивъ, уменъ и интересенъ. Эндиміонъ боготворилъ его. Онъ подражалъ ему въ манерахъ, въ его жестахъ и началъ, подобно ему, высказывать свои мнѣнія.

Однажды, послѣ утомительнаго перехода, они отдыхали на мягкой травѣ, среди кустовъ можжевельника. Вдругъ Нигель сказалъ:

— Послушайте, Эндиміонъ, что хочеть сдѣлать изъ васъ мистеръ Феррарсъ?

— Не знаю, отвѣчалъ Эдимионъ, смутившись.

— Но вѣдь вы должны же чѣмъ-нибудь быть?

— Да, я думаю, что мнѣ придется чѣмъ-нибудь быть, потому что папа потерялъ все свое состояніе.

— Такъ что-же вы выбрали?

— Я никогда объ этомъ не думалъ, отвѣчалъ Эдимионъ.

— По моему, въ наше время человѣку остается только одно, сказалъ Нигель докторальнымъ тономъ,—это служить церкви.

— Церковь? переспросилъ Эдимионъ.

— Скоро придетъ время, когда все остальное погибнетъ, сказалъ Нигель.—Церковь-же останется на вѣкъ, потому что она построена на скалѣ. Ее основалъ самъ Богъ, всѣ-же правительства основаны людьми. Когда они будутъ разрушены,—а это случится, кажется, очень скоро,—для управленія людьми не останется ничего, кромѣ церкви.

— Въ самомъ дѣлѣ! воскликнулъ Эдимионъ.—Папа очень почитаетъ церковь и, кажется, теперь что-то о ней пишетъ.

— Знаю, но мистеръ Феррарсъ—эразміанецъ, сказалъ Нигель; не говорите ему, что я такъ его называю, но только это правда. Онъ хочетъ, чтобы церковь была слугою государства, а это ужасное заблужденіе. Мнѣ хотѣлось-бы, чтобы вы были тремя, четырьмя годами старше и отецъ могъ отправить васъ въ Оксфордъ. Только тамъ можно хорошо понять все это. Мой отецъ тоже не имѣетъ ни малѣйшаго понятія о томъ, что такое церковь; это вещь совершенно новая.

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ Эдимионъ.

— Да, отвѣчалъ Нигель.—Ученіе ново, но принципы стары, какъ ученіе апостоловъ, потому что они ведутъ свое начало прямо отъ нихъ.

— Такъ стало быть они очень древни! согласился Эдимионъ.

— Знаете-ли, продолжалъ Нигель, казалось, не слуша его,—мнѣ ужасно хотѣлось-бы дать вамъ истинное церковное воспитаніе. Это сдѣлало-бы изъ васъ настоящаго человѣка, дало-бы вамъ цѣль въ жизни, и вы не мучились-бы никакими сомнѣніями. Мы должны перевернуть все вверхъ дномъ, лишь-бы только заставить мистера Феррарса отправить васъ въ Оксфордъ.

— Я поговорю объ этомъ съ Миррой.

— Мы уже говорили разъ съ нею объ этомъ, замѣтилъ Ни-

гель, — но только, мнѣ кажется, что и она ужасная эразміанка. Впрочемъ, пока я вамъ дамъ кое-что почитать. Это не очень длинно; когда прочтете, дамъ вамъ еще, а потомъ мы съ вами поговоримъ на свободѣ.

Эдимионъ не замедлилъ передать этотъ разговоръ сестрѣ. Она выслушала его съ любопытствомъ, но, казалось, не придавала всему этому серьезнаго значенія. Устремивъ на него свои прелестные глаза, въ которыхъ выражалась и нѣжность, и насмѣшка, она сказала:

— Милый, если ужъ тебѣ быть духовнымъ, то я хотѣла-бы, чтобы ты сдѣлался кардиналомъ.

ГЛАВА VIII.

Въ началѣ 1834 года стали появляться темные предвѣстники великихъ перемѣнъ. Весною, среди посвященныхъ начали ходить неопредѣленные слухи о томъ, что могущественное реформистское министерство со своимъ громаднымъ большинствомъ и демонстраціонными бокалами червонцевъ, собранными подпиской по одному пени, находится въ предсмертныхъ конвульсіяхъ.

Зиновія ликовала и уговорила своего мужа осенью собрать у себя всѣхъ политическихъ друзей, причемъ Феррарсы получили также самое настоятельное приглашеніе. Но послѣ нѣкотораго колебанія мистеръ Феррарсъ благоразумно отказался.

Прошелъ еще мѣсяць.

Однажды вечеромъ, вернувшись домой съ прогулки, мистеръ Феррарсъ услышалъ отъ служанки, что для него есть изъ Лондона письмо.

„Письмо изъ Лондона! Что-бы это могло значить?“

Торопливо распечатавъ его, онъ пробѣжалъ его глазами и громко сталъ звать жену, которая тотчасъ-же вбѣжала въ комнату.

— Письмо отъ Баррона, моя милая, вскричалъ онъ. — Король далъ отставку лорду Мельберну и призвалъ герцога Веллингтона, поручивъ ему составленіе кабинета.

— Поѣзжай сію минуту въ Лондонъ, сказала мистриссъ Феррарсъ. — Онъ предлагалъ тебѣ министерскій портфель въ 32 году. Никто не имѣетъ больше правъ на его вниманіе, чѣмъ ты.

— Впрочемъ, въ письмѣ не сказано, чтобы онъ собственно былъ первымъ министромъ, сказалъ мистеръ Феррарсъ, снова взглядывая въ письмо.—Послали за Пилемъ, который теперь въ Римѣ, но до его прїѣзда герцогъ будетъ завѣдывать дѣлами.

— Поѣзжай сейчасъ-же въ Лондонъ, повторила мистриссъ Феррарсъ.—Нельзя терять ни минуты времени. Пошли въ „Конское копыто“ взять мѣсто въ Саллюсберійскомъ дилижансѣ. Онъ проѣзжаетъ завтра утромъ, въ девять часовъ. Я все приготовлю. Возьмешь съ собой портъ-манто и ручной чемоданъ... Какъ это ему удастся составить министерство!... Какая досада, что его здѣсь нѣтъ!...

— Это событіе первостепенной важности, но трудности должны быть громадны, задумчиво сказалъ мистеръ Феррарсъ.

— О, ты всегда говоришь о трудностяхъ, запальчиво вскричала мистриссъ Феррарсъ.—По моему, ихъ совсѣмъ нѣтъ. Король за насъ, странѣ опротивѣли виги, началась полная реакція. Я это всегда предсказывала.

Дѣтями сказали, что важныя дѣла требуютъ немедленнаго отъѣзда отца въ Лондонъ. Вскорѣ весь домъ былъ въ хлопотахъ по случаю приготовленія къ раннему отъѣзду мистера Феррарса. Трудно понять, какъ можно было столько хлопотать надъ укладкой ручнаго чемодана, но каждый разъ нужно было что-нибудь вспомнить и всегда что-нибудь забывалось. Мистриссъ Феррарсъ была въ своей спальнѣ, окруженная всѣми своими горничными; мистеръ Феррарсъ заперся въ кабинетъ, пересматривая и отбирая нужныя бумаги. Дѣти оставались одни.

— Не знаю, вернутся-ли для насъ старые дни, говорила Мирра Эндимиону.

— Мнѣ жаль будетъ разстаться съ Герстли; намъ здѣсь было такъ хорошо.

— Ну, а мнѣ такъ вовсе не жаль, отвѣчала Мирра.—Мнѣ даже кажется, что безъ тебя я не выдержала-бы такой жизни.

— Должно быть произойдутъ великія переи́нны, сказалъ Эндимионъ.

— Почемъ знать; папа, кажется, не достаточно рѣшительнъ. Впрочемъ, если намъ удастся выбраться изъ этой дыры, то и это хорошо.

Къ чаю всѣ снова собрались вмѣстѣ, но по окончаніи его

никто не могъ приступить къ своимъ обычнымъ занятіямъ. Не было ни рукодѣлья, ни чтенія вслухъ. Мистеръ Феррарсъ долженъ былъ встать очень рано и потому скоро ушелъ къ себѣ. Однако, ни онъ, ни жена не думали о снѣ. Онъ пришелъ въ ея уборную, и они долго сидѣли у камина, разговаривая о будущемъ и строя всевозможные планы. Она, какъ и прежде, была очень осторожна и все еще предпочла-бы губернаторство въ одной изъ колоній, если возможно въ Индіи; но соглашалась, что мужъ долженъ принять портфель, если ему его предложить. Послѣ того, что случилось въ 32 году, долгъ чести обязывалъ его сдѣлать это. Мистеръ Феррарсъ слушалъ ее, почти ничего не отвѣчая, и, казалось, весь былъ погруженъ въ свои думы. Наконецъ онъ всталъ и, нѣжно обнявъ ее, сказалъ:

— Ты забываешь, что я долженъ встать вмѣстѣ съ жаворонками. Буду писать тебѣ каждый день. Милая, безцѣнная женщина, ты всегда была права, и всѣми своими удачами я обязанъ тебѣ.

На другой день, рано утромъ, мистеръ Феррарсъ уѣхалъ въ Лондонъ.

Не безъ волненія вѣхалъ онъ снова въ этотъ гордый городъ, въ которомъ когда-то и онъ былъ такъ гордъ. Улицы были освѣщены и, казалось, кишѣли народомъ, сновавшимъ по всѣмъ направленіямъ.

На другой день мистеръ Феррарсъ сдѣлалъ визиты своимъ политическимъ вождямъ. Хотя всѣ они были по горло завалены дѣлами, но, получивъ его визитную карточку, приняли его въ высшей степени радушно и любезно. Всѣ его права были признаны прежде, чѣмъ онъ ихъ высказалъ, и онъ видѣлъ во всѣхъ искреннее желаніе удовлетворить его. Никто не пострадалъ такъ много, какъ онъ, за партію, никто не боролся такъ упорно и искусно для ея защиты. Но пока ничего нельзя было ни сдѣлать, ни даже общать. Все зависѣло отъ сэра Роберта. Они только временно занимались дѣлами страны въ ожиданіи его прибытія.

Однако, много дней и даже недѣль должно было истечь прежде, чѣмъ это случится. Гонецъ скакалъ въ Римъ день и ночь, но, по расчетамъ, Пиль не могъ вернуться раньше, чѣмъ черезъ три недѣли.

Мистеръ Феррарсъ отправился въ Карльтонскій клубъ, основанный три или четыре года тому назадъ при его содѣйствіи, и среди новыхъ незнакомыхъ лицъ встрѣтилъ тамъ старыхъ друзей, и притомъ самыхъ близкихъ. Невозможно описать, съ какими радушіемъ они его встрѣтили. Не прошло и полчаса, какъ онъ получилъ приглашеніе отъ лорда Померо обѣдать у него въ тотъ-же день.

Общество, собравшееся въ столовой его стараго друга, было довольно разношерстно, хотя всѣ гости безъ исключенія принадлежали къ самымъ чистокровнымъ тори. Тутъ были министры, лишившіеся портфеля, и кандидаты на ихъ полученіе; люди невѣстныя, занимавшіе въ старину второстепенныя должности; знаменитые адвокаты, готовившіеся въ парламентъ, и нѣсколько молодыхъ людей новой палаты, которыхъ Феррарсъ никогда до сихъ поръ не видалъ.

— Совсѣмъ какъ въ старину, говорилъ мужъ Зиновіи мистеру Феррарсу, сидѣвшему съ нимъ рядомъ.— Думаю, что наше дѣло выгоритъ, хотя пока ничего нельзя сказать; все зависитъ отъ Пилла.

Мистеръ Феррарсъ писалъ женѣ каждый день, увѣдомляя ее о всемъ, что ему приходилось видѣть и слышать. Она глубоко вѣрила, „что дѣло ихъ выгоритъ“, что сэръ Робертъ пригласитъ мужа, предложитъ ему портфель и доставитъ мѣсто въ палатѣ. Сама она по-прежнему предпочитала губернаторство въ какой-нибудь колоніи и мечтала объ Индіи, но соглашалась, что, въ случаѣ приглашенія, ему нельзя будетъ отказаться раздѣлить со своими товарищами опасность ихъ положенія.

Проходили дни за днями, дни, полные невыносимой агоніи ожиданія. Сколько разъ Феррарсъ чувствовалъ, что изнемогаетъ отъ этой пытки, и готовъ былъ на всю жизнь вернуться къ тихому и спокойному убѣжищу, гдѣ ждало его семейное счастье, чтобы только избавиться отъ невыносимой тоски неизвѣстности?

Но это была минутная слабость, которая исчезла, какъ сонъ, утромъ того дня, когда онъ узналъ, наконецъ, что сэръ Робертъ пріѣхалъ.

ГЛАВА IX.

Была темная декабрьская ночь, когда мистеръ Феррарсъ вернулся въ Герстли. Жена, въ сопровожденіи садовника съ фонаремъ въ рукѣ, встрѣтила его на дворѣ.

— Дѣло очень плохо, другъ мой? Мнѣ кажется, что ты кое-что отъ меня скрылъ.

— Нисколько, отвѣчалъ онъ, — хотя всего я дѣйствительно не написалъ тебѣ, потому что письмо мое пришло-бы слишкомъ поздно. Сэръ Робертъ ничего не общалъ мнѣ относительно министерскаго портфеля, но предложилъ мнѣ важный постъ, если только я устрою свой выборъ въ парламентъ. Но вѣдь это невозможно. Во время моего мѣсячнаго пребыванія въ городѣ, я въ этомъ убѣдился. •

— Сказалъ ли ты что-нибудь про Индію? спросила она шепотомъ.

— Нѣтъ, сэръ Робертъ очень почтенный человѣкъ, но холодный, а я не умѣю располагать къ задушевности. Поэтому я ограничился общими выраженіями, предоставивъ все на его усмотрѣніе. Онъ призналъ мои способности и сказалъ, что если онъ продержится, то не преминетъ исполнить мое желаніе. Барронъ говоритъ, что онъ продержится. У нихъ будетъ большинство, а если имъ удастся привлечь на свою сторону Стенли и Греэма, даже весьма значительное. Но въ такомъ случаѣ мнѣ уже нельзя будетъ принять портфеля, если только онъ дѣйствительно собирается предложить мнѣ его.

— Разумѣется собирается! воскликнула жена. — Кто столько потерпѣлъ какъ ты?.. Такъ будемъ-же надѣяться и ждать. Будь повеселѣе при дѣтяхъ, потому что они все время очень тревожились.

Благодаря этому предупрежденію, встрѣча вышла довольно радостная. Эндивіонъ горячо обнялъ отца, а Мирра поцѣловала его въ обѣ щеки. Мистеръ Феррарсъ привезъ съ собою цѣлую кучу новостей и сплетень, интересныхъ для жены, а отчасти и для дѣтей.

— А для тебя, сказалъ мистеръ Феррарсъ, обращаясь къ Эндивіону, — у меня есть гостинецъ: наши друзья не забываютъ

насъ и мнѣ удалось выхлопотать вакансію въ министерствѣ финансовъ или въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, какая представится первую. Въ обоихъ министерствахъ служба самая почетная. Знаю, что мать желала-бы, чтобы ты служилъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, но что касается до меня, то я всегда имѣлъ слабость къ министерству финансовъ. Тамъ служилъ твой дѣдъ. Впрочемъ, выбирай самъ.

Общіе выборы 1834—1835 года хотя и возстановили равновѣсіе партій, но не доставили сэру Роберту Пилу большинства. Легко понять, въ какой степени это обстоятельство усилило тревогу семейства Феррарсовъ. Барронъ по-прежнему былъ полонъ надеждъ, несмотря на неблагопріятный имъ составъ палаты. Сэръ Робертъ рѣшился „держаться до конца и вѣрилъ въ дѣйствительность принятыхъ имъ мѣръ. Мѣры его въ самомъ дѣлѣ были превосходны и никогда Пиль не обнаруживалъ большей изобрѣтательности, энергіи и искусства, какъ во время весны 1835 года. Но онъ плохо зналъ человѣческое сердце, если вѣрилъ въ возможность обезоружить мстительную оппозицію цѣлесобразностью своихъ мѣръ; на самомъ дѣлѣ это только разжигало ненависть противъ него.

Вскорѣ послѣ перваго засѣданія, мистеру Феррарсу было предложено второстепенное мѣсто въ управленіи Вест-Индіей. Жена не хотѣла объ этомъ и слышать. Мистеръ Феррарсъ нѣсколько разъ былъ въ министерствѣ, видался съ министрами, которые сочувствовали ему, несмотря на шаткость собственнаго положенія, но ничего иного предложить ему не могли. Онъ уже начиналъ думать о томъ, не взять-ли ему управленіе Сіерра-Леоне или Золотымъ Берегомъ, но въ это время разнеслась вѣсть, что сэръ Робертъ Пиль подаетъ въ отставку. Въ послѣднюю минуту мистеру Феррарсу удалось чрезъ Баррона выхлопотать для Эндиміона мѣсто писца въ канцеляріи министерства финансовъ. Такимъ образомъ, этотъ человѣкъ, пять мѣсяцевъ тому назадъ повинувшій Герстли съ надеждой сдѣлаться генераль-губернаторомъ Индіи, вернулся назадъ къ своему унылому очагу съ мѣстомъ писца для сына въ одномъ изъ второстепенныхъ правительственныхъ бюро.

Разочарованіе, печаль, отчаяніе снова посѣтили послѣ трехлѣтняго роздыха злополучную семью Феррарсовъ. Даже полное разрушеніе всѣхъ надеждъ на возвращеніе утраченнаго величія

было забыто на-время мистрисъ Феррарсъ, въ виду разлуки съ Эндимиономъ. Подобнаго несчастія она до сихъ поръ не могла даже допустить. Правда, она горячо желала его поступления на службу при министерствѣ, но только съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, что и она поѣдетъ съ нимъ; бросить-же его одного, въ шестнадцать лѣтъ, въ огромный городъ, безъ родныхъ, безъ друзей, безъ поддержки — это невозможно, это сумасшествіе! Однако мистеръ Феррарсъ былъ вѣженъ, но непоколебимъ.

Бесѣда отца съ сыномъ продолжалась очень долго. Когда Эндимионъ вышелъ, лицо его было блѣдно и рѣшительно. Онъ пошелъ прямо въ садъ, гдѣ встрѣтилъ Мирру.

— Какъ вы долго разговаривали! воскликнула она. Я тебя ждала. Ну, говори-же, что вы рѣшили?

Онъ взялъ ее за руку и молча повелъ въ одну изъ дальнихъ аллей.

— Я уѣзжаю, сказалъ онъ, — и рѣшилъ, что никогда больше нашъ дорогой папа не истратитъ на меня ни одного шиллинга. Дѣла очень плохи, такъ плохи, какъ ты когда-то догадывалась. Но только не говори ничего объ этомъ бѣдной матушкѣ.

Наступилъ канунъ дня разлуки. Никто не старался казаться спокойнымъ. Мистрисъ Феррарсъ не вышла, а позвала Эндимиона въ свою комнату. Она ничего не сказала, но, обхвативъ его шею руками, нѣсколько минутъ держала его въ своихъ объятіяхъ. Потомъ поцѣловала его въ лобъ и, сдѣлавъ ему рукой легкій знакъ, чтобъ онъ уходилъ, сама упала въ кресло навзничъ съ закрытыми глазами. Послѣ обѣда онъ остался на нѣсколько времени наединѣ съ отцомъ. Мистеръ Феррарсъ сказалъ:

— Я обращаю съ тобою въ этомъ дѣлѣ, какъ со взрослымъ, потому что вполне тебя доверяю. Тебѣ предстоитъ въ жизни снова возстановить родъ, который когда-то стоялъ такъ высоко.

Мирра все еще сидѣла за составленіемъ списка всѣмъ его вещамъ, когда онъ вернулся въ гостинную.

— Это я оставлю у себя, пояснила она, — чтобы знать все, что тебѣ можетъ понадобится. Ты ѣдешь завтра очень рано, но я еще увидаюсь съ тобою.

Затѣмъ, взявъ его за обѣ руки, она прибавила:

— Все вокругъ насъ мрачно и, имѣ кажется, будетъ еще мрачнѣе. Но свѣтъ придетъ, такъ или иначе, потому что ты,

милой, рожденъ для свѣта. И ты встрѣтишь въ жизни друзей, и это будутъ женщины.

ГЛАВА X.

Эндимионъ передалъ черезъ курьера рекомендательное письмо къ начальнику того отдѣленія министерства, гдѣ онъ долженъ былъ служить. Вскорѣ его позвали, и курьеръ, проведя его по длинному коридору, открылъ предъ нимъ двери большой, залитой солнечными лучами, комнаты, уставленной этажерками съ рядами книгъ и длинными столами, заваленными бумагами. Джентльменъ весьма добродушнаго вида протянулъ Эндимиону руку и дружески сказалъ: „Я служилъ подъ начальствомъ вашего дѣдушки, мистеръ Феррарсъ, и очень радъ съ вами познакомиться!“

Затѣмъ онъ изложилъ Эндимиону, въ чемъ будутъ состоять его обязанности. Первое время его работа будетъ имѣть характеръ чисто механической, требующій лишь вниманія и усидчивости. Но бюро обширно, и повышение не только вѣрно, но иногда и очень быстро. Во время рѣчи онъ дернулъ звонокъ, и въ комнату вошелъ молодой человекъ, въ высшей степени любезный, который пригласилъ Эндимиона слѣдовать за собой. Пройдя черезъ амфиладу залъ, въ которыхъ писцы, сидя на высокихъ стульяхъ, усердно работали, они вошли въ небольшую комнату, гдѣ находилось шесть или восемь человекъ за работою.

— Вотъ ваше мѣсто, сказалъ Эндимиону его спутникъ, — а теперь позвольте представить вамъ вашихъ новыхъ товарищей. Это мистеръ Джаветъ, величайшій изъ радикаловъ нашего вѣка. Когда онъ сдѣлается президентомъ республики, то прикажетъ отрубить всѣмъ намъ головы. Это мистеръ Сен-Барбъ, ожидающій, когда исправится вкусъ публики, чтобы стать популярнѣйшимъ изъ современныхъ писателей. Пока онъ дастъ вамъ экземпляръ своего романа, который никто не покупаетъ, какъ-бы то слѣдовало, и въ которомъ онъ изображаетъ всѣхъ своихъ друзей. Это мистеръ Сеймуръ Гиксъ — свѣтскій человекъ, какъ вы это сами можете видѣть.

Въ такомъ тонѣ были и характеристики остальныхъ трюхъ его товарищей. Всѣ смѣялись и были очень любезны съ Эндимиономъ; за-

тѣмъ, чрезъ нѣсколько минутъ, снова принялись за работу, причѣмъ Эндивіону поручено было списывать какія-то огромныя таблицы съ цифрами.

Тѣмъ временемъ Сен-Барбъ писалъ другой документъ, въ высшей степени важный и притомъ совершенно иного рода:

„Мы, нижеподписавшіеся, вполне довольные нашимъ новымъ товарищемъ, единодушно рѣшаемъ пригласить его сегодня на нашъ пиръ къ безсмертному Джо“.

Этотъ документъ быстро обошелъ всѣхъ присутствующихъ и былъ поднесенъ мистеру Трингеру, который написалъ на немъ, какъ на форменной бумагѣ, „одобряю“ съ начальными буквами своей фамилии.

Джо—это былъ содержатель одного изъ трактировъ въ Незби-Стритѣ.

— Вы сегодня нашъ гость, сказалъ мистеръ Трингеръ Эндивіону.

Обѣдъ прошелъ весело. Эндивіонъ провелъ время очень пріятно и, какъ самый младшій и притомъ новичекъ, могъ совершенно свободно воздерживаться отъ участія въ общей бесѣдѣ. Разговаривали почти исключительно о политикѣ. Всѣ его новые товарищи были либералы, такъ какъ получили мѣста послѣ катастрофы 30 года, но между ними была огромная разница въ отбѣнкахъ. Джаветъ принадлежалъ къ непримиримымъ; безпощадно послѣдовательный, онъ проводилъ свои простые, ясные принципы до ихъ крайнихъ выводовъ. Трингеръ, напротивъ того, полагалъ, что вся жизнь должна состоять въ примиреніяхъ противоположностей и утверждалъ, что государственный человѣкъ перестаетъ быть практичнымъ съ той минуты, какъ сдѣлается логиченъ. Сен-Барбъ полагалъ, что литературѣ и искусствамъ, равно какъ и талантамъ, вообще нечего надѣяться ни на ту, ни на другую изъ партій, а Сеймуръ Гиксъ находилъ, что тори никогда не съумѣютъ управлять обществомъ, вслѣдствіе отсутствія свѣтскихъ связей.

Послѣднее рѣшеніе парламента объ употребленіи нѣкоторыхъ доходовъ ирландской церкви на общественное воспитаніе составляло предметъ горячихъ диспутовъ. Джаветъ клеймилъ эту мѣру именемъ жалкой увертки, но высказывалъ всѣ свои обвиненія такимъ кроткимъ голосомъ и такимъ деликатнымъ тономъ, кото-

рый составлялъ самый комичный контрастъ съ безпощадной суровостью его сентенціи.

— Весь доходъ протестанской церкви слѣдовало-бы употребить на общественное воспитаніе или инныя общепользныя цѣли, сказалъ онъ.

Трингеръ полагалъ, что министерство сдѣлало въ данномъ случаѣ все, что могло сдѣлать, не нарушая благоразумія, а Сеймуръ Гиксъ замѣтилъ, что правительство, которое вздумало-бы систематически нападать на церковь возбудило-бы противъ себя общество. Эндимионъ, несмотря на сильную застѣнчивость, рѣшился спросить, почему-же церковь должна быть лишена того, что ей принадлежитъ?

— Потому что церковь не исполняетъ тѣхъ задачъ, для выполнения которыхъ ее надѣлили богатствами, отвѣчалъ Джаветъ самымъ примирительнымъ тономъ. — Въ Ирландіи церковь владѣетъ народнымъ достояніемъ, но ничего не дѣлаетъ для народа. Впрочемъ, я иду гораздо дальше. Мнѣ кажется, что слѣдовало-бы отнять доходы у всѣхъ церквей вообще. Это непроизводительныя учрежденія, и потому они должны быть уничтожены.

— Церковь должна быть уничтожена? воскликнулъ Эндимионъ, имѣвшій по этому предмету очень прочныя убѣжденія.

Но мистеръ Трингеръ, обладавшій большимъ тактомъ, вмѣшался въ разговоръ.

— Я уже сказалъ вамъ, мистеръ Феррарсъ, что нашъ другъ Джаветъ ужасный радикалъ, но только онъ у насъ въ меньшинствѣ. Впрочемъ, здѣсь всякій говоритъ все, что ему угодно.

Послѣ обѣда всей компаніей отправились въ табачную лавку. Пройдя съвозъ нее, гости входили въ большую, ярко-освѣщенную залу, уставленную вдоль стѣнъ низкими диванами, на которыхъ сидѣли развалившіеся посѣтителы, курившіе большею частью сигары, хотя нѣсколько человѣкъ курило кальянъ. По-среди нѣ стоялъ столъ, заваленный газетами.

Компанія, вышедшая отъ Джо, тотчасъ-же разсѣялось по разнымъ направленіямъ, и Сен-Барбъ, подсѣвъ къ Эндимиону, сказалъ:

— Я не расположенъ сегодня курить. Закажемте себѣ кофе и если хотите позабавиться, то прочтите вотъ это.

При этомъ онъ подалъ ему номеръ „Полишинела“

— Надѣюсь, что вамъ понравится ваша новая жизнь, говорилъ

Сен-Барбъ, прихлебывая кофе. Одно можно сказать въ ея пользу: вамъ придется работать съ добрыми товарищами. Они всегда рады помочь другому. Я думаю, что общность несчастія развиваетъ въ насъ гуманныя чувства,—по крайней-мѣрѣ другъ къ другу. Я слышалъ, что такъ бываетъ на плантаціяхъ между рабами.

— Но мы, кажется, не рабы, сказалъ Эндимионъ.

— А что-же мы, по вашему? Страшно подумать, что джентльмены, люди образованные и, можетъ быть, первоклассные таланты—почемъ знать?—доведены до нашего состоянія. — Я не раздѣляю всѣхъ мнѣній Джавета, потому-что терпѣть не могу политической экономіи и никогда не могъ понять ее,—а вѣдь у него все это выходитъ какъ по маслу, не правда-ли?—но я тоже нахожу возмутительнымъ, что у насъ имѣютъ такіе доходы люди, для которыхъ такъ-же невозможно написать статейку въ „Полишинель“, какъ полетѣть по воздуху.

— Но современемъ мы можемъ получать больше, сказалъ Эндимионъ.—Мнѣ даже говорили сегодня, что это можетъ случиться очень скоро.

— Мы будемъ получать больше, когда волосы наши посѣдѣютъ и спина сгорбится, сказалъ Сен-Барбъ.—Намъ даже, быть можетъ, дадутъ тогда пенсію такихъ-же развѣровъ, какую какой-нибудь лордъ даетъ своему лакею. О, какъ все гнусно устроено на этомъ свѣтѣ! Вашъ отецъ былъ государственнымъ совѣтникомъ, не такъ-ли?

— Да, мой дѣдъ тоже, но только я, кажется, никогда не буду.

— Ахъ, это великое дѣло имѣть отца—государственного совѣтника! вослѣдствіемъ Сен-Барбъ, бросая на Эндимиона завистливый взглядъ.—Если-бъ я былъ сыномъ государственнаго совѣтника, эти негодяи, Шефль и Скрю, дали-бы мнѣ пятьсотъ фунтовъ за мой романъ и не печатали-бы его, какъ теперь, мелкимъ шрифтомъ! О, Джаветъ правъ: все у насъ гнило!

— У мистера Джавета очень странныя возрѣнія, сказалъ Эндимионъ.—Мнѣ очень не понравилось то, что онъ сказалъ за обѣдомъ относительно церкви, но мистеръ Трингеръ пережѣнилъ разговоръ, и я счелъ за лучшее не поднимать его снова.

— Трингеръ хорошій человѣкъ, сказалъ Сен-Барбъ.—Онъ вамъ нравится?

— Да, онъ очень любезенъ.

— А знаете-ли, сказала Сень-Барбъ шепотомъ, причеиъ лицо его приняло раздраженное и даже гнѣвное выраженіе, — этому челоѡѡку предстоитъ, быть можетъ, имѣть четыре тысячи фунтовъ годоваго дохода! Для этого нужно только, чтобъ умеръ всего одинъ челоѡѡкъ. Правда, этотъ челоѡѡкъ здоровъ, какъ быкъ, прибавилъ онъ нѣсколько болѣе веселымъ тономъ, — но все-таки это можетъ случиться. Развѣ это не ужасно?

ГЛАВА XI.

Поселившисъ въ Лондонѣ, Эндивіонъ вовсе не былъ брошенъ на произволъ судьбы. Онъ жилъ, частью въ качествѣ постояльца, частью въ качествѣ друга дома, у стараго друга и поклонника его отца, отдававашаго теперь въ наймъ квартиры въ одномъ изъ весьма хорошихъ кварталовъ города.

Семья м-ра Роднея, кромѣ него самого, состояла изъ жены Сильвіи и свояченицы, носившей поэтическое имя Имогены. Но кромѣ нихъ, за ихъ чайнымъ столомъ можно было почти всегда встрѣтить одного изъ ихъ давнихъ жильцовъ, м-ра Уэльдершира, величайшаго оригинала и даже чудака.

Имогена, свояченица м-ра Роднея, была еще совершеннымъ ребенкомъ, когда Уэльдерширъ поселился въ ихъ домѣ. Дѣвочка обыкновенно приносила ему завтракъ и убирала его столъ. Встрѣтившись съ нею однажды, онъ попросилъ ее остаться у него посидѣть. Онъ влюбился въ ея имя и написалъ ей цѣлую серію сонетовъ, въ которыхъ идеализировалъ ея прошлое, воспѣвалъ настоящее и предсказывалъ будущее. Имогена не была ни застѣнчива, ни дика. Она спокойно выслушивала всѣ его бредни, даже когда плохо понимала ихъ, и читала его стихи съ такимъ-же усердіемъ, съ какимъ изучала-бы иностранный языкъ, который ей захотѣлось выучить. Уэльдерширъ полагалъ, что ея воспитаніе слѣдуетъ вести посредствомъ разговоровъ. Читать, по его мнѣнію, она не должна была ничего или почти ничего до тѣхъ поръ, пока вкусъ ея не разовьется и она не пріобрѣтетъ предварительныхъ свѣденій, достаточныхъ для самостоятельнаго чтенія. Такъ какъ Уэльдерширъ былъ краснорѣчивъ, уменъ и остроуменъ, Имогена слушала его съ

величайшимъ любопытствомъ, даже когда ей трудно было услѣдить за быстрымъ полетомъ его мысли. Впрочемъ, дѣвушка была одарена отъ природы такой рѣдкой восприимчивостью, что успѣхи ея, несмотря на этотъ странный способъ обученія, были весьма замѣчательны.

Уэльдерширъ принадлежалъ къ числу тѣхъ живыхъ и блестящихъ организацій, которыя оказываютъ сильное вліяніе въ особенности на молодежь. Онъ былъ героемъ Кембриджскаго „Клуба преній,“ изъ чего многіе изъ его товарищей заключили, что онъ будетъ первымъ министромъ. Ему обязанъ Кембридж занесеніемъ первыхъ зеренъ новой оксфордской ереси, послѣдователемъ которой былъ Нигель Пенруддокъ. Уэльдерширъ молился и постился, и клялся не иначе, какъ Лодомъ и Страффордомъ. Въ Парижѣ занятія науками пошли у него успѣшнѣе, чѣмъ въ родной alma mater, и онъ сдѣлался горячимъ поклонникомъ французской литературы и всего французскаго. Его вступленіе въ англійскій высшій свѣтъ было самое блестящее, и Уэльдерширъ отъ души наслаждался своимъ легкимъ успѣхомъ, такъ какъ обладалъ своей долей самолюбія и тщеславія. Но его подвижной натурѣ нужны были не только постоянныя, но и новыя удовольствія, и его вскорѣ стало утомлять даже общество герцогинь. Было что-то монотонное въ блескѣ аристократической жизни, и въ теченіи нѣкотораго времени онъ убѣждалъ самого себя, что тайну жизни понимаетъ только семья, подъ кровлей которой онъ жилъ.

Уэльдерширъ былъ необузданъ, чувствителенъ, легкомысленъ, но романтиченъ; дитя прихотей и рабъ собственнаго воображенія, до такой степени пылкаго и измѣнчиваго, что никогда невозможно было предугадать его полета, онъ былъ одинаково способенъ пожертвовать самымъ глубокимъ изъ своихъ чувствъ ради свѣтскаго предразсудка и вызвать на бой весь міръ изъ-за фантастическаго каприза. Въ настоящую минуту цѣлью своей жизни Уэльдерширъ поставилъ воспитаніе Имогены.

Этотъ-то чудакъ съ перваго же дня очень полюбилъ Эндимиона и, казалось, заинтересовался его судьбой. Онъ слышалъ о предкѣ его, Эндимионѣ Кери, и пылкое воображеніе съ какой-то дикой силой повлекло его къ этому живому воспоминанію изъ вѣка рыцарства. Онъ самъ находился въ какомъ-то отдаленномъ родствѣ съ домомъ Стюартовъ, и предки его гибли при Эджинѣ и Мар-

стан-Мурѣ. Уэльдерширъ, воображеніе котораго металось между Страффордомъ и Сен-Жюстомъ, архіепископомъ Лодомъ и богиней Разума, перенесся на время на берега Бѣма и воинственнымъ рапсодіямъ своей юности.

Разговоры съ Уэльдерширомъ, умѣвшимъ соединить знаніе съ фантазіей, игривость съ сарказмомъ, быть можетъ безсознательно для его самого, выучили Эндимиона великому искусству разговаривать — умѣнью возражать и притомъ не казаться упрямымъ, убѣждать безъ аргументовъ, облекать серьезные вещи въ одежду мотылька.

Но въ августѣ Уэльдерширъ уѣхалъ изъ Лондона, а въ началѣ сентября Эндимиона покинуло даже семейство Родная. Бюро, въ которомъ работалъ Эндимионъ, тоже опустѣло. Впрочемъ, во времени листопада товарищи его начали возвращаться и въ томъ числѣ мистеръ Трингеръ.

— Братъ его былъ опасно боленъ, сказала Сен-Барбъ Эндимиону. — Говорятъ, что онъ его очень любитъ. Любитъ брата, который загородилъ ему дорогу къ четыремъ тысячамъ фунтовъ въ годъ! И выдумаютъ-же люди! А все-таки мнѣ нельзя будетъ подойти и поздравить Трингера со смертью брата. Это будетъ shocking. Трингеръ, быть можетъ, перестанетъ со мной говорить, хотя по ночамъ онъ, навѣрное, только объ этомъ и мечтаетъ.

Въ началѣ ноября случилось событіе, имѣвшее сильное вліяніе на характеръ Эндимиона. Трингеръ предложилъ ему однажды повести его въ качествѣ гостя на собраніе знаменитаго „Клуба преній“, членомъ котораго онъ былъ.

Общество это собиралось въ залѣ, убранной точь въ точь какъ палата общинъ. Въ ней было уже около полутора ста человѣкъ, когда туда вошелъ Эндимионъ. Зрѣлище было для него совершенно ново и въ высшей степени интересно. Хотя онъ былъ только гостемъ, но ему позволили сидѣть въ самой залѣ рядомъ съ Трингеромъ, который любезно давалъ ему интересныя для него разъясненія какъ относительно порядковъ, такъ и главныхъ дѣйствующихъ лицъ.

Въ этотъ вечеръ на очереди былъ поставленъ вопросъ о томъ, справедлива-ли была казнь Карла Перваго.

Пренія открылъ, поддерживая положительный тезисъ, молодой человѣкъ съ золотистыми кудрями и съ замѣчательно гармоничнымъ голосомъ. Его аргументація была ясная и спокойная.

— Это Гортензій, шепнулъ Трингеръ.—Онъ будетъ выбранъ въ парламентъ въ ближайшую сессію. Говорятъ, онъ ничего не дѣлалъ въ университетѣ и ничего не хочетъ дѣлать въ судѣ. Но это человѣкъ замѣчательно даровитый. Вы его сейчасъ услышите въ репликѣ.

За Гортензіемъ попросилъ слова очень молодой человѣкъ, говорившій чрезвычайно вычурнымъ языкомъ, замѣчательнымъ между прочимъ по излишеству искусственнаго сарказма и чрезвычайной отшлифованности фразъ, такъ что ораторъ казался строгимъ, не будучи рѣзкимъ. Онъ поддерживалъ мнѣніе Гортензія.

— Это новый кембриджскій стиль, сказалъ Трингеръ,—но только онъ врядъ-ли пойдетъ въ ходъ.

Третьимъ заговорилъ Сирюсъ, хорошій ораторъ, хотя нѣсколько сухой. Эндиміонъ былъ удивленъ ловкостью, съ какою онъ обращалъ въ свою пользу многіе изъ аргументовъ Гортензія и какъ побивалъ втораго оратора, сдѣлавшаго хронологическую ошибку.

— Это вождь тори, пояснилъ Трингеръ.—У насъ не болѣе двадцати тори въ союзѣ, но мы всегда охотно слушаемъ Сирюса; онъ очень остроуменъ. Джаветъ будетъ ему возражать.

Дѣйствительно, этотъ великій нузь поднялся съ своего мѣста. Самымъ сладенькимъ и нѣжнымъ голоскомъ онъ заявилъ, что вовсе не стоитъ противъ обезглавленія королей, скорѣе наоборотъ: если нѣтъ возможности избавиться отъ нихъ инымъ путемъ, то ихъ слѣдуетъ обезглавить. Тѣмъ не менѣе онъ полагалъ, что разбираемый ими случай не можетъ быть оправданъ.

— Вѣчно онъ со своимъ вздоромъ, шепнулъ Трингеръ.

Джаветъ находилъ, что вся рѣчь, которою открыты были пренія, построена на ложномъ основаніи, такъ какъ исходитъ изъ положенія, будто казнь Карла была дѣломъ народа, между тѣмъ какъ она была ни что иное, какъ результатъ интриги Бромвеля, который одинъ и воспользовался ею.

Память Бромвеля защитилъ и прославилъ пламенной рѣчью Мопреоль, не упустившій при этомъ случая осыпать проклятіями королей и епископовъ, церковь и правительство, и въ заключеніе выразившій горячее желаніе дожить до той минуты, когда въ Англіи водворится, наконецъ, республика.

— Онъ не попалъ въ кандидаты отъ Ретльтона только потому, что ему не хватило девяти голосовъ, сказалъ Трингеръ.—Мы

зовешъ его „лордомъ протекторомъ“, и друзья его думаютъ, что онъ дѣйствительно имъ будетъ.

Пренія закончились черезъ часъ новой рѣчью Гортензіа. Эндимионъ былъ пораженъ контрастомъ между его первой рѣчью и настоящей. Невозможно описать дерзости его возраженій и бури его краснорѣчія. Быстрый, насмѣшливый, живописный, молніеносный, онъ, казалось, все ломалъ предъ собой и походилъ на прежняго Гортензіа только своимъ гармоничнымъ голосомъ, придававшимъ мелодію негодованію и достигавшимъ иногда глубины пафоса.

Эндимионъ ушелъ домой задумчивый.

— Я готовъ-бы прослыть какимъ угодно лѣнтяемъ, сказалъ онъ Трингеру, — лишь-бы только мнѣ говорить, какъ Гортензіи!

ГЛАВА XII.

Снѣгъ падалъ густыми хлопьями, когда, почти черезъ годъ послѣ своего поступленія на службу, Эндимионъ подвѣзжалъ передъ рождественскими праздниками въ знакомомъ дилижансѣ къ родительскому дому.

Его встрѣтили отецъ и Мирра; матери съ ними не было.

— А гдѣ мама? спросилъ онъ.

— Она сейчасъ придетъ, сказалъ мистеръ Феррарсъ, нѣсколько смутившись.

— Нѣтъ, лучше ужъ пусть онъ идетъ къ ней, сказала Мирра.

Затѣмъ, отведя брата въ сторону, она шепнула:

— Я пойду съ тобою. Старайся держать себя по старому, какъ будто ты не замѣчаешь никакихъ переиѣнъ.

Она вошла въ комнату первую, съ цѣлью настроить мать на соответствующій тонъ.

— Мы всѣ такъ рады Эндимиону, милая мама. А ужъ папа какъ радъ!

По данному сестрой знаку, Эндимионъ вошелъ къ матери. Мистериссъ Феррарсъ съ дикимъ хохотомъ бросился къ нему и закрычала:

— О, я такъ рада, о, ужъ какъ я рада!

Онъ обнялъ ее, но съ трудомъ могъ повѣрить, что это мать. Лицо ея исхудало и вмѣстѣ съ тѣмъ покрылось красными пят-

нами; воспаленные глаза слезились; голосъ, нѣкогда столь мелодичный, сталъ хриплымъ, рѣзкимъ, порывистымъ.

Она не переставала говорить, но, какъ заведенная машина, все въ одномъ и томъ-же тонѣ и на одну и ту-же тему: радости по поводу прїѣзда Эндимиона. Когда-же она стала переходить къ воспоминаніямъ о прошломъ, Мирра вмѣшалась въ разговоръ:

— А знаете, мама, сказала она, — вѣдь вы сегодня объдаете съ нами и вамъ пора одѣваться.

Затѣмъ она сдѣлала Эндимиону знакъ, чтобъ онъ ушелъ.

Мистриссъ Феррарсъ дѣйствительно пришла къ обѣду, но въ ту минуту, когда собиралась выпить бокалъ вина за здоровье Эндимиона, съ нею вдругъ сдѣлалась истерика.

— Бѣдняжка, прошепталъ мистеръ Феррарсъ. — Твой прїѣздъ взволновалъ ее.

На другой день Эндимионъ въ сопровожденіи сестры сдѣлалъ визитъ пастору, гдѣ встрѣтилъ Нигеля, тоже прїѣхавшаго на праздники домой. Они очень обрадовались другъ другу. Нигель значительно возмужалъ съ тѣхъ поръ, какъ они послѣдній разъ видѣлись. Онъ выросъ, похорошѣлъ и сталъ замѣчательно красно-рѣчивъ; аргументація его сдѣлалась рельефнѣе и неотразимѣе. Вообще онъ представлялъ собою нѣчто среднее между пророкомъ и инквизиторомъ, соединяя въ себѣ то, что такъ рѣдко встрѣчается вмѣстѣ — энтузіазмъ съ самообладаніемъ.

Человѣкъ болѣе наблюдательный, чѣмъ Эндимионъ, замѣтилъ-бы, что каждый разъ какъ Нигель, повидимому, обращался къ нему, на самомъ дѣлѣ онъ старался подѣйствовать на его сестру. Уходя отъ пастора, онъ не могъ не воскликнуть:

— Нигель такъ-же твердъ въ своихъ убѣжденіяхъ, какъ и прежде.

— Да, отвѣчала Мирра. — Въ придачу онъ очень уменъ и очень красивъ. Какъ жаль, что онъ будетъ священникомъ; я такъ не люблю поповъ.

Въ этотъ день м-риссъ Феррарсъ уже не пришла къ обѣду.

Эндимионъ зашелъ къ ней. Она говорила еще безсвязнѣе, чѣмъ вчера, и думала, какъ это можно было заключить изъ ея словъ, что сынъ прїѣхалъ къ ней навсегда. Къ вечеру съ ней сдѣлалось дурно, а къ ночи еще хуже. Мистеръ Феррарсъ послалъ за ближайшимъ врачомъ, который, осмотрѣвъ больную, сказалъ, что

положеніе ея серьезно. У нея была лихорадка, но какая—опредѣлить было трудно. Докторъ привезъ съ собой нѣсколько лекарствъ и оставался ночевать у больной. Во всю ночь никто не смыкалъ глазъ. Лихорадка все не прекращалась, и къ утру появились другіе опасные симптомы. Нигель сказалъ, что знаетъ въ Оксфордѣ врача—спеціалиста, котораго хорошо было-бы пригласить. Такъ какъ дѣло было на столько спѣшно, что прибѣгать къ почтѣ не было возможности, то Нигель, всегда имѣвшій верховныхъ лошадей, въ одну минуту былъ на конѣ.

— Если мнѣ удастся уговорить доктора пріѣхать, то онъ будетъ здѣсь черезъ четыре часа. Во всякомъ случаѣ я не вернусь одинъ.

Ужасы были эти четыре часа. Мистеръ Феррарсъ, убитый горемъ, устремивъ неподвижный взглядъ въ пространство, слушалъ добродушную болтовню пастора, старавшагося его развлечь. Мирра безвыходно сидѣла у матери; Эндимионъ бродилъ по комнатамъ, съ глазами, полными слезъ. Онъ ни о чемъ не могъ думать кромѣ любви и нѣжности, которая всегда расточала ему мать, и ему было невыразимо больно вспоминать, какъ мало цѣнилъ онъ всю ея доброту.

Нигелю удалось уговорить доктора. Не успѣло еще закатиться солнце, какъ онъ уже пріѣхалъ въ коляскѣ съ оксфордскимъ врачомъ. Все, что могла сдѣлать наука, было испробовано, но тщетно. Четыре дня спустя, какъ разъ въ послѣдній день праздника, котораго такъ долго ждалъ Эндимионъ, мистеръ Феррарсъ навѣки закрылъ глаза этой блестящей женщины, которая въ теченіи столькихъ лѣтъ дѣлила съ нимъ радость и горе.

Вскорѣ послѣ похоронъ мистриссъ Феррарсъ, Нигель, блистательно выдержавъ экзаменъ, былъ посвященъ иѣстиннымъ епископомъ. Всѣ думали, что онъ останется при университетѣ и сдѣлается однимъ изъ его свѣтилъ, чтобы потомъ занять одно изъ самыхъ высшихъ иѣстъ въ церковной администраціи. Но вмѣсто того Нигель объявилъ, что намѣренъ сдѣлаться викаріемъ своего отца и похоронить себя въ Герстли.

Раннимъ лѣтомъ онъ переселился туда и сталъ очень часто бывать у мистера Феррарса. Несмотря на разницу лѣтъ, въ возраженіяхъ ихъ было много сходнаго. Нигель охотно слушалъ Феррарса и нерѣдко обращался къ нему за совѣтомъ, вѣря въ его

жизненную опытность и развитой умъ, что породило сильную симпатію со стороны послѣдняго, такъ какъ нѣтъ ничего болѣе лестнаго, чѣмъ добровольное преклоненіе высоко развитаго ума. Когда же послѣдній соединяется съ молодостью, то очарованіе становится почти непреодолимымъ.

Смерть жены была тяжелымъ ударомъ для мистера Феррарса. Выраженіе его измученнаго, но все еще красиваго лица стало еще печальнѣе. Миррѣ стоило величайшихъ трудовъ заставить его отъ времени до времени прогуляться, и онъ совершенно утратилъ свою прежнюю способность интересоваться всѣмъ его окружающимъ. Поэтому молодая дѣвушка была всегда рада приходу Нигеля, который одинъ умѣлъ развлекать ея отца. Но не для него одного ходилъ онъ.

Однажды, молодая дѣвушка, гуляя по одной изъ аллей сада, встрѣтилась съ Нигелемъ, который тотчасъ-же подошелъ къ ней.

— Я знаю, что не въ состояніи сказать вамъ ничего новаго относительно вашего брата, началъ онъ, — но все-таки сообщу вамъ, что получилъ сегодня письмо отъ Эндиміона. Онъ, кажется, очень заинтересованъ своимъ „Клубомъ преній“.

— Я очень рада, что онъ сталъ его членомъ, отвѣчала Мирра. — Какой милый этотъ мистеръ Трингеръ. Мнѣ ужасно жаль, что я не могу поблагодарить его за все, что онъ сдѣлалъ для Эндиміона. Благодаря ему-же, братъ попалъ и въ клубъ. Это занимаетъ у него два вечера въ недѣлю и даетъ ему тему для работъ и размышленій въ промежутки.

— Да, задумчиво сказалъ Нигель. — Это прекрасная школа для него, если только онъ готовится къ политической дѣятельности.

— Бѣдняжка! со вздохомъ сказала Мирра. — Какая общественная дѣятельность можетъ предстоять ему. Развѣ, только, гнуть спину за своими бумагами; но у всякаго есть свои мечты.

— Да, у всякаго свои мечты, сказалъ, какъ будто про себя, Нигель.

— Какое прелестное осеннее утро, замѣтила Мирра. — Но я предпочитаю лѣто, когда можно гулять по цѣлымъ днямъ и объѣдать въ девять часовъ вечера.

— Да, это прелестно, — въ обществѣ пріятнаго товарища.

— Такимъ былъ для меня Эндиміонъ.

— Но онъ насъ оставилъ, сказалъ Нигель, — и вы одна.

— Да, я одна, отвѣчала Мирра,—но я привыкла къ уединенію и могу о немъ думать.

— Желалъ-бы я быть Эндимиономъ, чтобъ вы обо мнѣ иногда подумали!

Мирра бросила на него удивленный взглядъ, но онъ продолжалъ:

— Всѣ времена года казались-бы мнѣ очаровательными, лишь-бы только вы были со мною. Да, я не могу скрывать долѣе неудержимаго признанія. Я люблю васъ, Мирра... Я бросилъ Оксфордъ, карьеру,—все, чтобъ только имѣть счастье быть иногда въ вашемъ обществѣ. Я не возносился мыслью, и думалъ, что этого съ меня будетъ довольно, но теперь я не могу скрываться долѣе. Возьмите мое сердце и мою жизнь!

— Я удивлена, поражена, сказала Мирра.—Извините, дорогой мистеръ Пенруддокъ, дорогой Нигель, вы говорите о вещахъ, о которыхъ я никогда до сихъ поръ не думала.

— Подумайте, умоляю васъ, подумайте и рѣшайте!

— Мы—падшее семейство, сказала Мирра,—быть можетъ осужденное свыше. Вы были свидѣтелемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ горестей и старались облегчить ихъ. Я буду вѣчно благодарна вамъ за это, но иногда мнѣ кажется, что чаша нашихъ страданій еще не испита нами до дна, и я твердо рѣшила одна нести свой крестъ и не покину отца.

— Я уже говорилъ съ вашимъ отцомъ, сказалъ Нигель,—и онъ далъ свое согласіе.

— Пока мой отецъ живъ, сказала Мирра,—я не покину его. Но вы меня не поняли. Я живу не для отца, а для другаго.

— Для другаго? съ тревогой спросилъ Нигель.

— Да, и вы его знаете. Жизнь моя посвящена Эндимиону. Между нами какая-то таинственная связь, объясняемая, быть можетъ, нашимъ рожденіемъ: вѣдь мы близнецы. Ни одной минуты не думаю я обременять его собою, и, можетъ быть, впоследствии мнѣ придется видѣть его еще рѣже, чѣмъ теперь. Но я должна остаться въ свѣтѣ, въ дѣятельномъ, кипучемъ свѣтѣ, какова-бы ни была моя судьба, высокая или низкая, чтобъ думать, заботиться, работать для него. Я долго объ этомъ думала, сказала она въ сильномъ возбужденіи,—и пришла къ убѣжденію, что человѣкъ, непреклонно стремящійся къ одной цѣли, непремѣнно достиг-

нетъ ее и что нѣтъ препятствій, которыхъ не одолѣла бы воля человѣка, если для достиженія ея онъ не остановится даже предъ собственной гибелью.

ГЛАВА XIII.

Весною на Уарвикъ-Стритѣ у мистера Роднея случилась большая непріятность. Почтенный членъ парламента, нанимавшій по-годно весь первый этажъ въ его домѣ и всегда платившій въ высшей степени аккуратно, неожиданно умеръ. Въ первое время мистеръ Родней утѣшалъ себя надеждой, что такая прекрасная квартира не останется безъ постояльца. Но время шло, а постоялецъ не являлся. Между тѣмъ ущербъ въ финансахъ становился все замѣтнѣе и замѣтнѣе. Дошло до того, что мистеръ Родней, въ первый разъ со времени водворенія своего на Уарвикъ-Стритѣ, рѣшился вывѣсить объявленіе объ отдачѣ мебелированныхъ комнатъ.

Въ это-то время, однажды утромъ, къ дому подѣхалъ кабриолетъ, откуда проворно выскочилъ молодой человѣкъ и, громко постучавъ въ дверь, спросилъ служанку, здѣсь-ли отдаются квартиры. Незнакомцу было лѣтъ двадцать, не больше. Онъ былъ строенъ, немного выше средняго роста, съ лицомъ хотя не совсѣмъ правильнымъ, но чрезвычайно благороднымъ. Костюмъ его былъ безукоризненно изященъ, хотя опытный глазъ могъ замѣтить, что онъ иностраннаго покроя.

— Квартира мнѣ нравится, и я не сомнѣваюсь, что цѣна, которую вы за нее назначаете, не высока, сказалъ онъ, вѣжливо кланаясь вышедшей къ нему мистрисъ Родней.

— Очень пріятно, сказала она. — Но только мы до сихъ поръ никогда не отдавали ее иначе, какъ на годъ.

— Что-жъ, я и на это согласенъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— Въ этихъ случаяхъ, сказала мистрисъ Родней, — даются рекомендаціи. Моего мужа очень хорошо знаютъ въ околосѣ. и въ Вестминстерѣ вообще. По всей вѣроятности, ловко прибавила она, — у васъ найдутся съ нимъ общіе знакомые, сэръ?

— Едва-ли. Я иностранецъ и только сегодня прибылъ въ Англію, отвѣчалъ незнакомецъ, говорившій, впрочемъ, безъ малѣйшаго иностраннаго акцента.

На лицѣ мистриссъ Родней выразилась нерѣшительность. Но молодой человекъ продолжалъ:

— Я отлично понимаю ваше желаніе узнать, съ кѣмъ вы имѣете дѣло, но, къ сожалѣнію, у меня нѣтъ никого знакомыхъ. Впрочемъ, прибавилъ онъ, доставая изъ бумажника билетъ во сто фунтовъ,— я могу заплатить впередъ.

— О, это совершенно лишнее, сказала мистриссъ Родней, крѣпко хватая въ свои хорошенькія ручки банковый билетъ.

„Какой милый молодой человекъ!“ подумала она про себя.

— Теперь позвольте мнѣ оставить вамъ мою визитную карточку на случай полученія писемъ и посылокъ.

На карточкѣ было написано: полковникъ Альбертъ.

Водвореніе полковника Альберта на Уарвикъ-Стритъ было событіемъ первостепенной важности для всего дома. Кто онъ? Откуда? Зачѣмъ пріѣхалъ въ Лондонъ? Мистеръ Родней, какъ человекъ опытный, полагалъ, что всѣ нужны свѣденія можно будетъ современемъ получить отъ лакея полковника. Но оказалось, что послѣдній—бельгіецъ, нанятый въ Брюсселъ всего за нѣсколько дней до отъѣзда. Даже при всемъ желаніи онъ не могъ ничего рассказать. Новый постоялецъ держалъ себя нѣсколько странно: по цѣлымъ днямъ онъ сидѣлъ дома, точно плѣнникъ, нигуда не выходя и никого у себя не принимая. Мистеръ Родней надѣялся было проникнуть къ нему въ качествѣ хозяина, но это оказалось довольно труднымъ, потому что полковникъ Альбертъ не дѣлалъ рѣшительно никакихъ замѣчаній и былъ всѣмъ доволенъ.

По прошествіи перваго мѣсяца, въ образѣ жизни полковника произошла перемѣна. Однажды утромъ прекрасно одѣтый грумъ подвелъ къ воротамъ дома великолѣпнаго кровнаго коня. Полковникъ уѣхалъ и не возвращался до ночи. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ уѣзжать каждый день и всегда въ одну и ту-же пору.

Еще черезъ нѣсколько времени случилось другое событіе, тоже возбуждившее не мало толковъ. Передъ домомъ остановилась карета съ иностраннымъ гербомъ, и изъ нея вышелъ среднихъ лѣтъ человекъ, который съ тѣхъ поръ сталъ довольно часто навѣщать полковника. Онъ никогда не говорилъ своего имени, и лакей, допрошенный также и объ этомъ, могъ только сказать, что его зовутъ барономъ.

Эндимионъ наравнѣ со всѣми членами пріютившаго его семейства

интересовался таинственнымъ незнакомцемъ. Но вскорѣ другія думы и заботы должны были поглотить его.

Въ срединѣ іюня пришло письмо отъ пастора Пенруддока, въ которомъ тотъ увѣдомлялъ его объ опасной болѣзни отца и звалъ его немедленно домой. Мирра была такъ занята, что не могла написать ни слова.

Послѣднее показалось Эндимиону очень страннымъ и совершенно на нее не похожимъ. Мирра писала ему почти каждый день; ну, жели же она не могла написать хоть строчку? Тяжелыя предчувствія мучили Эндимиона во все время его томительнаго путешествія въ Герстли.

У воротъ Герстли его ждалъ мистеръ Пенруддокъ.

— Мирра у насъ, пойдите туда.

— Ну, что отецъ?

— Дѣло серьезно, сказалъ мистеръ Пенруддокъ, уклоняясь отъ прямого отвѣта и ускоряя шагъ.

Черезъ пять минутъ они были въ домѣ пастора.

— Дорогой другъ, сказалъ ему старикъ, — приготовьтесь къ худшему.

— О, Боже, такъ онъ уже умеръ! Бѣдный, бѣдный папа!

Закрывъ лицо руками, онъ горько зарыдалъ.

Пасторъ въ волненіи сталъ ходить по комнатѣ. Онъ не отрицалъ предположенія Эндимиона, но вмѣстѣ съ тѣмъ воздерживался отъ утѣшеній и соболѣзнованій, которыя обыкновенно говорятъ въ этихъ случаяхъ.

— Миѣ нужно видѣть Мирру, сказалъ Эндимионъ, поднимая на мистера Пенруддока дикій взглядъ.

— Погодите немного, сказалъ пасторъ. — Она очень взволнована. Вашъ бѣдный батюшка умеръ, это правда; но... тутъ старикъ замаялся, — умеръ неблагополучно.

— Что вы хотите этимъ сказать? воскликнулъ Эндимионъ.

— У вашего бѣднаго батюшки было много горя. Смерть дорогой мистриссъ Феррарсъ окончательно сразила его. Съ тѣхъ поръ онъ не могъ оправиться и не всегда былъ въ нормальномъ состояніи. Я могу это засвидѣтельствовать, чтобы доказать...

— Доказать, что?

— Чтобы доказать, сказалъ Пенруддокъ тихимъ голосомъ, — что онъ былъ не въ своемъ умѣ, когда совершилъ ужасное дѣло.

— О, мистеръ Пенруддокъ, воскликнулъ Эндимионъ, (вскакивая со стула и хватая его за руки, — ради Бога скажите, что все это значить!

— Ужасное горе разразилось надъ вами, надъ вашей сестрой и надъ всѣми нами. Вашъ батюшка умеръ не своею смертью.

Такъ кончилъ свою жизнь мистеръ Уильямъ Питъ Феррарсъ, начавшій ее такъ свѣтло и блистательно.

Эндимионъ увидѣлся съ сестрою только на другой день. Время она была съ мистриссъ Пенруддокъ, не оставившей ее ни на одну минуту.

Она пошла ему навстрѣчу и нѣжно обняла его. Лицо ея было серьезно, но на глазахъ не виднѣлось ни капли слезъ.

Когда на другой день они осмотрѣли бумаги покойнаго, то оказалось, что самыя мрачныя предчувствія Мирры оправдались. Мистеръ Феррарсъ умеръ совершенно нищимъ. Онъ оставивъ письмо, адресованное Миррѣ, которое та прочла блѣдная какъ полотно и, не показавъ Эндимиону, бросила въ огонь. Немедленно приступили къ продажѣ имущества, для покрытiя мелкихъ долговъ покойнаго.

— Мнѣ нужно всего десять фунтовъ, говорила Мирра, — потому что я рассчитала, что съ десятью фунтами могу доѣхать до какого угодно города Англiи.

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ Эндимионъ, чуть не рыдая, — мы никогда больше не разстанемся!

— Это было бы гибелью для насъ обоихъ, сказала Мирра. Нѣтъ, я не стану стѣснять тебя! Я уже обдумала, что мнѣ дѣлать. Одна я ничего не боюсь. Мнѣ немного нужно. Я буду трудиться и думать о тебѣ. Пока я остаюсь у пастора, но не на долго. Придетъ время, Эндимионъ, когда ты будешь великъ; не забудь тогда добраго Пенруддока!

ГЛАВА XIV.

Однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ домовъ Англiи былъ домъ Ньючетеля. Отецъ теперешняго представителя его былъ любимцемъ и правой рукой Питта и руководилъ важнѣйшими изъ финансовыхъ реформъ, совершенныхъ въ его управленiи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

былъ главою одной изъ богатѣйшихъ банкирскихъ конторъ Лондона. Питтъ желалъ провести его въ парламентъ и готовъ былъ осыпать всевозможными почестями, но мистеръ Ньючетель отклонялъ отъ себя всѣ подобныя предложенія. Это былъ одинъ изъ тѣхъ сильныхъ характеровъ, которые, при полномъ отсутствіи личнаго честолюбія, задаются какими-нибудь грандіозными цѣлями въ будущемъ. Ньючетель думалъ только объ одномъ: возвысить свой родъ. Такъ, напримѣръ, приобрѣтя за нѣсколько милліоновъ фунтовъ великолѣпный замокъ Эйно, онъ самъ ни разу не ночевалъ даже въ немъ.

— Это пусть остается для сына, говаривалъ онъ съ скромной улыбкой.

Унаслѣдовавъ отъ отца его несмѣтныя богатства, Адріанъ Ньючетель наслѣдовалъ отъ него еще нѣчто другое, гораздо болѣе важное, а именно его рѣдкія дарованія, соединивъ ихъ съ большимъ образованіемъ и честолюбіемъ, котораго совершенно былъ лишенъ отецъ. При жизни послѣдняго, Адріанъ не выдвигался впередъ и занимался исключительно дѣлами. Вскорѣ послѣ его смерти, онъ выступилъ кандидатомъ въ парламентъ отъ торійской партіи; но послѣ 30 года онъ удивилъ всѣхъ, вотируя вмѣстѣ съ лордомъ Греемъ въ пользу билля о реформѣ. Приобрѣтеніе такого крупнаго сторонника было великимъ торжествомъ для молодой либеральной партіи. Когда, во время парламентскихъ выборовъ, среди ихъ сторонниковъ распространились тревожные слухи о колоссальной подпискѣ на торійскую агитацію, причѣмъ приводилась даже цифра взноса одного герцога, которая уже сама по себѣ могла наполнить ужасомъ сердца виговъ, мистеръ Ньючетель, узнавъ объ этомъ при входѣ въ свой клубъ, сказалъ:

— Такъ это васъ немножко пугаетъ?

При этомъ онъ улыбался ему одному свойственной улыбкой, которая, казалось, говорила: „я сдѣлаю то, чего вы хотите, но только я вижу насквозь и васъ, и всѣхъ вашихъ“.

— Такъ это васъ немножко пугаетъ? повторилъ онъ.— Ну хорошо, нужно и намъ, лавочникамъ, показать, что и мы не хуже герцоговъ. Запишите двойную сумму отъ моего имени.

Почти каждый день у Ньючетелей были многолюдныя обѣды. Собирались къ нему люди всевозможныхъ партій и отгѣнковъ.

— Супъ изъ черепахи дѣласть всёхъ людей друзьями, говаривалъ мистеръ Ньючетель.— Нашъ другъ Траджитъ смутился въ первую минуту, когда я представилъ ему достопочтеннаго мистера Н., но потомъ, когда они сѣли за столъ рядомъ, все пошло у нихъ какъ по маслу.

Адріанъ женился очень рано на дѣвушкѣ, выбранной его отцомъ. Она была дочерью богатаго банкира и принесла съ собою весьма значительное приданое, что, впрочемъ, не имѣло важности въ данномъ случаѣ. Не этимъ, а своими личными качествами остановила она на себѣ выборъ старика Ньючетеля. Это была дѣвушка въ высшей степени образованная, на воспитаніе которой ничего не жалѣли ея родители. Она отлично знала нѣсколько языковъ, прекрасно пѣла и была не только остроумна, но даже краснорѣчива. Не будучи красавицей, мистриссъ Ньючетель обладала очень пріятной наружностію, а черные бархатные глаза ея были положительно очаровательны.

У нихъ была всего одна дочь — богатѣйшая невѣста въ Англіи. Ее называли по отцу Адріанной, и теперь ей минуло семнадцать лѣтъ. Если-бы природа не надѣлила ее самымъ ангельскимъ характеромъ, родители навѣрное испортили-бы ее, потому что и отецъ, и мать въ ней души не чаяли. Увидѣть дочь, поболтать съ нею — было для Ньючетеля наградой за всё его дневные труды; и среди самыхъ важныхъ дѣлъ онъ всегда урывалъ минуту, чтобы придумать ей какойнибудь сюрпризъ. Всякое ея желаніе удовлетворялось въ ту-же минуту, но, увы, эта счастливая дѣвушка ничего не желала! Она любила книги и природу; боялась людей и чувствовала себя хорошо только съ матерью. Ее угнетало ужасное и унижительное сознаніе, что за ней ухаживаютъ только ради ея богатства.

— Дочь моя, говорилъ Адріанъ, раздумывая о своихъ домашнихъ дѣлахъ, — становится черезчуръ дика и нелюдима. Ей нужна подруга однихъ съ нею лѣтъ, которая могла-бы имѣть на нее благотворное вліяніе. Это должна быть дѣвушка хорошаго происхожденія, образованная и совершенно самостоятельная; я не хочу имѣть у себя дома паразита. Такую дѣвушку найти очень трудно. Однако говорятъ, что, при желаніи, найти можно все. Нужно будетъ напечатать объявленіе въ Таймсъ. Я всегда предпочиталъ этотъ путь и лучшихъ своихъ служащихъ приобрѣталъ

именно этия способъ. Если обратиться за совѣтомъ къ друзьямъ, то не будетъ конца кумовству.

Черезъ нѣсколько времени, въ Таймсѣ появилось слѣдующее объявленіе:

„Банкиръ и его жена желаютъ имѣть компаньонку для своей единственной дочери, молодую дѣвушку, однихъ съ нею лѣтъ, вполне образованную, которая будетъ принята въ домъ, какъ дочь. Ей предоставится своя половина, своя прислуга и экипажъ, и во всѣхъ прочихъ отношеніяхъ положеніе обѣихъ дѣвушекъ будетъ одинаково. Молодая особа должна обладать симпатичной внѣшностью и достаточной опытностью и характеромъ, чтобы руководить своей подругой. Аресоваться письменно. 45, Бишопсетъ-Стритъ Г. Г.“

Это объявленіе попало на глаза Миррѣ, въ домъ пастора, гдѣ она поселилась на-время, и она рѣшилась отвѣтить на него. Письмо ея понравилось Ньючетелю, и онъ вступилъ въ переписку съ мистеромъ Пенруддомъ. Было рѣшено, что миссъ Феррарсъ сдѣлаетъ визитъ Ньючетелямъ, и если, при свиданіи съ Адрианной, онѣ понравятся другъ другу, то приглашеніе состоится.

Черезъ нѣсколько времени добрый мистеръ Пенрудокъ пріѣхалъ въ Эйно, чтобы представить Мирру.

ГЛАВА XV.

— Какъ она тебѣ понравилась, мама? спросила Адрианна, вбѣгая въ уборную матери, за нѣсколько минутъ до обѣда.

— Она держитъ себя безукоризненно, отвѣчали мистриссъ Ньючетель;—мнѣ кажется, что намъ посчастливилось. Ну, а тебѣ какъ она нравится? Вѣдь это главное.

— О, она божественна! Но только мнѣ кажется, что у нея нѣтъ сердца.

— Почему-же ты такъ думаешь? Ты всего первый разъ ее видишь и уже дѣлаешь такое заключеніе.

— Когда я повела ее въ свою комнату, то со мной сдѣлался точно нервный припадокъ. Я разрыдалась и бросилась ей на шею, но она только чуть коснулась губами до моего лба и ничего не сказала.

— Она дала тебѣ отличный урокъ, сказала мистриссъ Ньючетель. — Ты всего часть, какъ познакомилась съ ней, а уже держишь себя, точно вы выросли вмѣстѣ.

Мирра съ того-же дня поселилась у Ньючетелей, и вскорѣ между нею и семействомъ банкира установились самыя хорошія отношенія. Обѣ стороны были одинаково довольны. Мирра радовалась, что вырвалась наконецъ изъ этой „норы“, которую она всегда ненавидѣла. Ньючетели нашли въ молодой дѣвушкѣ все, чего они желали. Мистриссъ Ньючетель была довольна Миррой, потому что въ ней она имѣла собесѣдницу, способную понимать всѣ ея мысли, какъ-бы они ни были возвышенны или тонки. Адрианна буквально боготворила свою подругу, ровный характеръ и сильный умъ которой не могли не очаровать ея робкое и чувствительное сердце. Что-же касается самого мистера Ньючетеля, дѣйствительно обладавшаго тою способностью отгадывать людей, которую любила хвастать его жена, то онъ успѣлъ уже составить себѣ совершенно ясное представленіе о Миррѣ послѣ первой-же встрѣчи и даже послѣ первыхъ писемъ.

— Въ ней больше здраваго смысла, говорилъ онъ, — чѣмъ во всѣхъ женщинахъ, которыхъ я когда-либо встрѣчалъ. Если-бы она не была такъ хороша собой, то всѣ сказали-бы про нее то-же; но никто не можетъ допустить, чтобы такая красавица обладала головой, способной управиться съ моимъ банкомъ не хуже меня самого.

Въ первое время послѣ своего пріѣзда, Мирра не хотѣла обѣдать за общимъ столомъ, потому что у Ньючетелей всегда бывала масса гостей, съ которыми Миррѣ было-бы тяжело встрѣчаться послѣ недавней катастрофы.

Сначала Адрианна объявила, что и она желаетъ раздѣлять заключеніе своей подруги.

— Тирьяма наша не слишкомъ печальна, сказала Мирра, не безъ удовольствія окидывая взглядомъ свою прелестную комнату. — Бъ тому-же у васъ нѣтъ никакого основанія обрывать себя на такую печальную долю. Вы не лишились отца и, надѣюсь, никогда его не лишитесь.

— Дай Богъ, сказала Адрианна. — Такого несчастія я-бы не перенесла.

— Утро принадлежитъ намъ, сказала Мирра, — вечера-же слѣ-

дуетъ отдавать обществу, друзьямъ, которыхъ вы любите и которые васъ любятъ.

Адрианна покачала головой.

— Я не хочу ничьей любви, кромѣ вашей.

— Конечно, я васъ люблю, сказала Мирра, — но не сомнѣваюсь, что и другіе будутъ любить васъ.

— Да, но не ради меня самой! со вздохомъ отвѣчала Адрианна.

— Ахъ, перестаньте, пожалуйста, милая Адрианна; — вы знаете, что я не люблю, когда вы такъ говорите. Во-первыхъ, это неприятно, во-вторыхъ — совершенно несправедливо. Я думаю, что женщины любятъ ради нихъ самихъ гораздо больше, чѣмъ это обыкновенно полагаютъ. Какое намъ дѣло до того, въ какой мѣрѣ случайности жизни повліяли на развитіе любви къ намъ! Намъ любить — и этого довольно. Да наконецъ, отчего вы думаете, что васъ не могутъ полюбить ради васъ самой? Вы очень не дурны собою. По-моему, вы даже хорошенькая. Вы образованны и обладаете самымъ золотымъ сердцемъ въ мѣрѣ. Вамъ недостаетъ нѣкоторой самоувѣренности, моя милая. Еслибъ я была на вашемъ мѣстѣ и мной восхищались, я-бы никогда не думала о своемъ богатствѣ.

— Еслибъ вы были богатѣйшей невѣстой въ мѣрѣ и вамъ сдѣлали предложеніе, то никто не предположилъ-бы ни на минуту, что это ради вашего богатства.

— Ступайте внизъ обѣдать, сказала Мирра, улыбаясь, — и будьте ласковѣе со всѣми, а вечеромъ вы расскажете мнѣ про свои побѣды.

Мѣсяца черезъ два, Мирра стала являться въ гостинной Ньючетелей, сперва въ тѣ дни, когда тамъ было мало гостей. Хотя теперешняя ея жизнь и была далека отъ идеала, къ которому она стремилась, однако ей все-же нравился этотъ живой, энергичный мѣрѣ, полный тревогъ и блеска.

Однажды утромъ, за завтракомъ, мистеръ Ньючетель сказалъ:

— Сегодня у насъ обѣдаютъ нѣсколько джентльменовъ, въ томъ числѣ одинъ, съ которымъ вы незнакомы. Это очень интересный молодой человекъ. Мнѣ пришлось имѣть съ нимъ дѣло въ Сити, и онъ мнѣ очень понравился. Это иностранецъ, хотя онъ и говоритъ по-англійски не хуже любого изъ насъ.

— Въ такомъ случаѣ онъ навѣрное не французъ, замѣтила

мистриссъ Ньючетель, — потому что они всегда говорятъ очень скверно.

— Этого я вамъ не скажу, отгадайте сами. Но только прошу васъ всѣхъ быть съ нимъ любезнѣе. Онъ человѣкъ не дюжинный, увѣряю васъ.

— Какъ это таинственно! воскликнула мистриссъ Ньючетель. Мнѣ очень захотѣлось взглянуть на вашего незнакомца.

Гости начали прїѣзжать за часъ до обѣда, чтобы прогуляться по знаменитымъ садамъ Эйно и взглянуть на какое-нибудь новое рѣдкое растеніе. Но гость, котораго съ такимъ нетерпѣніемъ ждали дамы, не явился. Всѣ вернулись въ залу и уже собрались идти въ столовую, когда дверь отворилась, и въ комнату вошелъ молодой человѣкъ, въ высшей степени изящный, и подошелъ прямо къ хозяину.

— Вы явились какъ-разъ во время, чтобы предложить руку мистриссъ Ньючетель, сказалъ банкиръ.

Затѣмъ, обращаясь къ женѣ, сказалъ: — Полковникъ Альбертъ.

Дамы были очень заинтересованы своимъ новымъ гостемъ. Мистриссъ Ньючетель пустила въ ходъ всѣ свои непогрѣшимые способы для безошибочнаго опредѣленія людей, но, когда дамы остались одиѣ, то отчетъ ея о характерѣ полковника Альберта оказался самымъ поверхностнымъ. Она заявила, что полковникъ сентименталенъ и что она подозрѣваетъ въ немъ поэта. Что-же касается всего прочаго, то ей не удалось даже опредѣлить его національность. Она пыталась заговаривать съ нимъ по-французски и по-нѣмецки, но онъ упорно отвѣчалъ ей всегда по-англійски, хотя называлъ себя иностранцемъ.

Уѣзжая, полковникъ Альбертъ обратился къ Миррѣ и, къ ея великому удивленію, сказалъ:

— Въ теченіи всего обѣда я ломалъ себѣ голову и ничего не могъ припомнить, но только я увѣренъ, что мы съ вами гдѣ-то встрѣчались

— Это рѣшительно невозможно, отвѣчала Мирра, покачавъ головой.

— Въ такомъ случаѣ я васъ, вѣроятно, видѣлъ во снѣ, сказалъ онъ, любезно улыбаясь. — Хорошо видѣть такіе очаровательные сны.

Визитъ полковника Альберта черезъ нѣсколько времени повто-

рился, и вскорѣ онъ сталъ весьма частнымъ гостемъ у Ньючетелей.

— У него никого нѣтъ знакомыхъ въ Лондонѣ, говорилъ мистеръ Ньючетель, — и я радъ случаю доставить ему развлеченіе. Вѣдному молодому человѣку пришлось испытать много несчастій, а между тѣмъ онъ безукоризненный джентльменъ. Если же онъ дѣйствительно поэтъ, какъ ты полагаешь, Эмилія, то тѣмъ лучше для тебя. Ты вѣдь такъ любишь поэтовъ и всегда рада случаю познакомиться съ ними. Въ Воскресенье у насъ будетъ литературный левъ, котораго я пригласилъ нарочно для тебя. Кстати, прибавилъ онъ, обращаясь къ Миррѣ, — пригласите пожалуйста отъ моего имени и вашего брата.

Это было первое приглашеніе, полученное Эндимиономъ, который до сихъ поръ бывалъ только у Мирры, но не былъ представленъ хозяевамъ. Мирра уговорила его принять приглашеніе.

Не безъ волненія вступилъ Эндимионъ въ великолѣпную залу Эйно, въ которой собрался цвѣтъ аристократическаго общества.

Тутъ былъ одинъ изъ министровъ съ женою, и не только посланникъ, но даже посолъ; молодой племянникъ Ньючетеля, членъ парламента — съ хорошенькой женою, и еще нѣсколько важныхъ особъ. Волненіе Эндимиона усиливалось еще тѣмъ, что Мирры не было въ залѣ. Но его смущеніе вскорѣ смѣнилось безграничнымъ удивленіемъ: передъ нимъ сидѣлъ на нѣкоторомъ разстояніи Сентъ-Барбъ въ высокомъ бѣломъ галстухѣ, съ волосами зачесанными самымъ невозможнымъ образомъ, представляя всей своей наружностью самый комичный контрастъ съ цинизмомъ и распущенностью, которые составляли его отличительную особенность у Джо и въ канцеляріи.

Мистеръ Ньючетель представилъ Сентъ-Барба женѣ.

— Вотъ одинъ изъ нашихъ остроумнѣйшихъ писателей, съ которымъ я давно хотѣлъ тебя познакомиться. Онъ ѣдетъ корреспондентомъ отъ остроумнѣшаго изъ нашихъ журналовъ въ Парижъ, столицу остроумія.

Такъ какъ нужно было вскорѣ идти въ столовую, то длинныя бесѣды были невозможны, но мистриссъ Ньючетель успѣла сказать нѣсколько любезностей поэту и сдѣлать тонкое замѣчаніе, обнаруживавшее, какъ хорошо она понимаетъ различіе между остроуміемъ и юморомъ.

За обѣдомъ Эндимионъ сидѣлъ между двумя членами парламента

и съ любопытствомъ прислушивался къ разговору, который они вели другъ съ другомъ, совершенно не замѣчая его присутствія, точно Эндимиона не было между ними.

Очень забавлялъ Эндимиона также и Сен-Барбъ, который сидѣлъ на противоположномъ концѣ стола, рядомъ съ Миррой, и, разгоряченный своимъ торжествомъ, безъ усталости о чемъ-то болталъ съ нею, рѣшительно не подозревая, что его сосѣдка давно уже отлично знакома съ нимъ по письмамъ брата.

Послѣ обѣда, Адрианна, Мирра и Эндимионъ отправились прогуляться въ сосѣдній лѣсъ. Воздухъ былъ свѣжъ, солнце свѣтило ярко. Адрианна была всегда весела въ обществѣ своей дорогой Мирры, и присутствіе ея брата вовсе не уменьшало веселости дѣвушки. Не удивительно, поэтому, что прогулка была самая пріятная.

Видя на большую прогалину, гуляющіе замѣтили приближавшагося къ нимъ всадника, въ сопровожденіи груга.

Эндимионъ нѣсколько отсталъ, собирая цвѣты для Адрианны. Поравнявшись съ дѣвушками, всадникъ остановилъ коня и соскочилъ на землю. Это былъ полковникъ Альбертъ.

— Вы гуляете одни, сказалъ онъ. Позвольте мнѣ быть вашимъ спутникомъ.

— Мы не одни, сказала Адрианна. — Нашъ кавалеръ собираетъ намъ цвѣты. Вы ѣдете въ Эино? Въ такомъ случаѣ можемъ вернуться вмѣстѣ.

Они пошли назадъ къ дому и вскорѣ встрѣтились съ Эндимиономъ, который успѣшилъ подать Адрианнѣ огромный букетъ цвѣтовъ, не замѣтивъ ихъ новаго спутника.

— Какъ они прелестны! воскликнула Адрианна. — Посмотрите, Мирра, развѣ это не во сто кратъ лучше всего, что есть въ нашихъ оранжереяхъ...

Мирра взяла букетъ и стала любоваться имъ. Полковникъ Альбертъ все это время не спускалъ пристального взгляда съ Эндимиона, который, поднявъ глаза, тоже остановился въ изумленіи. Затѣмъ оба они, точно по данному знаку, протянули другъ другу руки.

— Не думалъ я съ вами встрѣтиться, сказалъ полковникъ Альбертъ, крѣпко пожимая руку Эндимиону.

Эндимионъ былъ такъ взволнованъ, что могъ только бормотать

какія-то невнятные фразы. Всѣ четверо пошли дальше. Отставъ на нѣсколько шаговъ, Мирра знакомъ подозвала къ себѣ Эндимиона.

— Отчего ты никогда не говорилъ мнѣ, милый, что знакомъ съ полковникомъ Альбертомъ?

— Съ какимъ полковникомъ Альбертомъ? съ удивленіемъ спросилъ Эндимионъ.

— Съ тѣмъ джентльменомъ, который идетъ впереди.

— Да это графъ Отрантскій. Мы учились съ нимъ вмѣстѣ въ Итонъ.

— Графъ Отрантскій?!

ГЛАВА XVI.

Съ открытіемъ парламентской сессіи открылись и засѣданія „Клуба преній“, членомъ котораго былъ Эндимионъ. Въ одинъ изъ вечеровъ, на очередь былъ поставленъ вопросъ объ управленіи колоніями. Зала была полна, потому что предметъ былъ въ высшей степени интересенъ и въ это самое время общество очень занимало столкновеніе по поводу одного изъ дальнихъ владѣній Англіи. Колоніальный вопросъ былъ хорошо знакомъ Эндимиону, такъ какъ онъ изучалъ его очень долго, и потому, вставъ съ своего мѣста, онъ попросилъ слова. Другой, весьма извѣстный ораторъ тоже всталъ, но раздался всеобщій любезный крикъ: „новый членъ, новый членъ“, заимствованный тоже отъ палаты, и слово было предоставлено Эндимиону. Впослѣдствіи онъ рассказывалъ, что во всю жизнь не испытывалъ волненія, подобнаго тому, которое овладѣло имъ въ эту минуту. Снисходительное вниманіе собранія поддержало его во время первыхъ, довольно безсвязныхъ фразъ, и мало по малу онъ оправился и заговорилъ съ тою полнотою, легкостью и связностью, которая дается только знаніемъ, такъ какъ знаніе составляетъ основу краснорѣчія.

— Какой симпатичный молодой человекъ, сказалъ мистеръ Берти Трименъ своему брату.

Братья Трименъ были величайшіе политиканы клуба и имѣли уже свою собственную партію.

— Да, и говорить онъ хорошо.

— Кто онъ такой? спросилъ мистеръ Берти Трименъ другаго своего сосѣда.

— Писецъ въ казначействѣ или что то въ этомъ родѣ, было ему отвѣтомъ.

— Никогда не видалъ я такого красавца, сказалъ старшій Берти.—Нужно его завербовать къ намъ. Попрошу, чтобъ меня ему представили, когда онъ кончить.

Дѣйствительно, мистеръ Берти,—всегда поглощенный политикой и скорбѣвшій о томъ, что онъ, имѣя двадцать два года, какъ Питтъ, не сдѣлался еще министромъ,—былъ въ тотъ-же вечеръ представленъ Эндимиону и пригласилъ его завтра-же отобѣдать у него за просто.

Мистеръ Берти Трименъ, получившій въ наслѣдство отъ отца значительное состояніе, жилъ въ Гроссвеноръ-Стритъ, на довольно широкую ногу. Чуть не съ пеленокъ онъ убѣдилъ себя, что предназначенъ судьбою сдѣлаться первымъ министромъ Англіи и до такой степени проникся этой вѣрой, что, окруживъ себя молодыми людьми, жаждавшими успѣха на политическомъ поприщѣ, онъ уже заранѣе подѣлилъ между ними и министерскіе портфели, и административныя должности.

Къ этому-то великому мужу и отправился на другой день Эндимионъ. Мистеръ Берти Трименъ встрѣтилъ его очень любезно и за обѣдомъ усадилъ съ собою рядомъ. Послѣ обѣда, во время котораго ораторствовалъ почти одинъ Берти Трименъ, они вошли въ бібліотеку хозяина, снабженную множествомъ сочиненій по исторіи и политическимъ наукамъ и украшенную бюстами знаменитыхъ государственныхъ людей и мудрецовъ.

Усѣвшись вмѣстѣ съ Эндимиономъ на диванъ, мистеръ Берти Трименъ сказалъ:

— Вы, конечно, думаете попасть въ парламентъ?

— Право не знаю, отвѣчалъ нѣсколько смущенно Эндимионъ. Я мало объ этомъ думалъ; къ тому-же я вѣдь еще не достигъ парламентскаго возраста.

— Чѣмъ скорѣе человѣкъ попадетъ въ парламентъ — тѣмъ лучше, сказалъ мистеръ Трименъ Берти.—Я думаю поступить въ эту сессію. Откроется вскорѣ вакантное мѣсто, и я обезпечилъ себѣ выборъ.

— Въ саможъ дѣлѣ? сказалъ Эндимионъ.— Мой отецъ былъ въ

парламентѣ, мой дѣдъ тоже; что касается меня, то мнѣ, право, трудно себя представить, какъ-бы я могъ попасть туда.

— Вамъ слѣдуетъ вступить въ какую-нибудь партію, сказалъ мистеръ Берти.— А такъ какъ вы молоды, то вамъ необходимо выбрать молодую партію, которой принадлежитъ будущее. Странѣ опротивѣли безпринципность и рутинерство всѣхъ теперешнихъ государственныхъ людей. Знайте, что партія будущаго имѣетъ своимъ сборнымъ пунктомъ этотъ домъ и мнѣ было-бы очень пріятно видѣть васъ однимъ изъ нашихъ.

— Вы очень любезны, отвѣчалъ Эндивіонъ.

— Въ васъ я замѣтилъ способности къ политической дѣятельности, которыми можно воспользоваться. Постарайтесь попасть въ парламентъ, лишь только достигнете совершеннолѣтія. Смерть короля случилась очень некстати, задумчиво продолжалъ мистеръ Берти.— Если-бы онъ прожилъ еще года два, въ моемъ распоряженіи было-бы около полудюжины мѣстъ. Бромъ того я могъ бы уладиться съ лордомъ Дергамомъ. Да, онъ умеръ совсѣмъ некстати...

— Очень жаль, сказалъ Эндивіонъ.

— Какъ вамъ нравится Гортензія? спросилъ мистеръ Берти.

— Онъ самый блестящій изъ ораторовъ, какихъ я до сихъ поръ слышалъ.

— Да, жаль только, что онъ не умѣетъ себя держать, сказалъ мистеръ Берти.— Я его сдѣлаю своимъ лордомъ-канцлеромъ; меня огорчаетъ только его легкомысліе. Государственные люди должны быть серьезны.

— Въ самомъ дѣлѣ! произнесъ Эндивіонъ.

— Я думалъ было, продолжалъ послѣ нѣкоторой паузы мистеръ Берти,— пригласить къ себѣ сегодня Джавета. Онъ несомнѣнно человѣкъ даровитый, но совсѣмъ непрактичный. Я, напримѣръ, самъ нахожу ошибочной нашу колоніальную систему и полагаю, что чѣмъ скорѣе мы избавимся отъ этого бремени, тѣмъ лучше. Но только нельзя же и оскорблять достоинство націи. Но если-бы завтра въ палату попалъ Джаветъ, онъ потребовалъ-бы сейчасъ-же немедленнаго уничтоженія всякой власти надъ колоніями, съ предисловіемъ, осуждающимъ безуміе нашихъ предковъ. Джаветъ не умѣетъ шадить ничьего самолюбія.

— Мы съ нимъ хорошо знакомы, сказалъ Эндивіонъ,— такъ какъ служимъ вмѣстѣ. Онъ человѣкъ самыхъ крайнихъ убѣжденій.

— Да, произнесъ мистеръ Берти въ раздумьи. — Если-бы мнѣ пришлось составлять министерство, я едва-ли предложилъ-бы ему портфель.

Затѣмъ, перейдя въ болѣе задушевный тонъ, прибавилъ.

— Знаете-ли, съ кѣмъ-бы вамъ слѣдовало сойтись? — Съ моимъ братомъ Августомъ. Никто не понимаетъ такъ хорошо иностранную политику, какъ онъ. И притомъ онъ вполне свѣтскій чело-вѣкъ.

ГЛАВА XVII.

— Знаю, сэръ, что вы сильно предубѣждены противъ меня, сказалъ принцъ Флористанъ, входя въ кабинетъ мистера Сидни Уильтона, — и потому я тѣмъ болѣе благодаренъ вамъ за ваше согласіе дать мнѣ аудіенцію.

— Не будете говорить о прошломъ, сказалъ мистеръ Уильтонъ довольно сурово. — Вы писали мнѣ, что нуждаетесь въ моемъ содѣйствіи для устройства вашихъ частныхъ дѣлъ. Такъ какъ я завѣдывалъ когда-то ими, то и не считъ себя въ-правѣ отказать вамъ въ вашей просьбѣ, но желалъ-бы не выходить за предѣлы этого вопроса.

— Постараюсь не уклоняться ни на шагъ, сказалъ принцъ Флористанъ. — Вы помните, сэръ, что въ тотъ несчастный періодъ нашей жизни, когда мы лишились престола, на имя королевы Агриппины была записана значительная сумма денегъ, цѣлость которой была гарантирована ей государствомъ. Это была ея безусловная частная собственность, приобретенная продажей ея наслѣдственныхъ земель. Сумма эта была конфискована вмѣстѣ со многими другими владѣями, принадлежавшими членамъ нашего дома и нашимъ сторонникамъ. Это былъ явный грабежъ, до такой степени грубый, что съ теченіемъ времени, когда страсти улеглись, всѣ конфискованныя суммы были возвращены всѣмъ ихъ законнымъ владѣльцамъ, за исключеніемъ меня, хотя, мнѣ кажется, несправедливость, нанесенная мнѣ — самая крупная. Мои банкиры, домъ Ньючеталя, сами сильно заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, благодаря вліянію, которымъ пользуются у тенерешняго правитель-ства моего отечества, настолько подвинули это дѣло, что я имѣю

полное основаніе предполагать, что наши требованія будутъ удовлетворены, если только какое нибудь иноземное правительство, въ особенности ваше, заявитъ, что такая мѣра была-бы ему пріятна.

Принцъ замолчалъ и, поднявъ глаза, которые во время рѣчи держалъ опущенными, взглянулъ Уильтону прямо въ лице.

— Прежде чѣмъ это предложеніе можетъ быть подвергнуто на обсужденіе правительства ея величества, сказалъ мистеръ Уильтонъ покраснѣвъ, — мы должны получить соотвѣтствующій запросъ. Если министръ вашего отечества имѣетъ сдѣлать намъ таковой, то долженъ обратиться къ лорду Рогемпону.

— Я понимаю, сказалъ принцъ Флористанъ. — Но правительства, подобно частнымъ людямъ, нерѣдко боятся формальностей. Правительство моего отечества поступить сообразно заявленію, но не сдѣлаетъ изъ этого дипломатическаго вопроса.

— Дѣла могутъ вестись только однимъ способомъ, замѣтилъ мистеръ Уильтонъ холоднымъ тономъ, ясно говорившимъ, что съ своей стороны онъ считаетъ аудіенцію оконченной.

— Мнѣ извѣстно изъ весьма достовѣрныхъ источниковъ, сказалъ принцъ Флористанъ очень тихо, — что еслибы одинъ изъ членовъ нынѣшняго кабинета, въ частномъ разговорѣ съ нашимъ посланникомъ, упомянулъ, что возвращеніе мнѣ моего имущества встрѣтило-бы одобреніе британскаго правительства, дѣло было-бы кончено.

— Сомнѣваюсь, чтобы кто-нибудь изъ моихъ товарищей согласился на подобное личное вмѣшательство въ дѣла иностраннаго правительства, сухо замѣтилъ мистеръ Уильтонъ. — Съ своей стороны, я уже достаточно испыталъ послѣдствія подобныхъ вмѣшательствъ и рѣшилъ никогда не брать ихъ на себя болѣе.

— Но выраженіе воззрѣній ни къ чему не обязываетъ, сказалъ невозмутимо принцъ.

— Это вопросъ совѣсти того, кто это дѣлаетъ. Ни одинъ честный человекъ не въ правѣ взять на себя такое вмѣшательство, если онъ убѣжденъ, что этимъ онъ даетъ оружіе въ руки враговъ того самаго правительства, отъ котораго онъ добивается любезности.

— Но на какомъ основаніи онъ сталъ бы такъ думать? спросилъ принцъ совершенно спокойно.

— Мнѣ кажется, что, подумавши, ваше высочество сами най-

дете, достаточныя основанія для такого убѣжденія, сказалъ мистеръ Уильтонъ и, взявъ одинъ изъ лежавшихъ передъ нимъ конвертовъ, вскрылъ его, какъ-бы желая дать понять, что намѣренъ возвратиться къ прерваннымъ занятіямъ.

— Позвольте мнѣ возразить вамъ на это съ возможной краткостью. Разберите мое положеніе. Когда вѣроятно, что я останусь спокоенъ? Тогда-ли, когда мнѣ будетъ обезпечена возможность счастливой и комфортабельной жизни, или когда меня будутъ преслѣдовать мелкія униженія, лишенія и безпокойства? На-сколько мнѣ извѣстно, никто не утверждаетъ, чтобы благосостояніе создавало заговорщиковъ.

— Вы были въ такомъ положеніи, вы пользовались всѣмъ, чего только можетъ пожелать джентльменъ, рѣзко отвѣчалъ Уильтонъ, — но все это вы сами легкомысленно разрушили.

— Позвольте вамъ напомнить, что я былъ тогда очень молодъ.

— Да, вы были молоды, очень молоды, и ваша вина была вамъ прощена. Вы могли-бы начать новую жизнь, потому что для свѣта вы оставались честнымъ человѣкомъ; его вы не обманывали...

— Если я позволяю себѣ сдѣлать вамъ еще одно замѣчаніе, сказалъ принцъ блѣдный, но спокойный, — то, вѣрьте мнѣ, сэръ, меня побуждаетъ къ этому глубокое уваженіе къ вамъ. Послѣ смерти моей матери, у меня не осталось никого, къ кому я былъ-бы привязанъ, кромѣ васъ. Позвольте-же замѣтить вамъ, сэръ, что, произнося приговоръ надъ моимъ поведеніемъ, вы не приняли во вниманіе моего положенія.

— Я не принадлежу къ вашимъ послѣдователямъ, сэръ, сказалъ мистеръ Уильтонъ.

— Вы не хотите принять во вниманіе, что я дитя судьбы, продолжалъ принцъ Флористанъ. — Рано или поздно судьба надѣнетъ на меня корону моихъ отцевъ. Это такъ-же несомнѣнно, какъ то, что я говорю съ вами. Но судьба, для выполненія своихъ велѣній, предписываетъ намъ дѣйствовать.

— Я, право, не понимаю, что такое судьба, сказалъ мистеръ Уильтонъ. — Поведеніемъ человѣка должны руководить честь и справедливость, и мнѣ кажется, что ему лучше не имѣть никакого отношенія къ судьбѣ, въ особенности, если она заставляетъ его нарушать свое слово.

— О, сэръ, я хорошо знаю, что въ этомъ отношеніи вы сильно предубѣждены противъ меня. Повѣрьте, что это несправедливо. Даже въ судахъ признають, что невозможный договоръ можетъ быть нарушенъ. Мое возвращеніе изъ Америки было неизбежно. Голосъ великаго народа требовалъ моего присутствія въ Европѣ. Я повиновался закону исторической необходимости.

— Извините, принцъ, министры ея величества не признають этого закона! сказалъ Уильтонъ, и оба они, точно по данному знаку, встали въ одно и то-же время.

— Благодарю васъ, сэръ, за это свиданіе, сказалъ принцъ.— Вы не хотите помочь мнѣ, но я добьюсь своего инымъ способомъ. Это необходимо, и потому случится.

Принцъ сѣлъ на коня и вскорѣ скрылся. Въѣхавъ въ обширный дворъ роскошнаго дома, онъ отдалъ лошадей груму и спросилъ, у себя ли мистеръ Ньючетель.

Банкиръ сидѣлъ въ большой комнатѣ за столомъ, заваленнымъ бумагами.

— Ну что, любезный принцъ, видѣли-ли вы вашего знаменитаго друга?

Принцъ Флористанъ разсказалъ Ньючетелю вкратцѣ свою недавнюю аудіенцію.

— Такъ, такъ, сказалъ банкиръ;—я это предвидѣлъ. Еслибъ вы были приняты въ Сентъ-Джемсъ, мистеръ Сидни Уильтонъ не оказался-бы столь щепетилень. Ну да что-жь будешь дѣлать! Приходится брать вещи, какъ они есть. Если ваши знаменитые друзья не хотятъ помочь вамъ, то слѣдуетъ попытаться сдѣлать это намъ, скромнымъ лавочникамъ.

ГЛАВА XVIII.

Лордъ Рогемптонъ былъ самымъ виднымъ изъ членовъ министерства, кромѣ, разумѣется, самаго премьера. Это былъ человекъ лѣтъ подь сорокъ, красивый и величественный, какъ Юпитеръ Олимпійскій, хотя губы его могли назваться нѣсколько чувственными. Манеры его были обворожительны, естественны, и, виѣсть съ тѣмъ, замѣчательно просты. Базалось, онъ весь исполненъ симпатіи къ тому, съ кѣмъ говорить. Во всемъ его характерѣ была удивитель-

тельная смѣсь силы и изворотливости. Чрезвычайное честолюбіе и даже, какъ полагали нѣкоторые, неразборчивость въ средствахъ не мѣшали ему быть романтичнымъ. Будучи вполне свѣтскимъ человѣкомъ, онъ пользовался всегда большимъ успѣхомъ въ обществѣ, въ особенности среди женщинъ. Лучшимъ другомъ его была Беренгарія, графиня Монфоръ, имѣвшая привычку называть себя „последней изъ его побѣдъ“. Хотя лордъ Рогемптонъ отгадывалъ людей и ихъ мысли съ перваго взгляда и былъ слишкомъ уменъ, чтобы обманываться насчетъ истиннаго значенія этихъ словъ, однако онъ любилъ, полуслуша, держать себя, какъ преданный рыцарь блестящей дамы, которая была ему самымъ вѣрнымъ и преданнымъ другомъ и нерѣдко оказывала ему въ его политической дѣятельности такія услуги, какихъ не оказалъ-бы ни одинъ мужчина. Теперь эта энергичная леди была вся поглощена проектомъ совсѣмъ не политическаго характера.

Лордъ Рогемптонъ наследовалъ отъ отца весьма большое состояніе, однако, вслѣдствіе-ли его расточительности или же небрежности къ управленію собственными имѣніями, свойственной всѣмъ государственнымъ людямъ, денежныя дѣла его были всегда очень запутаны. Леди Монфоръ, желавшая устраненія всего, что могло помѣшать возвышенію ея друга, рѣшила, что онъ долженъ жениться для поправленія своихъ дѣлъ на дѣвушкѣ съ огромнымъ приданымъ. Послѣ долгихъ размышленій и изслѣдованій она остановила свой выборъ на Адрианнѣ.

Съ замѣчательнымъ искусствомъ устраивала она сближеніе между лордомъ Рогемптономъ и семействомъ Ньючетелей. Мужъ ея, величайшій оригиналъ и чудакъ, былъ въ это время въ деревнѣ, которую торжественно обѣщаль пикогда не покидать, но это нисколько не мѣшало ей устраивать у себя пріятныя вечера, на которыхъ могъ бывать лордъ Рогемптонъ въ тѣ дни, когда не было засѣданій этой ужасной палаты. Въ большинствѣ случаевъ, въ особенности въ послѣднее время, леди Монфоръ объявляла, что не можетъ оставаться безъ своей милой Адрианны. Мистеръ Ньючетель, тоже посвященный отчасти въ заговоръ или, по крайней мѣрѣ, догадывавшійся о немъ, съ своей стороны тоже помогалъ ея плану. Не было торжественнаго обѣда, на который онъ не пригласилъ-бы лорда Рогемптона, и, странное дѣло, Рогемптонъ, который рѣдко кого посѣщаль, всегда принималъ эти приглашенія.

— Послушайте, сказала однажды леди Монфоръ Рогемптону, — отчего-бы вамъ не жениться на Адрианнѣ?

— На Адрианнѣ? сказалъ лордъ Рогемптонъ. — Прежде всего потому, что я не люблю торопиться. Какъ могу я претендовать на сдачу цитадели, когда еще не заложилъ, какъ слѣдуетъ, своей первой параллели?

— Ахъ, это все старыя предрасудки, сказала леди Монфоръ.

— Пожалуй, но вѣдь вы знаете, что я человѣкъ стариннаго покроя.

— Если я настаиваю, то потому, что считаю это дѣло вполне созрѣвшимъ.

— Почему такъ? спросилъ Рогемптонъ.

— Потому, что она безъ памяти въ васъ влюблена.

— Она вамъ это сказала?

— Нѣтъ, но по лицу ея видно, что она влюблена.

— Мнѣ она объ этомъ ничего не говорила.

— А вы ей говорили?

— Правда, и я не говорилъ, отвѣчалъ Рогемптонъ. — Я люблю всю семью, въ особенности Ньючетеля. Мнѣ нравится ихъ образъ жизни и общество, которое у нихъ встрѣчаешь. Въ этомъ домѣ никогда не бываетъ скучно.

— Такъ перенесите его къ себѣ, сказала леди Монфоръ, — и вы будете совершенно счастливы.

— Быть иногда замѣченнымъ, леди Монфоръ, достаточное счастье.

— Вы очень любезны, дорогой лордъ, но это къ дѣлу не идетъ. Вы всегда можете рассчитывать на мою преданность и послѣ женитьбы. Но мнѣ хотѣлось-бы, чтобъ вы поднялись на высоту, достойную васъ, и чтобъ въ случаѣ какихъ-нибудь перемѣнъ не могъ возникнуть вопросъ о томъ, кому быть первымъ министромъ.

Вскорѣ послѣ этого разговора, леди Монфоръ узнала о намѣреніи лорда Рогемптона провести въ Эйно пасху; это намѣреніе, подтверждавшее, казалось, ея предположеніе о рѣшеніи лорда жениться на Адрианнѣ, заставило леди Монфоръ открыться наконецъ мистриссъ Ньючетель.

— Въ этомъ вопросѣ все зависитъ отъ Адрианны, сказала мистриссъ Ньючетель. — Ни мужъ, ни я — мы никогда не позволимъ себѣ оказать на дочь хотя-бы малѣйшее давленіе.

— Ну, такъ я пойду поговорю съ Адрианной, сказала леди Монфоръ,—я знаю, что она дома.

Вечеромъ того-же дня Мирра, вернувшись изъ Реджентъ-парка, застала Адрианну всю въ слезахъ.

— Что случилось, милая? спросила она свою пріятельницу.

— О, я такъ несчастна! повторяла всхлипывая Адрианна и рассказала Миррѣ обо всемъ случившемся въ это утро. Леди Монфоръ прямо поздравляла ее съ предстоящимъ бракомъ съ лордомъ Рогемптономъ. Когда-же Адрианна стала горячо отрицать это и выразила свое удивленіе на ея предположеніе, леди Монфоръ упрекнула ее въ томъ, что своимъ поведеніемъ она поощряла ухаживанія лорда.

— О, Мирра! говорила Адрианна, обвиняя свою подругу.—Вѣдь онъ бываетъ у насъ вовсе не ради меня, а ради папы, съ которымъ онъ очень друженъ.

— Ну что-жь, тѣмъ лучше. Если онъ на васъ женится, то это еще болѣе гарантируетъ ваше счастье.

— Мирра, Мирра, какъ можете вы говорить такіа вещи!

— Какія вещи?

— Что я должна выйти замужъ за лорда Рогемптона.

— Ничего подобнаго я не говорила. За кого вамъ идти замужъ—это должно рѣшить ваше сердце.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я никогда не пойду за Рогемптона, сказала Адрианна съ нѣкоторой рѣшительностью.—Если справедливо то, что утверждаетъ леди Монфоръ, то мотивы его предложенія настолько ясны...

— Ахъ, вы опять за свой конекъ, прервала ее Мирра.—Вы знаете, что на этомъ мы никогда не сойдемся. Будь у меня большое приданое, я такъ-же мало-бы огорчилась, если-бы на мнѣ хотѣли жениться изъ-за денегъ, какъ изъ-за наружности. Говорятъ, что мужья не очень долго восхищаются красотой. Не будьте слишкомъ скромны, милая Адрианна. Если лордъ Рогемптонъ хочетъ жениться на васъ, то значитъ, вы ему нравитесь, и если въ придачу къ вашимъ личнымъ качествамъ у васъ есть еще приданое, и даже большое приданое, лордъ Рогемптонъ не станетъ пренебрегать этимъ и даже—говорю съ вами совершенно откровенно—приметь это во вниманіе, потому что онъ человѣкъ умный; но никогда онъ не женился-бы на васъ, если-бы не вѣ-

рилъ, что вы составите счастье его жизни и украшеніе его дома. Подумайте объ этомъ хорошенько, Адрианна. Лордъ Рогемптонъ благородный человѣкъ, и ни одна дѣвушка, сердце которой свободно, не отвергнула-бы легкомысленно предложеніе такого человѣка.

— Но сердце мое не свободно, сказала Адрианна торжественнымъ тономъ.

— О, въ такомъ случаѣ это совсѣмъ другое дѣло, сказала Мирра, блѣднѣя.

— Да, воскликнула Адрианна, — я люблю другого, хотя никогда, быть можетъ, не назову его имени. Да, повторила она съ жаромъ, я не такое ничтожество, какъ думаетъ леди Монфоръ, и никогда обо мнѣ не скажутъ, что я покупаю любовь.

Мирру позвали къ мистеру Ньючетелю.

— Послушайте, миссъ Феррарсъ, сказалъ банкиръ, — мнѣ нужно съ вами поговорить. Вы должны помочь въ одномъ важномъ дѣлѣ. На пасху ко мнѣ пріѣдетъ лордъ Рогемптонъ. Мнѣ хочется, чтобъ ему было весело, и потому я желалъ-бы пригласить человѣкъ двухъ или трехъ, съ которыми-бы онъ не соскучился. Знаете-ли, о комъ я думаю?

— Нѣтъ, сэръ.

— Какъ вамъ нравится полковникъ Альбертъ? спросилъ мистеръ Ньючетель, бросая на нее смѣющийся взглядъ.

— Онъ мнѣ нравится, сказала Мирра. — Во всякомъ случаѣ этотъ человѣкъ очень интересенъ, и если лордъ Рогемптонъ его не знаетъ, то это самый подходящій гость.

— Но бѣда именно въ томъ, что лордъ Рогемптонъ все о немъ знаетъ.

— Что-жь, это, можетъ быть, и лучше, сказала Мирра.

— Не знаю, жизнь очень сложная штука... Помните, вы меня разъ спрашивали, кто такой полковникъ Альбертъ.

— Но теперь больше не спрашиваю, сказала Мирра, — потому что сама знаю.

— Какъ! воскликнулъ удивленный Ньючетель.

— Знаю даже, чего вамъ нужно теперь, сказала Мирра: — вы хотите знать, будетъ-ли пріятно лорду Рогемптону встрѣтиться съ принцемъ Флористаномъ.

— Пожалуй, что и такъ; но только это я могъ-бы сдѣлать и самъ. Намъ нужно нѣчто поважнѣй.

Затѣмъ онъ объяснилъ Миррѣ затруднительное денежное положеніе принца и необходимость виѣшательства котораго нибудь изъ министровъ для возвращенія ему его наслѣдства.

— Одно слово лорда Рогемптона, и дѣло сдѣлано, закончилъ онъ.

— Что-жь, у васъ будетъ прекрасный случай поговорить съ нимъ.

— Г-мъ, процѣдилъ мистеръ Ньючетель, — мнѣ это не совсѣмъ ловко. Я люблю лорда Рогемптона и, между нами будь сказано, ждалъ-бы, чтобы онъ былъ первымъ министромъ. Онъ знакомъ съ Европою и съумѣлъ-бы повести въ ней дѣла, какъ слѣдуетъ. Но знаете-ли, миссъ Феррарсъ, несмотря на всю свою мягкость и игривость, онъ ужасный человѣкъ. Заговорите съ нимъ о дѣлахъ, и онъ весь преображается. Куда дѣвается вся его любезность и обходительность! Брови его хмурятся и взглядъ его такъ и пронизываетъ васъ насевозъ. Разъ я явился къ нему съ депутаціей, — со мной были директоръ банка и первые граждане города, на половину члены парламента, — и представьте, они путались передъ нимъ, какъ школьники. Нѣтъ, мнѣ невозможно говорить съ нимъ: это испортитъ весь его визитъ. Скажу вамъ безъ обиняковъ, я хотѣлъ-бы, чтобы вы поговорили съ лордомъ Рогемптономъ.

— Я?

— Да, миссъ Феррарсъ, вы. Я увѣренъ, вы сдѣлаете это отлично. Къ тому-же, насколько я замѣтилъ, вы ему нравитесь.

— Да, онъ очень любезенъ со мной, сказала Мирра нѣсколько печально. — Очень можетъ быть, что въ этомъ случаѣ вліяетъ мое зависимое положеніе.

— Всѣ мы другъ отъ друга зависимъ, сказалъ мистеръ Ньючетель съ самой пріятной улыбкой. — Теперь я завишу отъ васъ, миссъ Феррарсъ.

На пасху лордъ Рогемптонъ дѣйствительно пріѣхалъ и, казалось, былъ совершенно доволенъ. Онъ ничего не имѣлъ противъ встрѣчи съ принцемъ Флористаномъ, лишь-бы не было постороннихъ и принцъ сохранялъ свое инкогнито. Онъ даже одобрилъ предложеніе мистера Ньючетеля, замѣтивъ, что любить знакомиться съ политическими людьми; только такимъ образомъ

можно опредѣлить ихъ калибръ, что совершенно невозможно сдѣлать на основаніи книгъ и газетъ или разсказовъ ихъ друзей или враговъ.

Въ слѣдующему дню ждали полковника Альберта.

До завтрака лордъ Рогемптонъ долженъ былъ работать. Потому, въ сопровожденіи обѣихъ дѣвушекъ, онъ отправился бродить по окрестностямъ и вернулся такъ поздно, что мистриссъ Ньючетель собиралась уже отсрочить обѣдъ.

— Мы услышали соловья, сказала Мирра, — и лордъ Рогемптонъ уѣлся на пень и ждалъ, пока онъ не кончитъ, а онъ пѣлъ безъ конца.

Полковникъ Альбертъ, пріѣхавшій передъ обѣдомъ, былъ представленъ лорду Рогемптону, который обошелся съ нимъ съ холодной сдержанностью. Смотри на него, Мирра съ трудомъ вѣрила, что это — тотъ самый веселый и игривый человѣкъ, съ которымъ они гуляли все утро.

Обѣдъ прошелъ весело, хотя лордъ Рогемптонъ и не былъ такъ непринужденно развязенъ, какъ наканунѣ.

Послѣ обѣда, отвѣдя Ньючетеля въ сторону, Рогемптонъ сказалъ:

— А знаете, мнѣ вашъ принцъ нравится: онъ никогда не говоритъ, не подумавши; вѣроятно онъ очень скрытенъ. Говорятъ, онъ закоренѣлый конспираторъ.

— О, теперь онъ успокоился.

— Эти люди никогда не успокаиваются, сказалъ лордъ Рогемптонъ.

— Но что же онъ можетъ сдѣлать? спросилъ Ньючетель.

— Скажите лучше, чего онъ не можетъ сдѣлать. Пол-Европы въ состояніи хроническихъ заговоровъ.

— Ваше дѣло не давать ей шалить, дорогой милордъ. Пока вы засѣдаете въ Доунингъ-Стритѣ, я буду спать спокойно.

— Миссъ Феррарсъ, вѣроятно, дочь Уильяма Феррарса, прервалъ его неожиданно лордъ Рогемптонъ. — Я не зналъ этого до сихъ поръ. Покойникъ былъ однимъ изъ моихъ лучшихъ друзей.

— Да, она его дочь, и въ настоящую минуту носить по немъ трауръ. У нея въ жизни было много горя, сказалъ мистеръ Ньючетель.

— Въ самомъ дѣлѣ? замѣтилъ лордъ Рогемптонъ.

На другой день, осмотрѣвъ знаменитыя оранжереи и конюшню, гости предприняли прогулку верхомъ, а вечеромъ полковникъ Альбертъ предложилъ показать нѣсколько американскихъ фокусовъ, о которыхъ онъ говорилъ въ теченіи дня. Это было самое удивительное представленіе, въ высшей степени поразившее и позабавившее всѣхъ. Никто никогда-бы не повѣрилъ, что именно полковникъ Альбертъ, всегда такой спокойный и серьезный, могъ выдѣлывать такія чудеса. Трудно было признать въ немъ того-же человѣка, когда онъ сыпалъ на Мирру цѣлыя груды цвѣтовъ изъ ея же собственнаго носоваго платка и безъ малѣйшаго усилія и затрудненія вытащилъ у Рогемптона часы и положилъ ихъ въ карманъ Адрианнѣ. Очевидно, онъ былъ мастеромъ своего дѣла.

— Характерно! пробормоталъ про себя лордъ Рогемптонъ.

На слѣдующій день Мирра сидѣла одна въ салонѣ, когда Рогемптонъ отворилъ дверь и спросилъ:

— Не знаете-ли, гдѣ миссъ Ньючетель?

— Вѣроятно на террасѣ.

— Пойдемъ поищемъ ее. Мнѣ нужно прогуляться, потому что пришлось работать очень много все утро и часть ночи.

— Я сію минуту одѣнусь, сказала Мирра.

— Не берите никого съ собою, сказалъ онъ ей въ догонку.

Вскорѣ они были на террасѣ, но Адрианны тамъ не оказалось.

— Но мы должны найти ее, сказалъ Рогемптонъ. — Вы знаете, какія мѣста она больше любитъ. О, какое удовольствіе гулять по такимъ прелестнымъ мѣстамъ послѣ этихъ проклятыхъ бумагъ. Какъ-бы я хотѣлъ, чтобъ они провалились сквозь землю.

— Теперь, въ первый разъ, лордъ Рогемптонъ неискрененъ! сказала Мирра.

— Такъ стало быть вы считаете меня очень искреннимъ? сказалъ онъ.

— Не имѣю основанія думать о васъ иначе.

— И вы правы, быть можетъ, гораздо больше, чѣмъ сами предполагаете.

Потомъ онъ вдругъ спросилъ:

— Вы хорошо знакомы съ полковникомъ Альбертомъ?

— Да, кажется. Я часто видѣла его у насъ; кромѣ того онъ друженъ съ моимъ братомъ.

— А! Онъ другъ вашего брата!

Затѣмъ, послѣ краткой паузы, Рогемптонъ сказалъ:

— Не правда-ли, онъ интересенъ?

— Да, интересенъ, сказала Мирра. Вы, конечно, знаете, кто онъ такой.

— А какъ онъ хорошъ собой!

— Онъ кажется несчастнымъ и измученнымъ.

— Кто молодъ, тотъ не можетъ быть несчастливъ! проговорилъ лордъ Рогемптонъ.

— Онъ навѣрно испыталъ въ жизни много горя, сказала Мирра.—Я не могу представить себѣ положеніе печальнѣе изгнаннаго принца.

— А я могу, сказалъ лордъ Рогемптонъ:—имѣть чувства юности и вѣдѣнность старика.

Мирра молчала, точно языкъ прилипъ у нея къ гортани. Она все время собиралась заговорить съ Рогемптономъ о дѣлѣ, порученномъ ей Ньючетелемъ, какъ вдругъ услышала отъ него это странное замѣчаніе, дѣлавшее дальнѣйшія попытки дѣловаго разговора невозможными.

— Я отдалъ-бы все, вдругъ сказалъ лордъ Рогемптонъ,—я согласился-бы даже на изгнаніе, лишь-бы быть молодымъ и слышать, что миссъ Феррарсъ пахочитъ, что я интересенъ, хорошъ собой, хотя и измученъ.

„Боже, что то будетъ!“ подумала Мирра.

— Вы молчите, произнесъ лордъ Рогемптонъ,—вы не вздохнете, вы не хотите дать мнѣ ни одного взгляда утѣшенія хотя бы изъ жалости? Но я сказалъ уже слишкомъ много, чтобъ не договорить до конца. Прелестная, очаровательная Мирра, позвольте мнѣ сказать вамъ, что я васъ люблю...

Мирра не могла проговорить ни слова и закрыла лицо рукою. Нѣжно взявъ другую ея руку, Рогемптонъ поднесъ ее къ своимъ губамъ.

— Съ первой минуты, какъ я васъ увидѣлъ, сердце мое принадлежало вамъ. Это была любовь съ перваго взгляда... да я и не вѣрю въ другую. Меня забавляли проекты моихъ друзей, и я пользовался ими, но не безчестно. Никто не упрекаетъ меня въ томъ, что я игралъ чувствомъ вашей кроткой подруги, и я долженъ отдать ей справедливость, она дѣлала все, чтобы показать мнѣ, до какой степени избѣгаетъ моего вниманія. Но ея об-

щество было для меня предлогомъ пользоваться вашимъ. Не отвергайте же моей любви, прелестнѣйшая изъ женщинъ; она не достойна васъ, но повѣрьте искренна.

Черезъ мѣсяцъ Мирра сдѣлалась женой Рогемптона. Обрядъ вѣнчанія, по ея специальному желанію, совершилъ старый пасторъ м-ръ Пенруддогъ. Въ тотъ-же день молодые супруги уѣхали на континентъ.

ГЛАВА XIX.

Въ жизни Эндимиона наступила великая перемѣна. Передъ „братомъ леди Рогемптонъ“ раскрылись двери всѣхъ гостинныхъ. Его, что называется, брали на-расхватъ. Не менѣ блестящая перемѣна произошла и въ его служебной карьерѣ.

Самымъ интереснымъ изъ новыхъ знакомыхъ Мирры былъ товарищъ ея мужа по министерству, мистеръ Сидни Уильтонъ, знавшій ее еще въ дѣтствѣ, когда она ребенкомъ являлась въ гостинной отца.

Мистеръ Уильтонъ былъ пораженъ необыкновенной красотой леди Рогемптонъ. Глядя на нее, онъ старался сравнить ее съ той надменной дѣвочкой, которую такъ ужасно портили ея родители. Теперь это была высокая, стройная женщина, но въ чертахъ ея лица, въ этихъ глубокихъ синихъ глазахъ, окаймленныхъ длинными рѣсницами, въ коротенькой верхней губѣ и роскошныхъ каштановыхъ волосахъ было нѣчто, напоминающее былое. Глубоко взволнованный, онъ погрузился въ свои думы.

Случаи видаться съ молодой женщиной были очень часты, потому что лордъ Рогемптонъ былъ специальнымъ политическимъ главою Уильтона, и они всегда были очень дружны. Посѣщенія мистера Сидни стали весьма часты, и рождественскіе праздники Рогемптонъ съ женою провели въ имѣніи Уильтона.

— Въ моемъ бюро теперь ужасно много перемѣнъ, сказалъ однажды Уильтонъ Миррѣ: — приходится передѣлывать все сверху до низу. Половина чиновниковъ будетъ смѣнена, и мы намѣрены привлечь свѣжихъ людей. Мнѣ пришло въ голову, что это можетъ быть прекраснымъ началомъ для вашего брата. Онъ на общественной службѣ — это кое-что значить; крохѣ того будетъ столько по-

выхъ назначеній, что его повышеніе не возбудитъ зависти. Поговорите съ нимъ. Если ему угодно, то я назначу его на одну изъ вакансій, а потомъ, если онъ захочетъ, сдѣлаю его своимъ частнымъ секретаремъ. Это дастъ ему нѣкоторое положеніе въ свѣтѣ и значительную прибавку жалованья.

Леди Рогемптонъ сообщила о предложеніи брату.

— Это какъ разъ то, чего я для тебя желала, закончила она. Мнѣ именно хотѣлось, чтобы ты сдѣлался секретаремъ какого нибудь министра, и если выбирать, то я указала-бы именно на мистера Уильсона, — разумѣется, послѣ моего мужа. Ты будешь въ состояніи жить прилично на шестьсотъ фунтовъ въ годъ, но только тебѣ необходимо переселиться изъ Уарвикъ-Стрита; ты не можешь больше оставаться на чердакѣ.

Эндимионъ согласился, но послѣднее обстоятельство сильно его печалило. Вернувшись въ свою каморку и принявшись размышлять о причинахъ своей грусти, онъ пришелъ къ заключенію, что она вызывается необходимостью разлуки съ Имогеной. Въ жизни часто случается, что только какое нибудь неожиданное событіе открываетъ намъ присутствіе чувства, которое однако очень долго скрывалось въ нашемъ сердцѣ. Никогда не думалъ онъ о возможности такой счастливой перемѣны въ его судьбѣ, которая заставила-бы его пережъвить образъ жизни и покинуть семью, такъ радушно его пріютившую. Поэтому, онъ рѣшительно не замѣчалъ, до какой степени Имогена стала дорога ему. Изъ милого ребенка, котораго онъ встрѣтилъ четыре года тому назадъ, она превратилась въ изящную, граціозную дѣвушку. Черты лица ея были неправильны, но очень тонки; когда-же она улыбалась, то была совершенно очаровательна. Въ черныхъ большихъ глазахъ ея выражалось столько доброты и ума, что на нихъ нельзя было не заглядѣться.

Эндимионъ любилъ слушать, какъ Уэльдерширъ, по обыкновенію, превозносилъ необычайныя качества Имогены. Онъ продолжалъ готовить свою ученицу къ великой будущности, которая, по его глубокому убѣжденію, ожидала ее.

— Какъ это случится, я не знаю, говорилъ онъ, — но только это будетъ. Если-бы мнѣ возвратили мои владѣнія, любезно подаренныя Кромвелемъ своимъ круглоголовымъ, я самъ женился-бы на ней. Но теперь это невозможно. Я не могу предложить ей раздѣлить мою нищету.

Странное дѣло! Эндивіонъ самъ принялся думать о судьбѣ Имогены и, какъ ему казалось, разсуждалъ весьма практично. Шестьсотъ фунтовъ въ годъ—это небольшой доходъ, но все-же на него жить можно. Зачѣмъ откладывать счастье! Въ его воображеніи уже рисовался скромный загородный домикъ, весь залитый солнечнымъ свѣтомъ, и въ немъ прелестная хозяйка.

Онъ спустился внизъ и, войдя въ столовую, увидѣлъ Имогену за письмомъ.

— Здравствуйте, мистеръ Феррарсъ, сказала она, вставая.— Я пишу сестрѣ. Они возвращаются на дняхъ въ Лондонъ.

— Мнѣ хотѣлось-бы повидать мистера Роднея, печально сказалъ Эндивіонъ.

— Не прикажете-ли написать ему чего-нибудь? спросила Имогена.

— Нѣтъ, благодарю васъ, сказалъ Эндивіонъ.— Я могу передать черезъ васъ то, что хотѣлъ сказать ему.

Затѣмъ онъ разсказалъ ей все.

— Было-бы эгоизмомъ не порадоваться вмѣстѣ съ вами, сказала Имогена,—но хотя я и радуюсь, а веселой быть не могу. Мы были такъ счастливы въ Уарвикъ-Стритъ, а теперь мы всѣ разсѣяны и, кто знаетъ, встрѣтимся-ли снова. Не знаю почему, но мнѣ всегда какъ то страшно подумать, что я когда-нибудь покину домъ, гдѣ я была такъ счастлива.

— О, вамъ придется-же повинуть его, когда вы выйдете замужъ...

— Почему знать, выйду ли еще! сказала Имогена задумчиво. Мистеръ Уэльдерширъ, воспитавъ меня, какъ онъ говоритъ, „по-царски“, сдѣлалъ изъ меня, что называется, ни рыбу, ни мясо. Я не могу соединить свою жизнь съ человѣкомъ не высоко развитымъ, а мнѣ противны всѣ мужчины моего сословія, которые одни могутъ удостоить меня предложеніемъ. Мнѣ стыдно признаваться въ этомъ, но это такъ.

— Отчего-же вы не выйдете за Уэльдершира?спросилъ Эндивіонъ.

— Оттого, что я еще не сошла съ ума, отвѣчала Имогена. Мистеръ Уэльдерширъ никогда не долженъ жениться. Говорятъ, что трудно жить съ людьми, у которыхъ черезъ-чуръ развита фантазія, а у Уэльдершира ничего нѣтъ кромѣ фантазіи. Черезъ годъ послѣ вѣнца онъ убѣждалъ-бы въ пустыню или въ монастырь къ

трапистамъ, сдѣлалъ-бы ужасный скандалъ, сталъ-бы писать пасквили на собственную жену — и все отъ скуки. Нѣтъ, нѣтъ. Онъ лучшій, преданнѣйшій изъ друзей, но невозможенъ, какъ мужъ.

— Но вы можете встрѣтить человѣка вполне благовоспитаннаго, который былъ бы достоинъ васъ, сказалъ Эндимионъ.

— Сомнѣваюсь.

— Нѣтъ, не сомнѣвайтесь, милая Имогена, сказалъ Эндимионъ, подходя ближе. — При вашей красотѣ, при вашемъ умѣ, вы не можете не встрѣтить человѣка, который..

Въ эту минуту блестящая карета подъѣхала къ дому и высокой гайдукъ въ напудренномъ парикѣ изъ всѣхъ силъ застучалъ въ дверь.

— Боже, что это такое! вскричала Имогена.

— Это моя сестра, леди Рогемптонъ, отвѣчалъ Эндимионъ, краснѣя.

— Пойду къ ней на встрѣчу, сказала Имогена.

Эндимионъ остался одинъ, смущенный, сконфуженный.

— Леди Рогемптонъ проситъ васъ немедленно ѣхать съ нею по какому-то дѣлу, сказала Имогена возвращаясь.

Мирра повезла его смотрѣть новую квартиру.

Черезъ нѣсколько времени Эндимионъ снова зашелъ проститься со своимъ бывшимъ хозяиномъ.

На этотъ разъ мистеръ Родней былъ дома. Онъ только что окончилъ чтеніе утреннихъ газетъ и собирався идти въ городъ по дѣламъ. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно. Вообще, мистеръ Родней одѣвался такъ, что каждый костюмъ выглядѣлъ на немъ какъ съ иголочки.

Имогена уже приготовила мистера Роднея къ извѣстію объ отъѣздѣ Эндимиона. Но все-таки ему было очень тяжело заговорить объ этомъ съ человѣкомъ, который выказалъ ему столько искренняго расположенія. Крѣпко пожимая руку мистера Роднея, дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ выражалъ ему свою печаль по поводу предстоящей разлуки и надежду, что это не разорветъ ихъ дружеской связи.

— О, никогда, отвѣчалъ мистеръ Родней. — Мы любили васъ, какъ сына дорогаго моего друга мистера Феррарса. Теперь-же мы полюбимъ васъ ради васъ самихъ и никогда не забудемъ времени,

проведеннаго вмѣстѣ съ вами подъ этой кровлей, котору и намъ вскорѣ придется покинуть.

Онъ разсказалъ Эндиміону, что такъ какъ дѣла его значительно поправились, то онъ думаетъ покинуть Уарвикъ-Стритъ.

— Хочу поселиться около какого нибудь парка, чтобы жена могла кататься верхомъ каждое утро. Кромѣ того намъ уже не нужно столько комнатъ: мы остаемся вдвоемъ, потому что Имогена отъ насъ уѣдетъ.

— А! Она выходитъ замужъ? спросилъ Эндиміонъ вспыхнувъ.

— Да, она выходитъ замужъ, торжественно проговорилъ мистеръ Родней.

— За мистера Уэльдершира? сказалъ Эндиміонъ. — Я этого давно ожидалъ.

— Нѣтъ, не за него.

— Такъ кто-же этотъ счастливый человекъ, потому что иначе не могу назвать его? спросилъ Эндиміонъ.

— Имогена выходитъ замужъ за лорда Бомери.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АКСИОМЪ.

I.

Экономическая наука разрабатывалась многими писателями, но она знает только трехъ основныхъ экономистовъ-мыслителей, классиковъ науки, которые преемственно разрабатывали основныя ея положенія и возвели ихъ на степень аксіомъ. Эти классики-мыслители—Адамъ Смитъ, Рикардо и Марксъ.

Прочное основаніе экономической наукъ положилъ, какъ извѣстно, А. Смитъ трактатомъ о богатствѣ народовъ, явившемся въ 1776 г. Съ особенной яркостью А. Смитъ отбѣняетъ положеніе, что источникъ общественнаго богатства есть человѣческій трудъ. Раздѣляя стоимость на потребительную и мѣновую, онъ разсматриваетъ только послѣднюю, создаваемую трудомъ челоуѣка. Стоимость А. Смитъ измѣряетъ количествомъ труда, потраченнымъ на производство вещи, но полагаетъ, что такое мѣрило имѣло реальное существованіе только у первобытныхъ людей. «Въ первобытномъ, грубомъ состояніи общества, предшествующемъ скопленію капиталовъ и обращенію въ собственность земель, единственное условіе для доставленія какого-либо измѣренія предметовъ мѣны составляетъ, какъ кажется, количество труда, необходимаго для пріобрѣтенія этихъ предметовъ. Если, на примѣръ, у народа, живущаго звѣринымъ промысломъ, считается въ два раза труднѣе убить дикую козу, чѣмъ бобра, то, естественно, что бобръ будетъ обмѣниваться на двѣ козы или будетъ стоить двѣ козы. Такимъ точно образомъ, естественно, что произведеніе двухдневнаго или двухчасоваго труда будетъ стоить вдвое противъ того, что изготовляется однодневнымъ или часовымъ трудомъ». («Исслѣдованіе etc.» кн. I, гл. VI, 167 стр. 1-го тома русскаго изданія).

Что касается до народовъ цивилизованныхъ, то у нихъ стоимость вещи и выраженіе ея въ деньгахъ—цѣна вещи—измѣ-

ряется не величиной человѣческаго труда, а величиной каждаго изъ трехъ слагаемыхъ: прибыли капиталиста, заработной платы рабочаго и ренты земельного собственника. Развивая положеніе далѣе, А. Смитъ впадаетъ однако въ противорѣчіе. Дѣйствительно, съ одной стороны оказывается, что цѣну товаровъ опредѣляетъ величина заработной платы, прибыли и ренты, а съ другой, при частномъ разсмотрѣніи А. Смитомъ каждаго изъ этихъ трехъ слагаемыхъ—выходитъ, что величина слагаемыхъ опредѣляется величиной цѣны, которую даютъ на рынкѣ за продуктъ, т. е. величиной суммы слагаемыхъ. Естественно возникаетъ вопросъ: сумма-ли будетъ опредѣлять величину слагаемыхъ, или слагаемая—величину суммы? Если прибавить къ этому, что ни одно изъ слагаемыхъ не можетъ быть найдено, пока ищутся и еще не найдены другія слагаемыя, то получится заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Для того, чтобъ разрушить чары этого круга, нужно будетъ, какъ увидимъ ниже, найти законъ, опредѣляющій величину стоимости товара независимо отъ того, на какія части и въ какомъ отношеніи будетъ разбиваться эта стоимость, переходя въ руки рабочаго, въ кошелькъ капиталиста и т. п. Кромѣ того, нужно будетъ указать на тѣ причины, которыя обусловливаютъ величину, по крайней мѣрѣ, хоть одного изъ слагаемыхъ. Заслуга разрѣшенія этой задачи принадлежитъ Давиду Рикардо.

Смитъ, полагая основаніе стоимости въ трудѣ чловѣка и утверждая, что «дѣйствительная цѣна всякой вещи, т. е. то, что на самомъ дѣлѣ стоитъ вещь тому, кто желаетъ приобрести ее,—это *трудъ и усилія, какіе необходимо употребить для пріобрѣтенія ся*» (т. I, стр. 135), говоритъ затѣмъ, что мѣновая стоимость вещи есть «трудъ и усилія, которыя могутъ быть получены отъ другихъ людей при ея содѣйствіи» (loc. с. стр. 136), получены, конечно, владѣльцемъ вещи. Но между упомянутыми двумя опредѣленіями громадная разница и, благодаря ей, объясняется, по теоріи Рикардо, происхожденіе прибыли капиталиста.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть производство вещи потребуетъ *отъ меня* «труда и усилій» въ теченіи пяти часовъ. Вещь мной сработана въ пять часовъ, слѣдовательно, таковой будетъ и ея стоимость, согласно первому опредѣленію Смита. Но я отдаю вещь другому, чтобы «получить трудъ и усилія» отъ другаго «при содѣйствіи этой вещи», т. е., попросту говоря, въ вознагражденіе за ея отдачу. Если «другой» въ свою очередь тоже перелилъ свой «трудъ и усилія» въ форму вещи, нужной мнѣ, то за пять часовъ моего «труда и усилій», воплощенныхъ въ моей вещи, я получаю отъ этого «другаго» пять часовъ его

«труда и усилій», воплощенныхъ въ его вещи. Въ этомъ случаѣ можно сказать, что мѣновая стоимость моей вещи равняется количеству «труда и усилій», которые могутъ быть получены отъ другихъ лицъ. Но представьте, что у этого другаго нѣтъ готовой вещи, ибо у него не хватило средствъ на покупку матеріала и орудій производства, а есть только руки, могущія производить «трудъ и усилія», и этотъ трудъ я покупаю «при содѣйствіи вещи». Что-же выйдетъ въ такомъ случаѣ изъ втораго опредѣленія А. Смита? Отдавши пять часовъ труда, воплощенныхъ въ формѣ, напр., ковриги хлѣба, я заставлю чело-вѣка, которому хочется ѣсть, но у котораго нѣтъ вещей для продажи, кромѣ рукъ, поработать въ мою пользу не пять, а десять часовъ. По второму опредѣленію А. Смита окажется, слѣдовательно, что мѣновая стоимость моей вещи равняется десяти часамъ труда, тогда какъ, по первому опредѣленію, она достигаетъ всего только пяти часовъ. Какимъ-же образомъ одна и та-же вещь можетъ имѣть двѣ разныя мѣновыя стоимости?

Роковое недоразумѣніе, просмотрѣнное А. Смитомъ, заключается просто-на-просто въ томъ, что количество труда, воплощенное въ вещи, не одно и то-же съ тѣмъ количествомъ труда, которое можно купить за эту вещь. Последнее вѣрно только тогда, когда мы мѣняемъ не живой трудъ на вещь, а когда мы обмѣниваемся уже прошедшимъ трудомъ, воплощеннымъ въ той и въ другой вещи, словомъ, когда мы мѣняемся вещами. Тутъ, конечно, пять часовъ труда, заключеннаго въ одной вещи, мѣняются на пять часовъ труда, заключеннаго въ другой вещи. Но когда мы покупаемъ за вещь не вещь, не результатъ прошлаго труда, а живой трудъ, рабочія руки, то всегда бываетъ, что мы заставляемъ эти руки трудиться больше, чѣмъ сколько было заключено труда въ нашей вещи: за 5 часовъ, которыхъ стоитъ коврига хлѣба, мы нанимаемъ рабочаго трудиться, положимъ, въ теченіе десяти часовъ.

Смѣшеніе А. Смитомъ двухъ разныхъ понятій,—именно покупки вещами вещей и покупки вещами текущаго труда, поминутно подрѣзывало крылья его гениальному уму. Этой же роковой ошибкой знаменитый экономистъ былъ приведенъ къ тому, что мѣриломъ стоимости вещей онъ нерѣдко называлъ хлѣбъ. Понятенъ логическій процессъ, какимъ А. Смитъ пришелъ къ опредѣленію стоимости вещей хлѣбомъ. Онъ полагалъ, что «трудъ и усилія», употребленные на производство продукта, одно и то же, что «трудъ и усилія», какіе можно купить за готовый продуктъ у представителя живаго труда, рабочаго. Но такъ какъ хлѣбъ составляетъ главную пищу нисшихъ классовъ,

поставляющих рабочія руки, и за него чаще всего покупается человѣческой трудъ, то у А. Смита и построилось уравненіе: стоимость вещи равняется количеству купленнаго за нее труда. Ставя же вмѣсто количества труда количество хлѣба, за которое покупался трудъ, получаемъ уравненіе: стоимость вещи равняется извѣстному количеству хлѣба, или: стоимость вещи измѣряется хлѣбомъ.

II.

Распутать нити этого вопроса удалось Давиду Рикардо. Въ своихъ «Началахъ политической экономіи», онъ ставитъ основнымъ положеніемъ, что «цѣнность предмета, или количество каждаго другаго предмета, за которое онъ обмѣнивается, зависитъ отъ сравнительнаго количества труда, необходимаго на его производство, а не отъ большаго или меньшаго вознагражденія за этотъ трудъ». (Соч. Д. Рикардо, вып. I, стр. 1). Такимъ образомъ тутъ прямо указывается разница между опредѣленіемъ стоимости количествомъ труда, которое было потрачено рабочимъ на извѣстный предметъ, и опредѣленіемъ ея количествомъ труда, за которое можно было купить трудъ рабочаго, дѣлавшаго этотъ предметъ. Предположимъ, что вы дали рабочему въ видѣ заработной платы ковригу хлѣба стоимостью въ пять часовъ. Потребляя вашъ хлѣбъ, рабочій трудился на васъ не пять, а, положимъ, десять часовъ, по истеченіи которыхъ онъ приготовилъ вамъ, положимъ, бритву. Стоимость бритвы будетъ равняться, стало быть, 10 часамъ, между тѣмъ какъ вознагражденіе, данное вами рабочему, заключаетъ стоимость пяти часовъ. И, наоборотъ, стоимость ковриги хлѣба равняется пяти часамъ. Между тѣмъ рабочій, трудившійся надъ производствомъ этой ковриги пять часовъ, получилъ отъ васъ въ видѣ заработной платы, можетъ быть, только стоимость трехъ часовъ. Очевидно, что стоимость ковриги опредѣляется не тѣмъ, какое вознагражденіе получилъ за работу производитель ковриги, а тѣмъ, какое количество труда потратилъ онъ на производство ковриги.

Ясное проведеніе принципа, по которому стоимость предмета опредѣляется количествомъ потраченнаго труда, составляетъ характеристическую черту ученія Рикардо. Пользуясь дедуктивнымъ методомъ изслѣдованія, Рикардо съ замѣчательнымъ мастерствомъ и строгой логичностью выводитъ изъ этого положенія рядъ дальнѣйшихъ умозаключеній. Главное изъ этихъ умозаключеній касается взаимнаго отношенія, въ которомъ нахо-

дятся прибыль капиталиста и заработная плата рабочаго. Объективное разсмотрѣніе Давидомъ Рикардо этого вопроса приводитъ его къ заключенію, что упомянутыя двѣ величины находятся въ прямой противоположности: чѣмъ больше заработная плата, тѣмъ меньше прибыль, и наоборотъ.

Рикардо удачно рѣшаетъ то уравненіе со многими неизвѣстными, котораго не разрѣшилъ А. Смитъ. По ученію А. Смита цѣну продукта опредѣляетъ величина заработной платы, прибыли и ренты, т. е. величина вознагражденія рабочаго, дохода капиталиста и платы собственнику земли. Но когда А. Смитъ переходилъ къ опредѣленію каждой изъ этихъ величинъ порознь, онъ дѣлалъ то, что средневѣковые логики называли *circulum in definitione*. Такъ, напр., на вопросъ о величинѣ прибыли онъ отвѣчалъ, что она должна быть такова, чтобы товаръ вообще продавался по естественной своей цѣнѣ, и чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ рабочіе и рентьеры получали надлежащее количество: первые—заработной платы, вторые—платы за землю, и въ этомъ А. Смитъ видѣлъ нормальное положеніе вещей. Какая же должна быть естественная цѣна товара? Оказывается, что цѣна эта должна давать нормальную прибыль, заработную плату и ренту. Нормальная же прибыль предполагаетъ въ свою очередь нормальную, «естественную» цѣну товара. и т. д.

Рикардо, доказавши, что рента не всегда бываетъ составной частью цѣны продукта, что она возникаетъ только на той землѣ, которая производитъ сырые продукты при наилучшихъ условіяхъ, т. е. съ меньшей затратой человѣческаго труда, чѣмъ остальные участки земли, разлагаетъ цѣну продукта на двѣ величины: на заработную плату и на прибыль. Цѣну же онъ опредѣляетъ независимо отъ этихъ двухъ величинъ. Цѣна, по его мнѣнію, всегда тяготеетъ къ стоимости предмета, а послѣдняя измѣряется количествомъ труда, потраченнаго на производство. Общественный рынокъ платитъ за предметъ большей частью по этой стоимости, онъ оплачиваетъ количество труда, произведшее предметъ. Такимъ образомъ, сумма нашихъ двухъ величинъ, стоимость предмета, опредѣлена независимо отъ своихъ слагаемыхъ.

Далѣе Рикардо беретъ за опредѣленіе одного изъ этихъ слагаемыхъ, заработной платы. Эта плата есть, какъ выражается Рикардо, цѣна труда. Но цѣна труда, цѣна рабочихъ рукъ, подобно цѣнѣ всякихъ другихъ товаровъ, напр., шляпъ, обуславливается двумя обстоятельствами: во первыхъ, стоимостью труда, къ которой постоянно стремится приблизиться цѣна труда, во вторыхъ, измѣняющимися условіями рынка, спро-

сомъ и предложеніемъ рукъ. Стоимость труда, или «естественная цѣна труда» есть та, которая вообще необходима для доставленія рабочимъ средствъ къ существованію и къ продолженію своего рода, какъ безъ возрастанія, такъ и безъ уменьшенія». (стр. 55).

Разъясняя это положеніе, Рикардо говоритъ далѣе, что «средства, которыми располагаетъ рабочій для содержанія себя и своего семейства, необходимаго для сохраненія числа рабочихъ, зависятъ не отъ количества денегъ, какое онъ можетъ получить въ видѣ задѣльной платы, а отъ количества пищи и другихъ предметовъ необходимости и удобства, потребленіе которыхъ вошло у него въ привычку и которое онъ можетъ купить на эти деньги. Естественная цѣна труда зависитъ, слѣд., отъ цѣны пищи и другихъ предметовъ необходимости и удобства, необходимыхъ для содержанія рабочаго съ его семействомъ». (стр. 55). Затѣмъ Рикардо начинаетъ разсматривать вліяніе втораго элемента на цѣну труда,—вліяніе спроса и предложенія. Становясь при этомъ на точку зрѣнія Мальтуса, который утверждаетъ, что народонаселеніе возрастаетъ быстрѣе средствъ къ его существованію, Рикардо естественно приходитъ къ положенію, что цѣна труда, цѣна спрашиваемыхъ и предлагаемыхъ рукъ, стоитъ обыкновенно на минимумѣ средствъ къ жизни, необходимыхъ рабочему. Стоимость этого минимума опредѣляетъ цѣну труда, величину заработной платы. Итакъ, одна изъ величинъ, входящихъ составною частью въ стоимость какого-нибудь продукта, опредѣлена. Величина заработной платы, которая приходится на долю рабочаго, производившаго этотъ продуктъ, равняется стоимости минимума средствъ къ существованію рабочаго.

Теперь уже не трудно опредѣлить и другое слагаемое, т. е., прибыль капиталиста. Оно равняется суммѣ, т. е. стоимости продукта, безъ перваго слагаемаго, т. е. безъ заработной платы. А такъ какъ стоимость продукта измѣряется количествомъ труда, которое потратилъ рабочій на производство, а не величиной заработной платы, отданной рабочему, значитъ, наша сумма, т. е. стоимость продукта, есть среднимъ числомъ величина постоянная. Если же это такъ, то одно изъ слагаемыхъ, составляющихъ сумму, можетъ измѣняться только съ измѣненіемъ другаго. Прибыль, на примѣръ, можетъ повышаться только тогда, когда понизится заработная плата. Заработная плата повысится только тогда, когда понизится прибыль. Очевидно, что уравненіе рѣшено, и при его рѣшеніи оказывается, что прибыль и заработная плата находятся въ прямой противоположности другъ къ

другу, что одна величина можетъ увеличиваться только насчетъ другой и что, во всякомъ случаѣ, та и другая всегда противно положны другъ другу.

Рикардо въ особенности ясно выражаетъ это отношеніе двухъ величинъ въ главѣ, трактующей «О внѣшней торговлѣ». Онъ говоритъ: «Уровень прибыли возрастаетъ единственно вслѣдствіе пониженія задѣльной платы, за исключеніемъ случая, когда понижаются цѣны предметовъ необходимости, на которые она (зарботная плата) расходуется» (стр. 87). И далѣе: «Уровень прибыли никогда не возрастаетъ вслѣдствіе лучшаго распредѣленія труда, механическихъ изобрѣтеній, устройства дорогъ и каналовъ, или вслѣдствіе какихъ-бы то ни было способовъ сокращенія труда какъ въ производствѣ, такъ и въ перевозкѣ товаровъ. Причины эти дѣйствуютъ на цѣны и всегда приносятъ громадныя выгоды потребителямъ, потому что даютъ имъ возможность, при помощи прежняго труда, или въ обмѣнъ за цѣнность продуктовъ прежняго труда, получать гораздо больше товара, въ производствѣ котораго сдѣлано улучшение; но на прибыль онѣ вліянія не имѣютъ. Съ другой стороны, всякое уменьшеніе въ задѣльной платѣ увеличиваетъ прибыль, но не оказываетъ никакого дѣйствія на цѣны товаровъ» (ibid.).

Такой же замѣчательной ясностью, категоричностью и принципиальностью анализа отличаются и прочія положенія Рикардо. Не говоря уже о теоріи ренты,—которая, впрочемъ, была только впервые стройно выражена Рикардо, а открыта Андерсономъ въ 1777 г., —Рикардо прекрасно развилъ всѣ выводы, вытекающіе изъ основнаго принципа его ученія, опредѣленія стоимости количествомъ труда. Антагонистическій характеръ отношеній между тремя классами западноевропейскаго общества былъ выраженъ Рикардо въ противоположности трехъ величинъ: зарботной платы, прибыли и ренты. Мастерскіе приемы изслѣдованія, его, если можно такъ выразиться, прямолинейность въ доказательствахъ, не отвлекающаяся въ стороны отъ предмета, какъ это часто случается съ А. Смитомъ, ставятъ Рикардо въ ряду самыхъ сильныхъ и безпристрастныхъ теоретиковъ политической экономіи. Главы его сочиненія, трактующія о «Налогахъ», до сихъ поръ представляютъ лучшее ученіе по этому вопросу. Но вся сила анализа Рикардо, все его безпристрастіе выступаетъ особенно сильно въ одной изъ послѣднихъ главъ его трактата, содержащей ученіе о «Машинахъ» и о вліяніи ихъ на общественный ходъ вещей.

Краткаго изложенія нами нѣкоторыхъ пунктовъ ученія Рикардо будетъ, кажется, достаточно для того, чтобы читатель могъ

составить себѣ понятіе о значеніи Рикардо, какъ лучшаго классика политической экономіи. Основательное проведеніе чрезъ весь трактатъ принципа, опредѣляющаго стоимость количествомъ труда, и чрезвычайно ясный анализъ общественнаго распредѣленія, отвѣчающій на коренные вопросы науки, откуда берется прибыль, чѣмъ обусловливается величина заработной платы, каково происхожденіе ренты—вотъ лучшее наслѣдіе, которое оставилъ послѣ себя Рикардо.

III.

Прошло лѣтъ 30, прежде чѣмъ нашелся достойный продолжатель идей знаменитаго англійскаго мыслителя. Этимъ преимникомъ явился Карлъ Марксъ.

Карлъ Марксъ родился въ Трирѣ 2 мая 1818 года, слѣдовательно ему теперь 62 года. Марксъ сынъ прусскаго оберберграта (главнаго горнаго совѣтника). Предки его, насколько извѣстно, еврейскаго происхожденія. Въ концѣ 30-хъ годовъ Марксъ слушалъ въ Боннскомъ университетѣ лекціи по юриспруденціи, которую онъ, по его собственному признанію (см. предисловіе въ «Zur Kritik der politischen Oeconomie» 1859 г.), изучалъ не независимо, а «какъ соподчиненную науку на ряду съ философіей и исторіей». Въ 1839 или 40 году онъ оканчиваетъ свои студенческія занятія и въ теченіе 1841 г. занимаетъ кафедру профессора философій въ томъ же Боннскомъ университетѣ. Здѣсь впервые развернулась умственная сила Маркса. Даже Егеръ не отрицаетъ замѣчательныхъ способностей Маркса. Онъ говоритъ напр., что экзамень, сданный Марксомъ на ученую степень, могъ назваться «блестящимъ» (ein glänzendes Examen). Затѣмъ въ 1842—43 Марксъ является редакторомъ «Reinischen Zeitung». Къ этой эпохѣ жизни Маркса относится поворотъ въ его занятіяхъ, которыя отнынѣ направляются на изученіе исключительно политической экономіи. Указаніе самого Маркса на причины или, вѣрнѣе, на ближайшіе поводы этого поворота настолько характеристично и настолько выставляетъ въ выгодномъ свѣтѣ скромность знаменитаго мыслителя, что мы дадимъ здѣсь переводъ нѣсколькихъ строкъ изъ предисловія къ «Zur Kritik...»,—тѣхъ строкъ, въ которыхъ Марксъ касается этого вопроса. «Я, въ качествѣ редактора «Reinischen Zeitung», былъ впервые поставленъ въ затруднительное положеніе высказать что-нибудь относительно такъ называемыхъ матеріальныхъ интересовъ. Пренія рейнскаго ландтага о покражахъ лѣса и раздробленіи поземель-

ной собственности, затѣмъ официальная полемика, которую затѣялъ господинъ фонъ-Шаперъ, тогдашній оберпрезидентъ рейнской провинціи, съ «Reinische Zeitung» по вопросу о положеніи мозельскихъ крестьянъ, наконецъ, споръ о свободной торговлѣ и покровительственныхъ пошлинахъ были первымъ поводомъ многихъ занятій экономическими вопросами. Съ другой стороны, въ тогдашнее время, когда неоднократно уже выплывала наружу тенденція (gutes Willen) «идти дальше» познанія вещей, въ «Reinische Zeitung» отдалось эхо французскаго социализма и коммунизма, замазанное плоховатой философскою окраской. Я высказался тогда противъ этого кропанья, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ споръ съ «Allgemeine Augsburgische Zeitung» прямо заявилъ, что мои настоящія знанія (Studien) не даютъ мнѣ права отважиться на какой-нибудь приговоръ относительно сущности французскихъ школъ». Марксъ вступилъ въ разногласіе съ издателями (Geranten) «Reinische Zeitung» по поводу помѣщенія въ газетѣ «кропанья», бывшаго отголоскомъ идеалистическаго социализма Франціи, того самаго социализма, который искалъ рѣшенія «жгучихъ вопросовъ» не въ реальныхъ условіяхъ дѣйствительности, а въ созиданіи разныхъ фантастическихъ системъ, какъ осчастливить человѣчество. Марксъ, всегда возстававшій противъ стремленія декретировать это счастье, всегда отыскивавшій рѣшеніе вопросовъ о человѣческомъ счастьи не въ собственныхъ измышленіяхъ, а въ научномъ изслѣдованіи реальныхъ явленій извѣстной эпохи, былъ недоволенъ «эхомъ» идеалистическихъ французскихъ системъ, которое было къ тому-жъ замазано плоховатой философскою окраской». Въ концѣ концовъ онъ отказался отъ редакторства и, сознаваясь вполне открыто въ недостаточности своихъ знаній (замѣтите, это говорилъ человѣкъ, обладавшій замѣчательными способностями, блестяще кончившій курсъ, бывшій профессоромъ), порѣшилъ пополнить пробѣлы своего образованія, для чего «удалился съ арены общественной дѣятельности въ кабинетъ».

Упорное исканіе истины, умѣнье не отвлекаться отъ развѣ принятаго намѣренія погоней за вѣншимъ блескомъ, за общественнымъ положеніемъ и т. п. никогда не покидало Маркса. Эта черта не могла пройти незамѣченной даже предъ глазами враждебнаго Марксу Егера. Послѣдній рассказываетъ, напр., о Марксѣ слѣдующее. Въ 1843 г. юный мыслитель женился на Джени Вестфаленъ, сестрѣ того фонъ-Вестфаленъ, который позже былъ членомъ министерства Мантейфеля. Но женитьба на богатой аристократкѣ не могла поселить въ Марксѣ желанія сдѣлать себѣ, какъ говорится, карьеру, хотя это было-бы для него крайне легко. Ему предлагали протекцію его родные и родные

его жены, но Марксъ отказался отъ государственной службы, хотя его дарованія и родственныя связи легко открыли-бы ему карьеру.

Въ 1844 году мы застаемъ Маркса въ Парижѣ. Здѣсь онъ начинаетъ издавать съ Арнольдомъ Руге «Deutsch-französischen Jahrbücher», а съ Генрихомъ Гейне листокъ «Vorwärts». На страницахъ «Jahrbücher» появляется первый трудъ Маркса, носящій на себѣ печать упорнаго занятія научными вопросами, ради которыхъ Марксъ уже въ началѣ 1843 года «удалился въ кабинетъ». Это было введеніе къ критическому обзору гегелевской философіи права. Предпринялъ это сочиненіе Марксъ, по его собственнымъ словамъ, «ради разрѣшенія осаждавшихъ меня тогда сомнѣній». Изслѣдованіе терзавшихъ умъ Маркса вопросовъ привело его впервые къ основному взгляду на вещи, который онъ послѣдовательно проводилъ во всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ трудахъ. Марксъ резюмируетъ этотъ замѣчательный взглядъ въ слѣдующихъ словахъ: «Правовыя отношенія, какъ и государственныя формы, не могутъ быть поняты ни сами по себѣ, ни изъ такъ называемаго всеобщаго развитія человѣческаго духа, но скорѣе коренятся въ матеріальныхъ жизненныхъ условіяхъ, совокупность которыхъ Гегель, по примѣру англичанъ и французовъ 18-го столѣтія, кратко обозначилъ подъ именемъ «гражданскаго» (bürgerlichen) общества; анатомію буржуазнаго общества нужно искать въ политической экономіи».

Марксъ дѣйствительно началъ вскрывать ножомъ политической экономіи тѣло современнаго общества, началъ анатомировать формы окружавшей его дѣйствительности. Онъ почувствовалъ, что попалъ на настоящій научный путь, который какъ разъ подходилъ къ его аналитическому уму, неумолимо выводившему одну цѣпь умозаключеній изъ другой. Нужно было найти только путеводную нить. Изученіе политической экономіи, которой онъ посвящалъ не мало времени въ Парижѣ и не прекращалъ въ Брюсселѣ,—это изученіе дало Марксу требуемую нить.

«Общій результатъ, который явился предо мной и разъ приобрѣтенный послужилъ путеводной нитью въ моихъ занятіяхъ, говоритъ Марксъ въ предисловіи къ «Zur Kritik», вкратцѣ можно сформулировать такъ: въ общественномъ производствѣ своей жизни люди находятъ опредѣленные, необходимыя, независящія отъ ихъ воли отношенія, отношенія производства, которыя соответствуютъ опредѣленнымъ ступенямъ развитія ихъ матеріальныхъ производительныхъ силъ. Совокупность этихъ отношеній производства составляетъ экономическую структуру общества, реальный базисъ, на которомъ возвышаются юридическія и по-

литическія надстройки и которому соотвѣтствуютъ опредѣленные, общественныя формы сознанія. Способъ производства матеріальной жизни обусловливаетъ социальный, политическій и вообще духовный процессъ жизни. Не сознаніе людей опредѣляетъ ихъ бытіе, но наоборотъ, ихъ общественное бытіе опредѣляетъ ихъ сознаніе. На извѣстной ступени своего развитія матеріальныя общественныя производительныя силы становятся въ противорѣчіе съ существующими отношеніями производства или, — что только есть одно юридическое выраженіе этого, — съ отношеніями собственности, внутри которыхъ эти силы доселѣ двигались. Изъ формъ развитія производительныхъ силъ эти отношенія превращаются въ оковы ихъ. Тогда наступаетъ эпоха социальнаго переворота. Съ измѣненіемъ экономическихъ основаній рушится болѣе или менѣе быстро вся громадная надстройка. По отношенію къ такимъ переворотамъ нужно постоянно дѣлать различіе между матеріальнымъ, вѣрно констатирующимся съ научной точки зрѣнія, переворотомъ въ экономическихъ условіяхъ производства и между юридическими, политическими, религіозными, творческими или философскими, короче сказать, идеологическими формами, въ которыхъ себя сознаютъ люди этого переворота и участвуютъ въ немъ. Сколь мало судятъ о данномъ человѣкѣ на основаніи того, что онъ думаетъ о себѣ, столь-же мало можно судить о такой эпохѣ переворота по сознанію этой самой эпохи; скорѣй, напротивъ, это-то сознаніе и нужно объяснить изъ противорѣчія матеріальной жизни, изъ существующей борьбы между общественными производительными силами и отношеніями производства. Общественная формація никогда не рушится прежде, чѣмъ не разовьются всѣ производительныя силы, которыя уже болѣе не нуждаются въ ней, и новыя высшія отношенія производства не заступаютъ никогда мѣста прежнихъ раньше, чѣмъ матеріальныя условія существованія первыхъ не будутъ уже высижены (ausgebrütet) въ нѣдрахъ самаго стараго общества. Поэтому человечество ставитъ себѣ задачи всегда только такія, какія оно можетъ разрѣшить, ибо болѣе точное наблюденіе всегда покажетъ, что самая задача возникаетъ только тогда, когда уже существуютъ матеріальныя условія ея разрѣшенія или, по крайней мѣрѣ, могутъ быть поняты въ процессѣ своего возникновенія. Въ крупныхъ чертахъ азіатскій, античный, феодальный и современно-буржуазный способы производства могутъ быть описаны, какъ прогрессивныя эпохи экономической формаціи общества. Буржуазныя отношенія производства представляютъ собой послѣднюю антагонистическую форму общественнаго производства... Этою общественною формаціею заключается, стало

быть, первобытная исторія человѣческаго общества» (Vorgeschichte)».

Мы нарочно представили читателю длинную выписку изъ Маркса, чтобы болѣе не упоминать о взглядахъ его на философію исторіи: въ приведенной цитатѣ достаточно ясно выражается общій взглядъ Маркса на вещи. Такимъ образомъ мы будемъ касаться ниже Маркса, только какъ экономиста.

Въ 1845 году, находясь въ Брюсселѣ, Марксъ порѣшилъ съ Энгельсомъ,—авторомъ извѣстнаго «Положенія рабочихъ классовъ въ Англіи»,—выработать сообща стройную систему воззрѣній, противорѣчащую идеологической нѣмецкой философіи. Это намѣреніе было выполнено въ видѣ критики послѣ гегельянской философіи. Въ 1848 году Марксъ оставилъ Бельгію, направился во Францію, затѣмъ въ Германію и остановился въ Кельнѣ съ намѣреніемъ издавать газету. Здѣсь его листокъ скоро былъ запрещенъ, потому что Марксъ, по словамъ Егера, «круто обращался въ немъ съ героями фразъ и буржуазіей». Снова взявъ анатомъ современнаго общества свой страннической посохъ и въ 1849 г. явился на берегахъ Сены, а затѣмъ (1850 г.) переселился въ Лондонъ, гдѣ и живетъ до сихъ поръ. Изъ полемическихъ произведеній Маркса необходимо указать на «Нищету философіи», служащую отвѣтомъ на прудоновскую «Философію нищеты». Замѣчательно сжатое и научное содержаніе этой книжки Маркса, рѣзкая, чрезвычайно сильная и саркастичная критика французскаго «кропанья», которое такъ давно было не по душѣ Марксу, свидѣлствуютъ о необыкновенной логической силѣ автора. Въ нѣсколькихъ строкахъ введенія уже виденъ весь Марксъ: «Г. Прудонъ имѣетъ несчастье быть непризнаваемымъ (être méconnu) въ Европѣ. Во Франціи за нимъ признается право быть плохимъ экономистомъ, потому что онъ слыветъ тамъ за хорошаго нѣмецкаго философа. Въ Германіи за нимъ признается право быть плохимъ философомъ, потому что онъ слыветъ здѣсь за одного изъ самыхъ сильныхъ французскихъ экономистовъ. Мы, въ качествѣ нѣмца и въ то же время экономиста, пожелаемъ протестовать противъ этой двойной ошибки». Протестуя на 178 страницахъ противъ этой ошибки, Марксъ такъ характеризуетъ Прудона: «Г. Прудонъ льститъ себя надеждой, что далъ критику и политической экономіи, и коммунизма: онъ на самомъ дѣлѣ ниже и той и другаго... Онъ хочетъ быть синтезомъ, но онъ — сложное заблужденіе. Онъ хочетъ парить, какъ человѣкъ науки, надъ буржуа и пролетаріями; но онъ ничто иное, какъ маленькій буржуа, безпрестанно качающійся на подобіе маятника (balloté) между капиталомъ и трудомъ, между

политической экономіей и коммунизмомъ». (*Misère de la philosophie*, стр. 119—120).

Съ 1850 г. Марксъ снова возобновляетъ въ Лондонѣ свои научныя занятія, прерванныя событіями 1848 и 49 г. «Громадный матеріалъ по исторіи политической экономіи, нагроможденный въ британскомъ музее, говоритъ Марксъ, благоприятная точка зрѣнія, которую представлялъ Лондонъ для наблюденія буржуазнаго общества, наконецъ, новая стадія развитія, въ которую, какъ казалось, вступило послѣднее съ открытіемъ калифорнскаго и австралійскаго золота, заставили меня принятыя снова за занятія совершенно сначала и критически обработать новый матеріалъ.» (Предисловіе къ «*Zur Kritik*») Плодомъ этихъ занятій явилось сочиненіе „*Zur Kritik der politischen Oeconomie*“, помѣченное 1859 г. Какъ видитъ читатель, Марксъ имѣлъ право сказать о себѣ: «очеркъ моихъ занятій въ области политической экономіи долженъ только показать, что мои воззрѣнія, какъ-бы о нихъ не судили и какъ-бы они не противорѣчили предразсудкамъ, вытекающимъ изъ интересовъ господствующихъ классовъ, представляютъ результатъ добросовѣстнаго и долголѣтнаго изученія.» (Пред. къ «*Zur Kritik*») Вѣрный научной истинѣ, Марксъ не измѣнилъ своихъ основныхъ взглядовъ и въ «Капиталѣ», изданномъ имъ въ 1867 г. *).

Не касаясь практическихъ выводовъ автора, мы постараемся представить читателю научную сторону марксовскихъ взглядовъ, какъ лучшаго современнаго экономиста—классика, какъ прямаго преемника Рикардо.

IV.

Противъ Рикардо не разъ уже поднимались возраженія съ цѣлю подрвать кредитъ рикардіанскаго принципа, измѣряющаго стоимость количествомъ труда. Главнымъ образомъ эти возраженія были слѣдующаго характера. Опредѣленіе стоимости количествомъ труда, по мнѣнію противниковъ Рикардо, стоитъ въ противорѣчій съ фактами дѣйствительности. Представьте, напр., говорятъ они, что продуктъ одного и того-же рода изготовляютъ два производителя, и одинъ изъ нихъ болѣе искусенъ и прилеженъ, чѣмъ другой. Первый оканчиваетъ производство продукта, положимъ, въ пять часовъ, а второй—въ десять часовъ.

*) Пока вышелъ только первый томъ этого сочиненія, трактующій о «процессѣ производства капитала.» Второй томъ, содержащій въ себѣ, по плану автора, процессъ обращенія капитала, еще не явился въ свѣтъ.

Если-бы стоимость опредѣлялась количествомъ труда, то продуктъ имѣлъ-бы на общественномъ рынкѣ, во первыхъ, двѣ различныя стоимости, пятичасовую и десятичасовую, а это противорѣчитъ дѣйствительности. Во вторыхъ, продуктъ труда болѣе недовкаго и лѣниваго рабочаго цѣнился-бы дороже того-же самого продукта, сработаннаго руками болѣе искуснаго рабочаго, что опять противорѣчитъ дѣйствительности, въ которой болѣе лѣнивый и неискусный производитель побивается производителемъ болѣе искуснымъ. Опредѣленіе стоимости количествомъ труда, какъ возражали противники Рикардо, есть одна изъ нелѣпѣйшихъ выдумокъ. Это опредѣленіе выдаетъ, такъ сказать, фальшивый патентъ на человѣческую лѣность. Согласно ему, каждый производитель долженъ былъ-бы для полученія болѣе стоимости на рынкѣ за свой продуктъ какъ можно болѣе возиться надъ его производствомъ. Непонятнымъ тогда становится весь прогрессъ промышленности, который заключается въ томъ, чтобы при помощи улучшенныхъ способовъ производства производить продукты съ наименьшей затратой труда: съ какой стати, въ самомъ дѣлѣ, вводить, напр., швейную машину, когда, по теоріи Рикардо, ручной портняжный трудъ, требующій больше времени для шитья разныхъ одеждъ, получаетъ на рынкѣ большую стоимость, чѣмъ трудъ производителя, работающаго при помощи машины?

Марксъ возражаетъ на это такъ: Да, говоритъ онъ, стоимость предмета измѣняется количествомъ труда, но какого труда? «общественно необходимаго,» т. е. такого труда, который производитъ продукты въ данный моментъ среднимъ минимумомъ труда, минимумомъ, зависящимъ отъ общественныхъ современныхъ условій производства. Если въ настоящее, напр., время на рынкѣ работаютъ портные обыкновенно при помощи швейныхъ машинъ, то конкуренція, устанавливающая однообразныя цѣны за продуктъ, заставитъ портныхъ, работающихъ руками, сбывать продукты по той-же стоимости, по которой сбываютъ его и владѣльцы швейныхъ машинъ, не смотря на то, что первые тратятъ больше труда на производство, чѣмъ послѣдніе. Равнымъ образомъ, если среднимъ числомъ какой-нибудь продуктъ требуетъ для своего производства обыкновенно, въ данное время, пяти часовъ, то если-бы отдѣльный производитель проработалъ-бы десять часовъ, ему на рынкѣ заплатятъ все-таки за пять часовъ. Словомъ, общественная конкуренція играетъ въ данномъ случаѣ роль счетчика, опредѣляющаго среднюю арифметическую величину. Въ производствѣ продуктовъ бываетъ то-же самое, что бываетъ въ производствѣ хоть метео-

рологических наблюдений. Для каждой мѣстности есть известная величина температуры, средняя температура, которая опредѣляетъ характеръ мѣстности. Температура отдѣльнаго дня можетъ колебаться вверхъ и внизъ, но среднимъ числомъ известный мѣсяцъ имѣетъ всегда опредѣленную мѣстную температуру. Эта средняя величина температуры опредѣляетъ, въ числѣ прочихъ климатическихъ условій, характеръ растительности и т. п. Колебания же температуры среднимъ числомъ уравниваются.

То же самое и въ производствѣ продуктовъ. Существуетъ для данной мѣстности въ известную эпоху средняя, если можно такъ выразиться, температура успѣшности труда. Известный продуктъ требуетъ для своего производства среднимъ числомъ опредѣленнаго количества часовъ труда. Это количество и будетъ опредѣлять общественную стоимость продукта, и каждый отдѣльный производитель за такой продуктъ получить именно эту стоимость, — ни болѣе, ни менѣе, хотя-бы количество труда, потраченное имъ лично, не будетъ совпадать съ количествомъ, которое вообще, среднимъ числомъ, требуется при данныхъ общественныхъ условіяхъ для производства продукта. Если въ данной мѣстности, въ известный историческій періодъ, царитъ исключительно, напр., ручной трудъ, ну хоть шитье иглой, то этотъ средній ручной трудъ и будетъ мѣриломъ стоимости одеждъ. Владѣльцы швейныхъ машинъ будутъ получать въ этотъ періодъ большую выгоду, потому что за меньшее количество своего труда, которое требуется для производства продукта при помощи машины, они получаютъ ту же стоимость, какую получаютъ за большее количество своего труда портные, шьющіе иглой. Наоборотъ, если въ данный историческій періодъ, въ известной странѣ, развитъ преимущественно машинный способъ шитья, то мѣриломъ стоимости будетъ количество труда, потребное для производства продукта среднимъ числомъ при машинѣ. Тогда конкуренція, эта неумолимая арифметика, выводящая среднюю величину, заставитъ рынокъ платить за продукты ручнаго шитья такъ же дешево, какъ за продукты машиннаго, и портные, шьющіе иглой, будутъ въ этотъ періодъ, очевидно, подвергаться всевозможнымъ лишениямъ.

Такъ же рѣшается вопросъ и относительно лѣниваго и неискускаго производителя. Пусть такой субъектъ возится надъ производствомъ какого-нибудь предмета хоть цѣлую вѣчность: ему заплатятъ только за то количество труда, какое среднимъ числомъ необходимо въ известный періодъ для производства этого предмета. Словомъ, современное общество походитъ на мифическаго Прокуста. Оно укладываетъ на рынокъ, на это современное про-

кустово ложе, каждаго производителя и не смотритъ на его индивидуальность. Неумолимо вытягиваетъ оно того, кто короче этого ложа, неумолимо отрубаетъ производительныя ноги тому, кто длиннѣе его.

Но что-же такое средній трудъ и какъ можно назвать его иѣриломъ, когда мы видимъ, что въ современномъ обществѣ существуетъ безчисленное множество различныхъ родовъ труда? Марксъ разрѣшилъ этотъ вопросъ такимъ образомъ. Онъ говоритъ, что не смотря на кажущееся различіе труда портнаго, философа, носильщика, поэта—во всѣхъ нихъ есть одно общее: всѣ роды труда есть роды человѣческаго труда. Человѣческій же трудъ вообще характеризуется тѣмъ, что онъ вызывается и сопровождается тратой составныхъ частей человѣческаго организма, сгораніемъ въ кислородъ мускуловъ, нервовъ мозга и т. п. Трудъ и трата частей организма есть въ сущности одно и то же, они—выраженіе одной и той-же вещи съ двухъ точекъ зрѣнія, объективной и субъективной. Съ объективной точки зрѣнія, по отношенію къ результату, дѣятельность есть трудъ, производство. Съ субъективной точки зрѣнія—она будетъ тратою человѣческаго организма, которая отражается въ сознаніи человѣка въ формѣ <усилій.>

Но какія-же усилія назвать средними, какой трудъ будетъ среднимъ? Среднимъ будетъ трудъ простой. Статистическія данныя любаго государства представляютъ доказательство, что представители простаго труда, т. е. нисшаго рода труда, не требующаго особой долговременной подготовки, особаго искусства, особаго таланта, рѣшительно преобладаютъ надъ интеллигентными работниками, отправляющими сложныя профессіи и удовлетворяющими высшимъ требованіямъ общества. Это рѣшительное преобладаніе простаго труда надъ трудомъ сложнымъ, составляетъ характеристическую черту современнаго общества. Она сказывается въ томъ, что иѣриломъ стоимости является средній *простой*, значить, *общечеловѣческій* трудъ, т. е. такой трудъ, къ которому способенъ вообще всякій обыкновенный нормальный человѣкъ безъ особой подготовки. Этотъ трудъ есть, такъ-сказать, естественная функція человѣческой мышечной и нервной системы. Всѣ-же сложные роды труда, требующіе болѣе или менѣе значительной подготовки отъ работника, извѣстнаго навыка, развитія, ловкости и т. п. приводятся къ этому простому труду. Меньшее количество высшаго труда разлагается, конечно, при этомъ на большее количество нисшаго труда, подобно тому, какъ ядъ, заключенный въ капль синильной кислоты, растворяется на безчисленное множество капель лавро-

новишней воды. Процессомъ приведенія высшаго труда къ низшему завѣдуетъ опять конкуренція. Если, напр., въ обществѣ слишкомъ много представителей высшаго труда, то произведенія ихъ, воплощающія въ себѣ этотъ трудъ, слишкомъ наводнятъ рынокъ, сравнительно съ продуктами первой необходимости. Стоимость первыхъ должна понизиться относительно вторыхъ, стоимость вторыхъ повысится относительно первыхъ, и, благодаря этому, извѣстное количество высшаго труда будетъ сводиться на меньшее количество низшаго труда, чѣмъ сводилось оно раньше.

Но какимъ процессомъ совершается приравниваніе различныхъ количествъ разнаго рода труда къ извѣстному, большому количеству простаго, общечеловѣческаго труда, т. е., иначе говоря, какимъ орудіемъ пользуется конкуренція для этого приравниванія? Она пользуется процессомъ общественнаго, отвлеченія специфическихъ особенностей разныхъ родовъ труда и представленіемъ ихъ просто въ видѣ траты разнаго по количеству, но одинаковаго по качеству человѣческаго труда. Предъ лицомъ конкуренціи исчезаетъ различіе особенностей различныхъ работъ; для нея всѣ работы—только различные способы траты одной и той-же человѣческой силы, всѣ онѣ равно необходимы въ обществѣ,—сапожная работа, какъ и поэтическое творчество. Пускай въ первой изъ нихъ нужно строчить сапоги, во второй—сочинять стихи, пусть въ первой работникъ долженъ держать въ рукахъ кожу и шило, а во второй—бумагу и перо: это совершенно безразлично. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ работаетъ человѣкъ. Трудъ сапожника, насколько онъ шьетъ сапоги, и трудъ поэта, поскольку онъ пишетъ оды, Марксъ называетъ *конкретнымъ* трудомъ. Трудъ-же и сапожника и поэта, просто, какъ людей, которые, въ отличіе отъ животныхъ, сознательно направляютъ свою дѣятельность, Марксъ называетъ *абстрактнымъ* трудомъ. Мѣриломъ стоимостей и есть такой абстрактный, общечеловѣчскій, а не личный индивидуальный трудъ Петра или Ивана.

Исходя изъ представленія абстрактнаго и конкретнаго труда, новая теорія слѣдующимъ образомъ развиваетъ понятіе о стоимости. Сапожникъ Петръ и поэтъ Иванъ оба трудятся, оба они—люди. Но въ то же время Петръ шьетъ сапоги, а Иванъ пишетъ стихи, стало быть, оба они трудятся различнымъ способомъ. Въ современномъ обществѣ вещи готовятся производителемъ не для себя, а для другихъ лицъ. Современные продукты являются повтому не просто продуктами, а товарами. Значить, и сапоги—товаръ, и стихи—товаръ. Два эти товара про-

изведены трудомъ; значить, они имѣютъ извѣстную стоимость. Но сапожникъ, сшившій сапоги, и поэтъ, написавшій стихи, во-первыхъ, — работники двухъ различныхъ отраслей промышленности, во-вторыхъ, оба—одинаково люди. Сообразно этому и трудъ ихъ имѣетъ двойственный характеръ: во-первыхъ, характеръ особеннаго занятія, а во-вторыхъ, — вообще *человѣческой* работы, или характеръ *конкретнаго* и *абстрактнаго* труда. Эта двойственность отражается въ свою очередь на двойственности стоимости, заключенной въ ихъ товарахъ. Ихъ трудъ, въ качествѣ конкретнаго, произвелъ на свѣтъ съ одной стороны сапоги, въ которыхъ можно ходить, съ другой—стихи, которыми можно восхищаться. Свойство сапоговъ—защищать ногу, и свойство стиховъ—восхищать читателей,—называются потребительною стоимостью сапоговъ и стиховъ. Значить, конкретный трудъ производитъ потребительныя стоимости.

Но тотъ-же трудъ сапожника и поэта, въ качествѣ абстрактнаго, просто человѣческаго труда, придалъ способность сапогамъ и стихамъ обмѣниваться однимъ на другое. Эта способность есть мѣновая стоимость сапоговъ и стиховъ. Значить, абстрактный трудъ производитъ мѣновыя стоимости.

Но вѣдь, собственно говоря, конкретный и абстрактный трудъ не есть двойной трудъ человѣка, но одинъ трудъ, только разсматриваемый съ двойной точки зрѣнія. Сапожникъ и поэтъ не трудились сначала конкретно, а потомъ абстрактно, но, трудясь конкретно, т. е. работая шиломъ и перомъ, они трудились вмѣстѣ съ тѣмъ абстрактно. Въ одно и то-же время они создали и потребительную стоимость сапоговъ и стиховъ и придали этимъ вещамъ стоимость мѣновую. Соединеніе въ этихъ вещахъ свойства удовлетворять человѣческимъ потребностямъ ногъ и головы и способности взаимно обмѣниваться, т. е. соединеніе потребительной и мѣновой стоимостей, дѣлаетъ изъ этихъ вещей товары. Итакъ, для того, чтобъ продуктъ превратился въ товаръ, нужно, чтобы сверхъ потребительной стоимости онъ былъ еще мѣноюю,—первою для потребителя, второю для производителя. Иначе говоря, нужно, чтобы люди производили продукты не лично для себя, а для другихъ людей.

V.

Главная научная заслуга Маркса заключается въ томъ, что онъ прослѣдилъ развитіе мѣновой стоимости до ея представленія въ деньгахъ. Какъ всѣ роды конкретнаго труда приравниваются другъ къ другу, такимъ-же точно образомъ и товары,

какъ-бы ни были различны потребительныя ихъ стоимости, приравниваются въ извѣстныхъ количествахъ другъ другу, какъ формы, въ которыя влита одна сущность, — общечеловѣческой, абстрактный трудъ. Товары, заключающіе въ себѣ одинаковое количество общечеловѣческаго труда, равны другъ другу, но въ то-же время различны по формѣ, такъ какъ одинаковое количество абстрактнаго труда тратилось различными конкретными способами, которые произвели столько-же различныхъ потребительныхъ стоимостей. Итакъ, товары въ извѣстныхъ количествахъ равны другъ другу, но различны по внѣшнимъ ихъ свойствамъ. Вотъ начало мѣны товаровъ. Очевидно, мѣновой процессъ товаровъ развивалъ въ теченіи долгихъ лѣтъ общественной жизни человѣчества различныя формы обмѣна, сначала менѣ совершенныя, затѣмъ болѣе совершенныя. Отъ этихъ формъ обмѣна зависятъ, конечно, и формы мѣновой стоимости, или просто стоимости.

Одной изъ самыхъ простыхъ формъ обмѣна является мѣновое отношеніе двухъ товаровъ;

20 локтей холста = 1 сюртуку.

Холстъ, согласно Марксу, стоитъ въ относительной формѣ стоимости, сюртукъ — въ эквивалентной. Это значить, что стоимость одного товара, холста, относится, сравнивается съ другимъ товаромъ, сюртукомъ, на который затрачено одинаковое количество труда и который потому равняется, эквивалентенъ по стоимости холсту. Мѣновая стоимость холста отдѣляется отъ тѣла холста и выражается въ тѣлѣ сюртука, въ его потребительной стоимости. Для лучшаго уясненія этихъ вопросовъ мы представимъ читателю дѣло съ исторической стороны.

Между собой сталкиваются двѣ общины, живущія первобытною жизнію. Въ числѣ прочихъ продуктовъ, производимыхъ общинами, находятся два такихъ продукта, изъ которыхъ одинъ по мѣстнымъ условіямъ можетъ производиться только въ одной общинѣ, а другой — только въ другой. Между общинами возникаютъ торговыя отношенія. Одна изъ общинъ предлагаетъ въ обмѣнъ холстъ, другая сюртукъ. (Разумѣется, это анахронизмъ, но дѣло только въ примѣрѣ). Холстъ сначала не имѣлъ для первой общины мѣновой стоимости, но лишь потребительную. Но вотъ онъ требуется въ обмѣнъ и пріобрѣтаетъ значеніе мѣновой стоимости, потому что позволяетъ пріобрѣтать за себя извѣстное количество сюртуковъ. Насколько же широко можетъ быть для первой общины значеніе холста, какъ мѣновой стоимости? Ровно настолько, насколько эта община пріобрѣтаетъ отъ другой общины сюртуки для удовлетворенія своихъ потребностей. Зна-

читать, мѣновая стоимость холста служить не къ чему иному, какъ къ добыванію сюртука, или, иначе, выражается въ потребительной стоимости сюртука, который надѣваетъ на себя прежній владѣлец холста. Сколько аршинъ холста придется отдать за сюртукъ, рѣшаетъ грубая практика обмѣна, но несомнѣнно, что этотъ обмѣнъ будетъ хотя приблизительно регулироваться равными количествами труда, которыя затратили члены первой общины на извѣстное число аршинъ холста, а члены второй— на извѣстное число сюртуковъ. Крупное неравенство въ обмѣнѣ сейчасъ-же сказалось-бы въ томъ, что членамъ той или другой общины показалось-бы крайне невыгоднымъ мѣняться продуктами. Все сказанное остается вѣрнымъ, если мы станемъ на точку зрѣнія второй общины.

Переходимъ ко второй, или развернутой формѣ стоимости.

20 локтей холста = 1 сюртуку = 10 фунтамъ чаю = четверту пшеницы и т. д.

Положимъ, что во второй общинѣ производится не только сюртукъ, но и кофе, и пшеница и т. д., между тѣмъ какъ этихъ продуктовъ нѣтъ въ первой общинѣ. Первая община захочетъ имѣть въ обмѣнъ за холстъ всѣ эти продукты. Мѣновая стоимость ея холста расширяется теперь. Она начинаетъ выражаться въ цѣломъ рядѣ потребительныхъ стоимостей, производимыхъ во второй общинѣ. Расширяется и операція обмѣна. Такъ какъ холстъ мѣняется теперь на цѣлую массу товаровъ, то пропорція, въ которой онъ долженъ мѣняться на каждый изъ этихъ товаровъ, будетъ болѣе справедлива и точнѣе выразитъ отношеніе мѣноваго равенства между товарами, произведенными одинаковымъ количествомъ труда. Это, конечно, понятно, такъ какъ все, что даетъ болѣе поводовъ къ сравняванію, даетъ возможность тѣмъ самымъ вѣрнѣе сравнивать. Станьте на точку зрѣнія второй общины, и вы будете имѣть третью форму стоимости, развернутую обратную:

$$\left. \begin{array}{l} 1 \text{ сюртукъ} \\ 10 \text{ фунтовъ чаю} \\ 1 \text{ четверть пшеницы} \end{array} \right\} = 20 \text{ локтямъ холста.}$$

Вторая община, обмѣнивающая сюртуки, чай, пшеницу и т. п. на холстъ, будетъ видѣть въ холстѣ товаръ, который позволяетъ ей естественно сравнивать между собой ея разнообразные продукты. Если за 1 сюртукъ можно купить 20 локтей холста, если за 10 ф. чаю можно купить то же количество холста, то очевидно, что стоимость сюртука и 10 ф. чаю равна. Такимъ образомъ холстъ является мѣриломъ сравненія, единицей мѣры

товарной стоимости. Вторая община, постоянно обмѣнивающая свои продукты на холстъ, начиная разлагаться подъ вліяніемъ торговли и военныхъ столкновеній и переходить отъ общиннаго производства къ частному производству и, стало быть, обмѣну разныхъ продуктовъ между своими членами, находитъ уже готовое орудіе для сравненія цѣнности обмѣниваемыхъ ея членами продуктовъ: 10 ф. чаю и 1 сюртукъ, покупающіе одинаковое число локтей холста, идутъ въ обмѣнъ другъ за друга внутри второй общины. Но чѣмъ болѣе выступаетъ роль холста, какъ мѣрилы стоимостей и какъ товара, непосредственно обмѣниваемого на всѣ продукты, тѣмъ болѣе эти продукты теряютъ способность обмѣниваться прямо другъ на друга. Первоначально они не мѣнялись внутри второй общины другъ на друга, а лишь всѣ мѣнялись на холстъ первой общины. Когда-же наступила эпоха частнаго обмѣна, то разлагающаяся вторая община, по естественной непреодолимой традиціи, перешедшей въ привычку, стала мѣняться своими товарами не столько прямо, сколько при посредствѣ холста, бывшаго, кромѣ того, мѣриломъ товарной стоимости. Теперь въ холстѣ являются уже всѣ признаки денегъ. Поставьте на мѣсто холста золото, и вы будете имѣть современную денежную форму стоимости:

$$\left. \begin{array}{l} 1 \text{ сюртукъ} \\ 10 \text{ фунтовъ чаю} \\ 1 \text{ квартеръ пшеницы} \end{array} \right\} = 2 \text{ унціямъ золота.}$$

Разумѣется, золото не всегда играло роль денегъ. Роль эта выпадала нѣкогда на долю рабовъ, скота и т. п. Только съ теченіемъ времени человѣчество естественно, безъ всякаго сознательнаго соглашенія, пришло къ золоту, какъ къ удобному исполнителю функціи денегъ.

Эта теорія Маркса, являющаяся какъ-бы приложеніемъ доктрины постепеннаго развитія и перехода формъ органическаго міра къ политической экономіи, уже одна сама по себѣ составляетъ замѣчательнѣйшую заслугу. Происхожденіе денегъ объясняли обыкновенно (см. Смита, Милля и т. д.) тѣмъ, что человѣкъ нашелъ неудобнымъ мѣняться непосредственно товарами и, по соглашенію съ себѣ подобными, изобрѣлъ мѣрило стоимости, способное дробиться на мелкія части и точно выражать дробь стоимости. Такое объясненіе носитъ на себѣ отпечатокъ идей 18 вѣка, мыслители котораго любили вообще объяснять естественно возникшія учрежденія и традиціи взаимнымъ соглашеніемъ людей между собой. Достаточно упомянуть о теоріи до-

говора Руссо, которую послѣдній хотѣлъ объяснить возникновеніе государства.

Вообще теорія стоимости, развитая Марксомъ изъ положенія Рикардо на степень цѣлой научной системы, должна считаться одной изъ главныхъ заслугъ Маркса. Крайне интересенъ также взглядъ Маркса на деньги, какъ на овеществленіе извѣстнаго экономическаго отношенія, а не только какъ на извѣстный внѣшній предметъ. Марксъ, этотъ анатомъ современнаго общества, подъ каждымъ «вещественнымъ знакомъ» находитъ слѣды «невещественныхъ отношеній». Это умѣнье различить подъ оболочкой вещественной формы душу извѣстнаго экономическаго отношенія, извѣстнаго невещественнаго отношенія людей къ людямъ даннаго общества, поражаетъ на каждой страницѣ марксовскихъ трудовъ. Указавъ на такое отношеніе, Марксъ сейчасъ-же доказываетъ его преходящее, историческое значеніе, его дальнѣйшее разложеніе и замѣну новымъ, болѣе высшимъ отношеніемъ. Это въ особенности замѣтно тамъ, гдѣ Марксъ говоритъ о главномъ предметѣ своихъ изслѣдованій—капиталѣ.

VI.

Подъ капиталомъ экономисты разумѣютъ обыкновенно средства производства. Такъ, напр., Адамъ Смитъ, не опредѣляя прямо капитала, перечисляетъ различные роды его,—машины, улучшеніе почвы, хлѣбъ для прокормленія рабочихъ,—однимъ словомъ, все, что способствуетъ производству. Рикардо говоритъ, что «капиталъ есть часть богатства страны, которая затрачена на производство и состоитъ изъ пищи, изъ одежды и орудій, сырыхъ матеріаловъ, машинъ и прочихъ вещей, необходимыхъ для того, чтобы сдѣлать трудъ производительнымъ» (I. с. 56). Дж. С. Милль говоритъ, что «капиталомъ называются всѣ тѣ вещи, которыя назначены къ употребленію, т. е. къ снабженію производительнаго труда различными предварительными условіями, которыхъ онъ требуетъ» (Основанія политической экономіи, изданіе 1874 г., т. I, стр. 70).

Во всѣхъ этихъ опредѣленіяхъ выступаетъ на первый планъ только вещественное содержаніе капитала, безъ отношенія къ его соціальной сторонѣ. Марксъ смотритъ на дѣло иначе. По его мнѣнію, зная только внѣшнюю сторону капитала, еще ничего не знаешь о сущности капитала, о его общественномъ значеніи. Средства производства всегда существовали, человекъ всегда трудился надъ производствомъ, но тѣмъ не менѣе эконо-

мическія отношенія производства постоянно измѣнялись. Въ первобытной общинѣ средства производства помогали производителю и распоряжался ими самъ производитель. Въ современномъ капиталистическомъ—средства производства играютъ уже иную роль и рабочій изображаетъ собою придатокъ къ колоссальному тѣлу машинъ, фабричныхъ зданій и т. п. Рабочій создаетъ тѣ самыя машины, воздвигаетъ тѣ самыя зданія, которыя порабощаютъ его, несмотря на его юридическую свободу. Высвободиться хоть немного изъ зависимости отъ средствъ производства помогла рабочему только государственная власть. Въ эпоху же господства принципа невмѣшательства правительства въ экономическую общественную дѣятельность рабочій находился всецѣло въ подчиненіи средствамъ производства, создаваемымъ его руками. По всѣмъ этимъ причинамъ опредѣлять капиталъ исключительно, какъ средство производства—не достигаетъ, по мнѣнію Маркса, цѣли научнаго опредѣленія. Подобное опредѣленіе слишкомъ обще. Употреблять его все равно, что объяснять понятіе о современномъ западно-европейскомъ рабочемъ, словами: «онъ—человѣкъ». Спору нѣтъ, что онъ человѣкъ, но его общественная функція въ настоящее время совсѣмъ иная, чѣмъ когда онъ былъ рабомъ или свободнымъ производителемъ-общинникомъ, владѣвшимъ средствами производства. Въ первомъ случаѣ онъ ничѣмъ не отличался отъ домашняго скота, во второмъ—онъ свободно распоряжался своимъ трудомъ и продуктами этого труда. Но трудящійся человѣкъ въ современномъ обществѣ не похожъ ни на раба, ни на члена первобытной общины. Отъ перваго онъ отличается тѣмъ, что представляетъ собой юридически-свободную личность, отъ втораго тѣмъ, что не имѣетъ средствъ производства и живетъ продажей своихъ рукъ. То-же самое можно сказать и о капиталѣ. Средства производства всегда помогали труду человѣка, но не всегда они были капиталомъ. Современный капиталъ, современные средства производства, такъ-же мало походятъ на средства производства членовъ первобытной общины, какъ современный рабочій, трудящійся въ пользу хозяина, мало похожъ на первобытнаго общинника. Называть и тѣ и другія капиталомъ, значитъ смѣшивать различныя вещи; слѣдовательно, чтобы опредѣлить слово капиталъ, необходимо обратить вниманіе на экономическія отношенія производства современнаго общества. А разъ мы обратимъ вниманіе на эти отношенія, мы сейчасъ увидимъ, что въ числѣ этихъ отношеній находится капиталъ. Капиталъ, на подобіе рабочаго, есть специфичное явленіе современной жизни. Внѣшняя матеріальная оболочка капитала будетъ дѣйствительно заклю-

чаться въ средствахъ производства, но его душа, его сущность представляютъ собой невещественное отношеніе соціального характера. Это отношеніе предполагаетъ на одной сторонѣ владѣльца средствъ производства, не участвующаго лично въ производствѣ, на другой—рабочаго, свободнаго юридически и свободнаго отъ средствъ производства, т. е. не имѣющаго ихъ.

Такое отношеніе между людьми наступило, конечно, не сразу; не сразу возникъ и капиталъ. Но современная эпоха господства этого отношенія, т. е. современного капитала, должна кончиться, чтобъ уступить мѣсто новому отношенію. Очевидно, что теперешнія экономическія отношенія представляютъ историческое, переходящее явленіе, которое измѣняется съ развитіемъ производительныхъ общественныхъ силъ.

Если удовлетвориться только опредѣленіемъ капитала, какъ средствъ производства, то нельзя понять существеннаго отличія современного строя отъ предшествующихъ общественныхъ организацій. Между тѣмъ, въ этомъ отличіи и заключается задача политической экономіи. Потому что знать только о процессѣ отношенія человѣка къ окружающей природѣ, которую онъ побѣждаетъ своимъ трудомъ, и не знать объ общественныхъ отношеніяхъ людей къ людямъ, значитъ, въ сущности, не знать ничего иного, кромѣ того, что между природой и человѣкомъ существуетъ обмѣнъ матеріи,—истина космическая, а не экономическая. Благодаря нежеланію останавливаться на различеніи экономическихъ отношеній разныхъ эпохъ изъ жизни человѣчества, Милль, напримѣръ, пришелъ къ ложному положенію, что «законы и условія производства имѣютъ характеръ истины, о какихъ говорить естественныя науки. Въ нихъ нѣтъ ничего, зависящаго отъ воли, ничего такого, что было бы можно измѣнить» (I. с., т. I, стр. 250). Очевидно, что здѣсь, изъ-за космической истины, Милль упустилъ изъ виду истину политико-экономическую: стоитъ только измѣнить способъ производства, напр., замѣнить ручной трудъ машиннымъ, и измѣнятся «условія производства», а за ними условія обмѣна и распредѣленія. Оказывается, что въ условіяхъ производства есть наоборотъ много «зависящаго отъ человѣческой воли».

У насъ, въ Россіи, есть школа экономистовъ изъ лагеря, противоположнаго буржуазному, которая тоже опредѣляетъ капиталъ только какъ средства производства. Такое опредѣленіе объясняется стремленіемъ школы выставить на первый планъ значеніе капитала, какъ необходимаго условія для производительности труда, и такимъ образомъ указать на необходимость перехода капитала въ руки труда. Конечно, тѣмъ самымъ ка-

питаль теряет свои специфическія свойства и превращается въ орудіе процвѣтанія трудящихся классовъ. Что-же касается до приписыванія современному капиталу благодѣтельнаго вліянія на рабочихъ, то эта школа вполне резонно отрицаетъ благодѣтельность этого вліянія.

VII.

До новаго оригинальнаго дѣленія капиталовъ, выработаннаго Марксомъ, капиталы дѣлились экономистами на основныя и оборотныя. Дѣленіе это основывалось на относительной медленности, съ какой потреблялись и воспроизводились капиталы, и на способѣ употребленія капиталовъ. Капиталь, состоящій изъ извѣстныхъ продуктовъ, смотря потому, какъ онъ потреблялся, могъ быть названъ и основнымъ и оборотнымъ, или, по терминологіи Рикардо, постояннымъ и оборотнымъ. «Пшеница, которую фермеръ покупаетъ для посѣва, есть постоянный капиталъ, въ сравненіи съ пшеницей, которую покупаетъ булочникъ для приготовления хлѣба» (стр. 17). Самъ Рикардо замѣчаетъ, что это дѣленіе мало существенное и не вполне точное» (*ibid*, примѣчаніе).

По теоріи Маркса капиталы раздѣляются на постоянныя (*constanten*) и переменныя (*variablen*). Переменные, это—капиталы, идущіе непосредственно на содержаніе рабочихъ; всѣ остальные,—машины, зданія, удобрения,—капиталы постоянныя. Существенное различіе этихъ двухъ родовъ капитала заключается въ томъ, что послѣдніе, потребляясь въ процессѣ производства руками рабочаго, только переносятъ свою стоимость на продуктъ, новой-же ему не придаютъ. Не то капиталы переменныя: расходуясь на заработную плату, они снова притекаютъ въ руки капиталиста, увеличенные новой стоимостью. И въ этомъ заключается причина возрастанія капитала, возрастанія, свершающагося слѣдующимъ образомъ. Владѣлецъ капитала расходуетъ часть его на устройство зданія, заведеніе машинъ, покупку матеріала и т. п. Часть эта есть постоянный капиталъ. Другою частью капитала владѣлецъ покупаетъ на рынкѣ живой человѣческой трудъ. Рабочіе поступаютъ на фабрику и обрабатываютъ здѣсь хозяйскій матеріалъ при помощи хозяйскихъ машинъ. Въ результатъ является продуктъ, принадлежащій хозяину. Въ процессѣ производства рабочіе потребили извѣстную часть постояннаго капитала. Стоимость этого потребленнаго капитала переносится на продуктъ. Но съ другой стороны рабочій, трудясь

извѣстное время и перенося стоимость постояннаго капитала на продуктъ, прибавляетъ самъ своимъ трудомъ новую стоимость къ продукту. Если онъ работалъ на фабрикѣ 12 часовъ и въ это время обработалъ извѣстное количество матеріала, въ которомъ было заключено уже 20 часовъ труда другого рабочаго, производившаго этотъ матеріалъ, купленный хозяиномъ фабрики за 20 часовъ, то, по окончаніи дневнаго труда, получится продуктъ стоимостью въ $20 + 12 = 32$ часа. Но хозяинъ заплатилъ извѣстную заработную плату своему рабочему, стоимостью хоть въ 6 часовъ труда, которую этотъ потребилъ въ день. Значитъ, въ день хозяинъ истратилъ стоимость въ 20 часовъ труда на матеріалъ и въ 6 часовъ на заработную плату, итого стоимость въ 26 часовъ. Получилъ-же продуктъ стоимостью въ 32 часа. Такимъ образомъ у него по истеченіи дня получился излишекъ, равный $32 - 26 = 6$ часамъ. Откуда-же взялся этотъ излишекъ?

Рабочій, потребившій на свое содержаніе заработную плату стоимостью въ 6 часовъ, трудился тѣмъ не менѣе, по условію, заключенному съ хозяиномъ, не шесть часовъ, а цѣлыхъ 12 часовъ. Значитъ, онъ не только возвратилъ хозяину стоимость въ шесть часовъ, потребленную въ видѣ заработной платы, но отдалъ ему безъ всякаго вознагражденія еще цѣлыхъ шесть часовъ своего труда. Эти шесть часовъ излишка хозяинъ реализуетъ при продажѣ продукта, въ которомъ заключено 32 часа труда и за который заплатятъ на рынкѣ по этой стоимости, между тѣмъ, какъ самому хозяину продуктъ обошелся лишь въ 26 часовъ стоимости. Вотъ источникъ прибыли на капиталъ, которую Марксъ назвалъ «прибавочной стоимостью». Подъ этимъ выраженіемъ онъ разумѣетъ собственно не тотъ доходъ капиталиста, который остается въ концѣ концовъ у послѣдняго на рукахъ, а тотъ, который непосредственно попадаетъ въ руки капиталиста отъ рабочаго и частью котораго онъ дѣлится съ торговцемъ, сбывающимъ его продукты, съ рентьеромъ, которому онъ платитъ за землю, занимаемую фабрикою и т. п.

Противъ этой теоріи буржуазные экономисты возражали тѣмъ, что источникомъ прибыли служить воздержаніе капиталиста. Но достаточно нѣсколькихъ словъ, чтобъ понять ложность этого возраженія. Въ чемъ состоитъ заслуга «воздержанія»? Въ томъ-ли, что капиталистъ «отказывается» отъ потребленія своего капитала? Но можно-ли считать за заслугу то, что представляетъ неизбежность? Во-первыхъ, громадное большинство капиталовъ въ современномъ обществѣ такого характера, что ихъ невозможно потребить капиталисту по самой ихъ природѣ. Напр., зданія, машины, удобреніе! Можно, конечно, продать ихъ, но

вѣдь если капиталистъ продастъ зданія, машины, то кто-нибудь долженъ-же ихъ купить; значить, изъ однихъ рукъ они перейдутъ только въ другія. Во-вторыхъ, цѣлый классъ капиталистовъ не можетъ никакъ потребить своихъ капиталовъ. Если *все* кинутся продавать фабрики и т. п., то *никто* не будетъ покупать ихъ, потому что *все* будутъ только продавцами. Въ чемъ-же тутъ заслуга воздержанія, если владѣлецъ капитала по необходимости долженъ оставлять капиталъ для дальнѣйшаго производства и, въ силу существующихъ условій, неизбѣжно получать на него извѣстную прибыль?

На этомъ мы пока и прекратимъ наше изложеніе преемственности развитія экономическихъ акціонъ А. Смита.

Н. С. Русаковъ.

ИЗЪ „L'ANNÉE TERRIBLE“ ВИКТОРА ГЮГО.

ГЛАВА IX.

Преступницу ведутъ. Свирѣпо равнодушна,
Изражена, въ крови, она идетъ послушно,
Какъ звѣрь лѣсной, на цѣпь привязанный за шею,
И ненависть виситъ, какъ облако надъ нею...
Что сдѣлала она? Ищите въ мракѣ, въ стонахъ,
Въ развалинахъ, въ дыму строеній подожженныхъ...
Зачѣмъ и какъ дошла она до преступленья—
Никто,—она сама,—не дастъ вамъ объясненья.
Быть можетъ, злой совѣтъ... Во всемъ виновенъ «милый»,
Красивый негодяй, котораго любила...
Быть можетъ, нищета и горе, въ часъ голодный,
Вдругъ мщенія огонь зажгли въ рукѣ холодной...
Въ лохмотьяхъ... безъ жилья... безъ хлѣба... это больно...
Въ ней мысли черныя роилися неволью:
„Тамъ, у другихъ, есть все...“ Съ завистливымъ желаньемъ
Въ душѣ, истерзанной нуждою и страданьемъ,
Мысль страшная росла...

И вотъ передъ толпою

Она идетъ теперь, поникнувъ головою.
Всѣ рады. Поймана! Кругомъ безъ сожалѣнья
Насмѣшки сыплются, ругательства, каменья...
Она нѣма, глуха; она ооченѣла;
Смотрѣть на солнца свѣтъ ей словно надоѣло;
Не слышны ей толпы неистовые крики;
Въ ея глазахъ застылъ какой-то ужасъ дикій.

Въ шелку и кружевахъ, увѣнчаны цвѣтами,
Подъ ручку съ сытыми, довольными мужьями,
Идутъ за нею вслѣдъ разряженныя дамы
И весело твердятъ съ улыбкой милой самой:

«Злодѣйка поймана! Отлично! Такъ и надо!»
И, кажется, сейчасъ разбередить-бы рады
Изящнымъ зонтикомъ прелестные тираны
Несчастной женщины зіяющія раны...
Преступницу мнѣ жаль. А ихъ—я презираю.
Онѣ—борзыхъ собакъ напоминаютъ стаю,
Онѣ противны мнѣ, какъ яростныя псицы,
Терзающія трупъ затравленной волчицы...

А. Варыкова.

СПАРТАКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

РАФАЭЛЯ ДЖІОВАНІОЛИ.

(Переводъ съ итальянскаго).

ГЛАВА X.

В о з с т а н і е.

Капуя, богатая, роскошная и прелестная столица Кампаньи, одной изъ самыхъ плодоносныхъ и цвѣтущихъ провинцій Италіи, значительно утратила въ описываемое нами время свой прежній блескъ, тогда-какъ до высадки Аннибала она считалась счастливѣйшей и богатѣйшей соперницей Карфагена и Рима.

Однако, съ тѣхъ поръ прошло уже 138 лѣтъ; всемогущее покровительство Суллы, основавшаго въ окрестностяхъ Капуи колоніи легионеровъ, возстановило до извѣстной степени благосостояніе и богатство этого города, населеніе котораго простиралось теперь до 100,000 жителей.

Было 20 февраля 680 г. (по римск. лѣтосч.). День клонился къ вечеру; солнце медленно закатывалось, погружаясь въ волны розоватыхъ, бѣлоснѣжныхъ и пурпурныхъ облаковъ, блестящихъ фосфорическимъ свѣтомъ надъ вершинами холмовъ, спускавшихся къ морю. Въ улицахъ Капуи видѣлось то оживленіе, которое бываетъ обыкновенно къ вечеру, когда работники оканчиваютъ свою работу, лавки запираются и одни спѣшатъ домой, другіе

выходятъ изъ дому, — однимъ словомъ, когда за движеніемъ и дѣятельностью дня готовится наступить тишина и спокойствіе ночи.

По широкой и красивой Албанской улицѣ, простиравшейся отъ Флувіанскихъ до Бедевентскихъ воротъ и почти пополамъ разсѣкавшей городъ, сновали взадъ и впередъ разнообразныя кучки пѣшеходовъ. Вдругъ нѣкоторые изъ нихъ остановились, глядя съ удивленіемъ на отрядъ изъ десяти всадниковъ съ декуріономъ во главѣ, показавшійся на поворотѣ Аппіевой дороги. Ихъ бѣшеная ѣзда, лошади, покрытыя пылью и грязью, съ дымящимися ноздрями и забрызганными пѣною удилами, все это ясно указывало, что они очень торопились и вѣроятно имѣли какое-нибудь очень слѣшное дѣло.

— Клянусь скипетромъ Юпитера Тифатинскаго, сказалъ одинъ пожилой гражданинъ педшему съ нимъ юношѣ, — что я не видалъ еще таковой бѣшеной ѣзды съ тѣхъ поръ, какъ много лѣтъ тому назадъ скакали курьеры съ извѣстіемъ о побѣдѣ, одержанной Суллою надъ консуломъ Л. Нордоссо, приверженцемъ Маріа.

— Какія-же новости везутъ намъ эти всадники? спросилъ юноша.

— Повидимому, они ѣдутъ изъ Рима, замѣтилъ одинъ кузнецъ, снимая съ плечъ кожаный фартукъ, какіе носятъ обыкновенно люди его ремесла.

— Намъ предстоитъ должно-быть что-нибудь новое...

— Или грозитъ какая-нибудь опасность...

— Или-же открытъ нашъ заговоръ! сказалъ шепотомъ, блѣднѣя, молодой гладиаторъ своему товарищу.

Между тѣмъ декуріонъ съ своими всадниками, истомленными и измученными длинной дорогой, проѣхавъ нѣкоторое пространство по Албанской улицѣ, свернулъ въ не менѣе красивую улицу Сельповіа, на которой виднѣлись многочисленные косметическіе магазины, хозяева которыхъ вели обширную торговлю мазиами и эссенціями со всей Италіей, снабжая своими произведеніями туалеты римскихъ матронъ. На этой-же улицѣ находился домъ Меція Либеона, который въ качествѣ префекта управлялъ городомъ отъ имени Рима.

Тамъ-то остановились всадники, и декуріонъ, соскочивъ съ лошади, вошелъ въ портикъ и потребовалъ, чтобъ его тотчасъ-же

провели къ префекту, которому, по его словамъ, онъ имѣлъ передать важныя письма отъ римскаго сената.

Тѣмъ временемъ вокругъ солдатъ, расположившихся около дома префекта, мало-по-малу столпились любопытные; нѣкоторые изъ нихъ, замѣтивъ состояніе, въ которомъ находились эти люди и ихъ лошади послѣ бѣшеной скачки, разсуждали о томъ, какова должна быть цѣль, принудившая ихъ ѣхать съ такой поспѣшностью; другіе-же пробовали завести разговоръ съ самими солдатами, которые въ эту минуту менѣе всего расположены были говорить, стараясь, если возможно, разузнать что-нибудь относительно предмета ихъ посольства.

Но допытыванья праздныхъ капуанцевъ принесли мало плодовъ; имъ едва удалось вытянуть нѣсколько словъ изъ устъ солдатъ, отъ которыхъ они узнали лишь, что тѣ выѣхали изъ Рима—извѣстіе, еще больше подстрекнувшее любопытство зѣвакъ. Толпа не расходилась. Вдругъ вниманіе ея обратилось на нѣсколькихъ рабовъ, поспѣшно вышедшихъ изъ дома префекта и направившихся кто въ одну, кто въ другую сторону по улицѣ Сельпозіа.

— Однако, сказалъ одинъ—дѣло, повидимому, очень серьезно!

— Какое-же дѣло, Бога ради?

— А почему-же мнѣ знать!

— Рабы префекта бѣгутъ, какъ олени, преслѣдуемые собаками.

— Стало быть дѣло важное!

— Очевидно. Но куда-же спѣшать эти рабы?

— Въ томъ-то и вопросъ.

— За то, чтобъ узнать это, воскликнулъ толстый, одутловатый и красный торговецъ назями, который, выйдя изъ своей лавки, протолкался впередъ, сгорая любопытствомъ узнать въ чемъ дѣло,—чтобы узнать это я далъ-бы десять банокъ моей чудной розовой мази.

— Ты правъ, прибавилъ одинъ гражданинъ;—нѣтъ сомнѣнья, что здѣсь идетъ дѣло о чемъ-нибудь очень важномъ, и невнятно-симо досадно, что мы, именно мы, которые, по всей вѣроятности, всего болѣе будемъ заинтересованы въ этомъ, ничего все-таки не можемъ узнать.

— А ты думаешь, что намъ угрожаетъ какая-нибудь опасность?

— Какъ-же иначе? Развѣ ты полагаешь, что сенатъ послалъ-бы изъ пустяковъ отрядъ всадниковъ съ приказаніемъ скакать въ карьеръ, загоняя Богъ вѣсть сколько несчастныхъ лошадей по дорогѣ?

— Ахъ, чортъ возьми, что тамъ такое?

— Гдѣ?

— Тамъ на углу Албанской улицы...

— Да помогутъ намъ всемогущіе боги! воскликнулъ, блѣднѣя, торговецъ маслами.— Не военный-ли это трибунъ?..

— Да, конечно!.. Это онъ и есть... Титъ Сервиліонъ!..

— Смотри, какъ онъ поспѣшно идетъ вслѣдъ за работъ префекта.

— Ну, чтобы это могло значить!

— Да хранить насъ Діана.

Пока военный трибунъ, Титъ Сервиліонъ, входилъ въ домъ префекта, а на улицу Сельпозіо все болѣе и болѣе стекался народъ, разнося волненіе по всей Капуѣ, вдоль водопровода, снабжавшаго съ ближайшихъ холмовъ водою весь городъ и проходившаго на довольно большомъ протяженіи возлѣ стѣны, опоясывавшей Капую, шли два человѣка колоссальнаго роста и сильнаго тѣлосложенія. Они были страшно утомлены, блѣдны и съ головы до ногъ покрыты пылью и грязью; по одеждѣ и оружію въ нихъ не трудно было узнать гладіаторовъ.

Это были Спартакъ и Окноманъ, которые, выѣхавъ съ необыкновенною поспѣшностью изъ Рима въ ночь съ 15 на 16 того-же мѣсяца и мѣняя лошадей на каждой почтовой станціи, быстро достигли до Сессы Пометійской, но тамъ, настигнутые декуріономъ, мчавшимися со своими десятью всадниками въ Капую, чтобы предупредить префекта о готовившемся возстаніи гладіаторовъ, должны были отказаться не только отъ смѣны лошадей, но по временамъ принуждены были даже оставлять Аппіеву дорогу и ѣхать по другимъ, смежнымъ.

Тамъ не менѣе имъ удалось купить пару свѣжихъ лошадей въ домѣ одного крестьянина и, то пробираясь по окольнымъ дорогамъ, то блуждая, то наверстывая время, и скача прямо черезъ поля тамъ, гдѣ дорога дѣлала изгибы, удлинявшіе путь римскихъ всадниковъ, они ухитрились выѣхать на дорогу, которая вела изъ Атреллы въ Капую.

И теперь, когда они считали себя у цѣли, когда думали, что имъ на цѣлый часъ удалось опередить посланниковъ сената, что для нихъ равносильно было побѣдѣ, вдругъ на дорогѣ, на разстояніи семи миль отъ Бапуи, лошадь Спартака, измученная, истощенная и лишенная послѣднихъ силъ, внезапно упала, увлекая за собою всадника, который, захваченный врасплохъ, хотѣлъ-было поддержать какъ-нибудь несчастное животное, охвативъ лѣвою рукою его шею, но безуспѣшно; лошадь, падая сильно, вывернула ему руку, такъ-что произошелъ серьезный вывихъ.

Несмотря на страшную боль, Спартакъ ни однимъ внѣшнимъ признакомъ не выдалъ своего страданія; только слабыя судорожныя движенія мускуловъ на его блѣдномъ лицѣ могли дать зашѣтить какую сильную боль онъ испытывалъ. Очевидно, для его желѣзной души физическія страданія имѣли ничтожное значеніе въ сравненіи съ перенесенными имъ нравственными мученіями и тѣмъ отчаяніемъ, которымъ переполнилось теперь его сердце. Для него было ясно, что вмѣсто того, чтобы прибыть въ школу Лептула Ватіота получасомъ раньше своихъ враговъ, онъ явится позже ихъ. А съ пріѣздомъ посланниковъ сената должно безвозвратно погибнуть то зданіе, которое втеченіи пяти лѣтъ, путемъ долгаго неуспѣшнаго труда, онъ воздвигнулъ изъ ничего.

Вставъ на ноги и нимало не заботясь о вывихнутой рукѣ, Спартакъ тяжело вздохнулъ, тѣмъ вздохомъ, которое скорѣе походитъ на рычаніе смертельно раненаго льва и воскликнулъ мрачными безнадежнымъ голосомъ:

— Все кончено!..

Между тѣмъ Окноманъ, срыгнувъ съ лошади, поспѣшно приблизился къ Спартаку и ощупывая его руку, чтобы убѣдиться, не случилось-ли чего опаснаго, сказалъ:

— Какъ?.. что ты говоришь... развѣ можетъ быть все кончено, пока руки твои не скованы цѣпями и пока ты можешь свободно владѣть мечемъ?

Спартакъ стоялъ нѣкоторое время молча; потомъ, взглянувъ на лошадь Окномана, сказалъ:

— Семь миль!.. намъ остается проѣхать только семь миль и, да прокляты будутъ враждебные намъ боги, мы должны отказаться отъ надежды пріѣхать во время! Еслибъ твой конь могъ провезти насъ обонхъ три или четыре мили, то остальное мы

быстро пробѣжали-бы пѣшкомъ и, можетъ быть, все-таки успѣли-бы во время, такъ-какъ нашимъ врагамъ прійдется употребить по крайней мѣрѣ еще часъ, чтобы сдѣлать необходимые распоряженія.

— Ты правъ, сказалъ германецъ, взглянувъ, въ свою очередь, на лошадь. — Но это несчастное животное, будетъ-ли оно въ состояннн протащить насъ обоихъ рысью хоть двѣ мили.

Ислѣдованіе, которому подвергли гладіаторы лошадь, состояніе полного безсилія, до котораго она дошла, на что ясно указывало тяжелое дыханіе, причеиъ ея бока, которые то высоко поднимались, то тяжело опускались, убѣдили ихъ скоро, что она быстро покончила-бы подобно первой и что попытка заставить ее вести себя дальше равносильно желанію подвергнуться опасности сломить себѣ не одну только руку, но, пожалуй, ногу или шею, такъ-что послѣ короткаго совѣщанія они рѣшили бросить ее и поспѣшить въ Капую пѣшкомъ.

Трудно описать, въ какомъ настроеннн, съ какииъ лихорадочнымъ душевнымъ безпокойствомъ и поспѣшностью пустились въ путь по дорогѣ въ Капую эти два человекъ, усталые, измученные, почти ничего не ѣвшіе нѣсколько дней. Они шли молча, угрюмо съ блѣдными измѣнившимися лицами, облитые потомъ и съ такой невѣроятной быстротой, что менѣе чѣмъ въ полтора часа подошли уже къ воротамъ города.

Туть они на минуту остановились, чтобъ перевести духъ и нѣсколько оправиться для того, чтобъ не обратить на себя вниманіе стражи, состоявшей у воротъ, которая — и этого всего больше боялся Спартакъ — могла уже получить приказаніе слѣдить за всѣми входящими и арестовывать людей подозрительныхъ. Входя въ Капую, Спартакъ и Окноманъ приняли безпечный видъ и старались, насколько были въ силахъ, казаться людьми, шедшими не издалека. Но подъ этой маской наружной безпечности какъ трепетно билось у нихъ сердце въ груди! Только холодныя капли пота, струившіяся по лбу, указывали на то мучительное безпокойство и напряженіе душевныхъ силъ, которое они испытывали.

Входя подъ арку воротъ, Спартакъ предвидѣлъ уже, что можетъ произойти что-нибудь, могущее помѣшать имъ продолжать свой путь. Въ такомъ случаѣ онъ рѣшилъ схватиться за мечъ и съ такою силою напасть на стражу, чтобы въ одну минуту

разсѣять солдатъ, а самому бѣжать скорѣе въ школу гладіаторовъ: въ этомъ заключалось послѣднее средство, за которое могъ ухватиться Спартакъ. Онъ не сомнѣвался въ успѣхѣ, зная свою силу и силу товарища; 12 солдатъ стражи, по большей части старыхъ инвалидовъ, не могли-бы устоять противъ града ихъ быстрыхъ и тяжелыхъ ударовъ.

Тѣмъ не менѣе это отчаянное средство было послѣднимъ, къ которому желалъ-бы прибѣгнуть фракіецъ, такъ-что при приближеніи къ воротамъ его сердце, никогда не испытывшее страха, такъ сильно билось, что онъ опасался, какъ-бы не лопнула кабая-нибудь жила въ его груди.

Подойдя къ воротамъ, они увидѣли, что двое изъ стражниковъ спали, растянувшись на маленькихъ деревянныхъ скамьяхъ; трое другихъ были заняты игрою въ кости, сидя на корточкахъ на мраморныхъ ступеняхъ лѣстницы, ведущей на террасу городской стѣны и, наконецъ, двое другихъ болтали другъ съ другомъ, подшучивая насчетъ прохожихъ и путешественниковъ, входившихъ и выходившихъ изъ города.

Такъ, обращаясь къ одной бѣдной старухѣ, шедшей на нѣсколько шаговъ впереди гладіаторовъ и несшей съ собою нѣсколько кусковъ мягкаго сыра въ небольшихъ круглыхъ ивовыхъ корзинкахъ, одинъ изъ стражниковъ, шутя, сказалъ:

— Равно-же ты приходишь на рынокъ, старая колдунья!..

— Да хранятъ васъ боги! смиреннымъ голосомъ отвѣчала старушка, продолжая свой путь.

— Ну, посмотри на нее и скажи мнѣ, насмѣшливо воскликнуть другой солдатъ, — развѣ не похожа она на Атропу самую старую и безобразную изъ трехъ Паркъ!.. А лицо ее развѣ не напоминаетъ тебѣ стараго папируса, сморщившагося отъ огня?

— Ее-ей я не согласился-бы поѣсть ея сыра, если-бы она давала мнѣ даже въ придачу 20 сестерцій!

— Провались ты сквозь землю, проклятая, это черезъ тебя мнѣ не везетъ! воскликнуть одинъ изъ игроковъ, со злостью бросивъ дощечку на лѣстницу, откуда повалились на землю кости, — проклятая!.. Третій разъ выпадаетъ мнѣ все *Собака!* *)

Въ эту минуту Спартакъ и Окноманъ съ бьющимися сердцами

*) Худшій ударъ въ игрѣ въ кости.

и мертвено-блѣдными лицами входили въ ворота. При видѣ ихъ одинъ изъ стражниковъ сказалъ:

— А вотъ и почетный конвой Парка!..

— Ахъ!.. Клянусь Юпитеромъ, что эти два мошенника блѣдны и худы, кажутся тѣнями, только-что вышедшими изъ Стикса.

— Хоть-бы поскорѣй разтерзали васъ дикіе звѣри! воскликнулъ стражникъ, проигравшійся въ кости, собираясь снова попытать счастье.

Спартакъ и Окноманъ подвигались впередъ скромно и молча; они прошли уже первую арку воротъ, въ углубленіи которой висѣла на цѣпяхъ опускаемая рѣшетка, и собирались уже выйти изъ подъ второй арки, изъ которой собственно и открывались ворота, какъ вдругъ имъ на встрѣчу появился изъ города отрядъ изъ 30 легионеровъ, вооруженныхъ съ головы до ногъ и снабженныхъ шлемомъ, кирасой, щитомъ, копьемъ, мечемъ и дротикомъ. Предводительствовавшій ими сотникъ былъ также въ полномъ вооруженіи, какъ-будто собравшись въ сраженіе, и держалъ въ рукахъ жезлъ, знакъ присвоенной его должности. Войдя подъ арку воротъ, онъ закричалъ громкимъ голосомъ, въ которомъ ясно слышалась привычка къ военной командѣ:

— Къ оружію!..

При звукѣ этого голоса солдаты поспѣшно выбѣжали изъ воротъ и хотя почти всѣ успѣли съ невѣроятной быстротой въ одно мгновеніе выстроиться въ боевой порядокъ, однако, командиръ имѣлъ все-таки время убѣдиться въ безпорядкѣ и смятеніи, царствовавшемъ среди солдатъ стражи.

Что-же касается Спартака и Окномана, то арестованные по знаку центуріона, они сдѣлали нѣсколько шаговъ назадъ и обмѣнялись быстрымъ взглядомъ между собой, причемъ фракіецъ удержалъ правую руку германца, схватившагося-было за эфесъ меча.

— Такъ-то вы исполняете свою службу, мошенники? строго спросилъ центуріонъ, среди глубокаго молчанія, царствовавшаго теперь подъ арками воротъ.

— Такъ-то вы сторожите лѣнтяи?

И сказавъ это, онъ ударилъ своимъ жезломъ одного изъ двухъ легионеровъ, спавшихъ на скамьяхъ, которымъ послѣ другихъ пришлось выбѣжать и стать въ ряды.

— А ты, прибавилъ онъ, обращаясь къ декану, въ смущеніи стоявшему возлѣ рядовъ налѣво, на своемъ обычномъ мѣстѣ въ бою,—а ты, Ливій, слишкомъ мало заботишься о своихъ обязанностяхъ и о поддержаніи дисциплины: я отнимаю у тебя начальствованіе постомъ и съ этихъ поръ ты долженъ подчиняться декану Луцію Мединію, начальнику новаго отряда, который назначенъ мною въ подкрѣпленіе для охраны этихъ воротъ. Гладіаторы угрожаютъ возмущеніемъ. Необходимо опустить подвижную рѣшетку, запереть ворота, строго сторожить, какъ въ военное время, и разставить часовыхъ.

Пока новый начальникъ сторожевого поста, Луцій Мединій, размѣщалъ въ два ряда своихъ солдатъ, центуріонъ обратился къ Спартаку и Окноману и спросилъ ихъ, насупивъ брови:

— Вы гладіаторы?

— Гладіаторы, твердымъ голосомъ отвѣтилъ Спартакъ, съ трудомъ скрывая свое внутреннее волненіе.

— Изъ школы Лентула, само собою разумѣется?

— Ты ошибаешься, храбрый Попилій, возразилъ Спартакъ, въ глазахъ котораго блеснулъ лучъ надежды,—мы находимся въ услуженіи у префекта Меція Либеано.

— Ты меня знаешь? спросилъ центуріонъ Спартака.

— Я видалъ тебя много разъ въ домѣ нашего господина.

— Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ Попилій, пристально вглядываясь въ двухъ гладіаторовъ, колоссальный ростъ которыхъ легко можно было замѣтить, но при наступившей темнотѣ, трудно было рассмотретьъ лица, — въ самомъ дѣлѣ мнѣ кажется...

— Мы два германца, исключительно отданные въ услуженіе Лепіи Дамиціи, благородной супругѣ Меція, носилки которой мы всегда сопровождаемъ.

Спартакъ, прожившій четыре года въ школѣ Лентула Ватіота въ Капуѣ, имѣлъ, конечно, самыя подробныя свѣденія обо всемъ, что творилось въ городѣ и такъ-какъ въ „союзъ угнетенныхъ“ входили и тѣ немногочисленные гладіаторы, которые принадлежали патриціанскимъ фамиліямъ, то онъ отлично зналъ также и двухъ громаднаго роста гладіаторовъ-германцевъ, которые принадлежали префекту Мецію Либеону и безъ особеннаго труда съ своей стороны ознакомился черезъ нихъ съ порядками и обычаями его дома. Легко понять теперь, съ какою радостью схватился онъ

за этотъ случай, бывшій для него единственнымъ средствомъ спасенія.

— Дѣйствительно! сказалъ центуріонъ, ты правъ!.. и теперь я узнаю васъ.

— Ты меня встрѣтилъ въ послѣдній разъ, я помню это очень хорошо, въ глубокую полночь при выходѣ изъ дому Тита Сервиліона, куда мы оба сопровождали Домицію въ носилкахъ. Эти ночныя прогулки нашей госпожи случаются ужъ такъ часто, что...

— Молчи, кимврскій болтунъ! Заклинаю тебя твоими варварскими богами, воскликнулъ Попилій, которому не очень нравилось, чтобы при солдатахъ говорили такимъ образомъ о не особенно честномъ и слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстномъ поведеніи жены префекта.

И послѣ минутнаго молчанія, втеченіи котораго два гладіатора не могли удержаться, чтобы не вздохнуть съ облегченіемъ, центуріонъ спросилъ Спартака:

— А откуда идете вы теперь?

Спартакъ, послѣ минутнаго колебанія, отвѣчалъ:

— Изъ Кумонской виллы нашего господина, куда мы вчера провожали обозъ съ дорогой утварью.

— Хорошо, отвѣчалъ Попилій, послѣ минутнаго размышленія.

Затѣмъ наступило непродолжительное молчаніе, которое прервалъ центуріонъ, спросивъ гладіаторовъ:

-- И вы ничего не знаете объ этомъ возстаніи, задуманномъ въ школѣ Лентула Батіота?

— Какъ-же намъ знать объ этомъ? отвѣтилъ Спартакъ голосомъ простодушнаго человѣка, который не любитъ говорить о томъ, чего не понимаетъ, — если-бы даже буйные и непокорные ученики Лентула задумали какое-нибудь сумасбродство, они, конечно, не пришли-бы говорить объ этомъ намъ, счастью которыхъ они завидуютъ. Намъ такъ хорошо у нашего добраго господина!..

Фактъ былъ вѣренъ и слова Спартака казались такъ естественны, что центуріонъ былъ убѣжденъ ими. Тѣмъ не мѣнѣе черезъ минуту онъ прибавилъ:

— Во всякомъ случаѣ сегодня вечеромъ намъ угрожаетъ возмущеніе, хотя, что касается до меня, то мнѣ смѣшно, какъ подумаю объ этомъ, но, впрочемъ, какъ-бы то ни было... Поэтому,

на всякій случай, я приказываю вамъ положить свои мечи... хотя къ вамъ и хорошо относится добрый Мецій и обращается съ вами лучше, чѣмъ слѣдовало-бы обращаться съ подобною сволочью. Давайте-же мечи!.. Все-же вы гладиаторы, способные на все...

При этомъ приказаніи запальчивая неосмотрительность Окномана едва не разрушила всѣ усилія Спартака и чуть не погубила ихъ обоехъ.

Германецъ яростно схватился за мечъ и обнажилъ-было его, но Спартакъ вырвалъ у него клинокъ правой рукой и въ то же время, не безъ усилія и боли, вынулъ изъ ноженъ и свой собственный мечъ, и оба почтительно подаль центуріону. Въ то же время, чтобы помѣшать Окноману совершить какой-нибудь недуманный поступокъ, онъ поспѣшилъ сказать:

— Не хорошо съ твоей стороны, что ты не довѣряешь намъ и, можетъ быть, за твое недовѣріе префектъ, нашъ господинъ, не очень-то будетъ благодаренъ тебѣ; во всякомъ случаѣ, вотъ тебѣ наши мечи и позволь намъ отправиться въ домъ Меція.

— Въ твоихъ поступкахъ, низкій гладиаторъ, я отдамъ отчетъ твоему господину; а теперь убирайтесь оба съ глазъ моихъ.

Спартакъ схватилъ правую руку дрожавшаго отъ гнѣва Окномана, и, поклонившись центуріону, вошелъ въ городъ въ сопровожденіи германца, ускоривъ шаги, насколько это было возможно, чтобы не возбудить подозрѣнія.

По мѣрѣ того, какъ два гладиатора подвигались впередъ по Албанской улицѣ, едва оправившись отъ мучительнаго безпокойства, причиненнаго имъ многочисленными опасностями, — они стали примѣчать необычное движеніе и шумъ въ городѣ, и сильнѣе, чѣмъ когда либо убѣдились, что предпріятіе ихъ погибло, и что несмотря на всѣ ихъ усилія, они слишкомъ поздно придутъ въ школу гладиаторовъ.

Тѣмъ не менѣе, отойдя на значительное разстояніе, они повернули налѣво въ широкую, красивую улицу, вдоль которой возвышались многочисленные патриціанскіе дворцы, и добѣжали до противоположнаго конца ея, гдѣ, сверотивъ направо, очутились въ пустынной улицѣ, а оттуда чрезъ запутанный лабиринтъ узкихъ переулковъ приблизились, наконецъ, къ школѣ.

Зданіе это находилось въ самой отдаленной части города возлѣ

городской стѣнѣ и почти въ срединѣ лабиринта вышеупомянутыхъ узкихъ маленькихъ улицъ. Вся эта часть исключительно была населена женщинами дурного поведенія, всегдашними посѣтителницами сосѣднихъ кабаковъ, гдѣ обыкновенно собирались гладіаторы Лентула.

Гладіаторская школа, насчитывавшая вначалѣ только нѣскольکو сотенъ учениковъ, мало-по-малу стала увеличиваться послѣ того, какъ владѣлецъ ея внезапно разбогатѣлъ. Она состояла теперь изъ многочисленныхъ зданій, мало отличавшихся одно отъ другого по формѣ и устройству. Такъ-какъ эти зданія имѣли одно и то-же назначеніе, то всѣ они одинаково были раздѣлены на четыре крыла широкимъ дворомъ, внутри котораго упражнялись гладіаторы, когда не шелъ дождь, тогда-какъ въ дождливую погоду они обучались гимнастикѣ и фехтованію въ предназначенныхъ для этого залахъ.

Въ четырехъ крыльяхъ каждаго зданія, возвышавшихся по сторонамъ двора, какъ въ первомъ, такъ и во второмъ этажахъ, раздѣленныхъ длиннѣйшими коридорами, помѣщались безчисленные маленькіе комнаты (cellae), изъ которыхъ каждая едва могла вмѣстить одного человѣка; въ этихъ кельяхъ на подстилкахъ изъ сухой соломы или листьевъ спали гладіаторы.

Въ каждомъ изъ этихъ домовъ, кромѣ залы для фехтованія, имѣлось еще обширное помѣщеніе для склада оружія гладіаторовъ; въ этихъ помѣщеніяхъ, защищенныхъ крѣпкими желѣзными рѣшетками и запиравшихся массивными дубовыми дверями, ключи отъ которыхъ хранились у владѣльца и управителя школы, находились щиты, мечи, ножи, трезубцы и всякаго рода оружіе, которымъ хозяева обязаны были снабжать своихъ гладіаторовъ, отправляя ихъ на арену.

Эти восемь или десять зданій, построенныя безъ всякой заботы объ изяществѣ, соединялись между собою маленькими улицами и проходами, составлявшими когда-то часть самаго города; но послѣ попытки возстанія, бывшей за 28 лѣтъ до описываемаго нами времени и явившейся слѣдствіемъ подстрекательства одного римскаго всадника по имени Меція или Минуція, зданія эти были окружены стѣной по приказанію римскихъ властей и сената, стремившихся изолировать гладіаторскую школу Лентула Ватіата. Такимъ образомъ эта школа, состоявшая изъ многихъ

отдѣльныхъ зданій и обнесенная стѣной, имѣвшей мѣстами 28, мѣстами 32 фута высоты могла называться, да и въ самомъ дѣлѣ была чѣмъ-то вродѣ маленькой крѣпости, расположенной внутри большого города. Окрестныя-же улицы, какъ мы уже сказали, были какъ-бы предмѣстьями города гладиаторовъ и избѣгались всѣми мирными гражданами, точно мѣсто чумной заразы.

Вечеромъ 20 февраля почти всѣ гладиаторы оставались внутри школы, что было страннымъ и необычнымъ явленіемъ; одни изъ нихъ въ фехтовальныхъ залахъ упражнялись въ фехтованіи на деревянныхъ шпагахъ, единственною, безвредною оружіемъ, дозволенною имъ, другіе, разбросанные тамъ и сямъ на дворѣ большими толпами, занимались гимнастикой, или-же распѣвали варварскія таинственныя пѣсни, непонятныя надзирателямъ; иные прохаживались по переулкамъ, пролежавшимъ между зданіями; иные-же, наконецъ, толпились въ коридорахъ, или-же лежали въ своихъ кельяхъ.

Какъ ни старались эти несчастные, привыкшіе къ страданію и скрытности, придать себѣ безпечный видъ, все-таки, внимательно взглянувъ въ ихъ лица и движенія, легко было понять, что всѣ они испытывали мучительное душевное безпокойство и волновались надеждой и страхомъ въ ожиданіи какого-то серьезнаго и необычнаго происшествія.

— Что это гладиаторы сегодня не выходятъ на прогулку? спросилъ одинъ надзиратель—кривой, безрукій, старшій солдатъ Суллы другого солдата, лицо котораго все было изрѣзано рубцами.

— А кто ихъ знаетъ!.. Кажется, вопреки обычаю, они хотятъ провести сегодняшній вечеръ въ стѣнахъ школы.

— Случный-же это будетъ вечеръ для ихъ отвратительныхъ любовницъ, которыя напрасно будутъ ждать ихъ въ сосѣднихъ кабакахъ!

— Клянусь могучимъ Суллою, это что-то очень странно.

— Такъ странно, что, откровенно говоря, я немного безпокоюсь.

— Какъ? Развѣ ты боишься какого-нибудь волненія?..

— Нѣтъ... но, говоря правду, не то, чтобы волненія, этого я отъ нихъ не жду, но какихъ-нибудь безпорядковъ... почему знать?..

— Клянусь фуріями ада, у меня начинаютъ часаться руки! И если...

Но тутъ солдатъ умолеъ, дѣлая знакъ товарищу, чтобъ и тотъ замолчалъ, такъ-какъ въ эту минуту къ нимъ подошелъ владѣтель и управитель школы Лентулъ Батиатъ.

Лентулъ Батиатъ былъ молодой человекъ лѣтъ 30, высокій, худой, блѣдный, съ маленькими черными глазами, въ одно и то же время злыми и дикими; вообще во всей его физиономіи проглядывало что-то грубое и жестокое. Онъ былъ сыномъ ланиста Лентула Батиата, который основалъ эту школу и потому, въ продолженіи тридцати лѣтъ изъ небольшого заведенія въ нѣсколько сотъ гладіаторовъ, довелъ ее до степени первой въ Италіи и, посредствомъ этой торговли кровью и человѣческими мясомъ, нажилъ себѣ громадное состояніе.

По смерти отца, случившейся нѣсколько лѣтъ тому назадъ, сынъ сдѣлался владѣльцемъ школы и, не удовлетворившись унаслѣдованнымъ богатствомъ, задумалъ удвоить его, продолжая заниматься честнымъ промысломъ, который такъ удачно велъ его отецъ.

При приближеніи Лентула оба солдата почтительно поклонились ему; подойдя къ нимъ, хозяинъ спросилъ:

— Не знаете-ли кто изъ васъ причины, почему гладіаторы, вопреки своему обычаю, почти всѣ остались дома въ такое время, когда школа почти всегда пустѣетъ?

— Не знаю... проговорилъ одинъ изъ солдатъ.

— Это замѣтили и мы, и также не менѣе тебя были удивлены, отвѣчалъ другой.

— Что-же случилось? спросилъ Батиатъ, сдвигая брови съ мрачнымъ и жестокимъ видомъ.— Можетъ быть составится какая-нибудь штука?

Никто изъ солдатъ не отвѣчалъ; но отвѣтъ несъ торговцу гладіаторами одинъ изъ его рабовъ, блѣдный, испуганный, ведя за собою одного вольноотпущеннаго, состоявшаго на службѣ у префекта и пришедшаго теперь по приказанію своего господина, чтобы немедленно предупредить Лентула объ опасности, грозившей не только одной его школѣ, но и городу и даже всей республикѣ. Префектъ поручалъ Лентулу тщательно охранять и защищать до послѣдней возможности склады оружія, и запретить всѣ ворота школы, обѣщая прислать ему не позже, какъ черезъ

полчаса, трибуна Тита Сервиліона съ сильнымъ отрядомъ милиціи.

При этомъ извѣстіи, сообщенномъ вольноотпущеникомъ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, Лентулъ Батіотъ стоялъ въ первыя мгновенія молча изумленный, почти уничтоженный и, подобно человеку, пораженному молніею, не двигался и ничего не говорилъ. И кто знаетъ долго-ли оставался-бы онъ въ этомъ положеніи, если-бы окружающіе не расшевелили его, совѣтуя энергичными жѣрами предупредить грозящую опасность.

Едва прійдя въ себя, Лентулъ приказалъ тотчасъ-же вооружить 250 солдатъ и 250 рабовъ, находившихся въ службѣ при школѣ, но такъ, чтобъ не дать замѣтить гладіаторамъ этихъ приготовленій. Вооружившись, имъ велено было всѣмъ спѣшить къ воротамъ Фортуны, посредствомъ которыхъ школа сообщалась съ городомъ и тамъ ждать уже дальнѣйшихъ приказаній.

Между тѣмъ самъ Лентулъ, блѣдный, какъ смерть, побѣжалъ за своимъ оружіемъ и однимъ изъ первыхъ явился къ воротамъ Фортуны. Тамъ, по жѣрѣ того, какъ собирались солдаты, онъ распредѣлилъ ихъ на маленькіе отряды изъ двадцати или тридцати человекъ, поручая начальство надъ ними самымъ храбрымъ изъ ветерановъ и послалъ ихъ охранять склады оружія и различные ворота школы.

Пока Лентулъ занимался этими приготовленіями, прибылъ трибунъ Титъ Сервиліонъ двадцативосьми-лѣтній молодой человекъ, сильного тѣлосложенія, презирающій опасности, но слишкомъ уже самонадѣянный и горячій. По просьбѣ префекта онъ явился во главѣ одной изъ двухъ когортъ, находившихся въ его распоряженіи въ Капуѣ.

— Ну, какъ дѣла?.. спросилъ, входя, Сервиліонъ.

— О!.. произнесъ Лентулъ, глубоко вздохнувъ, какъ-бы отъ облегченія, — да хранишь тебя Юпитеръ и да поможетъ тебѣ Марсъ... Какъ я радъ, что ты пришелъ.

— Расскажи-же мнѣ, что здѣсь произошло до сихъ поръ, гдѣ мятежники?

— Пока никто еще не шевелился, не замѣтно и тѣни мятежа?..

— Что-же ты дѣлалъ?.. Какія отдалъ приказанія?..

Лентулъ рассказалъ трибуну въ короткихъ словахъ, что было

имъ сдѣлано и въ то же время заявилъ, что во всемъ довѣряется его мудрости и что готовъ слѣпо повиноваться всѣмъ его приказаніямъ.

Титъ Сервилій, обдумавъ втеченіи нѣсколько минутъ планъ дѣйствія, послалъ по-двадцати человѣкъ своихъ солдатъ на подкрѣпленіе каждаго изъ отрядовъ, поставленныхъ Лентуломъ для охраны оружейныхъ складовъ и воротъ, и приказалъ запереть ихъ всѣ за исключеніемъ воротъ Фортуны, вездѣ которыхъ помѣстился самъ съ оставшимся отрядомъ, приблизительно въ 260 воиновъ.

Пока шли всѣ эти приготовленія, между гладіаторами начало быстро распространяться волненіе; они толпились многочисленными, все возрастающими группами во дворахъ, громко, въ одинъ голосъ, разговаривая между собою.

— Оружейные склады окружаютъ стражи!..

— Мы преданы!..

— Они знаютъ все!..

— Мы погибли!..

— Хоть-бы былъ здѣсь по крайней мѣрѣ Спартакъ!..

— Ни онъ, ни Окноманъ не пришли, ихъ вѣрно распяли въ Римѣ!..

— Горе намъ!..

— Да будутъ прокляты несправедливые боги...

— Запираютъ ворота!..

— А у насъ нѣтъ оружія!..

— Оружія!.. Оружія!..

Вскорѣ шумъ этихъ десяти тысячъ голосовъ, бѣшено кричавшихъ, кощунствовавшихъ и проклинавшихъ, такъ возросъ, что превратился въ какой-то гулъ, страшный, какъ ропотъ моря, волнуемаго бурей; только послѣ многихъ усилій со стороны тѣхъ, кого Спартакъ, предусмотрительно раздѣливъ своихъ товарищей по несчастью на легіоны и когорты, возвысилъ въ званіе трибуновъ и центуріоновъ, только послѣ многихъ стараній этихъ начальниковъ, гладіаторы стали успокаиваться и разиѣщаться согласно данному имъ приказанію, каждый въ свои когорты такъ, что когда мракъ спустился на землю, среди десяти громаднхъ дворовъ, гдѣ еще такъ недавно царствовалъ беспорядокъ, шумъ и отчаяніе, водворилась теперь мертвая тишина.

Въ каждомъ изъ этихъ дворовъ помѣстились по двѣ когорты гладиаторовъ, расположенные тѣсными рядами, такъ-какъ пространство было мало; они стояли молчаливые, взволнованные, ожидая рѣшенія, которое трибуны и центуріоны, собравшіеся въ эту минуту въ одной изъ фехтовальныхъ залъ, должны принять для спасенія святого дѣла, которому всѣ торжественно поклялись служить.

Все описанное нами происходило какъ разъ въ то время, когда Спартакъ и Окноманъ, послѣ столькихъ трудовъ и опасностей, приблизились, наконецъ, къ школѣ Лентула и остановились, увидавъ при свѣтѣ факеловъ, зажженныхъ неопытными солдатами, блестящія пики, дротыи и шлемы римскихъ солдатъ.

— Солдаты! сказалъ шепотомъ Окноманъ Спартаку.

— Да, отвѣчалъ Спартакъ, сердце котораго сжалось при этомъ открытіи.

— Значить, слишкомъ поздно... Школа окружена... что-же намъ дѣлать?..

— погоди.

И Спартакъ сталъ напряженно вслушиваться, стараясь уловить какой-нибудь отдаленный голосъ или шумъ и слѣдя въ тоже время расширенными зрачками за движеніемъ свѣта, который продолжалъ мелькать среди улицъ съ востока на западъ, то появляясь, то снова исчезая. Тогда онъ сказалъ Окноману:

— Стой и молчи.

И съ чрезвычайною осторожностью тихо, тихо пошелъ онъ впередъ по направленію къ тому мѣсту, гдѣ проходили передъ тѣмъ солдаты. Сдѣлавъ шесть или семь шаговъ, фракіецъ остановился и напрягая слухъ, услышалъ слабый шумъ; потомъ, поднявъ ладонь правой руки къ глазамъ, онъ пристально началъ вглядываться въ темноту и черезъ минуту могъ различить уже черную массу, двигавшуюся въ конецъ улицы.

— Они начали окружать школу, но еще не кончили этого. Теперь отряды солдатъ идутъ другъ другу навстрѣчу съ обоихъ концовъ улицы; мы, болѣе знакомые съ запутанными тропинками, придемъ десятью минутами раньше ихъ къ стѣнѣ, которая окружаетъ школу со стороны города. Здѣсь она едва имѣетъ 28 футовъ высоты; оттуда мы проникнемъ въ школу.

Такъ съ хладнокровіемъ и храбростью, превышающей силу са-

ныхъ закаленныхъ нервовъ, этотъ необыкновенный человѣкъ, отчаянно борясь съ неблагопріятствующей ему судьбою, во всякую минуту черпалъ въ своемъ умѣ и энергіи новыя силы, чтобы помочь своему погибающему дѣлу.

Дѣйствительно, случилось то, что онъ предвидѣлъ. Не теряя ни минуты, онъ вѣистѣ съ Окноманомъ, быстро пробираясь по темнымъ улицамъ, подошелъ къ школьной стѣнѣ именно въ томъ мѣстѣ, о которомъ они только-что упоминали. Окноманъ съ ловкостью, какой никакъ нельзя было предполагать въ его гигантской фигурѣ, началъ карабкаться вверхъ, пользуясь неровностями, которыя представляли собою камни старой стѣны; лишенной совсѣмъ штукатурки и вскорѣ достигнувъ до вершины, сѣлъ на нее верхомъ и потомъ началъ спускаться на другую сторону, что было гораздо труднѣе и опаснѣе.

Едва германецъ сталъ скриваться изъ виду Спартака, какъ послѣдній, оперевшись рукою о край камня, выступавшаго изъ стѣны, началъ, въ свою очередь, влѣзать по этой неудобной лѣстницѣ; онъ вспомнилъ о вывихѣ своей руки только тогда, когда ему пришлось употребить ее въ дѣло; жестокая боль, которую онъ почувствовалъ, заставила его громко вскрикнуть и несчастный, не въ силахъ будучи держаться, упалъ навзничъ на землю.

— Что случилось, Спартакъ?—спросилъ изъ-за противоположной стороны стѣны сдержаннымъ шопотомъ Окноманъ, спрыгнувшій уже на землю во внутреннее пространство школы.

— Ничего... отвѣчалъ фракіецъ, успѣвшій уже подняться и, при помощи неимоверныхъ усилій, заглушивъ боль, причиняемую рукой, онъ началъ взбираться по стѣнѣ. Ничего... моя вывихнутая рука...

— Ахъ, влянусь всѣми семью змѣями ада! — воскликнулъ Окноманъ—ты правъ... мы не подумали объ этомъ... посади меня, я влѣзу опять на верхушку стѣны, чтобы помочь тебѣ.

И говоря это, онъ уже началъ взбираться, когда услыжалъ голосъ Спартака.

— Ничего... ничего... говорю тебѣ, что ничего... не трогайся... черезъ минуту и я доберусь къ тебѣ...

Когда Спартакъ произнесъ послѣднія слова, Окноманъ увидѣлъ дѣйствительно, верхомъ на стѣнѣ, его мужественную фигуру, черезъ нѣсколько мгновеній съ такой-же быстротой, какъ другой

сходилъ-бы со ступеней удобной лѣстницы, спускался фракіецъ съ камня на камень, съ впадины въ впадину и, наконецъ, прыгнулъ на землю и пошелъ къ германцу.

Окноманъ послѣшилъ къ нему и хотѣлъ-было освѣдомиться у него о рукѣ, но удержался, пораженный смертельной блѣдностью лица и страшно расширенными, какъ-бы стеклянными зрачками товарища, дѣлавшими его скорѣе похожимъ на призракъ, чѣмъ на человѣка.

— Спартакъ!.. Спартакъ!.. воскликнулъ онъ попотомъ и съ такимъ выраженіемъ нѣжности, которую трудно было предположить въ этомъ дикарѣ—Спартакъ!.. тебѣ очень больно... больнѣе, чѣмъ способенъ вынести человѣкъ... Спартакъ, ты упадешь въ обморокъ... сядь здѣсь...

Говоря это, Окноманъ съ любовью сжалъ его въ своихъ рукахъ и старался усадить, прислонивъ спиною къ стѣнѣ.

Спартакъ, дѣйствительно, былъ въ обморокѣ происшедшемъ отъ жестокой боли, вызванной тѣми усиліями, которыя пришлось ему дѣлать больною рукой. На его лицѣ, похожемъ скорѣе на лицо трупа, тамъ и сямъ виднѣлись капли холоднаго пота. Его страшно блѣдныя губы подергивались судорогой и время отъ времени слабый стоиъ вырывался изъ его крѣпко стиснутыхъ зубовъ. Едва Окноманъ успѣлъ прислонить его къ стѣнѣ, какъ голова Спартака упала на грудь.

Онъ казался мертвымъ.

Взволнованный германецъ, превратившійся теперь въ преданную сидѣлку, стоялъ нѣсколько минутъ, съ отчаяніемъ глядя на своего друга, не зная, что дѣлать, но, наконецъ, повидимому, рѣшился на что-то. Съ величайшею деликатностью онъ взялъ лѣвую руку Спартака, тихо, тихо поднялъ ее и обнажилъ, засучивъ рукава туника; вида, что рука страшно налилась и опухла, онъ подумалъ, что теперь полезно было-бы сдѣлать перевязку. Затѣмъ онъ опустилъ руку фракійца и принялся отрывать лоскутъ отъ своего плаща.

Но толчекъ, испытанный Спартакомъ при паденіи руки на землю, причинилъ ему страшную боль; онъ застонать, пошевелинулся, тяжело отеръ глаза и мало-по-малу сталъ приходить въ себя.

Боль лишила его чувствъ, боль-же возвратила ему сознание.

Едва очнувшись и оглядѣвшись вокругъ, Спартакъ собралъ свои мысли и быстро вскочивъ на ноги, воскликнулъ горькимъ, насмѣшливымъ голосомъ.

— Bravo, герой!.. Клянусь олимпійскимъ Юпитеромъ, Спартакъ превратился въ дрянную бабу! Наши братья умираютъ подъ ударами солдатъ, наше дѣло окончательно погибаетъ, а я падаю въ обморокъ!

Насилу Окноману удалось убѣдить его, что все вокругъ еще спокойно, что они придутъ еще во-время, чтобы вооружить гладиаторовъ, что обморокъ его продолжался не болѣе двухъ минутъ и что, наконецъ, состояніе его руки было очень опасно.

Говоря это, германецъ туго забинтовалъ руку Спартака и потомъ при помощи повязки, подвязалъ ему руку горизонтально на груди. Окончивъ все это, онъ произнесъ:

— Такъ ты будешь меньше страдать. Спартаку-же достаточно одной правой руки, чтобы быть непобѣдимымъ.

— Только-бы удалось намъ добыть меча! отвѣтилъ фракіецъ, быстро направляясь къ ближайшему дому.

Вскорѣ они уже были тамъ, сѣни оказались пустыми, они прошли ихъ и очутились во дворѣ.

Тамъ безмолвно стояли двѣ когорты гладиаторовъ, которые скоро узнали приближающихся Спартака и Окномана; въ рядахъ послышались крики радости и надежды.

— Молчите! крикнулъ Спартакъ своимъ сильнымъ голосомъ.

— Молчите! повторилъ Окноманъ.

— Молчите и сохраняйте порядокъ! теперь не время неумѣстнымъ крикамъ, прибавилъ Спартакъ.

И когда водворилось глубокое молчаніе, онъ спросилъ:

— Гдѣ трибуны, центуріаны и совѣтники?

— Въ сосѣдней школѣ Авроры, они тамъ держатъ совѣтъ, что предпринять, отвѣчалъ деканъ, выйдя изъ рядовъ, — такъ-какъ школа окружена римскими когортами и оружейные склады охраняются сильными отрядами солдатъ.

— Я знаю это, отвѣтилъ Спартакъ и, обернувшись къ Окноману, прибавилъ:— поидемъ въ школу Авроры.

Потомъ, обратившись къ тысячѣ гладиаторовъ, собранныхъ во дворѣ, громко крикнулъ:

— Во имя всѣхъ боговъ неба и ада, я приказываю вамъ сохранять порядокъ и тишину.

И выйдя изъ старой школы, они скоро вошли въ залу, гдѣ при свѣтѣ нѣсколькихъ факеловъ засѣдали двѣсти главѣйшихъ гладіаторовъ, — трибуны, центуріоны и члены высшаго совѣта „Лиги угнетенныхъ“.

— Спартакъ!.. воскликнули человѣкъ тридцать, пораженные радостной неожиданностью.

— Мы погибли! сказалъ гладіаторъ, предсѣдательствовавшій въ собраніи.

— Нѣтъ еще, отвѣчалъ Спартакъ, — если намъ удастся завладѣть хоть однимъ складомъ оружія.

— Но можемъ-ли мы это сдѣлать?

— Мы не вооружены!

— И скоро ужъ римскія когорты атакуютъ насъ.

— И изрубятъ насъ на куски.

— Есть-ли у васъ факелы? спросилъ Спартакъ.

— Да есть, триста-пятьдесятъ или четыреста.

— Вотъ наше оружіе! воскликнулъ Спартакъ, глаза котораго заблестали радостью.

И черезъ минуту прибавилъ:

— Изъ всѣхъ десяти тысячъ гладіаторовъ, находящихся въ этой школѣ, вы, безъ сомнѣнія, самые храбрые и сильные. Вы должны доказать сегодня, что товарищи ваши, выбравъ васъ себѣ въ начальники, дѣйствительно не ошиблись. Готовы-ли вы на все?

— Готовы, твердо отвѣчали, какъ одинъ человѣкъ, всѣ двѣсти гладіаторовъ.

— Будете даже сражаться безоружными противъ вооруженныхъ?

— Будемъ! воскликнули еще съ большимъ энтузіазмомъ гладіаторы.

— Ну, такъ... давайте факелы!.. Зажжемъ ихъ и бросимся съ ними на стражу ближайшаго оружейнаго склада, прогонимъ ее, сожжемъ дверь, и у насъ будетъ столько оружія, сколько нужно для того, чтобы одержать вѣрную и полную побѣду. Нѣтъ, не все еще потеряно, пока въ насъ есть вѣра и рѣшимость побѣдить или умереть.

Блѣдное лицо отважнаго фракійца озарилось въ эту минуту какимъ-то особеннымъ свѣтомъ. Глаза его блестѣли и все существо дышало воодушевленіемъ; вѣра и энтузіазмъ, воспламенившіе этого человѣка, обезсиленнаго, усталаго и измученнаго, быстро, какъ электрическая искра, сообщились двумстамъ гладіаторамъ, сошедшимся въ этой залѣ.

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, поспѣшили за факелами, которые, благодаря предусмотрительному совѣту Спартака, заранѣе были заготовлены и хранились въ различныхъ помѣщеніяхъ школы.

Тѣмъ временемъ, Попилій, усиливъ охранительные посты городскихъ воротъ, повелъ въ гладіаторскую школу триста солдатъ и вмѣстѣ съ ними отдалъ себя въ распоряженіе трибуна Тита Сервиліона. Одновременно съ этимъ, къ воротамъ Фортуны подошли семьсотъ человѣкъ городской милиціи Капуи подъ непосредственнымъ начальствомъ префекта Меція Либсона.

Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокій, толстый, одуловатый, съ свѣжимъ, красивымъ лицомъ, на которомъ ясно читалась любовь къ миру, спокойствію и эпикурейскимъ наслажденіямъ.

Будучи уже много лѣтъ префектомъ Капуи, онъ свободно наслаждался преимуществами своей высокой и завидной должности, всѣ заботы которой въ мирное время сводились къ вещамъ очень легкимъ и маловажнымъ. Такимъ образомъ, буря, которая такъ неожиданно и внезапно разразилась надъ его головою, захватила его врасплохъ, какъ человѣка разбуженнаго грубымъ ударомъ среди сладкаго сна, и бѣдный сановникъ былъ смущенъ и казался цепенкомъ, запутавшимся въ кучѣ пакли.

Тѣмъ не менѣе, среди замѣшательства и страха, овладѣвшихъ имъ, важность событія, боязнь отвѣтственности, мужественное возбужденіе гордой и рѣшительной Домиціи, его жены, наконецъ, совѣты храбраго трибуна Сервиліона, подѣйствовали на него, и Мецій, не понимая хорошенько, что происходитъ и не предвидя послѣдствій отдаваемыхъ имъ приказаній, рѣшился въ-концѣ-концовъ что-нибудь дѣлать, какъ-нибудь распорядиться.

Однимъ изъ непредвидѣнныхъ послѣдствій такихъ распоряженій было то, что наскоро собранные и кое-какъ вооруженные семьсотъ муниципальных солдатъ Капуи вскорѣ стали кричать, что они желаютъ, чтобы въ сраженіи предводительствовалъ ими

префектъ, который былъ высшимъ сановникомъ города и которому одному они довѣряютъ. Такимъ образомъ, Мецій, и безъ того дрожавшій отъ страха и не считавшій себя безопаснымъ даже въ собственномъ дворцѣ, вынужденъ былъ подвергнуться всѣмъ ужаснымъ послѣдствіямъ, какія влекло за собою прямое и непосредственное дѣйствіе.

Вѣдняяга воспротивился сначала требованію солдатъ со всей энергіею, какую внушалъ ему страхъ, приводя резоны, извиняясь, выискивая предлоги, увѣряя, что онъ человекъ тоги, а не меча, съ самыхъ раннихъ лѣтъ не занимавшійся оружіемъ и военными упражненіями. Онъ указывалъ, что присутствіе его необходимо во дворцѣ префекта, чтобы имѣть возможность предусматривать и предупреждать все, что можетъ случиться, но, наконецъ, припертый настояніями капуанскихъ сенаторовъ, криками милиціи и упреками жены, несчастный долженъ былъ рѣшиться надѣть шлемъ, вольчугу и опоясаться мечомъ. Не какъ вождь, идущій во-главѣ солдатъ сражаться съ врагомъ, а какъ жертва, ведемая на казнь, вышелъ онъ изъ дому и, во-главѣ капуанской милиціи, отправился въ гладіаторскую школу.

Едва приблизились капуанскіе солдаты къ воротамъ Фортуны, имъ вышелъ навстрѣчу трибунъ Сервидіонъ въ сопровожденіи Лентула Батіата и центуріона Кая Элидія Солонія и объявилъ, что необходимо составить совѣтъ и обсудить какъ можно скорѣе, какія принять мѣры.

— Совѣтъ... совѣтъ... не долго сказать составить совѣтъ... нужно посмотрѣть еще, знаютъ-ли всѣ... могутъ-ли всѣ... сказала смущенный Мецій, замѣшательство котораго росло тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше старался онъ скрыть отъ другихъ одолѣвшій его страхъ. — Потому что... въ-концѣ-концовъ, продолжалъ онъ послѣ минутнаго размышленія, въ теченіи котораго старался показать видъ, будто думалъ о чемъ-то, — я знаю всѣ законы республики и при случаѣ умѣю также владѣть мечемъ... и если необходимо отечеству... если необходимо... отдамъ даже жизнь... но предводительствовать милиціею... такъ... неожиданно... не зная даже противъ кого... никакъ... никуда... потому что вообще... въ-концѣ-концовъ... если-бы пришлось идти противъ извѣстнаго врага... въ открытой войнѣ... я хорошо знаю, что-бы сталъ дѣлать... что-бы сдѣлалъ... но...

И его запутанное краснорѣчіе прервалось на этомъ и какъ ни чесалъ онъ себѣ за ухомъ, ища другого слова, которымъ можно-бы окончить начатый періодъ, однако, ему не суждено было найти его, и, противъ всѣхъ правилъ грамотности, за этимъ *мо* бѣдный префектъ долженъ былъ поставить точку.

Трибунъ Сервиліонъ, хорошо зная натуру префекта, улыбался и отчасти, чтобы вывести его изъ затрудненія и въ тоже время сдѣлать то, что онъ давно рѣшилъ сдѣлать, сказалъ:

— Я думаю, что для того, чтобы разрушить замыслы этой сволочи, есть одно только средство: охранять и защищать помѣщенія, гдѣ сложено оружіе; запереть ворота школы; стеречь ихъ, чтобы помѣшать бѣгству заговорщиковъ и забаррикадировать улицы и проходы, ведущіе въ городъ; обо всемъ этомъ я уже позаботился.

— И прекрасно сдѣлалъ, храбрый Сервиліонъ, что распорядился, сказалъ префектъ, очень обрадованный тѣмъ, что тотъ своею предусмотрительностью избавилъ его отъ необходимости самому отдавать приказанія.

— Теперь у меня остаются приблизительно пятьсотъ воиновъ, которыхъ вмѣстѣ съ храброю муниципальною милиціей, прибавилъ Сервиліонъ, — я могу сѣбно вести противъ мятежниковъ и принудить ихъ разсѣяться и разойтись по своимъ кельямъ.

— Прекрасно, великолѣпно придумано! Это именно и есть то, что я хотѣлъ предложить, воскликнулъ Мецій Либеонъ, который былъ очень радъ, что Сервиліонъ принялъ на себя все веденіе дѣла.

— Что касается до тебя, мудрый Либеонъ, то такъ-какъ ты, воодушевленный ревностью къ благу республики, желаешь принять прямое участіе въ дѣйствиіи...

— О!.. Когда ты здѣсь... человекъ отважный и опытный въ битвахъ, думаешь-ли ты, что я буду настаивать?.. О, нѣтъ... никогда!

— Такъ какъ ты этого желаешь, продолжалъ, не обращая на него вниманія, трибунъ, — то можешь остаться съ сотней этихъ солдатъ возлѣ воротъ Геркулеса, находящихся отсюда на разстояніи двухъ выстрѣловъ, чтобы охранять, вмѣстѣ съ стоящими тамъ воинами, выходъ!

— Но пойми это... въ концѣ-концовъ я человекъ тоги... но во всякомъ случаѣ... если ты думаешь...

— О, я понимаю тебя... тебѣ хочется принять участіе въ схваткѣ, которую, можетъ быть, придется намъ завязать съ этой сволочью... Но охрана этихъ воротъ также очень важная вещь, и поэтому я прошу тебя взять на себя эту обязанность.

Потомъ, быстро наклонившись почти къ самому уху Либеона, прошепталъ:

— Ты не подвергаешься ни малѣйшей опасности.

А затѣмъ громко прибавилъ:

— Впрочемъ, если ты хочешь распорядиться иначе...

— Нѣтъ... нѣтъ... вотъ еще... сказалъ нѣсколько облегченный Мецій Либеонъ, — поди же расправься съ мятежниками, иди храбрый и мудрый юноша. Я отправлюсь съ сотнею солдатъ на назначенный мнѣ постъ, и если негодяи попытаются слѣзть оттуда вылазку... если вздумаютъ атаковать меня... вы... увидите... увидите... имъ не поздоровится... хотя... въ концѣ-концовъ я человекъ къ тоги... да... Но я помню еще... мои юношескіе военные подвиги... и горе этимъ извергамъ... если...

Итакъ, бормоча и бравидуя, онъ пожалъ руку Сервиліону и, въ сопровожденіи центуріона и ввѣренныхъ ему капунскихъ солдатъ, отправился на указанный ему постъ, но не безъ жалобы въ душѣ на тяжелое положеніе, въ которое поставило его безуміе этихъ десяти тысячъ разбойниковъ и не безъ горячаго желанія насладиться снова блаженнымъ спокойствіемъ прежнихъ дней.

Тѣмъ временемъ гладиаторы, волнуемые страхомъ и надеждой, продолжали стоять, выстроившись на дворѣ, въ ожиданіи приказаній своихъ начальниковъ, которые, вооружившись факелами, старались завладѣть оружейнымъ магазиномъ школы Геркулеса, входъ въ который охранялся пятьюдесятью солдатами и рабами, рѣшившимися цѣною жизни оспаривать его у мятежниковъ.

Но въ ту минуту, когда Спартакъ, Окноманъ и его товарищи готовы были ворваться въ коридоръ, куда выходила дверь оружейнаго магазина, звукъ трубъ раздался въ тишинѣ ночи и пронесся по дворамъ, гдѣ стояли въ сборѣ бѣдные гладиаторы.

— Слушайте! — сказалъ Спартакъ, останавливая товарищей однимъ движеніемъ правой руки, вооруженной факеломъ.

Дѣйствительно, за звукомъ трубъ послышался голосъ обществен-

наго глашатая, который именемъ римскаго Сената приглашалъ мятежниковъ разойтись по вельямъ, предупреждая ихъ, что въ случаѣ неповиновенія, послѣ третьей трубы, ихъ разгонитъ силой республиканская милиція.

Страшный гулъ и громкій ропотъ были отвѣтомъ на крикъ глашатая, который, какъ эхо сосѣднихъ горъ, зловѣще повторялся другими глашатаями въ различныхъ дворахъ, гдѣ стояли, скупившись, гладіаторы.

Спартакъ нѣсколько мгновений оставался неподвижнымъ, съ сосредоточеннымъ, мрачнымъ и страшнымъ лицомъ и съ опущенными въ землю глазами, какъ человѣкъ, который совѣщается самъ съ собою. Наконецъ, онъ обратился къ своимъ товарищамъ и голосомъ, достаточно громкимъ, чтобы быть услышаннымъ ими, сказалъ:

— Если осада оружейнаго магазина удастся, намъ хватить найденныхъ тамъ мечей, чтобы овладѣть всѣми другими магазинами школы, и мы побѣдимъ. Если-же это не удастся, намъ остается одно только средство, чтобы наше дѣло свободы окончательно не погибло. Пусть центуріоны, начальствующіе первыми ротами (primarie) *) обонхъ легионовъ, уходятъ отсюда и возвратятся къ нашимъ товарищамъ, и если черезъ четверть часа они не услышатъ звуковъ гимна свободы, то должны приказать всѣмъ разойтись молча и возвратиться въ кельи: это будетъ знакомъ, что мы не могли овладѣть оружіемъ. Мы-же, въ такомъ случаѣ, разобьемъ и сожжемъ дверь, находящуюся на разстояніи полувыстрѣла отъ воротъ Геркулеса и, проникнувъ въ трактиръ Ганимеда, вооружимся тамъ чѣмъ только можемъ, преодолѣмъ всѣ опасности и въ числѣ ста-ли, шестидесяти-ли, тридцати-ли, однимъ словомъ, всѣ, кто останется въ живыхъ, сойдемся на горѣ Везувіи и тамъ поднимемъ знамя возстанія. Туда-же, самымъ ближайшимъ путемъ, вооруженные или безоружные, толпами или въ одиночку, пусть приходятъ всѣ наши братья; оттуда начнется война угнетенныхъ противъ притѣснителей.

И, черезъ минуту, видя, что два центуріона первыхъ ротъ ко-

*) Такъ назывались въ римскихъ войскахъ самые старшіе изъ центуріоновъ легиона; они несли знамя и замѣщали трибуновъ въ строю, когда гѣхъ не случалось на лицо.

леблются оставить это мѣсто, гдѣ представлялась теперь самая большая опасность, онъ сказалъ:

— Армадій, Клувіанъ, именемъ Верховнаго Совѣта, приказываю вамъ идти.

Оба юноши опустили головы и неохотно удалились, направившись оба въ противоположныя стороны.

Тогда Спартакъ, обратившись къ товарищамъ, сказалъ:

— А теперь... впередъ!

И, вмѣстѣ съ Окноманомъ, первый вошелъ въ коридоръ, гдѣ находился магазинъ оружія. Въ одно мгновеніе бросился онъ на солдатъ, начальникъ которыхъ, однорукій и одноглазый ветеранъ, стоялъ въ ожиданіи нападенія, крича:

— Впередъ! Впередъ-же... мерзкіе гладіаторы!.. Вперр...

Но онъ не успѣлъ окончить, такъ-какъ Спартакъ, протянувъ во всю длину свою руку, вооруженную громаднымъ, горящимъ факеломъ, нанесъ ему ударъ прямо въ ротъ.

Старый ветеранъ заревѣлъ и отшатнулся; между тѣмъ солдаты напрасно сѣлились отражать мечами нападеніе Окномана и Спартака, которые съ отчаянной яростью размахивали своими, новаго рода оружіемъ, сдѣлавшимся ужаснымъ въ ихъ рукахъ.

Между тѣмъ, солдаты, находившіеся подъ командою трибуна Тита Сервиліона и капуанская милиція, раздѣленная по приказанію центуріона Попилія на двѣ части, вступили одновременно въ три двора и послѣ трехъ напрасныхъ призывовъ трубъ, начали бить своими дротиками безоружныхъ гладіаторовъ.

То была страшная минута: воздухъ огласился криками, проклятіями, ревомъ и стономъ; гладіаторы, придя въ смятеніе отъ этого тяжелаго града ударовъ, обрушившихся на безоружную массу людей и усмывшихъ дворъ ранеными и убитыми, начали отступать къ различнымъ выходамъ дворовъ, крича въ иступленіи:

— Оружія... оружія!.. Оружія...

Но удары дротиковъ продолжали ихъ поражать, и вскорѣ отступленіе гладіаторовъ превратилось въ бѣгство и общее смятеніе.

Они бѣжали, тѣсясь въ проходахъ, толкаясь въ дверяхъ, наводная коридоры, спасаясь во дворы, падая, задыхаясь, топча другъ друга. Проклятія, дикій ревъ, молитвы, жалобы и вопли раненыхъ и умирающихъ зловѣще раздавались во мракѣ ночи, переполняя собою громадную школу Лентула.

Бойня гладіаторовъ въ первыхъ трехъ дворахъ и ихъ бѣгство внесли скоро смятеніе и въ когорты, стоявшіе въ другихъ дворахъ; ряды ихъ мгновенно начали рѣдѣть, разстраиваться и вскорѣ совсѣмъ смѣшались. Хотя эти люди, будучи вооружены, сьумѣли-бы сразиться и умереть всѣ или одержать полную побѣду надъ двумя римскими легіонами, но, избиваемые безоружными, они не смогли и не захотѣли продержаться въ строю даже четверти часа и обратились въ бѣгство, помышляя только о личномъ спасеніи.

Между тѣмъ Спартакъ и Окноманъ бились, какъ голодные тигры, вмѣстѣ съ двумя другими товарищами, такъ-какъ въ узкомъ коридорѣ нельзя было сражаться болѣе чѣмъ четвернымъ въ рядъ. — Вскорѣ они прогнали отъ дверей солдатъ, горячо преслѣдуя ихъ. Тогда сотня гладіаторовъ, вооруженныхъ факелами, протѣснилась мало-по-малу въ сѣни и начала убивать солдатъ, изъ которыхъ многіе, обезоруженные и ослѣпленные, спѣшили спастись бѣгствомъ. Другая-же часть гладіаторовъ, находившаяся въ коридорѣ, складывала факелы возлѣ двери оружейнаго магазина, чтобъ сжечь его и тѣмъ открыть себѣ входъ.

Солдаты, бѣжавшіе отъ яростной атаки Спартака, издавая громкіе крики и стоны, бросились въ смятеніи куда попало, и нѣкоторые изъ нихъ, столкнувшись съ толпами гонимыхъ войсками гладіаторовъ, были немедленно опрокинуты ими, стоптаны и задушены; тогда-какъ другимъ удалось добѣжать до кагорты Сервиліона, Попилія и Солонія, шедшихъ сомкнутымъ строемъ впередъ, медленно преслѣдуя бѣгущихъ гладіаторовъ.

Такимъ образомъ, отъ бѣглецовъ, трибунъ и центуріонъ узнали о новой, грозившей имъ опасности, которая могла вырвать изъ ихъ рукъ такъ легко доставшуюся побѣду. Вслѣдствіе этого, Попилій поспѣшилъ въ школу Геркулеса и бросился въ коридоръ, гдѣ дверь оружейнаго магазина начала уже горѣть. Видя, что мечи бесполезны противъ факеловъ, съ которыми выступали гладіаторы, онъ приказалъ стоявшимъ за нимъ рядамъ броситься на враговъ съ дротиками, посредствомъ которыхъ и здѣсь вскорѣ была одержана побѣда.

Товарищи Спартака отступили; но такъ-какъ они были людьми болѣе храбрыми и мужественными, то отступление ихъ происходило въ порядкѣ. Обороняясь противъ римлянъ факелами, они

внимали дробки изъ тѣлъ убитыхъ и раненыхъ и захватывали съ собою. Дойдя до конца коридора, они стойко оспаривали у солдатъ выходъ изъ него, обороняясь этими самыми дробками.

Между тѣмъ Спартакъ, выйдя съ Окноманомъ изъ сѣней во дворъ, увидѣлъ тамъ безпорядочное бѣгство гладіаторовъ и по отчаяннымъ крикамъ и стомамъ понялъ, что теперь здѣсь все потеряно и что остается одинъ только путь къ спасенію, — прорваться изъ школы и бѣжать къ Везувію.

Тогда, войдя снова въ сѣни, онъ закричалъ громкимъ голосомъ, который слышенъ былъ среди рева и шума битвы:

— У кого есть мечи, — оставайтесь здѣсь и защищайте, какъ можно дольше, этотъ выходъ отъ солдатъ.

Тѣ немногіе гладіаторы, которымъ удалось во время схватки отнять мечи и копья, сомкнулись возлѣ выхода коридора, которымъ напрасно силился овладѣть Попилій, храбро сражавшійся въ первомъ ряду, несмотря на полученные имъ раны въ лобъ и правую руку.

— Слѣдуйте за мною! крикнулъ Спартакъ остальнымъ гладіаторамъ, высоко размахивая факеломъ.

И, вмѣстѣ съ Окноманомъ, быстрыми шагами направился къ тому мѣсту стѣны, опоясывавшей школу, гдѣ узкая и низкая дверь, Богъ-вѣсть сколько лѣтъ стоявшая запертой и заваленной, представлялась теперь гладіаторамъ единственнымъ выходомъ.

Но чтобы сжечь эту дверь, потребовалось-бы по меньшей мѣрѣ полчаса; между тѣмъ, очевидно было, что наступавшіе со всѣхъ сторонъ побѣдители не дадутъ имъ времени на это. Съ другой стороны, топоровъ или молотковъ, чтобы разбить дверь, у нихъ также не было. Что-же предпринять?.. Какъ невозможно скорѣе открыть этотъ выходъ?..

Пока всѣ съ мучительной тоской и страхомъ подыскивали средства къ достиженію этой цѣли, Окноманъ бросилъ взглядъ на маленькую мраморную колонну, стоявшую неподалеку отъ него и крикнулъ, обращаясь къ товарищамъ:

— Выходи впередъ самый сильный!

Черезъ минуту семь или восемь гладіаторовъ, самыхъ высокихъ и сильныхъ, протѣснились сквозь толпу и очутились возлѣ Окномана, который, оглядѣвъ ихъ опытнымъ взглядомъ челоуѣка, понимающаго смыслъ въ этомъ дѣлѣ, и обращаясь къ плотному, вы-

совому самниту, почти такого-же колоссальнаго роста, какъ онъ самъ, сказалъ, указывая на колону:

— Возьмись-ка, посмотримъ какова твоя сила, — и самъ схватилъ колону съ другой стороны.

Всѣ поняли мысль Окномана и очистили мѣсто передъ дверью, возлѣ которой остановились германецъ и самнитъ. Безъ всякихъ усилій поднявъ и перенеся туда колону, они раскачали эту громадную каменную массу и изо всей силы ударили ею въ дверь, которая затрещала отъ тяжелаго сотрасеяія.

Два раза должны были повторить гладіаторы эту операцію, и въ третій дверь упала на землю, разлетѣвшись на куски. Гладіаторы, загасивъ факелы, молча прошли черезъ нее вслѣдъ за Спартакомъ, который по узкимъ и темнымъ улицамъ отправился къ кабаку „Ганимеда“.

Это былъ самый ближайшій трактиръ къ школѣ Лентула и наиболѣе посѣщаемый гладіаторами, такъ-какъ содержателемъ его былъ одинъ изъ вольноотпущенныхъ, очень дружный съ Спартакомъ и сочувствующій заговору, для содѣйствія которому предложилъ всевозможныя услуги съ своей стороны.

Заведеніе это, на дверяхъ котораго видѣлась безобразная вывѣска, представлявшая уродливаго Ганимеда, наливающаго красный, какъ запекающаяся кровь, нектаръ, въ чашу не менѣе безобразнаго Юпитера, находилось на разстояніи одного выстрѣла отъ того мѣста, гдѣ стояли солдаты и капуанская милиція, находившаяся подъ командою тучнаго и миролюбиваго префекта Меція Либона.

Въ глубокой тишинѣ и съ большими предосторожностями подвигался впередъ Спартакъ съ двумя-стами гладіаторовъ, шедшихъ гуськомъ одинъ за другимъ. По данному шопотомъ приказанію, они всѣ остановились.

Фракіецъ, германецъ и еще семь или восемь другихъ вошли въ трактиръ. Хозяинъ, испытывавшій невообразимое безпокойство отъ носительно исхода сраженія, о которомъ онъ догадался по шуму и гулу, доносившемуся изъ школы, поспѣшно вышелъ имъ навстрѣчу.

— Ну что?.. Каковы новости?.. Какъ идетъ сраженіе? спросилъ онъ.

Но Спартакъ коротко обрѣзалъ эти вопросы, сказавъ:

— Вибиній, дай намъ все оружіе, сколько у тебя найдется, а также и какіе-нибудь инструменты, которые въ рукахъ отчаянныхъ людей могутъ сдѣлаться смертоносными.

Сказавъ это, онъ подбѣжалъ къ камину и схватилъ вертелъ, а Окноманъ стащилъ багоръ, висѣвшій на стѣнѣ, и, набравъ цѣлую охапку рогатины, ножей и косъ, они вышли изъ кабачка и стали раздавать это оружіе товарищамъ. Ихъ примѣру послѣдовали и другіе, обшаривая всюду, и вскорѣ всѣ были порядочно вооружены, захвативъ еще съ собою три деревянныхъ лѣстницы и нѣсколько веревокъ.

Едва окончилось это вооруженіе, какъ Спартакъ двинулся первый, а за нимъ и другіе, идя среди глубокой тишины по направлению къ той улицѣ, гдѣ стояли римскіе солдаты.

Часовые еще не успѣли крикнуть тревогу, какъ гладіаторы бросились съ яростью дикихъ звѣрей на римлянъ, расточая отчаянные удары, опрокидывая, рани и убивая ихъ.

То была битва, продолжавшаяся нѣсколько минутъ, но въ теченіи которой отчаянный натискъ гладіаторовъ заставилъ скоро разсѣяться немногочисленныхъ солдатъ и капуанскую милицію.

Квинтъ Волуцій, молодой центуріонъ этой послѣдней, воодушевлялъ солдатъ къ битвѣ и горячо сражался, поддерживаемый немногими храбрецами, крича:

— Впередъ капуанцы!.. Смѣлѣе, во имя Юпитера Тифатинскаго!.. Мецій... храбрый Мецій!.. Ободряй солдатъ...

И Мецій Либеонъ, который при первомъ неожиданномъ нападеніи гладіаторовъ, былъ объятъ паническимъ страхомъ и спрятался было въ хвостъ своего маленькаго войска, услыхавъ теперь, что его такъ настоятельно призываютъ къ исполненію возложенной на него обязанности, началъ кричать, самъ не понимая хорошенько, что говорить:

— Конечно... разумѣется... капуанцы смѣлѣй!.. Впередъ!.. Храбрые капуанцы... я буду управлять... вы сражайтесь!.. Не бойтесь... ничего, ничего... бейте... убивайте!..

И при каждомъ словѣ отступалъ шагъ назадъ.

Мужественный Квинтъ Волуцій упалъ, пронзенный насквозь вертеломъ Спартака, и гладіаторы, стремясь впередъ, толкая и опрокидывая, подбѣжали къ несчастному префекту, который, съжив-

шись, бросился на колѣни и восклицалъ голосомъ, прерывающійся рыданіями:

— Я человекъ тоги... я не сдѣлалъ ничего дурного... жаль-тесь... жальтесь!.. О, храбрые... простите!..

Но онъ не могъ долго продолжать своего плача, такъ-какъ Окноманъ, подошедшій въ эту минуту, нанесъ ему такой ударъ ногою въ грудь, что тотъ покотился, какъ тяжелый камень, и упалъ безъ сознанія въ четырехъ шагахъ отъ него.

Пробѣжавъ шаговъ триста, Спартакъ остановился и грустнымъ голосомъ сказалъ Окноману:

— Теперь необходимо половинѣ изъ насъ остаться здѣсь, чтобы на полчаса задержать нашихъ преслѣдователей и дать время другой половинѣ перебраться черезъ городскую стѣну.

— Я остаюсь! воскликнулъ Окноманъ.

— Нѣтъ, ты поведешь нашихъ на Везувій, а я останусь здѣсь.

— Этого никогда не будетъ. Если я умру, ты можешь продолжать войну, а умрешь ты, все погибнетъ.

— Бѣги, бѣги, ты Спартакъ! воскликнуло восемь или десять гладіаторовъ. — Мы останемся здѣсь съ Окноманомъ.

На рѣсницахъ Спартака показалась слеза при видѣ этого благороднаго самоотверженія и привязанности; протянувъ руку германцу, онъ сказалъ:

— Прощай!.. Жду васъ на Везувіи.

И, въ сопровожденіи части гладіаторовъ, въ число которыхъ Окноманъ включилъ и тѣхъ, кто несъ лѣстницы, Спартакъ исчезъ, углубившись въ сѣтъ переулковъ, ведущихъ къ городской стѣнѣ; а Окноманъ, приказавъ нѣкоторымъ изъ своихъ пробраться въ сосѣдніе дома и бросать изъ оконъ скамейки, кровати и мебель, забарикадировалъ посредствомъ этихъ вещей улицу, приготовляя долгое и упорное сопротивленіе наступающимъ римскимъ когортамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

КАРТИНЫ И ЭСКИЗЫ.

I.

ВЕЧЕРЪ.

Солнце закатилось, оставивъ на горизонтѣ блѣдно-золотистую полосу; сѣро-свинцовыя облака тѣсными, клубистыми массами обложили небо, и медленно спускается на влажную, болотистую почву густой туманъ. Тамъ и сямъ торчатъ тощія деревья, полусгнившіе пни, чахлые кустарники; съ трудомъ пробивается наружу желтоватая, полузамерзшая трава изъ-подъ большихъ каменныхъ обломковъ, покрытыхъ слизистымъ слоемъ тины. Надъ болотомъ безпомощно склонилъ кривой стволъ старая, одинокая ива, и, какъ сѣдыя бороды, цѣпляются за полуобнаженные вѣтви сѣрые, длинные мхи. Вѣтеръ раскачиваетъ ихъ, срываетъ съ дерева послѣдніе остатки лиственнаго убора, погружаетъ нижнія вѣтви въ тину, и, кажется, что ива, подобно безсильному старцу, не въ силахъ расправить старыя члены, не въ силахъ высвободить ихъ изъ холодной, пронизывающей ее влаги. Послѣ каждаго напора она будто еще ниже сгибается, еще безпомощнѣе опускаетъ вѣтви. Блѣдныя березки трепещутъ отъ холода; желтые, промокшіе листья, при каждомъ сотрясеніи вѣтокъ, сыплются на землю и, подхватываемые вѣтромъ, въ бѣшеномъ круговоротѣ уносятся во всѣ стороны. Одни старыя пни, сверху до низу облѣпленные лишаями, будто не чувствуютъ осенней сырости; словно мертвецы, стоятъ они неподвижно, растопыривъ по всѣмъ направленіямъ черныя, узловатые сучья.

Вѣтеръ то стихалъ, то снова съ яростью пробѣгалъ по болоту и деревьямъ. Мало-по-малу, однако, порывы его становились рѣже, слабѣе; наконецъ, онъ стихъ, и глубокая тишина наступила повсюду.

Три, четыре вороны кружатся въ высотѣ; онѣ то быстро опускаются на одинъ изъ пней, внезапно оглашая болото громкимъ нестройнымъ карканьемъ, то снова поднимаются, мгновенно исчезая въ низко висящихъ облакахъ. Порой раздается крикъ болотной птицы и долго носится въ воздухѣ. Но всѣ эти проявленія жизни только усиливаютъ общее впечатлѣнiе могильной тишины. Все сѣро, тускло кругомъ, все кажется мертвымъ, и вся эта тоску наводящая мѣстность, окутанная свинцовымъ небомъ, будто замерла въ тяжеломъ, давящемъ снѣ. Только на горизонтѣ свѣтится золотистая полоса вечерней зари, и, какъ лучъ надежды, пронизываетъ она всю эту печальную пустыню.

Говорятъ, тутъ совершилось преступленiе. Братъ убилъ здѣсь брата своего; съ тѣхъ поръ мѣсто это стало называться проклятымъ. Крестьяне ускоряютъ шаги, если имъ случится подъ вечеръ проходить мимо него, набожно крестятся и боятся оглядываться назадъ. Увѣряютъ, что не разъ здѣсь были слышны стоны. Рассказываютъ даже, что одинъ храбрецъ, думая найти кладъ на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданiю, совершилось братоубійство, отправился туда разъ ночью и ужъ болѣе не возвращался. Никто не видалъ и не знавалъ лично этого храбреца, но преданiе переходитъ изъ устъ въ уста, и мѣсто такъ и оставалось проклятымъ.

И однако, повидимому, не всѣ избѣгали его. На одномъ опрокинутомъ пнѣ сидитъ женщина. Она давно уже сидитъ здѣсь, не замѣчая, что часы проходятъ и сѣрый, осеннiй день смѣнился сумерками. Крѣпко станувъ на груди черной шерстяной платокъ, сидитъ она неподвижно, и, подперевъ рукой голову, пристально смотритъ на близъ стоящiй кустарникъ. Блѣдное, болѣзненное, уже не молодое лицо выражаетъ тупое страданiе. Она, казалось, ни о чемъ не думала и застыла подъ влiянiемъ одного тяжелого, гнетущаго гора. Рѣзкое карканье вороны, раздавшееся какъ-разъ надъ ухомъ, заставило ее вздрогнуть. Испуганная чѣмъ-то птица съ карканьемъ пронеслась надъ ея головой, почти касаясь ея крыломъ. Женщина посмотрѣла ей вслѣдъ и съ напряженнымъ вниманiемъ слѣдила за нею до тѣхъ поръ, пока она

не скрылась въ высотѣ; тогда, съ тяжелымъ вздохомъ, она медленно перевела глаза на кустарникъ и снова приняла прежнее положеніе.

Торопливые шаги послышались въ это время. Женщина обернулась и порывисто поднялась съ своего мѣста. Къ ней приближался мужчина лѣтъ сорока, средняго роста, широкоплечій. Красивое лицо, обрамленное окладистой бородой, выражало тоску и тревогу; темные, впалые глаза съ безпокойствомъ смотрѣли на женщину, которая съ слабою улыбкой протягивала ему худую, блѣдную руку.

— Что тебѣ вздумалось, Саша, заговорилъ онъ, схвативъ ея руку, — назначать мнѣ свиданье здѣсь, среди этихъ болотъ? Смотри, платье, волосы твои совсѣмъ влажные! Развѣ ты не видишь, какой туманъ поднимается со всѣхъ сторонъ? Что за охота сидѣть тутъ въ такой холодъ! И на здороваго, веселаго человѣка мѣстность эта наведетъ тоску, а намъ съ тобой нечего растревлять свои раны этимъ свинцовымъ небомъ и безотрадными болотами.

— Ты прежде не находилъ эти болота такими безотрадными, замѣтила Саша, стараясь улыбнуться, чтобы смягчить горечь невольнаго упрека. — Садись тутъ около меня, продолжала она, усаживаясь на пень.

— Прежде! повторилъ онъ раздражительно. — Ты, кажется, забываешь, что мы приходили сюда лѣтомъ и что солнце способно скрасить какую-угодно тоскливую природу! Да притомъ, мы сами были полны жизни и надежды!

— Садись, повторила Саша, притягивая его за руку.

Онъ повиновался, но съ трудомъ сдерживаемое раздраженіе не сходило съ его лица.

— Я снова узнаю тебя въ этомъ! началъ онъ съ горечью. — Но напрасно было призывать меня сюда, чтобы вызвать воспоминаніе объ ясныхъ, свѣтлыхъ дняхъ. Будь покойна! Я ихъ не забылъ; этотъ холодный, осенній вечеръ еще болѣе напоминаетъ мнѣ, что тѣ дни прошли безвозвратно!

Саша грустно смотрѣла на него; на глазахъ у нее навернулись слезы.

— Ты несправедливъ, Алексѣй! Я не хотѣла насильственно вызывать воспоминанія. Призывать тебя сюда, въ такое время — ребячество! Я согласна... Но мнѣ хотѣлось проститься съ тобой

именно здѣсь, гдѣ мы провели столько счастливыхъ минутъ. Я не думала, что это раздражитъ тебя и ты примешь за упрекъ и намебъ...

Голосъ ея задрожалъ.

— Ну, виновать, Саша, заговорилъ Алексѣй болѣе ласково, притягивая ея и обнимая.—Оставимъ прошлое... Не будемъ портить настоящее горькими словами. Ты сама рѣшила нашу судьбу... Ты сама требуешь, чтобы я уѣхалъ... Я согласился. Счастья, вѣдь, я не даю тебѣ... взаимнѣе-же, причиняю постоянное страданіе! Видитъ Богъ, однако, я не лгалъ, когда говорилъ, что люблю тебя!

Саша облокотилась на его плечо и, слѣдя за паромъ, вившимся надъ болотомъ, разсѣянно слушала.

— Да, я требовала, чтобы ты ѣхалъ, проговорила она, прищуривая глаза,—и была права! Ты съ радостью согласился на это.

— Саша! вскрикнулъ Алексѣй нетерпѣливо.

Горькая усмѣшка промелькнула на губахъ Саши.

— Ты снова сердилась! А я не могу говорить иначе!.. Я убѣждена, что ты никогда меня не любилъ и теперь безъ горя поводишь меня... Я только честнѣе тебя и называю вещи по ихъ имени...

— Опять то-же самое! вскричалъ Алексѣй. — Значитъ, надо все снова переговорить, все съизнова начать! Вѣдь вчера еще я умолялъ тебя ѣхать со мной и сегодня готовъ умолять...

— Да, готовъ!.. Развѣ я не вижу, что ты въ душѣ несказанно радъ избавиться отъ меня...

— Саша, умоляю тебя, сдерживай себя! Я не въ состояніи долѣе выносить вѣчную борьбу, постоянныя терзанія!... Я ѣду завтра, помни это! Я самъ этого хочу теперь!... Такъ продолжаться не можетъ!... Смотри, на что ты похожа! Ты истерзалась въ конецъ! Саша, если меня раздражила твоя фантазія назначить мнѣ свиданіе здѣсь, такъ это только потому, что я знаю, какъ охотно ты ищешь все то, что можетъ разбередить наболѣвшее мѣсто. Сравнивая былые дни съ настоящимъ, ты хотѣла увѣрить себя, что я уже забылъ все прошлое, и тѣмъ дать новый поводъ къ недовѣрію и болѣзненнымъ требованіямъ... Прошу тебя еще разъ: поѣдемъ со мной. Я введу тебя въ другую жизнь... Мы не будемъ жить вмѣстѣ, пока оба нравственно не поздоровѣемъ...

Но ты развлечешься, отбросишь мрачныя мысли и... кто знает!.. можетъ, еще настанетъ день, когда ты поймешь, что я всегда любилъ тебя!..

Крупныя слезы покатались по щекамъ Саши; она закрыла лицо руками. Алексѣй съ тоскою смотрѣлъ на нее.

— Бѣдная моя! прошепталъ онъ.

— Алексѣй, начала Саша глухимъ, прерывистымъ голосомъ, — ты былъ правъ, сказавъ разъ, что я принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые не умѣютъ ни на что рѣшиться, что каждое рѣшеніе вызываетъ во мнѣ страданіе!.. Это правда. Я не умѣю дѣйствовать для себя, но... для тебя—иное дѣло! Для тебя я вижу исходъ, а когда любовь пересиливаетъ во мнѣ эгоизмъ, я вполне сознаю, что жизнь со мной, большимъ, требовательнымъ существомъ — пытка для тебя!.. А тутъ еще наша будничная, затхлая среда!.. Ты задыхаешься въ ней... Нѣтъ, нѣтъ!.. Этому надо положить конецъ!.. Ты долженъ ѣхать! Будь я другая, я поѣхала-бы съ тобой, но болѣзнь свою я всюду повезу и лишу тебя возможности начать новую жизнь, отниму вѣру въ самого себя... Я вѣдь ни во что не вѣрю!.. Съ тѣхъ поръ какъ помню себя—жизнь ломала, терзала меня... Все обманывало до сихъ поръ, рѣшительно все... Встрѣтъ я тебя, твою любовь три, четыре года тому назадъ, когда имѣла я еще силу страхнуть съ себя это вѣчно давящее настроеніе, тогда жизнь... можетъ, даже хорошая жизнь, была-бы еще возможна. Теперь-же поздно. Я не могу дать тебѣ счастья и не могу быть счастлива!.. Я не вѣрю въ тебя и не вѣрю въ себя...

Она горько заплакала.

— Саша! проговорилъ Алексѣй, ласково беря ее за руку.

— Нѣтъ, оставь меня! отвѣчала она, отнимая свою руку.— Я знаю, что ты хочешь сказать! Тебѣ кажется, моя больная голова выдумываетъ разныя химеры изъ любви къ самоистязаніямъ. Нѣтъ, это не химеры! Я не вѣрю, не вѣрю въ твою любовь! Ты думаешь, что любишь меня... но ты любишь изъ жалости! А я не хочу жалости! Я не вѣрю, не вѣрю! Ты не можешь любить полумертвую!

Жалобный, протяжный стонъ вдругъ пронесся въ воздухъ; Саша вздрогнула и пугливо прижалась къ Алексѣю. Глаза ея расширились, слезы застыли на блѣдныхъ впалыхъ щекахъ, и

она съ испугомъ озиралась вокругъ. Но все попрежнему было тихо, сѣро, холодно, только паръ надъ болотомъ вился гуще и золотистая полоса на горизонтѣ все болѣе и болѣе блѣднѣла.

— Что ты такъ испугалась! замѣтилъ Алексѣй, обнимая ее.— Это крикъ болотной птицы!

Саша еще крѣпче прижалась къ нему и положила голову ему на плечо. Широко раскрытые глаза ея все такъ-же пристально смотрѣли передъ собой.

— Можетъ быть, скоро все будетъ кончено, прошептала она едва внятно,—и слава Богу! прибавила она еще тише.

Алексѣй молчалъ. Глубокая складка врѣзалась у него между бровями и губы судорожно вздрагивали.

— Саша, заговорилъ онъ послѣ минутнаго молчанія тихимъ, дрожащимъ голосомъ,—ты права! Я не могу дать тебѣ жизнь и счастья!.. Ты не хочешь жить! Ты съ наслажденіемъ хватаешься за все, что можетъ усилить болѣзнь, раскрыть раны. Когда ты сама себя и другіе тебя измучають, вмѣсто того, чтобы идти туда, гдѣ тебя успокоять, отогрѣють, ты приходишь въ эту тусклую, безотрадную мѣстность, которая составляетъ одно полное созвучіе съ душой твоей; она охватываетъ тебя своимъ холодомъ, и ты уходишь вся подъ тяжкимъ, гнетущимъ впечатлѣніемъ. И сегодня также ты унесешь съ собой этотъ холодъ, мракъ и печальные крики болотныхъ птиц! Какъ нѣчто злобщее, будутъ они преслѣдовать тебя и возбуждать больныя, мрачныя мысли! А смотри— Алексѣй указалъ рукой на горизонтъ:—и тутъ даже не все мрачно, печально, безнадежно! Смотри туда, на эту ясную полосу! Развѣ она не манитъ тебя къ жизни, къ свѣту, къ теплотѣ? Ахъ, Саша! Если-бы ты только захотѣла, какъ-бы жизнь могла еще быть свѣтлой для насъ!

Саша, молча, глядѣла на горизонтъ. Послѣдніе лучи вечерней зари слабо потухали; золотистая полоса дѣлалась все уже, блѣднѣе; наконецъ, и эта блѣдная, узкая полоска исчезла, и все слилось въ однообразный сѣрый цвѣтъ.

— Поздно, прошептала Саша,—поздно!

Алексѣй не отвѣчалъ. Опустивъ голову на грудь, смотрѣлъ онъ себѣ подъ ноги на черную, сырую землю. Нѣсколько минутъ они молчали и все вокругъ нихъ было тихо, точно все застыло, оцѣпенѣло.

— Пойдемъ, пора! проговорилъ, наконецъ, Алексѣй беззвучнымъ голосомъ, и голосъ его странно раздался среди глубокой тишины.

Саша вздрогнула и медленно приподнялась съ мѣста. Ночь незамѣтно смѣнила сумерки; густой туманъ застилалъ всѣ предметы.

— Ты видишь самъ, что все кончено! прозвучалъ еще разъ грустный голосъ Саши.

Отвѣта не послѣдовало, и шаги ихъ скоро замерли вдаль.

1876 года.

Брюссель.

II.

РУЧЕЙ.

Ясное, безоблачное небо раскинулось надъ большимъ, запущеннымъ садомъ. Лучи утренняго солнца золотятъ могучія вершины деревьевъ и, прокрадываясь межъ густой листвою, искристыми блестками играютъ въ свѣтлыхъ струяхъ ручейка. Чуть замѣтный вѣтерокъ, пропитанный ароматомъ липъ и розъ, нагоняетъ легкія, какъ сонъ, мимолетныя тѣни на сочную траву и быстро высушиваетъ сверкающіе росой лепестки и листья. Тихо, безмятежно въ старомъ саду. Ничто не прерываетъ обиденной суетни его ползающихъ и порхающихъ обитателей, ни одно человѣческое существо не показывается въ прохладныхъ, тѣнистыхъ аллеяхъ, и длинное, сѣрое зданіе, виднѣющееся между деревьями, кажется необитаемымъ. Издалека доносится то лай пастушьей собаки, то блеянье овецъ, порой слышится заунывная русская пѣсня... протяжный, разстояниемъ смягченный звукъ томительно-грустно звенить въ чистомъ, прозрачномъ воздухѣ, но въ старомъ саду—миръ и покой. Нѣжно поетъ малиновка, притаясь въ широколиственномъ кленѣ, мягко журчитъ ручеекъ, словно нашептываетъ безконечныя сказки незабудкамъ. Таинственный его шопотъ, сливаясь съ жужжаньемъ пчелъ въ вѣтвяхъ старыхъ липъ и полнымъ истомы стрекотаньемъ кузнечика въ нескошенной травѣ, навѣваетъ дремоту и сладкія грезы.

Вдругъ, молодой веселый смѣхъ нарушилъ тишину безмолвныхъ аллей, и въ концѣ одной изъ нихъ показалась дѣвушка. Она бѣжала по направленію къ ручью. Свѣтлое платье, развѣваясь широкими складками, крутилось вокругъ ногъ. Соломенная шляпа съ большими полями низко спускалась на лобъ, затѣняя глаза. Не останавливаясь, сбросила дѣвушка ее на траву и, полуоборачиваясь, крикнула: „Не догоните!“

Ее настигаль молодой человѣкъ лѣтъ двадцати-двухъ, высокій, худой, бѣлокурый. Дѣвушка бѣжала скоро, но онъ все болѣе и болѣе сокращалъ разстояніе, отдѣлявшее ихъ другъ отъ друга, нагналъ и съ громкимъ хохотомъ схватилъ ее за талю. Выраженіе досады промелькнуло на миловидномъ лицѣ дѣвушки.

— Какъ можно такъ ловить! замѣтила она. — Пустите! Вы меня измѣяли.

Молодой человѣкъ, задыхаясь отъ смѣха, отошелъ отъ нея. Дѣвушка съ напускною серьезностьюправила платье, откинула за уши выбившіяся пряди кудрявыхъ волосъ и, закусивъ губы, изъ-подлобья взглянула на своего спутника, и — снова залилась смѣхомъ. Смѣхъ этотъ задрожалъ, зазвенѣлъ въ воздухѣ и чистомъ серебрястою трелью понесся по всему саду. Долго, неумолкаемо смѣялись они, смѣялись дружно, до слезъ, смѣялись тѣмъ заразительнымъ неудержимымъ смѣхомъ, который дается человѣку только въ юности.

— Ну, будетъ! рѣшительно произнесъ молодой человѣкъ. — Ей-Богу, больше не могу!

Съ этими словами онъ бросился на траву.

— Какъ хорошо тутъ! продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія. — Посмотрите, Соночка, какъ хорошо освѣщены эти листья! А тѣни какія! Что за воздухъ! Чудо какъ хорошо!

Соня не слушала его. Она съ любопытствомъ, не лишеннымъ нѣкотораго безпокойства, поглядывала на сѣрое длинное зданіе.

— Знаете, Борисъ Николаевичъ, начала она, усаживаясь около него.

— Борисъ Николаевичъ! укоризненно повторилъ молодой человѣкъ.

— Бабушка запретила мнѣ называть васъ Борей, сдерживая улыбку, произнесла она.

— Скажите пожалуйста! Съ какихъ это поръ мы стали такіа послушныя? Ну, повторите! Какъ вы сказали?

— Знаете, что...

— Кто знает?

Соня опять звонко, по дѣтски разсмѣялась, но тотчасъ-же невольно оглянулась назадъ.

— Знаете, Боря, заговорила она вполголоса, указывая рукой на сѣрое зданіе, — что этотъ домъ болѣе не пустой.

— Да? Хиловъ пріѣхалъ?

— Пріѣхалъ, и племянница его, Марѳа Дмитріевна, съ нимъ, прибавила она еще тише.

— Сумасшедшая?

Дѣвушка утвердительно кивнула головой. Онъ съ улыбкой посмотрѣлъ на нее.

— Вы, однако, ее не бойтесь?

Соня покраснѣла.

— Немножко. Притомъ, неловко намъ оставаться здѣсь, когда хозяинъ пріѣхалъ.

— Онъ не запрещаетъ гулять въ саду. А Марѳу Дмитріевну вы не бойтесь. Она никому вреда не дѣлаетъ.

Соня не возражала. Задумчиво слѣдила она нѣкоторое время за порханіемъ бабочекъ надъ полузаросшими сорной травой кустами алыхъ розъ. Борисъ тоже задумался. Подперевъ рукой голову, разсѣянно провожалъ онъ глазами соломенки и листья, попавшіе въ ручей.

— Боря, заговорила снова Соня, — а васъ все хотѣла спросить...

— Что спросить? перебилъ онъ ее, порывисто оборачиваясь и останавливая на ней долгій, ласкающій взглядъ.

Соня замялась и скороговоркой произнесла:

— Я хотѣла спросить про Марѳу Дмитріевну... Я ее никогда не видала... Правда, что женихъ ея застрѣлился и она отъ того сошла съ ума?

— Правда.

— Зачѣмъ? Отчего онъ это сдѣлалъ? Онъ не любилъ ее? съ жаромъ допрашивала она.

— Говорятъ, напротивъ, онъ очень ее любилъ. Все было готово къ свадьбѣ. Невѣста, одѣтая къ вѣнцу, садилась въ карету, чтобы ѣхать въ церковь, когда прискакалъ шаферъ жениха съ роковымъ извѣстіемъ. Почему онъ лишилъ себя жизни — Богъ его

знаеть! Марѳа Дмитриевна увѣрена, что онъ живъ, и до сихъ поръ все ждетъ его.

Беззаботное лицо дѣвушки отуманилось. Опустивъ голову, машинально крутила она между пальцами длинный стебелекъ травы. Потемнѣло и лицо Бориса. Но не только-что рассказанный имъ случай занималъ его мысли. Глаза его съ тревожнымъ сомнѣніемъ останавливались на дѣвушкѣ; казалось, онъ велъ какую-то борьбу съ самимъ собою. А солнце, между тѣмъ, сильнѣе пробилось сквозь лиственную чашу. Ярко-освѣщенныя верхушки чуть слышно колышались листьями. Все приумолкло, призатихло въ тепломъ, насыщенномъ дыханіемъ цвѣтовъ, воздухѣ. Одинъ ручеекъ все такъ-же беззаботно журчитъ, да пчелы такъ-же неутомимо жужжатъ въ вѣтвяхъ старыхъ липъ.

— Соня, прошептала Борисъ, беря ее за руку.

Она вопросительно взглянула на него, но, встрѣтивъ его взглядъ, вспыхнула и отвернулась. Борисъ наклонился къ ней и прижалъ ее руку къ губамъ. Легкій трепетъ пробѣжалъ по всему ея тѣлу. Она еще ниже опустила голову и еще ярче зардѣлась. Безпомощно оставяла она руку въ его рукѣ. Ея смущеніе сообщилось и ему. Онъ опустилъ ее руку и отодвинулся.

— Пора домой, робко промолвила Соня.

Борисъ удержалъ ее за платье.

— Погодите. Хотите, я расскажу вамъ сказку, что сейчасъ прожурчалъ мнѣ ручеекъ.

Соня широко раскрыла глаза.

— Сказку? повторила она.

— Да.

Онъ на минуту остановился.

— Сказка начинается какъ всѣ сказки, заговорилъ онъ не твердымъ голосомъ, не глядя на нее. — Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, шепчетъ ручеекъ, — жила была красная дѣвица. Жила она себѣ вольно-привольно, не вѣдая ни горя, ни заботъ. Въ пѣсняхъ да въ играхъ проводила она дни, радужные сны слѣтали къ ней ночью. Росла она, окруженная лаской, довольствомъ; младенческія мысли наполняли ей голову; сердце-же ея билось ровно, спокойно. Не приходило ей на умъ, что можетъ быть горе на свѣтѣ. Жилъ-былъ, продолжаетъ ручеекъ, — добрый молодець. Жить ему

было тяжело; горе, лишениѣ тѣснили его. Дни проходили въ тяжелой работѣ, а ночи, длинныя безсонныя ночи, ползли безконечно. На счастье или несчастье свое, повстрѣчалъ онъ красную дѣвицу беззаботную. Словно лучъ солнца проникъ въ безотрадную его жизнь, согрѣлъ, освѣтилъ ее. И почувствовалъ онъ, что много силъ дано ему, что прогнать онъ злую судьбу, лишь-бы дѣвица полюбила его и, полюбя, не страшилась ни нужды, ни труда... Далѣе рассказываетъ ручеекъ, что изъ дня въ день видались они и не рѣшался добрый молодецъ повѣдать думы свои завѣтныя; страшно ему оторвать ее отъ теплаго гнѣздышка, и обречь ее— беззаботную, свѣтлую, радостную—на жизнь трудовую, часто невеселую; страшно обречь ее на борьбу со всѣми близкими, и думалось ему, что не захочетъ красная дѣвица раздѣлить съ нимъ долю горькую, не полюбитъ его, не пойдетъ за нимъ.

Борисъ обернулся къ Сонѣ. Она сидѣла неподвижно, сжавъ на колѣняхъ руки. Вся жизнь сосредоточилась въ большихъ, потемнѣвшихъ глазахъ, которые были устремлены на его взволнованное лицо и, казалось, недоумѣвали, почему маленькое сердце, какъ пойманная птичка, такъ безумно бьется въ груди. Борисъ схватилъ ея руки и шепотомъ спросилъ:

— Поняли вы мою сказку?

Свѣжія дѣтскія губы разжались, но онъ не далъ имъ заговорить и крѣпко заключилъ ее въ свои объятія.

Тихо по-прежнему вокругъ нихъ. Деревья, залитыя горячимъ свѣтомъ, будто оцѣпенѣли, прислушиваясь къ страстнымъ рѣчамъ и поцѣлуямъ. Все кругомъ улыбается, сіяетъ. Ручей шаловливо несетъ свои серебромъ отливающія струи, точно радуясь, что сказка его была такъ хорошо понята. Неожиданно, среди общаго ликованья послышалось нестройное пѣніе. Соня первая услышала его; съ испугомъ поднялась она съ травы. Борисъ послѣдовалъ ея примѣру. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ стояла женщина, закутанная въ какой-то сѣрый балахонъ, исполнявшій, вѣроятно, роль утренняго капота. Жидкіе волосы были кокетливо завиты на лбу въ локоны и прикрыты кружевомъ; надъ ухомъ висѣла запыленная искусственная алая роза. Желтоватое, оплывшее лицо еще сохраняло нѣкоторые остатки красоты и могло-бы и теперь назваться прекраснымъ, если-бы не безмысленное выраженіе глазъ и не стереотипная улыбка на поблекшихъ губахъ. Она стояла,

прислонясь спиной къ дереву и, раскачиваясь съ боку на бокъ всѣмъ корпусомъ, пѣла вальсъ изъ „Фауста“ Гуно.

— Марѳа Дмитріевна! прошептала Борисъ. Соня прижалась къ нему.

— Не бойся; она ничего тебѣ не сдѣлаетъ, такъ-же тихо продолжалъ онъ.

Точно услыхавъ его слова, Марѳа Дмитріевна повернула къ нему голову. Лицо ея оживилось; она порестала пѣть.

— Свѣтленькое платье! заговорила она съ радостнымъ смѣхомъ, направляясь къ Сонѣ. — У меня тоже есть свѣтленькое... Это нехорошее, — съ озабоченнымъ видомъ продолжала она, проводя ладонью по сѣрому балахону.

— Когда онъ пріѣдетъ, я надѣну другое, подвѣчное... Скажите ему, обратилась она къ Борису, — что я жду его. Скажите ему, что все готово. Ахъ, я такъ давно его жду! Каждый день жду! прибавила она такъ жалобно, что у Сони слезы навернулись на глаза.

— Цвѣточекъ, цвѣточекъ! забормотала сумасшедшая, указывая на двѣ махровыя гвоздики въ волосахъ Сони. — Дай мнѣ!

Она жадно протянула руку. Соня подала ей цвѣты.

Марѳа Дмитріевна выхватила ихъ изъ ея рукъ и съ безсмысленнымъ смѣхомъ стала втыкать гвоздики себѣ въ волоса.

— На, бери! торопливо говорила она, подавая ей запяленную кисейную розу. — Въ волоса, въ волоса воткни! крикнула она, нетерпѣливо топнувъ ногой.

Соня повиновалась. Марѳа Дмитріевна засмѣялась и нѣсколько разъ одобрительно кивнула головой.

— Марѳуша! позвать ее кто-то въ саду.

Марѳа Дмитріевна круто повернулась. Сначала мурлыкая вполголоса, затѣмъ все громче и громче запѣла она снова тотъ-же вальсъ и, въ тактъ покачивая головой, развалистою походкой, не слѣша, зашагала по аллеѣ, ведущей къ длинному зданію. Сѣрый балахонъ исчезъ за деревьями; голосъ оборвался, раздался отрывистый смѣхъ и — все смолкло.

— Пойдемъ отсюда, прошептала Соня.

Борисъ, молча, поднялъ шляпу и взялъ Соню за руку. Они слѣшили уйти. Фальшивой нотой ворвалось появленіе сумасшед-

шей въ свѣтлую гармонію ихъ счастья; омрачился лучезарный уголокъ, гдѣ они провели блаженные минуты.

И снова все стихло въ старомъ саду. Солнце окончательно пробралось сквозь чащу деревьевъ и залило знойными лучами аллею. Все попяталось, притаилось, задремало. Одинъ ручеекъ, по-прежнему, бѣжитъ, скользитъ, сверкая чистыми, хрустальными струями, и, по-прежнему, таинственно нашептываетъ сказки лѣниво склонившимся надъ нимъ цвѣтамъ.

22-го января 1880 года.

С.-Петербургъ.

III.

Н О Ч Ъ.

— Приготовьтесь къ худшему исходу, промолвилъ докторъ, оставивъ соболѣзную взглядъ на молодой дѣвушкѣ.

Она безучастно смотрѣла на него, безучастно положила руку въ протянутую имъ на прощанье руку.

— Не могу-ли я что-нибудь сдѣлать для васъ? произнесъ онъ нерѣшительно.

Дѣвушка отрицательно покачала головой, заперла за нимъ дверь, и вернулась въ комнату. Неприглядно, непріятно было въ этой пропитанной аптечнымъ запахомъ комнатѣ. На столѣ, среди разбросанныхъ книгъ, тетрадей стояли стеклянки съ лекарствомъ, тарелки со льдомъ. Небольшая лампа, заслоненная толстымъ словаредемъ, оставяла въ тѣни уголокъ, гдѣ у окна, на креслѣ, обложенный подушками, полулежалъ больной. Онъ не пошевельнулся, когда дѣвушка приблизилась къ нему и сѣла на скамеечкѣ у его ногъ. Нѣсколько минутъ въ комнатѣ было совершенно тихо; только одно тяжелое, прерывистое дыханіе больного нарушало эту тишину.

— Катя! позволь онъ вдругъ сдавленнымъ, глухимъ голосомъ.

— Что, мой милый? прошептала она, наклонясь къ нему.

— Я тебя не вижу.

Дѣвушка встала, отодвинула словарь отъ лампы и снова сѣла у его ногъ.

— Душно. Открой окно.

— Не спро-ли, Митя? робко замѣтила она.

— Хуже не будетъ! нетерпѣливо возразилъ онъ.

Батя открыла окно. Теплый весенний воздухъ ворвался въ комнату, внося съ собой живительный запахъ разрыхленнаго чернозема. Ночь была свѣтлая, мягкая; осыпанныя цвѣтами яблони, словно невѣсты, въ подвѣнечный уборъ разукрашенные, блѣднѣютъ среди темной чащи другихъ деревьевъ. Быстро несутся молочно-дымчатая облака по блѣдно-голубому небу, скрывая полупрозрачными покровами мѣсяцъ и слабо мерцающія звѣзды. Дмитрій задумчиво глядѣлъ въ садъ; влажный воздухъ охлаждалъ ему горячую голову; онъ дышалъ легче, свободнѣе.

— Что сказалъ докторъ? спросилъ онъ отрывисто, не обращаясь.

Батя вдрогнула; судорога пробѣжала по ея изнуренному молодому лицу.

— То-же, что и прежде... промолвила она, стараясь, но напрасно, придать твердость голосу.

Горькая усмѣшка искривила губы Дмитрія.

— Бъ чему ты морочишь и меня, и себя, замѣтилъ онъ жестко.—Надежды нѣтъ. Такъ-бы и сказала.

Рыданіе стянуло горло Бати, но она заглушила его.

— Что-жъ! прибавилъ онъ, откидывая голову назадъ.—Чему быть, того не миновать! Я предвидѣлъ этотъ конецъ... Нечего тебѣ убиваться... Утѣшишься!..

— Не будь такимъ жестокимъ, Дмитрій! едва слышно прошептала Батя.

Онъ не отвѣчалъ. Свѣтъ лампы падалъ на желтовато-блѣдное, вытянутое лицо его. Всклокоченные, назадъ откиннутые темные волосы густой шапкой поднимались надъ широкимъ, съ рѣзко вдавленными височными костями, лбомъ, и въ безпорядкѣ рассыпались на подушкѣ.

— Жестокимъ, переспросилъ онъ немного погодя, не переищная положенія головы.— Я всегда былъ жестокимъ съ тобой. Это тебя не удалило отъ меня.

— Я люблю тебя, проговорила какъ-бы съ мольбой о пощадѣ Батя.

Холодная усмѣшка промелькнула въ небольшихъ глазахъ Дмитрія.

— Если-бы я билъ тебя, ты и тогда продолжала-бы любить, замѣтилъ онъ презрительно.

Батя съежилась, точно онъ, дѣйствительно, нанесъ ей ударъ.

— Она любила-бы иначе, продолжалъ онъ съ какимъ-то злорадствомъ.

— Дмитрій! Ради Бога!.. Зачѣмъ ты меня мучаешь?! съ отчаяніемъ вскрикнула дѣвушка, ломая руки.

— Я тебя всегда мучилъ, холодно возразилъ онъ. — Можешь уйти. Ты мнѣ не нужна.

Глухой стонъ вырвался изъ груди Кати. Безъ рыданій припала она лицомъ къ ручкѣ кресла, на которомъ онъ сидѣлъ.

Дмитрій повернулъ голову къ окну. Облака, разрываясь, освободили мѣсяцъ; тихо плыветъ онъ по небосклону, разсѣвая все болѣе и болѣе ночныя тѣни въ саду. Засеребрилась молодая, едва распустившаяся листва, нѣжная, прозрачная, какъ кружево; засіяла роса, унизывающая крупными слезинками благоуханныя чашечки цвѣтовъ. Воздухъ, отягощенный сладкимъ ароматомъ черемухи, среди котораго вдругъ, какъ-бы издадека, проносится тонкій, едва уловимый запахъ яблоннаго цвѣта, словно манитъ, тянетъ подъ стройно-воздушную коллонаду бѣлоствольныхъ березъ, подъ пахучую сѣнь цвѣтущихъ яблонь.

— Пора весны, пора любви! насмѣшливо произнесъ Дмитрій.

Катя подняла голову. Стиснувъ руки на колѣняхъ и прищуривъ сухіе, воспаленные глаза, смотрѣла она въ садъ.

— Пора любви! повторилъ онъ. — Не про насъ съ тобой это писано! Вотъ ты неизвѣстно съ чего привязалась къ человѣку, который тебя терзаетъ, а я... Какая, однако, северная вещь — смерть! закончилъ онъ съ внезапной запальчивостью.

На блѣдныхъ щекахъ Кати выступили два красныя пятнышка. Она сдѣлала-было движеніе, чтобы положить руку ему на колѣни, но удержалась.

Луна любовно обливала ихъ обоихъ своимъ мягкимъ, чарующимъ свѣтомъ. Но они слѣпы были къ ея очарованію, и плѣнительная, душистая весенняя ночь съ ея волшебнымъ освѣщеніемъ и таинственнымъ шепотомъ деревьевъ вызвала въ нихъ только отчаяніе и горькія мысли. Вотъ, гдѣ-то слабо, неувѣренно защел-

какъ соловей. Дмитрій подался впередъ. Соловей остановился, словно недовольный пробой, но черезъ минуту снова защелкалъ, все такъ-же слабо и неуверенно, и, то останавливаясь, то снова начиная, залился звонкою непрерывною трелью. Что-то вдругъ сдавило сердце Кати; жгучія слезы подступили къ глазамъ и отхлынули; блѣдныя пальцы хрустнули. А соловьиная трель таяла, замирала въ воздухѣ и все вокругъ въ безмолвіи внимало этой вѣчно-юной пѣсни любви.

— Какъ распѣлся, съ горечью замѣтилъ Дмитрій. — Кто знаетъ, можетъ, недалеко по сосѣдству какая-нибудь влюбленная парочка, слушающая его, млѣветъ отъ любви...

— Не закрыть-ли окно? съ тоской спросила Катя.

— Нѣтъ. Я задохнусь въ спертыхъ комнатахъ.

Она не возражала. Все грохче, все сладостнѣе распѣвалъ соловей, все сильнѣе разливался ароматъ цвѣтовъ, точно пѣнье его ускоряло ихъ дыханіе. Катя поднялась съ своего мѣста и отошла къ столу. Дмитрій посмотрѣлъ ей вслѣдъ; не то жалость, не то затаенная злоба промелькнула на его лицѣ.

— Куда ты? Иль разбираешь тебя пѣнье соловьиное? спросилъ онъ саркастически.

Катя не отвѣчала.

— Потерпи малость. Наслушаешься его еще всласть и при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ.

Губы Кати дрогнули, но она промолчала.

— Да, да, продолжалъ онъ какъ-бы про себя, — трагикомическое положеніе для человѣка: слушать всѣ эти призывы къ наслажденію и упоенію жизнью и знать, что сама жизнь протянется, можетъ, день, два, и того меньше.

Катя порывисто повернулась къ нему.

— Тебѣ жаль? промолвилъ онъ съ усмѣшкой. — Какъ не пожалѣть! Сколько надеждъ, возложенныхъ на мои такъ-называемыя блестящія способности, должны разсѣяться теперь, какъ дымъ. Всѣ вѣрили въ эти способности. Она одна не вѣрила... Слабый человѣкъ, рабъ своихъ чувственныхъ инстинктовъ!.. Опредѣленіе довольно мѣткое...

— Безсердечная эгоистка! сквозь зубы проговорила Катя.

— Гордость не доказательство безсердечнаго эгоизма, спокойно замѣтилъ онъ.

— Не трудно быть гордымъ, когда никого и ничего не любишь!

— Прибавь, когда никого и ничего не любишь рабской привязанностью.

Катя вспыхнула.

— Однако, только благодаря этой рабской привязанности ты не одинъ теперь... Она умѣла съ высоты своего величія проповѣди читать, но спуститься съ того мишурнаго пьедестала, на который ты ее поставилъ, чтобы протянуть тебѣ руку помощи... нѣтъ, для этого у нея не достало простой, обыкновенной человѣчности!... Но и это ей будетъ поставлено въ заслугу!.. Ей все будетъ поставлено въ заслугу... Она не кинула семьи, не запятнала себя, чтобы отдаться челоуѣку, который отплатилъ за всю любовь безконечными оскорбленіями... Она любила только самое себя... Она сохранила себя... Ей честь и слава... На нее будутъ молиться, какъ на святыню... А той, которая не жалѣла себя, той стыдъ и позоръ, и слезы вѣчныя... вѣчныя слезы!..

Катя опустилась на стулъ около стола и, рыдая, уронила на него голову. Дмитрій, молча, глядѣлъ на нее.

Въ окно подулъ свѣжій вѣтерокъ; облака сгустились и заслонили собою мѣсяць; деревья зашелестили, зашумѣли; заколыхались яблони; дождемъ посыпались на землю бѣлоснѣжные лепестки. Дмитрій, съ усиленіемъ натягивая похолодѣвшей рукой спустившееся одѣяло, судорожно закашлялъ. Катя задержала всхлипыванье, но не подняла головы.

— Слушай меня, заговорилъ онъ, оправившись отъ кашля.

Катя не двигалась.

— Поди сюда. Ты видишь, я не могу громче говорить, промолвилъ онъ раздражительно.

Катя отерла слезы и подошла къ нему, но не сѣла у его ногъ, а встала у окна, опираясь плечомъ о косякъ.

— Ты въ правѣ упрекать меня, началъ онъ сдержанно. — За всю твою преданность я отплатилъ неблагодарностью. Но за что мнѣ благодарить тебя? За то-ли, что встрѣча съ тобой, встрѣча случайная, мимолетная, втянула меня въ отношенія, которыя разорвать я не сумѣлъ и которыя сковали насъ другъ съ другомъ неразрывною и не разъ проклинаемою цѣпью!.. Поздно теперь выбирать выраженія... У тебя еще вся жизнь впереди... Стра-

данія, иной причиненныя, ты позабудешь въ объятіяхъ другого...

— Дмитрій! вскрикнула Батя, невольно протянувъ къ нему руку, чтобы остановить его.

— Смотри прямо на вещи, прямо, прямо! съ ожесточеніемъ повторилъ онъ. — Ты не первая и не послѣдняя!.. Чѣмъ скорѣе ты забудешь меня, тѣмъ для тебя лучше... Вторично такихъ терзаній ты не переживешь... Ничто въ жизни дважды не переживается... Ты не отчаявайся... У тебя все впереди, все, все...

Дмитрій отвелъ глаза отъ блѣднаго, скорбнаго профиля Кати.

— Какое значеніе принимаютъ слова при иныхъ обстоятельствахъ!.. вырвалось у него вполголоса. — Впереди!.. Для нея въ этомъ словѣ заключается цѣлая вереница годовъ муравьиной суетни, которую они называютъ жизнью, а для меня...

Онъ закрылъ глаза.

— Закутай мнѣ, пожалуйста, ноги. Холодно... кротко произнесъ онъ черезъ минуту.

Катя спустилась на колѣни, чтобы исполнить его желаніе. Поднимаясь съ полу, она взглянула на него. Безмолвный ужасъ выразился на ея лицѣ. Она схватила его руки. Онѣ были холодны, какъ ледъ. Онъ пытливо смотрѣлъ на нее.

— Ты думаешь близко, чуть слышно прошепталъ онъ.

Катя прижалась губами къ его рукамъ, стараясь дыханіемъ отогрѣть ихъ. Дмитрій, не отнимая рукъ, перевелъ глаза въ садъ. Набѣжавшій вѣтерокъ стихъ. Мѣсяцъ снова выплываетъ изъ-за облаковъ, снова серебромъ убираются яблони, и снова чистымъ бисеромъ отливается сладострастная соловьиная трель. Привычная насмѣшливая улыбка мелькнула въ глазахъ Дмитрія, но тотчасъ-же исчезла. Онъ высвободилъ свои руки и тяжело опустилъ ихъ на плечи Кати.

— Намъ нечего спрашивать другъ у друга прощенія, но вотъ тебѣ мой послѣдній совѣтъ. Когда ты полюбишь кого-нибудь другого, подожди отдаваться ему, а разъ отдавшись, не говори, въ минуту разлада, что ты принесла себя ему въ жертву, не по-творствуй его инстинктамъ ради того, чтобы сберечь его ласку, его непрерывное расположеніе... Рано или поздно онъ твое потворство на тебѣ-же выместитъ...

Дмитрій на мгновение остановился, чтобы перевести дыханіе; голосъ его слабѣлъ и руки тяжелѣе давили плечи Кати.

— Она берегла себя, говоришь ты, продолжалъ онъ тихо, — и оттого я поставилъ ее на пьедесталь... Да, это вѣрно... Она была недосыгаема, и потому я стремился къ ней... Будь и ты недосыгаема...

Слабая усмѣшка показалась на его помертвѣломъ лицѣ.

— Въ этомъ, можетъ быть, весь секретъ жизни... Что подъ рукой, того не надо, а что ускользаетъ, за то хватаешься, и падаешь... поднимаешься и снова падаешь... пока силъ не станеть подниматься, и останешься съ тѣмъ, что доступно...

Катя попыталась снять съ своихъ плечъ его руки.

— Нѣтъ, зачѣмъ! Люби ужъ меня до конца! пробормотала Дмитрій едва внятно, притягивая ее къ себѣ. — Чтожь ты не цѣлуешь? Въ послѣдній разъ... поцѣлуемся, какъ слѣдуетъ...

Катя трепетными губами прикоснулась къ его губамъ... Кровь на мгновение прихлынула къ его щекамъ; глаза загорѣлись.

— Ты холодна... Бывало, ты цѣловала горячѣе...

Катя обвила руками его шею и, собравъ оставлявшія ее силы, крѣпче прижалась къ его губамъ.

Соловей вдругъ замолеъ; оборванная внезапно трель, какъ отдаленный вздохъ, пронеслась въ воздухъ. Безмолвно въ саду, безмолвно и въ комнатѣ. Луна зашла за деревья; тихо потрескиваетъ фитиль догорающей лампы, беспомощно бьется надъ нею ночная бабочка, и пламя, по минутамъ вспыхивая, медленно угасаетъ, отбрасывая блѣдный, дрожащій кружокъ на потолокъ...

1 марта 1880 года.

Выборгъ.

IV.

ЧИЖИНЪ.

Было что-то комическое и виѣстъ съ тѣмъ жалкое въ его дрябломъ, полудѣтскомъ, полустарческомъ лицѣ, въ его пухломъ, красноватомъ носѣ. Безцвѣтные волосы плоскими, жидкими прядями спускались на лобъ, прикрывая маленькіе свѣтлые глазки. Узкоплечій, плоскогрудый, тщедушный, онъ производилъ впечат-

лѣніе чего-то больного, недодѣланнаго. Ходилъ онъ всегда въ коротенькомъ сюртучкѣ, рубашка на немъ всегда была помята и панталоны вздернуты. Маменька у него была богатая и происхожденія знатнаго, и родня вся богатая, но онъ не поладилъ съ ними, вышелъ изъ высшаго учебнаго заведенія, куда его помѣстили, не окончивъ курса, и тѣмъ лишился какъ материнскаго, такъ и родственнаго расположенія. Имя его въ семейномъ кругу произносилось рѣдко и не безъ таинственности. Братья при этомъ пожимали плечами и говорили: „сумасшедшій!“ Сестры презрительно вздергивали головками и сквозь зубы процѣживали: „онъ просто глупъ, вотъ и все“. Маменька, женщина деликатная и богомольная, строго сжимала губы и молчала. — Никто изъ многочисленныхъ знакомыхъ Чижина не подозрѣвалъ, что въ младенческіе годы его выносили гостямъ на показъ на атласныхъ подушкахъ, обшитыхъ кружевами, и что до юношескаго возраста онъ спалъ на простыняхъ изъ тончайшаго полотна. О семьѣ своей Чижинъ никогда не упоминалъ. Жилъ онъ тѣсно, и всегда одинъ или двое товарищей раздѣляли съ нимъ небольшую каморку. Пробивался уроками и переводами, и зарабатываемыхъ денегъ въ избытокѣ хватало-бы на его неприхотливыя потребности, если-бы онъ не былъ проникнутъ убѣжденіемъ, что его барманъ, во-первыхъ, всецѣло принадлежитъ друзьямъ, а во-вторыхъ, что всякій излишекъ, разъ человѣкъ сытъ, одѣтъ, обутъ, ведетъ непременно къ безнравственности... О мѣрѣ сытости и о свойствѣ одежды онъ имѣлъ тоже своеобразныя понятія. Нерѣдко случалось ему по цѣлымъ днямъ пробиваться только чаемъ съ чернымъ хлѣбомъ, а зимой частенько отправлялся онъ на урокъ въ своемъ неизмѣнномъ коричневомъ сюртучкѣ, поверхъ котораго накидывалъ сѣрый плащъ... И холодъ, и голодъ переносилъ онъ довольно легко, подчасъ даже вовсе ихъ не замѣчалъ, будучи весь поглощенъ одной единственной мыслью, которая, можно сказать, органически срослась съ нимъ и день и ночь преслѣдовала его. Ничего новаго въ этой мысли не было, и самъ Чижинъ зналъ, что она не нова и что ужъ не мало головъ надъ ней поработали... Дѣло въ томъ, что Чижинъ скорбѣлъ душой при видѣ горя человѣческаго вообще, а русскаго горя въ особенности, и казалось ему, что ужъ хуже русскаго горя ничего на свѣтѣ нѣтъ. Само собой разумѣется, что всѣ добрые люди скорбятъ

надъ этимъ горемъ... Но другіе потолкуютъ, посѣтуютъ и успокоят-ся... А Чижинъ не могъ успокоиться. Онъ все думалъ, думалъ, какъ-бы такъ сдѣлать, чтобы на Руси было лучше жить, и мысль эта, какъ неугасимый огонь, жила въ немъ, и онъ болѣлъ душой и разгорячался весь, когда въ мечтахъ представлялъ себѣ будущее счастье русское...

Бывало, по цѣлымъ ночамъ развивалъ онъ эту поглощавшую его мысль товарищамъ. Сначала слова его вылетали, какъ вихрь, безъ всякой связи между собой, голосъ дрожалъ, обрывался; но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, онъ вдругъ весь словно сосредоточивался на одной точкѣ; глаза его загорались, тщедушная фигурка выпрямлялась и рѣчь его лилась свободно, и развивалась передъ глазами слушателей вся картина того горя безпредѣльнаго, надъ которымъ онъ скорбѣлъ, того счастья, которое, мнилось ему, ожидало въ недалекомъ будущемъ всѣхъ обездоленныхъ и судьбою обойденныхъ. И такова была сила его слова, что слушателямъ казалось, будто и они, въ свою очередь, всѣмъ существомъ своимъ переживаютъ то горе, которымъ онъ проникнуть, всѣми силами души стремятся къ тому счастью, которое онъ рисуетъ, и счастье это казалось такъ близко, такъ возможно, что вотъ стоитъ только протянуть руку, и оно сдѣлается достояніемъ всѣхъ... И выходили они изъ сырой, нетопленной комнаты, гдѣ за нечищеннымъ самоваромъ забывали, слушая горячее слово, отогрѣваться жидкимъ чаемъ, выходили, унося съ собою частичку той вѣры въ свѣтлое русское счастье, которою такъ всецѣло жилъ Чижинъ, и смутное, но обаятельное сознаніе, что каждый изъ нихъ призванъ такъ или иначе способствовать достиженію этого счастья.

Но внѣ тѣснаго товарищескаго кружка, Чижинъ далеко не отличался краснорѣчіемъ. При встрѣчѣ съ посторонними, онъ весь съеживался, глаза его начинали тревожно бѣгать съ предмета на предметъ, и о самыхъ обыденныхъ вещахъ онъ выражался такъ туманно, такъ несвязно и при этомъ такъ волновался, такъ путался, что возбуждалъ какое-то нервное раздраженіе въ окружающихъ, и отъ него спѣшили отдѣлаться... Такое состояніе безпомощности, причинявшее ему не мало страданій, испытывалъ онъ особенно въ присутствіи женщинъ, и это потому, что онъ безконечно высоко ставилъ ихъ. Русская женщина въ его мечтахъ

являлась создательницей того счастья, которое такъ роскошно рисовалось въ его воображеніи. Она должна была вдохнуть новую жизнь въ науку, искусство, общество, и какой безкорыстной, свѣтлой, чистой, высокой являлась она друзьямъ Чижина, когда въ бесѣдахъ съ ними онъ излагалъ излюбленную ими мысль!.. Сначала идеаль этотъ неясно носился въ его головѣ, сосредоточивая въ себѣ всѣ понятія о вѣчно-прекрасномъ, но, мало-по-малу, для него самого незамѣтно, лучезарный, неземной образъ сталъ принимать опредѣленные черты, черты прекрасныя въ своемъ родѣ, но вполне земныя, осязаемыя. Идеаль отъ этого не понижился, но приблизился, и приблизилось какъ-бы осуществленіе грандіозной мечты...

Чижинъ встрѣтилъ дѣвушку, и въ чертахъ этой-то дѣвушки воплотился его завѣтный идеаль. Ее всѣ называли прелестной; она себя считала, кромѣ того, сердечной. Чижинъ ее заинтересовалъ тѣмъ паническимъ страхомъ, который она ему внушала. Она была умна и впечатлительна, и ей казалось, что за этой невзрачной вѣшностью таится что-то такое, чего нѣтъ въ другихъ... Ей захотѣлось ободрить, отогрѣть его... Она подошла... Чижинъ недолго отъ нея тайлся... Скоро онъ вылился передъ нею, вылился весь какъ есть, со всѣмъ своимъ безкорыстіемъ, младенческою чистотой сердца, восторженно-безумной любовью къ человечеству... Она слушала и дивилась... А онъ!.. Онъ впервые почувствовалъ, что, кромѣ универсальнаго счастья, есть еще частное, личное... и что желаніе его не менѣе сладостно, не менѣе жгуче, и охватываетъ оно не менѣе сильно!.. Сознавъ это, онъ испугался... Ему показалось, что онъ измѣнилъ идеѣ... Всю жизнь свою онъ устроилъ для служенія этой идеѣ, его собственное я исчезало въ ней, онъ готовъ былъ принять всякую кару, всякое испытаніе за нее, а тутъ вдругъ ему захотѣлось жить для себя, явилась потребность, даже просто необходимость, служить не только идеѣ, а одной отдѣльной личности. Тяжелая борьба поднялась въ душѣ Чижина. Онъ уходилъ отъ товарищей и безцѣльно шатался по улицамъ, переживая муку непривычнаго ему раздвоенья. Наконецъ, ему показалось, что онъ нашелъ связующее звѣно двухъ терзающихъ его противоположностей... Она должна сдѣлаться центромъ выработаннаго имъ широкаго плана русскаго счастья... Вокругъ нея должно все сплотиться, и тогда всѣ раз-

рознесенные элементы сольются въ одинъ могучій потокъ, стремящійся къ одной и той-же цѣли.

Чижинъ ожилъ. Отправляясь на уроки, которыми, въ дни тяжелой своей борьбы, онъ значительно пренебрегалъ, онъ не чувствовалъ земли подъ ногами, и все внутри его дрожало, замирало отъ предчувствія невѣдомаго блаженства... Доселе онъ только въ общихъ чертахъ говорилъ ей о своей мечтѣ, теперь онъ рѣшился сообщить весь годами создаваемый проектъ и указать ей на ту высокую роль, которую она призвана въ немъ исполнить... Она серьезно, какъ всегда, выслушала его... „Я не видала человѣка болѣе искренно увлекающагося, какъ вы“, замѣтила она мягко. — Какая-то острая боль рѣзнула вдругъ сердце Чижина, и земля у него подъ ногами заколыхалась. Но онъ попробовалъ исправиться и со всею страстью, на которую былъ способенъ, продолжалъ говорить, и голосъ его звенѣлъ, и глаза горѣли, и лицо, облагороженное сожигающимъ его внутреннимъ огнемъ, все трепетало... И она съ изумленіемъ смотрѣла на него, и въ ней шевелилась гордость, что этотъ переродившійся подъ вліяніемъ охватившаго его чувства человѣкъ такъ преданъ ей... „Я даже не подозрѣвала, что можно въ наше время такъ вѣрить“, произнесла она тихо, искренно удивляясь. Чижинъ почувствовалъ, что ему вторично повернули ножъ въ сердцѣ, и этотъ разъ боль была сильнѣе; онъ похолодѣлъ.

„Надо быть такимъ идеалистомъ, какъ вы“, продолжала она ласково, пользуясь его молчаніемъ, „чтобы, несмотря на знаніе исторіи человѣчества, гнаться за такими призраками! Развѣ вы не читали“...

И она назвала нѣсколько сочиненій, и говорила умно, справедливо, не безъ жара. А Чижинъ молчалъ; онъ вдругъ весь съежился, глаза потускнѣли и тревожно забѣгали по сторонамъ, лицо приняло обычное комически-жалкое выраженіе. Когда она кончила, онъ повелъ плечами, какъ-бы отъ какого-то внезапно пронизавшаго его холода, всталъ, посмотрѣлъ на нее такъ, будто передъ нимъ находился трупъ любимаго существа и, не простившись, ушелъ...

Проходили дни, недѣли, мѣсяцы, она ждала его, но онъ не приходилъ... Наконецъ, до нее дошли слухи, что предсказаніе ея сбылось и колесо счастья, которое Чижинъ хотѣлъ насиль-

ственно свернуть съ узкой тропинки, проторенной для избранныхъ, на широкую, доступную всѣмъ дорогу, раздавило его перваго за эту дерзкую попытку...

„Бѣдный Чижинъ!“ подумала она, и въ ея начитанной головкѣ невольно промелькнула тѣнь рыцаря печальнаго образа.

4-го марта 1880 г.
Выборгъ.

Ардовъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

НЕРАЗРѢШЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

(СТАТЬЯ ПЕРВАЯ).

Es ist eine alte Geschichte,
Doch bleibt sie ewig neu...

I.

Будущій историкъ Россіи, безъ сомнѣнія, поставитъ такъ называемые 60-е года началомъ цѣлаго періода русской исторіи, періода, нами теперь переживаемаго и имѣющаго закончиться, повидимому, еще очень не скоро.

Въ настоящее время трудно взвѣсить тѣ историческіе факторы, которые толкнули Россію на новый путь. Мы видимъ, что въ теченіе всей первой половины XIX столѣтія нашъ народный организмъ обнаруживаетъ чрезвычайную внутреннюю работу. Сверху—поспѣшно и энергично—достраивается централизованное государство, едва намѣченное XVIII вѣкомъ. Развитіе торговли и промышленности создаетъ и постепенно выдвигаетъ новыя общественныя силы, неизвѣстныя до тѣхъ поръ Россіи.

Въ тоже время и размножившемуся крестьянству становится все тѣснѣе на прадѣдовскихъ угодьяхъ, все тяжелѣе дѣлается содержаніе «господъ», въ средѣ которыхъ, постепеннымъ историческимъ процессомъ, возрастаніе потребностей идетъ объ руку съ развитіемъ мелкопомѣстья. Умственное движеніе, вызываемое съ одной стороны ростомъ собственныхъ силъ, а съ другой—все большимъ сближеніемъ съ Европою, достигаетъ замѣчательной напряженности. Университеты, въ первый разъ на Руси, становятся не школою, а разсадникомъ самостоятельной науки.

Литература превращается въ крупную культурную силу. Интеллигентная мысль кристаллизуется въ нѣчто вродѣ партіонныхъ *направленій*: появляется славянофильство и западничество разныхъ сортовъ, начиная воронцовскимъ англомошествомъ и кончая фурьеризмомъ Петрошевскаго.

Возбужденіе мысли въ массахъ также сказывается разнообразными проявленіями: расколъ дѣлаетъ успѣхи не только въ количественномъ распространеніи, но и въ качественномъ, ставясь все болѣе на почву рационализма и общественности; непрерывное распространеніе разнообразныхъ легендъ политическаго характера въ массахъ крестьянства и ихъ волненія заполняютъ всѣ послѣднія десятилѣтія крѣпостнаго права.

Въ общей сложности, ко времени крымской кампаніи, крѣпостное государство, по внѣшности развитое до своихъ крайнихъ выводовъ, повидимому, стройное, логичное и прочное, оказалось лишеннымъ внутренняго равновѣсія. Оно неспособно уже было удовлетворить потребностямъ правительства, сдѣлалось совершенно невыносимымъ для народныхъ массъ, стѣснительнымъ для вновь выросшаго промышленнаго класса. Само дворянство, въ лицѣ наиболѣе развитой и вліятельной своей части, не удовлетворялось этимъ строемъ и стремилось во многомъ его измѣнить.

При такихъ условіяхъ, первый сильный толчекъ, первое серьезное испытаніе должны были свалить крѣпостной строй и вызвать въ странѣ общій процессъ реорганизаціи для приспособленія внѣшнихъ формъ народнаго быта къ измѣнившемуся внутреннему его содержанію. Такимъ толчкомъ явилась восточная война, обнаружившая неспособность крѣпостнаго государства развивать силы хоть приблизительно въ той-же мѣрѣ, какъ при системѣ европейской цивилизаціи. Правительство, 50 лѣтъ назадъ, отразившее Наполеона съ двенадцатью языками, убѣдилось теперь, что Россія неспособна выдержать съ честью несравненно менѣе опасное столкновеніе. Напрягая всѣ силы страны, выставляя 3.000,000 войска и ратниковъ, истощая всѣ свои финансовыя средства, мы только, благодаря раздорамъ союзниковъ, могли выпутаться изъ войны цѣной потери Дуная, Чернаго моря и своего вліянія на Востокъ. Ударъ былъ силенъ. Необходимость реформы стала очевидной.

Общественная мысль проснулась. Закипѣла работа. Ото всюду раздавались голоса, указывающіе необходимость исправить одно, передѣлать другое. Чуть не каждый грамотный человѣкъ считалъ обязанностью принести свою лепту на алтарь отечества. Каждый считалъ долгомъ подѣлиться съ согражданами по-

лезной мыслью, полезнымъ свѣденіемъ. Перечитывая старые журналы 56—57 гг., вы непрерывно видите массу писемъ изъ самыхъ глухихъ провинцій: въ нихъ указывается на пьянство, на безграмотность, на разные злоупотребленія; одинъ сообщаетъ, что онъ узналъ прекрасное средство отъ водобоязни, другой—отъ близорукости, третій—отъ сусликовъ... Трогательный порывъ, благія намѣренія! Но, къ несчастію, кромѣ благихъ намѣреній, у насъ ничего больше и не оказалось. Не имѣя ни политической жизни, ни общественнаго опыта, ни даже теоретическаго образованія, мы могли только чувствовать, какъ насъ со всѣхъ сторонъ давить и жмѣть старый порядокъ. Что дѣлать, какъ помочь горю—до этого мы могли доходить только эмпирически.

Огромное большинство «образованнаго» общества только смутно понимало, что «нужно отиѣнить крѣпостное право», «нужно развить силы», «нужна свобода дѣятельности», «нужно искоренить взяточничество» и пр., Но въ чемъ состоитъ отиѣна крѣпостнаго права, при какихъ условіяхъ возможно развитіе силъ, достигается-ли свобода дѣятельности и искорененіе взяточничества—изданіемъ соотвѣтственнаго циркуляра за №—все это оказывалось слишкомъ мудренымъ вопросомъ для насъ. Общее направленіе необходимой реформы понятно было только немногимъ исключительнымъ личностямъ.

При такихъ-то условіяхъ началась реформаціонная дѣятельность правительства. Общество съ своей стороны не могло оказать ему почти никакой помощи, если не считать шумныхъ аплодисментовъ и славословій, да еще, пожалуй, нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ, повыбранныхъ изъ общества и размѣщенныхъ въ разныхъ правительственныхъ комиссіяхъ. Со временемъ мы, разумѣется, набрались больше и опытности и знаній, но это уже гораздо позднѣе и не относится къ эпохѣ 56—65 гг., которую я разбираю.

Прошло 25 лѣтъ. Старый крѣпостной строй разрушенъ, расшатанъ, передѣланъ, перекрашенъ—смотря по мѣсту. Мы имѣемъ свободнаго крестьянина, «какого не знаетъ Европа», имѣемъ земство, гласный судъ, всесловную армію. Утверждаютъ даже, что мы имѣемъ общественное мнѣніе и свободную печать. Несомнѣнно, мы имѣемъ десятки тысячъ верстъ телеграфной проволоки и рельсовъ, усилили свое производство, улучшили технику, расширили торговлю и пр. Вообще успѣхи замѣчаются несомнѣнные, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ умственномъ отношеніи. Но утѣшаться этимъ особенно нельзя. Проживши лишніе 25 лѣтъ,—какъ-же не сдѣлать никакихъ успѣховъ! Съ

1825 по 1850 годъ успѣхи вѣдь тоже были. Тутъ нужно ставить вопросъ шире: достигла-ли реформа вполне своей цѣли? Но кто рѣшится отвѣчать утвердительно на этотъ вопросъ.

Реформа крѣпостнаго строя была вызвана, такъ сказать, международною борьбой за существованіе. Нужно было поставить Россію на такую ногу, чтобы прогрессъ нашей культурной, а стало быть и матеріальной силы, подвигался съ быстротою, по крайней мѣрѣ не меньшей, чѣмъ у другихъ цивилизованныхъ народовъ. Для достиженія этой цѣли оказалось необходимымъ разрушить крѣпостной строй, а стало быть и создать на мѣсто его что-либо, по крайней мѣрѣ, не менѣе прочное и устойчивое. Ограничивая задачи реформы такимъ *minimum*омъ, мы, однако, не можемъ все-таки признать ихъ достигнутыми нашей 25-ти-лѣтней работой.

Въ отношеніи первой основной цѣли мы не достигли, на примѣръ, большей, чѣмъ прежде, независимости отъ Европы въ экономическомъ отношеніи; она по прежнему распоряжается нашимъ курсомъ, сама же все больше освобождается отъ нашего вліянія, какъ поставщика хлѣба. Прощедшая война съ Турціей дала намъ такъ-же много доказательствъ, что нашъ прогрессъ сравнительно, напр., съ турецкимъ былъ недостаточно быстръ. Единоборство съ Турціей, имѣющей вчетверо менѣе населенія, чѣмъ Россія, обремененной долгами и изнуренной постоянными возстаніями,—оказалось для насъ гораздо труднѣе, чѣмъ можно было ожидать. Въ какомъ-же положеніи мы очутились-бы передъ коалиціей Англіи, Франціи, Сардиніи и Турціи, какъ это было въ крымскую войну? Нѣкоторымъ отвѣтомъ на это служить та роль, которую Россія должна была принять на берлинскомъ конгрессѣ. Такимъ образомъ *развитіе силъ* не доведено у насъ до такой быстроты, которая необходима европейскому государству, а между тѣмъ вѣдь только изъ-за этого мы и начали свое обновленіе.

Что касается второй задачи—созданія какихъ-либо прочныхъ устоевъ на мѣсто разрушаемыхъ основъ крѣпостнаго строя—то она достигнута, можетъ быть, еще въ меньшей степени. Мы достаточно указать на общественное сознаніе: что означаетъ эта постоянная апатія, безнадежность, въ которыхъ пребываетъ общество, постоянныя опасенія за земство, за судъ присяжныхъ, за печать и пр., и пр. Въ Англіи никто не опасается за свой *habeas corpus*. Въ крѣпостную эпоху дворянинъ нисколько не сомнѣвался въ прочности тѣхъ правъ, которыя вытекали для него изъ существующаго строя. Мы-же вѣчно чего-нибудь опасаемся и до сихъ поръ не знаемъ, что у насъ подъ ногами

твердо и что улетитъ завтра-же. Что означаетъ, наконецъ, знаменитая фраза о «переходной эпохѣ»? Не доказываетъ-ли самая истасканность ея, что въ общественномъ сознаниіи пореформенный строй не считается ни опредѣлившимся, ни упрочившимся?

Такимъ образомъ, новая Россія, по сущей правдѣ, не достигла еще *minimum*'а того, при чемъ только и возможно существованіе общества на свѣтѣ вообще, а въ Европѣ особенно. Чѣмъ объяснить себѣ это явленіе? Неужели наше общество мало работало надъ собою? Неужели недостаточны реформы, надъ которыми такъ неутомимо трудилось правительство въ теченіи двухъ десятилѣтій? Вопросы эти слишкомъ важны и сложны для того, чтобы отвѣтить на нихъ въ настоящее время. Если я констатирую фактъ, всѣмъ очень хорошо извѣстный, но гласно скрываемый (неизвѣстно только отъ кого) изъ разныхъ мелкихъ побужденій, то дѣлаю это именно для того, чтобы обратить на него серьезное общественное вниманіе и вызвать изслѣдованіе.

Положеніе Россіи будетъ усложняться прогрессивно, можетъ стать совершенно безвыходнымъ, если мы не подведемъ итоговъ своей 25-ти-лѣтней работѣ, не опредѣлимъ, въ чемъ состояли наши ошибки, чего у насъ не доставало, чего было слишкомъ много. Только выяснивши это, мы будемъ въ состояніи приняться за дѣло съ большими шансами на успѣхъ. Частная задача настоящей статьи—освѣтить одинъ крошечный уголокъ необъятнаго процесса нашего обновленія, а именно коснуться въ ней роли нашей интеллигентной мысли. Начнемъ съ такъ называемаго «отрицательнаго» направленія.

II.

Реформа общественной и государственной жизни предпринята у насъ первоначально не тѣми, кого принято называть «людьми 60-хъ годовъ» (1856—1865 гг.). Въ первую половину эпохи—они были еще людьми новыми, безъ серьезнаго общественнаго положенія, безъ прямаго вліянія на политику и даже нравы. Люди 60-хъ годовъ такъ и считали себя «молодежью». Это была не партія, не направленіе даже, а именно «*покольмье*»;

...Вѣру лучшую мою—
Въ молодое покольмье
Въ сердцѣ свято сохрани,

говорилъ популярнѣйшій поэтъ эпохи. Къ молодежи чаще всего обращались и публицисты 60-хъ годовъ, и въ ней видѣли иногда (какъ Писаревъ) все спасеніе Россіи.

Въ періодъ 56—65 годовъ выработывалась только общая «эпиэномія «людей 60-хъ годовъ»; если изъ нихъ кто-нибудь дѣйствовалъ и производилъ опредѣленное вліяніе, то опять въ видѣ выработки своего-же «поколѣнья». Практическая, съ точки зрѣнія Россіи, роль ихъ, т. е. воздѣйствіе на нравы, поступки и стремленія общества и народа, началась гораздо позднѣе, т. е. въ концѣ 60-хъ и въ 70-хъ годахъ, такъ что только на основаніи переживаемыхъ нами дней можно до нѣкоторой степени обвинять практическія послѣдствія теоретической работы 60-хъ годовъ.

Характеризовать этихъ дней я не стану: они и безъ того достаточно извѣстны каждому, и, вѣроятно, мало кто поблагодаритъ за нихъ. Но дѣло не въ благодарностяхъ. Намъ нужно опредѣлить роль отрицательнаго направленія, какъ общественной силы.

Разумѣется, далеко не все, что мы теперь переживаемъ, дано людьми 60-хъ годовъ. Эти люди—не болѣе, какъ горсть интеллигенціи; они имѣли свою долю вліянія, могли способствовать торжеству однихъ принциповъ и противодѣйствовать другимъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы ихъ вліяніе должно было оказаться сильнѣе всѣхъ другихъ элементовъ русской жизни. Кромѣ того работу 60-хъ годовъ, даже теоретическую, а тѣмъ болѣе практическую, до сихъ поръ нельзя считать законченной. Читатель самъ увидитъ, какой хаосъ противорѣчащихъ и взаимно исключającychъ идей, симпатій и стремленій представляло знаменитое «отрицательное направленіе», о которомъ у насъ обыкновенно думаютъ вродѣ того, какъ французы о своихъ «принципахъ 1789 года».

Отрицательное направленіе представляло нѣсколько теченій, имѣвшихъ совершенно различную судьбу и вліяніе; поэтому тутъ невозможно произнести огульнаго приговора. Для самихъ людей 60-хъ годовъ не легко было разобраться въ этомъ хаосѣ, и они не разобрались вполнѣ даже до сихъ поръ. Опредѣлить характеръ каждаго теченія совершенно необходимо, если мы желаемъ понять ихъ вліяніе на Россію порознь и вмѣстѣ. Этотъ анализъ представляетъ высокій интересъ и для уясненія себѣ того, что такое наше російское общество.

Отрицательное направленіе представляло собою умственную силу, передъ которой пассивала вся остальная интеллигенція: преклонялась-ли она передъ отрицательнымъ направленіемъ или безтолково ругала его — она въ обоихъ случаяхъ была менѣе знающа, менѣе развита въ политическомъ отношеніи, чѣмъ отрицатели; вообще ниже ихъ.

Отрицательное направленіе представлялось остальной интеллигенціи чѣмъ-то цѣлостнымъ, стройнымъ, и побивало ее, главнымъ образомъ, своей «последовательностью»! Можно себя представить послѣ этого, какъ стройно должно было быть міросозерцаніе противниковъ отрицанія, если ихъ поражала даже и такая «последовательность»! Если-бы въ Россіи не существовало болѣе никакихъ препятствій для успѣшнаго переустройства страны, то уже одно это отсутствіе сколько-нибудь опредѣленныхъ политическихъ взглядовъ могло-бы вполне объяснить, почему мы такъ мало подвинулись за это 25-лѣтіе.

III.

Прежде чѣмъ перейти къ анализу отрицательнаго направленія, необходимо, однако, бросить взглядъ на ту почву, гдѣ оно развивалось, т. е. на нашу *интеллигенцію*. Въ крѣпостную эпоху она имѣла характеръ существенно *барскій*. Человѣкъ, воспитавшійся «отъ тысячи душъ», на вѣчномъ угожденіи всѣмъ своимъ прихотямъ, на полномъ убѣжденіи въ глупости Сидорки и безнравственности Матрѣшки, — переносилъ, разумѣется, всосанныя съ молокомъ привычки и симпатіи и въ свою философію. *Личность* — становилась въ философіи на первый планъ, *общество* отодвигалось на задній; *наслажденіе* представлялось цѣлью жизни; эпикурейство и индивидуализмъ становились національнымъ свойствомъ въ нашей интеллигенціи; презрѣніе къ мужику и толпѣ органически и несокрушимо слилось съ ея душой.

Къ концу крѣпостнаго періода, однако, въ интеллигенцію стали пробиваться новые общественные элементы — демократическіе, или, если угодно, «разночинецъ пришелъ». Разумѣется, Кольцовы и Шевченко не могли не вносить за собою новаго духа; конечно, отличался отъ большинства по своему душевному складу и Бѣлинскій, и поэтъ, у котораго «праздникъ жизни, молодости годы проведены подъ тяжестью труда». Роль этого народнаго элемента въ развитіи интеллигенціи еще ждетъ своего изслѣдователя, но во всякомъ случаѣ основная, барская интеллигенція имѣла на своей сторонѣ огромное численное превосходство, науку, построенную уже сообразно съ ея идеями, высоко развитое искусство, проникнутое духомъ ея идеаловъ, имѣла, наконецъ, свое общественное мнѣніе.

Новые элементы, проникая наверхъ, должны были пройти много предварительныхъ искусовъ, въ видѣ школы, гдѣ учился, школы литературной, личнаго вліянія новыхъ знакомыхъ и пр.,

они должны были переработываться на старый манеръ и только въ ничтожной степени и очень медленно могли, въ свою очередь, видоизмѣнять общій характеръ интеллигенціи. Эта борьба, сперва совершенно безсознательная, двухъ общественныхъ формаций, въ интеллигенціи усиливалась по мѣрѣ того, какъ «разночинецъ» въ большемъ количествѣ врывается въ верхніе слои; она продолжалась и въ 60-хъ годахъ.

Отрицательное направленіе было естественнымъ результатомъ общаго недовольства старымъ крѣпостнымъ строемъ. Но, разумѣется, мужикъ отрицалъ его совершенно не такъ, какъ баринъ или чиновникъ, обойденный наградою. Человѣческое рабство можно отрицать съ точки зрѣнія непроизводительности труда, или естественныхъ правъ личности, или равенства всѣхъ передъ Богомъ. Отрицаніе можетъ быть общее, а мотивы его совершенно различные. Это именно и замѣчается въ «людяхъ 60-хъ годовъ». Всѣ они сходились только въ отвращеніи и ненависти къ старому; но по своему душевному складу, симпатіямъ, характеру представляли существенно различные типы.

Два общественные слоя послужили источниками для формировавія интеллигенціи, два главныхъ направленія и выразились въ ней. Въ литературѣ эти направленія особенно рельефно представляются Добролюбовымъ и Писаревымъ. Ихъ считали и считаютъ людьми одного лагеря, работниками одного и того-же направленія. Самъ Писаревъ, заявляя свое разногласіе съ Добролюбовымъ въ нѣкоторыхъ мелочахъ (въ родѣ оцѣнки Екатерины въ «Грозѣ») — не имѣлъ понятія о пропасти, раздѣляющей ихъ между собою, можетъ быть, больше, чѣмъ отъ Авсакова или Каткова. «Молодое поколѣніе» съ жадностью читало обоихъ. Въ литературѣ только впоследствии отразилось нѣкоторое пониманіе антагонизма этихъ двухъ общественныхъ теорій, но и то очень слабо (теорія «кающаго дворянина»).

Такое явленіе объясняется, мнѣ кажется, тѣмъ, что масса молодежи и общества были слишкомъ неразвиты для того, чтобы увлечься политическими и социальными идеалами кого-бы то ни было. Ихъ насущное дѣло было — выработка собственной личности. Въ этомъ сказалась и молодость и старая индивидуалистическая основа интеллигенціи. Разумѣется, что когда дѣло переходило на выработку «хорошаго человѣка», то разница между Добролюбовымъ и Писаревымъ дѣлалась менѣе замѣтной. Оба говорили: «будь честенъ, энергиченъ, учись, борись со зломъ, работай для идей». Конечно, Добролюбовъ воспитывалъ личность на основѣ общества, а Писаревъ общество строилъ на

личности, но эту тонкость простительно было не замѣтить тому, кто не могъ отличить вещей поважнѣе.

Такимъ образомъ, Добролюбовъ и Писаревъ оба оказывались хорошими людьми, оба дѣйствовали «въ нашу пользу». Общая отрицательная работа, борьба съ невѣжествомъ, суевѣріемъ, самодурствомъ и холопствомъ окончательно сближали ихъ обоихъ въ глазахъ враговъ и послѣдователей.

Борьба основныхъ идей Писарева и Добролюбова началась позднѣе и происходила не на бумагахъ, а въ головахъ читателей, да въ частныхъ бесѣдахъ. Литература же къ тому времени попала въ такія условія, что уже перестала выражать дѣйствительныя теченія общественной мысли.

Прежде чѣмъ, однако, перейти къ оцѣнкѣ ихъ вліянія на ходъ нашей реформы, возстановимъ въ памяти общій характеръ этихъ противоположныхъ доктринъ.

IV.

Добролюбовъ занимаетъ въ нашей публицистикѣ какое-то странное положеніе. Онъ какъ будто не имѣетъ ни предшественниковъ, ни продолжателей. Въ литературѣ, конечно, можно найти проблески чувствъ, волновавшихъ Добролюбова, и симпатій, наполнявшихъ его душу. Ихъ вы встрѣчаете у Кольцова, у Шевченко, Некрасова... Но поэтический образъ только обнаруживаетъ міросозерцаніе, а не формулируетъ его. Что касается общественной философіи и публицистики, предшествующей Добролюбову, то въ нихъ онъ не могъ найти даже приблизительнаго выраженія своихъ самыхъ дорогихъ принциповъ.

Наша прогрессивная мысль всегда ставила благо народа на первомъ планѣ. Но этотъ народъ былъ абстрактомъ, онъ иногда совпадалъ съ государствомъ, иногда выражалъ отвлеченную совокупность отвлеченныхъ людей, не имѣющихъ ничего общаго съ дѣйствительными Иванами, Сидорами, Макарами. Народъ и толпа даже противопоставлялись. О дѣйствительно существующемъ народѣ интеллигентная мысль всегда рассуждала такъ, что онъ, народъ, хотя и способенъ къ развитію, но въ настоящее время грубъ, дикъ, безнравственъ, и нуждается въ просвѣщенномъ воздѣйствіи интеллигенціи для того, чтобы получить образъ человѣческой. Любить народъ, каковъ онъ есть—это было нѣчто невысказанное; уважать его взгляды, вѣрованія, волю, а тѣмъ паче находить ихъ дѣйствительно разумными не могли наши образованные господа. Только гениальнѣйшія

натуры (Пушкинъ, Лермонтовъ), въ противность собственному разуму, чувствовали иногда въ душѣ какое-то смутное родство съ мужикомъ.

У Добролюбова это родство оказалось въ цѣломъ міросозерцаніи, гдѣ первое и послѣднее слово составляетъ народъ, дѣйствительный русскій народъ, со всѣми его хорошими и дурными сторонами. «Неужели-жъ, восклицаетъ онъ, такъ и суждено нашей литературѣ навсегда остаться въ узенькой сферѣ пошленькаго общества, волнуемаго карточными страстишками, любовью къ звѣздамъ и боязнью пожелать чего-нибудь страстно и твердо? Неужели только эта грошевая образованность, дѣлающая изъ человѣка ученаго попугая... неужели только она будетъ всегда красоваться передъ нами въ лучшихъ произведеніяхъ нашей литературы?.. Не пора-ли ужъ намъ отъ этихъ тощихъ и чахлахъ выводовъ неудавшейся цивилизаціи обратиться къ свѣжимъ, здоровымъ росткамъ народной жизни, помочь ихъ правильному, успѣшному росту и цвѣту, предохранить отъ порчи ихъ прекрасные и обильные плоды? Событія зовутъ насъ къ этому, говоръ народной жизни доходитъ до насъ, и мы не должны пренебрегать никакимъ случаемъ прислушаться къ этому говору» («Черты для характеристики русскаго просто-народа»).

Изъ подчеркнутыхъ мною строкъ читатели видятъ однако, что собственно литературную дѣятельность такого рода Добролюбовъ считаетъ только однимъ изъ средствъ и притомъ, не самымъ важнымъ, для постановки народнаго дѣла. И дѣйствительно, главнымъ, настоящимъ дѣломъ Добролюбовъ считалъ личное живое общеніе съ народомъ и прямое воздѣйствіе на него. Эту работу Добролюбовъ указываетъ интеллигенціи, какъ прямую ея обязанность.

«Если мы, говоритъ онъ, удостоимъ подумать, насколько виноваты передъ народомъ мы, осуждающіе мужика за всѣ недостатки, поражаемые однако нашимъ собственнымъ существованіемъ, то у каждаго явится вопросъ, какъ-же исправить дѣло». «Рѣшеніе этого вопроса несравненно легче вывести, нежели понятнымъ образомъ написать въ русской книгѣ», сознаетъ онъ въ укоръ тогдашней цензурѣ. «Во всякомъ случаѣ, кто серьезно проникнется этой мыслью, тотъ почувствуетъ болѣе довѣрія къ народу, болѣе охоты сблизиться съ нимъ... Съ такимъ довѣріемъ къ силамъ народа и надеждою на его добрыя расположенія, можно дѣйствовать на него прямо и непосредственно, чтобы вызвать на живое дѣло крѣпкія живыя силы» («Кар. русск. простон.»).

По Добролюбову, для общественнаго дѣятеля нужно не только сознание своего *дома* передъ народомъ, но еще *стра* въ народъ, вѣра, которая естественно влечетъ за собою привязанность и уваженіе. Въ этой постановкѣ вопроса заключается оригинальность Добролюбова, отличающая его отъ славянофильства (проповѣдывавшаго только *стру*) и другихъ, совершенно противоположныхъ доктринъ (проповѣдывавшихъ исключительно *домъ*). Истинно демократическій духъ сказался здѣсь въ Добролюбовѣ и предохранилъ его какъ отъ славянофильской маниловщины, такъ и отъ доктринерскаго передѣлыванья народа по парижскимъ модамъ.

Вѣры своей Добролюбовъ, разумѣется, не навязываетъ. Онъ доказываетъ только всю безосновательность невѣрія. Народъ, говорятъ, забить... «Цѣлый край такъ вотъ взяли, да и забили—какъ-бы не такъ!» восклицаетъ Добролюбовъ и пускается въ длинныя доказательства того, что забить народъ невозможно, что этого никогда не бывало. «Какъ-бы ни были громадны сдавливающія силы, они не въ состояніи... *не истребивши* народа, уничтожить въ немъ наклонность къ самостоятельной дѣятельности и свободному разсужденію.»

Краснорѣчивый публицистъ перебираетъ личныя воспоминанія, фразы текущей жизни и литературные типы, утверждая, что мужикъ въ сущности не менѣе нравствененъ, чѣмъ люди общества, что онъ также дорожитъ своей личностью и имѣетъ гораздо болѣе здоровья понятія о между-человѣческихъ отношеніяхъ. «Въ этомъ народѣ есть такая сила на добро, какой положительно нѣтъ въ томъ развращенномъ и полупомѣшанномъ обществѣ, которое имѣетъ претензію одного себя считать образованнымъ и годнымъ на что-нибудь дѣльное. Народныя массы не умѣютъ красно говорить... Слово ихъ никогда не праздно; оно говорится ими, какъ призывъ къ дѣлу, какъ условіе предстоящей дѣятельности. Сотни тысячъ народа *) въ какихъ-нибудь пять-шесть мѣсяцевъ, безъ всякихъ предварительныхъ возбужденій и прокламацій, въ разныхъ концахъ обширнаго царства, отказались отъ водки, столь необходимой для рабочаго человѣка въ нашемъ климатѣ. Эти-же сотни тысячъ откажутся отъ мяса, отъ пирога, отъ теплаго угла, отъ единственнаго армячишка, отъ послѣдняго гроша, если того потребуетъ доброе дѣло, сознание въ необходимости котораго созрѣетъ въ ихъ душѣ. Въ этой-то способности приносить существенныя жертвы разъ

*) Рѣчь идетъ о зарогѣ—не пить вина, охватившемъ нѣсколько губерній, какъ протестъ мужиковъ противъ злоупотребленій откупа.

сознанному и порѣшенному дѣлу и заключается величіе простой народной массы, котораго никогда не можемъ достигнуть мы, со всею нашею отвлеченной образованностью и прививною гуманностью. Вотъ отчего всѣ наши начинанія, всѣ попытки героизма и рыцарства, всѣ претензіи на нововведенія и реформы бывають такъ жалки, мизерны и даже почти непристойны въ сравненіи съ тѣмъ, что совершаетъ самъ народъ» (Народное Дѣло, 115—116 стр.).

Подымая массы на такой высокій пьедесталь, Добролюбовъ не оставляетъ безъ отвѣта и различныхъ пессимистическихъ взглядовъ, отрицающихъ для народа возможность, при современныхъ неблагоприятныхъ условіяхъ, выработать въ себѣ человѣка. «Говоря о народѣ, отвѣчаетъ Добролюбовъ, у насъ сожальють обыкновенно, что къ нему почти не проникають лучи просвѣщенія и что онъ потому не имѣетъ средствъ возвыситься себя нравственно, сознавать права личности, приготовить себя къ гражданской дѣятельности и пр. Сожальнія эти очень благородны и основательны, но они вовсе не даютъ намъ права махнуть рукой на народныя массы и отчаяться въ ихъ дальнѣйшей участи. Не одно скромное ученье, подъ руководствомъ опытныхъ наставниковъ, не одна литература, всегда болѣе или менѣе фразистая, ведетъ народъ къ нравственному развитію и къ самостоятельнымъ улучшеніямъ матеріальнаго быта. *Есть путь другой—путь жизненныхъ фактовъ*, нивогда не пропадающихъ безслѣдно, но всегда влекущихъ событіе за событіемъ, неизбѣжно, неотразимо. Факты жизни не пропускають никого мимо; они дѣйствуютъ и на безграмотнаго крестьянскаго парня, и на отупѣвшаго отъ фухтелей кантониста, какъ дѣйствуютъ на студента университета. Холодъ и голодъ, отсутствие законныхъ гарантій въ жизни, нарушеніе первыхъ началъ справедливости въ отношеніи къ личности человѣка всегда дѣйствуютъ несравненно возбуждательнѣе, нежели самыя громкія фразы о правдѣ и чести» (75—76 стр.).

Итакъ — народъ—народныя массы—вотъ основной пунктъ добролюбовскаго міросозерцанія. Съ народомъ связана его вѣра, надежда и любовь. Не трудно догадаться, что на той-же основѣ Добролюбовъ будетъ воспитывать и личность. Рисуя свой типъ новаго человѣка, онъ говоритъ: «На первомъ планѣ у нихъ стоитъ всегда *человѣкъ* и его прямое существенное благо... Ихъ послѣдняя цѣль не совершенная рабская вѣрность отвлеченными виѣшними идеямъ, а принесеніе *возможно большей пользы человечеству*» и т. д. («Литер. мелочи» 461 стр.).

Но помню всякихъ «типовъ» и идеаловъ, всегда болѣе или

менѣ выдуманнхъ, Добролюбовъ въ самой жизни указываетъ намъ хорошаго человѣка, т. е. способнаго работать надъ улучшеніемъ жизни. Въ эти общественныя силы Добролюбовъ крѣпко вѣритъ. Онъ указываетъ ихъ въ молодежи (Литер. Мелочи), въ сѣрой крестьянской массѣ, даже въ самомъ логовищѣ самодурства (Лучъ Свѣта).

Именно въ силу такой вѣры, Добролюбовъ и обращается къ русскому человѣку, какъ къ общественной силѣ, какъ гражданину, смѣло указываетъ ему всѣ его недостатки, призываетъ къ самостоятельности и намѣчаетъ путь, по которому нужно идти, въ полной очевидно увѣренности, что его съумѣютъ понять и съумѣютъ дойти до чего нибудь путнаго. Критика Добролюбова освящалась его вѣрой. «Именно потому и осмѣливаемся мы такъ сурово говорить о нашей литературѣ, что хранимъ еще вѣру въ ея силы», замѣчаетъ онъ, и это разсужденіе одинаково относится ко всѣмъ другимъ сторонамъ народной жизни.

Безпощадная критика Добролюбова такъ общезвѣстна, что о ней едва-ли стоитъ распространяться. Онъ, безъ малѣйшаго колебанія, указалъ намъ, что мы, всѣ безъ исключенія, создаемъ и поддерживаемъ отвратительное «Темное Царство» самодурства, холопства и пошлости. Своею «Обломовщиной» онъ больно задѣлъ каждаго изъ насъ. Въ своихъ очеркахъ «Екатерининской сатиры» онъ жестоко бичуетъ современное безсиліе русской политической мысли. Безчисленно-разнообразныя явленія русской жизни обратили на себя вниманіе Добролюбова, и онъ нигдѣ не обнаруживаетъ ни малѣйшаго снисхожденія, ни малѣйшаго отступленія отъ требованій принципа. Пирогова онъ казнилъ жестоко, не смотря на все уваженіе къ нему. Журналъ студентовъ, уличныя листки, ученые историки, романисты и поэты, проэпты эмансипаціи—все подвергалось его строгому анализу. Гдѣ нельзя говорить прямо, Добролюбовъ язвительно смѣется, тѣмъ сильнымъ смѣхомъ, котораго мы уже не слышали больше. По всей Россіи, кажется, не осталось живаго мѣста отъ этого анализа, этого смѣха. И не смотря на это, онъ никогда не приводитъ васъ къ унынію и безнадежности. Въ его упрекѣ всегда слышится бодрый призывъ: «Какъ вамъ не стыдно, вѣдь вы можете дѣйствовать, можете исправить дѣло. Подумайте только о собственныхъ силахъ, о громадныхъ средствахъ, которыя даетъ для дѣятельности Россія».

Такъ какъ Добролюбовъ никогда не сходилъ съ общественной почвы, то средства дѣйствительно оказываются. Рисуетъ онъ «Темное Царство», и «вы ясно видите, какъ самодурство опи-

рается на толстой мощи», какъ разные Кить-Китычи изъ людей, по природѣ вовсе не дурныхъ, превращаются въ звѣрей, подъ вліяніемъ *общественныхъ* условій. Рисуеъ «Обломовщину», и здѣсь вы видите, что при другихъ общественныхъ условіяхъ Обломовъ могъ бытъ-бы прекраснѣйшимъ человѣкомъ, а Рудинъ даже героемъ. «Измѣните условія и все исправится». А измѣнить условія хоть и трудно, да все таки очень возможно, потому что они сами по себѣ возбуждаютъ протестъ въ людяхъ, отъ нихъ страдающихъ, сами по себѣ возбуждаютъ критику и сомнѣніе въ своей законности. Притомъ-же — сколько въ народѣ свѣжихъ нетронутыхъ силъ, сколько въ немъ стремленій къ правдѣ, сколько самоотверженія. Если вы дѣйствительно *общественный* дѣятель, т. е. любите народъ, понимаете его и дѣствуете въ его интересахъ—васъ ждетъ непременно побѣда.

Свой характеръ народнаго проповѣдника Добролюбовъ выдерживалъ повсюду, о чемъ-бы онъ не заговорилъ. Вездѣ у него слышится требованіе свободнаго, народнаго развитія, и твердая увѣренность въ силы русскаго народа. У него даже самая свобода не совсѣмъ подходитъ подъ обычную либеральную формулировку, а скорѣе превращается въ самобытное самостоятельное развитіе массъ. Оттого-то, вѣроятно, и въ Европѣ его любимцами и героями являются не Кавуры, и даже не Гарибальди, а чистые дѣятели толпы, вроде Патера Гавацци.

Я очень слабо и неполно очертилъ Добролюбова, этотъ крупнѣйшій типъ 60-хъ годовъ. Несмотря на это, я не стану говорить о значеніи его, какъ художественнаго критика и т. под. Съ одной стороны, это не имѣетъ значенія для общественной роли Добролюбова, съ другой—наше общество достаточно знакомо съ его критической теоріей. Это, кажется, единственное, что мы твердо замѣтили въ Добролюбовѣ. Въ настоящее время пора взглянуть на него съ другой, важнѣйшей стороны, и опредѣлить значеніе его, какъ представителя извѣстной политической доктрины.

Его доктрина, не смотря на всѣ неблагоприятныя условія, значительно развилась и огрѣпла; онъ заявляетъ себя въ жизни, проложилъ отчасти дорогу и въ литературу. Не въ одномъ земскомъ собраніи, не въ одномъ ученомъ обществѣ, не на одной студенческой бесѣдѣ—вы услышите теперь рѣчи, полныя этого духа народности, въ лучшемъ смыслѣ слова. Сотни и тысячи людей, какъ практическіе дѣятели, стараются разгадать народную думу и слить силы свои съ его силами.

Даже литература наша, за послѣдніе годы ужасно похожая на окаменѣвшую Академію Наукъ, и то стала по маленьку прони-

жаться новымъ духомъ. Разумѣется, многихъ частныхъ Добролюбовъ намъ уже не въ состояніи объяснить, но основные принципы направленія во всякомъ случаѣ до сихъ поръ можно изучать во всей русской литературѣ только у него одного.

V.

Наибольшимъ успѣхомъ въ обществѣ, особенно въ послѣдующее время, пользовался и пользуется не Добролюбовъ, а Писаревъ. Популярность его и видимое вліяніе на молодежь были безпредѣльны, и неимѣютъ въ Россіи примѣра ни до, ни послѣ него. Писаревъ былъ оракуломъ прогрессивной интеллигенціи въ теченіе всѣхъ 60-хъ годовъ. Каждая статья его казалась событіемъ, и малѣйшая попытка отнестись къ нему критически, встрѣчала большею частью даже не возраженіе, а полное презрѣніе и невниманіе. И не смотря на это, Писаревъ не сказалъ намъ ничего новаго и ничего *не создалъ*. Онъ только сформулировалъ въ ясную систему то, что лежало на душѣ интеллигенціи, и закрѣпилъ въ жизни эту систему со всей силой, какая заключается въ блестящемъ, первостепенномъ талантѣ.

То міросозерцаніе, во имя котораго дѣйствовалъ Писаревъ, высказывалось десятый разъ до него: исторія барской интеллигентной мысли есть исторія этого міросозерцанія. Писаревъ только примѣнилъ его къ даннымъ обстоятельствамъ, указалъ, какая общественная дѣятельность вытекаетъ изъ него въ настоящее время. Поэтому большинство интеллигенціи не имѣло никакой надобности спорить съ Писаревымъ, въ самыхъ основахъ его доктрины. Спорить можно было только въ частности, въ практическихъ выводахъ, но на самомъ дѣлѣ и такихъ споровъ не выходило, а когда выходили, то они не подрывали вліянія Писарева. Не выходило потому, что онъ былъ человѣкъ очень умный, и выводы дѣлалъ въ большинствѣ случаевъ самые логическіе; если-же ошибался, то, по своей замѣчательной честности, сейчасъ-же признавался въ этомъ и исправлялъ ошибку.

Публицистическая роль Писарева состояла не въ томъ, чтобы *убѣждать* въ чемъ либо своихъ читателей, а *учить* ихъ, развивать болѣе скоро и понятно тѣ самыя мысли, которыя зрѣли и безъ того въ головахъ читателей. Поэтому между Писаревымъ и его аудиторіей установились самыя прекрасныя отношенія. Его не только уважали, но любили, какъ человѣка роднаго, имъ гордились, какъ талантливѣйшимъ выразителемъ собственныхъ мыслей интеллигенціи, во всякой побѣдѣ его каждый видѣлъ свою собственную побѣду.

Положеніе Добролюбова было гораздо труднѣе. Онъ развивалъ идею, хотя и существовавшую въ обществѣ, но утопавшую, такъ сказать, въ цѣломъ океанѣ противоположныхъ ей идей. Добролюбовъ — представитель ничтожнаго меньшинства. Писаревъ — представитель огромнаго большинства. Добролюбовъ сказалъ первое слово людей будущаго. Писаревъ — послѣднее слово старо-дворянской интеллигенціи.

Въ литературѣ Писаревъ уже получилъ замѣчательно мѣткое названіе «каюцагося дворянина». Въ его лицѣ и въ его направленіи дворянинъ дѣйствительно каился, сознавалъ, что на душѣ его много грѣховъ, что ему, какъ порядочному человѣку, слѣдуетъ искупить грѣхи полнымъ возрожденіемъ. Но и въ самомъ покаяніи онъ оставался высокоумнымъ дворяниномъ, въ которомъ презрѣніе къ народу и непониманіе его сдѣлались органическимъ свойствомъ натуры. Въ покаянной молитвѣ своей, онъ всё-таки говоритъ: «господи, благодарю тебя, что я не таковъ, какъ другіе, грѣшники, прелюбодѣи, или какъ сей мытарь». Баринъ рѣшался посвятить благу людей всѣ силы свои, но и въ этомъ рѣшеніи для него центромъ вселенной оставалась его личность, его собственное, драгоценное я. Аристократизмъ мысли и индивидуализмъ составляютъ главное основаніе Писаревской философіи.

Какъ отрицатель и разрушитель — Писаревъ оставляетъ за собою всѣхъ людей 60 годовъ. Перебирая всю русскую жизнь, онъ не находитъ въ ней ничего святаго, ничего, на что можно было-бы возложить надежды. Народъ — грубая, дикая масса; высшее общество безнравственно; въ среднемъ слоѣ соединяются всѣ пороки народа и аристократіи, и не сохраняется ни одной изъ ихъ немногихъ добродѣтелей. «Русская жизнь, въ самыхъ глубокихъ своихъ нѣдрахъ, не заключаетъ рѣшительно никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія». («Мотивы русск. др.» 240), говоритъ онъ.

Но однимъ отрицаніемъ жить невозможно; нужно имѣть что нибудь положительное. И у Писарева оно было: это новый человѣкъ, «мыслящій реалистъ», въ котораго Писаревъ вѣрилъ вполне твердо и отъ котораго ожидалъ спасенія Россіи. Этотъ процессъ пересозданія нашей жизни посредствомъ «мыслящаго реализма» рисовался ему вполне ясно и просто, даже слишкомъ ужъ просто. Я постараюсь изложить міросозерцаніе Писарева по возможности его собственными словами: пусть онъ самъ говорить за себя.

Самая существенная сторона личности есть *разсудокъ*, мысль. Она заставляетъ человѣка прогрессировать, она обуславливаетъ

человѣческіе поступки, или если не обусловливаетъ, то можетъ и должна обусловливать. Всѣ бѣдствія рода человѣческаго и всѣ недостатки личности происходятъ оттого, что люди не всегда дѣйствуютъ по разуму. Для правильнаго же разсужденія нужно *знаніе*. Всякій человѣкъ по природѣ своей эгоистъ; прикрывается-ли эгоизмъ громкими фразами, или дѣйствуетъ на чистоту—фактъ отъ этого не измѣняется. Да и бѣды здѣсь нѣтъ никакой, потому что эгоизмъ вреденъ для общества лишь тогда, когда онъ неразуменъ. По законамъ природы благо личности вполне совпадаетъ съ благомъ общества, стоитъ только правильно опредѣлить, въ чемъ состоитъ благо. «Человѣческій организмъ устроенъ такъ, что онъ можетъ развиваться по человѣчески и удовлетворять всѣмъ своимъ потребностямъ только въ томъ случаѣ, если онъ находится въ постоянныхъ и разнообразныхъ сношеніяхъ съ другими себѣ подобными организмами. Выражаясь короче и проще, человѣку, для его собственнаго благосостоянія, необходимо общество другихъ людей.... Между обществами могутъ существовать или дружескія или враждебныя отношенія. Первые несравненно выгоднѣ послѣднихъ. Чѣмъ больше дружескихъ отношеній и чѣмъ меньше вражды, тѣмъ лучше для каждаго изъ отдѣльныхъ членовъ общества, а чѣмъ успѣшнѣе развивается общество, тѣмъ пріятнѣе живетъ каждому изъ его членовъ... Такимъ образомъ участь одного зависитъ отъ участи всѣхъ. И наоборотъ, каждая отдѣльная личность, вполне разсчетливо пользующаяся своими естественными способностями, неизбѣжно, *сама того не сознавая*, увеличиваетъ сумму общечеловѣческаго благосостоянія... Вполнѣ разсчетливый эгоизмъ совершенно совпадаетъ съ результатами самаго сознательнаго человѣколюбія». (*Реалисты*).

Итакъ для личности нѣтъ надобности даже *стараться* дѣйствовать на пользу общества: «общечеловѣческая солидарность есть законъ природы» (*ibid*); будьте только благоразумны и вы будете полезны; поймите, что не стоитъ мошенничать, потому что отъ этого вы потеряете довѣріе; поймите, что подлость всего вреднѣе вамъ самимъ. Въ «Реалистахъ» Писаревъ приводитъ много примѣровъ этого; не выписываю ихъ для сбереженія мѣста. Къ разному «геройству» и «филантропіи», какъ онъ выражается, Писаревъ относится съ пренебреженіемъ, почти отвращеніемъ. «Цѣль жизни! Какое громкое слово... Посмотримъ на нее поближе. Если вы поставите себѣ цѣлью такую дѣятельность, къ которой стремится ваша природа, то вы дадите себѣ только лишній трудъ; вы бы сами пошли по тому пути, на который навело васъ размышленіе... Если-же, Боже упаси, вы по-

ставите себѣ цѣль, несомвѣстную съ вашими наклонностями, тогда вы себѣ испортите жизнь... Старайтесь жить полною жизнью, не дрессируйте, не ломайте себя... И живите такимъ образомъ, не спрашивая о цѣли; цѣль сама найдется». (*Схематика XIX вѣка, 102—103*).

Страницею выше Писаревъ начинаетъ, какъ онъ говоритъ, «мечтать» такимъ образомъ: «Миѣ кажется, что ни одна философія въ мірѣ не привьется къ русскому уму такъ прочно и такъ легко, какъ современный здоровый и свѣжій материализмъ». Русскіе люди совершенно не склонны къ *фанатизму*: «Въ сущности это пресимпатичная черта. Фанатизмъ подчасъ бываетъ хорошъ, какъ историческій двигатель, но въ повседневной жизни онъ можетъ повести къ значительнымъ неудобствамъ. Хорошая доля скептицизма всего вѣрнѣе пронесетъ васъ между разными подводными камнями жизни и литературы. Эгоистическія убѣжденія, положенныя на подкладку мягкой и добродушной натуры, сдѣлаютъ васъ счастливымъ человѣкомъ, не тяжелымъ для другихъ и пріятнымъ для самого себя. Жизненные передѣлки достанутся легко, разочарованіе будетъ невозможно, потому что не будетъ очарованія; паденія будутъ легкія, потому что вы не будете забираться на недостижимую высоту идеала; жизнь будетъ не трудомъ, а наслажденіемъ. Не стѣсняя другихъ непрошенными заботами, вы сами не будете требовать отъ нихъ ни подвиговъ, ни жертвъ... Если-бы всѣ были въ строгомъ смыслѣ эгоистами по убѣжденію, т. е. заботились только о себѣ и повиновались бы одному влеченію чувства, не создавая себѣ искусственныхъ понятій долга и идеала и не вмѣшиваясь въ чужія дѣла, то, право» тогда привольнѣе было-бы жить на бѣломъ свѣтѣ, (стр. 101).

Я привелъ эти «мечтанія» для того, чтобы показать, что Писаревскій эгоистъ не есть нѣкое возвышенное и самоотверженное существо, носящее лишь кличку «Эгоистъ», а дѣйствительный эгоистъ. Мысль Писарева была всегда замѣчательно честна, умъ послѣдователенъ. Кладя личность въ основу общества, а въ основу личности — эгоизмъ, Писаревъ строитъ на этомъ свою общественную теорію безъ всякихъ экивоковъ.

Перейдемъ однако-же къ Россіи. Она, по мнѣнію Писарева, и бѣдна, и глупа и безнравственна. Вообще, не заключаетъ въ себѣ никакихъ задатковъ самостоятельнаго обновленія. Но спасеніе однако передъ нею. Оно обусловливается тѣмъ, что у насъ уже появился «мыслящій реалистъ», человѣкъ сознавшій основной законъ разумаго эгоизма. Мыслящіе реалисты растутъ и будутъ расти, охватывать постепенно все большую часть обще-

ства, и со временемъ «всѣ миллионы русскихъ дѣтей, неискальженныхъ элементами нашей народной жизни, могутъ сдѣлаться и мыслящими людьми, и здоровыми членами цивилизованнаго общества. Разумѣется, такой колоссальный умственный переворотъ требуетъ времени. Онъ начался въ кругу самыхъ дѣльныхъ студентовъ и самыхъ просвѣщенныхъ журналистовъ. Сначала были свѣтлыя личности, стоявшія совершенно одиноко; было время, когда Бѣлинскій воплощалъ въ себѣ всю сумму свѣтоносныхъ идей, находившихся въ нашемъ отечествѣ. Теперь ...одинокая личность русскаго прогрессиста разрослась въ цѣлый типъ, который нашелъ уже себѣ выраженіе въ литературѣ и который называется или Базаровымъ или Лопуховымъ. Дальнѣйшее развитіе умственнаго переворота должно идти также». «Другой вѣрной дороги нѣтъ». (Мотивы русск. др. 240). Мы должны, стало быть, распространять свои свѣтоносные лучи на другихъ, на весь народъ. Но было-бы ошибочно обратиться къ народу, т. е. къ массамъ, прямо. Они, по своей неразвитости, не могутъ насъ понять и оцѣнить. Они даже къ Базарову относились «какъ къ чудаку». Народъ не умѣетъ даже читать, и къ его предразсудкамъ должно дотрогиваться съ осторожностью, какъ «снисходительныя братья». (*Народныя книжки*, 42). Нѣтъ, гораздо вѣрнѣе обратиться къ тѣмъ, кто насъ можетъ понять и съ которыми мы можемъ быть вполне откровенны. «Дѣло нашей народности несутъ на плечахъ... наши публицисты, ученые и художники. Знакома наше общество съ государственными идеями и учреждениями Европы, изучая прошедшее нашего народа въ его словесности, въ его государственной, юридической и семейной жизни, выясняя мало по малу, черта за чертою, характеристическія особенности народнаго типа, публицисты, ученые и художники постепенно вырабатываютъ и проводятъ въ общественное сознаніе тотъ идеалъ, къ которому стремится наше современное общество» («Нар. вн.» 54). Судьба народа въ рукахъ общества. Обратимъ-же свои усилія тоже на общество. «Въ настоящее время нашъ народъ еще не въ состояніи сознать эти идеи, обращать ихъ въ свое умственное достояніе; пусть-же онъ почувствуетъ по крайней мѣрѣ на себѣ ихъ благотворное, согревающее вліяніе. Русскій крестьянинъ, быть можетъ, еще не въ состояніи возвыситься до понятія собственной личности, *возвыситься до разумнаго эгоизма* и до уваженія къ своему я; пускай-же онъ почувствуетъ по крайней мѣрѣ... что съ нимъ обращаются господа какъ-то не попрежнему, а какъ-то серьезнѣе и мягче, любовнѣе и ровнѣе. Такая перемѣна въ обращеніи... измѣнила-бы его нечувствительно для него самого. Чѣмъ

болѣе вы будете обращаться съ мальчикомъ, какъ съ джентльменомъ, тѣмъ скорѣе онъ дѣйствительно превратится въ джентльмена... Чтобы русскій мужикъ почувствовалъ эту благодѣтельную перемену, нужно, чтобы наше провинціальное дворянство и мелкое чиновничество перестало быть тѣмъ, что оно теперь. Гуманизировать это сословіе—дѣло литературы и преимущественно журналистики... Это среднее сословіе, гуманизированное общечеловѣческими идеями, можетъ сдѣлаться посредникомъ между передовыми дѣятелями русской мысли и нашими младшими братьями-мужиками... Эти люди, по самому своему положенію, какъ-будто призваны быть передатчиками и проводниками идей и знаній сверху внизъ» («Схоластика XIX вѣка, 82—83).

Писаревъ обращается здѣсь къ литературѣ, потому что говоритъ въ своей статьѣ именно о ней. Но не слѣдуетъ думать, будто бы это «гуманизированіе средняго слоя» ставится задачей одной литературы. Нѣтъ, это вообще любимая идея Писарева, которую онъ проповѣдуетъ на десять ладовъ повсюду. И это станетъ понятно, когда мы вспомнимъ, какія громадныя надежды возлагаетъ онъ на свое среднее сословіе. «Прійдетъ время, и оно ужъ недалеко, говоритъ Писаревъ, когда вся умная часть молодежи, безъ различія сословія и состоянія, будетъ жить полною умственною жизнью и смотрѣть на вещи разсудочно и серьезно. Тогда молодой землевладѣлецъ поставитъ свое хозяйство на европейскую ногу; тогда молодой капиталистъ заведетъ тѣ фабрики, которыя намъ необходимы, и устроитъ ихъ такъ, какъ того требуютъ общіе интересы хозяина и работниковъ, и *этою довольно*; хорошая ферма и хорошая фабрика, при рациональной организаціи труда, составляютъ лучшую и единственно возможную школу для народа» («Мог. русск. др.» 238—239).

Еще яснѣе и рѣшительнѣе выразится Писаревъ въ своемъ «Нерѣшенномъ вопросѣ», который вообще, какъ извѣстно, составляетъ его profession de foi. «Оживить народный трудъ, дать ему здоровое и разумное направленіе, внести въ него необходимое разнообразіе, увеличить его производительность примѣненіемъ дознанныхъ научныхъ истинъ—все это дѣло образованныхъ и достаточныхъ классовъ общества, и никто, кромѣ этихъ классовъ, не можетъ ни взяться за это дѣло, ни привести его въ исполненіе... До сихъ поръ всегда и вездѣ, въ той или въ другой формѣ, физическій трудъ былъ управляемъ капиталомъ; а накопленіе капитала всегда основано на физическомъ или умственномъ превосходствѣ того лица, которое накапливаетъ. Кто сильнѣе или умнѣе другихъ, тотъ и накапливаетъ... Это неравенство, какъ явленіе живой природы, не подлежитъ конечно реформиру-

ющему вліянію человѣка. Переверотовъ въ исторіи было много; падали и политическія и религіозныя формы; но господство капитала надъ трудомъ вышло изъ всѣхъ переверотовъ въ полнѣйшей неприкосновенности... Возмущаться противъ того факта, что образованные и достаточные классы преобладаютъ надъ трудящейся массой, значило бы стучаться головою въ несокрушимую и непоколебимую стѣну естественнаго закона. Одинъ классъ можетъ смѣниться другимъ классомъ, какъ напр. во Франціи родовая аристократія смѣнилась богатою буржуазіею, но законъ остается несокрушимымъ. Значить, при встрѣчѣ съ такимъ неотразимымъ проявленіемъ естественнаго закона, надо не возмущаться противъ него, а дѣйствовать такъ, чтобы этотъ неизбежный фактъ обратился на пользу самого народа. У капиталиста есть умъ и богатство. Эти два преимущества упрочиваютъ за нимъ господство надъ трудомъ. Но господство это, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть вредно или полезно для народа. Если вы дадите капиталисту кое-какое смутное полуобразование—онъ сдѣлается пивкомъ. А дайте ему полное, прочное, чисто человѣческое образование, и тотъ-же самый капиталистъ сдѣлается не благодѣтелемъ, филантропомъ, а мыслящимъ и расчетливымъ руководителемъ народнаго труда, который во сто разъ полезнѣе всякаго филантропа. Откройте умному человѣку доступъ къ тѣмъ сильнѣйшимъ наслажденіямъ, которыя мы находимъ въ умственномъ трудѣ и въ полезной дѣятельности, и этотъ человѣкъ, кто-бы онъ ни былъ, миллионеръ или пролетарій, непременно пристрастится къ этимъ наслажденіямъ, которыя мы находимъ въ умственномъ трудѣ и въ полезной дѣятельности, и непременно пойметъ, что быть превосходнымъ общественнымъ дѣятелемъ пріятнѣе, чѣмъ извлекать изъ своего капитала какіе-бы то ни было жидовскіе проценты. Разбудить общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда, значить открыть трудящемуся большинству дорогу къ широкому и плодотворному умственному развитію. А чтобы выполнить эти двѣ задачи... надо дѣйствовать исключительно на образованные классы. Судьба народа рѣшается не въ народныхъ школахъ, а въ университетахъ» (220, 221 стр.).

Итакъ — нужно направить дѣятельность исключительно на общество. Что-же именно дѣлать? Распространять образование и здравыя понятія; нужно популяризировать науку. Это особенно любимая мысль Писарева, который даже объясняетъ подробно, какъ именно популяризировать. Нужно воспитывать умъ всѣхъ, съ кѣмъ-бы мы ни столкнулись въ здоровомъ направленіи, чуждомъ всякихъ фантазій, на реальной почвѣ. «Пока одинъ База-

ровъ окруженъ тысячами людей, неспособныхъ его понимать, Базарову слѣдуетъ сидѣть за микроскопомъ и рѣзать лягушекъ... Тутъ-то въ этой самой лягушкѣ и заключается спасеніе и обновленіе русскаго народа. Ей Богу, читатель, я не шучу». («Мот. рус. др.»). Дѣло въ томъ, что естественныя науки, во-первыхъ, наиболѣе заинтересовываютъ человѣческую мысль и, во-вторыхъ, развиваютъ ее на такой реальной почвѣ, гдѣ фантазія нѣтъ мѣста. Намъ вполне понятно станетъ это, если мы вспомнимъ, какое громадное значеніе Писаревъ придавалъ *разсудку*, прогрессивное развитіе котораго только и можетъ превратить людей въ «разумныхъ эгоистовъ».

Такимъ образомъ Писаревъ даетъ стройную общественную доктрину, гдѣ общее міросозерцаніе проводится въ жизнь, вплоть до общественной дѣятельности. Понятно, что тамъ, гдѣ все сведено на *личность*, мораль является дѣломъ первой важности, и морали посвящена большая часть силъ Писарева.

«Вмѣсто того, говорить онъ, чтобы проповѣдывать голосомъ вопіющаго въ пустынѣ о вопросахъ народности и гражданской жизни... наша критика хорошо-бы сдѣлала, если бы обратила побольше вниманія на общечеловѣческіе вопросы, на вопросы частной нравственности и житейскихъ отношеній... отношеніе между мужемъ и женой, между отцемъ и сыномъ, матерью и дочерью, между воспитателемъ и воспитанникомъ» («Схоластика», 92). Эти вопросы Писаревъ приплетаетъ ко всему благовременно и безвременно. Онъ подробно разбираетъ всю жизненную карьеру «молодаго» реалиста.

Я приведу еще выписку изъ «Реалистовъ», чтобы показать, какая ничтожная въ сущности была вся эта мораль и какъ мало она требовала отъ человѣка. «Доживши до тѣхъ поръ, когда приходится выбирать себѣ опредѣленный родъ занятій, молодой человѣкъ... начинаетъ всматриваться въ свои способности... пока не отыщетъ себѣ такой трудъ, который ему пріятенъ и который притомъ можетъ его прокормить... Молодой человѣкъ размышляетъ, не безчестно-ли это занятіе, т. е. не вредитъ-ли оно естественнымъ интересамъ большинства? Не подѣйствуетъ ли оно подавляющимъ образомъ на мои умственныя способности? Буду-ли я моимъ трудомъ удовлетворять дѣйствительнымъ потребностямъ общества? Чтобы рѣшить эти вопросы, не надо быть ни гениальнымъ мыслителемъ, ни фанатикомъ челоуѣколюбія. Надо просто быть неглупымъ челоуѣкомъ и получить въ какомъ-нибудь университетѣ (?) довольно ясное понятіе о томъ, что такое общество и что такое умственный трудъ... Очень многія отрасли умственнаго труда находятся въ полномъ согласіи

съ самыми строгими требованіями идеи. Которую-же изъ этихъ отраслей долженъ себѣ выбрать молодой человѣкъ? И здѣсь интересъ общества сходится съ интересомъ личности. Пусть молодой человѣкъ выбираетъ то, что ему всего пріятнѣе. Тогда, и только тогда, онъ, наслаждаясь процессомъ своего труда, принесетъ обществу такое количество пользы, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ размѣрамъ его личныхъ способностей... Ну а что же дальше? Очень просто: «Задача можетъ считаться рѣшенною. Идея общечеловѣческой любви проведена во всѣ поступки жизни. Вашъ трудъ полезенъ, вы его любите, вы посвящаете ему всѣ силы... кажется, этого довольно и, кажется, вы, поступая такимъ образомъ, ни на одну минуту не забываете вашей солидарности съ остальными людьми» (158 стр.).

Можно себѣ представить, что должно выйти изъ юноши, который при самомъ началѣ жизни ставитъ себѣ столь «широкія» цѣли! Но какъ-бы то ни было, нельзя не признать міросозерцаніе Писарева замѣчательно стройнымъ. Всѣ его ошибки, смѣшныя и даже непонятныя въ умномъ человѣкѣ,—цѣликомъ зависятъ отъ ложныхъ основаній. Допустите основанія—и вы должны будете согласиться съ Писаревымъ даже въ надеждахъ на «мыслящихъ руководителей народнаго труда».

VI.

Прежде чѣмъ перейти къ сравнительной оцѣнкѣ народной доктрины Добролюбова и эгоистической доктрины Писарева, я долженъ объяснить, почему обошелъ молчаніемъ чисто социалистическое направленіе, имѣвшее, какъ извѣстно, въ 60-хъ годахъ, чрезвычайно крупныхъ представителей. Дѣло въ томъ, что социализмъ 60-хъ годовъ былъ направленіемъ чисто *научнымъ*; онъ знакомилъ Россію съ законами производства, распредѣленія, организаціи труда и пр. Но всего этого еще недостаточно, чтобы быть силой общественной. Социализмъ дѣлается общественной доктриной только тогда, когда опредѣляетъ, какими способами въ данное время и въ данной странѣ можно осуществить желательную систему организаціи труда. Въ 60-хъ годахъ соціалистическія ученія играли у насъ совершенно такую-же роль, какъ теорія Дарвина, матерьялизмъ, спиритуализмъ и пр., т. е. они просто вносили въ общественное сознаніе извѣстную сумму знаній и представленій. Въ свое время я возвращусь еще къ этому вопросу, теперь-же буду разсматривать лишь тѣ направленія, которыя указывали своимъ adeptамъ, что нужно дѣлать, и

такимъ образомъ превращали ихъ непосредственно въ общественную силу, созидательную или разрушительную. Такихъ направлений, въ эпоху 56—65-хъ годовъ, въ области «отрицанія» было только два: одно—указывающее на необходимость привлеченія народныхъ массъ къ общественной работѣ, и другое, рекомендуемое выработку личности.

Для оцѣнки того и другаго направленія, мы должны вспомнить, что оба они были порождены однимъ обстоятельствомъ: несоответствіемъ между дѣйствительными потребностями Россіи и общимъ строемъ крѣпостнаго государства. Возстановить равновѣсіе между этими потребностями и формами государственной, экономической и общественной жизни, посредствомъ которыхъ каждая потребность получаетъ возможность удовлетворенія—такова была историческая миссія нашей реформы. Задача сложная и включающая въ себѣ множество частныхъ задачъ. Одна изъ нихъ особенно обращала на себя вниманіе правительства и общества—это необходимость національнаго самосохраненія. Дѣйствительно, Крымская кампанія самымъ угрожающимъ образомъ констатировала наше безсиліе. Очень понятно, что для народа, какъ-бы ни были важны всѣ задачи внутренней жизни, важнѣе всего всѣ-таки гарантировать себя отъ участи Индіи, Турціи, Польши. Поэтому, весьма естественно, что сознательная реформаціонная мысль работала у насъ, имѣя въ виду главнымъ образомъ эту цѣль—сохраненіе нашей политической, экономической и умственной независимости. Не смотря на то, что это одна изъ частныхъ задачъ реформы, я, для простоты анализа, также съ этой точки зрѣнія попытаюсь опредѣлить, какой характеръ должна-бы имѣть реформа для достиженія цѣли. Послѣ этого намъ уже не трудно будетъ разобрать, насколько цѣлесообразнымъ являлось то или другое направленіе, работавшее надъ реформой общества.

Въ общей семьѣ человѣчества положеніе cadaго отдѣльнаго народа усложнилось въ настоящее время настолько-же, насколько усложнилось въ обществѣ положеніе отдѣльной личности. Увеличеніе народонаселенія вынуждаетъ народъ добывать изъ cadaго источника богатства, съ cadaго клочка земли, несравненно большее, чѣмъ прежде, количество продуктовъ. Сверхъ того цивилизація развиваетъ и потребности челоѣка, такъ что въ каждой странѣ количество необходимыхъ продуктовъ возрастаетъ не пропорціоально увеличенію населенія, а вдвое, втрое, вчетверо разъ сильнѣе. Это сообщаетъ международной борьбѣ за существованіе чрезвычайную напряженность. За тысячи верстъ, черезъ океаны, непроходимыя горы и пустыни, предприимчивый

европеецъ отправляется добывать средства къ существованію и комфорту. Стоитъ только какому-нибудь арабамъ, индійцамъ, туркамъ, китайцамъ поотстать отъ европейца, сдѣлаться слабѣе его, и онъ тотчасъ начинаетъ эксплуатировать ихъ, высасывать изъ нихъ жизненные соки на потребности собственнаго національнаго организма. Эксплуатация, разумѣется, производится въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ только дозволяетъ соотношеніе силъ пожирающаго и пожираемаго. Несчастные сѣверо-американскіе индійцы и австралійцы совершенно истребляются, индуса порабощаютъ, убиваютъ его промышленность, заставляютъ всѣ свои заработки вносить либо въ англійское казначейство, либо въ карманы англійскихъ купцовъ и фабрикантовъ, а свою землю отдать людямъ, поддерживающимъ въ Индіи господство чужеземцевъ; китайца заставляютъ отравляться опиумомъ и пр.

Мы, русскіе, также не мало испытывали и испытываемъ тяжесть иноземной эксплуатаціи: на глазахъ «обновленной Россіи» XIX вѣка уничтоженъ, напр., норвежцами весь бѣломорскій торговый флотъ и убита сѣверная звѣриная промышленность. Фактъ экономической эксплуатаціи Россіи другими, болѣе цивилизованными народами, къ сожалѣнію, слишкомъ несомнѣненъ. Эта напряженность международной борьбы за существованіе вынуждаетъ каждый отдѣльный народъ развивать свои силы гораздо энергичнѣе прежняго. Силу, разумѣется, нельзя понимать исключительно въ смыслѣ военной, физической силы. Такое одностороннее развитіе, во-первыхъ, не спасаетъ отъ самой тяжелой зависимости—экономической и умственной, а, во-вторыхъ, быстро истощаетъ народъ; мы, къ сожалѣнію, знаемъ это довольно хорошо на собственномъ опытѣ.

Но во всякомъ случаѣ, даже для обладанія физической силой, нужно имѣть населеніе болѣе многочисленное, а стало быть и болѣе густое; это населеніе необходимо пропитать, и значитъ—поставить по степени культуры по крайней мѣрѣ не ниже другихъ народовъ; нужно въ развитіи культуры идти по крайней мѣрѣ наравнѣ съ ними, а это опять возможно лишь тогда, если мы будемъ развивать культуру самостоятельно, заимствуя у другихъ народовъ не больше, чѣмъ они у насъ. Нужна самостоятельная наука, техника, нужно всестороннее изученіе собственной территоріи и всѣхъ источниковъ богатствъ, которыми страна располагаетъ; нужно умѣнье эксплуатировать эти источники наиболѣе выгоднымъ образомъ.

Для выполненія всей этой работы нужно развить огромное количество умственной силы и постоянно увеличивать его; чѣмъ больше работниковъ прогресса и культуры, тѣмъ сильнѣе народъ,

тѣмъ болѣе онъ обезпеченъ отъ эксплуатаціи, истощенія и уничтоженія. Понятно, что Франція, гдѣ, положимъ, 2 милліона человѣкъ работаютъ надъ созданіемъ улучшенныхъ способовъ производства, опредѣленіемъ наивыгоднѣйшихъ условій распределенія, организаціей управленія страной и пр.—что Франція, конечно, будетъ сильнѣе Испанія, гдѣ только 100.000 чел. заняты этой работой. Но и Франція, гдѣ каждый работникъ культуры затрачиваетъ на это дѣло, по общественнымъ условіямъ (образованіе, свобода мысли, труда и пр.), только $\frac{1}{10}$ часть силъ своего природнаго ума и таланта, окажется слабѣе Америки, если тамъ такіе-же 2 милліона человѣкъ имѣютъ возможность культурно функционировать $\frac{1}{3}$ частью своихъ способностей.

При такомъ положеніи вещей *масса народа*, какъ сознательный и дѣятельный участникъ прогресса, становится совершенно необходимой. Изъ нея приходится черпать силы, захватывая все большіе и большіе районы, и въ международной борьбѣ за существованіе побѣждаетъ тотъ, кто сумѣетъ въ наибольшей степени слить массы народа съ государствомъ, наукой, техникой и искусствомъ. Это великій законъ исторіи послѣднихъ столѣтій. Онъ дѣйствуетъ, какъ и всякій законъ природы, совершенно роковымъ образомъ, и за нарушеніе его народъ долженъ платиться то штрафами, то тѣлеснымъ наказаніемъ, а то и смертью. Этотъ законъ исторіи вызываетъ на западѣ къ жизни новые слои населенія, вынуждаетъ къ демократическимъ реформамъ даже аристократическую Англію, вызываетъ страшныя междуусобія (Америка, Франція), выдвигаетъ на сцену вопросъ рабочій, женскій и пр. Понимаемъ мы силу его или нѣтъ — это все равно, онъ свое возьметъ; но разница въ томъ, что при сознательномъ направленіи жизни сообразно ему, мы достигаемъ наибольшихъ результатовъ при наименьшей затратѣ силъ, достигаемъ мирно и спокойно; если же мы идемъ съ закрытыми глазами, или сознательно стремимся своротить человѣчество съ дороги, по которой оно не можетъ не идти, то или губимъ родную страну (какъ погибаетъ Турція) или, если жизненные силы ея слишкомъ велики, вызываемъ смуты, междуусобія, общія боли народнаго организма, и въ концѣ концовъ — все же подчиняемся закону.

Перейдемъ теперь къ Россіи, вынужденной подумать о реформѣ своего экономическаго и общественнаго строя. Излишне, конечно, доказывать, что вѣрностное государство, допускавшее къ болѣе или менѣе активной и сознательной дѣятельности какія-нибудь сотни тысячъ изъ 60-тимилліоннаго населенія, а въ иныхъ сферахъ работы — даже всего десятки и сотни человѣкъ, что оно, я говорю, стояло въ полномъ противорѣчій съ требованіями

жизни. Несомнѣнно и то, что русскіе 50-хъ годовъ понимали, что противорѣчіе есть. Но однако едва-ли это пониманіе было вполне ясно даже у немногихъ выдающихся дѣятелей. Во всякомъ случаѣ, во всей Россіи, взятой въ совокупности, сознание было настолько смутно, что общественныя переиѣны шли у насъ колеблющимся шагомъ, уклоняясь вправо и влево и безпрерывно поворачивая назадъ.

Вспоминая освобожденіе крестьянъ, гласный судъ, распространеніе образованія, земскія учрежденія, всесловную армию— видишь, что Россія шла именно по надлежащему пути демократизаціи общества, управленія, науки и пр. Но въ то-же время очевидно, что она вступала на этотъ путь чисто инстинктивно, только подъ неотразимымъ давленіемъ исторической необходимости, потому что безпрерывно сбивается съ дороги и уклоняется въ сторону. Освобожденіе крестьянъ, напр., дѣло истинно великое; но зачѣмъ-же крестьяне, получившіе недостаточныя надѣлы, были вслѣдствіе этого немедленно поставлены въ экономическую зависимость отъ сосѣдей? И вотъ мы видимъ такое парадоксальное явленіе, что немедленно по освобожденіи труда—у насъ ежегодно и прогрессивно уменьшаются запашки. Очевидно, было неладно. Или, напр., почему крестьяне, освобожденные отъ вотчинной власти, немедленно ставятся подъ строжайшую власть нисшей администраціи? Знатоки крестьянскаго быта, какъ Кошелевъ, указываютъ на это, какъ на главную причину омертвѣнія крестьянства и зависимости массъ отъ мѣстныхъ богачей-міроѣдовъ. Очевидно, принципа не было, ибо, согласно принципу, не крестьяне были-бы подчинены мѣстной полиціи, а, напротивъ, мѣстная полиція должна-бы составить часть крестьянскаго самоуправления. Точно также и въ земствѣ. Этотъ несомнѣнный шагъ къ демократизаціи общества теряетъ всякое значеніе оттого, что въ основу представительства ставится капиталъ, земля, вслѣдствіе чего мужикъ остается въ меньшинствѣ, и дворянинъ, вмѣсто того, чтобы слиться съ массой и внести въ ея среду свое пониманіе государственныхъ отношеній, остается по-прежнему отрѣзаннымъ ломтемъ. Народныя школы, вмѣсто того, чтобы учить тому, чего требуетъ народъ, и развиваться вмѣстѣ съ нимъ, становятся какой-то административной лабораторіей для пересозданія мужицкой души. Это отсутствіе яснаго пониманія того, въ чемъ вся суть нашей работы, отняло у нея большую часть значенія и привело насъ къ тому, что послѣ 25-лѣтней ломки мы все-таки пребываемъ въ «переходной эпохѣ», безъ прочныхъ основъ жизни, а въ развитіи народныхъ

силъ, очевидно, отстаемъ отъ Европы чрезвычайно сильно, болѣе, чѣмъ это позволяетъ чувство самосохраненія.

Какъ-же съ этой общей точки зрѣнія должно оцѣнить теорію и вліяніе «отрицательнаго направленія». Мы видѣли, что въ своемъ меньшинствѣ оно обнаружило нѣкоторое чутье истинныхъ потребностей страны. Но преобладающее направленіе оставалось чуждо жизни и своей пропагандой только укрѣпляло насъ на ложномъ пути. Въ то время, когда суровый толчекъ исторіи указывалъ намъ необходимость выработки *народа и общества*, большинство интеллигенціи ставитъ своею цѣлью выработку *личности*; въ то время, когда особенно слѣдовало бы понять, что именно мы, верхніе слои, должны быть передѣланы, сообразно съ требованіями народности — интеллигенція ставитъ своею цѣлью невозможную переработку многомилліонной массы по сочиненному ею образцу «новаго человѣка»; въ то время, наконецъ, когда намъ слѣдовало возможно скорѣе и въ возможно большихъ размѣрахъ привлечь народъ къ самостоятельной, единственно прочной, выработкѣ нашихъ общественныхъ учрежденій, интеллигенція, въ лицѣ Писарева, отказывается отъ всякаго дѣла съ массами и рѣшается посвятить силы на то, чтобы дать возможно большее образованіе и развитіе «молодому помѣщику», «молодому капиталисту», и тѣмъ, очевидно, еще прочтѣе укрѣпить его власть, въ чаяніи, что онъ устроитъ народу учрежденія самаго прекраснаго свойства. Во всемъ этомъ, очевидно, полное непониманіе требованій времени.

Я не хочу сказать, чтобы во всемъ этомъ не было благихъ намѣреній. Несомнѣнно, что ихъ было такъ много, какъ дай Богъ быть всегда, ихъ было такъ много, что они побуждали часто всѣ ошибки разсудка. Но ошибки все-таки остаются ошибками, и то чувство, которое вызвало на свѣтъ эти ошибки, т. е. индивидуализмъ и презрѣніе къ массамъ, было несправедливо и нехорошо. Я не говорю также, чтобы выработка личности не являлась у насъ важной задачей. Напротивъ, личность у насъ была и остается въ такомъ загонѣ, что выработка ея есть основаніе всему. Но вѣдь выработка личности одинаково возможна и на почвѣ общественности, какъ на почвѣ индивидуализма. Мы видимъ, напр., какихъ титановъ вырабатывало на общественной почвѣ христіанство!

Ограничиваясь выработкой личности, мы однако вырабатывали ее на такихъ основахъ, которыя не давали ей главнаго — не давали гражданскаго элемента. Возводя въ апофеозъ личные интересы, эгоистическая теорія въ то-же время допускала стремленія къ общему благу лишь по столыку, поскольку

къ тому вынуждали человѣка обстоятельства. Поэтому мы не могли создать даже просто хорошаго человѣка, а развивали лишь умнаго и ловкаго хищника.

Нужно между прочимъ замѣтить, что наша теорія эгоизма далеко не то, что европейскій утилитаризмъ. Утилитаризмъ есть теорія общественной пользы. Онъ говоритъ: нравственно то, что полезно для общества, и затѣмъ разбираетъ, что именно для общества полезно. Этого онъ и *требуетъ* отъ личности и ставитъ ей въ обязанность. Утилитаризмъ отличается, наир., отъ христіанства только тѣмъ, что обязанности человѣка выводитъ по логикѣ, а не по откровенію. А для того, чтобы личность исполняла эти свои обязанности, утилитаризмъ требуетъ соответственнаго воспитанія чувствъ, побужденій, требуетъ развитія общественнаго чувства, самоотверженія, геройства; наконецъ, чтобы позолотить для личности пилюлю самопожертвованія, утилитаризмъ рекомендуетъ обществу воздавать герою особое почтеніе, особое уваженіе.

Наша теорія эгоизма совсѣмъ не то. Она, во-первыхъ, утверждаетъ ничѣмъ не доказанное и даже совершенно неправдоподобное положеніе, что выгода личности—есть выгода общества и наоборотъ. Въ этомъ—первая ошибка нашей теоріи эгоизма. Конечно, выгода всѣхъ личностей, за нѣсколько столѣтій вмѣстѣ взятыхъ, есть выгода общества, это даже простая тавтологія. Но что во множествѣ отдѣльныхъ случаевъ выгода личности противорѣчитъ выгодѣ общества, этого можно не замѣтить лишь тогда, когда мы объ обществѣ думаемъ меньше, чѣмъ объ личности.

Вторая оригинальность нашей теоріи эгоизма есть положеніе, что будто-бы человѣкъ руководствуется въ своихъ поступкахъ разсудкомъ. Когда утилитаризмъ говоритъ о выгодѣ, онъ въ сущности отождествляетъ ее съ *чувствомъ* и *побужденіемъ*; здѣсь просто не точная терминологія. Наша-же теорія ставитъ поступокъ въ зависимость отъ фактора, еще никогда отъ сотворенія міра, не вызвавшего ни одного поступка. Наконецъ, такія побужденія, какъ геройство, самоотверженіе, филантропія т. е. всѣ побужденія общественнаго характера подвергаются презрѣнію, т. е. ослабляются настолько, насколько общественное мнѣніе можетъ ослабить природное чувство человѣка.

Въ общей сложности выходитъ слѣдующее: человѣку разрѣшается вполне быть эгоистомъ, всѣ эгоистическія побужденія санкціонируются «закономъ природы»; затѣмъ всѣ общественныя чувства и побужденія парализуются; наконецъ, контроль надъ поступками поручается *разсудку*, который вовсе не имѣетъ

силы вызвать побужденіе, чувство, или содержать его, а можетъ только указать, какъ удовлетворить существующее уже побужденіе. Изъ всего этого получается не теорія нравственности, а теорія безнравственности.

Конечно, Писаревъ не былъ человѣкомъ безнравственнымъ, но онъ не понималъ самъ, отчего дѣйствуетъ хорошо. Дѣйствовалъ-же онъ хорошо только потому, что былъ созданъ не по своей теоріи. Къ счастью, люди и вообще дѣйствуютъ не по теоріямъ. Только поэтому нашъ доморощенный утилитаризмъ могъ принести только ограниченную долю вреда, облегчая окончательное паденіе лишь тѣмъ лицамъ, которыя имѣли мало общественнаго чувства и сдерживали эгоизмъ лишь постольку, поскольку этого требовало общественное мнѣніе.

При такомъ воспитаніи личности очень важную ошибку составлялъ также *абсолютный идеалъ* хорошаго человѣка. На самомъ дѣлѣ человѣкъ бываетъ хорошъ, т. е. полезенъ обществу, при различныхъ условіяхъ, съ совершенно различными свойствами. Когда мы вырабатываемъ личность на почвѣ общественной пользы и дѣятельности, тогда свойства личности сами собою мѣняются и соотносятся съ требованіями времени. Писаревъ создалъ себѣ *абсолютный идеалъ* личности, а потому счелъ возможнымъ всю общественную дѣятельность свести къ постепенной переработкѣ всего народа по данному шаблону. Разумѣется, эта работа (даже предположивши, что она возможна)—работа столѣтій, а потому совершенно бесплодна, такъ какъ задолго до ея окончанія самый типъ окажется уже вовсе не нужнымъ и быть можетъ даже вреднымъ.

Подводя итоги писаревской доктринѣ, мы должны замѣтить, что она служитъ естественнымъ выводомъ изъ положенія и свойствъ нашей интеллигенціи. Эгоистическая теорія была страстнымъ протестомъ человѣческой личности противъ порабощенія крѣпостного строя. Личность искала выхода, имѣла органическую потребность развернуть силы и ненавидѣла гнеть, ее принижавшій. Но эта-же самая личность была чужда народу, не понимала его, не любила кровною любовью, не видѣла никакой нравственной связи между собою и русскою жизнью. И вотъ, хотя крѣпостной строй давилъ не только личность, но и общество, и всю массу русскихъ людей, протестъ личности разыгрался на почвѣ собственной ея свободы и дополняетъ общее отсутствіе законности въ русской жизни еще требованіемъ собственнаго неограниченнаго произвола.

Нельзя въ достаточной мѣрѣ пожалѣть, что свѣжая струя народной доктрины протекала такимъ слабымъ ручейкомъ въ бо-

лотъ индивидуализма. Если-бы наша интеллигенція и наше общество способны были съ такимъ-же жаромъ и увлеченіемъ обратиться къ народу, съ какимъ разрѣшала вопросы семейнаго и кружковаго общезитія, и посвящали себя всѣмъ тонкостямъ науки, то, быть можетъ, мы теперь были-бы въ другомъ положеніи. Быть можетъ, у насъ было-бы меньше знаменитыхъ химиковъ, гистологовъ и клиницистовъ, но за то навѣрное было-бы больше увѣренности въ своемъ общественномъ развитіи, больше единства и пониманія между народомъ, обществомъ и властью, существовала-бы, конечно, истинно народная партія, сильная, практичная, способная поставить вопросъ реформы на прочную ногу. Добролюбовъ могъ намѣтить общій духъ, общее направленіе, но онъ не имѣлъ никакой возможности выяснить всѣ подробности: что именно дѣлать, какъ приниматься за дѣло. Въ широкомъ дѣлѣ, безъ всякихъ указаній предыдущаго опыта на такую работу нужны были сотни и тысячи наблюдений, попытокъ, пробъ, нужны были тысячи людей, которые-бы при непосредственномъ участіи въ народной жизни уяснили-бы истинно народные идеалы и способы ихъ осуществленія.

Дальше мы увидимъ, какъ мало было сдѣлано въ этомъ отношеніи нашей публицистикой.

И. Е.—ъ.

„КОВАРНЫЯ ПИСЬМА“

ИЛИ

РУССКАЯ MAGNA CHARTA.

(„Воцареніе императрицы Анны Іоанновны“. Историческій этюдъ. Д. А. Корсакова. Казань. 1880).

Обстоятельства, сопровождавшія воцареніе Анны Ивановны, давнымъ-давно всѣмъ извѣстны по иностраннымъ источникамъ, но русскіе офіціальныя документы о нихъ до послѣдняго времени хранились въ секретѣ, въ обложкѣ, на которой императрица Анна сдѣлала надпись: «О коварныхъ письмахъ, какъ я на престолъ взшла». Въ 1877 году эти «коварныя письма» были открыты казанскому профессору Корсакову, и, изучивъ съ помощью ихъ до мельчайшихъ подробностей обстоятельства воцаренія Анны, онъ пришелъ къ выводу, съ которымъ едва-ли согласится кто-нибудь изъ людей, серьезно понимающихъ русскую исторію. Еще до г. Корсакова г. Карновичъ помѣстилъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣчто вродѣ романа, доказывая въ немъ, что «коварныя письма» могли-бы при благоприятныхъ условіяхъ имѣть то-же значеніе, какъ англійская Magna Charta. Но г. Карновичъ говорилъ это больше по вдохновенію, чѣмъ на основаніи фактовъ; профессоръ-же Корсаковъ вынесъ свое убѣжденіе изъ кропотливаго изученія «коварныхъ писемъ» и всѣхъ, относящихся къ нимъ матеріаловъ, и потому его попытка превратить верховниковъ 1730 г. въ русскіихъ Питовъ и Борковъ представляется странною. Книга г. Корсакова положительно можетъ сбить съ толку неопытнаго читателя, недостаточно вооруженнаго свѣденіями для пониманія той истины, что никакая олигархія не можетъ ничего принести народу, кромѣ вреда, а къ чему, какъ не къ олигархія стремились въ 1730 г. верховники и шля-

хетство? Достаточно вспомнить въ общихъ чертахъ предыдущую исторію русскаго боярства, чтобы получить понятіе о замыслахъ авторовъ «коварныхъ писемъ». Русское дворянство никогда не играло роли западной аристократіи *пэровъ*, среди которыхъ король былъ только *первымъ между равными*. Званіе, составившее впоследствии предметъ сословной гордости, первоначально не имѣло въ себѣ ничего *благороднаго*; даже дворовые люди намістниковъ назывались иногда *дворянами*, а въ Малороссіи дворовые старшинъ и шляхетства носили названіе *дворянъ* даже въ XVIII в. Самыя древнія аристократическія фамиліи произошли отъ иноземцевъ, татаръ, литовцевъ, нѣмцевъ, шведовъ, выбѣгавшихъ на службу къ великому князю. Аничковы, Арсеньевы, Ахматовы, Аксаковы, Баскаковы, Болотовы, Вельяминовы-Зерновы, Годуновы, Ермоловы, Мещерскіе, Пушкины, Сабуровы, Урусовы, Хитрово, Чевкины, Апраксины, Бутурлины и т. д. происходили отъ татарскихъ выходцевъ, которые вмѣстѣ съ другими русскими инородцами дали происхожденіе большинству нашего дворянства. Арцыбашевы, Безобразовы, Беклемишевы, Левашевы, Левшины, Толстые—изъ Германіи; Батурины изъ Венгріи; Засѣцкіе, Трубецкіе, Волконскіе, Лихачевы, Ознобишины, Пашковы, Голицыны, Сенявины изъ Литвы и Польши и т. д. При такой разношерстности дворянство не могло ни близко сойтись съ народомъ, ни составить изъ себя плотную корпорацію; все его значеніе зависѣло отъ государева пожалованія; даже бывшіе удѣльные князья превращались въ слугъ великаго князя и считались наравнѣ съ прочими *холопами великаго государя*. Получая за службу земли, постепенно закабалая селившихся на нихъ крестьянъ, наживаясь отъ занимаемыхъ ими должностей, бояре входили въ силу и не разъ дѣлались участниками верховнаго управленія государствомъ, напр., по смерти Василя III, до совершеннѣтїа Грознаго. Въ это время они дѣлали, что хотѣли, деспотствовали даже надъ самимъ Иваномъ, расхищали казну, воровали изъ дворца серебряную посуду и перечеканивали на ней вензеля на свое имя. Извѣстно, съ какимъ чудовищнымъ звѣрствомъ преслѣдовалъ потомъ Грозный и дѣйствительные и мнимые происки боярства; но едва только умеръ онъ, бояре снова подняли голову. Власть захватилъ Годуновъ, правившій именемъ Федора Иваныча. Угождая боярству и монахамъ, Борисъ прикрѣпилъ крестьянъ къ землѣ и съумѣлъ достигнуть трона, на который онъ былъ призванъ будто-бы отъ лица «всей земли» земскимъ соборомъ, составленнымъ только изъ его приверженцевъ. Бояре надѣялись ограничить власть Бориса, но, по-

терпѣвъ неудачу, сдѣлались его врагами, и снова начался терроръ, напоминавшій время Грознаго. Этотъ терроръ, вмѣстѣ съ послѣдствіями закрѣпленія крестьянъ и страшнымъ голодомъ, велъ за собою смутное время, ужасную эпоху, когда все государство распалось на отдѣльныя области и въ каждой изъ нихъ населеніе раздѣлилось на два враждебныхъ лагеря — лучшихъ людей и «сиротъ», — обездоленныхъ крестьянъ, всякаго рода бѣглецовъ, инородцевъ, казаковъ. Среди этого всеобщаго хаоса боярскія интриги дѣйствуютъ съ необываю до тѣхъ поръ силою. Бояре назначаютъ царемъ Федора Годунова, выбраннаго будто-бы отъ всей земли земскимъ соборомъ. Является Дмитрій Самозванецъ. Боярская партія Шуйскихъ свергаетъ его и снова выбираетъ царемъ Василя Шуйскаго. Затѣмъ бояре свергаютъ Шуйскаго и составляютъ изъ себя временное правитель-ство. На царство призывается по-прежнему *всю землю* короле-вичъ Владиславъ, власть котораго бояре ограничиваютъ своего рода «коварными письмами», обязывавшими его, между про-чимъ, охранять закрѣпощеніе крестьянъ. Россія доходитъ до гибели. Народъ массами встаетъ на защиту отечества, и вожа-ки его, вродѣ Ляпунова, обѣщаютъ ему жалованье и волю. Но разоренный, голодный, непрерывно грабимый казаками, поля-ками, шведами, народъ не въ силахъ добиться свободы. Раз-дача помѣстій страшно усиливается, — Лжедмитрій, Шуйскій, «Тушинскій воръ», польскій король Сигизмундъ, даже про-стые воеводы, — всѣ раздаютъ помѣстья. Даже въ то время, какъ народъ, возставъ, спасаетъ Россію, это расхищеніе зе-мель не прекращается и выбранный боярами триумвиратъ изъ вк. Трубецкого, Ляпунова и Заруцкого, ограниченный бояр-скою Думою, раздаетъ земли направо и налево, принимая въ то-же время мѣры къ закрѣпощенію крестьянъ. Враги из-гнаны, Россія спасена. Начинается борьба бояръ за «шапку Мономаха». Опять пошли въ ходъ «коварныя письма» и канди-датомъ на престолъ намѣчается юноша Романовъ, котораго бо-ярство надѣется взять въ свои руки. Отцу молодаго госу-даря, патріарху Филарету, удалось отстоять самодержавіе, но и при Михаилѣ, и при Алексѣѣ боярство было въ большой силѣ, раздача помѣстій усилилась, крѣпостное рабство окончательно утвердилось, злоупотребленія временщиковъ и воеводъ достигли высшей степени, явился расколъ, народъ бѣжалъ во всѣ сто-роны, пошли бунты, настала разиновщина. «Лучшіе люди» сно-ва одержали побѣду и при Федорѣ Алексѣевичѣ бояре замысли-ли даже подѣлить между собою Россію на наследственныя на-мѣстничества: новгородское, казанское, астраханское и др., съ

тѣмъ, чтобы намѣстниками быть «великороднымъ боярамъ вѣчно и титулы имъ тѣхъ царствъ, кто гдѣ будетъ, имѣти и писаться: бояринъ и намѣстникъ князь *имя рекъ* всего царства казанскаго или всего царства сибирскаго и проч., такожде и митрополитамъ—митрополитъ новгородскій и всего Поморья» и т. д. Замыселъ не удался и на этотъ разъ.

Явился Петръ. Онъ заставилъ дворянъ служить на ряду съ простыми солдатами, открылъ доступъ къ должностямъ лицамъ всѣхъ сословій, бралъ своихъ сотрудниковъ изъ людей неродовитыхъ, отодвинулъ старинное боярство на задній планъ. О «коварныхъ письмахъ» при Петрѣ нечего было и думать, но зато бояре начали понемногу учиться, знакомились съ европейскими порядками, узнавали о привилегіяхъ аристократіи въ Польшѣ, Швеціи, Англии, Венеціи. Эти свѣденія пріобрѣтались боярами и путемъ непосредственныхъ наблюденій ихъ за границей, и посредствомъ чтенія тогдашнихъ политическихъ сочиненій. Таково было, напр., переведенное у насъ при Петрѣ и имъ самимъ редактированное «Введеніе въ Гисторію Европейскую» Пуфендорфа, который описывалъ порядки Польши, «Рѣчи Посполитой Венецейской», «Союзаго Бельгіума», который «вольность свою, съ великою кровію полученную, выше почитаетъ прочихъ богатствъ», «Хельветовъ», Англии. Англійскій парламентъ — «наивышній дворъ» по терминологіи автора, изображается въ слѣдующихъ чертахъ. «Онъ не состоитъ на единомъ самомъ наивысшемъ сенатѣ, но подъ нимъ заключается общій чинъ всѣхъ удѣвъ королевства, которые купно съ королемъ о причинахъ общаго статуса или состоянія опредѣляютъ и заключаютъ. Онъ-же раздѣляется на сеймовное сяданіе, вышшее и нишшее. Къ первому надлежатъ вси архіепископи, епископи, князіе, графы и бароны; къ второму-же сяданію надлежатъ вси кавалери и два посланника, безъ которыхъ согласія немощно податки въ королевствѣ ставить». (Стр. 287.) Кромѣ этой книги было еще много другихъ печатныхъ и рукописныхъ переводовъ политическихъ сочиненій—Юста Липсіа, Макиавели, Гуго-Гроція, Локка «О гражданскомъ правительствѣ», Беселя «Политическаго счастья ковачъ», Бокалини «Камень опыта политическаго» и т. д. Въ большей части этихъ сочиненій проводились аристократическія «шляхетскія идеи, и русское боярство увлекалось вольностями «Голандскаго Статуса», «Рѣчи Посполитой Венецейской», «вышняго двора» Англии и т. д. Но этимъ увлеченіямъ и политической образованности тогдашнихъ бояръ нельзя придавать большаго значенія. Образованныхъ между ними было всего человекъ 5, да и на тѣхъ европейское про-

свѣщеніе отражалось чисто-внѣшнимъ образомъ. Василій Лукичъ Долгорукій, напр., прекрасно говорилъ на многихъ европейскихъ языкахъ, былъ по отзыву голштинскаго посланника Басевича «самымъ просвѣщеннымъ и любезнымъ изъ русскихъ людей своего времени», но въ сущности это былъ только омаризившійся бояринъ, другъ іезуитовъ, пропагандировавшій въ Россіи католицизмъ, человекъ лукавый и коварный, готовый жертвовать всѣмъ для выгодъ своей фамліи, которую онъ считалъ самою аристократическою въ Россіи. Въ томъ-же родѣ былъ князь Алексѣй Долгорукій, отличавшійся боярскою спѣсью и самымъ грязнымъ хищничествомъ. Кн. Димитрій Голицынъ зналъ нѣсколько языковъ, имѣлъ библіотеку въ 6,000 томовъ, но образованіе не смягчило его боярскаго самодурства и нисколько не ослабило его приверженности къ до-петровской старинѣ. Онъ презиралъ всѣхъ людей худородныхъ, мечталъ о введеніи въ Россіи боярскаго правленія, облеченнаго въ шведскія формы. Это былъ деспотъ въ древне-русскомъ вкусѣ, какъ и Петръ Великій, но безъ прогрессивныхъ стремленій Петра, безъ его благороднаго увлеченія идеей и самоотверженнаго служенія государству. Голицынъ жилъ по-старинному; даже его младшіе братья, одинъ фельдмаршалъ, а другой сенаторъ, не смѣли сѣсть въ его присутствіи безъ его приглашенія; не только его племянники, но и племянницы, дочери и невѣстки его братьевъ и сестеръ цѣловали его руку. Совершенно въ другомъ родѣ былъ образованный кн. Никита Трубечкой, который ради карьеры жертвовалъ не только совѣстью, но и самолюбіемъ, являясь прихвостнемъ всѣхъ временщиковъ и партій, захватывавшихъ въ свои руки власть. Артемій Волынский, одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, былъ въ то-же время грубѣйшимъ самодуромъ, жестокимъ тираномъ, взяточникомъ, казнокрадомъ, грабителемъ. Изъ менѣе видныхъ дѣятелей того времени, принимавшихъ въ 1730 году участіе въ «коварныхъ письмахъ», выдвигается только личность Татищева, неигравшего, однако, видной роли въ той исторіи, о которой идетъ рѣчь, всѣ-же остальные или не отличались никакими особенными качествами и остались людьми исторически неизвѣстными, или-же были вродѣ Волынскаго, какъ и казненный вмѣстѣ съ нимъ Хрущовъ или Жолобовъ, повѣшенный потомъ за вопіющія злоупотребленія въ Иркутскѣ. Г. Корсаковъ, не упускающій случая облить этихъ людей, говоритъ, что жестокость и казнокрадство были только официальнымъ предлогомъ казни Жолобова. Совершенно вѣрно, — множество губернаторовъ безнаказанно дѣлали то-же самое, что

и Жолобовъ, который былъ ничѣмъ не хуже ихъ, но это-то и характерно для людей, мечтавшихъ о «вышнемъ дворѣ». Вродѣ-же Жолобова были—правитель Малороссіи Вельяминовъ, ненавидимый всѣмъ краемъ, генераль-провіантмейстеръ Сукинъ, преданный суду за мошенничество, Зыбинъ, сосланный за злоупотребленія, кн. Ив. Барятинскій, понесшій наказаніе по дѣлу Жолобова и т. д. Словомъ, тогдашнее шляхетство въ своей массѣ отличалось страшно низкимъ уровнемъ нравственности и такимъ невѣжествомъ, что даже при Екатеринѣ II около половины дворянскихъ депутатовъ въ комиссіи Уложенія оказались безграмотными. Правда, не лучше шляхетства были и новые дѣятели изъ разночинцевъ. Полуграмотный Меньшиковъ вполне заслужилъ аттестацію, данную ему Петромъ, сказавшимъ, что онъ «въ беззаконіяхъ зачатъ, во грѣхахъ рожденъ, и если не исправится, то быть ему безъ головы». Этотъ интриганъ и деспотъ перещеголялъ всѣхъ своихъ современниковъ необузданнымъ хищничествомъ, доходившимъ до того, что онъ держалъ у себя фальшиваго монетчика и пускалъ въ оборотъ перечеканенную имъ низкопробную серебряную монету. («Сборн. Истор. Общ.», XV, 390.) Сдержаннѣе и осторожнѣе, но ничѣмъ не лучше Меньшикова былъ Ягужинскій. Феофанъ Прокоповичъ, при всемъ своемъ умѣ и образованіи, тоже не возвышался надъ нравственнымъ уровнемъ вѣка, и въ борьбѣ, которую онъ велъ за власть съ враждебными ему духовными лицами, проявилъ страшную мстительность, необузданное честолюбіе, безчеловѣчную жестокость. Поборникъ церковной старины, епископъ Георгій Дашковъ отличался въ другомъ родѣ. Будучи еще архимандритомъ Троицко-Сергіевской лавры, онъ жилъ на широкую ногу: прислуги у него было человѣкъ до 20; онъ никогда не ходилъ въ братскую трапезу, а завелъ свой столъ, на церковные вклады содержалъ экипажи и лошадей, строилъ конюшенные дворы и имѣлъ до полутора ста конюховъ. Поѣздки его къ родственникамъ и въ приписные къ лаврѣ монастыри отличались великолѣпиемъ: поѣздъ его состоялъ изъ нѣсколькихъ каретъ и колясокъ, сопровождаемыхъ цѣлымъ обозомъ посуды и разныхъ припасовъ; въ обозѣ находилось до полутора ста человѣкъ служителей и до двухъ сотъ лошадей; дорогой для отдыха и ночлеговъ разбивались палатки. Родственники гащивали у Дашкова въ лаврѣ по цѣлымъ недѣлямъ, не отказывая себѣ ни въ чемъ; онъ дарилъ ихъ хлѣбомъ, разными припасами, экипажами и лошадьми; племянницъ своихъ выдавалъ замужъ за монастырскихъ дворянъ, посылаемыхъ имъ управителями въ лучшія монастырскія вотчины, которыми распорядился самовольно и безъ совѣщанія съ

братію. Кромѣ всего этого, Георгій Дашковъ былъ не чистъ на руку: онъ бралъ взятки съ своихъ подчиненныхъ и дарилъ лошадыи и деньгами знатныхъ людей, въ которыхъ заискивалъ.

Упомянутые нами дѣятели вполнѣ характеризуютъ собою правящій классъ того времени. И даровитые, и бездарные, и образованные, и невѣжды, и дворяне, и разночинцы, и наклонные къ составленію «коварныхъ писемъ», и стоявшіе за существующій порядокъ,—всѣ они преслѣдовали прежде всего свои личные интересы, боролись за власть, за возможность наживы. Пока живъ былъ Петръ, онъ еще сдерживалъ ихъ хищные инстинкты, но лишь умеръ онъ, всѣ партіи подняли голову, вступили въ борьбу, и, по выраженію кн. Щербатова, «бѣдная Россія, яко вотчина или какого-нибудь приватнаго человѣка имѣніе», начала переходить изъ рукъ въ руки временщиковъ и фаворитовъ. «Они, говоритъ своимъ выразительнымъ языкомъ Пушкинъ,—не знали мѣры своему корыстолюбію, и самые отдаленные родственники временщика съ жадностью пользовались краткимъ его царствованіемъ. Отселѣ произошли сіи огромныя имѣнія вовсе неизвѣстныхъ фамилій и совершенное отсутствіе чести и честности въ высшемъ классѣ народа. Отъ канцлера до послѣдняго протоколиста все крало и все было продажно». На первый разъ взяли верхъ худародные птенцы Петра Великаго. Умираетъ Екатерина, Меньшиковъ собирается женить Петра II на своей дочери, но Остерманъ и Долгорукіе свергаютъ Меньшикова. Державный отрокъ обручается съ княжной Долгорукой, родственники которой увозятъ его въ Москву, приучаютъ къ кутежамъ и охотѣ, преждевременно будятъ его страсти, доставляя, наприм., свиданіе съ одной дѣвушкой, которой было обѣщано за это 50,000 рублей («Сборн. Истор. Общ.», III, 513.) Въ то-же время Долгорукіе начинаютъ распоряжаться въ государствѣ, какъ въ своей вотчинѣ, и расхищаютъ во дворцѣ драгоценности, посуду, мебель, деньги, экипажи, принадлежности охоты, даже церковную утварь. Державный отрокъ умираетъ отъ оспы. Долгорукіе составляютъ отъ его имени завѣщаніе, «якобы онъ учинилъ своею наследницею невѣсту свою княжну Екатерину», и кн. Иванъ, фаворитъ государя, поддѣлываетъ подъ этой духовной его подпись. Собрался верховный совѣтъ, состоявшій изъ Головкина, Остермана, двухъ Долгорукихъ и Голицына, которые пригласили на совѣщаніе еще двухъ Долгорукихъ и одного Голицына. Долгорукій, отецъ государевой невѣсты, заявилъ объ упомянутомъ завѣщаніи, но Голицыны сразу оборвали его, обя-

вивъ его подложнымъ. Императрицею была избрана курляндская герцогиня Анна Ивановна. «Ваша воля, замѣтилъ при этомъ Дм. Голицынъ, — только надобно себя полегчить». — «Какъ это полегчить?» спросилъ Головкинъ. — «Такъ полегчить, чтобы воли себя прибавить, отвѣчалъ Голицынъ. — Надобно, написавъ, послать къ ея величеству *пункты*». Въ то время, какъ верховники совѣщались, въ другой залъ ожидали ихъ рѣшенія «особы изъ сената и генералитета». Генераль-прокуроръ Ягужинскій, отвѣдя въ сторону камергера С. Долгорукаго, началъ убѣждать его: «долго-ли намъ терпѣть, что намъ головы сѣкутъ? Теперь время, чтобы самодержавію не быть». Долгорукій отвѣчалъ уклончиво. Когда верховники вышли изъ своей залы, Ягужинскій снова началъ говорить имъ «съ великимъ желаніемъ»: «батьюшки мои, прибавьте намъ какъ можно больше воли». Дм. Голицынъ сказалъ, «что станетъ писать пункты, чтобъ не быть самодержавію». Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній «пункты» эти были редактированы окончательно. Императрица обязывалась ими безъ согласія верховнаго совѣта —

1. «Ни съ кѣмъ войны не всчинять.

2. Миру не заключать.

3. Вѣрныхъ нашихъ подданныхъ никакими новыми податями не отягощать.

4. Въ знатные чины, какъ въ статскіе, такъ и въ военные, сухопутные и морскіе, выше полковничья ранга не жаловать, ниже къ знатымъ дѣламъ не опредѣлять никого, и гвардіи и прочимъ полкамъ быть подъ вѣденіемъ верховнаго тайнаго совѣта.

5. У шляхетства живота и имѣнія и чести безъ суда не отымать.

6. Вотчины и деревни не жаловать.

7. Въ придворные чины, какъ русскихъ, такъ и иноземцевъ, безъ совѣту верховнаго тайнаго совѣта не производить.

8. Государственные доходы въ расходъ не употреблять.

И всѣхъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ въ неотмѣнной своей милости содержать. А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны російской».

Верховники, такимъ образомъ, присвоивали себѣ всю власть, лишая государыню возможности играть какую-бы то ни было видную роль и создать себѣ партію посредствомъ раздачи чиновъ и деревень. Когда для окончательнаго избранія Анны собрались сенатъ, синодъ, генералитетъ, а «изъ коллегій до бригадира», верховники ничего не сказали имъ о пунктахъ, уже отпращенныхъ въ Митаву къ Аннѣ. Затѣмъ они распорядились:

1) оцѣпить всю Москву заставами, поставивъ по всѣмъ трактамъ на разстояніи въ 30 верстахъ отъ города по унтеръ-офицеру съ нѣсколькими человекѣми солдатъ, которые обязаны пропускать ѣдущихъ изъ Москвы только съ паспортами, выданными отъ верховнаго тайнаго совѣта; 2) изъ ямскаго приказа, завѣдывавшаго почтами, никому не выдавать ни подводъ, ни подорожныхъ и никуда не посылать эстафетъ; 3) вольнонаемнымъ извозчикамъ наниматься запретить; 4) провѣдывать не проѣхали ли кто, по какимъ подорожнымъ и куда изъ Москвы 18 января, и буде кто проѣхалъ, то записывать, по чьимъ подорожнымъ. (Стр. 15—16.)

Но верховники не сумѣли сохранить своей тайны; вѣсть объ ихъ замыслѣ распространилась по городу и произвела большое волненіе. Ягужинскій, обиженный тѣмъ, что верховники не приняли его въ свою среду, отправилъ тайно гонца къ Аннѣ, совѣтуя ей не подписывать пунктовъ, самовольно составленныхъ верховниками. Возбужденіе умовъ генералитета и шляхетства, во множествѣ собравшагося въ Москву по случаю обрученія Петра II съ кн. Долгорукою, было сильное. «Жалостное вездѣ по городу видѣніе стало и слышаніе, пишетъ Ф. Прокоповичъ. Куда ни прийдешь, къ какому собранію ни пристанешь, не иное что было слышать, только горестныя нареканія на осмиричныхъ оныхъ затѣйщиковъ: всѣ ихъ жестоко порицали, всѣ проклинали необычное ихъ дерзновеніе, несытое лакомство и властолюбіе. И вездѣ въ одну, почитай, рѣчь говорено, что если по желанію оныхъ господъ сдѣлается (отъ чего сохранялъ-бы Богъ!), то крайнее всему отечеству настоще бѣдство. Самымъ имъ господамъ нельзя быть долго съ собою въ согласіи: сколько ихъ есть человекъ, чуть-ли не только явится атамановъ междоусобныхъ браней, и Россія возьметъ скаредное оное лицо, каковое имѣла прежде, когда, на многія княженія расторгнена, бѣдствовала». Мелкое шляхетство и новое дворянство, вышедшее въ люди службою, естественно боялись тираніи старинной боярщины и толковали, какъ-бы, обуздавъ верховниковъ, «прибавить воли» всему шляхетству. Нѣкоторые предлагали даже перерѣзать всѣхъ верховниковъ. (Стр. 90.) «Новый образъ правленія, составляемый вельможами, писалъ саксонскій посланникъ Лефортъ, — даетъ поводъ къ волненію въ мелкомъ дворянствѣ; среди него слышатся подобнаго рода разговоры: «знатные предполагаютъ ограничить деспотизмъ и самодержавіе; эта власть должна быть умѣрена совѣтомъ, который мало-по-малу захватитъ въ свои руки бразды правленія; кто-же намъ поручится, что современемъ вмѣсто одного государя не явится столько тирановъ, сколько членовъ въ совѣтъ, и

что они своими притъсненіями не увеличатъ нашего рабства? У насъ нѣтъ установленныхъ законовъ, которыми могъ-бы руководиться совѣтъ; если его члены сами станутъ издавать законы, они во всякое время могутъ ихъ уничтожить, и въ Россіи начнется анархія». (Стр. 92—93.) Между тѣмъ 1 февраля 1730 г. изъ Митавы были получены и объявлены чиновничеству и шляхетству «пункты», уже подписанные Анною. Волненіе усилилось еще болѣе, особенно послѣ того, какъ верховники арестовали Ягужинскаго. Шляхетство толковало о новыхъ проектахъ государственнаго устройства. «Русское государство, писалъ Лефорть, представляетъ такой хаосъ, въ которомъ трудно что-либо разобрать; сколько головъ — столько и плановъ; каждый умствуетъ, слѣдуя своему слабому сужденію; не имѣя понятія о свободахъ, ее смѣшиваютъ съ своеволіемъ. Въ Россіи будетъ господствовать безначаліе». (Стр. 127.) Верховники принуждены были дозволить шляхетству высказать желанія его. «Двери залы, гдѣ засѣдаетъ верховный совѣтъ Россіи, пишетъ датскій посланникъ Вестфаленъ, были цѣлую недѣлю открыты для всѣхъ желающихъ высказаться и предложить что-нибудь за или противъ предполагаемаго преобразованія въ прежнемъ правленіи Россіи. Это право получили генералы, бригадиры и полковники, а также и всѣ члены сената и другихъ государственныхъ коллегій съ чиномъ не ниже полковника; были приглашены епископы и архимандриты, но не всѣ сразу, а группами изъ 3-хъ епископовъ и 3 архимандритовъ. При этомъ наговорили столько хорошаго и дурнаго за и противъ новаго учрежденія, защищали и оспаривали это съ такимъ ожесточеніемъ, что смятеніе достигло, наконецъ, громаднхъ размѣровъ и можно было опасаться возстанія, но оба фельдмаршала не изъ такихъ людей, которые скоро поддаются страху». (Стр. 135.) Въ верховный совѣтъ подано было 12 проектовъ съ 1,118 подписями. Всѣ эти проекты требовали учрежденія вышняго правительства, полагая въ немъ отъ 12 до 30 членовъ изъ «фамилныхъ особъ», и нижняго правительства изъ членовъ отъ шляхетства. Всѣ эти шляхетскіе проекты крайне сбивчивы и неясны и изъ нихъ видно только, что, испугавшись «семибоярщины» верховниковъ, шляхетство пожелало тоже принять участіе въ управленіи государствомъ, надѣясь на первый разъ сократить срокъ своей обязательной службы, оградить себя отъ произвола, добиться привилегіи поступленія на службу прямо офицерами, отмѣнить невыгодный петровскій законъ о маюратѣ. Подобно верховникамъ, шляхетство желало также перенесенія столицы изъ Петербурга въ Москву. Правда, что «нѣкоторые проекты, какъ говоритъ г. Корса-

ковъ, прямо называютъ интересы шляхетства *общенародіемъ и общимъ дѣломъ*, ставя, такимъ образомъ, шляхетство охранителемъ интересовъ всѣхъ остальныхъ сословій» (стр. 177), но вѣдь такую-же охранительницею интересовъ народа считала себя и польская шляхта, неудачною копіей которой было наше шляхетство. Могло-ли оно заботиться о народѣ, когда крѣпостное рабство послѣдняго служило основой дворянскаго благосостоянія? Правда, и верховники, и шляхетство говорили объ уменьшеніи податей, но это было прямо въ помѣщичьихъ интересахъ, такъ какъ чѣмъ меньше брала бы съ мужика казна, тѣмъ болѣе оставалось-бы барину. Профессоръ Корсаковъ беретъ на себя даже защиту верховниковъ. «Олигархія, nepотизмъ! говоритъ онъ,—вотъ какія восклицанія раздавались и раздаются при разсужденіяхъ о дѣятельности верховниковъ, и этими восклицаніями думаютъ порѣшить все. Весьма естественно, что такой взглядъ не можетъ почестся серьезнымъ, тѣмъ болѣе научнымъ. Историкъ не вправѣ судить на основаніи общихъ и предвзятыхъ воззрѣній; но олигархизмъ верховниковъ пытаются доказать и инымъ способомъ: предположеніемъ на основаніи неизвѣстнаго. Что было-бы, если-бы верховники успѣли въ своихъ намѣреніяхъ? Такой вопросъ, очень любимый нѣкоторыми историками, представляется намъ празднымъ и анти-историческимъ. Что было-бы, если-бы не Іоаннъ III покорилъ Новгородъ, а новгородцы побѣдили-бы московскаго великаго князя; что было-бы, если-бы Борисъ Годуновъ не прикрѣпилъ къ землѣ крестьянъ? Что было-бы, если-бы Карлъ XII побѣдилъ Петра подъ Полтавой? и т. д. Такихъ фантастическихъ вопросовъ можно наставить безчисленное множество, но совершенно безцѣльно и безрезультатно. Между тѣмъ на такой вопросъ относительно верховниковъ отвѣчаютъ обыкновенно, что если-бы они восторжествовали, то Россія, разрываемаѣя олигархіей, превратилась-бы въ юдоль плача и стенанія. Осуждать верховниковъ на основаніи такого предположенія странно, по очень простой причинѣ: мы не знаемъ, что было-бы, если-бы верховники одержали побѣду». (Стр. 294.) Ахъ, г. профессоръ, ужели мы не можемъ знать, что было-бы, если-бы просвѣщеніемъ народа овладѣли іезуиты, если-бы освобожденіемъ крестьянъ руководили исключительно крѣпостники, если-бы во Франціи снова воцарились Бурбоны и т. д. Съ «вышнимъ правительствомъ изъ фамильныхъ особъ», притомъ такихъ, какъ Долгорукіе, и съ «нижнимъ» изъ невѣжественнаго, полудикаго шляхетства, Россія могла превратиться во вторую Польшу, если-бы только удалось прочно утвердиться въ жизни принципамъ «коварныхъ писемъ». Даже безъ

тѣхъ привиллегій, о которыхъ возмечтало дворянство въ 1730 г., крѣпостное порабощеніе народа усиливалось въ продолженіи всего XVIII в., что-же было-бы, если-бы руки у шляхетства были совершенно развязаны? Если ужъ англійскій парламентъ систематически расхищалъ народныя земли, то наши «фамилійныя особы» и «шляхетный корпусъ» и подавно не положили-бы охулки на руку. Въмѣсто бироновщины получилась-бы «семибоярщина», «рѣчь посполитая» съ личностями, вродѣ Долгорукихъ и Волынскихъ во главѣ.

Верховники принуждены были сдѣлать уступки требованіямъ шляхетства, какъ выразился В. Долгорукій, «чтобы народъ узналъ, что къ пользѣ народной дѣла начинать хотятъ». (Стр. 215.) Но народъ съ ужасомъ говорилъ обо всѣхъ этихъ затѣяхъ, тѣмъ болѣе, что Остерманъ, Прокоповичъ, друзья Ягужинскаго и другіе сторонники самодержавія распускали по Москвѣ подробные рассказы о томъ, какъ князя Долгорукіе не заботились о здоровьи покойнаго императора, какъ они обкрадывали дворцовое и государственное казначейство и, наконецъ, о томъ, какъ они сочинили подложную духовную Петра II, по которой наследницей престола назначалась кн. Екатерина. Въ этихъ рассказахъ дѣйствительность изукрашивалась фантазіей, такъ, напр., говорили, что фаворитъ Петра II, кн. Иванъ Алексѣевичъ Долгорукій, едва только императоръ испустилъ духъ, вышелъ съ обнаженной саблей къ народу, окружавшему Лефортовскій дворецъ, и закричалъ: «да здравствуетъ императрица Екатерина!» Въ простомъ народѣ, среди черни, рассказы объ усиліяхъ Долгорукихъ возвести на престолъ кн. Екатерину принимали чудовищно-легендарные размѣры; въ послѣдствіи по Москвѣ ходили даже слухи, что князя Долгорукіе обвѣнчали кн. Екатерину, уже послѣ смерти императора, съ его трупомъ. Среди шляхетства составила новая значительная партія, боявшаяся верховниковъ и надѣявшаяся получить особыя милости Анны за поддержку ея власти. «Слышно здѣсь, говорится въ запискѣ этой партіи,—что дѣлается или уже и сдѣлано — чтобъ быть у насъ республикѣ. Я зѣло въ томъ сумнителенъ» — такъ начинаетъ авторъ свою записку. «Боже сохрани, продолжаетъ онъ,—чтобъ не сдѣлалось вмѣсто одного самодержавнаго государя десяти самовластныхъ и сильныхъ фамилій; и такъ мы, шляхетство, совсѣмъ принуждены будемъ горше прежняго идолопоклонничать и милости у всѣхъ искать, да еще и сыскать будетъ трудно, понеже нынѣ между главными какъ-бы согласно ни было, однакожь впредь, конечно, у нихъ безъ раздоровъ не будетъ, и такъ одинъ будетъ миловать, а другіе, на того злобствуя, вредить и

губить станутъ». (Стр. 264.) Сторонники Анны, несмотря на усиленный надзоръ за нею верховниковъ, завязали съ нею тайныя сношенія, подготовили на всякій случай часть войскъ и 25 февраля передъ государыней предстала депутація изъ 800 человекъ отъ сената, синода, генералитета и шляхетства съ просьбою «воспріять самодержавіе» и утвердить новую форму правленія, какую выработаетъ собраніе «всего генералитета, офицеровъ и шляхетства, по одному или по два отъ фамиліи». Императрица попросила шляхетство въ другую залу, чтобы тамъ оно хорошенько обсудило свое желаніе. Такимъ образомъ шляхетство получило ясный намекъ на то, чего собственно жаждетъ императрица и въ какомъ смыслѣ ему нужно высказаться. Вѣроятно, были приняты мѣры, чтобы шляхетство не выпускать изъ дворца, потому что, по всѣмъ свидѣтельствамъ, оно удалось въ другую дворцовую залу на совѣщаніе, что и какъ выразить императрицѣ. Верховники были также благовидно арестованы: Анна Іоанновна пригласила ихъ обѣдать. Въ то время, какъ шляхетство удалилось совѣщаться, оставшіеся въ аудіенцъ-залѣ гвардейскіе офицеры подняли шумъ и крикъ. — «Мы не желаемъ, кричали они, чтобы предписывали государынѣ законы; она должна быть такою-же самодержицею, какъ были ея предки!» Шумъ и движеніе до того усилились, что императрица сочла нужнымъ пригрозить офицерамъ, но они, припадая къ ея ногамъ, кричали: «Государыня, мы вѣрные рабы вашего величества, вѣрно служили вашимъ предшественникамъ и готовы пожертвовать жизнію на службѣ вашему величеству; но мы не потерпимъ вашихъ злодѣевъ. Повелите—и мы сложимъ къ вашимъ ногамъ ихъ головы». Тогда Анна Іоанновна приказала имъ повиноваться Салтыкову. Онъ сталъ во главѣ гвардейцевъ и первый привѣтствовалъ Анну самодержавной государыней; за нимъ послѣдовали всѣ находившіеся въ аудіенцъ-залѣ. Между тѣмъ, какъ происходила описанная сцена, шляхетство обсуждало вопросъ: какимъ образомъ возблагодарить императрицу за милостивое принятіе челобитной? Долго толковало шляхетство, наконецъ, порѣшило, что ему остается только просить государыню «всемилоостивѣйше принять самодержавство». Тогда Анна велѣла принести «пункты», и «тѣ пункты ея величество при всемъ народѣ изволила, принявъ, изодрать». Затѣмъ назначенъ былъ праздникъ.

Иллюминація 25 февраля не могла затмить своимъ свѣтомъ сѣвернаго сіянія, бывшаго въ тотъ-же вечеръ: весь горизонтъ казался залитымъ кровью. «Это явленіе природы, говорятъ Мааштейнъ, произвело такое впечатлѣніе на суевѣрный народъ, что

всѣ были приведены въ ужасъ и въ послѣдствіи русскіе говорили, что предзнаменованіе это было слишкомъ оправдано тѣми потоками крови, которые Биронъ проливалъ въ странѣ». Въ тотъ-же день кн. Д. М. Голицынъ, въ кругу своихъ друзей, какъ-бы объяснилъ то предчувствіе, которое на многихъ навредило страхъ. «Пиръ былъ готовъ, говорилъ онъ,—но гости были недостойны его. Я знаю, что я буду его жертвою! Такъ и быть, я пострадаю за отечество; я близокъ къ концу моего жизненнаго поприща, но тѣ, которые заставляютъ меня плакать, будутъ проливать слезы долѣе меня!» (Стр. 278.)

Преслѣдованія и казни верховниковъ продолжались во все царствованіе Анны, но смѣшно считать ихъ мучениками за правду: если-бы они не пали въ борьбѣ за власть, то несомнѣнно начали-бы поражать своихъ противниковъ такими-же казнями и ссылками, какія выпали на долю этихъ послѣднихъ отпрысковъ московской боярщины, въ «коварныхъ письмахъ» которыхъ казанскій профессоръ усмотрѣлъ своего рода Magna Charta.

S. S.

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ ПО ИЗСЛѢДОВАНІЮ ПОЗЕМЕЛЬНОЙ ОБЩИНЫ.

I.

Пятидесятые годы нынѣшняго столѣтія были особенно оживлены дѣятельностью по отношенію къ изслѣдованію значенія нашей сельской поземельной общины. Пренія объ общинѣ занимали тогда почти все болѣе или менѣе интеллигентное общество, члены котораго раздѣлялись на два противоположные лагеря: на защитниковъ и противниковъ общины. Полемика происходила преимущественно на теоретической почвѣ: фактическаго матеріала о современномъ состояніи общины почти не существовало. Несмотря на это, сторонники общины сдѣлали свое дѣло. Во-первыхъ, они сумѣли возбудить въ обществѣ интересъ къ этому важному вопросу; а, во-вторыхъ, отстаивали общину, по крайней мѣрѣ, настолько, что изданное вслѣдъ за тѣмъ «Положеніе 19 февраля», несмотря на всѣ тогдашніе нападки на общину, отнеслось къ ней очень снисходительно и не заключало никакихъ особенно рѣзко выраженныхъ стремленій къ ея уничтоженію.

Вслѣдъ за тѣмъ наступило затишье, которое продолжалось до семидесятыхъ годовъ, когда постепенно и незамѣтно опять сталъ выплывать наружу этотъ насущнѣйшій вопросъ нашего времени. Наконецъ, 1878-й годъ далъ заразъ три программы для фактическаго изслѣдованія поземельной общины. Фактъ знаменательный въ томъ отношеніи, что изданіемъ программъ, въ разработкѣ которыхъ принимали участіе ученые общества, положено было прочное начало новому—фактическому—приему изслѣдованія общины и всѣ мы «обѣими руками» росписались въ полномъ невѣжествѣ по отношенію къ фактической сторонѣ изслѣдуемаго вопроса.

Такимъ образомъ почти одновременно въ маѣ мѣсяцѣ 1878 года явились въ свѣтъ двѣ программы, выработанныя Императорскимъ вольно-экономическимъ и географическимъ обществами и—въ іюлѣ, программа г. Ефименко; а затѣмъ уже въ Августѣ 1879 г. явилась еще новая программа г. В. Трирогова, напечатанная въ августовской книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». Вслѣдъ за появленіемъ этихъ программъ, о нихъ заговорили почти всѣ наши газеты и журналы. Наиболее подробныя замѣтки по поводу первыхъ программъ появились, насколько мы помнимъ, въ «Дѣлѣ», «Отечест. Запис.» и главнымъ образомъ въ «Недѣлѣ» (1878 г. № 36.)

Разборъ этихъ программъ привелъ, между прочимъ, къ вопросу, должна-ли программа для изслѣдованія нашей сельско-поземельной общины быть только юридической, или въ тоже время и экономической («Недѣля» № 36.)

Географическое общество, разрѣшая этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, раздѣлила свою программу на двѣ рѣзко другъ отъ друга отличныя части. Въ первой части оно помѣстило рядъ вопросовъ, предназначенныхъ для изслѣдованія порядковъ пользованія землею при общинномъ участковомъ владѣніи, а вторую часть, — часть, такъ-назыв. «справочныхъ свѣденій», посвятило собственно изслѣдованію экономического положенія тѣхъ-же мѣстностей по общинамъ, окологкамъ, приходамъ, дворамъ и т. п. Опытъ согласить обѣ части программы такимъ образомъ, чтобы вся она давала возможность обстоятельнаго и всесторонняго изслѣдованія данныхъ мѣстностей по отношенію къ способамъ владѣнія землею со стороны юридической и экономической, не удался географическому обществу, какъ справедливо указываетъ на это г. Черниговецъ въ статьѣ «Три программы для изученія общины» (См. «Недѣлю» 1878 № 36.)

Едва-ли удачнѣе была и попытка г. Ефименко, слѣланная въ томъ-же смыслѣ. Причину этихъ неудачъ г. Черниговецъ ищетъ не въ личной неумѣлости составителей программъ (какъ думали бы мы), «а въ самой сущности задачи». Онъ находитъ, что изученіе общиннаго владѣнія землею — въ чемъ мы съ нимъ совершенно согласны — особенно важно въ смыслѣ опредѣленія его вліянія на хозяйственный и экономическій бытъ крестьянства и потому задача изслѣдованія распадается на изученіе собственно формъ землевладѣнія—«общинной и въ параллель съ ней участковой»—(программа съ юридическимъ характеромъ) и на изученіе хозяйственнаго и экономического быта крестьянъ—экономическая программа, требующая «совершенно особыхъ пріемовъ» и предполагающая описаніе разныхъ типовъ

хозяйствъ—богатаго, средняго и бѣднаго». (?) «Эти двѣ отдѣльныя программы составляютъ, по мнѣнію г. Черниговца, «простѣйшіе элементы программъ для *собиранія свѣденій*». Затѣмъ, уже для сопоставленія отвѣтовъ на одну программу съ отвѣтами на другую,—для выясненія себѣ вліянія формъ землевладѣнія на экономическій бытъ земельныхъ владѣльцевъ, по мнѣнію-же г. Черниговца, необходима новая программа, «въ которой задача причинной связи и экономическихъ послѣдствій выяснилась-бы систематически цѣлымъ рядомъ соответственныхъ вопросовъ». «Такую программу въ извѣстномъ смыслѣ, пожалуй, и можно назвать *экономической* программой объ общинѣ, но она во всякомъ случаѣ будетъ служить не для *первоначальнаго собиранія*, а для *обработки* готоваго матеріала. Ея вопросы — вопросы сравненія и вывода. Поэтому программа «для собиранія» должна быть совершенно очищена отъ всѣхъ подобныхъ вопросовъ, которые въ ней способны породить только путаницу и общія мѣста, что въ переводѣ означаетъ: программа объ общинѣ останется съ однимъ юридическимъ характеромъ» (?).

Такимъ образомъ г. Черниговецъ, полагая, что «общественное значеніе мірскаго владѣнія лежитъ, главнымъ образомъ, въ его экономическихъ послѣдствіяхъ», для изученія которыхъ одинъ изъ «простѣйшихъ элементовъ» программы *для собиранія свѣденій* долженъ представлять собою рядъ вопросовъ, направленныхъ къ изслѣдованію «хозяйственнаго и экономическаго быта крестьянъ», находитъ, что «программа объ общинѣ» должна «въ переводѣ» остаться съ однимъ юридическимъ характеромъ и что часть программы *для собиранія свѣденій*, направленная къ изслѣдованію «экономическаго быта» не можетъ быть названа *экономической* (?!), потому что таковою можетъ быть названа только (?) программа «высшаго порядка», предназначенная *для обработки* уже готоваго матеріала. Другой непосредственный выводъ г. Черниговца изъ всѣхъ предыдущихъ его разсужденій на тему о полной необходимости и совершенной въ тоже время ненужности программы «для собиранія» «съ экономическомъ характеромъ» заключается въ томъ, что всякая путаница вредитъ дѣлу, а потому «программа для собиранія должна быть очищена отъ всѣхъ подобныхъ вопросовъ», т. е. отъ вопросовъ сравненія и вывода, свойственныхъ программѣ высшаго порядка, служащей для *обработки* матеріала, и потому — опять-же — «программа объ общинѣ» «въ переводѣ» останется съ однимъ юридическимъ характеромъ» (!).

По нашему мнѣнію, всякая путаница дѣйствительно вредитъ дѣлу и потому г. Черниговцу естественно опасаться за

успѣхъ дѣла въ томъ случаѣ, если къ программѣ для собиранія свѣденій экономическаго характера, случайно, по какой-нибудь ошибкѣ или недоразумѣнію прибавится къ-нибудь рядъ вопросовъ, свойственныхъ программѣ эконоомическаго характера, предназначенной «для сравненія и вывода», «для обработки уже готоваго матеріала». Въ результатѣ такого мѣспва, естественно, вышла-бы путаница, но только во всякомъ случаѣ не столь рѣзкая и опасная, какая произошла въ выводахъ самого г. Черниговца, такъ осторожно относящагося ко всему, способному породить какую-бы то ни было путаницу. Потому что разсматривая двѣ программы экономическаго характера,—программу низшаго порядка «для собиранія свѣденій» и программу высшаго порядка «для обработки уже готоваго матеріала», для «сравненія и вывода» и считая необходимымъ, какъ первый, такъ и второй родъ программы, г. Черниговецъ смѣшиваетъ понятія объ обѣихъ программахъ въ одно и, заявляя въ одномъ мѣствѣ о необходимости программы для *собиранія* свѣденій объ экономическомъ и хозяйственномъ бытѣ крестьянъ, въ другомъ мѣствѣ говорить уже о ненужности и даже вредѣ такой, невѣдомымъ для насъ образомъ производящей путаницу, программы. Въ концѣ-же концовъ рѣшаетъ дѣло такимъ образомъ, что должны быть *только двѣ* программы: одна—юридическаго характера—для собиранія свѣденій собственно о формахъ землевладѣнія, а другая—програма высшаго порядка для обработки уже готоваго матеріала, для сравненія и вывода.

Спрашивается, изъ чего-же будутъ дѣлаться эти выводы и съ чѣмъ будутъ производиться сравненія, когда, какъ извѣстно, програма «для обработки» подразумеваетъ сопоставленіе формъ владѣнія съ ихъ *экономическими* послѣдствіями, а г. Черниговецъ совершенно устраняетъ програму для собиранія свѣденій объ экономическомъ и хозяйственномъ бытѣ крестьянъ, т. е. объ этихъ самыхъ «послѣдствіяхъ», оставляя только одну програму юридическаго характера для собиранія свѣденій о формахъ землевладѣнія и какъ результатъ и непосредственное ея послѣдствіе,—программу для *обработки* готоваго (?) матеріала.

При такой постановкѣ вопроса, на какой остановился г. Черниговецъ, обработка готоваго матеріала въ смыслѣ сравненій и выводовъ является положительно не возможной именно вслѣдствіе отсутствія матеріала, который-бы долженъ былъ заготовиться изслѣдованіемъ экономическаго быта по устраненной г. Черниговцемъ экономической программѣ для собиранія. Между тѣмъ поставленный такимъ образомъ вопросъ, повидимому, остался въ томъ-же совершенно ненормальномъ положеніи,—по-

крайней мѣрѣ, мы ни разу не встрѣтили опроверженія мнѣнію г. Черниговца. Только г. Трироговъ своимъ «проектомъ программы», представляющимъ, по его словамъ, плодъ трудовъ нѣсколькихъ изслѣдователей и помѣщеннымъ въ «Отечест. Запискахъ» уже послѣ статьи г. Черниговца, вопреки мнѣнію послѣдняго, далъ, послѣ опытовъ Географическаго общества и г. Ефименко, новое, такъ-сказать, доказательство необходимости [совмѣстнаго существованія двухъ программъ, «для собиранія», представилъ и наиболѣе удачный, сравнительно съ предыдущими, «проектъ» подобнаго соглашенія юридической и экономической программы.

Находя въ высшей степени необходимымъ *одновременное* изслѣдованіе, какъ формъ землевладѣнія, такъ и экономического и хозяйственнаго быта землевладѣльцевъ въ каждой данной мѣстности для выясненія не только «хозяйственно-экономическаго», но даже и нравственнаго вліянія различныхъ формъ землевладѣнія, мы тѣмъ болѣе считаемъ себя обязанными выяснить свой взглядъ по этому поводу, что большинство изданныхъ программъ, если не всѣ, то большую часть своихъ вопросовъ посвящали именно изслѣдованію формъ землевладѣнія, а экономическій бытъ совершенно почти оставили въ сторонѣ.

Возможно лучшее изученіе общины и вообще формъ владѣнія землею необходимо намъ въ данное время для того, чтобы, уяснивъ положеніе нашей общины и экономическое и нравственное вліяніе вообще всѣхъ формъ землевладѣнія на бытъ всѣхъ сословій землевладѣльцевъ,—съ помощью этихъ, пріобрѣтенныхъ нами знаній, можно-бы было сдѣлать что-нибудь для ея пользы въ смыслѣ созданія наиболѣе способствующихъ ея существованію условій (если только будетъ признана необходимость ея существованія). Это является тѣмъ болѣе необходимымъ, что община наша и общинные инстинкты постепенно разрушаются и исчезаютъ подъ вліяніемъ нынѣшнихъ социальнo-экономическихъ условій и кулачества, держащаго въ своихъ ежевыхъ рукавицахъ, въ особенности общину. Всѣ почти социальнo-экономическія условія—противъ общины; наше, такъ-называемое, общество только и думаетъ о томъ, какъ-бы отправить на тотъ свѣтъ эту вредную для него незнакомку; законодательство съ своей стороны предоставляетъ болѣе или менѣе широкія права и возможность къ переходу отъ общиннаго владѣнія земель къ частному или личному. Поэтому именно теперь, какъ никогда болѣе, необходимо направить изученіе формъ владѣнія землею въ смыслѣ опредѣленія изъ вліянія на социальнo-экономическій бытъ землевладѣльцевъ для огражденія общины

отъ окончательнаго распада, потому что создавать совершенно разрушившуюся общину, въ случаѣ надобности вновь, было бы гораздо труднѣе, чѣмъ создать для нея теперь-же такія условія, которыя могли-бы поддержать и продолжить ея существованіе.

Всестороннее изслѣдованіе не только общинной, но и всѣхъ формъ землевладѣнія вообще, необходимо должно дать намъ много драгоцѣннѣйшихъ данныхъ для правильной постановки вопроса о землевладѣніи, который изучался раньше преимущественно на основаніи лишь тѣхъ порядковъ и формъ владѣнія землею, какія существовали и существуютъ въ Западной Европѣ, почти не касаясь до тѣхъ, какія существуютъ у насъ въ Россіи, земельныя формы владѣнія, которой рѣзко отличаются отъ землевладѣльческихъ порядковъ остальной Европы. Такой пробѣлъ въ дѣлѣ изученія формъ владѣнія землею и ихъ вліянія на экономическую жизнь населенія въ значительной степени подрываетъ довѣріе къ тѣмъ политико-экономическимъ положеніямъ и законамъ относительно землевладѣнія, которые сложились за недостаткомъ необходимаго фактическаго матеріала.

И этотъ-то пробѣлъ необходимо долженъ пополниться всестороннимъ изученіемъ существующихъ въ Россіи землевладѣльческихъ порядковъ, такъ-что изученіе ихъ является чрезвычайно важнымъ дѣломъ въ интересахъ экономической науки, въ смыслѣ выясненія и поправки политико-экономическихъ тезисовъ и положеній, касающихся этого вопроса.

Это-же изученіе должно дать намъ правильное пониманіе вліянія существующихъ формъ владѣнія на экономической и хозяйственный бытъ и даже на нравственный складъ земледѣльческаго населенія Россіи, вслѣдствіе чего явится возможность даже для установленія болѣе или менѣе правильнаго законодательства относительно владѣнія землею въ томъ смыслѣ, который, на основаніи собраннаго фактическаго матеріала, сочтется наиболѣе благопріятнымъ для будущности нашего земледѣльческаго населенія.

Поэтому и самое изслѣдованіе даннаго вопроса должно идти съ двухъ сторонъ. Во-первыхъ, оно должно разсмотрѣть формы землевладѣнія, какъ таковыя, безотносительно къ ихъ экономическимъ и всякимъ другимъ послѣдствіямъ; оно должно разсматривать вопросъ, такъ-сказать, со стороны статистической, изслѣдуя формы владѣнія, какъ онѣ есть, выясняя въ подробностяхъ всѣ детали существующихъ землевладѣльческихъ порядковъ. Во-вторыхъ, изслѣдованіе должно постараться разсмотрѣть предметъ со стороны, такъ-сказать, динамической, занявшись собраніемъ фактовъ относительно того, какое вліяніе оказываютъ на

измѣненіе формъ земельного владѣнія тѣ или другія экономическія и т. п. условія, въ какихъ находятся земледѣльческіе классы. Кроме того, изслѣдованіе должно выяснитъ значеніе тѣхъ и другихъ формъ владѣнія по отношенію къ измѣненію хозяйственно-экономическаго и нравственнаго положенія тѣхъ-же землевладѣльческихъ классовъ. Для всего этого необходимо собрать возможно точныя свѣденія о фактическомъ хозяйственно-экономическомъ положеніи изслѣдуемой мѣстности, нужны возможно болѣе точныя и подробныя свѣденія о внутренней хозяйственной организаціи и, главнымъ образомъ, объ экономическомъ положеніи населенія не только въ данное время, но, если возможно, то и въ ближайшія предшествовавшія времена.

Для того, чтобы достигъ и того, и другого, т. е. для того, чтобы изучитъ какъ формы владѣнія землею, такъ и ихъ разнообразное вліяніе на бытъ землевладѣльцевъ различныхъ сословій (и наоборотъ), необходимо имѣть именно двѣ программы, направленные къ уясненію двухъ различныхъ сторонъ вопроса.

Противъ необходимости подобнаго двойнаго изслѣдованія значенія формъ владѣнія землею не споритъ и самъ г. Черниговецъ, который говоритъ, что «общинныя обычаи важны и интересны не столько сами по себѣ, какъ по своимъ матеріальнымъ послѣдствіямъ хозяйственнымъ и экономическимъ». Одно изученіе формъ земельного владѣнія, какъ онъ есть, безотносительно къ окружающимъ хозяйственно-экономическимъ и нравственнымъ условіямъ, не дастъ намъ рѣшительно ничего такого, на основаніи чего мы могли-бы съ большею или меньшею увѣренностью въ успѣхъ хоть что-нибудь предпринять въ смыслѣ улучшенія нашего законодательства и вообще въ отношеніи созданія тѣхъ условій среды для нашей общины, которая-бы могла предоставить ей возможность безпрепятственнаго развитія. Значеніе общинной и вообще всѣхъ прочихъ формъ земельного владѣнія можетъ выяснитъ только путемъ пріобрѣтенія свѣденій о всѣхъ фактическихъ условіяхъ, въ какихъ находятся мѣстности, землевладѣльческіе порядки которыхъ подлежатъ изслѣдованію,—иначе, не указывая ни на какую связь съ окружающими виѣшними условіями, матеріалъ, собранный относительно формъ владѣнія, будетъ имѣть совершенно отвлеченный характеръ, непригодный ни для какихъ практическихъ выводовъ, которые такъ необходимы въ настоящее время. Г. Черниговецъ говоритъ о томъ, что программа должна остаться съ *однимъ* юридическимъ характеромъ и что собранныя по ней свѣденія послужатъ затѣмъ матеріаломъ для новой работы по особой программѣ, въ которой «задача причинной связи и экономиче-

скихъ послѣдствій выяснится систематически, цѣлымъ рядомъ соотвѣтственныхъ вопросовъ». Но, по нашему мнѣнію, изъ однихъ отвѣтовъ на программу юридическаго характера, т. е. изъ однихъ собранныхъ по ней свѣденій исключительно лишь о формахъ земельного владѣнія, совершенно невозможно сдѣлать никакихъ сопоставленій о вліяніи формъ землевладѣнія на хозяйственно-экономическое состояніе населенія и наоборотъ—относительно вліянія экономическихъ условій на измѣненіе земледѣльческихъ порядковъ.

Для того, чтобы дѣлать сопоставленія одного обстоятельства съ другимъ, необходимо собрать свѣденія объ обѣихъ этихъ обстоятельствахъ, а программа юридическаго характера собираетъ свѣденія только относительно одной стороны вопроса, такъ-что для другой готоваго матеріяла не оказывается. Такое положеніе дѣла предоставляетъ, конечно, широкое поле для фантазіи г. Черниговца, но не даетъ ничего въ смыслѣ положительнаго уясненія «причинной связи и экономическихъ послѣдствій». Такимъ образомъ, если-бы даже у насъ и была подъ рукой толковая программа «высшаго порядка», предназначенная для сопоставленія формъ владѣнія съ ихъ экономическими послѣдствіями, то и тогда-бы мы не могли воспользоваться ею, потому что не имѣли-бы ровно никакихъ свѣденій и ни малѣйшаго понятія объ этихъ экономическихъ послѣдствіяхъ, не собравши предварительнаго матеріяла «по программѣ» «съ экономическимъ характеромъ». Но, кромѣ того, вопреки мнѣнію г. Черниговца, мы осмѣливаемся еще утверждать, что даже составленіе этой болѣе или менѣе толковой программы «для уясненія причинной связи и экономическихъ послѣдствій» возможно только тогда, когда съ помощью матеріяла, собраннаго по обѣимъ программамъ *нисшаго* порядка, хоть до нѣкоторой степени уяснится эта «причинная связь», о которой мы имѣемъ теперь весьма смутное понятіе, вслѣдствіе чего именно и собираемъ свѣденія, какъ о формахъ землевладѣнія, такъ и объ «экономическихъ послѣдствіяхъ». Безъ знанія этой причинной связи невозможно составить такой толковой программы «высшаго порядка» и всякая попытка въ этомъ смыслѣ будетъ во всякомъ случаѣ неудовлетворительна, а нерѣдко приведетъ и къ положительно никуда негодной, а можетъ быть даже и вредной путаницѣ беспорядочно набросанныхъ другъ на друга вопросовъ. Между тѣмъ изученіе хозяйственно-экономическаго положенія земледѣльческихъ классовъ изслѣдуемыхъ мѣстностей въ высшей степени важно именно теперь *параллельно и одновременно* съ изслѣдованіемъ формъ землевладѣнія, потому что откладываніе изслѣдованія по экономиче-

ской программѣ на будущее время непременно поведетъ къ неправильнымъ результатамъ и ложнымъ выводамъ. Дѣло въ томъ, что, какъ землевладѣльческіе порядки, такъ и хозяйственно-экономическое положеніе,—особенно въ деталяхъ—неизбѣжно измѣняются съ теченіемъ времени; поэтому, если мы, собравъ предварительно свѣденія о формахъ землевладѣнія, только *послѣ* этого займемся изслѣдованіемъ экономическихъ условій, въ такомъ случаѣ впоследствии, дѣлая необходимыя сопоставленія, мы, можетъ быть, почти на каждомъ шагѣ будемъ дѣлать ошибки, принимая за слѣдствія тѣхъ или другихъ измѣненій въ формахъ землевладѣнія такія экономическіе порядки, которые явились результатами совершенно иныхъ, впоследствии уже измѣнившихся формъ землевладѣнія, — и наоборотъ. Вотъ потому-то мы и думаемъ, что для уясненія «причинной связи и экономическихъ послѣдствій» необходимо *одновременное и параллельное изслѣдование* землевладѣльческихъ порядковъ хозяйственно-экономическихъ условій *въ каждой отдельной данной мѣстности*, потому что сопоставленіе другъ съ другомъ, хотя-бы и одновременно, но въ *разныхъ* мѣстностяхъ собранныхъ свѣденій обоихъ сортовъ, тоже можетъ повести къ совершенно неправильнымъ заключеніямъ.

Такимъ образомъ одновременно съ изслѣдованіемъ формъ землевладѣнія по программамъ юридическаго характера необходимо предпринять въ тѣхъ-же мѣстностяхъ собраніе свѣденій по экономическимъ программамъ. Такое изслѣдованіе требуетъ, разумѣется, «совсѣмъ особыхъ приемовъ», но никакъ уже не описанія «богатаго, средняго и бѣднаго типовъ хозяйствъ», какъ предлагаетъ г. Черниговецъ, потому что подобное описаніе, не заключаая въ себѣ никакихъ прочныхъ и достаточно точныхъ основаній для соответствующихъ подраздѣленій, предоставляетъ опять-же слишкомъ широкое поле даже для очень бѣдной фантазіи.

Такъ-какъ подобнаго рода программа подразумеваетъ не только изученіе общинной, но и вообще всѣхъ существующихъ формъ владѣнія землею въ Россіи, поэтому и изслѣдованіе должно производиться не только по отдельнымъ общинамъ, но и по отдельнымъ волостямъ, обществамъ, деревнямъ, окологкамъ и, наконецъ, по отдельнымъ дворамъ cadaго изслѣдуемаго окологка. Во всякомъ случаѣ изученіе должно начинаться съ изслѣдованія всѣхъ домохозяйствъ въ отдельности, причемъ, вмѣсто фантастическаго дѣленія домохозяйствъ на три указанные выше типа, слѣдуетъ собрать относительно cadaго домохозяйства самыя подробныя свѣденія о населеніи по поламъ, возрастамъ

и рабочимъ силамъ, о количествѣ земли разныхъ сортовъ и скота, о промыслахъ и заработкахъ, расходахъ и приходахъ крестьянской семьи и всѣ прочія свѣденія, могущія выяснитъ намъ въ подробностяхъ матеріальное положеніе крестьянина въ изслѣдуемой мѣстности.

Составленная намѣченнымъ путемъ программа предоставитъ изслѣдователю возможность, по собраніи свѣденій на всѣ ея вопросы, не только распределить домохозяйства по типамъ, сообразно дѣйствительному ихъ экономическому положенію, но и дастъ основанія для опредѣленія вліянія земельныхъ порядковъ на хозяйственно-экономическое положеніе населенія, а такъ же и вліяніе сего послѣдняго на формы землевладѣнія.

Вотъ уже только послѣ этого-то и наступитъ время дѣйствительныхъ, а не фантастическихъ выводовъ и сопоставленій,— время, когда можно будетъ, на основаніи собраннаго матеріала, составить особую программу «для обработки», которая помогла-бы «систематическому выясненію причинной связи экономическихъ послѣдствій» и которая не только не послужила-бы ни къ чему, но не могла-бы и существовать до тѣхъ поръ, пока принятое изслѣдованіе производилось-бы только по одной программѣ съ юридическимъ характеромъ.

Выводъ изъ сказаннаго будетъ слѣдующій. Вопросы объ экономическихъ и общественныхъ послѣдствіяхъ мірскаго и всякаго другого земельного владѣнія могутъ и должны получить свое рѣшеніе *не прежде того*, когда изслѣдованіе произведется какъ по программамъ юридическаго, *такъ и экономическаго характера* «путемъ непосредственнаго опрашиванія черезъ собирателей». И только уже послѣ этого наступитъ время обработки собраннаго по обѣимъ программамъ матеріала, — обработки, которая, вслѣдствіе сложности работы, можетъ быть доступна далеко не всякому простому собирателю свѣденій о формахъ владѣнія и экономическаго положенія населенія и для которой, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, рано или поздно, понадобится составленіе особой программы «высшаго порядка». Хотя составлять такую программу и преждевременно, но заготавливать матеріалъ «для обработки», «сравненій и выводовъ» давно пора, потому что давно пора подумать о выясненіи «причинной связи и экономическихъ послѣдствій» ради уясненія тѣхъ условій, какія необходимо создать, чтобы наша община «преждевременно» не отдала Богу душу. Поэтому-то именно теперь, *и какъ можно скорѣе*, нужно приниматься за составленіе программы «низшаго порядка съ экономическимъ характеромъ» и непремѣнно такого сорта, чтобы вопросы ея соответствовали

вопросамъ той или другой изъ наиболѣе удовлетворительныхъ программъ юридическаго характера. А если ни одна изъ имѣющихся программъ юридическаго характера (какъ, напр., г. Ефименко и вольно-экономическая) неудовлетворяютъ предъявляемымъ имъ требованіямъ, то немедленно-же слѣдуетъ обратиться къ составленію двухъ параллельныхъ и соответствующихъ другъ другу «низшаго порядка» программъ—юридическаго и экономическаго характера. Безъ этой программы «низшаго порядка» съ экономическимъ характеромъ всякое изслѣдованіе общинно-поземельныхъ отношеній не поведетъ рѣшительно почти ни къ чему, не принесетъ никакой почти пользы въ смыслѣ выясненія вопроса о значеніи важности общиннаго владѣнія землей, а если и дастъ что-нибудь, то дѣловое слишкомъ и слишкомъ мало. Между тѣмъ, какъ время не терпитъ и община наша все болѣе и болѣе распадается, мы толкуемъ о преждевременности и ненужности экономической программы, тогда какъ съ помощью собранныхъ по ней свѣденій только и можно черезъ сравненіе съ свѣденіями, собранными по юридической программѣ, выяснить тѣ «экономическія послѣдствія», съ изученіемъ которыхъ естественно, опредѣлится и роль, и значеніе общиннаго землевладѣнія. Безъ экономической программы, а, слѣдовательно, и безъ значенія этихъ послѣдствій, не только нельзя помочь дѣлу, но можно только повредить ему мѣропріятіями, основанными не на точномъ и всестороннемъ изученіи значенія формъ земельного владѣнія, а на собственной фантазіи.

А между тѣмъ всѣ мы, вмѣстѣ съ г. Черниговцемъ, остановились на поддорогѣ... Даже хуже: мы одними своими юридическими программами не сдѣлали почти ничего и уже рѣшили повременить, тогда какъ нужно работать и работать.

Впрочемъ, распространяться далѣе излишне, потому что фактъ на лицо. Появившійся недавно «Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины», мнѣ кажется, съ очевидностью указываетъ на то, что отвѣты по одной только «юридической» программѣ сами по себѣ, безъ отвѣтовъ на программу экономическаго характера, далеко не могутъ выяснять тѣхъ экономическихъ послѣдствій и того экономическаго вліянія на формы землевладѣнія, о которыхъ я говорилъ выше. Помѣщенные въ «Сборникъ» отвѣты въ большинствѣ случаевъ подробно и ясно излагаютъ ходъ дѣла въ описываемыхъ земельныхъ общинахъ, объясняютъ намъ, какъ устроиваются земельные передѣлы, въ какомъ состояніи находится хозяйство общины, какимъ образомъ пользуются крестьяне своею землею и пр. и пр. Но тѣмъ не менѣе они весьма мало уясняютъ намъ

причины того, почему крестьяне передѣляютъ земли именно вотъ этимъ способомъ и именно черезъ такіе-то періоды времени, а не иначе и не черезъ иные періоды, — какая существуетъ зависимость между, напр., состояніемъ хозяйства и экономическою состоятельностью крестьянъ съ одной стороны и между способами и сроками передѣловъ съ другой и пр. и пр. Они, исключая развѣ описаніе Мураевенской волости П. П. Семенова, который постарался дать отвѣты и на программу экономического характера (выработанную географическимъ обществомъ) въ большинствѣ случаевъ ограничиваются лишь изложеніемъ дѣла съ юридической, такъ-сказать, стороны, то-есть занимаются лишь описаніемъ способовъ и формъ земельного владѣнія и вообще земельныхъ порядковъ въ данныхъ общинахъ. Всѣ отвѣты, не считая отвѣта г. Семенова, который составляетъ во многихъ отношеніяхъ прекрасное исключеніе изъ общаго правила, изложены по порядку вопросовъ программы. Это обстоятельство имѣетъ весьма важное значеніе для лицъ, которые-бы пожелали специально ознакомиться съ какой-нибудь одною стороною излагаемаго предмета, а особенно для лицъ, которые должны будутъ заняться систематизаціей, сводкой даннаго матеріала, распредѣленіемъ его по рубрикамъ для уясненія каждаго вопроса по всѣмъ отвѣтамъ въ отдѣльности отъ другихъ вопросовъ и т. п. Тѣмъ не менѣе такая форма отвѣтовъ все-таки, по моему мнѣнію, неудовлетворительна, потому что отдѣльные отвѣты по каждому особому отдѣлу программы не всегда расположены въ томъ порядкѣ, въ какомъ они изложены въ самой программѣ и, наконецъ, потому, что отдѣльные отвѣты *не ограничены* отъ другихъ отдѣльныхъ отвѣтовъ, вслѣдствіе чего трудъ систематизаціи распредѣленія отвѣтовъ по отдѣльнымъ вопросамъ программы значительно увеличивается и даже, если хотите, все-таки, какъ я выразился выше, остается, что-называется, чисто-египетскимъ трудомъ.

Совсѣмъ иное было-бы при изложеніи каждаго отвѣта отдѣльно; «картинность» изложенія, правда, можетъ быть и исчезла-бы, но трудъ систематизаціи облегчился-бы во много сотенъ разъ; а между тѣмъ и въ другихъ отношеніяхъ дѣло не потеряло-бы рѣшительно ничего, потому что и при такой формѣ отвѣтовъ, какую предлагаю я, остается полная возможность обстоятельно и подробно изложить всѣ земельные порядки каждой отдѣльной общины. Гг. редакторы «Сборника», какъ видно, совершенно игнорируютъ подобную форму отвѣтовъ; видно это, во-первыхъ, изъ того, что всѣ отвѣты, помѣщенные въ «Сборникѣ», изложены въ совершенно другой формѣ, — въ формѣ близкой къ идеалу г.

Половцева, т. е. къ «сплошной картинѣ»; во-вторыхъ, изъ того, что, насколько мнѣ извѣстно, нѣкоторые отвѣты посланы были въ редакцію «Сборника» именно въ той формѣ, о какой я говорю, но въ «Сборникѣ» они не вошли... Впрочемъ, изъ примѣчанія къ предисловію видно, что очень многіе отвѣты, полученные отъ разныхъ лицъ и статистическихъ комитетовъ еще не вошли въ «Сборникъ» «за недостаткомъ мѣста». Между тѣмъ я знаю, что, напр., хоть изъ архангельскаго статистическаго комитета, многіе отвѣты посланы уже года полтора назадъ... По экземплярамъ отвѣта, помѣщеннымъ въ «Сборникѣ», конечно, невозможно дѣлать никакихъ обобщеній и общихъ заключеній по данному вопросу, вслѣдствіе чего, конечно, и редація «Сборника» весьма благоразумно удержалась отъ какихъ-бы то ни было выводовъ, сравненій и сопоставленій. Поэтому же и мы воздержимся отъ общихъ заключеній по поводу матеріала, содержащагося въ «Сборникѣ», пока онъ не напечатанъ весь; но мы не можемъ не замѣтить все-таки по поводу самаго изданія «Сборника», что два наши ученые общества, имѣющіе, надо полагать, хоть кое-какія средства на изданіе печатныхъ трудовъ и соединившіеся на этотъ разъ вмѣстѣ, въ видахъ взаимопомощи, совершенно напрасно дорожатся своимъ изданіемъ, назначая ему трехрублевую цѣну, доступную далеко не для всякаго. Что-же будутъ стоить всѣ томы «Сборника» и всякій-ли будетъ въ состояніи купить ихъ, если одинъ небольшой томикъ оплачивается такою дорогой цѣной?!

II.

По поводу вышедшей въ прошломъ году брошюры А. В. Половцева «Первые шаги на пути фактическаго изслѣдованія сельской общины», напечатанной предварительно въ № 4 «Трудовъ И. В. Э. общества» за 1879 годъ, въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, какъ, напр., въ «Недѣлѣ» № 18, и въ друг., появилось нѣсколько замѣтокъ, трактованныхъ какъ о самой брошюрѣ, такъ и объ изданной «Вольнымъ экономическимъ обществомъ» «программѣ для собиранія свѣденій о сельской поземельной общинѣ». «Разсужденія по поводу брошюры сводились преимущественно къ толкамъ о недостаточности нашихъ знаній объ общинѣ и о способахъ ея изслѣдованія; констатированъ былъ, между прочимъ, тотъ фактъ, что значительное число лицъ, противъ всякаго ожиданія, живо откликнулось на призывъ «Вольн. экон. общества» къ фактическому изслѣдова-

нію общины. Авторы замѣтокъ, какъ и слѣдовало ожидать, постарались критически отнестись къ брошюрѣ и къ взглядамъ, проводимымъ въ ней г. Половцевымъ; но, къ сожалѣнію, разбирая брошюру и цитируя, между прочимъ, слова г. Половцева по поводу тѣхъ трехъ типовъ или формъ отвѣтовъ, подъ которые можно-бы подвести уже полученные (и имѣющія быть полученными) «Вольнымъ экон. обществомъ» свѣдѣнія объ общинѣ, авторы замѣтокъ этихъ, по нашему мнѣнію, недостаточно критично отнеслись къ этому вопросу. Цитируя эти мысли г. Половцева изъ его брошюры, они, повидимому, соглашались съ его мнѣніемъ, что «нормальнымъ типомъ отвѣта» на программу объ общинѣ слѣдуетъ считать «второй» видъ *); по крайней мѣрѣ ни одинъ изъ нихъ не сдѣлалъ противъ этого возраженій и, очевидно, обсужденіе вопроса о нормальности того или другого типа было упущено изъ виду. Между тѣмъ вопросъ этотъ, по нашему мнѣнію, очень важенъ и рѣшенъ г. Половцевымъ ошибочно.

Всѣ полученные отвѣты на программу г. Половцевъ относить къ тремъ «типамъ» **): «Первый видъ: болѣе или менѣе краткіе отвѣты на каждый вопросъ программы, причемъ иной разъ исследователь ограничивается всего однимъ словомъ, напримеръ: бываютъ, существуютъ. Отдѣльные отвѣты пріятномъ не связаны общою нитью изложенія. Другой видъ: весь отвѣтъ представляетъ одну *сплошную картину* данной общины, причемъ собиратель строго придерживается *порядка* вопросовъ программы, но избѣгаетъ отрывочныхъ отвѣтовъ, въ родѣ указанныхъ. При этомъ собирателемъ описывается подробно одна какая-либо община, свѣденія-же о другихъ схожихъ общинахъ приводятся въ случаѣ надобности въ соответствующихъ мѣстахъ съ точнымъ указаніемъ къ какимъ мѣстностямъ они относятся. Третій видъ: къ этому виду относится только одинъ отвѣтъ, но зато самый большой. Это не описаніе отдѣльной общины съ указаніемъ на нѣкоторыя разновидности или сходныя черты соседнихъ общинъ, а сводъ наблюденій надъ цѣлою волостью (20 общинъ), изложенный въ формѣ монографіи съ главами, соответствующими отдѣламъ программы»... «Въ изслѣдованіи этомъ, принадлежащемъ г. Семенову—директору центрального статистическаго комитета—мы имѣемъ, кромѣ матеріяла, уже и рядъ выводовъ, рядъ обобщеній, которые всегда опасны, если дѣлаются на основаніи хотя-бы и точныхъ, но недостаточно многочислен-

*) См. „Первые шаги на пути фактич. изслѣд. общины“.

**) Ibidem.

ныхъ наблюденій. Мы полагаемъ, что въ рукахъ менѣе опытнаго изслѣдователя, чѣмъ г. Семеновъ, подобная опасность возрасла-бы значительно; поэтому *нормальнымъ типомъ отвѣта слѣдуетъ считать второй видъ*.

Всѣ эти разсужденія о «нормальности» типовъ различныхъ формъ отвѣтовъ на программу, т. е. о наибольшей ихъ практичности, удобопримѣнимости и цѣлесообразности, направлены, очевидно, къ выясненію вопроса о лучшемъ и удобнѣйшемъ способѣ изложенія свѣденій объ общинахъ и потому, естественно, побудятъ, если не всѣхъ, то большую часть собирателей этихъ свѣденій доставлять въ «общество» отвѣты по формѣ, признанной наиболѣе удобною г. Половцевымъ, а слѣдовательно, надо полагать, и редакціей «Трудовъ В. Э. общества», т. е. по формѣ отвѣтовъ «второго» типа, какъ нормальнаго, преимущественно передъ отвѣтами «перваго», «третьяго» и всякаго другого возможнаго типа.

Г. Половцевъ, какъ это видно и изъ его брошюры, считаетъ, конечно, тотъ типъ «нормальнымъ», который на вопросы программы даетъ наиболѣе полныя и обстоятельныя свѣденія объ общинно-поземельныхъ отношеніяхъ,—и таковымъ считаетъ «второй» типъ. Но дѣйствительно-ли второй типъ въ этомъ смыслѣ представляется нормальнымъ типомъ?

Прежде, чѣмъ давать совѣтъ о томъ, какой типъ надобно считать нормальнымъ и принять во всеобщее, такъ-сказать, употребленіе, г. Половцеву и всякому другому на его мѣстѣ слѣдовало-бы, конечно, разрѣшить вопросъ о томъ, насколько для собирателей свѣденій доступенъ будетъ извѣстный типъ въ отношеніи дѣйствительно подробнаго и обстоятельнаго изложенія помянутыхъ свѣденій; надобно было подумать о томъ, кѣмъ по преимуществу будутъ доставляться эти свѣденія и по силамъ-ли, если не всѣхъ, то большинства доставителей представить подробныя свѣденія именно по извѣстному *данному* типу отвѣта, а не по другому; слѣдовало, значить, обсудить отъ какихъ изъ могущихъ быть видовъ сообщеній слѣдуетъ ожидать наибольшей полноты и обстоятельности, опредѣленности въ изложеніи, сообразно уровню умственнаго развитія и образованія большинства составителей этихъ свѣденій. вмѣстѣ съ тѣмъ надобно было и вообще рассмотреть, нѣтъ-ли у рекомендуемаго типа какихъ-нибудь, присутствующихъ именно ему, недостатковъ.

Изъ самой брошюры г. Половцева видно, что требованія программы поступали отъ землевладѣльцевъ, судебныхъ слѣдователей, студентовъ, сельскихъ учителей, отъ двухъ купцовъ, одного фельдшера и одного волостного писаря.

Кромѣ того, многіе статистическіе комитеты собирали и хотѣть еще собирать свѣденія черезъ волостныхъ старшинъ и писарей, а самъ г. Половцевъ совѣтуетъ присоединить къ нимъ еще сельскихъ учителей и священниковъ. Къ тому-же большая часть уже полученныхъ въ обществѣ свѣденій доставлена чрезъ статистическіе комитеты именно отъ волостныхъ старшинъ и писарей, да и въ будущемъ ошдается отъ нихъ наибольшее количество. Такъ, новгородское земство просило у «общества» для собиранія свѣденій 300 экземпляровъ программы, вологодскій губернской статистическій комитетъ, какъ видно, ко времени изданія брошюры не представилъ еще многихъ экземпляровъ сообщений изъ разныхъ мѣстъ за недостаткомъ экземпляровъ самой программы; архангельскій,—насколько лично мнѣ извѣстно, тоже собираетъ свѣденія черезъ волостныя правленія (собственно черезъ волостныхъ писарей) и, кстати сказать, тоже очень нуждается въ экземплярахъ программы...

Изъ этого перечисленія собирателей свѣденій видно, что большинство ихъ должно быть отнесено къ числу волостныхъ писарей и старшинъ, сельскихъ учителей, священниковъ и т. п. лицъ. Къ тому-же сообщенія всѣхъ этихъ только-что поименованныхъ лицъ, по отношенію къ тому чисто-фактическому матеріалу, какой они могутъ намъ доставить, представляются намъ наиболѣе цѣнными, сравнительно, наприм., съ тѣми свѣденіями, какія могутъ доставить даже землевладѣльцы, а тѣмъ болѣе какіе-нибудь судебные слѣдователи, или студенты, иногда даже при всемъ усердіи послѣднихъ къ дѣлу. Всѣ эти волостные старшины и писаря и большая часть сельскихъ учителей и священниковъ, если не прожили въ деревнѣ всю свою жизнь, то все-таки въ большинствѣ случаевъ провели въ деревнѣ въ болѣе или менѣе близкомъ соприкосновеніи съ крестьянами уже много лѣтъ и потому на практикѣ, на дѣлѣ могли фактически познакомиться съ общинно-поземельными отношеніями крестьянъ. Землевладѣльцы-же, хотя многіе изъ нихъ прожили можетъ быть въ деревнѣ и много лѣтъ, по своему барскому положенію не всегда могли знать всѣ подробности этихъ отношеній, которыя отчасти даже могутъ быть намѣренно скрываются отъ нихъ крестьянами въ виду тѣхъ далеко не всегда естественныхъ отношеній, въ какихъ нерѣдко находятся обѣ стороны. Къ тому-же многіе землевладѣльцы прежде вѣроятно и не думали никогда изучать деревню, а иные и живутъ-то преимущественно въ городахъ. Что же касается «судебныхъ слѣдователей и студентовъ», то они, какъ люди, большую часть времени проживающіе въ городахъ, могутъ, конечно, доставить менѣе полныя, а слѣдовательно, и

менѣ цѣнныя свѣденія объ общинѣ. Я не хочу этимъ сказать, чтобы свѣденія ихъ не представляли интереса и значенія, — я говорю только, что наибольшаго количества точнаго фактическаго матеріала (а его-то намъ и нужно) можно ждать именно отъ разныхъ старшинъ, писарей, священниковъ и сельскихъ учителей, т. е. отъ людей, сравнительно мало развитыхъ и образованныхъ, нерѣдко даже *малограмотныхъ*. Кажется, можно уже теперь констатировать, не опасаясь крупной ошибки, тотъ давно выяснившійся фактъ, что значительная часть нашихъ сельскихъ священниковъ крайне мало развита въ умственномъ отношеніи и оказывается весьма мало способной связно выражать свои мысли на бумагѣ, изъ сельскихъ учителей такихъ мастеровъ, отъ которыхъ можно-бы было потребовать изложенія «сплошныхъ картинъ» общинно-поземельныхъ отношеній, найдется навѣрное тоже не особенно много; о волостныхъ-же и сельскихъ писаряхъ, а тѣмъ болѣе о волостныхъ старшинахъ, разумѣется, и говорить нечего.

Имѣя повтому въ виду такой низкій уровень образованія столь значительной части собирателей свѣденій и ихъ неспособность связно излагать свои мысли на бумагѣ (а многие-ли даже землевладѣльцы могутъ у насъ похвастаться этимъ «стала-томъ»?!)—тѣмъ болѣе надо-бы и самыя требованія, предъявляемыя собирателямъ свѣденій, приравливать къ свойствамъ и способностямъ тѣхъ лицъ, которые будутъ ими руководствоваться. Важно ничѣмъ постороннимъ или не необходимымъ не затруднять такого доставителя свѣденій, задавать ему самыя простыя, опредѣленные, рѣзко-очерченные вопросы, прося, въ свою очередь, только обстоятельнаго, опредѣленнаго отвѣта на каждый изъ нихъ. Форма имѣетъ здѣсь громадное значеніе. Чѣмъ яснѣе и опредѣленнѣе задается каждый вопросъ, чѣмъ легче форма, въ которой требуется на него отвѣтъ, чѣмъ опредѣленнѣе можно отвѣчать на вопросъ, чѣмъ меньше нужно заботиться о самомъ изложеніи, объ округленности выраженій, гладкости слога, постепенности и связности изложенія, тѣмъ меньше труда для отвѣчающаго, тѣмъ скорѣе сладитъ онъ съ своимъ дѣломъ и тѣмъ больше повтому выиграетъ самое дѣло.

Между тѣмъ г. Половцевъ желаетъ, чтобы отвѣты представлялись по «второму» типу, къ которому, какъ видно, принадлежатъ сообщенія, представляющія каждое «одну *слотную картину* данной общины, причемъ собиратель строго придерживается *порядка* вопросовъ программы, но избѣгаетъ отрывочныхъ отвѣтовъ въ родѣ указанныхъ». Такимъ образомъ отъ мужика, отъ писаря или старшины, или отъ нашего деревенскаго попа

требуется, чтобы онъ изложилъ общую «сплошную картину» общинно-поземельныхъ отношеній крестьянъ, чтобы въ изложеніи была общая связь, а не отдѣльные, стоящіе особнякомъ, но, можетъ быть, и очень полно и опредѣленно выраженные отвѣты...

Я ничуть, конечно, не думаю, что краткость и «отрывочность» отвѣтовъ есть ихъ достоинство, а потому не считаю и первый типъ за типъ «нормальный», — я возражаю лишь противъ излишняго и даже вреднаго обремененія собирателей свѣдѣній требованіемъ отъ нихъ общей «картины» съ связнымъ изложеніемъ, которое для нѣкоторыхъ просто невозможно и во многихъ случаяхъ повредить сущности. Всякій старшина, всякій попъ гораздо легче и даже опредѣленнѣе выразить свои отвѣты отдѣльно на каждый имъ понятный и опредѣленно поставленный вопросъ программы и при этомъ, само собою разумѣется, можетъ отвѣтить на такой вопросъ самымъ подробнымъ образомъ, потому-что разграниченіе одного отвѣта отъ другого ничуть еще не ведетъ къ отрывочности и краткости. Требованіе-же изображать, по возможности, «сплошную картину» только затруднить собирателя свѣдѣній, вольно и невольно заставить пропустить безъ описанія нѣкоторые вопросы и нерѣдко навѣрное приведетъ къ тому, что вмѣсто «сплошной картины» выйдетъ весьма малопонятный «сплошной» сумбуръ или-же и не выйдетъ и такого сумбура, вслѣдствіе того, что составитель послѣ многихъ усилій признаетъ себя неспособнымъ къ изображенію «сплошныхъ картинъ».

Такимъ образомъ желаніе получать отъ помянутыхъ лицъ сообщенія, составленныя по «второму» типу, — желаніе, обусловленное предпочтеніемъ «второго» всѣмъ остальнымъ типамъ, является дѣломъ весьма стѣснительнымъ и очень трудно исполнимымъ.

Мало того, если даже посмотрѣть на вопросъ безотносительно къ тому, кто будетъ заниматься собираніемъ свѣдѣній, то и въ такомъ случаѣ желаніе это окажется далеко не практичнымъ. Прежде всего надобно замѣтить, что въ «программѣ» находится такъ много вопросовъ, рассматривающихъ предметъ съ совершенно различныхъ сторонъ, что собиратель, отвѣчая только на вопросы программы, можетъ описать и выяснить почти *всѣ* подробности общинно-поземельныхъ отношеній крестьянъ до мельчайшихъ мелочей, тѣмъ болѣе, что ничто ему не мѣшаетъ, отвѣчая на программу, если въ вопросахъ ея чего-либо не предусматрѣно, прибавить отъ себя къ отвѣту на наиболѣе подходящій по содержанію вопросъ описаніе того, о чемъ программа

спросить не предусмтрѣла и что описать все-таки стоитъ,—на это вѣроятно у всякаго хватитъ сообразительности. Поэтому всякія прибавленія сверхъ программы возможны, какъ при общемъ очеркѣ, такъ и при изложеніи свѣденій въ видѣ отдѣльныхъ отвѣтовъ на каждый вопросъ; у кого-же не хватитъ соображенія выбрать подходящій вопросъ къ отвѣту, на который можно-бы было «присовокупить» свое прибавленіе, у того навѣрное не хватитъ его и на то, чтобы «пригннуть» это прибавленіе къ наиболѣе подходящему мѣсту и въ общемъ сплошномъ очеркѣ.

Между тѣмъ отдѣльные, по-вопросные, такъ-сказать, отвѣты имѣютъ еще то достоинство, что, не гонясь за связью общаго изложенія и за картинностью, заставляютъ изслѣдователя отвѣчать при собираніи и составленіи свѣденій *на каждый вопросъ*, такъ-что ничто почти напечатанное въ программѣ не упускается изъ виду. При изложеніи «сплошной картины» многіе вопросы могутъ просто забыться, ускользнуть отъ вниманія описателя, (хоть онъ и излагаетъ свой очеркъ, «придерживаясь *порядка* вопросовъ»), а иные вопросы могутъ быть оставлены безъ отвѣта даже намѣренно самимъ составителемъ, потому что при изложеніи сплошной картины иногда неудобно, неловко будетъ безъ ущерба въ гладкости слога, или, что еще важнѣе, въ послѣдовательности изложенія, прикрѣпить ихъ къ тому или другому мѣсту, особенно вслѣдствіе того, что вопросы программы «И. В. Э. общества» очень разбросаны, объ одномъ и томъ-же говорится иногда на одинъ и на разные лады въ различныхъ мѣстахъ, нерѣдки повторенія и пр. Ну, попробуетъ онъ прилепнуть тотъ или другой отвѣтъ къ общей «сплошной картинѣ», да потомъ, видя неудачу, и махнетъ рукой: «благо, вопросъ-то кажется не важный»!..

Затѣмъ одинъ такой, — другой, третій вопросъ пропущенъ безъ отвѣта,—смотришь, а нѣсколько чертъ изъ общинно-поземельныхъ отношеній крестьянъ данной мѣстности ужъ и ускользнули изъ описанія, а слѣдовательно, и отъ изслѣдованія. При изложеніи отдѣльныхъ, какъ я сказалъ, «по-вопросныхъ» отвѣтовъ составителю очень даже неудобно упустить вопросы безъ отвѣта, тогда какъ при изложеніи «сплошной картины», онъ очень легко-намѣренно можетъ обойти нѣкоторые изъ нихъ молчаніемъ, не считая это неловкимъ для себя. Въ первомъ-же случаѣ, если даже онъ и не знаетъ, что или какъ отвѣтить на данный вопросъ, то очень вѣроятно, что сочтетъ неловкимъ не объяснить причины своего умолчанія тѣмъ, что онъ, или вопроса этого не понимаетъ, или что того, о чемъ спрашивается,

въ общинѣ никогда не дѣлается, или онъ-де этого не знаетъ (не знаетъ дѣлается это или нѣтъ и какъ оно дѣлается). Въ случаѣ перваго отвѣта можно будетъ судить, насколько опредѣленно и удачно поставленъ вопросъ самою программой; второю отвѣтъ придется присоединить къ остальнымъ свѣденіямъ, какъ фактъ изъ жизни и обычныхъ земельныхъ отношеній крестьянъ данной общины; а третье объясненіе можетъ иногда указать отчасти на то, насколько компетентно данное лицо вообще въ знаніи крестьянскихъ порядковъ и отношеній.

Словомъ, во всякомъ случаѣ тотъ или другой такого рода отвѣтъ покажетъ, почему собиратель не выяснилъ даннаго вопроса, почему онъ не отвѣтилъ на него, и тѣмъ устранить легко возникающее при чтеніи общей «сплошной картины» недоумѣніе по поводу того, почему въ ней нѣтъ никакого отвѣта на тотъ или другой вопросъ программы.

За всѣмъ тѣмъ, излагая свѣденія въ формѣ отдѣльныхъ отвѣтовъ, возможна, какъ и во «второмъ» типѣ, описывая подробно одну общину, приводить даже на каждый вопросъ или «въ соответствующихъ мѣстахъ въ случаѣ надобности», въ видѣ напр., сравненій, свѣденія о другихъ общинахъ «съ точнымъ указаніемъ къ какимъ мѣстностямъ они относятся». Кроме того, отвѣчая на каждый вопросъ отдѣльно, мнѣ кажется, можно и разобрать его болѣе обстоятельно, такъ-что въ результатѣ,—если только на каждый вопросъ данъ будетъ вполне обстоятельный отдѣльный отвѣтъ, — получится очень полная и обстоятельная, хотя и не «сплошная» «картина» общинно-поземельныхъ отношеній крестьянъ описанной мѣстности.

Помимо всѣхъ этихъ неудобствъ «сплошной картины» является еще одно и очень важное. Очевидно, что, если не г. Половцеву и не «В. Э. обществу», то, навѣрное, кому-нибудь да понадобится когда-нибудь сводить въ одно всѣ отвѣты по изслѣдованнымъ общинамъ на тотъ или другой, а то и на всѣ вопросы программы. Трудъ такой сводки, систематизаціи свѣденій будетъ чисто-египетскою работою въ томъ случаѣ, если отвѣтъ на каждый отдѣльный вопросъ придется выбирать изъ «сплошныхъ картинъ», выдѣляя ихъ изъ «общей нити изложенія»; тогда какъ опредѣленные и хорошо очерченные отвѣты, изложенные отдѣльно другъ отъ друга, чрезвычайно облегчаютъ такого рода трудъ и доставляютъ возможность быстро просмотрѣть всѣ отдѣльные отвѣты на данный интересующій васъ вопросъ для полученія о немъ болѣе или менѣе яснаго представленія по имѣющимся сообщеніямъ.

Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, убѣждаютъ насъ въ

томъ, что «второй», а тѣмъ болѣе, конечно, и «третій» типъ, не можетъ быть признанъ «нормальнымъ» типомъ. «Нормальности» этой мы не признаемъ и за первымъ, какъ онъ описанъ у г. Половцева, потому что онъ характеризуется у него чрезмѣрною краткостью и отрывочностью отвѣтовъ. Нормальнымъ типомъ мы считаемъ, такъ-сказать, средній между первымъ и вторымъ, то-есть тотъ типъ (а отвѣты такого «средняго» между первымъ и вторымъ типа навѣрное уже существуютъ), въ которомъ *ответъ на каждый вопросъ изложенъ отдѣльно отъ каждаго другаго ответа*, но только не кратко и «отрывочно» (какъ въ первомъ типѣ), а подробно и обстоятельно настолько, насколько только дозволяли знанія и умѣнье составителя.

Всѣ неудобства «второго» типа я испыталъ на себѣ; съ другой-же стороны, я имѣлъ уже удовольствіе видѣть, представленный въ архангельскій губернскій статистическій комитетъ *однимъ изъ волостныхъ писарей* прекрасный образецъ того «средняго» типа, который считаю за «нормальный» я.

Испытавъ на дѣлѣ какое важное значеніе имѣетъ форма, по которой требуются отвѣты, я и счелъ нужнымъ привести въ разъясненіе своей мысли наиболѣе вѣскія съ моей точки зрѣнія доказательства.

По почину г. Половцева и, къ сожалѣнію, навѣрное нѣкоторые частные составители, а главное, нѣкоторые статистическіе комитеты и земства потребуютъ отъ своихъ старшинъ и писарей изображенія «сплошныхъ картинъ». Повтому я съ своей стороны желалъ-бы замѣткой своей, насколько возможно, содѣйствовать разъясненію, оставленнаго безъ разсмотрѣнія, вопроса о «типахъ», поправить невольную, конечно, ошибку г. Половцева и тѣмъ противодействовать проведенію въ практику, въ жизнь помянутаго предложенія автора брошюры о фактическомъ изслѣдованіи общины, которое, по моему мнѣнію, не удовлетворяетъ очень многимъ требованіямъ, потому что не вполне цѣлесообразно. Въ этомъ мнѣніи еще болѣе утверждаетъ меня тотъ фактъ, что архангельскій губернскій статистическій комитетъ, несмотря на то, что онъ, конечно, хорошо знакомъ съ брошюрой г. Половцева и имѣлъ въ виду его мнѣніе о «нормальности» именно «второго» типа, руководствуясь своей практикой, не призналъ все-таки этотъ типъ за удовлетворяющій предъявляемымъ всякому «нормальному» типу требованіямъ.

III.

Рѣшивъ повременить съ выработкой «экономической программы низшаго порядка», въ то время, когда она-то и нужна, мы тѣмъ не менѣе принялись за одностороннее исследование общины по однимъ только «юридическимъ» программамъ... Отложивъ составленіе «экономической» программы, мы позабыли даже то, что значительная часть конечныхъ выводовъ о значеніи общиннаго землевладѣнія въ экономической жизни населенія можетъ быть скорѣе, вѣрнѣе и легче получена путемъ *сравненія* роли *различныхъ* формъ земельного владѣнія съ тою ролью, съ тѣмъ *вліяніемъ*, какое имѣетъ собственно общинное землевладѣніе, т. е. мы оставили въ сторонѣ и юридико-экономическое исследование *остальныхъ* формъ землевладѣнія, оказавъ исключительное предпочтеніе одному—общинному землевладѣнію. Такимъ образомъ односторонность исследования увеличилась еще болѣе; количество недостатковъ и ошибокъ, заложенныхъ въ основу важнаго вопроса — изученія общины — умножилось еще однимъ очень важнымъ. Въ деталяхъ, какъ я уже отчасти и успѣлъ замѣтить, есть тоже кой-какіе недостатки, затрудняющіе предпринятое исследование.

Интересно теперь подробно рассмотреть, что намъ дало это односторонне-предпринятое исследование? Носятъ-ли извѣстные уже намъ продукты этого исследования тѣ недостатки, о которыхъ говорили мы и не показываетъ-ли сама практика на эту односторонность, на эти перечисленные недостатки и ошибки, вравшіеся въ предпринятое исследование?

Передъ нами первый томъ «Сборника матеріаловъ для изученія сельской поземельной общины». Въ высшей степени интересно, пользуясь имъ, проверить на дѣлѣ справедливость нашихъ словъ и, если это будетъ можно, на дѣлѣ - же, фактами доказать необходимость нами предлагаемой болѣе широкой постановки вопроса.

Попробуемъ.

Передъ нами цѣлый томъ «сплошныхъ картинъ», связано и послѣдовательно изложенныхъ; «картинность» изображеній не заставляетъ желать ничего лучшаго. При взглядѣ на эти картинки сразу становится яснымъ, что провялая «отрывочность» совсѣмъ тутъ даже невозможна, словомъ, сердца изобрѣтателей «сплошныхъ картинъ» навѣрное трепещутъ отъ радости. Беремъ для примѣра картинку «Пустынской общины». Изложена

дѣльно, ясно, послѣдовательно; написана легко, какъ и всегда пишетъ г. Златовратскій... Но только, жаль, не видно изъ нее, почему авторъ ни слова не говоритъ о захватномъ способѣ владѣнія землей,—потому-ли, что его въ общинѣ нѣтъ,—какъ вѣроятно и надобно предполагать,—или потому, что онъ этого вопроса не исследовалъ,—что тоже вѣроятно. И тотъ-же фактъ повторяется въ описаніи покрайней мѣрѣ 7—8 общинъ. Не видно также, гдѣ говорится о лѣсахъ, выгонахъ, пастбищахъ и другихъ угодьяхъ и только при внимательномъ прочтеніи всей картины оказывается, что отвѣты на вопросы о лѣсахъ и выгонахъ вошли въ главу... о «сѣнокосахъ»! Ищи вотъ тутъ, гдѣ хочешь!... Впрочемъ, оно хоть и трудненько, а все-же можно: вотъ, на примѣръ, вопросъ 70-й—объ измѣреніи полей—нашелся-же въ «картинѣ», хотя отвѣтъ и помѣщенъ совсѣмъ въ другой главѣ, между отвѣтами на §§ 24-й и 35-й, все-равно, какъ въ «картинѣ» торховской (а также и старухинской) общины послѣ отвѣта на вопросъ 17-й отвѣчено не дальше, какъ на 135-й, или на 8-й отвѣчено между 102 и 103. Въ старухинской—глава о лѣсѣ укромно помѣстилась въ рубрику «сѣнокосовъ и пастбищъ». Вотъ изъ борокской общины исчезли безъ слѣда отвѣты на §§ 36, 37, 38, 39, 82, 82, 86, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95,—исчезли и тоже неизвѣстно почему... и дальше въ этомъ родѣ...

Вопросъ такъ ясенъ самъ по себѣ безъ всякихъ подтвержденій, что мы не считаемъ себя въ правѣ утомлять читателя подборомъ новыхъ доказательствъ; довольно слишкомъ и того, что перебрали мы; довольно, потому что почти все, что выше говорили мы, легко и скоро подтвердилось при бѣгломъ и поверхностномъ просмотрѣ нѣсколькихъ «картинъ»... Теперь должно быть ясно всѣмъ, что для того, чтобъ отдѣлать отвѣты другъ отъ друга, всѣ безъ изыятія, навѣрное придется убить нѣсколькими днями и все-же въ результатѣ будетъ далеко не то, что было бы при изложеніи отвѣтовъ по-вопросно, когда и времени на выборку терять почти не нужно. Впрочемъ, противъ предлагаемаго мною способа изложенія собранныхъ свѣденій можно сдѣлать одно, повидимому, довольно вѣское возраженіе. Лица, предпочитающія изображеніе «сплошныхъ картинъ», принимая въ основу своего возраженія тотъ-же томъ «Сборника», напр., хоть отвѣтъ г-жи Якушкиной, описывающей сразу двѣ поземельныя общины, могутъ возразить, что предлагаемая мною форма неудовлетворительна въ томъ отношеніи, что, при описаніи двухъ-трехъ и болѣе отдѣльныхъ общинъ сразу, она ведетъ къ неизбѣжнымъ повтореніямъ одного и того-же. Могутъ сказать,

что повторенія эти неизбежны, потому что, отвѣчая на каждый вопросъ отдѣльно, приходится писать о каждой общинѣ особо и такимъ образомъ во многомъ повторять объ одной то, что уже писано о другой. Но, по моему мнѣнію, такое повтореніе можетъ быть устранено, во-первыхъ, тѣмъ, что авторъ, гдѣ возможно, будетъ дѣлать ссылки такого рода, что извѣстные порядки, о которыхъ спрашивается въ вопросѣ, тождественны съ описанными въ отвѣтахъ о такихъ-то общинахъ. Во-вторыхъ, это-же неудобство легко можетъ быть устранено путемъ изложенія свѣденій въ формѣ параллельныхъ таблицъ. Такой формы я, убѣдившись на дѣлѣ въ непригодности «сплошныхъ картинъ», придерживался каждый разъ при одновременномъ описаніи нѣсколькихъ общинъ, которыя доставлялись мною или въ вольно-экономическое общество или въ архангельскій статистическій комитетъ.

(О напечатанномъ въ I томѣ «отвѣтѣ» моемъ на «программу». Я не говорю, да и говорить не буду, потому что, во-первыхъ, это одинъ изъ тѣхъ первыхъ моихъ опытовъ, который сдѣланъ былъ въ то время, когда я еще думалъ, будто «типъ» «сплошныхъ картинъ» и въ самомъ дѣлѣ наиболѣе пригоденъ, а во-вторыхъ, потому, что это во всякомъ случаѣ не болѣе, какъ бѣглый очеркъ, набросанный на томъ основаніи, что лучше что-нибудь, чѣмъ ничего).

Вмѣсто того, чтобы подробно объяснять форму этихъ таблицъ, я считаю за лучшее для сокращенія времени и мѣста, да и ради лучшаго уясненія дѣла, привести примѣръ такой формы. Положимъ, напр., что описанію подлежатъ три поземельныхъ общины, все-равно одной или разныхъ мѣстностей, одного или разныхъ уѣздовъ — это дѣло изслѣдователя, смотря потому, чѣмъ онъ будетъ руководствоваться при сопоставленіи ихъ въ параллельныя таблицы, потому что въ такую таблицу можно помѣщать свѣденія о совершенно различныхъ мѣстностяхъ. Предположимъ, что общины эти суть: дубровинско-лукинская, чухчинская и лысогорская (см. вопросъ 36-й второго изданія «программы», — отвѣты излагаются по второму ея изданію).

Располагаемъ ихъ въ табличной формѣ.

№ во-просов по поряд-ку.	ИЗЛОЖЕНІЕ ОТВѢТОВЪ.		
	Община дубровинско-лукинская.	Община чухчинская.	Община лысогорская.
1	Архангельской губерніи, холмогорскаго уѣзда, черняевскогорской волости и общества, селеніе Харобрицкое состоитъ изъ 4 деревень: Дубровинской, Чухчинской, Лысогорской и Лукинской, которыя и составляютъ три отдѣльныя поземельныя общины, названія которыхъ стоятъ въ заголовкѣ.		
2	Крестьяне пользуются землею на правахъ общиннаго владѣнія и принадлежатъ къ числу государственныхъ крестьянъ арханг. губ.		
3	Время образованія общинъ неизвѣстно.		
4	Описываемыя общины состоятъ: изъ двухъ деревень, представляеть одну —тоже представляеть деревню одну деревню.		
5	Вопросъ этотъ сюда не относится.		
6	Слѣды выселенія отыскать теперь невозможно		
7	Изъ предыдущаго изложенія (см. Отвѣтъ на § 1) очевидно, что этотъ вопросъ до описываемыхъ общинъ не относится.		
8	112 рев. думъ м. п.	68 р. д. м. п.	22 рев. д. м. п.
9	Пах. зем. 82 д. 1570 с. Сѣнок. з. 84 „ 180 „ Расчистокъ: Подъ паш- нею . . . 4 „ 1885 „ Подъ сѣнок. — 1037 „	Пах. зем. 19 д. 100 с. Сѣнок. . 48 „ 1700 „ Расчистокъ: Подъ паш- нею . . . 1 „ 701 „ Подъ сѣнок. — 625 „	Пах. — 12 д. 987 с. Сѣн. — 20 „ 400 „ Расчистокъ: Подъ паш- нею — 900 „ Подъ сѣнок. — 1200 „

и т. д.

Словомъ, данныя, относящіяся до всѣхъ описываемыхъ общинъ, излагаются вдоль всей таблицы, а касающіяся какой-либо одной, или двухъ изъ нихъ, помѣщаются въ предѣлахъ, отграниченныхъ для описанія этихъ общинъ.

Подобная форма, ничуть не устраняя возможности изложенія самыхъ подробныхъ и обстоятельныхъ отвѣтовъ и въ то-же время избѣгая повтореній, представляеть, по-моему, то важное преимущество, что уменьшаетъ трудъ систематизаціи, сводки отвѣ-

товъ по отдѣльнымъ вопросамъ и представляетъ глазамъ читателя рельефную и легко доступную для сравненій таблицу общинныхъ обычаевъ. Такимъ образомъ желающій сравнить землевладѣльческіе порядки нѣсколькихъ сосѣднихъ общинъ,—что имѣетъ немаловажное значеніе въ дѣлѣ изученія общины,—лучше всего сдѣлаетъ, для облегченія этого труда, если изложить всѣ собранныя о нихъ свѣденія въ видѣ таблицы, подобной вышеприведенной. Ею заразъ достигается уменьшеніе труда при сравненіяхъ и умаленіе труда и времени при изложеніи свѣденій. Въ результатѣ оказывается только выгода, тѣмъ болѣе, что если, паче чаянія, кое-что и будетъ невозможно изложить въ таблицахъ (чего, кажется, нельзя и представить),—то ничто не мѣшаетъ помѣстить это отдѣльно отъ таблицы, хоть въ видѣ примѣчаній, выносокъ и т. п.

Послѣ изложенныхъ поясненій всѣ возраженія противъ принятія предлагаемой мною формы отвѣтовъ можно, кажется, считать устраненными; теперь можно, думаемъ, вполне согласиться съ тѣмъ, что нормальнымъ типомъ описаній слѣдуетъ считать, какъ я уже сказалъ, типъ *средній* между «первымъ» и «вторымъ», предложенный мною.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнію экономической стороны вопроса. Посмотримъ, дѣйствительно-ли предпринятое юридическое изслѣдованіе носить въ себѣ характеръ односторонности и неполноты, т. е. можно-ли считать этотъ способъ изслѣдованія наиболѣе раціональнымъ и правильнымъ и нужно-ли къ юридическому изслѣдованію прибавлять еще и экономическое,—посмотримъ, что дастъ намъ наша практика.

«Сборникъ» отвѣчаетъ намъ на это:

Какъ мы уже видимъ, «программа» В. Э. общества игнорируетъ экономическое изслѣдованіе, а потому ее оставляетъ въ сторонѣ и большинство изслѣдователей, отвѣты которыхъ помѣщены въ «Сборникѣ». Тѣмъ не менѣе нѣкоторые изъ нихъ даютъ кое-какія экономическія свѣденія отъ себя, помимо требованій программы; г. Семеновъ посвящаетъ ей даже нѣсколько главъ; другіе двое, или трое, хоть и не даютъ подробныхъ экономическихъ данныхъ, но, какъ видно, склонны все-таки считать экономическія свѣденія необходимыми. Не говоря уже о г. Семеновѣ, который даетъ нарочно для этого цѣлый рядъ отвѣтовъ на программу географическаго общества, г. Златовратскій дѣлаетъ довольно ясный намекъ на необходимость такого двойнаго изученія общины. Онъ говоритъ, что въ жизни общины идетъ «глухая борьба двухъ радикально-противоположныхъ теченій: глубокаго, органическаго, почти бессознательнаго стрем-

ленія къ солидарности, «равненію» и общности интересовъ, съ одной стороны, и тяжелаго, развращающаго произвола и экономического гнета съ другой. Понятно, что борьба должна быть не легка».... Но не совсѣмъ понятно, почему авторъ останавливается на этомъ указаніи и, кромѣ своего дѣльно-составленнаго очерка общинныхъ обычаевъ, не даетъ намъ еще и картины экономического положенія общины, въ видахъ большаго выясненія этого «тяжелаго процесса», этой «глухой борьбы», ведущей въ концѣ-концовъ къ разстройству и паденію сельской поземельной общины. Впрочемъ, если хотите, это — результатъ того отношенія, какимъ характеризуется взглядъ составителей программы И. В. Э. общества на способы изслѣдованія общины, точно такъ-же, какъ исключительное присутствіе въ «Сборникѣ» «сплошныхъ картинъ» есть плодъ подобной-же ошибки Общества. Оно совершенно игнорировало вопросъ объ экономическомъ изученіи общины и все вниманіе изслѣдователей обратило на изученіе «общинныхъ обычаевъ»; къ тому-же у насъ нѣтъ и дѣльной программы для изслѣдованія экономической жизни населенія, а для такого совмѣстнаго изслѣдованія нужна вѣдь особая соответствующая, нарочно для этого приспособленная экономическая программа; вѣрнѣе—нужны двѣ соответствующія другъ другу — юридическая и экономическая программы, потому что вольно-экономическая едва-ли вполнѣ пригодна для такого совмѣстнаго изслѣдованія. Естественно, что, не имѣя сколько-нибудь подходящей экономической программы, да и вида при томъ, что В. Э. общество оставляетъ экономическій вопросъ безъ вниманія и не требуетъ по этому вопросу почти никакихъ свѣдѣній, большинство изслѣдователей тоже игнорировало изученіе экономического быта и потому представило только свѣденія объ общинныхъ обычаяхъ.

Понятно послѣ этого, почему оказались возможными такіе пропуски, какъ, напр., оставленіе безъ вниманія вопроса 76-го о распредѣленіи земель по дворамъ, вопроса 10-го о количествѣ и величинѣ разныхъ угодій въ общинѣ,—40-го о пространствѣ пустопорожнихъ мѣстъ въ общинѣ,— о количествѣ расчистокъ, лѣса, о числѣ всякаго рода скота, величинѣ урожаявъ и заѣва и пр. и пр. и пр. Подобные пропуски не были-бы допущены навѣрно, еслибъ только «программа» В. Э. общества болѣе серьезно и настойчиво обращала вниманіе изслѣдователей на важность экономического изученія общины. А между тѣмъ на дѣлѣ мы видимъ, что многіе изслѣдователи и въ самомъ дѣлѣ упустили изъ виду эту сторону вопроса, упустили потому, что никто не постарался обратить на это ихъ вниманіе, потому что они все-

цѣло поглощены были изслѣдованіемъ однихъ лишь общинныхъ обычаевъ, что ставилось конечною цѣлью самой программы.

И вотъ въ результатѣ этого оказалось, что въ описаніи, на примѣръ, пустынской общины вовсе не отвѣчено на § 76, не приведено чисель, выражающихъ количество семейныхъ раздѣловъ; послѣдняго рода данныхъ нѣтъ по торховской, старухинской и погорѣловской общинамъ. Свѣденій о величинѣ засѣва, о количествѣ высѣваемыхъ растений и объ урожаяхъ, о степени производительности земли нѣтъ въ описаніяхъ заозерской и блазновской общинъ, количество скота неизвѣстно для старухинской, блазновской, погорѣловской и заозерской общинъ; въ мораховской общинѣ, гдѣ нѣтъ своихъ сѣнокосовъ, не показано цѣнъ на сѣно и его перевозку, въ нѣкоторыхъ другихъ, гдѣ практикуется сдача и взиманіе земель въ аренду, не приведено арендныхъ цѣнъ на землю и пр. и пр.

А между тѣмъ многое и очень многое изъ внутреннихъ распорядковъ описанныхъ общинъ оказывается недостаточно изслѣдованнымъ, не вполнѣ понятнымъ и часто именно вслѣдствіе недостатка экономическихъ данныхъ. Будь онѣ собраны, какъ слѣдуетъ, одновременно, по соответствующей программѣ и, навѣрное, если не все, то многое, доселѣ въ нихъ не понятное, могло бы быть объяснено какъ нельзя лучше...

Но почему же? какъ? Откуда это видно? Вѣдь фразы это все, — намъ надо факты на лицо! замѣтить мнѣ.

Извольте!

Начнемъ съ торховской общины. Въ ней жеребки отдѣляются другъ отъ друга межами и бороздами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея полей межи достигаютъ до аршина ширины и, несмотря на это, хозяевами не распахиваются, потому что у многихъ изъ нихъ лошади слабосильны и не способны осилить распашку межъ. Такимъ образомъ оказывается, что экономическая безпомощность—слабосиліе и недостатокъ годнаго рабочаго скота—вліяетъ на установленіе обычая отдѣлять жеребки не только бороздами, но и межами. Однако, первоначальная причина этого явленія остается неизвѣстной, потому что для отысканія ея необходимо обратиться къ изысканію причинъ, поражающихъ слабосиліе (и недостатокъ) лошадей, а она можетъ быть найдена, между прочимъ, изъ сопоставленія количества скота съ величиною сѣнокосовъ, пастбищъ и друг. угодій, которыми кормится скотъ. Между тѣмъ, достаточныхъ для подобнаго сравненія данныхъ, описаніе не даетъ и мы можемъ только съ большимъ или меньшимъ основаніемъ предполагать, что причина лошадиного безсилія, а слѣдовательно, и первоначальная причина помянутого

обычая, лежитъ въ недостаткѣ сѣнокосовъ и выгоновъ... а можетъ вѣдь статься, что и въ чемъ-нибудь другомъ?!..

Крестьяне этой общины только и ждуть той счастливой для нихъ минуты, когда можно будетъ совсѣмъ отказаться отъ принадлежащей имъ земли; они съ радостью принимаютъ къ себѣ отставныхъ и безсрочно-отпускныхъ солдатъ и всякихъ пришлецовъ со стороны, отдавая имъ необходимую долю общинной земли.

Причина такого отношенія къ землѣ кроется въ ея неплодородности, въ томъ, что она не окупаетъ лежащихъ на ней платежей и повинностей. Окончательно убѣдиться въ этомъ можно опять-же посредствомъ сопоставленія выведенныхъ наблюдателемъ цифръ, показывающихъ размѣры надѣла, величину засѣва и урожая, словомъ—производительность земли, доходъ, отъ нее получаемый съ величиною платежей, на ней лежащихъ. Если бы такое сопоставленіе указало, что доходъ съ земли не окупаетъ платежей, то ясно, что обычай принимать къ себѣ стороннихъ лицъ безъ всякихъ вкуповъ и работъ на мѣръ въ данномъ случаѣ источникомъ своимъ имѣть непроизводительность земли, какъ и торховскій обычай не давать земли въ наемъ. Впрочемъ, здѣсь самъ авторъ подтверждаетъ это и нѣтъ оснований не давать вѣры его объясненіямъ. Но вотъ при описаніи старухинской общины является недоразумѣніе, вѣрнѣе — недомолвка, которая, какъ мнѣ кажется, только и могла-бы быть разъяснена сличеніемъ экономическихъ данныхъ. Дѣло въ томъ, что въ старухинской общинѣ «о необходимости передѣловъ *закладеть получившій меньшее (?) число надѣловъ*». Такая постановка фразы невольно заставляетъ предполагать, что будто въ общинѣ передѣлы земель производятся неравномѣрно и несправедливо и выводъ этотъ можетъ подтвердиться или разрушиться только при сопоставленіи данныхъ, выражающихъ распредѣленіе земли по домохозяйствамъ съ числомъ надѣленныхъ въ нихъ душъ, или вообще числовыми данными, выражающими распредѣленіе земельныхъ надѣловъ по душамъ, имѣющимъ право на надѣлъ. Впрочемъ, почти въ каждомъ изъ разбираемыхъ описаній помѣщенъ отвѣтъ (на § 76) по поводу того, сколько въ общинѣ дворовъ съ 1, 2, 3 и болѣе земельными паями. Но изложенный въ томъ видѣ, какъ это требуетъ сама программа, этотъ голый списокъ, даже при сравненіи съ другими данными, не даетъ почти ничего, тогда какъ при сопоставленіи его съ числовыми данными о населеніи (хотя-бы даже въ томъ видѣ, въ какомъ это изложено при описаніи заозерской общины), а тѣмъ болѣе при болѣе подробныхъ данныхъ сопоставленіе покажетъ намъ, на-

сколько справедливо распределение земли по разным хозяйствам, т. е. дать указание на степень мирской справедливости в этом отношении, а отчасти еще и на силу домохозяйствъ.

Изъ описанія той-же старухинской общины видно, что положеніе крестьянскаго хозяйства, въ сравненіи съ сосѣдними деревнями, считается хорошимъ. Гдѣ корень этого явленія? Чтобы найти его, является необходимымъ заняться и исследованиемъ сосѣднихъ общинъ, для сравненія экономическаго быта и общинныхъ обычаевъ одной съ другими общинами, потому что это сравненіе укажетъ намъ разницу въ общинныхъ порядкахъ и экономическомъ положеніи данныхъ общинъ и тѣмъ будетъ способствовать уясненію вопроса. Такимъ образомъ, мы видимъ на дѣлѣ подтвержденіе выводовъ г. Семенова о необходимости одновременнаго исследования нѣсколькихъ сосѣднихъ общинъ (при описаніи которыхъ особенно полезна будетъ предлагаемая мною табличная форма). Даже ради уясненія значенія и роли однихъ только общинныхъ обычаевъ, помимо экономическаго положенія, о которомъ въ данномъ случаѣ, въ сожалѣнію, не говоритъ и г. Семеновъ, необходимо такое одновременное изученіе сосѣднихъ общинъ, потому что «при исследованіи одной только общины въ данной мѣстности нѣтъ никакой возможности оцѣнить, имѣетъ-ли наблюдаемый фактъ обширное и повсемѣстное распространеніе въ цѣлой мѣстности, или онъ совершенно локализовался и обусловленъ тѣми исключительными обстоятельствами, въ которыхъ эта община находится». Исследование одной только общины не даетъ ключа къ уразумѣнію причинъ наблюдаемыхъ явленій, «такъ-какъ причины эти могутъ въ особенности обнаружиться изъ тщательнаго сравненія тѣхъ вариантовъ въ общинныхъ порядкахъ и бытовыхъ явленіяхъ, которыя встрѣчаются въ сосѣднихъ общинахъ одной и той-же мѣстности».

Но многія причины могутъ уясниться и помимо исследования сосѣднихъ общинъ и, въ свою очередь, одно совмѣстное «юридическое» изученіе окружающихъ общинъ можетъ уяснить далеко не всѣ эти причины; прямымъ и необходимымъ подспорьемъ въ этомъ отношеніи будетъ именно *экономическое* изученіе общины; оно поможетъ уяснить и то, что не уснится сравненіемъ сосѣднихъ общинъ, оно поможетъ и въ томъ случаѣ, когда для данной мѣстности будетъ исследовано не нѣсколько, а только одна какая-нибудь община и когда, такимъ образомъ, сравненіе сосѣднихъ общинъ будетъ невозможно.

И въ данномъ случаѣ, помимо изученія сосѣднихъ общинъ, если не всѣ, то многія причины улучшенія крестьянскаго хозяй-

ства въ описанной г. Якушкиною общинѣ могутъ быть открыты путемъ этого одновременнаго изслѣдованія экономической и юридической сторонъ крестьянской жизни. Мы видимъ, напр., что въ данной общинѣ въ широкихъ размѣрахъ практикуется аренда земли, мы видимъ, что крестьяне косятъ сѣнокосы сообща, система хозяйства трехпольная, крестьяне пользуются при молотьбѣ машиной, къ сожалѣнію, неизвѣстно, впрочемъ, на какихъ условіяхъ попавшей въ общину, видимъ и еще многое. Но мы выше видѣли, что здѣсь есть указаніе, какъ-будто передѣлъ земель производится неравномѣрно. Такъ не потому-ли и *кажется*, будто община отличается своимъ хозяйствомъ, что *нѣкоторые* крестьяне-кулаки захватили къ себѣ много общинной земли, да принявши къ ней въ аренду и такимъ образомъ имѣли возможность улучшить свое хозяйство? Указаній на этотъ счетъ мы не имѣемъ почти никакихъ. Производительность земель арендныхъ и общинныхъ намъ не извѣстна, т. е. мы не знаемъ величины, получаемыхъ съ земель доходовъ и потому не можемъ ихъ сравнивать съ количествомъ платежей, лежащихъ на общинной землѣ, хоть они и показаны; а тѣмъ болѣе не можемъ сравнивать съ величиной арендныхъ цѣнъ, которыхъ и совсѣмъ не видно ни за нынѣшнее, ни за прошлое время. Таблица распределенія общинныхъ и арендныхъ земель въ общинѣ могла бы въ значительной степени способствовать разрѣшенію вопроса, однако, и ее въ описаніи нѣтъ. Но можетъ-быть на это улучшеніе крестьянскаго хозяйства отчасти вліяетъ тоже и количество скота у мужиковъ?.. И это очень вѣроятно... однако, и того узнать нельзя, потому что количество скота намъ тоже неизвѣстно, какъ неизвѣстенъ, помимо даже собственно денежной величины аренды, и способъ уплаты за наемъ земли, хотя онъ и имѣетъ важное значеніе въ мужицкой жизни. Словомъ, съ экономической стороны извѣстно очень мало, такъ мало, что положительно нельзя опредѣлить той, напр., экономической роли, какую играетъ здѣсь косьба сѣнокосовъ и молотьба хлѣба на общественной машинѣ сообща. Экономическая сторона изслѣдована настолько не достаточно, что даже изученіе общинныхъ обычаевъ сосѣднихъ общинъ далеко не вполне можетъ уяснить причины тѣхъ или другихъ явленій, встрѣчающихся въ данной общинѣ. Впрочемъ, если-бы улучшеніе ея хозяйства было слѣдствіемъ общинныхъ обычаевъ преимущественно передъ условіями экономическими, въ такомъ случаѣ сравненіе разпорядковъ сосѣднихъ общинъ должно дать гораздо болѣе одного только изученія по экономической программѣ; но и въ этомъ послѣднемъ случаѣ оно могло-бы только способствовать уясненію явле-

ній, но нивакъ ужъ не повредило-бы изученію. Повредить изученію скорѣе могло-бы именно односторонность изслѣдованія, потому что на основаніи такого одностороннаго изученія общины, выводы на немъ основанныя, безъ сравненія съ экономическими данными могли оказаться совершенно неправильными. Незная экономическаго положенія, всякій могъ-бы, на основаніи однихъ общинныхъ обычаевъ, сдѣлать, напр., выводъ о томъ, что успѣшность хозяйства той или другой общины зависятъ преимущественно отъ тѣхъ или другихъ ея обычаевъ, тогда какъ на дѣлѣ она могла-бы обуславливаться по преимуществу экономической стороною дѣла.

Словомъ, мы здѣсь видимъ только подтвержденіе того, что всякій вопросъ долженъ изучаться путемъ всесторонняго, а не одностороннаго изслѣдованія.

Вотъ, по удостовѣренію г. Зиновьева, въ небольшой борокской общинѣ «довольно ясно можно замѣтить паденіе духа общинности и замѣну его духомъ личной инициативы, личной предприимчивости, — духомъ индивидуалистическимъ, съ его мажачествомъ, кулачествомъ, наживой и т. п.». На рѣшенія сходовъ о передѣлахъ оказываютъ здѣсь сильное вліяніе міроѣды. Съ 1861 года передѣла земель не было, потому что богатые этого не желаютъ. Противъ передѣла они говорятъ, что «хотя нынѣ владѣющія лишними надѣлами владѣютъ ими и не по праву, но все-таки они очистили эти надѣлы податью, а слѣдовательно, было-бы несправедливо взять отъ нихъ эти надѣлы» (!)... Вотъ ужъ по-истинѣ кулацкое оправданіе и кулацкая община! кулацкая потому, что кулаки здѣсь все, а остальные—въ полной безысходной отъ нихъ зависимости. Ну, какъ-бы, въ самомъ дѣлѣ, важно и интересно было взглянуть на экономическое положеніе описываемой общины, гдѣ эта «глухая борьба радикально противоположныхъ теченій» уже приходитъ къ концу, гдѣ общинный духъ совсѣмъ почти упалъ подъ давленіемъ экономическаго гнета. Очевидно, что населенію приходится ужъ очень туго, оно начинаетъ отступаться отъ исконныхъ, традиціонныхъ, вѣками выработанныхъ положеній; но въ одной-ли «зимѣ съ ея голодовками»... и т. п. заключается вся суть, главный источникъ такого явленія?! Нѣтъ, для опредѣленія причинъ его, необходимо всестороннее изученіе экономическаго положенія деревни и вліянія его на общинный строй борокской и всякой другой общины, а данныхъ для этого, какъ въ предлагаемомъ, такъ и во многихъ другихъ описаніяхъ, мы не имѣемъ почти никакихъ...

Послѣ цѣлага ряда приведенныхъ выше замѣчаній едва-ли

найдется еще хоть одинъ читатель, который-бы сталъ отрицать необходимость совмѣстнаго изученія взаимодѣйствія, существующаго между экономическимъ положеніемъ и общинными обычаями это взаимодѣйствіе, это обоюдное вліяніе ихъ другъ на друга проявляется на такихъ мелкихъ фактахъ, что можно даже удивиться. Несуществованіе бороздъ между жеребьями объясняется, напр., экономической безпомощностью мужика въ торховской общинѣ, право каждаго хозяина огораживать свои полосы отдѣльно отъ другихъ и сѣять на нихъ, что ему угодно, не подчиняясь принятому большинствомъ сѣвообороту на Валдушкахъ (архангельск. уѣзда) объясняется (по моему личному изслѣдованію) отсутствіемъ обычая пасти скотъ на поляхъ, а происходитъ это отъ того, что скотъ, ходя по нимъ, утаптываетъ землю и по распашкѣ остаются все-таки мѣшающіе росту хлѣба «глызы» (комья), возбѣжаніе чего прекращена пастьба скота въ поляхъ и потому расширились права «хозяевъ». А количество скота можетъ объяснить разницу въ пастушной платѣ разныхъ общинъ, потому что гдѣ болѣе скота, тамъ и плата со скотины должна быть меньше; а меньшая плата можетъ привести къ тому, что бѣдняки будутъ пасти свой скотъ у пастуха бесплатно и пр. Даже самый способъ уплаты пастуху «пастушники» съ головы, или гуртомъ со стада, тоже долженъ указывать свое вліяніе на то или другое измѣненіе правъ бѣдняковъ и безземельныхъ въ этомъ отношеніи (потому что при уплатѣ со скотины, тотъ, кто платитъ не можетъ, лишенъ возможности отдать свой скотъ подъ пастуха, а при уплатѣ гуртомъ мѣръ чаще платитъ пастуху за неимущихъ и т. п.), а такое измѣненіе, въ свою очередь, въ томъ или другомъ смыслѣ должно повліять на ихъ экономическое положеніе.

И подобное вліяніе экономической стороны на общинныя обычая и обратно проявляется положительно на каждомъ шагѣ. Нечего ужъ и говорить, напр., о томъ, что отъ количества выгоновъ и даже отъ количества пахоти и сѣнокосовъ нерѣдко зависитъ тотъ или другой способъ пастьбы скота (на пару, или по жнивью, по скопленнымъ лугамъ, или на выгонахъ только) и что отъ того или другого способа пастьбы зависитъ отчасти разница въ сѣвооборотѣ, тѣ или другіе способы и сроки обработки земли и др. обстоятельства; отъ количества пахатныхъ земель, въ сравненіи съ сѣнокосными, зависитъ установленіе сроковъ для начала уборки сѣна и хлѣба: чѣмъ больше въ данной общинѣ сѣнокосовъ, сравнительно съ пахотью, тѣмъ позже срокъ уборки жатвы и наоборотъ; съ другой, чѣмъ больше пахоти, тѣмъ меньше ея дорожать и вѣроятно тѣмъ скорѣе рѣ-

шатся пустить на нее скотъ по пару, или по живью, (какъ на Валдушкахъ). Тоже самое можетъ быть и при относительно меньшемъ количествѣ пахоти, но при большей производительности земель, при большей ихъ доходности и пр. и пр. Сроки, устанавливаемые обычаями, для начала полевыхъ работъ, какъ свидѣтельствуется описаніе той-же борожской общины, вмѣсто раннихъ могутъ перемѣниться на очень поздніе, вслѣдствіе того, что поставленные въ кабальные отношенія, крестьяне принуждены бывають прежде отработать на другихъ, а потомъ уже начинать работу на себя. Однако, экономическихъ данныхъ, которыя-бы помогли разрѣшенію всѣхъ этихъ вопросовъ, мы почти не имѣемъ, а между тѣмъ даже одно только количественное распредѣленіе каждаго сорта земли,—пахатной, луговой, огородной и пр. могло-бы значительно уяснить степень развитія той или другой отрасли хозяйства и способствовать оцѣнкѣ силы домохозяйствъ и пр. и пр. Но экономическая сила домохозяйствъ еще болѣе, конечно, уяснится, если къ этимъ свѣденіямъ прибавятся еще и данныя о не-земледѣльческихъ занятіяхъ населенія, т. е. о кустарныхъ и отхожихъ промыслахъ. Свѣденія о величинѣ промысловыхъ заработковъ, о числѣ и распредѣленіи лицъ, занимающихся ими и т. п. уважутъ еще въ сравненіи съ другими данными, чѣмъ держится та или другая община: промыслами, или земельнымъ хозяйствомъ, какое имѣютъ промыслы вліяніе на экономическій и юридическій бытъ общины, является-ли существованіе ихъ слѣдствіемъ недостатка земли, или чѣмъ инымъ? Не меньшее значеніе имѣли-бы и свѣденія о распредѣленіи и количествѣ нищихъ и объ отношеніи къ нимъ остальныхъ мірянъ; совмѣстно съ другими данными они послужили-бы къ дополненію характеристики мірскихъ порядковъ, къ уясненію взаимныхъ отношеній крестьянъ и силы сознанія взаимной солидарности, къ уясненію экономической силы домохозяйствъ и причинъ экономического упадка и въ частности—нищенства... А между тѣмъ данныхъ для уясненія этихъ вопросовъ программа не требуетъ, а описанія не даютъ и это почти на каждомъ шагѣ.

Впрочемъ, дальнѣйшее приведеніе фактовъ и доказательствъ, кажется, будетъ ужъ излишнимъ. И потому мы, въ видахъ окончательнаго уясненія вопроса, ограничимся еще только нѣсколькими словами по поводу значенія и роли навоза въ крестьянской общинѣ.

Насколько въ самомъ дѣлѣ важную роль играетъ навозъ въ жизни деревни, ясно изъ того, что «въ торховской общинѣ мы видимъ коренное различіе отъ порядковъ, существующихъ въ

общинѣ хрущевской, гдѣ жеребьевки бываютъ ежегодно», (а въ торховской—4 года назадъ). «Причина этого коренного различія порядковъ заключается въ томъ, что въ хрущевской общинѣ, помимо того удобренія, которое каждый членъ ея имѣетъ у себя дома отъ своего скота, онъ можетъ еще легко добывать навозъ и въ городѣ, такъ-что имъ легко удобрять землю; отсюда-то для членовъ послѣдней общины ежегодныя жеребьевки и не представляютъ почти никакихъ затрудненій»...

Такимъ образомъ оказывается, что сроки передѣловъ зависятъ иногда и отъ количества навоза... А вотъ г. Бауеръ говорить, что главный двигатель блазновскаго хозяйства — тоже навозъ «слѣдовательно, важно увеличеніе скотоводства, для чего надо расчищать сѣнокосы свои или брать на года расчистку у помѣщика. Но большинство свободныхъ отъ необходимой работы,—пашни и посѣва,—рукъ, уходятъ на сторону въ пильщину. Отъ того никакого усиленія скотоводства не видно, а безъ такого улучшенія нельзя идти и дальше». Хозяйство-же крестьянъ вообще плохое и требуетъ мѣръ для своего улучшенія... Однако, что-же заставляетъ мужиковъ оставить мысль объ улучшеніи его путемъ расчистки или найма сѣнокосовъ для умноженія скота и понуждаетъ идти въ пильщину?—Этого изъ описанія не видно. Причина, очевидно, кроется въ экономическомъ безсиліи, но въ чемъ оно проявляется, это и покрыто почти полнымъ мракомъ неизвѣстности: экономическихъ данныхъ у насъ нѣтъ. А безъ нихъ весьма трудно, если не совсѣмъ невозможно ориентироваться въ массѣ накопляющихся вопросовъ, при чтеніи «отвѣтовъ» объ общинахъ. Трудно, напримѣръ, рѣшить, въ чемъ именно заключаются первоначальныя причины того, почему въ мороховской общинѣ поля постоянно истощаются и унавоживаются одни конопляники. Вѣроятно отъ того, что навозу нѣтъ,—скота, должно-быть, мало, а сколько именно и какъ распределяется подворно (потому что въ общинѣ его можетъ быть и много... да не у многихъ)—неизвѣстно. Но съ другой-то стороны можетъ быть скота и очень много, а навозу мало потому, что служить онъ топливомъ?...

Но перейдемъ къ борокской общинѣ.

Количественное отношеніе удобренія къ удобряемой площади, говорить г. Зиновьевъ, опредѣляется, главнымъ образомъ, количествомъ скота (если рѣчь идетъ объ экскрементахъ домашняго скота), удобреніе въ борокской общинѣ «второе меньше нормальнаго», а между тѣмъ, лѣнь здѣсь «едва-ли не преобладающее посѣвное растеніе»; лѣнь истощаетъ землю и плодородіе полей быстро уменьшается. Г. Трироговъ говорить, что

«свѣденіе о количествѣ навоза» по домохозяйству «можетъ уяснить степень истощенія земли и силу домохозяина» (см. Проектъ программы изслѣдованія русской земельной общины) «От. Зап.» 1879 г. № 8).

Но подобныхъ свѣденій о навозѣ ни въ описаніи борокской общины, ни во всѣхъ другихъ «отвѣтахъ» найти нельзя, а потому и трудно выводить какія-бы ни было заключенія какъ о томъ, такъ и о другомъ. Между тѣмъ извѣстно, что въ борокской общинѣ многіе крестьяне поняли (наконецъ) невыгодность, при современныхъ условіяхъ, разведенія льна и почти перестали его сѣять, несмотря на кажущуюся его прибыльность; ленъ замѣнили рожью или другими хлѣбными растеніями... Такимъ образомъ количество навоза, какъ ни какъ, а все-таки и здѣсь, несмотря даже на противодѣйствующія условія, заключающіяся въ убѣжденіи большинства крестьянъ, что посѣвъ льна очень выгоденъ, — хоть отчасти да оказываетъ все-таки свое дѣйствіе на выборъ для засѣва того или другого растенія. Изъ этого очевидно, что если количество навоза, а слѣдовательно, и скота, недостаточно, тогда, при остальныхъ одинаковыхъ условіяхъ, мужикъ предпочтетъ сѣять то растеніе, которое меньше истощаетъ почву; но кромѣ этого вліянія, недостатокъ навоза можетъ отозваться даже на обычаяхъ, потому что, смотря по его относительному количеству, должны будутъ измѣниться и условія пользованія имъ, роль его во взаимныхъ отношеніяхъ общинниковъ и т. п. Въ этомъ смыслѣ недостатокъ сѣнокосовъ и пастбищъ и истекающей отсюда недостатокъ скота, а слѣдовательно, и навоза, можетъ, напримѣръ, обусловить существованіе обычая не продавать навоза на сторону, а такой обычай долженъ оказать нѣкоторое вліяніе на улучшеніе экономическаго положенія (при прочихъ одинаковыхъ условіяхъ).

Словомъ, все дѣло все-таки сводится къ необходимости одновременнаго экономическаго и юридическаго изученія общины. Цѣлесообразность его понимаетъ и г. Семеновъ. До сихъ поръ мы намѣренно не касались его статьи, потому что она представляетъ рѣдкое исключеніе изъ всего ряда 9-ти остальныхъ, и о ней стоитъ поговорить особо.

Авторъ «Мураевенской волости», какъ я уже замѣтилъ, самъ сознаетъ пользу изученія общины, не только по юридической, но и по экономической программѣ, — иначе онъ не представилъ-бы цѣлаго ряда отвѣтовъ на вопросы «Опыта программы» географическаго общества, не доставилъ-бы свѣденій о «крестьянскихъ инвентаріяхъ и бюджетахъ». Впрочемъ, на стр. 42 онъ высказывается по поводу этого довольно ясно, хотя, впрочемъ, какъ

я имѣлъ случай замѣтить выше, и недоговариваетъ все-таки до конца. Дѣлая указаніе на роль и значеніе экономическихъ условий и начиная статью съ экономического описанія общины, онъ, тѣмъ не менѣе, почти не разъясняетъ того, почему онъ счелъ нужнымъ обратить столь сильное вниманіе на экономическую жизнь общины, вслѣдствіе чего онъ считаетъ изслѣдованіе этой стороны необходимымъ при изученіи сельской общины. Повидимому, его болѣе занялъ совсѣмъ другой и притомъ тоже далеко немаловажный вопросъ объ одновременномъ изученіи сосѣднихъ общинъ, и въ разрѣшеніи-то его увидѣлъ онъ возможность достигъ всего того, что можно было достигъ только при подробномъ изслѣдованіи экономической жизни общины одновременно съ изслѣдованіемъ по юридической программѣ. Словомъ сказать, мысли автора въ отношеніи необходимости экономического изслѣдованія выражены довольно неясно и расплывчато, но несмотря на это, очевидно все-таки, что онъ признаетъ, если не полную необходимость, то во всякомъ случаѣ значительную пользу за изслѣдованіемъ по экономической программѣ. При этомъ достойно вниманія то, что, касаясь этого вопроса вскользь, онъ тѣмъ не менѣе въ предисловіи своемъ намѣчаетъ цѣлый рядъ крайне важныхъ вопросовъ, на которые программа не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія, и тѣмъ самымъ дѣлаетъ, такъ-сказать, ясный и, пожалуй, даже заслуженный укоръ Вольно-экономическому обществу за неправильное отношеніе къ данному вопросу. Въ этотъ рядъ входятъ вопросы о состояніи почвы, «о разстояніи отъ большихъ промышленныхъ и торговыхъ центровъ станцій желѣзныхъ дорогъ», объ «урожайности земель и цѣнахъ на сельскія произведенія»... Все это существенно важные вопросы, оставленные вольно-экономической программой безъ вниманія.

Вслѣдъ за тѣмъ г. Семеновъ даетъ намъ прекрасную картину экономической и юридической жизни общины. Подобныхъ въ высшей степени подробныхъ изслѣдованій навѣрное ожидать придется долго. Но тѣмъ не менѣе съ нашей точки зрѣнія это описаніе носитъ въ себѣ нѣкоторые немаловажные недостатки.

Прежде всего по поводу одной частной ошибки. Описавъ экономическое положеніе всего мураевенскаго населенія по отдѣльнымъ общинамъ и вообще, г. Семеновъ дѣлаетъ очеркъ тѣхъ измѣненій, какія произошли въ экономической жизни волости за послѣднія нѣсколько лѣтъ. Подробно указавъ на улучшенія во внѣшней обстановкѣ и на возвышеніе потребностей, онъ доходитъ, наконецъ, и до вопроса объ измѣненіяхъ, произ-

шедшихъ въ степени благосостоянія всѣхъ домохозяйствъ въ отдѣльности, но останавливается на немъ слишкомъ недолго, гораздо меньше, чѣмъ на вопросъ объ улучшеніи внѣшней обстановки. Касаясь этого вопроса, онъ находитъ достаточнымъ ограничиться лишь указаніемъ на то, что число богатыхъ и и зажиточныхъ дворовъ увеличилось, и дворы эти еще болѣе разбогатѣли за послѣдніе годы, но пропорція дворовъ достаточныхъ къ недостаточнымъ едва-ли вообще увеличилась, пропорція-же бѣдныхъ дворовъ усилилась, и появились такіе неимущіе дворы, «которыхъ до 1861 года почти не существовало». Вопросъ, какъ видно, въ высшей степени важный, значительно поясняющій ходъ экономической жизни въ послѣднее время и особенно послѣ 1861 года, характеризующій до нѣкоторой степени роль общиннаго землевладѣнія при настоящихъ экономическихъ и всякихъ другихъ «условіяхъ» и отчасти выясняющій причины улучшенія этой внѣшней обстановки и возвышенія потребностей. Словомъ, вопросъ чрезвычайно важный, который слѣдовало-бы развить гораздо поподробнѣе и пояснить, если можно, числовыми данными; но г. Семеновъ, къ сожалѣнію, ограничивается однимъ только вышеприведеннымъ указаніемъ.

Сравнивая экономическія единицы, онъ дѣлитъ ихъ на группы, на шесть «типовъ». Вещь, конечно, не безполезная, потому что рельефно представляетъ положеніе и распредѣленіе всѣхъ домохозяйствъ изслѣдуемой мѣстности. Но распредѣленіе по типамъ носить въ себѣ тотъ недостатокъ, что оно хотя и основано на степени экономической состоятельности домохозяевъ, но тѣмъ не менѣе все-таки произвольно, потому что не имѣетъ за собой достаточно прочныхъ, общихъ для всѣхъ изслѣдуемыхъ мѣстностей основаній. Дѣло въ томъ, что съ перемежною подлежащихъ изслѣдованію мѣстностей, а также съ измѣненіемъ экономического положенія неминуемо должны измѣниться и основанія для группировки по типамъ, такъ-какъ въ различныхъ мѣстностяхъ и въ разное время степень общаго благосостоянія часто совершенно различна, а общее для этого мѣрило при томъ разнообразіи условій, въ какомъ находятся различныя мѣстности Россіи, подобрать положительно невозможно. Вслѣдствіе этого, для многихъ, очень многихъ мѣстностей коренныя основанія для группировки по типамъ должны быть совершенно различны, а слѣдовательно, и самые типы будутъ неодинаковы. Такимъ образомъ дѣленіе на типы является дѣломъ совершенно произвольнымъ и если имѣетъ значеніе, то развѣ только въ частности: ради картинности, рельефности изображеній. Подведеніе домохозяйствъ подъ типы, хоть-бы ихъ, т. е. типовъ, была придумана цѣлая

куча, во всякомъ случаѣ не точно, а только приблизительно выразить степень ихъ благосостоянія, а между тѣмъ есть для этого способъ весьма простой, неустраивающій для желающихъ возможности выдумывать себѣ какіе угодно типы. Я говорю о возможно-подробномъ изслѣдованіи экономическаго положенія отдѣльныхъ домохозяйствъ, съ показаніемъ ихъ матеріальнаго благосостоянія въ числахъ, при чемъ еще лучше, если числовыя свѣденія объ экономическомъ положеніи домохозяйствъ будутъ составлены въ табличной формѣ, по каждому домохозяйству отдѣльно, съ разнесеніемъ этихъ свѣденій по рубрикамъ.

Въ такой таблицѣ противъ названія каждаго домохозяина должно выставить цѣлый рядъ необходимыхъ для изслѣдователя (въ смыслѣ изученія общины) цифръ, изъ которыхъ каждая выражаетъ и характеризуетъ ту или другую сторону экономической состоятельности домохозяйства и такимъ образомъ дополняетъ общую картину всѣхъ сторонъ его матеріальнаго положенія.

Голыя числа безъ сопоставленія ихъ съ другими и не распределенныя на домохозяйства, какъ въ таблицахъ, дадутъ во всякомъ случаѣ гораздо меньше, чѣмъ эти таблицы; хотя, конечно, я не отрицаю, что одно описаніе должно дополняться другимъ: таблицы будутъ дополнять тѣ свѣденія, которыя изложены въ видѣ обыкновенныхъ описаній,—отвѣтовъ на вопросы и наоборотъ, точно такъ-же, какъ описаніе по экономической программѣ, дополняетъ собою отвѣты на юридическую программу, а описаніе по юридической—поясняетъ собранное по экономической программѣ. Слѣдовательно, оба способа описаній ничуть не исключаютъ другъ друга. Но таблицы въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ дадутъ болѣе ясное представленіе о тѣхъ или другихъ сторонахъ жизни общины.

Поясню на примѣрѣ.

Положимъ, что вы изслѣдовали и записали, что въ известной общинѣ 25 душъ домохозяевъ, имѣющихъ осядлость и ведущихъ полевое хозяйство, 10—имѣющихъ усадьбу, но не ведущихъ полевого хозяйства и 6—не имѣющихъ осядлости и тоже не ведущихъ полевого хозяйства; а затѣмъ записали отдѣльно, что въ этой общинѣ 18 домохозяйствъ пользуются полнымъ земельнымъ надѣломъ и берутъ еще землю отъ сосѣдей, 16 домохозяйствъ пользуются тоже полнымъ надѣломъ, но земли не берутъ, 12 не пользуются надѣломъ, но сдаютъ его сосѣдямъ, и 5 вовсе не имѣютъ надѣла. Если вы затѣмъ записали, что 28—занимаются хлѣбопашествомъ, кто на своей, а кто на чужой землѣ, а 13—другими заработками, при чемъ 8—уходятъ на сторону, а 5—остаются дома и занимаются ремеслами и что, кромѣ того, изъ

41 домохозяйства общины 12 принадлежать къ ряду очень богатыхъ, 16 — къ числу зажиточныхъ, 9 — еле сводятъ концы съ концами, а 4 — почти нищіе, такъ-что изъ этихъ домохозяйствъ нѣкоторыя ходятъ по-міру съ сумою — если вы запишете всю эту массу чиселъ, не придерживаясь помннутой мною табличной формы, которую предлагаетъ и г. Трироговъ, то вы или будете еще очень далеки отъ возможности сдѣлать на основаніи ихъ какіе-бы то ни было окончательные выводы, или по крайней мѣрѣ будете далеки отъ выясненія весьма многога изъ того, что выяснилось-бы путемъ таблицъ.

Руководствуясь такими не сгруппированными данными, по многимъ вопросамъ можно дѣлать только предположенія, но никакъ уже не выводы. Изъ нихъ вы не узнаете себѣ, почему извѣстные домохозяева сдаютъ свои земли другимъ, почему уходятъ въ отходъ, почему тѣ или другіе бѣдны, или зажиточны: потому-ли, что занимаются ремеслами или земледѣіемъ, либо потому, что берутъ къ себѣ чужую землю и пр. Словомъ, не опредѣлите вы по нимъ роли и значенія отхода, земледѣія, отдачи земель въ аренду и проч. и проч. въ экономической жизни общины.

Между тѣмъ при представленіи свѣденій въ табличной формѣ гораздо скорѣе уясняются эти соотношенія, когда противъ каждаго отдѣльнаго домохозяйства будутъ выставлены числа, опредѣляющія количество его надѣльной и наемной земли, величину засѣва, число лицъ, уходящихъ изъ семьи на сторону, количество скота, занятіе ремеслами и проч. и проч.

Является, напр., у васъ желаніе разяснить вопросъ о безлошадности. Изъ таблицы прямо видно, что лошадей нѣтъ у тѣхъ, у кого, положимъ, нѣтъ земли, или у тѣхъ, которые ее не обрабатываютъ, а сдаютъ, сами уходя на промыслы; въ то-же время таблица показываетъ, что земледѣіе неудовлетворительно, а промыслы много выгоднѣе. Изъ такого сопоставленія по таблицѣ видно, что причина безлошадности есть для иныхъ дворовъ безземеліе, для иныхъ невыгодность земледѣія, сравнительно съ отхожими заработками, а причина возникновенія обычая сдавать землю въ аренду заключается преимущественно въ невыгодности земледѣія при извѣстныхъ данныхъ условіяхъ, въ какихъ находятся описываемые домохозяйства.

Такія таблицы дадутъ болѣе или менѣе ясное понятіе объ экономическомъ положеніи, экономической силѣ описываемыхъ домохозяйствъ; желательная рельефность изображеній, если можно такъ выразиться, достигнется тутъ скорѣе и будетъ понятнѣе, *основательнѣе*, чѣмъ при распредѣленіи домохозяйствъ по произвольнымъ типамъ. Мало того, тѣ-же таблицы дадутъ воз-

возможность распредѣлить населеніе по дѣйствительнымъ типамъ, т. е. не по тѣмъ, что создаются по приказу изслѣдователей, а на такіе, какіе существуютъ въ сознаніи самой деревни, міра, которые общи всѣмъ мѣстностямъ и всякому экономическому положенію: на одинокихъ, семейныхъ, лошадныхъ, безлошадныхъ и пр., если ужъ безъ типовъ обойтись нельзя... Поэтому-то очень жаль, что г. Семеновъ, обойдя, по его словамъ, въ 1877 году всѣ (800) домохозяйства «безъ исключенія» и составя подворныя по нимъ описи, а слѣдовательно, имѣя полную возможность составить и самыя подробныя и тщательныя таблицы, тѣмъ не менѣе не даетъ намъ ихъ въ своемъ описаніи, а только, по-своему, распредѣляетъ домохозяйства на шесть типовъ. Въ этомъ отношеніи даже его тщательно составленные и то-же распредѣленные по типамъ «крестьянскіе инвентари и бюджеты» (важность которыхъ тѣмъ не менѣе отрицать нельзя) далеко не исчерпываютъ того, что могли-бы дать намъ предполагаемыя таблицы.

Вотъ въ этомъ-то и заключается, по нашему мнѣнію, наиболѣе важный недостатокъ описанія Муравенской волости. О прочихъ описаніяхъ я и не говорю: они не дали намъ и сотой доли того, что далъ г. Семеновъ.

Теперь опять итогъ. Предпринятое изслѣдованіе односторонне и неправильно. Причины этихъ его недостатковъ заключаются въ томъ, что вошедшая въ общее употребленіе программа В. Э. общества оставила совершенно безъ всякаго почти вниманія изслѣдованіе экономической стороны крестьянской жизни; но она упустила изъ виду не только одно это,—она не обратила вниманія изслѣдователей ни на необходимость изслѣдованія сосѣднихъ общинъ, въ видахъ сравненія, ни на изслѣдованіе другихъ—необщинныхъ—землевладѣльческихъ порядковъ, ни на пользу табличныхъ формъ и пр., но за то она, вѣрнѣе, редація «Сборника», поставила собирателямъ на видъ необходимость и пользу (!?) доставленія отвѣтовъ въ видѣ «сплошныхъ картинъ». Мы видѣли, что вышло въ результатъ, и въ будущемъ мы можемъ ожидать того-же, потому что условія, въ какія поставлено изслѣдованіе, до сихъ поръ остаются неизмѣнными. Такимъ образомъ примѣръ перваго тома «Сборника» уже достаточно ясно показалъ, что неправильно поставленное изслѣдованіе можетъ дать только во много, много разъ меньшіе результаты, въ десятки разъ меньше того, что дало-бы оно при правильной его постановкѣ.

А потому и слѣдуетъ какъ можно скорѣе объ этомъ позаботиться.

Л. Личковъ.

ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Роль прессы въ „смутное время“.—Сатурналія 1879—80 г.—„Чужой толкъ“, Щедрина.—„Тетушка“, святочный рассказ г. Осиповича.—„Въ наперсникахъ“, повѣсть г. Боборыкина („Огеч. Записки“, № 12).—„Умереть—уснуть“, рассказ его-же („Вѣсти. Европа“, № 1).—Нѣсколько словъ о русскихъ подражателяхъ Золя.—Протоколизмъ, вмѣсто реализма.—Два слова „Недѣль“ въ благодарность за комплиментъ.

I.

Едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что будущій безпристрастный историкъ недавняго «тяжелаго» трехлѣтія, опредѣляя роль и значеніе прессы,—не поминетъ ея добрымъ словомъ, а заклеитъ этотъ періодъ маразма—періодомъ наибольшаго упадка прессы; такого упадка, до котораго не доходила даже печать глухой поры 1848—1855 года, хотя матеріальный успѣхъ той-же прессы именно въ это время поднялся на значительную высоту.

На этотъ приговоръ не повліяютъ даже «смягчающія обстоятельства»: тяжкія условія печати и трудные годы.

«Нѣтъ ей снисхожденія!» произнесетъ онъ, перечитывая газетные листы времени невольнаго недоразумѣнія и оцѣнивая по совѣсти роль, сыгранную печатью въ то время, когда, по выраженію поэта,

Свободно рыскалъ волкъ,

и Булюбаша общества открыто пропагандировали систему доносовъ.

И произнесется тяжкій приговоръ надъ печатью—въ этомъ можете быть увѣрены—не за то, что она не умѣла говорить, а за то, что она не умѣла молчать—именно за то, что она говорила (и какимъ языкомъ!) въ то время, когда чувство простаго приличія, только приличія, заставляло-бы, казалось, молчать.

Безмолвный рабъ, скованный по рукамъ и ногамъ, можетъ внушить участіе и уваженіе, но холопъ и еще добровольный... какія чувства можетъ внушить онъ? А общій тонъ прессы въ памятный 1879 годъ и начало 1880 былъ именно такимъ тономъ, который могъ внушить всевозможныя чувства, исключая одного—уваженія.

Мы скоро забываемъ, и сами авторы скоро забываютъ то, что «вчера» еще писалось не краснѣя и съ легкимъ сердцемъ, но въ Публичной библиотекѣ сохраняются-же «документы» 1879 года въ видѣ передовыхъ статей, писемъ и фельетоновъ, и нравственная физіономія прессы предстанетъ на судъ потомства во всей своей неприкосновенности.

Вспомнить, съ какимъ усердіемъ, котораго даже и не требовали, пресса занималась травлей и, среди обуревавшаго всѣхъ оцѣпененія и ужаса, словно-бы очумѣвшая, не только вторила, но даже и забѣгала подчасъ впередъ на почвѣ «рѣшительныхъ мѣръ» и «розысковъ», и безъ прессы практиковавшихся слава Богу съ энергіей.

Въ тѣ дни, когда урядники въ потѣ лица гонялись не только за «корнями», искали не только поступковъ, но не пренебрегали и мыслями, въ тѣ дни всеобщаго умопомраченія, когда доносъ возводился въ подвигъ и лабазники сводили личные счеты, сооружая обвиненія въ «соціализмъ», когда отцы и матери трепетали за дѣтей, когда вличка «студентъ» равносильна была званию «политическаго преступника» и когда дворники не надѣялись еще намъ столько бѣдъ, сколько могли-бы надѣлать, если-бы были больше тронуты цивилизаціей,—въ тѣ дни пресса, въ свою очередь, почувствовавъ себя политической силой (она хвастала этимъ), добровольно, даже безъ просьбы главнаго управленія по дѣламъ печати, обязательно приняла на себя исполненіе функций, не соответствующихъ по меньшей мѣрѣ достоинству скольконибудь уважающей себя печати.

Многіе, повторяю, вѣрно уже забыли — мы имѣемъ способность скоро забывать—какъ такъ-называемые руководители общественного мнѣнія просили, какъ одолженія, въ передовыхъ статьяхъ, осчастливить Россію военнымъ положеніемъ и обнажить мечъ на страхъ врагамъ, съ какимъ цинизмомъ захлебнувшагося торжества позорили и глумились, глумились и позорили, изыскивая и предлагая, не краснѣя, такія мѣры и такія средства, отъ которыхъ-бы не отказался и покойный Аракчеевъ. Стоитъ только припомнить, какъ представители «независимой» прессы травили другъ друга, обвиняя въ измѣнѣ одинъ другого и другъ передъ другомъ хвалясь патриотизмомъ.

Это было нѣчто невообразимое, нѣчто невѣроятное, но все это было, все это печаталось, и не краснѣли ни авторы, ни чернила.

Сплошная брань висѣла въ передовыхъ статьяхъ известной части прессы рядомъ съ лестью и изъявленіемъ никому ненужныхъ и ни на что неупотребленныхъ чувствъ. Слова: «изверги», «негодни», «мерзавцы», раздаваемые безъ разбора, огульно — уснащали собой передовыя статьи и фельетоны. Ничто не останавливало расходившихся борзописцевъ: ни невозможность какого-бы то ни было отвѣта, ни безпомощность травленныхъ, ни даже—самая смерть.

У врага, самаго заклятаго, застываетъ слово глумленія на устахъ, при видѣ противника своего у порога смерти; смерть, казалось-бы, должна остановить самое необдуманное сквернословіе. Но у насъ, въ тѣ помянутые дни, забыто было даже чувство уваженія къ смерти, и репортеры, обрадованные случаемъ возвышеннаго гонорара, спѣшили заручиться билетомъ на право быть зрителемъ всевозможныхъ «актовъ» и несли въ редакціи свѣжіе отчеты, въ которыхъ «закоренѣлый взглядъ», «злѣдѣйское выраженіе», «тупая злоба» были не послѣдними перлами. И все это вѣдь мы читали, такъ-какъ все это печаталось и перепечатывалось и самыми распространенными и мало распространенными органами.

Маразмъ доходилъ до своего апогея. Казалось, дойдя до Цитовича и Незлобина, спускаться было некуда. Казалось, известная часть прессы сдѣлала все, чтобы возбудить презрѣніе не только въ лучшей части общества, но даже и въ тѣхъ, въ чью дудку они дули съ открытымъ сердцемъ и подчасъ даже совершенно безкорыстно, безъ расчета на Станислава съ бантомъ за храбрость.

Большинство публицистовъ, начиная съ публицистовъ «Моск. Вѣд» и «Берега» и кончая публицистами либеральнаго якобы лагеря, торопились высказаться и излить чувства. Замѣчательно, что одинъ общій тонъ по отношенію къ «злу» слилъ почти всѣ органы въ трогательное единодушіе, хотя, конечно, въ мѣрахъ противъ «зла» и была разница. Одни стояли за «мечъ»,—другіе за «мѣста болѣе или менѣе отдаленныя». Но какъ тѣ, такъ и другіе перебрали весь лексиконъ ругательствъ.

И кто только въ тѣ времена не высказывался, кто только не спасалъ отечества, кто только не предлагалъ мѣръ, кто только не инсинуировалъ, кто только не бросалъ комами грязи въ тѣхъ болѣе стыдливыхъ собратьевъ, которые, среди этой вакханаліи, старались сохранить за собою одно право—право молчанія.

«Го-го-го-го!» Они молчатъ. Они прикидываются молчаливыми. Они протраты! Они осмѣливаются говорить о тоскѣ—го-го-го-го!... Кто-же вамъ мѣшаетъ высказаться. Ну-ка выскажитесь—мы вотъ высказываемся...

И снова раскатистое: «го-го-го!», сопровождаемое гнуснымъ смѣхомъ той безстыжей развратной дѣвки, которая, при видѣ чужого стыда, пуще заливается, словно желая заглушить въ себѣ послѣдній остатокъ совѣсти...

Стоитъ просмотрѣть только газеты за 1879 годъ и за начало 1880 г., чтобы прошлое возстало во всей наготѣ своей. Стоитъ только посмотрѣть имена крестоносцевъ и вершителей, чтобы судить, до чего въ то время дошло недоразумѣнiе.

Каждый борзописецъ, едва-ли понимавшій, что такое «соціализмъ», какъ научная теорiя, считалъ своимъ святымъ долгомъ выразить съ своей стороны свои соображенiя насчетъ государства, религи и собственности и по сподручности разсказать, какiе негодяи ученые живутъ въ Европѣ. При этомъ борзописецъ не стѣснялся присочинить анекдотъ о Марксѣ или о Бебелѣ, и завѣрялъ честнымъ словомъ, что самъ слышалъ, какъ позванные дѣтели пили вмѣсто пива настоящую кровь, выпущенную изъ жилъ буржуа. Подобные, болѣе или менѣе глупые анекдоты, собственного доморощенного измышленiя, были въ то время въ модѣ и сочинялись вдосталь, тѣмъ болѣе, что храбрость поощрялась и не было препоны никакой глупости. Довольно того, что разные проходимцы, объявившіеся въ литературѣ, вопили о нравственности; ех—сыщики громогласно поучали патриотизму, Цитовичи и Незлобины заговорили, какъ власть имущiе, однимъ словомъ, стыдъ и совѣсть совсѣмъ исчезли изъ обращенiя, словно-бы затѣмъ, чтобы обыватель могъ чувствовать такой-же страхъ передъ бублюбащемъ прессы, какой онъ въ тѣ дни испытывалъ не только передъ обязательными искоренителями, но и передъ всякимъ добровольцемъ, желающимъ содѣйствовать искорененiю зла посредствомъ доноса.

«Простой совѣсти—и той нѣтъ!» такъ выразился про печать нашъ сатирикъ устами Глумова.

Если-бы будущій историкъ судилъ обо всей литературѣ по образчикамъ той части печати, которая торжественно травила и вносила еще большую смуту въ жизнь, и безъ того окончательно смущенную,—то нѣтъ никакого сомнѣнiя, что онъ пришелъ-бы въ ужасъ отъ подобнаго безпримѣрнаго паденiя печатнаго слова. Но къ счастью не вся же литература потеряла въ то время стыдъ. Стыдъ, единственное достоинство, оставшееся для литературы, нашелъ прибѣжище въ нашихъ толстыхъ журналахъ, въ

лучшихъ нашихъ писателяхъ, и протесты противъ «литературнаго пира во время чумы» не переставали раздаваться въ самый разгаръ этой оргіи...

Среди обезумѣвшаго торжества дикой силы и всякаго проходимства нѣкоторыя сатиры Щедрина, не смотря на необходимость езоповскаго языка, производили впечатлѣніе. Онѣ взывали къ стыду и подчасъ были полны такихъ скорбныхъ звуковъ, такой ужасной ироніи, что смѣхъ застывалъ на губахъ даже у тѣхъ, кто привыкъ искать въ произведеніяхъ сатирика только смѣха и остроумія...

Да, талантъ сатирика внушалъ уваженіе даже и тѣмъ, кто недорожитъ литературой, и Щедрина позволили говорить многое, что немислимо было-бы въ тѣ дни сказать другому. Передъ силою таланта склонялась подчасъ и дикая сила.

Будущему историку нашей общественной жизни, сатиры Щедрина будутъ служить важнымъ подспорьемъ для уясненія нашихъ нравовъ. Цѣлое двадцатилѣтіе съ его помпадурами, ташкентцами, глуповцами, Разуваемыми, Колупаевыми и Граціанскими отражается въ его сатирахъ.

Отзывчивая на всѣ явленія, сатира Щедрина достигла полнаго развитія своей силы именно въ тотъ періодъ, когда, вслѣдъ за оживленіемъ послѣ реформъ, наступило полное затишье.. Иногда она съ замѣчательной чуткостью затрогивала именно самыя больныя мѣста нашей жизни, налагала клеймо убійственнаго смѣха и разоблачала спасителей отечества и столповъ, подъ какими - бы видами они не являлись.

Я этимъ вовсе не хочу сказать, чтобы другіе современные писатели не понимали также вѣрно, какъ Щедринъ, русской жизни. Напротивъ: многіе, быть можетъ, понимаютъ ее гораздо глубже, но дѣло въ томъ, что ни одинъ изъ нихъ не обладаетъ такимъ сатирическимъ талантомъ, такимъ юморомъ и способностью однимъ-двумя словами заклеить цѣлый циклъ явленій или опредѣлить еле зарождающійся типъ, однимъ словомъ тѣми качествами, которые дѣлаютъ писателя популярнымъ для всѣхъ; поэтому-то никто изъ нихъ не достигъ такого значенія и такой популярности, какихъ достигъ Щедринъ, талантъ котораго, повторяю, именно достигъ высшей своей силы въ послѣднее время. Между авторомъ «Губернскихъ очерковъ» и авторомъ «Круглаго года»—огромное разстояніе. Серьезность захвата, сила ироніи, трагедія смѣха—на сторонѣ сатиры втораго періода дѣятельности сатирика.

Понятно, что для будущаго историка, въ числѣ прочихъ документовъ—сатиры Щедрина будутъ цѣнными документами для

характеристики русскаго культурнаго общества. Конечно, многое въ сатирахъ будетъ и непонятно, но многое дастъ возможность ориентироваться въ хаосъ русской жизни. Смутное время въ сатирахъ Щедрина покажетъ историкъ, что пережила въ это время лучшая часть общества, что чувствовали лучшіе преуспѣватели сороковыхъ годовъ. За справками о томъ, что переживало въ это время другое поколѣніе, конечно, придется обратиться къ другимъ источникамъ и къ другимъ писателямъ. Щедринъ и не претендуетъ на истолкователя стремлений молодаго поколѣнія. Онъ прямо говоритъ, что онъ его не знаетъ, и протестуетъ противъ всякихъ «втюдовъ о новыхъ людяхъ». Въ этомъ опять-таки сказывается необыкновенная чуткость писателя. И документы Щедрина будутъ тѣмъ цѣннѣе для уразумѣнія смутнаго времени, что они писаны человѣкомъ сороковыхъ годовъ, не участникомъ, а свидѣтелемъ и, слѣдовательно, не могутъ ужь никакъ быть заподозрѣны въ односторонности.

Напечатанная въ послѣдней книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» прошлаго года вещь Щедрина—«Чужой толкъ», именно относится къ тѣмъ ужаснымъ «днямъ», которые и не забыты и едва-ли скоро забудутся. Это произведеніе, написанное еще въ 1877 г., и только теперь являющееся въ своемъ настоящемъ видѣ—одно изъ лучшихъ произведеній нашего писателя. Это какой-то скорбный крикъ, вылетѣвшій изъ наболѣвшей и измученной души невольнаго свидѣтеля событій недавняго времени, это — правдивая исповѣдь, звучащая безотрадными нотами отчаянія, охватившаго среди удушливаго маразма, когда мысль о смерти является все чаще и чаще, какъ единственный исходъ... Это трогательное признаніе лучшаго представителя сороковыхъ годовъ.

Такие «документы», выходящіе изъ подъ пера замѣчательнаго писателя—дѣлаются историческими документами и лучше всего показываютъ, каково времячко, когда у сатирика выливаются слѣдующія глубоко скорбныя строки:

„Мы переживаемъ время, которое несомнѣнно представляетъ самое полное осуществленіе ликующаго хищничества. Безсовѣстность, заручившись союзомъ съ невѣжествомъ и глупостью, выбросила на поверхность цѣлую массу людей, которые до того упростили свои отношенія къ вещамъ и лицамъ, что, не стѣсняясь, возводятъ насиліе на степень единственнаго жизненнаго регулятора. Можетъ быть я ошибаюсь, но думаю, что такого нагло-откровеннаго „заявленія принципіи“ давно не бывало. Прежде даже въ средѣ самыхъ отпѣтыхъ людей можно было изрѣдка слышать слова, вроде: великодушіе, совѣсть, долгъ; нынѣ эти слова окончательно вычеркнуты изъ лексикона торжествующихъ людей. Прежде люди, сдѣлавши пакость, хотя и пользовались плодами ея, но молились Богу, чтобъ объ ней не узнали; нынѣ—Богу молиться не принято, а краснѣють по поводу затѣянной пакости только тогда, когда она не удалась...“

И затѣмъ далѣе:

Я смотрю на факты самоотверженія и боюсь примѣнить къ нимъ какую-нибудь оцѣнку. Мнѣ кажется, что я не понимаю ихъ и что, во всякомъ случаѣ, если я начну говорить объ нихъ, то буду говорить совсѣмъ не то и совсѣмъ не объ томъ. Никто не прельстится моими изображениями, воспроизведеніями и описаніями (даже еслибы они обнаруживали не водевильное, а дѣйствительное мастерство), но всякій, самый снисходительный человѣкъ скажетъ: вотъ старый безстыдникъ, у котораго сѣдой волосъ изъ всѣхъ щелей лезетъ, а онъ и за всѣмъ тѣмъ не чувствуетъ потребности обуздать себя! вотъ неоправданный болтунище, который до преклонныхъ лѣтъ не можетъ очнуться отъ экскурсій въ область „униженныхъ и оскорбленныхъ“, которыми онъ нѣкогда сдобривалъ свое пребываніе на лонѣ водевильнаго эстетизма и обезпеченности!

Я боюсь этихъ приговоровъ, не потому, что они могутъ оскорбить мое самолюбіе, а потому, что въ нихъ слышится правда. Другія птицы—другія пѣсни! говорю я себѣ, и такъ какъ я совершенно сознаю себя птицею очень старою, то стараюсь во всемъ, что касается оцѣнки этихъ другихъ пѣсенъ, по возможности, обуздывать себя, или, много-много, предаваться по поводу ихъ опротивой тоскѣ. Я соглашаюсь впередъ, что это тоска безплодная и даже не совсѣмъ ясно мотивированная, но содержаніе ея, не смотря на неясность, на столько все-таки доброкачественно, что отказъ въ принятіи ея къ зачету былъ бы воистину несправедливъ.

Вторая моя особенность: щекотливость, очень близкая къ стыду. По временамъ мнѣ кажется, что я вращаюсь среди смѣшанной атмосферы бойни и дома терпимости. Очень возможно, что тутъ есть преувеличеніе, въ которомъ главную роль играютъ мои художественные истинки, но вѣдь если мнѣ даже доказано будетъ, что я преувеличиваю, отъ этого мнѣ не сдѣлается легче. Сверхъ того, я сознаю себя до того слабосильнымъ, малорослымъ, загнаннымъ, затеряннымъ въ какой-то безымянной толпѣ, что всякая возможность чѣмъ-нибудь заявить о своей личности, о своихъ симпатіяхъ и антипатіяхъ представляется не всегда для меня утраченною. Быть можетъ, въ этихъ заявленіяхъ и надобности нѣтъ (старраго тряпья! кому нужно... старраго тряпья!), а все-таки кажется, что претензія эта не только не преувеличенная, но даже совсѣмъ-совсѣмъ естественная. Тѣмъ не менѣе отыскать практической выходъ изъ этого болѣе или менѣе несноснаго положенія я все-таки не въ состояніи (я убежденъ, что жизнь, въ конечномъ результатѣ, поставила меня лицомъ къ лицу съ глухой стѣной, и что, стало быть, бесполезно даже предпринимать что-нибудь, чтобы перескочить черезъ нее); но я могу стыдиться его и пользуюсь этою возможностью, то есть стыжусь искренно, всѣми силами души. И вѣрю, что стыдъ — хорошее, здоровое чувство, которое, при случаѣ, можетъ быть рекомендовано даже въ качествѣ цѣлесообразнаго практическаго средства.

Стыдъ очищаетъ человѣка; безсильному онъ помогаетъ нести бремя безсилія, сильному—внушаетъ мысль о подвигѣ. Нужно, чтобы возможно большее количество людей почувствовало стыдъ. Нужно, чтобы люди стыдились не только поражений, но и побѣд и одолжній, не только неудачъ, но и удачъ. Чтобы, въ случаѣ неудачи, они чувствовали на своемъ лицѣ пощечину, а въ случаѣ удачи—дѣй. Только тогда вполнѣ выяснится, что нравственный уровень общества настолько гниль, что пощечина сдѣлалась единственно-возможнымъ мѣриломъ для оцѣнки поступковъ и дѣйствій. Только тогда получится рѣшимость, въ что-бы ни стало уйти изъ области пощечинъ.

Въ моемъ стыдѣ нѣтъ ничего геронческаго—я знаю и это; но думаю, что одинъ видъ стыдящагося человѣка, среди проявленій несомнѣнно бестыжнаго тор-

жестна, уже можетъ служить небезполезнымъ напоминаніемъ. Самые закоренѣлыя проходимцы—и тѣ понимаютъ, что въ стыдящемся человѣкѣ есть нѣчто, выдѣляющее его изъ общей массы торжествующихъ бездѣльниковъ и глупцовъ. Поэтому, они, прежде всего, стремятся подыскаться подъ него, а если солидныхъ прищипокъ нѣтъ, то сторонятся и стараются игнорировать. А сколько есть субъектовъ не вполне закоренѣлыхъ, сколько такихъ, которые попали въ лагерь торжествующихъ или по малодушію или недоразумѣнію! Все это люди колеблющіеся, въ которыхъ видъ стыдящагося человѣка можетъ пробудить не только мерцанія совѣсти, но и опасенія возмездія. Въ нихъ еще нѣтъ настолько наглости, чтобы совсѣмъ игнорировать представленіе о стыдѣ, и потому они, хотя урывками и втихомолку, но все-таки подходятъ къ стыдящемуся человѣку и жмутъ ему руку. И убѣждены, что какъ ни смутны эти позывы къ стыду, но они и на практикѣ не останутся безслѣдными, что они произведутъ въ торжествующемъ лагерѣ ежели не прямой разладъ, то броженіе, и что, пожалуй, когда нибудь это броженіе превратится въ цѣлую заразу стыда. Вотъ во имя чего стыдъ долженъ быть зачтенъ даже такому существованію, котораго итогъ формулируется словами: ни зла, ни добра.

Третья моя особенность—это искреннее убѣжденіе, что жить довольно. Хотя моя тоска и мой стыдъ еще могутъ въ извѣстной степени имѣть воспитательное значеніе, но значеніе это, въ смыслѣ практическихъ послѣдствій, полезно только для другихъ, а же лично ничего изъ нихъ не извлекаю, кромѣ страстнаго желанія исчезнуть, уйти. Съ давнихъ поръ, я вижу послѣднюю страницу съ начертаннымъ на ней словомъ „конецъ“, и право, никого не намѣреваюсь надуть, говоря, что это самая желательная страница, какую только можно имѣть въ виду. Подумайте, какая масса срама вдругъ перестанетъ существовать! и какая громадная свита безобразныхъ видѣній разсѣется какъ дымъ и не будетъ больше тревожить испуганное воображеніе!

Несомнѣнно, что стремленіе сократиться и исчезнуть всего ближе подходитъ къ девизу: на зло ни добра, и что въ этомъ смыслѣ оно не должно значиться въ числѣ оправдательныхъ документовъ. Но, взятое само по себѣ, независимо отъ практическихъ примѣненій, оно все-таки имѣетъ право быть выдѣленнымъ. Когда есть сознаніе, что „продолженіе впредъ“ не представляютъ новыхъ преследствъ, кромѣ преследствъ хроническаго безсилія, тогда не можетъ быть желанія богаго законнаго и естественнаго, а, пожалуй, даже и болѣе нравственнаго, какъ желаніе исчезнуть. Сколько есть такихъ, которые, будучи подавлены массой срама, все еще карабкаются и хватаются дрожащими руками за колеблющіеся нити срамнаго существованія—почему же, рядомъ съ ними, не различить такихъ, въ сердцахъ которыхъ это жадное ловленіе жизненныхъ нитей производитъ только скуку, граничащую съ отвращеніемъ?

Далѣе разсказъ идетъ о драмѣ, постигшей Молчалина. Это глубоко потрясающая драма. Однажды онъ пришелъ къ разскащику.

«Онъ былъ очень блѣденъ; лицо осунулось, носъ обострился, углы губъ подергивались, глаза были сухи и воспалены.

— Дайте воды—пить хочу! вымолвилъ онъ осиплымъ голосомъ, точно слова съ трудомъ выходили изъ пересохшаго гортана:—былъ около васъ и вдругъ почувствовалъ; пить хочу... не потревожилъ?»

Оказалось, что съ сыномъ его приключилась неприятность.

— Да-съ, такъ вотъ это самое.. Именно этого случая и разыгрался у насъ. П ошелъ я давеча къ князю—къ начальнику-то своему—а тотъ говоритъ:—самъ,

сударь, виноваты! правилъ настоящихъ не умѣли внушить!—Чтожъ! и прекрасно! Это точно, что я не внушалъ! ну, я, стало быть, и отвѣтъ за это долженъ дать! А то помилуйте. Я—не внушалъ, а Павелъ Алексѣевичъ все-таки обязанъ знать „настоящія правила“! На что похоже!

Онъ высказалъ это безсвязно, едва-ли сознавая значеніе своихъ словъ. И вслѣдъ затѣмъ также машинально потянулся за сигарой и началъ мушлить во рту.

— Смѣшно, право! прибавилъ онъ въ заключеніе, какъ будто все „предъидущее“ было для насъ такъ же ясно, какъ и для него: — я не внушалъ, а Павелъ Алексѣевичъ—долженъ знать!!

Но въ сущности, это «предъидущее» было дѣйствительно ясно. Жизнь приучила насъ къ цѣлому ряду явленій, которыя мы угадываемъ съ одного намека. Всѣ современныя семейныя драмы (во всѣхъ, въ качествѣ дѣйствующаго premier sujet, является подростокъ „молодой человѣкъ“) построены до того на однанъ ладъ, что можно заранее расположить ихъ сценарій и угадать заключительную катастрофу. Стенографическіе отчеты газетъ знакомятъ насъ съ этими драмами довольно аккуратно. Но нельзя сказать, чтобы вполне обстоятельно. А именно: не всѣ дѣйствующія лица выходятъ въ нихъ на сцену. Мы видимъ только такъ-называемыхъ увлекающихся, но намъ почти никогда не приходитъ на мысль, что у каждого изъ этихъ увлекающихся существуетъ извѣстная обстановка, данная рожденіемъ, воспитаніемъ, дружбою. Стенографическіе отчеты рѣшительно умалчиваютъ объ этихъ обстановкахъ, а между тѣмъ въ нихъ встрѣчаются дѣйствующія лица отнюдь не менѣе интересныя, какъ и главныя сюжеты. Это — отцы и матери увлекающихся, которые мечутся и истекаютъ кровью и тѣмъ съ большею болью отзываются на удары судьбы, что послѣдніе падаютъ на организмы, уже обезсиленные прежними жизненными ударами. Поэтому, ежели читатель стенографическихъ отчетовъ хочетъ знать, гдѣ находится настоящій узелъ семейныхъ драмъ, то онъ долженъ перенестись мыслью къ тѣмъ анонимнымъ безъ рѣчей изнемогающимъ лицамъ. Тогда драма для него сдѣлается вполне понятною, ибо онъ на себѣ самомъ почувствуетъ цѣпящее дуновеніе того ужаса, который заставляетъ анонимныхъ людей анонимно истекать слезами и кровью.»

Пора остановиться. Я и такъ довольно сдѣлалъ выписокъ, чтобы познакомить читателя съ послѣдней вещью Щедрина. Такая вещь, какъ «Чужой Толкъ», останется историческимъ документомъ, поясняющимъ трагедію, переживаемую нами, и не скоро умретъ въ памяти людей, какъ высокоталантливый скорбный протестъ среди вликовъ беззащѣтннчаго хищничества.

И слава Богу, что сатирикъ хотя бы и «езопствующимъ языкомъ» призываетъ къ стыду и будитъ въ обществѣ хорошіе инстинкты.

Что было бы, если-бы среди общаго маразма раздавались бы только безстыжія пѣсни!?

II.

Въ той же книжкѣ «Отественныхъ Записокъ» выдаются крайне талантливыя очерки подъ названіемъ «На родной нивѣ», принадлежащія перу извѣстнаго писателя, скрывающагося подъ буквами Г. У., и обращаетъ на себя вниманіе небольшой свя-

точный рассказ г. Осиповича—«Тетушка». Рассчитывая поговорить о послѣднихъ очеркахъ г. Г. У. съ тою обстоятельностью, какое заслуживаетъ какъ глубина содержания самыхъ очерковъ, такъ крупный и въ высшей степени оригинальный талантъ ихъ автора, — я скажу теперь нѣсколько словъ о рассказѣ г. Осиповича.

Рассказъ этотъ—страничка и страничка, написанная даровитой рукой, выхваченная прямо изъ жизни, рисуетъ намъ одно изъ тѣхъ анонимныхъ лицъ, которыя «анонимно истекаютъ слезами и кровью».

Лицо это тетушка. Мѣсто дѣйствіе самое анонимное—номеръ гостинницы въ провинціальномъ городѣ. Время—канунъ Нового года. Нумера опустѣли; всѣ ушли развлекаться подъ Новый годъ, только тетушка, старая тетушка, одна изъ тѣхъ старыхъ дѣвъ, которыя всѣмъ бывають тетушками и дорого потомъ расплачиваются за привязанность горячаго любящаго сердца. Эта тетушка тоже устроила себѣ праздникъ, но праздникъ совсѣмъ необыкновенный: она освѣтила свой номеръ свѣчами, приодѣлась и поставила на комодѣ между двумя свѣчами фотографическій портретъ Женички, обвила его лентой, украсила по бокамъ живыми цвѣтами и, послѣ глухихъ рыданій, по временамъ восклицала:—Женичка! О, Же-ни-чка!

«Женичка улыбалась ей изъ-подъ ленты тою восхитительной улыбкой, которая составляетъ неизбѣжную принадлежность всѣхъ женскихъ портретовъ въ мірѣ», «но было все пусто и глухо кругомъ» и только разгоряченному воображенію тетушки могло казаться, что ее зовутъ, откликаются. Она выпрямилась и съ минуту напряженно прислушивалась, повернувъ къ двери голову: то вѣтеръ застоналъ въ трубѣ, да тараканы шуршали по обоямъ. Тетушка глубоко вздохнула и въ изнеможеніи откинулась на спинку дивана. Силы, казалось, оставили ея; она имѣла видъ восковой фигуры съ полужакрытыми, потухшими глазами».

Когда она успокоилась, она вынула изъ кармана скомканное письмо и стала читать его, — строчки все той-же Женички, портретъ которой стоялъ на комодѣ.

«По временамъ она улыбалась, покачивала головой, иногда хмурила брови, два раза подносила письмо къ губамъ и цѣловала бумагу. Тогда глаза ея поднимались вверху, какъ у молящейся, а на рѣсницахъ дрожали слезы».

Потомъ она развернула карту и вела черту на сѣверо-востокъ, справляясь съ письмомъ.

По счастью одинокую тетушку навѣстило живое созданіе — Вѣрочка, подруга Женички... Тетушка прочтала ей письмо, изъ

котораго оказалось, что Женичку перевозить изъ села въ село, но она надѣется, что скоро ее отправятъ въ городъ.

Обезумѣвшая отъ горя тетушка начинаетъ рассказывать о своей Женичкѣ, о томъ, какъ все это случилось. Длинная рѣчь прерывается отступленіями. Горе слишкомъ подѣйствовало на нее. Женичка была ея жизнь, ея радость, единственное существо, связывающее ее съ міромъ. Безъ Женички существованіе теряло смыслъ. И оно дѣйствительно потеряло его съ тѣхъ поръ, когда обстоятельства разлучили сироту племянницу съ тетушкой. Изъ разсказа ея, которымъ она думала облегчить изможденную душу, видно, что однажды ночью пришли къ Женичкѣ и сказали: «Вы, говорить, невѣста—такъ пожалуйте!»

Это былъ ужасный ударъ для тетушки.

Старуха ходила-ходила, ходила-ходила — «чего это тутъ старуха шляется!» Наконецъ увидала таки генерала и въ ноги.

«Нельзя, говорить: ваша племянница—невѣста!»

«И кто это такой слухъ распустилъ! У кого, будто, невѣста, тому будетъ легче... то есть, если невѣста обвиняется и отправится вмѣстѣ... Что это теперь дѣлается... Боже праведный! Ну, если невѣста еще настоящая, любить, то это понятно. Она куда угодно пойдетъ. Только женщина можетъ такъ любить, Вѣрочка! Но Женичка совсѣмъ не знала, даже не видала никогда ея, жениха. Приходить разъ блѣдная—блѣдная, глазки блестятъ, а сама дрожить вся. «Я, тетушка, невѣ...»

Тетушка залилась плачемъ и упала на грудь Вѣрочки. Вѣтеръ злобно ударилъ въ окно: мышъ пискнула въ подпольѣ; лампа догорѣла и слабо вспыхивала; портретъ Женички улыбался на комодѣ...

Но дни тетушки были сочтены. Сердце совсѣмъ истекало кровью.

— «Вѣрочка!!—тетушка вдругъ совершенно неожиданно вскочила, какъ помѣшанная, съ дивными огромными глазами, затряслась и вскричала не своимъ голосомъ:—а что, если она теперь, въ эту самую минуту все ѣдетъ... ѣдетъ!!»

На другой день тетушка въ видѣ бездыханнаго трупа лежала на кровати, прикрытая простыней. Портретъ Женички по прежнему улыбался съ комода.

Что же касается до самаго оригинала, то вопросъ о томъ, доѣхалъ ли онъ или нѣтъ до города, остался открытымъ. Быть можетъ Женичка и до сихъ поръ еще ѣдетъ, благосклонный читатель?

Обращая вниманіе на этотъ небольшой разсказъ, дышащій искренностью и правдой и, какъ читатели могли убѣдиться, написанный даровитой рукой, невольно хочется сказать: Ахъ,

еслибъ дѣйствительность давала поменьше матеріала для *такихъ* рассказовъ!

Да, жизнь русская точно сошла съ петель и волей не волей беллетристу приходится пѣть «тоску», наблюдая жизнь во всѣхъ ея сложныхъ проявленіяхъ, и не оканчивать своихъ произведеній пиркомъ, да свадебной и всеобщимъ благополучіемъ. Благополучіе — удѣлъ немногихъ, и благополучные романы и повѣсти — анахронизмъ въ наше время. Развѣ если авторъ возьметъ своихъ героевъ изъ того міра, гдѣ люди не краснѣютъ и не стыдятся, но и то еще вопросъ, не наткнется-ли благополучіе на какой-нибудь совершенно неожиданный пассажъ...

Въ такое-то время, мнѣ кажется, довольно трудно — если не невозможно — писателю, обладающему отзывчивостью и пониманіемъ сложныхъ явленій жизни, брать свои сюжеты специально изъ сферы амура и культивировать этотъ сюжетъ съ услажденіемъ. Конечно, сфера амура обширна и для многихъ читателей заманчива, и писатель воленъ описывать, что ему угодно, но и критика въ свою очередь не только вольна, но обязана указать по меньшей мѣрѣ на бесплодность такого занятія и удивиться автору, который не видитъ въ окружающей жизни ничего, кромѣ амура и его послѣдователей.

Признаюсь, такое тяжелое — даже болѣе — безотрадное впечатлѣніе производитъ повѣсть г. Боборыкина «Въ Наперсникахъ», напечатанная въ той-же книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ». На цѣлыхъ семи печатныхъ листахъ почтенный писатель не безъ удовольствія повѣтствуетъ намъ ни мало ни много о томъ, какъ въ подмосковной дачѣ, лѣтней конечно порой, нѣсколько пожилыхъ и молодыхъ (пожилыхъ, впрочемъ, больше)... хотѣлъ было сказать людей, но правильнѣе будетъ сказать «саврасовъ», задравши хвосты, гонялись за женскими «линіями» и что отъ такой гонки произошло. Вы только подумайте: гонка эта происходитъ на семи печатныхъ листахъ, въ которыхъ только и есть, что описаніе линий и вождельнія саврасовъ при видѣ лній, описаніе, производимое въ серіозъ и со стараніемъ, достойнымъ лучшаго приложенія. Резюмируя кратко, какъ содержаніе названнаго произведенія, такъ и поведение гонящихся за «линіями» героевъ, можно сказать, что оно весьма близко подходит къ содержанію — да проститъ меня читатель за выраженіе! — обыкновенной собачьей свадьбы, въ которой роли, по волѣ автора, вмѣсто собакъ исполняютъ люди...

Повторяю, впечатлѣніе, выносимое отъ такого упрощеннаго

содержанія, разведеннаго однако на семи печатныхъ листахъ, тѣмъ тяжелѣй, что отъ такого писателя, какъ г. Боборыкинъ, можно было-бы ждать во всякомъ случаѣ болѣе занимательнаго сюжета. Г. Боборыкинъ несомнѣнно обладаетъ замѣтнымъ беллетристическимъ талантомъ и во многихъ своихъ вещахъ показаль кромѣ того, что обладаетъ еще отзывчивостью и умѣніемъ вглядываться въ жизнь, если и не глубоко, то во всякомъ случаѣ глубже, чѣмъ то требуется для разсказа о собачьей свадьбѣ въ лицахъ. Правда, талантъ г. Боборыкина не первоклассный и, если можно такъ выразиться, поверхностенъ и фотографиченъ. Творческаго элемента въ немъ мало; герои названнаго писателя очень скоро улетучиваются изъ памяти, такъ какъ въ нихъ нѣтъ никогда типической закваски. Онъ выработалъ въ себѣ тщательную манеру письма, бойкій (иногда впрочемъ дѣланый) языкъ, красивую постройку фразы. Всѣ эти качества, соединенныя съ способностью наблюденія и образованіемъ, заставляютъ предъявлять къ нему требованія, какъ къ писателю, понимающему, что и для чего онъ пишетъ, и потому понятно недоумѣніе, когда такой писатель съ восхищеніемъ преподноситъ эпопею собачьей любви.

Судите сами:

На подмосковской дачѣ, гдѣ поселился старый холостякъ, отъ имени котораго ведетъ разсказъ авторъ, живетъ женщина съ «линіями». Ну, разумѣется, женщина съ «линіями» хорошаго тона «и хорошей породы—блондинка». Сперва, когда старый холостякъ увидалъ ее въ лодкѣ, она (т. е. дама съ линіями) показалась ему очень красивой; но еще болѣе роскошной, чѣмъ красивой. «Волосы, шея, пушистыя рѣсницы и малиновыя губы, проносились предо мною—разсказываетъ старый холостякъ— вмѣстѣ съ рукавами голубаго платья и молочной бѣлизны руками».

Нечего и объяснять читателю, что холостяку, да еще старому, подъ пятый десятокъ, было лестно поближе разглядѣть даму, и еще такую, которая не только красива, но и роскошна.... И на этомъ основаніи, когда дама и кавалеръ, катавшіеся на лодкѣ по пруду, приплыли къ тому укромному мѣсту, гдѣ возлежалъ въ задумчивости старый холостякъ, онъ не только не поспѣшилъ уйти, предоставивъ укромное мѣстечко дамѣ съ линіями и молодому, красивому ея спутнику-студенту, но остался и подслушалъ ихъ разговоръ, и когда присутствіе его было открыто, скоростижно познакомился и съ дамой и съ кавалеромъ и разглядѣлъ даму съ «линіями» уже вплотную.

По обстоятельному разсмотрѣніи оказалось, что 1) она большаго роста и держала голову нѣсколько въ бокъ, 2) что руки

у нея были вблизи удивительной красоты, особенно пальцы и очертанія локтей, 3) что на видъ ей можно было дать 25 лѣтъ, но шея, грудь и весь станъ говорили, что ей уже подѣ тридцать, 4) приподымала она край платья безъ всякаго признака стѣсненія, но и безъ умышленнаго кокетства, и такимъ образомъ дала возможность старому холостяку обстоятельно просмаковать и ноги. «Ноги выказывали такую-же породу, какъ и руки. И туфли съ кривыми каблучками, и шелковые чулки съ шитьемъ на подъемѣ, говорили объ изящныхъ привычкахъ этой женщины».

Познакомившись столь быстро съ незнакомыми людьми, почтенный старый холостякъ пригласилъ молодую пару полюбоваться укромнымъ мѣстечкомъ. «Какъ—говоритъ онъ—мнѣ хотѣлось побыть еще въ воздухѣ молодости, около этихъ двухъ красивыхъ человѣческихъ типовъ».

Послѣ этого знакомства и начинается описаніе гонки за дамой съ «линіями», причемъ, однако, въ этой гонкѣ старый холостякъ не участвовалъ, а только былъ въ качествѣ наперстника и соглядатая, пока, впрочемъ, не соблазнился другими «линіями», но уже не столь мягкими и округлыми, и не женился на некрасивой, но симпатичной дѣвушкѣ, спасши ее отъ самоубійства, вслѣдствіе амура къ студенту, занятому въ это время женщиной съ «линіями». Все это сдѣлалось, конечно, внезапно, очень даже внезапно, и хотя дѣвица и была спасена старымъ холостякомъ, но я на ея мѣстѣ все-таки не рѣшился-бы пойдти за него замужъ. Это, впрочемъ, мимоходомъ. Грѣхъ супружества остается на душѣ автора.

Тѣмъ временемъ, вѣрнѣе—во все время, гонка за дамой съ «линіями» шла на всѣхъ парахъ. Главными участниками были: студентъ Чулковъ, профессоръ Ворокуевъ и нѣкій г. Шульцъ. Первый молодой, а оба остальные уже на склонѣ лѣтъ. Особенно въ этой гонкѣ былъ неутомимъ г. профессоръ и, разумеется, все больше насчетъ «линій» и красоты, а не то, чтобы съ намѣреніями. Насчетъ этаго профессоръ былъ большой ходокъ и объяснилъ старому холостяку, своему пріятелю, что если-бъ его, профессора, сдѣлали-бы диктаторомъ, то онъ первымъ дѣломъ «распорядился-бы выпиской каждагодно цѣлыхъ партій красивыхъ женщинъ. Въ Германіи, особенно въ южной Австріи, въ Венгрии вы увидите расу: ростъ, поступь, торсы, волосы, глаза...»

Ну, а у насъ въ Россіи—ни росту, ни поступи, ни торсовъ, ни волосъ, ни глазъ, и потому этотъ шутъ гороховый.. виноватъ, профессоръ очень соболѣзновалъ, жалуясь, что въ Европѣ (особенно въ Австріи) какая нибудь прачка «идетъ грудью впередъ,

передникъ чистый, талья перетянута. Однимъ словомъ женщина. Даетъ вамъ даровое художественное представленіе..»

Однако, барыня съ «линіями» была баба не промахъ и понимала, что это за штука «линіи», о которыхъ твердилъ г. профессоръ; она, не смотря на свой «хорошій тонъ», рекомендованный авторомъ, такъ таки прямо и заявила наперснику, что саврасы ловки, выдумали «линіи». Тутъ не лініи, я знаю что...

Наперсникъ, изобразивъ невиннаго поросенка въ мѣшкѣ, спросилъ: скажите?—«И скажу: тѣло, а не лініи... Вотъ что вамъ всѣмъ нужно!..»

Затѣмъ она объяснила наперснику, что очень хорошо испытала, что значуть «муштинки» (такъ и сказала «муштинки», не смотря на свой «хорошій тонъ») и потому... довольно... пусть себѣ эти саврасы и не ждуть ничего...

Однако, когда всѣ три савраса (не считая наперсника, который только принималъ участіе въ качествѣ свидѣтеля) бесплодно бѣгали за «линіями», и сама барыня почувствовала вдругъ тоже вождедѣніе къ «линіямъ». Счастливецемъ оказался четвертый саврасъ, князь—грузный и полный, но красивый... И она уѣхала съ нимъ за границу, а всѣ остальные остались съ носомъ, кромѣ наперсника, который, какъ выше объяснено, женился...

Вотъ вкратцѣ содержаніе. Я не говорю о характерахъ. Всѣ до одного—какіе-то шуты гороховые, а не люди... О профессорѣ читатель уже знаетъ; но и студентъ Чулковъ—не умнѣе...

Написана повѣсть не дурно. Г. Боборыкинъ владѣеть техникой, но хоть-бы онъ владѣлъ ею въ еще большемъ совершенствѣ, то все таки чтеніе собачьей любви отъ того занимательнѣе не становится.

III.

Я только что проштудировалъ повѣсть г. Боборыкина, какъ мнѣ пришлость познакомиться съ другимъ рассказомъ того-же писателя—«Умереть-Уснуть», помѣщеннымъ въ первомъ номерѣ «Вѣстника Европы». Рассказъ этотъ отличается отъ повѣсти тѣмъ только, что онъ гораздо короче, и занимаетъ только два печатныхъ листа, вмѣсто семи. Содержаніе его опять таки «амуръ» и при томъ амуръ чахоточнаго человѣка. Герой рассказа, докторъ Елкинъ, которому по точному предсказанію остается жить всего два года, почувствовалъ жажду любви. Прежде онъ не любилъ, а только «заполучалъ» женщинъ.—За два мѣсяца до назначеннаго ему жить срока, онъ, увидавъ на выставкѣ портретъ женщины, влюбился въ него. Случай-же далъ ему возможность

встрѣтиться съ оригиналомъ въ моленной, и онъ, разумѣется, совсѣмъ вторился въ предметъ страсти — разумѣется, опять таки, въ женщину «съ линіями». Станъ, плечи, волнистыя линіи груди, а какое тѣло? Само здоровье, сама красота, нѣга!..

Увидавши это здоровое тѣло и восхитительную красоту, докторъ Елвинъ совсѣмъ изнылъ и вмѣстѣ съ посѣтителеми моленной Пашкова запѣлъ божественные гимны. Онъ пѣлъ, разумѣется, ей и когда кончилась бесѣда и незнакомка ушла, — докторъ Елвинъ бросается на выставку — смотрѣть на портретъ. Незнакомка овладѣла имъ всецѣло. «Всплывалъ одинъ образъ, но уже не половинный, какъ тамъ на портретѣ, а во весь ростъ, съ гармоніей цѣлаго, съ движеніями то плавными, то игривыми... Ничего больше. Науки точно не существовало, ни студентовъ, ни желанія работать на ихъ пользу до самой смерти. Однимъ словомъ—это любовь, по объясненію автора.

На выставкѣ портрета не оказывается, и докторъ, узнавши, что художникъ, писавшій этотъ портретъ, Рошинъ — его пріятель, ѣдетъ къ нему и черезъ силу подымается въ пятый этажъ...

Пока они говорили съ художникомъ, и докторъ узналъ, что его красавица замужемъ и имѣетъ троихъ дѣтей, вошла она.

«Шелестъ платья, чуть слышный тукъ-тукъ походки по коврау. Портьеру откинулъ Рошинъ. Въ дверяхъ стояла она въ блѣдно-голубомъ пеньюарѣ, съ фрезой. Кружева и ленты извивались вдоль ея стана до самаго пола. Въ волоса вплетена бархатка, одинъ локонь отброшенъ».

Они остались одни (художникъ ушелъ за палитрой). Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія она заговорила.

И вдругъ онъ опустился на коверъ, ноги согнулись, руки вытянулись къ ней. Ошеломленный, онъ зарыдалъ и приложился губами къ ея платью» и произнесъ отрывочный монологъ любви, чувствуя, что смерть приближается.

— «Красота... красота! Я—въ гробу, вы видите. Милостыню прошу, милостыню—еще разъ поглядѣть... У васъ любовь святая, дѣтская... Но вѣдь я милостыню! Я благословлю..

«Онъ схватилъ ея руку, поцѣловалъ два раза безумно-радостно и отшатнулся съ ужасомъ въ закатающихся зрачкахъ.

— «Смотрите!..—шепталъ онъ угасающимъ голосомъ—сейчасъ! Прищипнетъ!»

И тутъ-же на коврѣ умеръ.

Конечно, авторъ рассчитывалъ на эффектъ послѣдней сцены и думалъ, что выйдетъ трогательно, но, признаюсь, выходитъ болѣе «жалостно», чѣмъ трогательно, и весь рассказъ фальшивъ.

Отдаетъ мелодрамой во вкусъ Марлинскаго. А между тѣмъ почтенный авторъ, замѣтно подражавшій Золя въ описаніяхъ (у него попадаются и вѣрѣ янтарно-рубиновыхъ брызгъ, и блѣдно-опаловый пологъ, и сизо-розовая рябь, и малиновый шаръ солнца, и «капельной рубинъ», и даже ломтикъ моркови, съ которымъ сравниваетъ кусочекъ заходящаго солнца герой рассказа) и отдѣльвавшій на чистоту языкъ, конечно вполне увѣренъ, что въ рассказѣ своемъ онъ служить послѣднему слову «натурализма». Онъ все старается точно описать: какъ величину портрета, такъ и психическія ощущенія; въ перечисленіяхъ онъ придерживается точности каталога, но—да проститъ меня почтенный авторъ—не смотря на все стараніе и тщательность отдѣлки, рассказъ его—представляетъ только лишнее доказательство, что подъ покровомъ этого якобы натурализма—скрывается ужасная фальшь и отсутствіе реализма.

Г. Боборыкинъ, рисуя своего доктора, воображаетъ, что онъ поступаетъ и ощущаетъ на основаніи подлинныхъ протоколовъ науки. Но главное-то онъ и проглядѣлъ. Спросите у любого врача, придетъ-ли на мысль чахоточному въ послѣднемъ градусѣ недуга, воздыхать о женщинѣ, хотя бы съ тѣломъ болѣе роскошнымъ, чѣмъ было у прелестной незнакомки.

Чувство самосохраненія—вотъ единственное чувство, которое охватываетъ чахоточнаго, и, конечно, за два мѣсяца до смерти, больному ни до «тѣла», ни до созерцанія «божественной красоты».

Крупные художники не впадали въ такую ошибку, хотя въ тѣ времена и не было «протокольныхъ» теорій. Они чувствовали, что разлагающаяся жизнь, полутрупъ—у ногъ прелестной незнакомки—потѣшная мелодрама, претенціозно выдаваемая за реальное воспроизведеніе...

Выходить, повторяю, болѣе «жадостливо», чѣмъ потрясающе, не смотря на разсчитанный заключительный эффектъ. Ужь если учиться настоящему реализму, то у насъ слава Богу есть Гоголь, и Толстой, и Тургеневъ; такъ что-же подражать Золя, который на цѣлыхъ страницахъ, въ цѣлыхъ главахъ, описываетъ акты любви, происходящіа гораздо скорѣе у здоровыхъ людей. Но онъ старческое любострастіе выдаетъ за реализмъ и даже заставляетъ чуть-ли не въ предсмертныхъ судорогахъ слиться двухъ юношей во едино. И пишутъ настоящіе художники-реалисты не такъ. У нихъ въ описаніяхъ нѣтъ каталоговъ, но вы видите, чуть-ли не осязаете лица. У нихъ нѣтъ вычурныхъ, выдѣланныхъ описаній природы; но читая описаніе лѣса у Тургенева, напримѣръ, вы чуть-ли не слышите запахъ и сырость

дѣла. У Толстаго, по описанію одной спины («Мятедь»), вы догадываетесь о характерѣ ящика. А во всѣхъ протокольныхъ произведеніяхъ, претендующихъ на натурализмъ, видны только подобранныя, а не прожитыя сравненія, видны «кусочки моркови», но не видно подлинной поэзіи, и нѣрѣдко нѣтъ никакого содержанія.

Я распространился по этому поводу потому, что на многихъ молодыхъ писателяхъ замѣтилъ это, почти слѣпое, подражаніе Золя. Впрочемъ, объ этомъ въ другой разъ, а въ заключеніе мнѣ остается сказать «пару словъ» почтенной «Недѣля», почтившей «Дѣло» комплиментомъ слѣдующаго содержанія:

„Въ заключеніе не могу не сказать нѣсколько словъ о журналѣ „Дѣло“, перешедшемъ, какъ извѣстно, за смертью Благосвѣтлова подъ новую редакцію. Настоящій характеръ этой новой редакціи, конечно, не успѣлъ еще опредѣлиться въ такое короткое время, но уже и теперь можно видѣть, что журналъ будетъ вестись не въ томъ шаблонно-ругательномъ, пошломъ тонѣ, какой былъ необходимою принадлежностью прежняго „Дѣла“. Извѣстно, какъ относилось оно ко всѣмъ вообще вопросамъ: первымъ дѣломъ оно спѣшило эмансипироваться отъ всѣхъ условій и требованій времени, мѣстности, обычая, потребностей и т. д., выбирало на радикальные ходы и шагало черезъ здравый смыслъ и современныя условія. Въ этомъ отношеніи въ „Дѣлѣ“ уже и теперь замѣтна перемена. Такъ, въ вопросѣ о тарифѣ оно рѣшительно стало за охранительную систему руководствуясь при этомъ здравыми соображеніями о современныхъ нуждахъ народа. Подобное рѣшеніе и даже подобное отношеніе къ какому-бы то ни было вопросу было совершенно невозможно, немислимо для прежняго „Дѣла“. Кромѣ того, къ участию въ немъ привлекаются молодыя силы; въ немъ появился новый отдѣлъ „Литературныя замѣтки“, обѣщающій быть живымъ и интереснымъ. Словомъ, ясно чувствуется свѣжая струйка, повѣявшая на его пожелтѣвшія страницы, и можно сказать съ достаточной увѣренностью, что если усилія новой редакціи въ этомъ направленіи будутъ продолжаться, „Дѣло“ займетъ подобающее ему мѣсто въ ряду нашихъ журналовъ. До послѣдняго времени оно было какимъ-то выброскомъ изъ журнальнаго міра, и рецензенты даже избѣгали говорить о немъ“.

Почтенная «Недѣля» съ обычной своей проникательностью, ставшей давно въ нѣкоторомъ родѣ триуизмомъ, конечно подумала, что сказала комплиментъ и что новая редакція расшаркнется передъ такимъ поощреніемъ... Но вмѣсто того мы напомнимъ *шепетильной* газетѣ, что слово «выбросокъ» не совсѣмъ литературно; относительно-же шаганія черезъ здравый смыслъ и современныя условія—мы оставимъ почтенную «Недѣлю» въ такомъ же пріятномъ заблужденіи, въ какомъ она остается и по поводу нашего отношенія къ охранительному тарифу. Замѣтимъ только съ своей стороны, для ея успокоенія, что мы, на примѣръ, трогательный оптимизмъ, обнаруженный почтенной газетой вслѣдъ за объявленіемъ новой эры, называемъ уже не шаганіемъ, а на-

стоящимъ бѣгствомъ отъ здраваго смысла и современныхъ условий,—бѣгствомъ, впрочемъ—считаемъ долгомъ прибавить—совершаемымъ отъ полноты сердца и по наивно-дѣтской довѣрчивости—не болѣе. Бѣгать въ такомъ направленіи мы не намѣрены и впредь, хотя-бы за это «Недѣля» и не удостоила насъ своимъ вниманіемъ.

Намъ очень жаль, что не приходится за комплиментъ расплачиваться комплиментомъ; но надо и комплименты умѣть говорить.

Ф. Рѣшниковъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- I. Какъ распредѣлится между плательщиками добавочный налогъ на торговля свидѣтельства.
- II. Вѣроятное вліяніе на наши внутреннія экономическія отношенія добавочнаго налога на вѣдшую торговлю.
- III. Реформа дворянскихъ правъ, предложенная гг. Рагозиннымъ и де-Роберти.

I.

Въ послѣднемъ внутреннемъ обзорѣннн мы говорили о мѣрахъ новаго финансоваго управленія, на основаніи газетныхъ слуховъ; въ теперешнемъ мы можемъ говорить о нихъ уже на основаніи фактовъ.

Печати въ большинствѣ случаевъ приходится говорить о мѣрахъ администраціи на основаніи свѣденій «изъ достовѣрныхъ источниковъ» или «достовѣрныхъ слуховъ». Серьезное трактованіе вопроса, на основаніи слуховъ, когда затѣмъ оказывается, что слухъ «не имѣлъ основанія», ужь безъ сомнѣнія роняетъ достоинство печати и оскорбительно для достоинства писателя. Мистификаціи въ подобныхъ случаяхъ едва-ли могутъ быть чѣмъ нибудь оправданы. Между тѣмъ даже солидные органы печати обсуждали въ послѣднее время не разъ финансовыя проекты и финансовыя мѣры, которыя или вовсе не предполагались или о которыхъ было извѣстно только по слухамъ. Обвинить въ этомъ печать едва-ли справедливо. Можно скорѣе пожалѣть, что печать не приглашается къ содѣйствію, которое она могла-бы оказать, и что только вслѣдствіе этого возможны недоразумѣнія между органами правительства, органами печати и публикой.

Такъ, во многихъ газетахъ сообщались изъ «достовѣрныхъ источниковъ» подробныя свѣденія объ установленіи подоходнаго налога и обложеніи имъ доходовъ съ процентныхъ бумагъ. Газетныя извѣстія вызвали правительственное сообщеніе,

изъ котораго оказывается, что хотя вопросъ о подоходномъ налогѣ обсуждался въ теченіи 1879 и 1880 годовъ въ податной комиссіи, но министръ финансовъ не принялъ по этому предмету никакого рѣшенія и сообщенія газетъ, относящіяся къ введенію упомянутаго налога вообще и въ частности къ обложенію доходовъ, приносимыхъ процентными бумагами, слѣдуетъ считать преждевременными. Конечно, въ настоящемъ случаѣ дѣло заключалось въ фактическомъ опроверженіи того, что выдавалось газетами за непреложное рѣшеніе правительства. Во всякомъ случаѣ правительственное сообщеніе должно колебать довѣріе читателей къ газетнымъ извѣстіямъ и къ газетнымъ разсужденіямъ.

Вообще, между правительственными органами и между органами печати у насъ пока еще не установилось то взаимное желательное отношеніе, при которомъ печать могла-бы являться выразительницей общественнаго мнѣнія, содѣйствіемъ котораго едва-ли справедливо пренебрегать. Въ видѣ примѣра мы могли-бы указать на тѣ недоразумѣнія, которыя были указаны печатью вслѣдъ за уничтоженіемъ акциза на соль и которыя, конечно, оказались-бы невозможными, если-бы распоряженія министерства финансовъ были извѣстны до окончательнаго ихъ утвержденія. Соображенія, высказанныя въ газетахъ, оправдались и, какъ оказывается, изъ Одессы отправились уже въ Петербургъ депутаты отъ мелкихъ солеторговцевъ съ просьбой сложить и съ нихъ акцизъ, сложенный съ солеторговцевъ крупныхъ.

Это отступленіе мы сдѣлали для оправданія печати, которой приходится иногда говорить объ очень серьезныхъ вопросахъ, только на основаніи слуховъ. Но съ другой стороны фактовъ, доступныхъ обсужденію печати, до послѣдняго времени почти и не было.

Для возмѣщенія убыли, которая обнаружится въ государственныхъ доходахъ съ уничтоженіемъ налога на соль, постановлено ввести дополнительный налогъ на внутреннюю и внѣшнюю торговлю. По внѣшней торговлѣ вводится дополнительный сборъ съ каждаго рубля существовавшихъ пошлинъ и сборъ этотъ будетъ производиться золотомъ; по внутренней-же торговлѣ съ 1 января 1881 года устанавливаются слѣдующіе дополнительные платежи:

По свидѣтельствамъ первой гильдіи 235 р.

По свидѣтельствамъ второй гильдіи въ мѣстностяхъ:

1-го класса	35 р.
2-го >	20 >

3-го класса	15 р.
4-го »	10 »
5-го »	5 »

По билетамъ на торговыя и промышленныя заведенія, выдаваемымъ при свидѣтельствахъ первой гильдіи, въ мѣстностяхъ:

1-го класса	20 р.
2-го »	15 »
3-го »	10 »
4-го »	10 »
5-го »	10 »

По билетамъ на означенныя выше заведенія, выдаваемымъ при свидѣтельствахъ второй гильдіи, въ мѣстностяхъ:

1-го класса	10 р.
2-го »	8 »
3-го »	5 »
4-го »	5 »
5-го »	5 »

По приказничьимъ свидѣтельствамъ 1-го класса. 10 р.

Въ томъ-же постановленіи говорится, что по каждому свидѣтельству первой гильдіи дозволяется содержать не болѣе десяти торговыхъ и промышленныхъ заведеній; по каждому свидѣтельству второй гильдіи не болѣе пяти и по каждому свидѣтельству на мелочной торгъ не болѣе трехъ заведеній. Если же число заведеній будетъ превышать эти нормы, то на излишнее число заведеній должны быть взяты новыя гильдейскія или на мелочной торгъ свидѣтельства, полагая по одному свидѣтельству на каждыя десять или менѣе заведеній по первой гильдіи, на каждыя пять или менѣе заведеній по второй гильдіи и на каждыя три или менѣе заведеній на мелочной торгъ.

По разсчету, который былъ сдѣланъ въ министерствѣ финансовъ, недоборъ съ уничтоженіемъ авциза на соль и пониженіемъ таможенныхъ сборовъ за соль привозную, долженъ составить 15,213,110 р. 50 к.

Разсчитывая, что изъ заграницы будетъ приходить то же количество соли какъ и нынче и съ нея получится таможенной пошлины около 3 милліоновъ кредитныхъ рублей, убыль въ государственныхъ доходахъ составитъ 12.300,000 р. Эту сумму министерство финансовъ предполагаетъ получить изъ слѣдующихъ источниковъ: отъ добавочнаго сбора на торговые документы—3.500,000 р., отъ добавочныхъ 10⁰/₀ на таможенныя пошлины 8.500,000 р., наконецъ, отъ увеличенія сбора за складку товаровъ при тамож-

нихъ до 300,000 р., всего 12.300,000 р. Понятно, что расчетъ этотъ приближительный, имѣвшій въ виду лишь вѣроятное поступленіе. Насколько расчеты министерства финансовъ оправдаются въ дѣйствительности, предусмотрѣть нельзя, но тѣ комбинаціи въ отношеніяхъ плательщиковъ, которыя будутъ вызваны дополнительными платежами, представляютъ во всякомъ случаѣ поучительный и живой интересъ.

До сихъ поръ купцы первой гильдіи платили за свидѣтельства 265 р., нынче наложено на нихъ еще 235 р., такъ что каждое купеческое свидѣтельство первой гильдіи будетъ оплачиваться 500 р. Въ процентномъ отношеніи добавочный налогъ на купцовъ первой гильдіи составляетъ 88,67% прежняго платежа.

Купцы второй гильдіи платили:

Въ мѣстностяхъ 1-го класса 65 р. за свидѣтельство, теперь на нихъ наложено 35 р., или общій платежъ составляетъ 100 р., а надбавка равняется 53,84%.

Въ мѣстностяхъ 2-го класса 55 р., дополнительный налогъ составляетъ 20 р., общій платежъ равенъ 75 р., а процентное приращеніе 36,36%.

Въ мѣстностяхъ 3-го класса свидѣтельства оплачивались 45 р., прибавка налога составляетъ 15 р., общій платежъ за свидѣтельство составляетъ 60 р., процентное возвышеніе 33,33%.

Въ мѣстностяхъ четвертаго класса свидѣтельство стоило 35 р., надбавка составляетъ 10 р., весь платежъ равняется 45 р., или дополнительный налогъ равняется 28,57%.

Въ мѣстностяхъ 5-го класса свидѣтельство стоило 25 р., дополнительный налогъ 5 р., общая сумма платежа за свидѣтельство 30 р., или 20% увеличенія.

Наконецъ, прикащики свидѣтельства перваго класса оплачивались прежде 20 р., надбавка составляетъ 10 р., общая сумма платежа равняется 30 р., или увеличеніе на 50%.

Въ понижающемся порядкѣ добавочный платежъ располагается по процентному отношенію слѣдующимъ образомъ: первое мѣсто по дополнительному налогу занимаютъ купцы первой гильдіи (88,67%), за ними слѣдуютъ купцы второй гильдіи въ мѣстностяхъ 1-го класса (53,84%), потомъ прикащики перваго класса (50%), потомъ купцы второй гильдіи, а именно: въ мѣстностяхъ 2-го класса (36,36%), въ мѣстностяхъ 3-го класса (33,33%), въ мѣстностяхъ 4-го класса (28,57%), въ мѣстностяхъ 5-го класса (20%). Постепенность, слѣдовательно, нарушается для прикащиковъ перваго класса, на которыхъ наложенъ болѣе большой процентъ платежа, чѣмъ на купцовъ второй гильдіи въ мѣстностяхъ 2-го класса.

Всѣхъ купцовъ, на которыхъ падетъ дополнительный налогъ, и прикащиковъ 1-го разряда считается 111,792 *), общая-же сумма платежа по новому расчету составитъ съ нихъ 7.247,455 руб. Купцовъ первой гильдіи считается 4,247; платили они до сихъ поръ 1.125,455 р., теперь-же будутъ платить 2.123,500 р.

Купцовъ 2-й гильдіи:		Платили:	Будутъ платить:	
Въ мѣстностяхъ	1-го класса	11,820	769,300	1.182,000 р.
»	2-го »	8,137	447,535	610,275 »
»	3-го »	13,580	611,100	814,800 »
»	4-го »	19,776	692,160	889,920 »
»	5-го »	16,902	422,550	507,060 »
Прикащиковъ	1-го класса	37,330	746,600	1.119,900 »

Въ численномъ отношеніи плательщики изъ купеческаго сословія располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ: прикащики перваго разряда занимаютъ первое мѣсто и составляютъ 33,48% всего числа плательщиковъ, обложенныхъ дополнительнымъ налогомъ. Второе мѣсто принадлежитъ купцамъ 2-й гильдіи, въ мѣстностяхъ 4-го класса, составляющимъ 16,79%. Третье мѣсто занимаютъ купцы 2-й гильдіи въ мѣстностяхъ 5-го класса (15,11%). Четвертое—купцы въ мѣстностяхъ 3-го класса (12,14%). Пятое—купцы, торгующіе въ мѣстностяхъ 1-го класса (10,57%), затѣмъ купцы 2-й гильдіи въ мѣстностяхъ 2-го класса (7,27%) и, наконецъ, купцы 1-й гильдіи (3,87%).

Въ процентномъ отношеніи къ суммѣ платежа, падающаго на торгующихъ лицъ перечисленныхъ категорій, платежи распределяются въ такомъ порядкѣ: купцы 1-й гильдіи, занимая послѣднее мѣсто, выплачиваютъ 29,30% всей суммы, купцы 2-й гильдіи, въ мѣстностяхъ 1-го класса, занимаютъ 5-е мѣсто по числу лицъ и второе въ процентномъ отношеніи къ суммѣ платежа или 16,31%. Прикащики перваго разряда занимаютъ 1-е мѣсто по числу платящихъ лицъ и третье мѣсто по своему участию въ платежахъ или 15,45%, затѣмъ купцы, въ мѣстностяхъ 4-го класса, участвуютъ въ платежахъ 72,27%, а по числу лицъ занимаютъ 2-е мѣсто. Пятое мѣсто занимаютъ купцы въ мѣстностяхъ 3-го класса, уплачивающіе 11,24%, а по числу лицъ занимающіе 4-е мѣсто или 12,14%. Купцы въ мѣстностяхъ 2-го

*) Мы беремъ эти свѣденія изъ «Вѣдомости о свѣдѣтельствахъ и билетахъ, выданныхъ на право торговли и промысловъ въ 1877 г.». Съ 1877 года особенной разницы въ цифрахъ не могло явиться, хотя наша внутренняя торговля и расширяется; поэтому свѣденія 1877 года можно считать вполне достаточными для заключеній, которыя мы попытаемся сдѣлать.

класса занимаютъ 6-е мѣсто и въ отношеніи платежей (8,42%) и въ отношеніи къ числу платящихъ лицъ (7,27%). Наконецъ, послѣднее мѣсто по участию въ платежахъ занимаютъ купцы 5-го класса, платящіе 6,99%, а въ численномъ отношеніи занимающіе 3-е мѣсто (15,11%).

Такимъ образомъ, дѣлая процентные расчеты, мы получаемъ рядъ непоследовательныхъ величинъ. Въ первой таблицѣ замѣчалось какъ-бы прогрессивное обложеніе, выдержанное послѣдовательно, т. е. что наибольшая надбавка надала на купцовъ 1-й гильдіи, а затѣмъ она постепенно уменьшалась въ порядкѣ категорій, по которымъ распределено торгующее сословіе. Исключеніемъ являлись лишь прикащики перваго разряда, на которыхъ прибавлено 50% прежняго платежа. Затѣмъ, въ остальныхъ таблицахъ исчезаетъ всякая правильность отношеній, точно для этихъ отношеній не существуетъ никакого закона. Напримѣръ, купцовъ 1-й гильдіи оказывается всего 3,83% общаго числа торгующихъ, что объясняется, разумеется, тѣмъ, что число лицъ, свершающихъ большіе обороты, и не можетъ быть вообще велико. Въ слѣдующихъ-же затѣмъ цифрахъ замѣчается необъяснимая произвольность и случайность, которой при правильномъ развитіи экономической жизни быть-бы не могло. Такъ, купцы 2-й гильдіи въ мѣстностяхъ 1-го класса составляютъ 10,57% всего числа, а купцы той-же гильдіи въ мѣстностяхъ 2-го класса—7,27%. Затѣмъ, число купцовъ въ мѣстностяхъ 3-го класса внезапно возрастаетъ до 12,14%, въ мѣстностяхъ 4-го класса купцовъ считается 16,79%, а въ мѣстностяхъ 5-го класса число ихъ снова падаетъ. Понятно, что подобное неправильное численное отношеніе купцовъ къ общему числу торгующихъ должно было вліять и на отношеніе ихъ платежей къ общему платежу.

Неизбѣжность подобныхъ колебаній обусловливается и самой податной системой, у насъ существующей. На основаніи закона податной справедливости купцы 1-й гильдіи по размѣру своихъ торговыхъ оборотовъ должны быть безъ сомнѣнія и главными вкладчиками, но тѣмъ не менѣе все-таки является вопросъ, почему они платятъ 500 р., а не 5,000, почему купцы 2-й гильдіи обложены въ мѣстностяхъ 1-го класса 100 рублевымъ налогомъ, а не большимъ или меньшимъ, почему отношеніе между разными классами плательщиковъ изъ купцовъ выражается прогрессіей 3, 4, 6, 7, 10, 50, а не какой-нибудь болѣе послѣдовательной прогрессіей.

Всѣ эти вопросы мы дѣлаемъ только для того, чтобы показать, что въ наслѣдіе нашему времени досталась податная си-

стема, сложившаяся традиціонно и настолько нераціонально, что къ ней и нельзя предъявлять никакихъ научныхъ требованій и она, безъ сомнѣнія, только отживаетъ свое время, ожидая обновленія въ предстоящей системѣ подоходнаго обложенія. Въ сей моментъ, когда было нужно внезапное пополненіе дефицита въ 12 милліоновъ, образовавшагося отъ отгѣны налога на соль, министерство финансовъ и не могло поступить другимъ способомъ кромѣ того, какимъ оно поступило. Конечно, придерживавшись системы прогрессивнаго обложенія и сдѣлавъ надбавку преимущественно на купцовъ первой гильдіи, наше финансовое управленіе не было чуждо податной справедливости, хотя въ то-же время несомнѣнно, что купцы первой гильдіи могли-бы вынести неоспоримо значительно большее обложеніе. Въ этомъ убѣждаютъ, между прочимъ, слѣдующіе цифры. Въ «Вѣдомости о свидѣтельствахъ и билетахъ, выданныхъ на право торговли и промысловъ въ 1877 году», показано слѣдующее число купцовъ первой гильдіи по губерніямъ: выше 100 купцовъ оказывается въ губерніяхъ: екатеринославской (100), кіевской (157), ливляндской (279), московской (765), с.-петербургской (1760), херсонской (130) и въ варшавской (195). Цифры эти прямо указываютъ на то, что наибольшее число купцовъ первой гильдіи сосредоточивается или въ портовыхъ мѣстностяхъ, или въ мѣстностяхъ, служащихъ главнымъ центромъ промышленной дѣятельности. Иначе сказать, въ шести мѣстностяхъ изъ 70, заключается 2229 купцовъ первой гильдіи, а въ остальныхъ 64 мѣстностяхъ ихъ только 2018. Ясно, сколько на увеличеніе числа купцовъ первой гильдіи въ главныхъ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ вліяютъ преимущественно внѣшніе торговые обороты и банкирскія дѣла и насколько, слѣдовательно, эти самыя мѣстности были-бы въ состояніи вынести и гораздо большее обложеніе. Конечно, въ этомъ случаѣ и для первой гильдіи пришлось-бы сдѣлать нѣсколько классовъ, смотря по мѣстностямъ, какъ они есть теперь для купцовъ второй гильдіи. Тогда между платежами первой и второй гильдій не было-бы такого рѣзкаго перехода, какой существуетъ между 500 и 100 рублями, но за то и для купцовъ первой гильдіи перваго класса, занимающихся обширными оборотами, банкирскими дѣлами, или ведущими заграничную торговлю, могло-бы явиться обложеніе, много больше 500 р.

Любопытно, какъ новый добавочный налогъ отзовется на потребителяхъ и кто заплатитъ надбавку, — сами-ли купцы или ихъ покупатели? По общему порядку всѣхъ промышленныхъ производствъ и торговыхъ оборотовъ, прямыя и накладные рас-

ходы вносятся въ расходы производства и затѣмъ должны быть возмѣщены производителю потребителемъ. Слѣдовательно ясно, что всякій налогъ, падающій или на сырье, или на торговые обороты, засчитывается фабрикантомъ и купцомъ въ его расходы и выбирается отъ потребителей. Напримѣръ, по новому добавочному расчету купецъ первой гильдіи можетъ по одному гильдейскому свидѣтельству держать только десять заведеній и на каждое заведеніе свыше долженъ брать новое свидѣтельство. Купецъ, имѣющій 40 заведеній, кромѣ 40 билетовъ, которые онъ долженъ взять на нихъ, обязанъ имѣть еще 4 гильдейскихъ свидѣтельства. По этому расчету купецъ заплатитъ въ мѣстностяхъ перваго класса за 40 билетовъ (по 30 р. каждый)—1200 р. и за четыре гильдейскихъ свидѣтельства 2000 р., всего 3200 рублей. Согласится-ли купецъ понизить на эту сумму свой доходъ, т. е. ограничить свои личныя потребности, или-же онъ ихъ поставитъ въ смѣту своихъ торговыхъ оборотовъ? Конечно, онъ поступитъ послѣднимъ образомъ.

Въ нашихъ провинціальныхъ и столичныхъ городахъ къ числу купцовъ, имѣющихъ повѣскольку заведеній, принадлежать преимущественно трактирщики, виноторговцы, складчики. У насъ есть губернскіе города, въ которыхъ всѣ кабаки находятся въ рукахъ 2—3 оптовыхъ торговцевъ, имѣющихъ склады, и потому что ихъ всего 2—3 человекъ, конкуренція замѣняется у нихъ согласіемъ. Если подобные оптовые торговцы внесутъ налогъ въ 3200 р. каждый, то, разумѣется, налогъ этотъ будетъ переложенъ ими на цѣну вина и его заплатятъ потребители. Насколько наши откупщики и теперешніе эпигоны, ихъ складчики, знаютъ науку переложенія, знаютъ, что каждый рубль, ими выплаченный, снова придетъ къ нимъ, доказывать конечно нѣтъ необходимости.

Система подобнаго переложенія есть настолько обыкновенное явленіе, что, разумѣется, каждое изъ тѣхъ торгующихъ лицъ, которое будетъ обложено дополнительнымъ налогомъ, постарается возмѣстить его съ кого-нибудь другаго. Какъ, повидимому, ни малъ платежъ прикащика, но онъ заплатитъ 30 р. или изъ хозяйскихъ денегъ, или ухитрится наложить ихъ на покупателей, но ужь, конечно, не отдастъ изъ собственнаго кармана и не ограничить на сумму ихъ свои потребности. Такъ какъ переложеніе свершится непременно, то истинными плательщиками явятся посятители трактировъ, кабаковъ, пивныхъ и тому подобныхъ заведеній, и, повидимому, прямой налогъ на торгующихъ превратится въ косвенный налогъ на потребителей. Конечно, вздорожаніе явится и не отъ этой одной причины; вино уже и теперь

стало дороже, потому что сталь дороже хлѣбъ и мѣстами на водочныхъ заводахъ стали курить вино изъ картофеля. Большой спросъ картофеля поднялъ мѣстами цѣну его вдвое; около Ростова четверть картофеля, продававшаяся прежде за 2 р., продается теперь за четыре. Въ череповскомъ уѣздѣ водка съ 4 р. поднялась до 6; дороговизна эта, конечно, повліяла на уменьшеніе потребленія и, напримѣръ, въ новгородской губерніи потребленіе водки въ нынѣшнемъ году уменьшилось, какъ говорятъ, на 70.000 ведеръ.

Въ этомъ взаимодѣйствіи цѣнъ довольно трудно указать на главную дѣйствующую причину, но несомнѣнно, что всѣ причины дѣйствуютъ одна на другую и въ концѣ концовъ является уменьшеніе, а не приращеніе. Конечно, въ настоящее время сказать трудно, къ какимъ цифровымъ денежнымъ результатамъ приведетъ 1881 годъ, но несомнѣнно, что на государственный доходъ должны повліять слѣдующіе факты. Государственному казначейству необходимо пополнить дефицитъ въ 12 милліоновъ отъ сложеннаго акциза на соль. Пополненіе это совершится частью увеличенными налогами на торгующее сословіе. Торгующее сословіе старается переложить весь налогъ, а если ему это не удастся, то хоть часть налога на потребителей. Явится вздорожаніе, которое заставитъ потребителей сократить потребности; сокращеніе потребностей уменьшитъ спросъ и, слѣдовательно, обнаружитъ гнетущее вліяніе на торговлю. Уменьшившійся спросъ сократитъ производство и можетъ сдѣлать часть рабочихъ рукъ излишними. При хлѣбной дороговизнѣ гнетущее состояніе можетъ проявиться еще сильнѣе и въ примѣненіи къ нашему главному источнику доходовъ выразится въ уменьшеніи потребленія вина, которое сократится и безъ того вслѣдствіе вздорожанія хлѣба и увеличенія цѣны вина складчиками, которые пожелаютъ переложить свой налогъ на потребителей. Сокращенное потребленіе, уменьшивъ производство, ослабитъ податные источники и уменьшитъ податныя силы. Въ питейномъ доходѣ это уменьшеніе можетъ выразиться сокращеніемъ этой статьи государственной росписи, такъ что дополнительный налогъ на купцовъ можетъ исчезнуть въ остальныхъ недоборахъ.

Конечно, мы перечислили одни неблагоприятныя вліянія, но рядомъ съ ними могутъ явиться и благоприятныя, и эти благоприятныя вліянія скажутся опять въ усиленномъ внутреннемъ производствѣ, которое можетъ оживиться отъ покровительства промышленности. Однимъ словомъ, въ взаимодѣйствіи оживляющихъ и гнетущихъ факторовъ все будетъ зависѣть отъ того, какіе факторы возьмутъ перевѣсъ, но несомнѣнно только одно,

что вліяніе налога на купеческое сословіе выразится вздоржаніемъ жизни, а какимъ образомъ повліяетъ увеличеніе торговыхъ пошлинъ,—все будетъ зависѣть отъ того, насколько они оживятъ внутреннюю производительность и поднимутъ заработокъ перваго производителя. Нужно во всякомъ случаѣ думать, что потребители изъ достаточныхъ людей, жители городовъ и деревенскіе потребители вина примутъ главное участіе въ уплатѣ налога на внутреннюю торговлю и плательщиками явятся они, а не купцы, промышленники и фабриканты.

II.

У всякой податной силы есть своя предѣльность, дальше которой она не выноситъ обложенія. Этотъ основной законъ приимается и къ таможенному налогу, который принадлежитъ къ числу самыхъ деликатныхъ налоговъ. Вслѣдствіе этого онъ можетъ быть или тяжелымъ бременемъ для массы недостаточныхъ потребителей, когда ложится на предметы общей потребности, или-же тарифъ изъ покровительственнаго превратится въ запретительный, если онъ облагаетъ слишкомъ высоко предметы ввоза и особенно сырые матеріалы, служащіе для фабричной или кустарной обработки.

Нашъ тарифъ въ послѣдніе двадцать лѣтъ былъ довольно либераленъ. Если-же сравнить его съ тарифомъ американскимъ или съ тарифомъ французскимъ, послѣ войны съ Пруссіей, то онъ окажется даже и очень снисходительнымъ. Для европейскихъ государствъ таможенный доходъ составляетъ одну изъ главнѣйшихъ статей бюджета, тогда какъ въ ряду нашихъ доходовъ таможенный доходъ только съ 1877 года, когда была введена металлическая пошлина, достигъ сравнительно значительной цифры. Въ 1869 году таможенный доходъ составлялъ всего 39 милліоновъ, въ 1878 году было получено металлическими рублями 53 милліона, кредитными 4 милліона, а нынче ожидается 88 милліоновъ + 8, 5 милліона 10⁰/₀-ной дополнительной пошлины, всего 93¹/₂ милліона.

Но окажется-ли въ дѣйствительности подобное поступленіе? Если судить по тѣмъ свѣденіямъ о ввозѣ, какія имѣлись до 20-го Ноября, то, казалось-бы, нѣтъ основанія рассчитывать, что смѣтное предположеніе будетъ выполнено. По сравненію съ 1879 годомъ нашъ вывозъ значительно сократился и сокращеніе это пало на хлѣбъ и на продукты изъ него. Такъ, хлѣба было вывезено меньше на 10.322,000 четвертей, льна на 1.363,000 пудовъ, сѣмени льнянаго на 134,000 пудовъ и спирта на 204.000.

Уменьшеніе вывоза сырья, составлявшаго главный предмет нашей отпускной торговли, имѣть, по всей вѣроятности, не временное значеніе; хлѣбъ составлялъ почти четверть всего нашего отпуска, доходившаго въ 1878 году до 596 милліоновъ. Если уменьшеніе производства хлѣба есть не частная случайность, а слѣдствіе упадка нашего земледѣлія, если на европейскомъ хлѣбномъ рынкѣ мы будемъ вытѣснены американцами, турками, румынами, то ясно, что для уравновѣшенія нашего торговаго баланса нужно искать какихъ-нибудь новыхъ ресурсовъ. Вывозомъ какихъ предметовъ мы пополнимъ сократившійся отпускъ хлѣба, предусмотрѣть довольно трудно, ибо въ нашемъ внутреннемъ производствѣ нѣтъ предмета, который могъ-бы конкурировать съ хлѣбомъ. Какъ производители сырья, мы только и можемъ отпускать сырье, т. е. тѣ же продукты сельскаго хозяйства, которыхъ наше сельское хозяйство создавать не въ состояніи вслѣдствіе своего упадка. Мы должны сдѣлать необыкновенное усиліе, чтобъ отдать иностранцамъ что-нибудь въ замѣнъ того, что намъ необходимо отъ нихъ получить. Какъ оказалось по цифрамъ послѣдняго вывоза, кромѣ тѣхъ четырехъ продуктовъ, на которые мы указали, вывозъ уменьшился и по другимъ статьямъ. Такъ, мы вывезли меньше выжимокъ изъ сѣмянъ, коровьяго масла, табаку, скота, лошадей, пеньковой пряжи, невыдѣланныхъ кожъ, т. е. опять-же сырыхъ продуктовъ сельскаго хозяйства; отправили же больше масличныхъ сѣмянъ, сахару, мелкаго скота, скотскаго сала, льняной пакли, пеньки, сырой шерсти, тряпья, веревокъ, желѣза, лѣснаго товара. Этотъ увеличившійся вывозъ, конечно, не возстановитъ нашего торговаго баланса и въ ближайшемъ будущемъ, если наши производительныя силы будутъ стоять на той-же точкѣ развитія, какъ нынче, едвали мы выйдемъ съ честью изъ своего положенія.

Если предположить, что мы не можемъ отказаться отъ тѣхъ предметовъ, которые получаемъ отъ другихъ народовъ, и въ тоже время не имѣемъ у себя предметовъ, которые-бы могли отдать имъ въ обмѣнъ, то намъ придется или брать заграничныя продукты въ долгъ, т. е. не отдавая въ обмѣнъ ихъ ничего, ибо намъ и дать нечего, или же совсѣмъ отказаться отъ предметовъ европейскаго производства.

Если все это такъ и случится, то намъ придется искать равновѣсія въ развитіи своихъ собственныхъ внутреннихъ производительныхъ силъ и въ возможномъ освобожденіи себя отъ зависимости иностранцевъ. Разумѣется, это-бы не сдѣлалось

слишкомъ быстро и прошелъ-бы цѣлый рядъ годовъ прежде, чѣмъ возстановилось-бы равновѣсіе. Но такъ какъ, съ другой стороны, наша зависимость отъ иностранцевъ не есть нормальное явленіе, а представляетъ собою лишь слѣдствіе нашей промышленной и экономической отсталости, то теперешній моментъ нужно разсматривать какъ моментъ неизбежный, который долженъ былъ когда-нибудь наступить. Конечно, моментъ этотъ могъ имѣть и менѣе острый характеръ, но устранить его совершенно было-бы невозможно.

Нужно думать, что, если-бы не была введена дополнительная пошлина, то острый моментъ явился-бы уже и нынче. Судя по вывозу и ввозу 1880 года, наша заграничная торговля должна была значительно упасть. Уменьшеніе это уже отразилось на таможенныхъ сборахъ, которые по 20-е ноября 1880 года составляли всего 73.000,981 р. кредитными билетами. А такъ какъ по таможенной росписи предполагалось поступленіе 88 милліоновъ, слѣдовательно, остальные 14.018,000 р. едва-ли были-бы собраны до перваго января и, слѣдовательно, въ таможенномъ доходѣ явился-бы неизбежный дефицитъ. Помощь явилась со стороны новаго дополнительнаго налога, который внезапно оживилъ нашу ввозную торговлю. Желая воспользоваться послѣдними 40 днями, иностранцы необыкновенно усилили свой ввозъ и на долю нашихъ таможенъ, преимущественно по прусской границѣ, выпала такая кипучая дѣятельность, какой наши таможи давно не запомнятъ. Больше всего ввозился чай и, напримѣръ, въ вержоловской таможнѣ ежедневно очищалось пошлиной отъ 8 до 10 тысячъ пудовъ чая, и пошлины со второй половины декабря получалось среднимъ числомъ въ день до 50 тысячъ р. золотомъ. Конечно, этотъ усиленный ввозъ не есть ввозъ нормальный, и за лихорадочнымъ возбужденіемъ наступитъ затишье. Этотъ-то моментъ затишья и составитъ, наконецъ, для насъ тотъ главный вопросъ, разрѣшенія, котораго никакъ не минуешь.

Десятипроцентная прибавка таможенной пошлины есть мѣра острая и временная. Мѣра острая она потому, что была вызвана чрезвычайными финансовыми надобностями; временная-же она потому, что слишкомъ огульна. Надбавка 10% послѣдовала рѣшительно на всѣ предметы безотносительно ихъ важности въ народной экономіи и потому она одинаково поражаетъ какъ предметы первой потребности, такъ и предметы роскоши. Таможенный доходъ основанъ, какъ извѣстно, на одномъ общемъ основаніи, практикуемомъ повсюду и вездѣ всѣми финансовыми управленіями. Цѣли финансоваго управленія всегда бывали цѣлями фискальными и вслѣдствіе этого въ видахъ увеличенія доходовъ

таможенная пошлина падала преимущественно на предметы наибольшаго потребленія. Въ этомъ причина, почему предметы роскоши облагались ничтожнымъ налогомъ, а иногда и совсѣмъ его избѣгали, тогда какъ предметы необходимости служили главной доходной статьей. Въ нашемъ тарифѣ принято подобное-же основаніе. Камни драгоценныя, жемчугъ, гранаты, кораллы настоящіе разрѣшены къ ввозу беспошлинно; съ конфетъ, всевозможныхъ вареній, съ фруктовъ въ лиферахъ берется ничтожная пошлина въ 5 р. съ пуда или $12\frac{1}{2}$ коп. съ фунта; за устрицы, морскіе раки и имъ подобныя деликатесы берется съ пуда 1 р. 10 к.; а между тѣмъ, съ обыкновеннаго торговаго чернаго, стебельковаго и даже кирпичнаго чая взыскивается съ пуда 15 р. 40 к. Съ точки зрѣнія таможенныхъ доходовъ подобная привилегія въ пользу устрицъ и конфетъ вполнѣ понятна. Доходъ съ нихъ по его ничтожности даже и не выставляется въ печатныхъ отчетахъ таможеннаго вѣдомства, тогда какъ чай фигурируетъ въ нихъ очень почтенной цифрою ввоза, доходящей почти до 40 милліоновъ. Такимъ образомъ, таможенный доходъ есть всегда косвенный налогъ на наибольшую массу потребителей и имѣетъ въ своемъ конечномъ результатѣ вздорожаніе жизни большинства. Какъ фискальная мѣра, таможенный налогъ рѣдко обнаруживаетъ покровительство промышленности, особенно народной, и въ большинствѣ случаевъ идетъ съ нею даже въ разрѣзъ. Это такъ и должно быть по самому существу цѣли таможеннаго обложенія. Обложеніе это стремится къ большому доходу, а большій доходъ могутъ дать лишь предметы, составляющіе главные статьи потребленія.

Подобный антагонизмъ цѣлей можетъ вести къ такимъ результатамъ, которые у насъ уже и начинаютъ обнаруживаться. Не производя ничего, кромѣ сырья, мы только сырьемъ и могли обмѣниваться съ иностранцами. Въ производствѣ сырья у насъ наступаетъ кризисъ; отдавать намъ нечего, слѣдовательно и получать придется меньше. Въ то же время таможенный доходъ считается одной изъ важнѣйшихъ статей бюджета и, при отсутствіи другихъ источниковъ обложенія, неизбѣжно долженъ обнаруживать тенденцію къ увеличенію. Но увеличеніе его можетъ свершиться лишь на счетъ прямаго возвышенія платежей, а не на счетъ развитія и расширенія сношеній, которыя, какъ мы видѣли, обнаружили обратную тенденцію, т. е. возвышеніе таможенныхъ пошлинъ является въ то время, когда сношеніе сокращается. Настоящее временное оживленіе ввоза, вызванное искусственно, конечно, скоро прекратится, и внѣшнее затишье будетъ сопровождаться подобнымъ-же затишьемъ внутреннимъ.

Когда еще разовьются наши внутреннія производительныя силы и когда явится оживленіе, предвидѣть нельзя, но пока оно явится, будетъ царить дороговизна и давленіе на жизнь низкаго курса. Что-же касается до повышенія таможенныхъ пошлинъ, которое является простымъ процентнымъ повышеніемъ платежей, то едва-ли оно обнаружитъ особенно благотворное вліяніе на развитіе народнаго труда. Ясно, что пока не выяснится въ жизни практическое вліяніе финансовыхъ мѣръ послѣдняго времени и не намѣтится направленіе, которое приметъ русская промышленность, мы будемъ находиться въ безъисходномъ кругѣ. Если-бы мѣры финансоваго управленія обнаружили вліяніе на развитіе земледѣлія и народной промышленности, то предвидѣть послѣдствія этого развитія не было-бы трудно. Точно также, если-бы финансовыя мѣры покровительствовали крупной промышленности и капиталистическому производству, — и послѣдствія этихъ вліяній были-бы очевидны. Но такъ какъ теперешняя таможенная мѣра не даетъ повода заключить, какого рода вліяніе обнаружитъ она по преимуществу и создастъ-ли премію въ пользу народнаго труда, то до выясненія этого мы нѣкоторое время будемъ находиться въ безъисходномъ кругѣ гнетущихъ вліяній.

Если-бы не было на свѣтѣ иностранцевъ и международныхъ сношеній, наше экономическое положеніе было-бы гораздо лучше. Теперь-же оно зависитъ отъ кредита, которымъ мы пользуемся на международномъ рынкѣ. Кредитъ-же нашъ слѣдующій. Въ 1860 году за нашъ металлическій рубль давали 1 р. 7 к. кредитными. Въ 1870 году давали за него 1 р. 28 к., а въ 1879—1 р. 57 к., иначе сказать, мы отдавали иностранцамъ рубль за 63,7 к., а они намъ ставили въ счетъ вещь, которая стоила 63,7 к.—за 1 р. При развитіи внутренней промышленности и при выгодныхъ условіяхъ народнаго труда подобной зависимости не было-бы, и мы съ гордостью могли-бы отвергнуть многія услуги иностранцевъ, безъ которыхъ теперь обойтись не можемъ и за которыя вмѣсто одного рубля мы платимъ больше полутора рубля. Освобожденіе отъ зависимости и экономическая свобода должны быть конечной цѣлью нашихъ стремленій, а пока мы до подобной свободы не доросли, намъ по необходимости приходится находиться въ томъ межеумочномъ положеніи, въ которомъ находимся.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что таможенный доходъ, взимаемый золотомъ, и теперешняя десятипроцентная надбавка возстановляютъ равновѣсіе нашихъ производительныхъ силъ на международномъ рынкѣ. И въ самомъ дѣлѣ, если иностранецъ привозитъ къ намъ вещь, которая стоитъ всего 63,7 коп.

и ставить ее въ 1 руб., таможенной-же пошлиной дѣляется на нее надбавка по курсу, то надбавка сообщает ей рублевую цѣнность и рубль обмѣнивается на рубль. Но, во-первыхъ, таможенная надбавка и при равенствѣ курсовъ оставалась-бы надбавкой; а, во-вторыхъ, она является такой надбавкой, отъ которой первый производитель на международномъ рынкѣ ровно ничего не выигрываетъ. Отправляемая работникомъ вещь будетъ по прежнему цѣниться въ 63,7 к. вмѣсто 1 р. и кажущееся возстановленіе равновѣсія въ курсѣ обнаружится лишь однимъ повышеніемъ цѣны на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. Таможенный доходъ, возстановляющій равновѣсіе, не дойдетъ въ видѣ дополнительной платы къ первому производителю, за рублевую вещь онъ все-таки получитъ только 63,7 к.; слѣдовательно, при другихъ господствующихъ неблагопріятныхъ условіяхъ, таможенный доходъ, возстановляющій, повидимому, равновѣсіе курса, въ сущности проявится только въ вздорожаніи жизни.

На дороговизну жизни указывалось у насъ уже много разъ; объяснялось, при этомъ, какимъ образомъ паденіе курса увеличиваетъ всѣ операціонные расходы правительства и какъ, вслѣдствіе этого, необходимо увеличить оклады жалованья. Слухи объ увеличеніи окладовъ жалованья носились уже не разъ и прибавки жалованья служащимъ на нѣкоторыхъ желѣзныхъ дорогахъ были встрѣчены нашей газетной печатью, какъ мѣра, заслуживающая безусловной похвалы. Нѣкоторые изъ служащихъ даже и сами поднимали голосъ о прибавкѣ имъ содержанія. Напр., газета «Врачъ» сообщала, что конференція Медико-хирургической академіи вслѣдствіе просьбы врачей, состоящихъ въ профессорскомъ институтѣ, единогласно постановила ходатайствовать объ увеличеніи имъ содержанія выдачею суточныхъ денегъ. О прибавкѣ жалованья учителямъ и учительницамъ, земскимъ фельдшерамъ и фельдшерницамъ, земскимъ повивальнымъ бабкамъ и земскимъ врачамъ говорилось и писалось очень много. Первый голосъ поднимали, конечно, тѣ, кто желалъ получить прибавку, и порицать ихъ за это было-бы едва-ли справедливо. Но мы говоримъ здѣсь не о порицаніи или непорицаніи, мы говоримъ о фактахъ. Жизнь стала неоспоримо дороже. Вещь, которую прежде можно было купить за одинъ рубль, теперь не купишь дешевле какъ за 1 р. 57 к. Между тѣмъ лица служація получаютъ жалованье по прежнимъ штатамъ или табелямъ. Чтобы государство или частныя общества имѣли возможность сдѣлать прибавку служащимъ, нужно эти прибавочныя деньги откуда-нибудь получить. Государство получаетъ свои доходы въ видѣ налоговъ, значить для полученія добавочнаго жалованья налоги должны быть усилены. Уси-

ленные-же налоги, какъ мы видѣли, ведутъ къ вздорожанію жизни. А такъ какъ вздорожаніе жизни требуетъ еще прибавки жалованья, то налоги должны быть усилены еще болѣе, и выходитъ сказка о бѣломъ бычкѣ.

Очень можетъ быть, что трудъ служащихъ оплачивается ниже его дѣйствительной стоимости, но развѣ трудъ народа оплачивается выше? Слѣдовательно, въ томъ дурномъ, которое служащимъ приходится испытывать, они раздѣляютъ лишь общую участь, хотя сомнительно, чтобы трудъ земскаго врача, получающаго 1½—2 тысячи въ годъ, оплачивался слабѣе, чѣмъ трудъ крестьянина, съ котораго получаютъ земскіе сборы для уплаты жалованья этому-же самому земскому врачу. Наконецъ, въ этомъ самомъ вздорожаніи жизни, явившемся по многимъ причинамъ, а между прочимъ и отъ увеличивающихся налоговъ, тягость платежей ложится не на тѣхъ, кто получаетъ жалованье, потому что по мѣрѣ вздорожанія жизни, они стремятся освободиться отъ нея прибавкой жалованья,—а вся тягость ложится на того, кто долженъ будетъ уплатить прибавку и кто вмѣстѣ съ тѣмъ не имѣетъ никакой возможности переложить съ себя налогъ, какъ это сдѣлаютъ купцы, которые заплатятъ дополнительныя торговыя пошлины, и комерсанты, которые заплатятъ дополнительный таможенный налогъ. Очевидно, что этимъ способомъ вопросъ о дороговизнѣ не разрѣшается и у народа не создадутся средства для добавочнаго жалованья.

III.

На послѣднемъ новгородскомъ очередномъ губернскомъ дворянскомъ собраніи 29-го ноября Е. И. Рагозинъ произнесъ рѣчь о прогрессивной роли дворянства, которую оно призвано играть въ внутреннемъ управленіи Россіи. Рѣчь эта была напечатана въ «Голосѣ», кое-что по поводу ея было высказано въ «Новомъ Времени» и затѣмъ все дѣло замолкло. Конечно, вопросъ этотъ не новый; конечно, въ жизни онъ разрѣшится не дворянскими собраніями и не газетными статьями, а логикой практическихъ отношеній. Можетъ быть, именно поэтому-то его и не слѣдовало замалчивать, хотя печать его и замолчала.

Г. Рагозинъ находитъ, что «параллельно съ учрежденіемъ земства, дворянство получило широкія политическія права, которыя, хотя и не приносятъ матеріальнаго дохода, но даютъ самое дорогое для развитаго человѣка — даютъ возможность принести пользу своему краю и вліять на всѣ сферы общественной дѣятельности. Къ сожалѣнію, дворянство, по словамъ г. Рагозина,

не опредѣлило себѣ значенія дарованныхъ ему правъ и, какъ политическое цѣлое, вовсе не пользуется ими». Не выяснивъ, однако, въ чемъ заключаются «широкія политическія права дворянства», г. Рагозинъ упрекаетъ дворянство въ томъ, что оно стоитъ ниже правъ, ему предоставленныхъ, и не является моральной, просвѣтительной руководящей силой. Затѣмъ, перенося вопросъ на практическую почву, Е. И. Рагозинъ сдѣлалъ слѣдующее предложеніе: «не признаетъ-ли собраніе полезнымъ высказать опредѣленный взглядъ на то, могутъ-ли совмѣщаться въ одномъ лицѣ должности предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы?» Это предложеніе мотивировалось тѣмъ, что совмѣщеніе должности предсѣдателя управы, дающаго отчетъ, съ должностью предсѣдателя собранія, повѣряющаго дѣйствія управы, отзывается крайне вредно на ходъ земскаго дѣла, а въ случаѣ неодобренія собраніемъ дѣятельности управы, заставляетъ предсѣдателя производить давленіе на собраніе. Еще непригляднѣе, по словамъ г. Рагозина, роль предводителя дворянства, ведущаго интригу на избирательныхъ сѣздахъ съ цѣлью выбора его въ предсѣдатели управы. Для подкрѣпленія своей мысли г. Рагозинъ приводитъ фактъ, когда предводитель дворянства, домогавшійся мѣста предсѣдателя земской управы, достигъ успѣха только тѣмъ, что ходатайствовалъ объ административной высылкѣ лицъ, противодѣйствовавшихъ выбору его въ предсѣдатели.

Очевидно, что въ рѣчи г. Рагозина заключаются двѣ сущности. Общая часть его рѣчи имѣетъ теоретическій характеръ: подобно генералу Фадѣеву, г. Рагозинъ желалъ-бы вручить дворянамъ интеллектуальное представительство, какъ завѣдомо лучшимъ людямъ. Во второй, фактической части, которая, повидимому, должна-бы служить практическимъ отвѣтомъ на первую часть, г. Рагозинъ ограничился только желаніемъ, чтобы должности предводителя дворянства и предсѣдателя земской управы не соединялись въ одномъ лицѣ.

Можно сочувствовать или не сочувствовать основной мысли г. Рагозина, — это безразлично, потому что подобные вопросы одними сочувствіями не разрѣшаются. Если-же общую теоретическую часть рѣчи Е. И. Рагозина поставить на практическую почву, то окажется, что, хотя для сѣтованій, выраженныхъ г. Рагозинымъ, и упрековъ, сдѣланныхъ имъ дворянству, существуютъ вполне законные моральные поводы, но въ то-же время они не находятъ себѣ оправданія въ дѣйствительности и то, на что жаловался г. Рагозинъ, есть неизбежное слѣдствіе историческихъ и юридическихъ причинъ.

На основаніи дѣлаго ряда юридическихъ и историческихъ источниковъ, г. Романовичъ - Славатинскій, въ своемъ изслѣдованіи о русскомъ дворянствѣ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ:

Наше дворянство, сравнительно съ дворянствомъ западной Европы, было всегда установленіемъ политическимъ, существовавшимъ и видоизмѣнявшимся сообразно дѣлямъ и потребностямъ правительства. Конечно, и у насъ было стремленіе меньшинства выдѣлиться изъ народа и составить привилегированную группу лучшихъ людей; но разница въ томъ, что въ Европѣ эти аристократическіе элементы слагались въ привилегированную общественную группу сами собой, у насъ-же они группировались не во имя какого-нибудь великаго національнаго интереса и присущей имъ самостоятельной силы, а напротивъ были сложены въ привилегированную общественную группу государственной властью, которая и давала ей ту или другую организацію и повышала или принижала ее сообразно потребностямъ государства и примѣнительно къ интересамъ правительства. Въ этомъ, — говоритъ г. Романовичъ - Славатинскій; — заключается радикальное и основное отличіе нашего служилаго дворянства отъ феодальной землевладѣтельской аристократіи западной Европы, отличіе нашей идеи благородства, основанной на службѣ государству и народу русскому и пожалованной самодержцемъ, отъ идеи благородства западно-европейскаго, основанной на крови, на контрактѣ съ государственной властью.

До Петра Великаго потребности государства вызвали учрежденіе правительствомъ особыхъ царскихъ чиновныхъ людей или помѣстнаго служилаго класса, надѣленнаго отъ государства землями. Служилый классъ несъ ландмилицкую службу и съ своими людьми ополчался по призыву государства. Крестьяне, прикрѣпленные къ помѣстнымъ землямъ, отбывали въ пользу слугъ государевыхъ барщину и оброки.

Петръ Великій въ новыхъ дѣляхъ государственной власти пытается создать сословіе шляхетства. Въ сущности онъ не столько создаетъ, сколько видоизмѣняетъ крѣпостной характеръ шляхетскаго сословія. Прежде ландмилицкая служба отбывалась періодически, теперь-же съ преобразованиемъ войска на европейскій манеръ потребовалась служба болѣе постоянная и научная подготовка, безъ которой прежде обходились. И вотъ Петръ засадилъ шляхетство за азбуку, за цифирную и навигаціонную науку. Въ то-же время для *непоколебимости и ясности* шляхетскихъ фамилій, дабы шляхетскія фамиліи не упали, Петръ Великій вводитъ феодальные гербы и титулы и пытается создать

маіорать. Этими нововведеніями, несогласными съ исторической традиціей, Петръ бросаетъ въ новое сословіе зерно сословныхъ дворянскихъ возрѣній, «которое, — какъ выражается г. Романовичъ-Славятинскій, — назрѣвая мало по малу, разцвѣло впоследствии цвѣткомъ дворянскихъ аристократическихъ притязаній и, оформленное законодательствомъ Екатерины II, привидось затѣмъ къ нашему общественному строю».

Въ послѣдующее время въ положеніи дворянства произошли перемены, соотвѣтственныя новымъ государственнымъ надобностямъ. При Петрѣ Великомъ для удовлетворенія потребностей арміи и канцеляріи число необходимыхъ лицъ было недостаточно и потому Петръ обязывалъ шляхетство службой и силой заставлялъ его учиться. Когда затѣмъ персоналъ шляхетскій увеличился, шляхетство было освобождено отъ обязательной службы, и крѣпостной характеръ сословія отступилъ на второй планъ, уступивъ свое мѣсто привилегированности, знатности и благородству.

Императрица Екатерина II превращаетъ дворянское сословіе окончательно въ привилегированное и благородное и утверждаетъ за нимъ крѣпостныхъ крестьянъ на правахъ полной частной собственности. Въ то-же время она возлагаетъ на дворянство новую обязательную службу, уже чисто гражданскую, — мѣстный судъ и полицію.

При Павлѣ I, съ одной стороны, обнаруживается рѣзкое тяготѣніе къ традиціонной политикѣ и, дѣлая ей уступку, Императоръ Павелъ возстановляетъ тѣлесныя наказанія и обязательную службу, называя неслужащихъ дворянъ «тунеядцами», а, съ другой, въ манифестѣ 1 января 1798 года, по случаю утвержденія первой части дворянскаго гербовника, Павелъ I говоритъ тому-же дворянству, что оно древностью своей не уступаетъ древнѣйшимъ родамъ другихъ государствъ и имѣетъ поэтому право на рыцарскіе гербы дворянства феодальнаго.

Императоръ Николай I, держась традиціонной политики, не снималъ съ дворянства его служилаго характера и былъ недалекъ отъ возстановленія обязательной службы. Онъ не позволялъ дворянству обучать своихъ дѣтей тамъ, гдѣ оно хотѣло, одѣлъ его въ униформу министерства внутреннихъ дѣлъ, какъ-бы показывая тѣмъ, что *сословіе состоитъ на службѣ по этому вѣдомству*, и въ то же время въ нѣкоторой степени возстановляетъ маіорать, усиливаетъ преимущества дворянства по службѣ государственной и преобладаніе въ мѣстной службѣ, повышаетъ чины, дающіе права потомственнаго дворянства, развиваетъ систему дворянскихъ и аристократическихъ учебныхъ заведеній.

Этотъ дуализмъ, т. е. съ одной стороны традиціонное обязательно служилое значеніе и новое — привилегированность, знатность и благородство, съ правами на рыцарскіе гербы дворянства феодальнаго, ставило всегда наше дворянство въ двойственное положеніе. Оно чувствовало свою служебную зависимость отъ правительственной власти и въ тоже время стремилось замкнуться въ отдѣльное благородное сословіе и обособиться отъ народа. Но прежде чѣмъ ему это удалось, наступила пора реформъ нынѣшняго царствованія. Съ этого времени то, что составляло льготы и привилегіи дворянскаго сословія, распространилось на все населеніе Россіи. Освобожденіе крестьянъ измѣнило права собственности дворянства, а новый судъ, земскія учрежденія и всеобщая воинская повинность измѣнили все прежнее гражданское и юридическое положеніе дворянства. Не смотря на эту коренную реформу юридическихъ правъ дворянства, его сословныя воззрѣнія, развившіяся и сложившіяся въ предшествовавшее время, оказались довольно сильными. Они обнаруживались и въ противодѣйствіи реформамъ, и въ тѣхъ попыткахъ, которыя дѣлались не разъ къ возстановленію, если не юридическаго, уже невозможнаго, то хоть - бы моральнаго и умственнаго первенства дворянства.

До Петра Великаго не было мѣстныхъ дворянскихъ обществъ; служилые люди тянули къ Москвѣ, а въ своихъ помѣстьяхъ жили только временно. Организуя шляхетство, Петръ думалъ дать ему землевладѣльческое значеніе. Упразднивъ губныхъ старостъ и сыщиковъ, Петръ предписалъ всякія дѣла съ воеводами вѣдать дворянамъ. Затѣмъ Петръ учреждаетъ ландратскія коллегіи по примѣру подобныхъ коллегій въ остзейскомъ краѣ. Но эти ландратскія коллегіи и самъ Петръ Великій уничтожилъ, потому что они «не только служили къ отягощенію штата, но и къ великой тягости народной». Съ введеніемъ подушной подати Петръ учреждаетъ земскихъ комиссаровъ, которыхъ должно было избирать уѣздное шляхетство. Земскій комиссаръ былъ прототипомъ послѣдующаго земскаго исправника. Петру-же Великому принадлежитъ введеніе баллотированія. Желая приучить шляхетство къ выборамъ, Петръ не рѣдко самъ присутствовалъ на выборахъ и наблюдалъ за ихъ правильностью. Попытка Петра Великаго образовать уѣздное шляхетство, участвующее въ мѣстномъ управленіи, конечно, не могла увѣнчаться успѣхомъ. Этому противодѣйствовали и нравы и стремленія шляхетства, которое смотрѣло на службу государству, какъ на свою прирожденную обязанность, а въ деревню ѣздило только для того, чтобы отдохнуть или пожить на свободѣ, внѣ надзора. Понятно, что оно

относилось совершенно безучастно къ выборной службѣ и видѣло въ ней только тяжелую обязанность, отъ которой всегда желало уклониться.

Дворянство начинаетъ осѣдать въ своихъ имѣніяхъ только съ отминой обязательной службы, и при Екатеринѣ II владутся тѣ начала, которыя наконецъ, вполне развились и сложились въ законченную форму при императорѣ Николаѣ. При Екатеринѣ положено начало самостоятельному представительству дворянъ въ лицѣ дворянскихъ предводителей. Екатерина думала весьма широко преобразовать всю систему мѣстнаго управленія, отдѣлить судъ отъ администраціи и снабдить мѣстныя управленія многими учрежденіями, раньше не существовавшими. Для исполненія этого плана императрицы требовался довольно обширный персоналъ, котораго бюрократія дать не могла. Единственнымъ выходомъ оставалось привлеченіе къ участию въ мѣстномъ управленіи дворянства, котораго прежняя обязательная военная служба превратилась теперь въ обязательную гражданскую, или, какъ выразился г. Лохвицкій, Екатерина II перечислила дворянство изъ военного министерства въ министерство внутреннихъ дѣлъ. Послѣ учрежденія о губерніяхъ въ 1775 году и жалованной грамоты дворянству 1785 года дворянство каждой губерніи складывается въ губернское дворянское общество.

Царствованіе императора Павла I было моментомъ, когда даже самому существованію губернскаго дворянскаго общества грозила опасность, но при императорѣ Николаѣ I дворянству, какъ юридическому учрежденію, дается прочная внутренняя организація. Николаемъ I точно опредѣленъ цenzъ, дающій право на участіе въ выборахъ, установлена выборная служба для многихъ изъ коронныхъ должностей и служба по выборамъ сравнена съ службою коронной. Кромѣ того дворянамъ предоставлены и особенныя исключительныя матеріальныя преимущества. Дворянскимъ обществамъ предоставлено право безъ залога вступать въ подряды и поставки для войскъ, расположенныхъ въ губерніяхъ. Какъ корпоративному представительству, дворянству дано право представленія генералъ-губернатору или губернатору объ общественныхъ нуждахъ и пользахъ дворянства. Оно имѣло право просить начальство о прекращеніи мѣстныхъ злоупотребленій и объ устраниеніи неудобствъ, замѣченныхъ въ мѣстномъ управленіи, хотя-бы они происходили отъ какого-нибудь общаго постановленія. Этотъ законъ давалъ дворянству довольно широкое право, которое-бы могло поднять высоко его авторитетъ, ибо кромѣ своихъ личныхъ нуждъ

дворянство могло представлять о нуждахъ всѣхъ общественныхъ классовъ. Дворянство имѣло право приносить черезъ депутатовъ представленія и жалобы сенату и государю. По положенію 1831 года, дворянство можетъ приносить прошенія государю, адресуя конверты въ собственныя руки Его Императорскаго Величества. Дворянамъ предоставлено было право составлять добровольными складчинами дворянскую казну; наконецъ, тѣмъ-же дворянскимъ собраніямъ предоставлена повѣрна дворянской родословной книги, составленной дворянскимъ депутатскимъ собраніемъ.

Отношеніе дворянскихъ собраній къ мѣстнымъ короннымъ властямъ не было опредѣлено достаточно точно, хотя разграниченіе было установлено настолько опредѣленно, что смѣшеніе властей случиться не могло. Губернаторамъ было предоставлено право провѣрять выборные списки дворянъ, открывать дворянскія собранія, приводить дворянъ къ присягѣ, а дворянскимъ собраніямъ вмѣнено въ обязанность исполнять всѣ законныя требованія губернаторовъ. Хотя за порядкомъ собраній и должны были наблюдать предводители дворянства, но если-бы въ собраніи возникли беспорядки, которыхъ предводителямъ прекратить не удалось, то губернскому предводителю предоставлялось право закрыть собраніе и довести о томъ до свѣденія губернатора. Губернаторъ долженъ былъ призвать къ себѣ дворянъ, бывшихъ причиною беспорядковъ, сдѣлать имъ надлежащее внушеніе и поставить на видъ, что при возобновленіи беспорядковъ будетъ донесено высшему начальству поименно и предложено собранію нарушителей порядка подвергнуть приличному взысканію. На случай сомнѣній, которыя-бы могли явиться въ собраніи относительно смысла той или другой статьи закона, на дворянскихъ собраніяхъ долженъ былъ присутствовать губернской прокуроръ, на котораго и возлагалась обязанность разъяснять сомнѣнія. Дворянскія собранія закрывались по письменному предложенію губернатора.

Дворянская выборная служба имѣла три срока. Дворяне, избираемые въ государственныя, судебныя и полицейскія должности должны были служить 6 лѣтъ, дворяне, выбранные собственно для управленія внутренними дѣлами дворянства, должны были служить 3 года, а члены квартирныхъ комиссій—1 годъ. Всѣ, служащіе по выборамъ дворянства, считались въ дѣйствительной государственной службѣ. Служившіе исключительно по дѣламъ дворянства не получали никакого содержанія и повышались въ чинахъ по высочайшему усмотрѣнію; тѣ-же, кто служилъ по дѣламъ всесословнымъ, получали штатное жалованье и

производились въ чины и награждались орденами по общему порядку службы дворянской.

Вотъ вся юридическая и государственная исторія правъ дворянства, сложившаяся не на основаніи какого-либо произвола и личнаго желанія, а вслѣдствіе естественныхъ требованій государственнаго и общественнаго развитія Россіи. Государственная и юридическая роль дворянства всегда соотвѣтствовала требованіямъ извѣстнаго общественнаго момента и расширенію условій жизни. Дворянство было однимъ изъ орудій Россіи, которымъ она пользовалась для своихъ надобностей, и потому роль дворянства была всегда служилая и степенью нужды въ людяхъ опредѣлялась и служебная его роль. Наконецъ дворянство, какъ служилое сословіе, находилось всегда въ непосредственной зависимости отъ правительственной власти.

Насколько въ императорскій періодъ Россіи росли государственныя и общественныя надобности Россіи, а ими опредѣлялась и нужда въ людяхъ, покажутъ слѣдующіе факты. При Петрѣ Великомъ, напр., въ полтавской битвѣ, рѣшившей политическую судьбу всего сѣвера, участвовало всего 15 тысячъ чевѣкъ. Теперь эти 15 т. были-бы маленькимъ отрядомъ, непригоднымъ даже для борьбы съ текинцами, а о трехъ миллионныхъ арміяхъ при Петрѣ никто не могъ-бы составить себѣ даже и приблизительнаго понятія. Войны, которыя тянулись тогда двадцать лѣтъ, кончаются теперь въ двѣ недѣли. При Петрѣ Великомъ государственные доходы составляли 5 миллионѣвъ, а нынче они достигаютъ до 700 миллионѣвъ. Если-бы теперешнія желѣзныя дороги съ ихъ стотысячнымъ личнымъ составомъ, нынѣшніе банки, нынѣшнюю промышленность и торговлю перенести какимъ-нибудь образомъ во времена Петра Великаго, то для нихъ-бы не нашлось людей, а на укомплектованіе трехмилліонной арміи пришлось-бы взять почти все населеніе. Это развитіе явилось не сразу, а росло постепенно и также постепенно требовало новыхъ пригодныхъ для дѣла людей.

Единственный контингентъ, которымъ располагала Россія для удовлетворенія ея высшихъ культурныхъ надобностей, представлялъ извѣстный классъ людей, сложившійся постепенно въ юридическое сословіе. Сначала эти люди требовались только для надобностей исключительно военныхъ, а по мѣрѣ гражданскаго развитія Россіи оказалась уже нужда въ людяхъ для гражданскаго управленія. Соотвѣтственно этимъ надобностямъ государственная власть пользовалась дворянствомъ, расширяя его обязанности.

Въ этихъ довольно узкихъ рамкахъ продержались потребно-

сти Россіи до конца царствованія императора Николая. Но вотъ столкновеніе съ Европой показало, что международная солидарность и современная цивилизація требуютъ отъ насъ далеко большаго развитія силъ. Превжній контингентъ *лучшихъ* людей оказывался недостаточнымъ, да онъ и, какъ источникъ для новыхъ силъ, былъ недостаточенъ. Громадное развитіе новыхъ культурныхъ, гражданскихъ и промышленныхъ требованій вызвало небывалый прежде запросъ на людей, которому одно дворянство удовлетворить уже никакъ было не въ состояніи.

Хотя въ послѣдніе двадцать лѣтъ во внутреннемъ развитіи жизни мы сдѣлали, повидимому, большой шагъ впередъ, но требованіе въ людяхъ, которые нужны теперь для развитія Россіи, гораздо больше того числа, которое страна можетъ выставить. По шѣрь-же нашего политическаго, общественнаго и промышленнаго роста, мы будемъ нуждаться и въ еще большей массѣ людей, для созданія которыхъ потребуются и соотвѣтственныя условія. Эти условія у насъ пока значительно слабѣе нужды въ нихъ, и, конечно, въ этомъ только и причина всеобщихъ жалобъ на недостатокъ людей.

Въ самомъ началѣ реформъ, т. е. вмѣстѣ съ освобожденіемъ крестьянъ было уже ясно, что одно дворянское сословіе не будетъ въ состояніи удовлетворить новымъ потребностямъ Россіи и что нужно призвать для работы еще и другія силы. Правительство тоже очень хорошо понимало, что одними бюрократическими средствами ему невозможно будетъ овладѣть всѣми разнообразными теченіями новой жизни, и вотъ оно создаетъ земское самоуправленіе и къ нему призываетъ множество новыхъ силъ, къ которымъ прежде не обращалось. Наступить, конечно, пора, когда и земство въ своемъ теперешнемъ составѣ окажется недостаточнымъ и когда большому развитію требованій и стремленій окажется возможнымъ удовлетворить еще большимъ привлеченіемъ силъ. Очевидно, что растущія надобности требуютъ, такъ-сказать, демократизаціи общественнаго и личнаго труда и созданія новыхъ источниковъ для новыхъ силъ. Это есть историческій законъ развитія и всякое нарушеніе его будетъ ошибкой противъ требованій времени. Но г. Рагозинъ, если мы его поняли вѣрно, желая вѣрить культурныя задачи одному дворянскому сословію, этимъ самымъ суживалъ и задачу русской исторіи. Дѣйствительно, было время, и наиболѣе опредѣлительно оно выразилось при Екатеринѣ II, когда только дворянское сословіе творило литературу, искусство, науку и только изъ одного себя выдѣляло культурныхъ людей. Этимъ сословіемъ Рос-

сія черезъ окно, прорубленное въ Европу, сближала насъ съ культурой Запада.

Дворянское сословіе сослужило и въ екатерининское, и въ послѣдующее царствованіе, особенно императора Александра I, свою цивилизаторскую миссію и отвѣтило вполнѣ требованіямъ времени и задачамъ, которыя возлагало на него правительство. Но съ тѣхъ поръ, какъ реформы раздвинули рамки возможности умственного развитія, когда такая масса людей потребовалась въ суды, на желѣзныя дороги, на фабрики, въ конторы, для надобностей литературы и печати, для народныхъ школъ, для гимназій, для университетовъ, самими требованіями жизни выдвинулся изъ другихъ слоевъ народной жизни, такъ-называемый, разночинецъ, имя котораго никогда не было записано въ дворянской родословной книгѣ. Статистика лицъ, наполняющихъ учебныя заведенія, занятыхъ литературой и вообще интеллектуальнымъ трудомъ, лучше всего показываетъ, насколько усилилась демократизація. При такихъ требованіяхъ жизни, что - же можетъ сдѣлать чисто-сословная программа, которую выставляетъ г. Рагозинъ? Почему благородство, умственные качества и чистота стремленій должны обусловливаться происхожденіемъ и фамиліной наслѣдственностью и существуетъ-ли какая-нибудь естественная возможность втиснуть ихъ въ опредѣленные рамки и ограничить предѣлами юридическихъ правъ?

Какъ ни смутно сознавала Россія практическую невозможность подобныхъ взглядовъ, но она всегда ихъ понимала, и вотъ почему никакія сословныя или сепаративныя стремленія не обходились у насъ безъ протеста общественнаго мнѣнія и не находили сочувствія даже въ томъ сословіи, которое хотѣло ихъ отстоять. Идеалистическая постановка такого реальнаго историческаго вопроса была просто несогласна съ нашимъ общественнымъ смысломъ, и съ подобнымъ противорѣчіемъ не могъ мириться здравый смыслъ страны.

Требованія Россіи бывали всегда очень реальными, практическими и преимущественно матеріально-экономическими. Предлагая только дворянству руководство, г. Рагозинъ совсѣмъ миновалъ вопросъ, насколько одно дворянское сословіе въ состояніи понять и разрѣшить всѣ разнообразныя требованія, нужды, стремленія и желанія разнообразныхъ слоевъ русскаго населенія. Прежде, до освобожденія крестьянъ, въ дворянствѣ дѣйствительно концентрировались всѣ высшія культурныя требованія, ибо оно одно было поставлено экономически и юридически въ положеніе единственнаго культурнаго слоя. Но, съ освобожденіемъ крестьянъ, то, что прежде сосредоточивалось въ одномъ дворянствѣ, расши-

рилось и получило доступъ ко всѣмъ остальнымъ слоямъ населенія, и уже повтому одному исключительно дворянское сословіе никакъ не можетъ быть представителемъ и ходатаемъ за остальные сословія, тѣмъ болѣе, что юридически мѣстнымъ представителемъ народныхъ нуждъ сдѣлано земство, а не дворянство. Если г. Рагозинъ не думалъ ставить вопроса сословно, а придавалъ упрекамъ дворянства нѣсколько личный характеръ, противъ этого возражать нечего; если-же право на культурное представительство онъ желалъ ввѣрить людямъ, имѣющимъ вообще образовательный или умственный цензъ, для котораго не нужны юридическія права, а достаточно одного общественного выборнаго начала, то противъ подобной постановки вопроса возражать возможно еще менѣе.

Насколько сословная постановка подобныхъ вопросовъ имѣетъ преимущественно идеалистическій характеръ и не оправдывается нашими историческими традиціонными привычками и условіями, подтвердилось еще разъ на тверскомъ дворянскомъ собраніи. И тамъ, хотя нѣсколько въ другомъ видѣ, повторилась новгородская исторія. Г. де-Роберти, напомнивъ дворянамъ о грамотѣ дворянству, данной Екатериной въ 1785 году, перечислилъ, какія права на вчинанія о своихъ нуждахъ и пользахъ предоставлены дворянамъ закономъ. Ссылаясь на законъ, который мы привели выше, г. де-Роберти указывалъ дворянамъ, «что они могутъ и, слѣдовательно, при извѣстныхъ обстоятельствахъ должны совѣщаться и дѣлать представленія еще и объ устраненіи такихъ неудобствъ въ управленіи, которыя проистекаютъ отъ общаго какого-нибудь постановленія». Рѣчь г. де-Роберти имѣла нѣсколько поучающій характеръ, и ему очевидно хотѣлось возбудить въ дворянахъ такія мысли, которыя однако нисколько не были согласны съ унаслѣдованными ими традиціями. Нельзя сказать, чтобъ г. де-Роберти не прибѣгалъ къ возбужденію въ дворянахъ преувеличеннаго на себя взгляда. Такъ, онъ сказалъ, что лучшая страница всей русской исторіи была ознаменована осуществленіемъ дворянскаго права и дворянскаго долга обращенія къ власти, которое не оставляетъ мѣста какимъ-бы то ни было сомнѣніямъ или колебаніямъ. «Верховнымъ толкователемъ—сказалъ г. де-Роберти—дворянскаго права ходатайства въ естественномъ и законномъ его объемѣ явился тогда самъ Государь, по личному почину котораго дворяне побуждались ходатайствовать не о мѣстной и не о своей только нуждѣ и пользѣ, а о нуждѣ всенародной, о нуждѣ, для которой даже народные и государственные предѣлы казались непомѣрно узкими и тѣсными,—о нуждѣ и пользѣ общечеловѣческой». Какъ ни широка была

постановка вопроса, тѣмъ не менѣе она не ввела никого въ недоразумѣніе, и дворянская традиція и исторически сложившіяся отношенія дворянства къ власти сказались вполне въ рѣшеніи тверскаго дворянства, которое постановило считать вопросъ о необходимости какого-нибудь ходатайства несвоевременнымъ. Исторически такое постановленіе было вполне послѣдовательно, и тверское дворянство поступить иначе не могло. Въ этомъ отвѣтѣ сказалась та первобытная историческая традиція, которая проходитъ черезъ всю исторію русскаго дворянства, какъ служилого исполнительнаго сословія.

Что касается до послѣдующихъ постановленій тверскаго дворянства на предложеніе де-Роберти, то и въ нихъ сказалась та же традиція, но традиція не исконная, а вновь воспитанная, преимущественно грамотой императрицы Екатерины II. Въ этомъ случаѣ тверское дворянство скорѣе отвѣтило на вопросъ, поставленный г. Рагозинымъ. Г. Рагозинъ желалъ небольшимъ притокомъ (дворянство), слившимся съ большой рѣкой (земство), очистить и освѣжить большую рѣку; г. же де-Роберти явился проповѣдникомъ чистаго безсословнаго земства и предлагалъ устранить земство отъ всякаго дворянскаго руководства. По словамъ г. де-Роберти, Россія окончательно переросла опекунство дворянства, какъ корпораціи, и нуждается «въ руководствѣ высшаго порядка, въ руководствѣ знанія, гражданской честности и гражданской энергіи, качествахъ, которыя встрѣчаются безразлично во всѣхъ сословіяхъ и быть исключительными поставщиками которыхъ въ современномъ обществѣ отдѣльная корпорація или сословіе не въ состояніи».

Съ этой постановкой вопроса согласится нельзя, не потому, чтобы мы напримѣръ разошлись съ г. де-Роберти въ выводахъ, а потому, что онъ ставитъ вопросъ полемически и изъ его словъ оказывается, что дворянство не можетъ быть руководителемъ, потому что въ немъ нѣтъ тѣхъ моральныхъ качествъ, которыя желательны. Мы говорили раньше, что именно въ дворянствѣ и выразились всѣ тѣ нравственные и умственные качества, которыми создавалась высшая культура Россіи, которыя способствовали и развитію литературы. Но въ сей моментъ корпоративное начало не можетъ удовлетворить общимъ нуждамъ Россіи ужъ потому, что солидарность съ остальнымъ цивилизованнымъ міромъ требуетъ въ Россіи необыкновеннаго развитія и напряженія внутреннихъ силъ, а въ дворянскомъ сословіи, въ томъ видѣ, какъ оно сложилось до освобожденія крестьянъ, нѣтъ всѣхъ тѣхъ многообразныхъ элементовъ Россіи послѣ освобожденія, которыхъ-бы оно могло явиться представителемъ. Даже

однимъ численнымъ составомъ дворянство было-бы не въ состояніи удовлетворить всѣмъ надобностямъ въ людяхъ, такъ что, если-бы дворянство въ полномъ своемъ личномъ составѣ только одно-бы и должно было занять всѣ мѣста въ государственной службѣ, къ земствѣ, во всѣхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, однимъ словомъ вездѣ, гдѣ требуется руководство, управленіе, знаніе, то его-бы не достало для половины русскихъ дѣлъ. Наша постановка чисто статистическая, тогда какъ и г. де-Роберти, и г. Рагозинъ обращаются къ дворянству съ упреками и, слѣдовательно, ставятъ весь вопросъ на почву во всякомъ случаѣ спорную и на точку зрѣнія вовсе не объективную.

Г. де-Роберти предложилъ дворянству «заявить о неотложной необходимости всеобщаго избирательства председателей уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній на тотъ-же срокъ, какъ и председателей управъ, съ тѣмъ, чтобы эти избранники земства замѣстили-бы предводителей дворянства во всѣхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ, въ которыхъ представители дворянства до сихъ поръ предсѣдательствовали». Иначе сказать, г. де-Роберти предложилъ дворянамъ избирать представителей своихъ дворянскихъ интересовъ изъ лицъ всѣхъ сословій. Разница между предложеніемъ г. де-Роберти и предложеніемъ г. Рагозина заключается въ томъ, что г. Рагозинъ желаетъ разъединить представительство земское отъ представительства дворянскаго и рекомендовалъ дворянству собранію только не совмѣщать эти двѣ должности, г. же де-Роберти совершенно стираетъ съ лица земли предводителей дворянства. Г. Рагозинъ мотивировалъ свое предложеніе тѣмъ, что предводитель дворянства, если онъ вмѣстѣ съ тѣмъ и предсѣдатель земской управы, можетъ обнаруживать вредное вліяніе на ходъ земскаго дѣла и, домогаясь быть выбраннымъ въ предсѣдатели земской управы, можетъ вести интригу на избирательныхъ сѣздахъ, а иногда прибѣгать и къ средствамъ гораздо худшимъ. Но вѣдь если какой-нибудь предводитель дворянства употребитъ недостойное средство для удаленія противниковъ, какъ это иногда и водилось, то причина этого не въ томъ, что онъ предводитель дворянства, а въ томъ, что онъ вообще склоненъ къ дурнымъ средствамъ. Чтобы прибѣгнуть къ тѣмъ средствамъ, на которыя указываетъ г. Рагозинъ, и удалить своихъ противниковъ обвиненіемъ ихъ въ неблагонамѣренности, совсѣмъ не нужно быть предводителемъ дворянства. Это можетъ сдѣлать любой земскій предсѣдатель, да и вообще всякій человѣкъ, которому-бы сдѣлать это вздумалось.

Однимъ словомъ, постановка вопроса у г. Рагозина имѣетъ больше формальный характеръ и склоняется какъ-бы къ исправ-

ленію земскаго дѣлопроизводства, — постановка формальная, дѣловая и даже канцелярская. Г. же де-Роберти подкапывается подъ самый принципъ; онъ совсѣмъ уничтожаетъ дворянскихъ предводителей, и потому понятно, что предложеніе его встрѣтило сильное противодѣйствіе.

Въ возраженіяхъ, сдѣланныхъ г. де-Роберти, говорилось о заслугахъ дворянства передъ обществомъ, о его всегдашней готовности стоять на стражѣ общихъ интересовъ, говорилось о томъ, что права дворянства составляютъ не привилегію, а тяжелую и безкорыстную службу на пользу общую; наконецъ, одинъ изъ ораторовъ просилъ собраніе представить себѣ, что могло-бы выйти, если-бы, въ случаѣ осуществленія предложенія г. де-Роберти, какое-нибудь земское собраніе выбрало-бы въ свои предсѣдатели волостнаго старшину?

Послѣдній аргументъ оказался, конечно, наиболѣе сильнымъ, и дворянское собраніе отклонило предложеніе г. де-Роберти, мотивируя свое рѣшеніе несвоевременностью предложенія. Такъ все это и должно было случиться, и обвинить тверское дворянство въ томъ, что оно не желало имѣть своимъ предводителемъ волостнаго старшину было-бы дѣйствительно несвоевременнымъ, и въ этомъ смыслѣ постановка вопроса г. Рагозинымъ оказывается и своевременнѣе, и практичнѣе.

А впрочемъ, изъ замалчиванія, которое встрѣтилъ вопросъ въ печати, не слѣдуетъ-ли заключить, что и въ той постановкѣ, которую сдѣлалъ ему г. Рагозинъ, и въ той, которую сдѣлалъ г. де-Роберти, вопросъ этотъ ждетъ еще своей очереди, и въ настоящее время стоять на очереди вопросы болѣе существенныя и неотложныя?

Н. Ш.

КАРТИНКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

I.

СОНЪ ВЪ ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

I.

На святкахъ, вечеромъ, въ роскошныхъ комнатахъ Павла Ивановича Варенцова собралось, по обыкновенію, много гостей. Общество было разнообразное—Павелъ Ивановичъ водилъ знакомство въ разныхъ сферахъ—были генералы, впрочемъ, болѣе изъ «раннихъ», прокуроры и адвокаты, профессоры и литераторы, люди, про которыхъ обыкновенно говорятъ: «занимаются дѣлами», предприниматели и актеры.

Павелъ Ивановичъ и его супруга отличались радушіемъ и гостепріимствомъ. У нихъ былъ превосходный поваръ, вино «прямо изъ Франціи», а портеръ и эль «прямо изъ Англіи» (хозяинъ имѣлъ непосредственныя сношенія съ Европой по дѣламъ); за ужиномъ всегда можно было вдосталь наѣсться, напиться и наговориться по поводу всевозможныхъ иллюзій и притомъ съ какою хочешь точки зрѣнія (нетерпимость не бывала въ числѣ гостей), а потому читателю легко будетъ повѣрить мнѣ на слово, если я скажу, что къ полуночному часу наплывъ гостей значительно увеличивался.

Хозяинъ, плотный, румяный господинъ лѣтъ за сорокъ, съ широкимъ лицомъ, окаймленнымъ окладистой бородой и парой карихъ «зоркихъ» глазъ, свѣтившихся добродушіемъ,—принадлежалъ, по положенію своему, къ нарождающейся у насъ, такъ называемой, интеллигентной буржуазіи. Въ часы труда онъ распространялъ различныя фабрикаты, сбывалъ, «продавалъ», «покупалъ» и состоялъ агентомъ многихъ фирмъ Европы и Америки, а въ

часы досуга занимался чтеніемъ, поощрялъ литературу и изрѣдка самъ грѣшилъ передовыми статьями о разныхъ фабрикатахъ. Если я прибавлю къ этому, что Варенцовъ былъ человѣкъ начитанный и образованный, фабрикаты сбывалъ только послѣ тщательнаго ученаго анализа и состояніе «заработалъ», а не «награбилъ», какъ какой-нибудь прощальга-кулакъ, — то формулярный списокъ почтеннаго хозяина будетъ вполнѣ достаточенъ. Убѣжденія его... Но кто-же не догадается, даже изъ самыхъ недогадливыхъ, что Павелъ Ивановичъ былъ *libre penseur* и охранялъ эту репутацію съ усердіемъ, дѣлающимъ честь твердости его принциповъ. Въ конторѣ у него было десять женщинъ, которымъ предоставлена была возможность «самостоятельнаго труда»; въ качествѣ гласнаго онъ выдавался либеральными взглядами и произносилъ рѣчи, которыя самъ потомъ въ экстрактѣ телеграфировалъ въ газеты. Въ качествѣ члена разныхъ благотворительныхъ и иныхъ обществъ онъ отличался дѣятельностью; любилъ видѣть у себя извѣстныхъ писателей и ученыхъ и подавать министрамъ докладныя записки по поводу упадка русской промышленности и торговли... Говорилъ онъ при этомъ не дурно и иногда въ интимномъ кружкѣ послѣ обѣда осторожно соболѣзновалъ, что родился въ Россіи, а не во Франціи. Онъ, правда, не говорилъ вслухъ, что если-бы онъ былъ французомъ, — то Гамбетта навѣрное предложилъ-бы ему портфель министра земледѣлія и торговли, — но авторъ ручается, что Павелъ Ивановичъ не разъ мечталъ объ этомъ, предварительно разстегнувъ три послѣднія пуговицы жилета и распустивъ пряжку на панталонахъ...

Въ молодости онъ къ министерскому портфелю относился впрочемъ иначе; именно, съ презрѣніемъ, такъ-какъ по окончаніи курса въ университетѣ онъ на такую «сдѣлку» ни за что-бы ни пошелъ. Тогда онъ мечталъ на инныя тѣмы. Онъ говорилъ о «послѣдней рубашкѣ», о равнодушіи къ «собственности», отрицалъ Пушкина, развивалъ мальчика для посылковъ, призывая ему штудировать Бокля, но главнымъ образомъ интересовался «женскимъ вопросомъ», находилъ, что бракъ — «отжившій институтъ», и въ этомъ отношеніи слово у него не расходилось съ дѣломъ..

Однако «послѣдней рубашки» Павелъ Ивановичъ никому не отдалъ и, поотрицавши годикъ, другой Пушкина, на третій занялся «дѣломъ» т. е. сталъ сбывать фабрикаты, «продавать» и «покупать» и только по женскому вопросу оставался еще непреклоненъ до тѣхъ поръ, пока не женился на «пятидесяти тысячахъ» съ приданнымъ въ видѣ очень милой дѣвушки, и не объ-

явилъ, что на все можно поднимать руку, но на «святость» брака—никогда.

Люди, знавшіе Павла Ивановича, когда онъ обѣщалъ отдать «последнюю рубашку», сперва красѣли, встрѣчаясь съ нимъ, а потомъ, увидавъ, что Павелъ Ивановичъ, глядя прямо въ глаза, иногда возвышается въ рѣчахъ своихъ (хотя и не о рубашкѣ, а о цѣломъ приличномъ костюмѣ) до пафоса—стали обзывать его «каналіей»,—вслѣдствіе чего Павелъ Ивановичъ со многими разошелся.

Что-же касается до людей, узнавшихъ Павла Ивановича уже въ то время, когда онъ начиналъ «рекомендовать фабрикаты»—то тѣ составили о немъ мнѣніе очень хорошее, хотя втихомолку и говорили:—«Безъ мыла куда угодно влѣзеть!»

О порѣ своихъ «нелѣпыхъ заблужденій» Павелъ Ивановичъ вспоминать не любитъ. Не будемъ и мы вспоминать, тѣмъ болѣе, что не совсѣмъ ловко дѣлать человѣку неприятное, въ то время, когда собираешься у него ужинать. Обыкновенно это дѣлается послѣ ужина и уже по выходѣ отъ радушнаго хозяина.

II.

Я сидѣлъ на диванѣ въ маленькомъ рабочемъ кабинетѣ хозяина, (у него было два кабинета) въ отдаленіи отъ парадныхъ комнатъ. Изъ отворенныхъ дверей доносилось жужжанье разговоровъ, то замиравшее, то усиливавшееся, а изъ сосѣдняго кабинета однообразно выкликались пики, трефы, бубны, черви. Лампа освѣщала мягкимъ ровнымъ свѣтомъ комнату, пріятно дѣйствуя на глаза, уставшіе отъ свѣта гостиной, и на утомленные нервы. Я уже слышалъ тамъ, въ большой гостиной, гдѣ вокругъ стола вѣеромъ были разставлены кресла,—въ теченіи двухъ-трехъ часовъ, столько разнообразныхъ мнѣній на счетъ событій «дня», что уютный уголокъ въ отдаленной комнатѣ былъ тихой пристанью отдохновенія.

И «исторія московскихъ студентовъ», и письмо г. Бекетова, и ахаль-текинская экспедиція, и рѣчь г. Рагозина (не того, который мажетъ Россію, а другаго), и воззваніе г. де-Робертила-Серда къ патріотизму тверскихъ землевладѣльцевъ, и слова такого-то визиря, сказанныя такому то редактору, и Норденшельдъ, и Пржевальскій, Гамбетта и Рошфоръ... всѣ перечисленные вопросы и лица были уже дебатированы, и когда кто-то—кажется самъ почтенный хозяинъ—поставилъ на очередь вопросъ о урядникахъ, то я, каюсь, поспѣшилъ юркнуть сперва въ залъ, оттуда въ «турецкую» комнату, далѣе въ большой

кабинетъ, гдѣ среди тишины раздавалось: «двѣ черви» или «три пияи», и наконецъ, въ малый кабинетъ, гдѣ не было ни души...

Признаюсь, удалился я въ пустыню не потому, чтобы меня самого не занималъ вопросъ объ урядникахъ, а просто потому, что усталъ и кромѣ того зналъ навѣрное, что почтенный хозяинъ также ясно и толково разберетъ всю несообразность этого «института», какъ и передовыя статьи газетъ, касавшихся этого вопроса... Вотъ если-бы онъ сталъ защищать «институтъ»—тогда я пожалуй-бы еще остался, но рассчитывать на чью-нибудь защиту урядника въ обществѣ, сидѣвшемъ въ гостинной, было невозможно...

Я сталъ было поклевывать носомъ, какъ въ комнату вошли два господина, и «урядникъ» занялъ поневолѣ мое вниманіе. Два господина (я даже не знаю, кто такіе были они) костили урядника, что называется, въ перебой, и надо сказать правду, если бы обвиняемый урядникъ и объявился внезапно передъ ругателями, то едва-ли-бы нашелъ сказать слово въ свое оправданіе. Оба господина пробирали его со всѣхъ сторонъ и рассказывали о немъ вещи болѣе подробныя и интересныя даже тѣхъ, которыя я читалъ въ газетахъ. Они, какъ понялъ я изъ разговора, жили въ деревнѣ и знали, какъ «онъ» приказывалъ сносить избы для «перестройки по инструкціи», какъ онъ искалъ среди крестьянской скотины подозрительныхъ лицъ для «оныхъ лицъ зарѣзу», и какъ мужики иной разъ и жертвовали, хотя и «перомъ», а не «животомъ»; какъ онъ арестовалъ дьякона, за «переодѣваніе съ противозаконной цѣлью» и пр. и пр... Въ этихъ, очевидно подлинныхъ рассказахъ, было что-то такое комичное до невѣроятнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ что-то такое нелѣпо-страшное, что дрема оставила меня, и я слушалъ, слушалъ, какъ терзали «урядника»...

Пробравши «урядника» и понадѣясь, что по случаю новыхъ вѣяній стоитъ только подать петицію (они, впрочемъ, сказали: «прошеніе») и институтъ, очевидно, ненужный, будетъ уничтоженъ или, если и не уничтоженъ, то отмѣненъ въ видѣ опыта на пять лѣтъ,—оба господина ушли и вашъ покорнѣйшій слуга снова остался одинъ...

Машинально я повернулъ голову въ сторону, къ маленькому столику, на которомъ лежалъ ворохъ газетъ, и гляжу: на одной изъ нихъ тотъ самый урядникъ, котораго только-что такъ костили, куда-то несется на борзомъ конѣ, одѣтый въ форму, и глядитъ на меня изъ подъ кивера, заливчатски надѣтаго на бекрень, показалось мнѣ, какъ-будто съ укоромъ...

Оказалось, что рисунокъ заливчатскаго урядника, изображен-

ный, вѣроятно въ тотъ, моментъ, когда художникъ представлялъ его себѣ спѣшащимъ на усмиреніе, — напечатанъ былъ въ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ» прошлаго года. Вверху — картина, а внизу — прописывались подвиги: розыскалъ корову, благодаря усердію; потушилъ пожаръ, благодаря энергіи; предупредилъ градъ, благодаря бодрствованію; уничтожилъ саранчу и т. п. и т. п.

Я вспомнилъ, что о подвигахъ этихъ я читалъ и въ другихъ губернскихъ вѣдомостяхъ, вспомнилъ еще, что въ первое время послѣ основанія «института» всѣ губернскія вѣдомости открыли рубрику о подвигахъ, хотя, какъ кажется, только одна пензенская губернская редація догадалась иллюстрировать рубрику нагляднымъ изображеніемъ... Она сдѣлала это, очевидно, съ воспитательной цѣлью: «Гляди и... остерегайся!»

«Перечисляются-ли и теперъ твои подвиги, о, мой бѣдный урядникъ?» — невольно задалъ я вопросъ, разглядывая изображеніе одного изъ пяти тысячъ джентльменовъ, несущихся вскачь по проселкамъ Россіи.

Но нарисованный урядникъ, хотя и молчалъ, однако видъ его говорилъ, что онъ по прежнему свершаетъ подвиги. Молодецки выгнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, лихо загнувъ киверъ на бекрень, неся онъ на сѣрой бумагѣ «Пензенскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». И посадка его, и озабоченно-серіозное лицо (художникъ «схватилъ моментъ»), и нагайка въ рукѣ, все, казалось, говорило, что онъ весь — подвигъ, олицетворяющій собой идею послѣдняго слова разносторонней дѣятельности на поприщѣ «мѣропріятій».

Онъ молчалъ. Но при слабомъ свѣтѣ лампы, показалось мнѣ, лицо его улыбалось, и улыбка эта словно-бы говорила, что онъ не боится нареканій... Онъ также увѣренно держитъ нагайку и мчится впередъ... Отъ пристального разглядыванія картинки я впалъ въ состояніе, близкое къ гипнотизму; фигура принимала въ моихъ глазахъ все большіе и большіе размѣры... Передо мной уже былъ не простой урядникъ, а какой-то фантастическій всадникъ съ необыкновенной нагайкой въ рукѣ... Лицо всадника принимало различныя выраженія... Оно то смѣялось, то глядѣло прямо на меня жесткимъ пронизывающимъ взглядомъ... И лошадь приняла такіе-же фантастическіе размѣры... Она неслась, забирая чудовищными копытами, подъ которыми вѣсто пыли мелькали человѣческія фигуры, города и деревни. А конь все несется, не замѣчая, что несется, оставляя за собой растерзанныя придавленные тѣла.

Становилось совсѣмъ жутко отъ этого кошмара... Я пробо-

валъ отвести глаза, но вдругъ въ ухахъ моихъ отчетливо раздался рѣзкій свистъ.. и какой-то хохотъ, отъ котораго замерло сердце... Голова всадника выросла во что-то чудовищное; громадные глаза налились кровью и, затѣмъ, вдругъ, лицо его преобразилось въ длинное, худощавое съ лукавой добродушной улыбкой... Глаза посмѣивались мнѣ прямо въ упоръ.

Чья-то рука дотронулась до моего плеча. Галлюцинаціи исчезли. Я поднялъ голову. Передо мной стоялъ хозяинъ.

— Чѣмъ это вы такъ увлеклись? проговорилъ онъ своимъ мягкимъ груднымъ голосомъ.—Что читаете? А!—И Павелъ Ивановичъ разсмѣялся—разсматриваете урядника? Недурно изображень? Посадка какая?—Мнѣ высылаютъ эту газету губернаторъ... Такъ, для обертки служить! какъ будто извинялся онъ, что въ его кабинетѣ лежатъ «Губернскія Вѣдомости».—И чего вы сюда забились... Пойдемте-ка туда.

— Нѣтъ, Павелъ Ивановичъ, ужъ вы простите... Что-то голова болитъ.. я здѣсь посижу.

— Какъ знаете... какъ знаете... Хотите спирту?—А тамъ у насъ сейчасъ интересный споръ былъ... пари даже держимъ.

— О чемъ?

— Да насчетъ уничтоженія «института»... Земства ходатайствуютъ—это признакъ.

— И какъ-же по вашему?

— Я въ большинствѣ—мы увѣрены въ успѣхъ.. Да и нельзя же... Вѣдь, согласитесь... А вы за кого-бы держали?

— Я, знаете, скептикъ...

— Но теперь, когда... Вы слышали, что безповоротно рѣшено продолжать опыты новыхъ вѣяній... На-дняхъ я былъ по дѣлу у лица, близко стоящаго къ источникамъ (онъ назвалъ фамилію лица), и названное лицо категорически мнѣ сказало: «Не предавайтесь мечтамъ, но надѣйтесь...»

— Какъ-же, какъ-же, и я слышалъ, подхватилъ я.—Надняхъ мнѣ тоже пришлось видѣть лицо, близко стоящее къ источникамъ, и оно тоже сказало мнѣ: «Не предавайтесь мечтамъ, но надѣйтесь». Я, грѣшнымъ дѣломъ, хотѣлъ было болѣе подробно распросить и рассчитывалъ какъ-нибудь потоньше коснуться вопроса, на что, собственно говоря, слѣдуетъ надѣяться... Но, къ несчастію, когда я закинулъ удочку, его превосходительство сказалъ, что ему некогда распространяться, такъ-какъ онъ спѣшилъ къ докладу... Однако онъ все-таки повторилъ: «надѣйтесь» и съ этими словами распрощался со мной.—А вамъ, Павелъ Ивановичъ, вѣрно въ подробности сообщили?

— Нѣтъ... Особенныхъ подробностей не успѣли сообщить—

я тоже не во время пріѣхалъ—генералъ куда-то торопился—но тонъ и вообще...

Онъ помолчалъ и прибавилъ:

— Сомнѣнія быть не можетъ... Пора намъ наконецъ окончательно вступить на путь довѣрія и любви...

Павелъ Ивановичъ присѣлъ около меня и по этому поводу заговорилъ.

Надо отдать справедливость Павлу Ивановичу: онъ говорилъ недурно; плавная его рѣчь по временамъ переходила въ горячій тонъ и блистала юморомъ. Онъ вкратцѣ рассказалъ мнѣ цѣлую программу будущаго, какимъ-бы онъ желалъ его видѣть. Я слушалъ и чувствовалъ, что будетъ въ самомъ дѣлѣ недурно... для Павла Ивановича.

«Фабрикатъ» будетъ сбываться легче. Будетъ, что продавать и покупать, т. е. «меньшой братъ» станетъ богаче... Торговля и промышленность разовьются...

— Мы съ вами...

— А они? перебилъ я.

— И они впоследствии...

— А теперь?

— Странный вы—усмѣхнулся снисходительно Павелъ Ивановичъ—нельзя-же сразу... Конечно, гуманныя наши чувства должны иногда страдать, но историческая необходимость... исторія... надо принять ихъ въ соображеніе... Вездѣ такъ... Сперва мы, а со временемъ, Господь Богъ дастъ, и они... Ужъ не думаете-ли вы, что мужика нашего такъ-таки и можно посадить за столъ?..

— А если попробовать?.. робко вставилъ я...

— Мужицкую теорію изволите проповѣдывать? опять усмѣхнулся Павелъ Ивановичъ... Да вѣдь прежде надо его вымыть, обчистить, научить грамотѣ... Мы не какая-нибудь Болгарія, гдѣ...

— То-то мнѣ думается, Павелъ Ивановичъ, что ужъ слишкомъ заботятся обчистить его... Скоро, пожалуй, и чистить будетъ нечего... А если-бы позволили ему самому себя чистить и мыть... Знаете-ли, въ видѣ опыта?.. Какъ вы полагаете?

Павелъ Ивановичъ взглянулъ на меня такимъ добродушно-презрительнымъ взглядомъ, что я смутился, точно и въ самомъ дѣлѣ сказалъ нѣчто очень глупое.

— Ого!.. промолвилъ онъ. Вы вотъ что?.. По вашему выходитъ, что лучше такъ... Цивилизацію въ отставку...

— Я не говорилъ этого...

— Ну, такъ и выбирайте между вотъ этимъ всадникомъ—онъ указалъ рукой на «Пензенскія Вѣдомости»—и...

— И—гѣмъ?

— И нами—людьми цивилизаціи и жизни, а не иллюзіи...

«Развѣ будто нельзя и безъ всадника и безъ вась!» подумалъ я, но сказать этого не рѣшился.

— Такъ какъ-же?. проговорилъ онъ, поднимаясь съ мѣста.. Нашли другіе пути?. Ихъ, батюшка, нѣтъ!

— Ищите! примолвилъ онъ шутливо и прибавилъ:—Однако простите, мы тутъ съ вами заговорились, а мнѣ надо къ гостямъ.—Да смотрите, какъ отыщите пути, расскажите намъ вашу программу за ужиномъ.—Скоро сядемъ ужинать!

Павель Ивановичъ ушелъ... Опять въ кабинетъ стало тихо. «Урядникъ» лежалъ на столѣ и не смущалъ болѣе моего нервнаго настроенія. Голосъ представителя цивилизаціи, прочитавшаго мнѣ только что нотацію, доносился легкимъ журчаніемъ изъ сосѣдняго кабинета.. По временамъ слышались восклицанія о пяти пикахъ и пяти бубнахъ... я глубже опустился въ уголокъ дивана и закрылъ глаза... Не то греза, не то дрема одолевала меня.. Слабѣй доносились голоса изъ сосѣдняго кабинета, а голова искала удобнаго положенія... По временамъ до слуха моего долетали какіе-то мягкіе неопредѣленные звуки и наконецъ совсѣмъ пропали... Другіе образы, другія картины, совсѣмъ другая жизнь пронеслась предо мной...

III.

Я очутился на Невскомъ проспектѣ, рассчитывая идти въ цензурное управленіе за одной справкой. Былъ теплый весенній день... Пѣшеходы двигались обычной волной, но физиономіи, попадавшіяся на встрѣчу, казались мнѣ совсѣмъ не такими, какія обыкновенно встрѣчаешь... Что-то не то! Выраженія лицъ какъ будто стало другое—пришибленности и какого-то недоумѣвающего испуга не было... «Вѣрно все именинники!» рѣшилъ я, продолжая путь, но отрывки разговоровъ, долетавшіе до меня, заставили меня прислушаться... Рѣчи, какія-то странныя, неслыханныя рѣчи, по крайней мѣрѣ на Невскомъ среди бѣлаго дня...

Вдругъ сзади меня раздалось слово, заставившее меня невольно обернуться и ожидать, что рука городского уже ласково протягивается къ шивороту господина, такъ неосторожно бесѣдующаго на улицѣ. Но бесѣдующіе продолжали въ томъ-же тонѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, и никакого смятенія не произошло. — «Вѣрно городской ожидаетъ какого-нибудь проѣзда!» подумалъ я, рассчитывая дать тягу при случаѣ, и искалъ глазами родную мнѣ съ дѣтства фигуру въ классической формѣ съ

пашкой и револьверомъ, но какъ я не искалъ— знакомой фигуры не было...

«О, безпорядки!» подумалъ я.

— Проходите.. проходите, господа!.. Господинъ, не раздавите малютку! раздался чей-то ласковый голосъ, и въ то же время ловкая рука отвела отъ ребенка неосторожного пѣшехода.

Я обернулся. Передо мной стоялъ, очевидно, полицейскій, но совсѣмъ не похожій на вѣрнаго спутника нашей жизни. Онъ никого не бралъ за шиворотъ и даже извозчиковъ не ласкалъ пашкой плашмя.

«Бутарь, бутарь! Гдѣ ты?»

— Вы — городской?

— Развѣ вы не видите! усмѣхнулся онъ.—Что вамъ угодно?.. Если вы спѣшите на сходку радикаловъ, то вамъ направо! прибавилъ онъ, оглядывая меня, какъ провинціала. — Сегодня интересное засѣданіе.

Я протираю глаза... Иду дальше.

У Пассажа толпа газетныхъ разнощиковъ выкрикиваетъ названія газетъ. Изумленіе мое растетъ. Названія рѣжутъ ухо.

— Дайте «Голосъ», «Новое Время» и «Молву!» спрашиваю я.

На меня смотрятъ, какъ на свалившагося съ луны.

— Этыхъ газетъ давно нѣтъ! поясняетъ мнѣ старый разнощикъ... Есть у насъ: «Реформа», «Либералъ», «Радикалъ», «Народникъ», есть «Консерваторъ», есть, если пожелаете, «Свобода слова»... Онъ продолжалъ перечислять названія... А то, коли хотите позабавиться—купите «Искру»... Посмотрите карриатуру... похоже... Министра внутреннихъ дѣлъ ловко пробираютъ. Министръ онъ ничего себѣ, но послѣдняя его мѣра...

Я бросился въ Пассажъ сталъ щипать носъ и посмотрѣлъ на себя въ зеркало—не сошелъ-ли я съ ума.

Однако, никто на меня не обращалъ вниманія. Я вернулся на Невскій; ну, думаю, сейчасъ что-нибудь чрезвычайное случится, но ничего чрезвычайнаго не случилось. Жизнь кипѣла обычнымъ порядкомъ и даже А. А. Краевскій гулялъ по Невскому съ самымъ спокойнымъ и довольнымъ лицомъ.

«Но какже «Голоса» нѣтъ?» вспомнилъ я и у ближайшаго кіоска спросилъ: что издаетъ А. А. Краевскій.

— Вы откуда пріѣхали?.. Онъ давно издаетъ «Либерала»?

«Что за чудеса!» «Уже не пьянъ ли я?».. Иду дальше... На встрѣчу—пріятель Сергѣй Николаевичъ, котораго я не видалъ пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ уѣхалъ въ Пинегу изучать климатическія условія.

— Вы какими судьбами?..

— Очень просто... Я давно здѣсь...

— И... безъ опаски?

— Да чего опасаться?.. изумился онъ... Вы думаете, что на мою конференцію соберется мало народа?..

— Какую конференцію?..

— Ну—бесѣду, если вы не любите иностранныхъ словъ...

— О чемъ?..

— Да вы изъ Китая что ли пріѣхали?.. Развѣ не видали афишъ!.. расхохотался онъ... Смотрите...

Съ этими словами онъ подвелъ меня къ ближайшему дому и я увидалъ громадную афишу, на которой крупными буквами была напечатана программа бесѣды.

Я прочелъ и ахнулъ...

— Вы чего?.. Или не согласны?.. Ну заходите ко мнѣ... теперь мнѣ некогда... Иду на сходку радикаловъ...

— А Николай Ивановичъ гдѣ?.. Тамъ все?.. тихо спросилъ я.

— Какъ же тамъ—народнымъ учителемъ...

— Народнымъ учителемъ???

— Ну, да...

— А Карминовъ?..

— Управляетъ артельной фабрикой въ Воронежской губерніи...

— Артельной фабрикой!?..

— Да что вы все восклицаете?.. Небось не по вкусу, что ли?..

Но я уже распрощался, торопливо шагая въ театральную улицу.

Я поднялся по знакомой лѣстницѣ... Вхожу. Сторожъ встрѣчаетъ меня...

— Вамъ кого угодно?

— Я въ ценсурный комитетъ...

— Эна хватились?... Давно его нѣтъ... Давненько, сударь.

— Вы... смѣтаетесь?..

— Что вы, господинъ?.. Я слава Богу... самъ помню Комитетъ... Въ немъ сторожемъ былъ, но только... давно его нѣтъ...

— Такъ гдѣ-же онъ?..

— Вовсе нѣтъ. Упраздненъ... А если справку какую—вонъ идите туда, съ улицы, гдѣ прежде было главное управленіе по дѣламъ печати.

«Было?!..» Что за чертовщина!..

Я уже въ приемной. Ведутъ меня сейчасъ-же въ кабинетъ... Въ кабинетъ за столомъ—высокій худощавый господинъ.

— Мнѣ хотѣлось-бы получить разрѣшеніе издавать газету? Говорю я.

— Садитесь... Но только зачѣмъ-же вамъ разрѣшеніе?..

— А то какъ-же?

— Сообщите прямо намъ и дѣло съ концомъ. Вы развѣ не знаете правилъ?

— Извините, пожалуйста... Но я бы хотѣлъ узнать въ какой мѣрѣ... Видите-ли, рассчитывая затратить капиталъ и принимая въ соображеніе новыя вѣянія... я почелъ-бы себя счастливымъ, ваше превосходительство, еслибъ заранѣе зналъ, что подлежитъ обсужденію и что нѣтъ... Напримѣръ, возможно-ли касаться вопроса о губернаторахъ...

Онъ посмотрѣлъ на меня особенно пристально и усмѣхнулся.

— Да намъ какое дѣло, чего вы будете касаться?.. Касайтесь чего хотите, а ужъ дѣло общаго суда притянуть васъ, если вы на счетъ частной жизни или диффамациі... Вижу изъ вашего вопроса, что вы хотите ретроградную газету основать, такъ позволю себѣ дружески дать вамъ совѣтъ — не тратьте капитала. Не пойдетъ...

— Вы полагаете?

— Еще-бы! Кто теперь читать будетъ... старыя сказки. Провалитесь! Примѣры были... Вотъ, если хотите издавать дешевую газету для народнаго чтенія этакъ въ рубль, въ два—ну, другое дѣло...

— Для народнаго чтенія??—Газету??—Независимую???

— А то какую-же?—Вы, быть можетъ, думаете, что существующія сдѣлаютъ конкуренцію? Такъ вѣдь, батюшка, у насъ сто милліоновъ грамотныхъ жителей... Найдутся читатели, если вы пригласите хорошихъ сотрудниковъ...

— Но развѣ мужикъ можетъ... Неурожай... недомыки...

— Когда? Гдѣ? вострепнулся онъ, точно я сообщилъ нѣчто невозможное. Развѣ была телеграмма? Въ утреннихъ газетахъ ничего нѣтъ о неурожаѣ...

— Я вообще...

— Ну это вамъ вообразилось... Слава Богу, давно что-то не слышать... Земли у крестьянъ много, а нужно—селись гдѣ хочешь, правительство къ услугамъ... Вы помните, какъ подняли на смѣхъ «Либерала» за то, что онъ былъ противъ уменьшенія налога съ земли и ратовалъ за уменьшеніе налоговъ съ капитала... Это статья Варенцова... Ну понятно... ему нельзя теперь фабрикаты сбывать... Артельное производство его подкузьмило... Онъ теперь и злобствуетъ. Да вы, какъ кажется...

Онъ остановился, опять взглянулъ на меня и деликатно проговорилъ:

— Быть можетъ вы несомнѣнно хорошо себя чувствуете, и вамъ нуженъ докторъ...

Очевидно, онъ принималъ меня за сумасшедшаго, но мнѣ казалось, что сумасшедшій онъ, а не я.

Я откланялся, а онъ, пожимая мнѣ руку, еще разъ замѣтилъ:

— Докторъ тутъ напротивъ, на дежурномъ постѣ... Онъ всегда къ услугамъ нуждающихся въ помощи!

Я вышелъ и сталъ сомнѣваться, дѣйствительно-ли я въ своемъ умѣ. Только что бывший разговоръ особенно подѣйствовалъ на меня.—У подъезда опять встрѣча. Идетъ мой знакомый подъ руку съ молодой красивой еврейкой, которую я тоже знавалъ. Оба веселые, довольные.

— А! привѣтствовали они меня. Зачѣмъ были у начальника печати? — За справками?

— Да, за справкой... Ну, а вы какъ поживаете?

— Слава Бѣгу.. вотъ недавно женился.. рекомендую — жена моя!..

Я смутился. Пріятель мой, я зналъ хорошо, былъ женатъ раньше.

— Поздравляю...

— Кстати.. вы, вѣдь, знали мою прежнюю жену?.. Знаете, и она вышла замужъ...

— Какъ такъ?

— Очень просто.. какъ дѣлается.. Развелись...

— И вы повѣнчались?

— Ну, конечно... Сперва составили запись у мирового судьи, а потомъ...

— Супруга ваша, значитъ, перешла въ православіе?

— И не думала? Развѣ она хочетъ?..

— Но по закону...

— Первый разъ слышу... Что вы, батюшка, новые законы выдумываете?.. Точно у насъ нѣтъ свободы совѣсти... Да развѣ безъ свободы совѣсти...

Но я уже его не слушалъ... Я бросился бѣжать, думая, въ самомъ дѣлѣ, что я помѣшанный.. Я бѣжалъ по улицамъ. Ноги подкашивались. Я чувствовалъ, что сейчасъ упаду... Я хотѣлъ вскрикнуть, но голоса не было... Наконецъ, я напрягъ всѣ усилія и.. проснулся...

Я протираю глаза... Изъ сосѣдней комнаты раздались знакомые голоса и я, наконецъ, пришелъ въ себя.

— Пойдемте-ка ужинать! проговорилъ, входя, Павелъ Ивановичъ, и расскажите-ка намъ, что вы видѣли во снѣ...

Мы пошли вмѣстѣ съ нимъ, но что я видѣлъ во снѣ, про то я не рассказалъ, боясь быть поднятымъ на смѣхъ.

За ужиномъ продолжались горячія бесѣды. Опять говорили объ ахаль-текинцахъ, объ урядникахъ, и передавались слова, слышанныя болѣе или менѣе изъ хорошихъ источниковъ.

Еъ концу ужина, Павелъ Ивановичъ снова завелъ рѣчь о будущемъ, и рѣчь его журчала, словно ручей. Всѣ слушали и—находили, что Павлу Ивановичу можно со временемъ быть министромъ...

II.

„ЖИДЪ“, „ЛАНДЪ-ЛОРДЪ“ И „ЗОЛОТАЯ РУЧКА“.

I.

—... Всему причинна — «жидъ»!.. Если-бы не «жидъ», наша послѣдняя война не стоила такихъ громадныхъ денегъ. Если-бы не «жидъ», мы не были-бы такъ деморализованы. «Жидъ» — это злой геній бѣдной Россіи. Онъ ничего не признаетъ кромѣ денегъ и наживы во что-бы то ни стало.. Для него гешефтъ—альфа и омега существованія.. «Жидъ» соблазнилъ и насъ.. О, онъ умѣетъ соблазнять русскихъ.. Онъ развратилъ нашу администрацію, до жиды безкорыстную какъ берлинскій судья, онъ соблазняетъ женъ и любовницъ, если видитъ, что чиновникъ твердъ, какъ тарпейская скала.. Онъ, какъ змѣй искуситель, пробирается съ промессами, комиссіями даже въ невинныя души самыхъ, казалось-бы, стойкихъ администраторовъ и... и искушаетъ ихъ на пагубу казны. У него въ рукахъ всѣ крупныя дѣла.. Онъ грабитъ казну, эксплуатируетъ бѣдность; кто, какъ не онъ, составляетъ большинство въ послѣднихъ политическихъ процессахъ.. Все онъ, вездѣ онъ!.. По моему мнѣнію, давно пора бросить въ сторону фальшивый либерализмъ, застигающій намъ глаза и объявить «жиды» внѣ закона.. Наши предки были умнѣе..

— Однакожъ вы слишкомъ смѣло проповѣдуете возвратъ къ среднимъ вѣкамъ!

— Другого исхода нѣтъ! «Жидъ» идетъ на насъ и грозитъ развратить насъ.. Что-же намъ дѣлать?.. Я еще нарисовалъ слабую картину жидовскаго нашествія. Посмотрите: гдѣ только нѣтъ жиды? Въ приѣмной у министра — жиды! Онъ ждетъ и надеется, потому что.. потому что, прежде чѣмъ пріѣхать къ министру, онъ былъ вездѣ, гдѣ нужно;. Онъ уже успѣлъ соблазнить..

Въ банкахъ—жидь.. Въ интендантствѣ — жидь! Всѣ подряды у жидовъ!. Еврейская интеллигенція проповѣдуетъ разрушеніе, а въ то-же время фанатикъ еврей выградываетъ христіанскаго ребенка и рѣжетъ его.. А что дѣлается въ западномъ краѣ? Народъ тамъ положительно въ рукахъ у евреевъ. Они, какъ пауки, опутали населеніе паутиной и сосутъ кровь жертвъ.. О, повторяю, если-бы не жиды, то не было-бы у насъ той деморализаціи нравовъ, тѣхъ подкуповъ, тѣхъ невозможныхъ ограблений казны, которыя такъ часты теперь.. Если - бы не «жиды», чиновникъ нашъ сохранилъ-бы въ себѣ невинность голубя, русскіе подрядчики были-бы безкорыстны, какъ Катоны, и страна не страдала-бы отъ торжества рубля..

— Такъ по вашему во всемъ «жидь» виноватъ?..

— Во всемъ, во всемъ виноватъ «жидь!».. И нѣмцы начинаютъ это понимать...

Не далѣе какъ на дняхъ, я былъ свидѣтелемъ вышеприведеннаго разговора. Свирѣпый юдофобъ, человекъ, принадлежащій къ «культурнымъ» людямъ, требовалъ сперва объявленія евреевъ вѣнъ закона, а потомъ повального изгнанія ихъ изъ предѣловъ Россіи, съ такой порывистой страстностью, причемъ приводилъ аргументы на столько смѣлые, что собесѣдникъ его, въ началѣ спора пробовавшій было подѣйствовать на юдофоба резонными доказательствами, въ концѣ концовъ махнулъ рукой и замолчалъ. Убѣждать было, очевидно, дѣломъ бесполезнымъ...

Я слышалъ эту бесѣду и не удивлялся. Юдофобъ, слово въ слово, повторялъ то, что говорилось и говорится въ нѣкоторыхъ органахъ русской печати. Онъ былъ только отголоскомъ, быть можетъ, слишкомъ усерднымъ. Да и можно ли было удивляться, когда и съ берлинской кафедры повторяются тѣ-же слова обвиненія. Повторяются когда? Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, когда принципъ религіозной терпимости вошелъ въ жизнь и послужилъ однимъ изъ краеугольныхъ камней европейской цивилизаціи.

Но безуміе заразительно, особенно въ наше безумное, переходное время, когда повсюду происходитъ что-то неладное. Такъ или иначе, чувствуется, что жизнь сошла съ прежней колеи, что кругомъ что-то не ладно... Какая-то болѣзнь точитъ всѣ современные общества... Но что, кто виноватъ?.. Подайте виноватаго!..

И безумцы, какъ дѣти, ищутъ кого-нибудь виноватаго, какъ искали ихъ во всѣ времена. Имъ нуженъ осязательный фактъ, нужна жертва, на которую можно обрушить бѣдствие эпохи. Когда въ конецъ обезумѣвшій отъ нищеты мужикъ съ вѣрой въ серд-

цѣ сжигаетъ «вѣдму» на кострѣ, онъ думаетъ, что нашелъ виноватую въ его бѣдствіяхъ и на время оживаетъ надеждой... Такъ точно поступаютъ не одни мужики. Имъ надо виноватаго, и если слово найдено—какъ-бы не было глупо это слово—во имя этого слова совершаются великія злодѣйства и великія глупости.

Мы, русскіе, знаемъ эти «слова». У насъ особенно ихъ много и мы мѣняемъ ихъ очень часто... Мы такъ недавно еще пережили весь ужасъ недавнихъ дней и такъ хорошо знаемъ разнообразіе пользованія лексикономъ, что говорить объ этомъ теперь не къ чему...

II.

Въ числѣ «словъ», смущающихъ покой недалководныхъ, хотя, быть можетъ, и искреннихъ людей—у насъ есть и слово «жидъ». Приведенный выше разговоръ есть квинтъ-эссенція мнѣній объ евреѣ, и если прибавить къ этому, что нѣкоторые съ понятіемъ объ евреѣ (благодаря нѣкоторымъ органамъ печати и старымъ предрасудкамъ) соединяютъ понятіе о человѣкѣ, завтракающимъ филе изъ христіанскаго ребенка и запивающимъ шампанскимъ изъ крови,—то передъ читателемъ будетъ «настоящій жидъ», губящій невинность нашихъ превосходительствъ.

Когда рѣчь идетъ о подрядѣ или концессіи, то «жидъ» разумѣется на первомъ планѣ и «жидъ», видите-ли, только «жидъ», умѣетъ влѣзть въ душу добродѣтельнаго сановника, а русскій не умѣетъ. Такимъ образомъ, по мнѣнію недалководныхъ, его превосходительство Самуилъ Соломоновичъ несравненно ехиднѣе, чѣмъ, напримѣръ, его превосходительство Петръ Іоновичъ, хотя въ сущности оба эти превосходительства—карты одной и той-же колоды. Хотя они и исповѣдуютъ разную вѣру, но поклоняются одному богу и, конечно, имѣютъ дѣло съ одними и тѣми-же богами и духами при полученіи концессій,—точно также какъ гг. Грегерь и Горвиць не хуже и не лучше гг. Баранова, князя Оболенскаго и Струговщикова... И если какъ тѣмъ такъ и другимъ нужно накидывать 50% на всякій подрядъ для предварительныхъ расходовъ, то надо думать, что «змиѣи искусители», соблазняющіе департаментскихъ Адамовъ и состоящихъ при департаментахъ «Еввъ» —попавши въ рай, дѣлаются космополитами, въ виду космополитизма «промессъ» и «комиссій», предлагаемыхъ не только русскимъ, но даже «истинно русскимъ» и «истинно нѣмецкимъ» Адамамъ и Еввамъ.

Простой русскій человекъ совѣстливѣе. Для него безразличенъ кулакъ, кто-бы онъ ни былъ: русскій-ли, нѣмецъ-ли, еврей-ли. Онъ чувствуетъ, что національность и религія тутъ не при чемъ и что для кулака и эксплуататора всевозможныхъ національностей нѣтъ бога, кромѣ Ваала и аггеловъ его. Деруновъ не далеко отъ Мошки, сдѣлавшимся Моисеемъ Абрамовичемъ... А графъ Бобринскій, люторическій владѣлецъ?..

Читатели знаютъ изъ газетъ процессъ люторическихъ крестьянъ. Русскій ландъ-лордъ, въ союзѣ съ русскимъ нѣмцемъ, довели крестьянъ (легально, замѣтьте, легально!) до, такъ называемаго, открытаго сопротивленія; проценты, которые взымали эти почтенные джентльмены съ мужиковъ заткнули за поясъ такъ называемые «жидовскіе». «Бобринскіе» проценты—это нѣчто непонятное. На 20 р. крестьянскаго долга насчитывалось по 500 руб. неустойки. И, повторяю, все легально, на законномъ основаніи, по «документамъ». Условія венеціанскаго жида ничто передъ *этими* документами. Венеціанскій еврей требовалъ неустойку въ фунтъ человѣческаго мяса, а теперь—при помощи нотаріальнаго условія въ неустойку требуютъ жизнь, и не одного человека, а цѣлаго населенія большаго села.

Другія времена, другія нравы, другая нравственность... Но и то и другое и третье въ духѣ существующихъ правилъ, гарантирующихъ свободу разбоя безъ помощи огнестрѣльнаго или холоднаго оружія, а только при помощи исполнительныхъ листовъ. Кулакъ русскій, нѣмецъ и «жидъ»—всѣ они сливаются въ трогательномъ единодушіи, чуть только дѣло коснется вопроса о распределеніи. Въ демократическомъ равенствѣ передъ дѣломъ наживы стираются всѣ сословныя и религіозныя предрассудки, до той поры, пока бывшіе соратники не встрѣтятся на «кускѣ», и если кусокъ достанется болѣе ловкому и этимъ болѣе ловкимъ окажется, положимъ, жидъ, тогда раздается вопль:

— Жидъ идетъ... Долой жида!..

А масса, масса всѣхъ національностей, всѣхъ культовъ и религій, которая, по мнѣнію маленькихъ Наполеоновъ «крови» и «главки», должна служить (и служить) пушечнымъ мясомъ на войнѣ и наковальными въ мирѣ,—относится сперва безразлично къ крикамъ, до тѣхъ поръ, пока возгласы не становятся громче и не подѣйствуютъ на невѣжество. Тогда безвыходность, которая иногда доводитъ даже до поджариванья вѣдьмы, безвыходность, распаленная травлей, можетъ пробудить надежду найти виноватаго.

Подъ влияніемъ наускиваній сверху и толпа можетъ обезумѣть и въ ней можетъ раздаться страшный вопль: «долой жида!»

и страшныя сцены средневѣковаго варварства могутъ повториться легко...

И окажется виноватой въ концѣ концовъ все та-же масса, эта вѣчная отвѣтчица за чужіе грѣхи... И разбедутся по тюрьмамъ люди, пострадавшіе за «правду» въ недоумѣніи, и долго еще недоумѣніе не оставитъ ихъ, пока какой-нибудь новый «виноватый», будь то «вѣдьма», «студентъ» или «докторъ» не явится на смѣну старому...

Только настоящихъ виноватыхъ—они не знаютъ, хотя уже начинаютъ понимать, что они не всегда тѣ, на которыхъ ихъ подтапливаютъ...

Удивительный шумъ подняли газеты по люторическому «дѣлу»! Какъ не стыдно? говорили на всѣ лады.

Но развѣ это первый и послѣдній процессъ? Развѣ такихъ процессовъ мало? И развѣ графъ дѣйствовалъ незаконно? И развѣ другіе, не доводящіе мужика до открытаго сопротивленія, не дѣйствуютъ-ли точно также, хотя, быть можетъ, и болѣе осторожно?..

Такъ при чемъ здѣсь удивленіе? Все идетъ своимъ порядкомъ, все идетъ правильно, съ точки зрѣнія логики современной морали. Слѣдовательно, по справедливости говоря, ей также не къ лицу краснѣть при какомънибудь подобномъ фактѣ, какъ не къ лицу плавать повару, зарѣзавшему десятковъ циплять совершенно спокойно, при видѣ одинадцатаго, который, по неловкости оператора, трепещетъ минутой болѣе, истекая кровью.

Кривая логика, по правдѣ говоря, у буржуазной морали. Она похожа на капризную барыню и льетъ слезы по «вчерашнему» дню, словно забывъ, что всѣ остальные дни тѣ-же «вчерашніе».

III.

Отъ морали «терпимой», перейдемъ, читатель, къ морали «не терпимой»—къ морали воровъ и воспользуемся случаемъ познакомиться съ процессомъ извѣстнымъ подъ именемъ процесса Соньки «Золотой Ручки». Цѣлая шайка мошенниковъ-евреевъ фигурируетъ на судѣ. По обыкновенію отъ процесса ждали разоблаченія тайнъ махинаціи, ждали пикантныхъ подробностей воровской ассоціаціи и признаній героини процесса, но.. въ концѣ интересъ получилъ совсѣмъ другой характеръ. Подсудимые потеряли свою пикантность, но за то свидѣтели приобрѣтали его все больше и больше, и въ концѣ концовъ явились разоблаченія, но только другаго характера и вмѣсто «Соньки-золотой ручки» настоящими

героями процесса явились не подсудимые, а нѣкоторые чины московской полиціи и сыщики.

Съ этой стороны процессъ дѣйствительно интересенъ и представляетъ характерную иллюстрацію нравовъ не одной только воровской корпораціи... Въ этомъ процессѣ до того перепутаны пойманные воры съ непойманными, полиція съ ворами, сыщики съ мошенниками, что, въ концѣ-концовъ, послѣ чтенія процесса, невольно задаешь себѣ вопросъ: «Кто же лучше?»

Я не стану останавливаться на обвинительномъ актѣ, въ которомъ Шнейдля Блювштейнъ (она же и «Золотая Ручка») обвинялась въ составленіи воровской шайки и въ многочисленныхъ мошенничествахъ и кражахъ.

Интереснѣе всего допросъ свидѣтелей.

Интересъ этотъ начинается съ показанія частнаго пристава Реброва, который объясняетъ, что «Золотыхъ Ручекъ» двѣ: одна еврейка Гершбергъ, не пойманная; другая—Шнейдля Блювштейнъ...

Оказывается, что, не смотря на циркуляры и приказы московскаго оберъ-полиціимейстера, Шнейдлю Блювштейнъ ловили очень вяло, а если и ловили, то она убѣгала съ такой простотой, которая, вѣроятно поражала всѣхъ и cadaго, исключая, разумѣется, чиновъ московской полиціи... Подсудимая—молодая и красивая еще женщина, кокетливо одѣтая въ сѣромъ арестантскомъ капотѣ, накинутаго сверхъ чернаго платья—убѣгала нѣсколько разъ и обыкновенно черезъ сквозныя ворота. Городовые, сопровождавшіе ея, отличались довѣрчивостью.

На столѣ вещественныхъ доказательствъ лежитъ масса колець, часовъ, цѣпочекъ, брошей, серегъ, жемчуга, коралловъ, брилліантовъ. Но въ числѣ этихъ вещественныхъ доказательствъ нѣтъ діадемы, которую принесли «Золотой ручкѣ» отъ ювелира въ то самое, именно, время, когда частный приставъ Ребровъ производилъ у подсудимой обыскъ. Ребровъ занесъ въ опись эту діадему подъ такимъ названіемъ: «золотой головной обручъ, при немъ брилліантовая фертьерка съ шестью крупными брилліантами, двадцатью девятью средними и четырьмя мелкими на обручѣ».

— Гдѣ діадема? спрашиваетъ предсѣдатель суда.

— Я не знаю! отвѣчаетъ г. Ребровъ.

— Свидѣтель отобралъ у меня виѣсть съ другими вещами! говоритъ подсудимая.

— Я всѣ вещи передалъ судебному слѣдователю! возражаетъ Ребровъ.

Такъ діадема и канула въ воду...

На слѣдующихъ засѣданіяхъ личность подсудимой начинаетъ все болѣе и болѣе затемняться... Многіе не признаютъ подсудимую за ту женщину, которую обвиняютъ во множествѣ мошенничествъ и кражъ... Является сомнѣніе, что Шнейдла Блювштейнъ настоящая «Золотая ручка». Данныя обвинительнаго акта значительно разбиваются судебнымъ слѣдствіемъ, и является сомнѣніе, что часть подвиговъ настоящей «Золотой ручки» (Гершбергъ) перенесено на Блювштейнъ. Сомнѣніе это съ каждымъ днемъ увеличивается и подъ конецъ становится несомнѣннымъ, что обвинительный актъ поусердствовалъ слишкомъ и затемнилъ дѣло... Но я не останавливаюсь на подсудимой. Меня гораздо болѣе въ этомъ процессѣ занимаютъ свидѣтели... Если подсудимая и интересна, то потому только, что изъ-за нея, какъ оказывается, отставленъ отъ должности московскій судебный слѣдователь и австрійскій полицейскій приставъ Фридманъ... Она умѣла дѣйствовать своими чарами, какъ кажется, успѣшно...

При разборѣ, на четвертый день суда, эпизода о кражѣ, совершенной у Тюменевыхъ, въ 1875 году, въ гостиницѣ Парижъ, на судѣ вырисовалась слѣдующая бытовая картинка:

Оказывается, что, когда г-жи Тюменевы дали знать полиціи, что онѣ обокрадены на 6,000 р., то полиція нисколько этому не удивилась и даже прочла нотацію г-жамъ Тюменевымъ, говоря, что они сами виноваты, такъ какъ ихъ номеръ прямо противъ гостиницы «Римъ», откуда все видно, а Тюменевы вдобавокъ не спускали шторы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ полиція-же сообщила потерпѣвшимъ, что «Римъ» пользуется дурной славой и что воровство предполагалось «двумя днями раньше». Я не знаю, утѣшили-ли полицейскіе чины такимъ объясненіемъ потерпѣвшихъ, но надо думать, что сами они были довольны, какъ читатель увидитъ ниже.

Поиски за украденными у Тюменевыхъ однако начались. Производилъ ихъ кварталный надзиратель Чумаковскій...

Два слова объ этомъ кварталномъ надзирателѣ.

На судѣ оказалось, что онъ удаленъ административнымъ порядкомъ изъ Москвы за то, что въ недавніе дни, когда открылось новое поле доходовъ для настоящихъ «патріотовъ своего отечества», — почтенный кварталный принялся за ремесло agent provocateur'a. Онъ сочинялъ прокламаціи, самъ-же разбрасывалъ ихъ и, разумѣется, самъ-же находилъ ихъ. Но дѣло, видно, сдѣлано было не совсѣмъ «чисто», и бѣдный «патріотъ» былъ высланъ.

Такъ вотъ этому самому г. Чумаковскому были поручены розыски. Онъ идетъ прямо къ Шнейдлѣ Блювштейнъ съ горо-

довыми и понятыми и первымъ дѣломъ садится за ужинъ, тѣмъ болѣе, что была пора ужину, такъ-какъ Шнейдли только что вернулась изъ театра. Поужинавши, квартальный объясняетъ, что прѣхалъ обыскать Шнейдлю.

По словамъ корреспондента «Новаго Времени», сообщившаго подробности процесса, выяснилось, что послѣ заявленія г. Чумаковскаго между представителемъ московской полиціи и представительницей московской артистки de la haute école произошла слѣдующій полушутливый разговоръ:

«— Васъ надо прежде обыскать? возразила Золотая Ручка. Вы сами можете и украсть и подложить!»

Убѣжденный, вѣроятно, въ справедливости замѣчанія хозяйки, г. Чумаковскій «съ улыбкой» выворачиваетъ карманы, въ которыхъ, однако, ничего не оказывается.

Когда на судѣ предсѣдатель спросилъ подсудимую, почему ей вздумалось обыскивать квартальнаго, то подсудимая отвѣчала:

«— Да потому, что это взяточникъ и пріятель всѣхъ московскихъ воровъ, онъ у меня часто просилъ денегъ и прежде, и въ этотъ разъ, чтобы потушить дѣло. Такимъ людямъ довѣрять нельзя: они на все способны!»

На что способенъ былъ г. Чумаковскій, читатель уже знаетъ изъ эпизода о прокламаціяхъ. Не мудрено поэтому, что ему не довѣряли его пріятели, хотя—увы—и довѣряло начальство.

Маленькое отступленіе.

У насъ недавно было напечатано объ изслѣдованіяхъ Бордье и Ламброзо преступниковъ съ точки зрѣнія антропологии и психіатріи.

По мнѣнію этихъ ученыхъ характеристической особенностью у воровъ являются сѣрые глаза; по росту, по вѣсу и мышечной силѣ они стоятъ ниже разбойниковъ и убійцъ...

Является вопросъ: къ какому «среднему» типу слѣдуетъ причислить многихъ изъ свидѣтелей въ процессѣ «Золотой Ручки»?..

Вопросъ во всякомъ случаѣ «открытый» еще въ наукѣ.

IV.

Такимъ-же «открытымъ» вопросомъ остался и вопросъ о кражѣ у Тюменевыхъ. Украла-ли Шнейдли Блювштейнъ — дѣло темное... Въ концѣ концовъ въ этомъ хаосѣ взаимныхъ обвиненій воровъ и свидѣтелей, свидѣтелей и воровъ разобраться трудно. Изъ вопросовъ, дѣлаемыхъ защитниками Тюменевымъ и ихъ старому

знакомому полковнику Сторожевскому, выясняется, что молодой Тюменевъ (братъ одной изъ потерпѣвшихъ барынь) велъ сильную игру въ карты. Въ тоже время «извѣстный» Чумаковскій въ одномъ изъ своихъ показаній говоритъ, что и Сторожевскій и Тюменевъ картежники и что будто Тюменевъ передъ кражей заплатилъ какой-то долгъ вещью своей сестры.

Кромѣ того, есть показаніе бѣглаго еврея солдата, который говоритъ, что вмѣстѣ съ Чумаковскимъ они «ршили» взвалить на Шнейдлю кражу у Тюменевыхъ, чтобы получить выкупъ съ «Соньки». Является неволью подозрѣніе, что была семейная кража, но фактически ничего не выясняется, кромѣ того, что агенты выпивали и закусывали, обыскивали и сами бывали обыскиваемы.

Судъ переходитъ въ другой кражѣ у Кудинова, вслѣдствіе которой потерпѣвшій, потерявшій все свое состояніе, съ горы заболѣлъ и умеръ.

Вотъ какъ описываетъ слѣдствіе по дѣлу Кудинова очевидецъ. Сцены весьма типическія. По словамъ корреспондента «Новаго Времени», «тѣ воры, что сидятъ на скамьѣ подсудимыхъ, блѣднѣютъ и ступшевываются передъ яркими, отвратительно яркими фигурами свидѣтелей, изъ показаній которыхъ присяжнымъ надобно дѣлать свои выводы. Одинъ свидѣтель—воръ, хотя не пойманный, другой—воръ пойманный и понесшій наказаніе, третій—сыщикъ, четвертый—сыщикъ и воръ вмѣстѣ, и всѣ они то клеветаютъ другъ на друга, то рѣзко обличаютъ свои скверныя продѣлки. Путаница выходитъ неизобразимая. Достаточно обширное мѣсто приходится отвести во всемъ этомъ московской полиціи. Между сыщиками, надзирателями и мошенниками проявляется несомнѣнная сердечная и матеріальная дружба; Софья или Шнейдла Блювштейнъ зоветъ сыщика Толстинова «Колынькой»; тотъ, въ видѣ комплимента, отвѣчаетъ ей, что она—царица воровъ, Меркурій въ юбкѣ. Юный отставной канцеляристъ Алянчиковъ хвастается, что онъ отлично знаетъ всѣхъ московскихъ воровъ и самъ воровалъ. Съ сознаніемъ собственного достоинства, онъ заявляетъ суду, что Вудъ Бромбергъ (обвиняемый въ кражѣ у Кудинова) только «затырщикъ», т. е. молодой, начинающій воръ... Зовутъ изящнаго свидѣтеля г. Таше. Одѣтъ прекрасно, держится превосходно, — въ воровскихъ кружкахъ его звали «барономъ»... Алянчиковъ спѣшитъ объяснить: «Не смотрите, господа, что онъ — такой изящный! Мы вмѣстѣ въ острогъ сживали»!.. И всѣ эти господа, попавшись въ когти правосудія, одни—въ качествѣ свидѣтелей, другіе въ качествѣ подсудимыхъ, немилосердно топятъ другъ друга...

«— Я знаю Соньку Блювштейнъ 11 лѣтъ! заявляетъ сыщикъ Толстиновъ. Вы осмотрите ее,—у ней уши оборваны. Это ей въ Нижнемъ серьги вырывали, когда она попалась въ кражѣ!

«— Вреть онъ, отвѣчаетъ подсудимая, потому вреть, что просилъ меня помочь ему въ дѣлѣ Зельцера, а я не помогла! Вы самъ воръ!

«— Я никогда не воровалъ! энергически протестуетъ Толстиновъ.

«— Нѣтъ, онъ не воровалъ! проницательно замѣчаетъ подсудимый Михель Бреннеръ. А если и воровалъ, такъ отъ избытка честности! Благодаря этой честности, онъ и Неронова ограбилъ, и у полковника одного 40,000 р. стащилъ, и сонныхъ пассажировъ на желѣзныхъ дорогахъ обирадовалъ, развѣзая съ какимъ-то грузинскимъ княземъ!

«— Злятся они на меня! возражаетъ Толстиновъ. Даже здѣсь, въ свидѣтельской комнатѣ, Алянчиновъ спрашивалъ у меня, сколько я возьму, чтобъ показать въ пользу Шнейдл!..

«И все время судебного слѣдствія тянутся эти взаимныя обвиненія и оклеветанія (мы собираемъ въ одно общее разбросанныя фразы свидѣтелей и подсудимыхъ). Затаенная злоба и на недѣлившихъ добычу, и на выдавшихъ преступленіе, и на соперниковъ во взяткахъ, въ искусствѣ воровства, сыщичества, проявляется во всемъ блескѣ... Въ кражѣ у Кудинова обвиняется, какъ мы знаемъ, юный Вульфъ Бромбергъ, дѣйствительно выглядывающій волченкомъ.

«— Куда ему! восклицаетъ одинъ изъ свидѣтелей. Его посылали только передовымъ, чтобы тереться въ толпѣ, отвлекать вниманіе, а кражи совершались другими, поискунѣ его!

«Тутъ является поразительный свидѣтель въ пользу Бромберга, частный повѣренный въ гор. Витебскѣ, кн. Ухтомскій. Онъ заявляетъ, что наканунѣ совершенія кражи, Бромбергъ былъ у него въ Витебскѣ!

«Гражданскій истецъ Шмаковъ заявляетъ, что въ сутки можно пріѣхать изъ Витебска въ Москву... Сыщикъ Толстиновъ увѣряетъ, будто подсудимые хвастались ему, что подкупили кн. Ухтомскаго... Путаница усложняется еще болѣе. Правда, Алянчиновъ показывалъ, что видѣлъ Софью Блювштейнъ съ Бромбергомъ на извозчикѣ, въ день совершенія кражи, въ Москвѣ, но вотъ что говоритъ онъ теперь:

«— Это квартальный надзиратель Теплоу угрозами заставилъ меня такъ показывать! Сибирью пугалъ!.. Вы не знаете, господа, что такое наша полиція!.. Не Бромбергъ укралъ, а Гольдбергъ!

«Слушатели въ изумленіи. Имя Гольдберга чуть-ли не впервые появляется въ процессѣ.

— Гольдберга тоже зовутъ Кочубчикомъ, продолжаетъ Алянчиковъ. Я ихъ всѣхъ отлично знаю!

— Алянчиковъ еще очень плохой сыщикъ! объясняетъ въ другой моментъ слѣдствія г. Замайскій, который, послѣ нероновскаго процесса, былъ уволенъ отъ службы, а теперь снова сдѣланъ надзирателемъ въ кварталѣ, гдѣ Охотный рядъ.

«Единственное заключеніе, которое можно вывести изъ всей путаницы показаній свидѣтелей и подсудимыхъ, это—что всѣ они—одинъ лучше другаго, да и полиція не хуже ихъ».

Я тоже не стану разсматривать, кто лучше и кто хуже. За мѣчу только, что всѣ эти Чумаковскіе, Толстиновы, Алянчиковы, Замайскіе—могутъ имѣть дѣло не съ одними только «ворами», но и съ обыкновенными смертными. И знаете-ли что? Хотя они и мелкая сошка, а все-таки столько могутъ надѣлать пакости, что и подумать страшно. Притомъ всѣ шансы на ихъ сторонѣ. «Золотая Ручка», напримѣръ, просто «разрушительница», а всѣ вышеупомянутые джентльмены и «охранители» и «разрушители» въ одно и тоже время. Такимъ образомъ у нихъ въ рукахъ всѣ козыри. Съ такими козырями избави Богъ встрѣтиться въ темномъ переулкѣ, да особенно въ «смутное время!»

III.

ГАДЫ, ПОЖИРАЮЩІЕ САМИХЪ СЕБЯ.

Въ «Новомъ Времени» напечатанъ весьма любопытный «документъ»—письмо г. Дьякова (Незлобина), проливающее нѣкоторый свѣтъ на таинственное возникновеніе и исчезновеніе «Берега».

Настаетъ, видно, начало конца, когда г. Незлобинъ обвиняетъ г. Цитовича. А онъ (т. е. г. Незлобинъ) изливаетъ море брани на бывшего редактора «Берега» и на своего соратника. Письмо дышетъ злобою и ненавистью оффиціоза, обойденнаго другимъ оффиціозомъ, и словно-бы доказываетъ, что «Берегъ» утопила неумѣлая рука, а если-бы за это дѣло взялась умѣлая, то 120 тысячъ не пропали-бы даромъ.

Вѣроятно, г. Цитовичъ не останется въ долгу, и во всякомъ случаѣ отвѣтитъ на обвиненіе г. Дьякова... А въ числѣ обвиненій есть одно очень вѣское. Г. Дьяковъ утверждаетъ, что г. Цитовичъ не болѣе, не менѣе, какъ уложилъ въ карманъ изъ субсидіи пятьдесятъ тысячъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ нарисованный г. Дьяковымъ портретъ г. Цитовича—надо помнить, кто самъ художникъ. Вѣренъ или невѣренъ портретъ, все равно. Гораздо большій интересъ представляютъ другія разоблаченія, имѣющія уже общественный характеръ, а потому мы и приведемъ изъ письма г. Дьякова—мѣста только такія.

По словамъ автора, «переговоры съ г. Цитовичемъ начались еще съ ноября 1879 года». Почему остановились на г. Цитовичѣ, г. Дьяковъ не знаетъ, но полагаетъ, что трудно было сдѣлать «болѣе неудачный выборъ».

Затѣмъ начинается любопытная Одиссея:

«Я былъ въ Одессѣ, рассказываетъ г. Дьяковъ когда г. Цитовичъ вернулся изъ Петербурга послѣ окончательныхъ переговоровъ о «Берегѣ». Дѣло было слажено, чиновники составили «смѣту», рассчитавъ каждую строку будущей газеты по 5 в. Тогда-же я сказалъ, что «смѣту» составляли люди, ровно ничего не понимающіе въ газетномъ дѣлѣ, гдѣ случается сотнями оплачивать одну статью. Спрашиваю г. Цитовича: съ кѣмъ вы познакомились изъ литературныхъ людей? Кто будетъ участвовать въ газетѣ?»

Онъ даже изумился моему вопросу.

— Объявлю копѣйкой выше построчную плату, сами набѣгутъ, отбою не будетъ, отвѣчалъ онъ, и, какъ ни старался я разувѣрить его въ этомъ дикомъ заблужденіи, онъ стоялъ на своемъ.

— Притомъ-же сотрудники и не нужны для оффиціозной газеты: сами министры будутъ писать, а мое дѣло редактировать.

Послѣ этого говорить было нечего; судьба газеты уже и тогда была ясна; а когда г. Цитовичъ прибавилъ, что всѣ высокопоставленные лица рекомендуютъ ему самыхъ умныхъ и образованныхъ чиновниковъ, такихъ сотрудниковъ, «какихъ русская пресса и не видывала», оставалось только ждать, когда обнаружатся эти великія чиновничьи силы, на удивленіе Россіи, скорбящей отсутствіемъ литературныхъ талантовъ.

Пріѣхали мы въ Петербургъ, сѣли на казенной квартирѣ «Берега» и начали метаться: ни онъ, ни я ничего не знаемъ, съ чего и какъ начать. Даже отдѣлку квартиры, устройство типографіи—все должны были сдѣлать чиновники и по казеннымъ «смѣтамъ». А г. Цитовичъ облачился въ туфли, въ свой спальный костюмъ, и шлепалъ съ утра до ночи съ своей половины на мою и обратно, и все ждалъ, когда министры навезутъ ему статей, докладовъ, проектовъ и соображеній. Явились очень умные и образованные чиновники: пара сѣла на окладъ въ ино-

странномъ отдѣлѣ, а одинъ, по емкости своей персоны, самый мудрый и близко стоящій къ «сферамъ», сѣлъ на внутренней окладѣ. Иностранная пара очень скоро была понята г. Цитовичемъ въ качествѣ отъявленныхъ посредственностей, а чинъ на внутреннемъ окладѣ оказался совсѣмъ уже не въ примѣръ прочимъ. Тѣмъ не менѣе они очень долго слонялись въ редакцію, отсиживали свои часы, скребли бумагу, а мы ее жгли послѣ; а премьеръ иностранный досидѣлся даже до послѣдняго мѣсяца.»

Оказалось, что «министры статей не навезли, а сотрудники на лишнюю копейку не набѣжали», и никто изъ «сферъ» никакихъ сообщеній не давалъ, такъ что «Берегъ», собственно говоря, и оффиціозною газетою не былъ, а просто дали человѣку субсидію и больше ничего.

Ни сотрудниковъ, сколько нибудь приличныхъ (г. Дьяковъ себя не считаетъ), ни статей не было. Какъ редакторъ г. Цитовичъ никуда не годился, такъ что, по мнѣнію г. Дьякова, ясно было видно съ начала, что, «пока газета въ его (Цитовича) рукахъ, она никакой будущности имѣть не можетъ» (а въ умѣлыхъ?) По словамъ г. Дьякова, г. Цитовичъ терпѣлъ только тѣхъ сотрудниковъ, которые восполняютъ свои дефекты «лакействомъ, наушничествомъ, сплетнями и принимаютъ на себя видъ безконечной преданности. Такіе господа у г. Цитовича могли держаться долго».

Характеризуя такъ своего патрона, г. Дьяковъ забываетъ, что нѣсколькими столбцами ранѣе онъ рассказываетъ, что г. Цитовичъ не разъ заявлялъ г. Дьякову свое уваженіе, и изъ письма явствуетъ, что Дьяковъ тоже «держался въ «Берегѣ» «долго», до самаго крушенія..

Самъ редакторъ ничего не писалъ, по объясненію г. Дьякова.

«Собственныхъ трудовъ г. Цитовича не наберется десятка статей за все время существованія «Берега», да и тѣ имѣютъ слишкомъ исключительный, личный характеръ того же завистливаго озлобленія, или мщенія, или трусливаго расчета. Таковы, напр., статьи о графѣ Д. А. Толстомъ, написанныя въ видѣ формальной «записки» за долго до осуществленія «Берега» и появившіяся въ немъ только тогда, когда графъ Толстой удался отъ дѣлъ и когда всѣ газеты на него набросились, доказавъ своей безответной отвагой, что и г. Цитовичу можно дѣйствовать безбоязненно. Таковы же были статьи о визиратѣ именно въ то время, когда въ правительствѣ начинала формироваться единоличная власть и система. Таковы же были статьи о печати, появившіяся въ то время, когда вопросъ о печати обсуждался въ комиссіи. Короче сказать, что ни слово, то или

личная злоба, или личная выгода. Для меня по крайней мѣрѣ не оставалось въ этомъ никакого сомнѣнія. О писателѣ - профессорѣ нельзя было говорить рѣзко потому, что г. Цитовичъ самъ профессоръ; о прокурорахъ нельзя было говорить безъ восторга потому, что г. Цитовичъ самъ числится за прокурорскимъ столомъ и при этомъ еще «знаетъ десятый томъ» и т. д., о жидкахъ нельзя было говорить потому, что г. Цитовичъ считаетъ за честь обѣдать у банкировъ и желѣзнодорожниковъ».

Между тѣмъ по прежнему никто оффиціозныхъ статей не посылалъ, а пресса неотступно казнила «Берегъ» за оффиціозность...

Г. Цитовичъ злобствовалъ и скорбѣлъ, что какой то «чингъ» общалъ то и другое, а ничего не сдѣлалъ, только отдалъ его на травлю газетчиковъ, но по прежнему ничего для улучшения газеты не дѣлалъ, по словамъ г. Дьякова..

Подъ конецъ г. Цитовичъ махнулъ на все рукой и замѣнилъ всѣ отдѣлы перепечатками. Газета должна была «околѣвать».

«Это не была смерть—увѣряетъ г. Дьяковъ—отъ невниманія (?) публики, а какое-то медленное, мучительное околѣваніе, устроенное со злости ради самоагрязенія»..

Интересно также, какія рукописи посылались г. Цитовичу. Достойный его врагъ свидѣтельствуеетъ, что «масса поступавшихъ въ редакцію рукописей носила вполне очевидный характеръ поддѣлки подъ консерватизмъ, страшнаго усердія въ средствахъ и способахъ «искорененія крамолы», а одинъ изъ иностранныхъ корреспондентовъ просилъ даже денегъ для поимки очень важнаго политическаго преступника, котораго онъ можетъ выдать головой, а чрезъ него можно узнать всѣ тайны революціонной организаціи. Г. Цитовичъ не читалъ ни газетъ, ни писемъ, ни рукописей, поступавшихъ въ редакцію, и такимъ образомъ избавлялся отъ множества безтолковыхъ недоразумѣній, невольно возбуждавшихъ такіе-же безтолковые упреки».

Въ концѣ-концовъ г. Дьяковъ переходитъ къ послѣдней «щекотливости».

«Мнѣ остается перейти, говоритъ онъ,—къ самому щекотливому предмету — деньгамъ. Ихъ было ассигновано по «смитъ» сто-двадцать-пять тысячъ собственно на изданіе газеты «Берегъ». Не знаю, выговорилъ-ли г. Цитовичъ себѣ еще какой-нибудь гонораръ за то, что оставилъ профессорскую кафедру и цѣлыхъ девять съ половиной мѣсяцевъ спалъ въ Петербургѣ. Вѣроятно, да. Изъ этой-же суммы, въ теченіи семи мѣсяцевъ расходовалось ежемѣсячно около десяти тысячъ, а въ послѣдніе мѣсяцы не расходовалось и пяти. Кромѣ этой суммы, надо взять въ

разсчетъ подписеную сумму—тысячъ девятнадцать. Отъ продажи типографіи получено семь тысячъ. Залогу пять тысячъ. Въ общей сложности у г. Цитовича осталось на память отъ «Берега» тысячъ пятьдесятъ. Повторяю, ни я, ни П. А. Г — ть, никто другой изъ сотрудниковъ никогда даже не заговаривали объ этихъ «остаткахъ» съ г. Цитовичемъ и никакой ответственности за эти деньги брать на себя не можемъ. Я и П. А. Г — ть совѣтовали г. Цитовичу предоставить ликвидировать дѣла «Берега» тѣмъ лицамъ, которыя его учреждали, и г. Цитовичъ въ порывахъ раздраженія соглашался на это, но потомъ перешелъ къ совершенно другому образу дѣйствій, болѣе сообразному съ его наклонностями. Когда въ печати стали появляться весьма не двусмысленные намеки на утайку денегъ, я не однажды обращалъ вниманіе г. Цитовича на необходимость опубликовать всѣ цифры расходовъ по изданію,—онъ и съ этимъ соглашался, а кончилъ тѣмъ, что забралъ денежные книги и держалъ ихъ у себя чуть-ли не подъ подушкой.

Вотъ все, что покуда я нахожу возможнымъ сказать о «Берегѣ».

Слышите-ли — «голосъ тайный» въ этихъ изобличеніяхъ г. Дьякова? Такъ или иначе, а во всякомъ случаѣ вся эта исторія, въ которой «оба хороши», вся эта грызня двухъ единомышленниковъ—представляетъ любопытное и пріятное зрѣлище.

Душите другъ друга... душите лучше!

Откровенный Писатель.

СОДЕРЖАНІЕ ПЕРВОЙ КНИЖКИ.

- Горе побѣжденнымъ. Романъ въ трехъ частяхъ. (Часть первая). *А. Шабельскаго.*
- Въ кабагѣ (изъ Пѣтефи). Стихотвореніе *Мих. Михайлова.*
- Русская община и ея враги. *С. Шапкова.*
- Эндиміонъ. Романъ. *Дизраэли.*
- Преемственность экономическихъ аксіомъ. : *Н. С. Русанова.*
- Изъ „l'Année terrible“ Виктора Гюго. (Гл. IX.) Стихотвореніе. *А. Барыковой.*
- Спартакъ. Историческій романъ. Переводъ съ итальянскаго. (Гл. X.) *Рафаэля Джіованніоли.*
- Картины и эскизы. I. Вечеръ. — II. Ручей. — III. Ночь. — IV. Чижинъ. *Ардова.*

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

- Неразрѣшенные вопросы. (Статья первая). *М. К—а*
- „Коварныя письма“, или русская Magna Charta *S. S.*
- Первые опыты по изслѣдованію поземельной общины. *Л. Личкова.*
- Журнальныя замѣтки. *Ф. Рѣшимова.*
- Внутреннее обозрѣніе. *Н. Ш.*
- Картинки общественной жизни. I. Совѣ въ зимній вечеръ. — II. „Жидъ“, „Ландъ-лордъ“ и „Золотая ручка“. — Гады, пожирающіе самихъ себя. *Откровеннаго Писателя.*

ст

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

3151-856

OCT 1 1970

STANDARD STUDY
CHECKED
CANCELED

Widener Library

3 2044 079 302 493